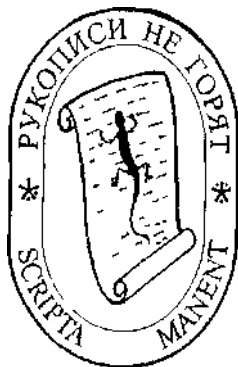

Московский общественный научный фонд существует с 1993 г. как неправительственное, некоммерческое общественное объединение. Задача Фонда - содействие развитию гуманитарного и общественно-политического знания в России и СНГ через поддержку научных исследований в области политологии, социологии, права, экономики и отечественной истории. Фонд осуществляет научно-образовательные программы в интересах укрепления Российской Федерации, распространения идей демократии, свободы и патриотизма и развития взаимовыгодных связей с другими государствами.

Президент
Московского общественного научного фонда
А. В. КОРТУНОВ

*Эмблема
СИ Дудина*

МОСКОВСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ НАУЧНЫЙ
ФОНД

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:
В ПОИСКАХ ПРИОРИТЕТОВ

*Материалы совещаний аналитической группы
при Совете Обороны Российской Федерации*

Москва
1998

Мнения, высказанные в докладах серии, отражают исключительно личные взгляды авторов и не обязательно совпадают с позициями Московского общественного научного фонда.

Книга распространяется бесплатно.

ISBN 5-89554-033-3

© Коллектив авторов, 1998

© Московский общественный научный фонд, 1998

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.

I. ДЕМОКРАТИЯ И РАЗВИТИЕ: В ПОИСКАХ РОССИЙСКОГО ПУТИ

*Стенограмма семинара, организованного Международной
Федерацией мира и согласия и Московским отделением
Российского научного фонда. Москва, 6 апреля
1996г.....7*

II. В ПОИСКАХ СУБЪЕКТА РАЗВИТИЯ

*Стенограмма совещания, проведенного в аппарате Совета
обороны
РФ по вопросам национальной обороны. Москва,
17 сентября
1996г.....Б4*

III. ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

*Стенограмма дискуссии, проведенной Федерацией
мира и согласия. Москва, 26 апреля 1997
г.....73*

IV. О КОНЦЕПЦИИ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ

*Стенограммы двух дискуссий, проведенных Аналитической
группой
Внешнеполитической ассоциации ("Группа Бессмертных").
Москва, 26 марта и 9 апреля 1997г.....
128*

V. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XXI ВЕКА

*Стенограмма дискуссии, проведенной в аппарате
Совета обороны РФ. Москва, 5 мая 1997г.....
155*

VI. МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЕРХДЕРЖАВЫ

*Стенограмма совещания, проведенного в аппарате
Совета обороны РФ. Москва, 22 мая 1997 г.....*

VII. МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЕРХДЕРЖАВЫ — II

*Стенограмма совещания, проведенного в аппарате
Совета обороны РФ. Москва, 13 июня 1997 г.....259*

**VIII. ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОГО
РАЗВИТИЯ В XXI ВЕКЕ**

*Стенограмма совещания аналитической группы
аппарата Совета обороны РФ. Москва, 2 декабря 1997 г..... 313*

IX. РОССИЯ В XXI ВЕКЕ. СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

*Стенограмма совещания, проведенного в аппарате Совета обороны
РФ по проблемам концептуальных основ военной доктрины
Российской Федерации. Москва, 11 декабря 1997г..... 348*

**X. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

*Стенограмма совещания, проведенного в аппарате
Совета обороны РФ. Москва, 23 декабря 1997 г..... 400*

С.Б.Чернышев

РУССКОЕ

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ.....440

СПИСОК УЧАСТНИКОВ ОБСУЖДЕНИЙ487

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга является своего рода

сборником уникальных документов. В него вошли несколько стенограмм заседаний рабочих групп, созданных по инициативе и под эгидой Совета обороны РФ, а также стенограммы заседаний, проходивших в некоторых других независимых организациях, но при активном участии и поддержке Совета обороны. Завершает сборник статья “Русское самоопределение” директора Русского института С.Б.Чернышева, который участвовал в ряде названных обсуждений. Она является логическим, на наш взгляд, дополнением к материалам сборника.

Аналитическая работа является важнейшим условием эффективного решения задач, стоящих перед Россией сегодня. Существенный вклад в эту работу был сделан аппаратом Совета

Составители сборника

I. ДЕМОКРАТИЯ И РАЗВИТИЕ: В ПОИСКАХ РОССИЙСКОГО ПУТИ

*Стенограмма семинара, организованного
Международной Федерацией мира и согласия и Московским
отделением Российского научного фонда Москва, 6 апреля 1996
г.*

С.К.ОЗНОБИЩЕВ: Сегодня мы обсуждаем, на мой взгляд, довольно интересный документ. Это “Концепция демократического развития России”, поводом для создания которой послужил Указ Президента России Б.Н.Ельцина от 4 февраля 1994 г. о разработке “концепции перехода России на модель устойчивого развития”.

Работа над предложенной Вашему вниманию концепцией была начата группой экспертов-методологов под руководством профессора М.В.Раца в рамках открытого конкурса, проводившегося в 1994 году Минприроды России. Затем она продолжалась при участии этой группы экспертов в Комитете по экологии Госдумы, а свою нынешнюю редакцию текст обрел в ходе работы аналитической группы при помощнике по национальной безопасности Президента Российской Федерации под руководством С.В.Кортунова, где прорабатываются вопросы национальной безопасности России. Концепция была опубликована в журнале “Вопросы методологии” (№ 1-2 за 1995 г.); теперь Московское отделение РНФ издало ее отдельной брошюрой, которая, я надеюсь, у всех есть.

Политические и экономические реформы, медленно и с трудом идущие в России, все сильнее волнуют как ученых-специалистов, так и простых граждан, в первую очередь испытывающих на себе их отрицательные последствия. Они все чаще задают себе вопрос: куда и каким путем идет Россия и приведет ли это ее в желаемое многими счастливым будущее?

Естественно, интересуется их и то, почему другим, менее богатым странам, после распада системы социализма удалось в более короткие сроки добиться осязаемых результатов в развитии их экономики и без особых осложнений начать успешно входить в современную мировую систему международных отношений.

Тем не менее прискорбным фактом является, то что при всей важности и необходимости проводимых в России реформ у нее до сих пор не было официально принятой концепции демократического развития. Стремясь восполнить этот пробел, Президент Б.Ельцин 4 февраля 1994 г. подписал Указ о разработке “концепции перехода России на модель устойчивого развития”, которую попыталась разработать группа экспертов, возглавляемая профессором М.Рацом. Учитывая важность этого документа была проведена широкая дискуссия, посвященная его анализу.

Первое слово я предоставляю референту Службы помощников Президента, откуда поступила непосредственная инициатива обсуждения данной работы. Затем выступит руководитель основной группы разработчиков, после чего мы проведем несколько “мини-сессий” — философскую, историческую, правовую, политологическую, экономическую, экологическую, социологическую и по вопросам национальной

безопасности, — в ходе которых выскажутся специалисты из этих областей.

С.В.КОРТУНОВ: Несколько предварительных соображений. Первое. Наша сегодняшняя встреча — явление довольно необычное и вместе с тем весьма примечательное. Впервые обсуждается Целостная концепция демократического развития России. Это значит, что у нас в стране появился спрос на концепции и одновременно имеется предложение подобного рода интеллектуальных продуктов. В России начал формироваться рынок интеллектуальных продуктов. Считаю, что это явный признак духовного возрождения страны, за которым должно последовать и другое возрождение — экономическое, культурное и так далее. Мы свидетели того, что философский корабль, который в 22-м году покинул Россию, возвращается. Об этом говорит не только наш семинар, но и ряд других явлений в общественной жизни страны, например, появление такого замечательного сборника, как трехтомник “Иное”.

Второе соображение. Наш семинар является признаком и того, что Россия осознала необходимость своей самоидентификации. Она ищет свое национальное “я”, как бы “входит в свой размер”. Без решения этой проблемы, очевидно, у нас не может быть осмысленной концепции национальной безопасности, поскольку не будет ясно, что, собственно говоря, защищать, безопасность чего обеспечивать.

Третье соображение. Россия, на мой взгляд, испытывает некий кризис либеральных идей: классический либерализм западного типа отторгается общественным сознанием. И причина здесь не в том, что Россия плоха для либерализма, а в том, что, видимо, с самого начала демократический эксперимент был не совсем правильно поставлен. В философском плане не была решена проблема Т.Гоббса, не был найден адекватный механизм перевода частного интереса в экономическую хозяйственную деятельность.

Любой демократический эксперимент в любой стране должен учитывать национальную цивилизационную специфику. Наладить диалог традиции и прогресса — это одна из концептуальных задач, которую мы все должны решать и которая в результате должна вылиться в поиск соответствующего синтеза универсальных и национальных ценностей. По крайней мере, эту идею мы пытаемся заложить и в концепцию национальной безопасности.

Четвертое соображение. Мы, представители президентских структур, замечаем, что тот идеологический вакуум, который возник после крушения коммунизма в России, заполняется целым рядом весьма сомнительных концепций. Одна из таких концепций — может быть, Вы слышали — концепция “Мертвая вода”, которая тоже связана с развитием и общественной безопасностью России. Для меня совершенно ясно, что эта концепция не является демократической.

Обсуждаемая сегодня концепция русской идеи — демократического развития России — это попытка (может быть, не стопроцентно удачная) заполнить этот вакуум именно демократическим содержанием, предложить своего рода манифест демократических сил.

И последнее соображение. Нам бы хотелось, чтобы такая концепция стала предметом широкого общественного обсуждения, поскольку в конечном счете мы считаем, что концепция развития России и концепция национальной безопасности должны отражать некий общенациональный консенсус, который с трудом, но все-таки складывается в России.

М.В.РАЦ: Наша работа вызвана к жизни тем идейно-ценностным вакуумом, о котором говорил Сергей Владимович, и о котором пишут очень многие. Я вижу три цели нашего сегодняшнего разговора. Во-первых, это критика и проблематизация того, что сделано. Во-вторых — втягивание в работу возможно большего числа участников. В-третьих — по возможности перевод обсуждения всех этих вопросов из социокультурного в идеальный, мыслительный план.

В одном из недавних интервью Ю.М.Батурин высказался в том смысле, что концепция национальной безопасности России должна формироваться исторически; ее нельзя написать в одночасье, хотя вроде бы и надо. Это будет результатом самоидентификации России, которая когда-то случится. То же самое относится и к “позитивной концепции”, сказал бы я в кавычках, отличая ее от концепции национальной безопасности, имея в виду — как частный случай такой возможной “позитивной концепции” — предлагаемую концепцию демократического развития. Очевидно, что к ней могут быть альтернативы и другие взгляды на сей предмет. Но вряд ли рамки национальной безопасности являются достаточными для нашего концептуального представления о будущем России.

Однако из того, что формирование подобного рода концепции есть процесс исторический, вовсе не следует, что надо сидеть и ждать, сложа руки, пока эти концепции сами собой естественным образом появятся. Вот мы и хотели бы внести свой вклад в этот исторический процесс и попытаться со своих позиций заполнить тот концептуальный вакуум, о котором уже говорилось.

При этом мы сознательно делаем шаг назад по отношению к существующим политическим платформам, программам демократических партий и блоков, поскольку эти платформы и программы — уже не концепции. В них сделан второй шаг, а первый и необходимый — шаг концептуализации — пропущен. В этих платформах и программах определяются конкретные ориентиры политики, на уровне которых договориться принципиально невозможно, поскольку эти конкретные ориентиры должны быть разными. Общими могут быть только некоторые основания, рамки, принципы, формы организации работ, которых пока нет.

Инициатива этой работы принадлежит не политикам, а методологам, которые опирались на 40-летний опыт работы Московского методологического кружка. На наш взгляд, за это время интеллектуалам, группировавшимся вокруг бессменного руководителя кружка П.Г.Щедровицкого, удалось создать новую школу мысли, не признававшейся в этом качестве официальной советской наукой, но ставшей как делается все более очевидным, одной из лидирующих во второй половине XX века.

Все это надо иметь в виду, чтобы понимать, откуда взялись используемый нами деятельностный подход и далеко не общепринятая трактовка категории “развития”, насколько тесно они связаны с новейшей историей русской мысли.

Я хотел бы отметить два обстоятельства. Первое и основное состоит в различении социокультурной и идеальной (или мыслительной) действительности, которые в своей сложной связке и соорганизации образуют то, что принято называть реальностью. В социокультурной действительности прошли выборы в Думу, грядут президентские выборы, фигурируют персонажи, известные всем поименно. А вот в идеальной действительности существует та самая новая парадигма, новое мировоззрение, новые подходы, концепции и так далее, о которых все говорят, но которые от этого не появляются. Как с

той самой халвой — сколько про нее ни говори, во рту слаще не станет.

Так вот мы работаем в идеальной действительности не по причине отрыва от жизни. Я, напротив, полагаю, что здесь-то жизнь и начинается. Известному тезису Маркса насчет того, что “бытие определяет сознание, я бы противопоставил теперь уже не менее известный тезис Филиппа Филипповича Преображенского насчет того, что “разруха не в клозетах, а в головах”.

И второе обстоятельство. Мы рассматриваем предлагаемый текст не как завершение работы, а скорее как ее начало, и рассчитываем на активное соучастие в ней представителей других позиций, других точек зрения, в том числе здесь и теперь. В этом, собственно, и состоит основная содержательная установка работы, которую мы хотели бы здесь реализовать в действии, в коммуникации.

Несколько слов, поясняющих довольно странную структуру опубликованного текста. Дело в том, что текст этот возник в связи и по поводу Указа Президента от 4 февраля 1994 г. “О разработке концепции перехода России на модель устойчивого развития”. Наша работа является как бы ответвлением от того, что происходило в связи с этим Указом, в частности, в готовившей ее правительственной комиссии. Так вот. Правительством был указан предельный объем концепции в размере 10 страниц машинописи, и написать эти 10 страниц должны были быть так, чтобы их любой министр мог понять. Отсюда и структура брошюры, в которой после предисловия следует концепция демократического развития России в кратком изложении. Это как бы наша версия тех самых десяти страниц, которые должен понять любой министр и которые в связи с этим в известной мере приобрели идеологический характер. Собственно концептуальное содержание мигрировало в комментарии.

Я еще не видел окончательного варианта концепции, подписанной Президентом. Но, судя по тому, как она готовилась (а в этом процессе мне тоже приходилось принимать участие), видимо, она носит чисто идеологический характер. Думаю, что принципиальных идеологических расхождений между тем, что предлагаем мы, и тем, что он подписал, наверное, нет. А принципиальное различие состоит в том, что помимо идеологии, мы предлагаем некое содержание, которого там нет.

Теперь несколько слов по содержанию. Первое замечание, которое я хотел бы в связи с этим сделать, касается места и функций концепций в системе социотехнических действий или в системе реализации замыслов тех или иных преобразований в обществе. С нашей точки зрения, концепция — это первый шаг, обеспечивающий реализацию замыслов такого рода преобразований. На мой взгляд, проработка замыслов — самое слабое место в России, потому что у нас такой культуры нет, потому что мы привыкли за 70 лет к тому, что все нововведения внедряются напрямую — кувалдой. У нас нет необходимых организационных форм и институтов, нет такой практики, которая получила на Западе наименование “демократия участия”, нет опыта концептуализации, стратегирования, формирования программ и оргпроектов. Отсюда, на мой взгляд, происходят все наши трудности и буксуют наши реформы.

Концепция как результат первой фазы проработки замыслов должна задавать рамки возможных стратегий или возможной политики, в качестве каковых мы предлагаем рамки диалога и права, должна задавать принципы действия, которые перечислены в брошюре. Должна, наконец, задавать основные формы организации и соорганизации работ, в качестве которых мы предлагаем идею политики развития как особой

надпрограммной организации. Это, наверное, наиболее сложный и, с моей точки зрения, содержательный момент всей конструкции.

Потом из концепции вырастают различные стратегии и программы, проекты, которые переводятся в социокультурную действительность и там реализуются.

С другой стороны, и эту линию я бы отделил, концепция может быть и первым шагом к формированию идеологии. Может быть, мы немножко поспешили на своих десяти страницах, но тем не менее эту линию тоже нужно держать в голове, поскольку она тоже очень важна.

Что касается знаменитой новой парадигмы, нового мировоззрения, новых подходов и прочих прелестей, про которые очень модно говорить, то я взял бы на себя смелость утверждать, что мы не говорим про них, а мы их предлагаем. И если говорить очень коротко, то предложение состоит в том, что пора попрощаться с привычной позитивистской или натуралистской установкой, согласно которой можно отдельно обсуждать вопрос о том, как устроен мир, и полагать, что он устроен некоторым вполне определенным образом (а как именно, нам наука объяснит), с одной стороны, и вопрос о том, “что делать?” — с другой. Причем ответ на вопрос “что делать?” предполагается как бы отдельным от вопроса о том, как устроен мир. А третий, на наш взгляд, самый главный вопрос — о том, “как действовать?” — вообще, как правило, не обсуждается на равных правах с двумя первыми. Наша точка зрения состоит в том, что эти три вопроса надо задавать одновременно и отвечать на них параллельно. И тогда ответы становятся принципиально иными, чем те, которые можно было бы получить при раздельном вопрошании. Отсюда, собственно, и проистекает все дальнейшее, но подробнее это вряд ли сейчас можно комментировать.

Третье обстоятельство, на которое мне хотелось бы обратить внимание, касается наших ценностных ориентаций, в которых мы идем несколько дальше идеи открытого общества, демократии, правового государства и рыночного хозяйства; идем далее, учитывая те критические и рефлексивные соображения, которые по этому поводу высказывают самые горячие сторонники открытого общества, например, Джордж Сорос, который пишет о дефиците ценностей и целей открытого общества. Для нас открытое общество — это только первый шаг к развитию или первый шаг развития, которое опять же трактуется не согласно решению конференции в Рио-де-Жанейро, а совсем иным образом: в оппозиции, во-первых, к функционированию, во-вторых, к росту (и в этом мы с Рио-де-Жанейро не расходимся), но в-третьих — в оппозиции к естественной эволюции, и вот здесь имеется принципиальное расхождение со сторонниками концепции так называемого “устойчивого развития”, “коэволюции общества и природы” и так далее. Идея и ценность развития являются для нас важнейшей ценностью, в рамках которой мы рассматривали бы все остальное, в том числе и формирование открытого общества.

Наконец, несколько слов о политике развития, которую мы противопоставляем господствующей сейчас политике интересов. Противопоставление это проводится по трем линиям.

Во-первых, по ценностной ориентации; во-вторых, по преобладающим формам организации; наконец, по используемым при этом средствам. Что касается ценностных ориентаций, то для господствующих ныне политических отношений характерно преследование и ценность собственных интересов каждого субъекта политики, причем интересы эти формируются и выражаются главным образом на уровне “превращенных форм”, если пользоваться терминологией Маркса. В противоположность

этому политика развития в качестве основной ценности имеет идею развития, которая отнюдь не исключает собственных интересов каждого из субъектов политической деятельности, но при этом акцент переносится с превращенных форм на развитие средств собственного мышления и деятельности.

Это в корне меняет все дальнейшее, а частности, переводя господствующие формы организации политической деятельности из, по сути дела, монологических, хотя и имеющих форму переговоров или форму диалога (псевдоформу, сказал бы я) к подлинному диалогу: от задачной организации мышления, когда мы апеллируем к уже имеющимся наличным средствам решения задач, к проблемной организации, которая предполагает, что готовых средств у нас нет, эти средства еще необходимо разрабатывать для того, чтобы решить возникающие перед нами проблемы. Соответственно, если в политике интересов в качестве средств используется силовое противостояние и достижение компромиссов, то в политике развития основным средством является проблематизация и решение проблем, а компромиссы рассматриваются только как временное средство, дающее нам время для того, чтобы разработать необходимые средства и решить встающие перед нами проблемы.

В заключение хотел бы повторить еще раз, что для нас сегодняшняя дискуссия не только и не столько обсуждение уже проделанной работы, сколько ее продолжение и развертывание. Авторы работы и ее критики, по нашему замыслу, могут и должны стать соавторами следующей версии этой концепции.

А.Ю.МЕЛЬВИЛЬ: Нам в Федерации показалось, что совместно с Российским научным фондом мы могли бы попробовать начать более широкое обсуждение тех проблем, которые затрагиваются в предложенном тексте. Мне кажется, самое малое, что мы могли бы сегодня сделать — это обсудить текст брошюры. У меня по этому тексту есть несколько соображений.

Первое связано с теми потребностями, общественными и интеллектуальными, в связи с которыми данный текст появился. Говорилось, и совершенно правильно, о попытке ответить на ценностный идеологический и идейный вакуум, который возник после крушения одной идеологической системы при отсутствии в этой ситуации того набора идей, который достаточно плавно, органично заменил бы разрушенную систему. Потребность безусловно существует. Наверное, нам нужно обсудить не только то, в какой мере предложенный текст отвечает этой потребности, но и то, в каком направлении дальше двигаться: может быть, не обязательно разрабатывая новую версию этого текста, а используя этот текст как повод к дальнейшему размышлению.

Второе соображение связано с названием брошюры и с темой, которая встречается два-три раза в тексте. Я говорю о русской идее. В целом ряде мест содержится тезис о том, что эта концепция есть попытка предложить современную русскую идею на сегодняшнем этапе развития страны, развития общества — определить русский путь после крушения тоталитаризма. У меня это вызывает смешанное ощущение, поскольку я абсолютно эмоционально и интеллектуально согласен с тем, что это одна из ключевых проблем нашей сегодняшней идейной и общественной жизни, но отвечает ли этот текст данной потребности — потребности переосмысления модификации русской идеи? Честно скажу — не уверен. Мне внутренне трудно принять тезис о том, что модифицированная идея развития, во-первых, созвучна духу русской философии. И, во-вторых, может стать основой для формирования новой русской идеи. Я просто боюсь, что идея развития, трактуемая в таком ключе, может не выдержать

испытания и стать еще одним проектом построения светлого будущего, минуя капитализм, минуя те фазы, которые другие общества как-то проходили.

Третье ощущение, которое у меня возникает, — что попытка увязать проблему демократической трансформации общества с новыми ценностными ориентирами, которые задает вроде бы идея устойчивого развития, — это замысел интересный и полезный, но рано или поздно мы будем вынуждены перейти на другой уровень анализа и говорить уже о собственно демократической трансформации. Мы должны будем сформулировать именно демократическую концепцию в более политологическом ее преломлении.

Четвертое соображение. Мне очень по душе разделы и абзацы, которые связаны с проблемой того, что С.Кортунов называл “субъектностью России”, то, что авторы называют “поиски “я”, “поиском идентичности”, “самоопределения России”. Округляя проблему, я бы даже формулировал ее так: а может ли традиционное, старое представление о России как территории уживаться с новым представлением о политической форме ее организации — демократии, и не окажемся ли мы рано или поздно в какой-то ситуации, когда придется что-то воспринимать как более важное? Говоря о русской идее и поиске идентичности, я не совсем убежден, что предложенный текст дает полные ответы на эту абсолютно реальную проблему, реальную общественную и интеллектуальную потребность.

Пятое соображение связано с механизмами реализации концепции. В брошюре есть даже соответствующий раздел, но у меня возникло ощущение (может быть, неправильное), что авторы концепции этот вопрос выносят за скобку, и этим вопросом должны заниматься другие люди, которые придут после или будут заниматься другим делом. У меня большое опасение, что авторы воспринимают окружающую реальность как некий мыслительный пластилин, из которого можно вылепить все, что угодно. Мой личный опыт бытового консерватора убеждает меня в обратном — что реальность не так пластична. Сила мысли, увы, зачастую наталкивается на совершенно другие непреодолимые препятствия и проблемы. Иными словами, мне кажется, что рано или поздно нужно будет поставить вопрос о конкретном агенте, носителе этих идей.

Завершая, я хочу поздравить авторов данной концепции с тем, что они нащупали очень много совершенно реальных проблем и заложили основы для той дискуссии, которая, надеюсь, будет продолжаться.

Андрей В.ЗАГОРСКИЙ: У меня очень короткий комментарий. Прежде всего я хотел бы отметить совершенно справедливую констатацию отсутствия концептуального мышления, прежде всего у политиков. Хотя сразу оговорюсь, что концептуальное мышление, к сожалению, отсутствует не только у наших политиков, но и у политиков практически всех стран современного мира.

Центральный вопрос: какие цели мы ставим перед нашим сегодняшним обсуждением? Если мы хотим обсуждать методологический подход как таковой, то, наверное, его можно обсудить, хотя я здесь считаю себя немножко менее компетентным человеком. Если же мы имеем в виду постараться совершить переход от методологии к какой-то более конкретной работе по содержательным аспектам концепции национальной безопасности России, то у меня три критических замечания, сомнения в связи с тем, что мы можем получить в рамках начатой работы.

Первое, как мне представляется, такого рода текст, при всем моем уважении к его содержанию, политику не нужен. Политик не мыслит такими категориями. Это не его функция. И политик не читает такого рода тексты. Я по личному опыту могу сказать, что мои советы, рекомендации, предложения проходили гораздо легче, гораздо проще, когда я всю методологическую часть прятал полностью, и вообще не показывал, как я пришел к тем или другим выводам. Я просто излагал в голом виде результаты и давал предложения. С единственной оговоркой: я предлагаю вам концепцию (это предполагает ее определенную целостность), и либо вы принимаете концепцию, и мы работаем с ней дальше, либо вы не берете ни слова из нее. Потому что если вы одну вещь выдерните из концепции, вне контекста концепции, у вас итог может получиться прямо противоположным. Не ругайте меня, если вы получите прямо противоположный результат. Единственная оговорка. Это не значит, что мне методология не нужна и не важна. Для меня важна, но я ее прячу от практиков. Потому что как только я покажу практику и расскажу, как я пришел к таким выводам, мне практик сразу перестанет доверять. По личному опыту это проверено очень хорошо.

Второй вопрос. Можно долго спорить о методологии. Но методология важна и полезна в том случае, когда она дает нам возможность прийти к определенным эвристическим результатам. Вот когда мы получим конкретную концепцию, когда сможем ознакомиться с тем, что предлагается, тогда мы сможем оценивать результат работы на основе этой методологии. Поэтому пока в практическом смысле разговор здесь вести, мне кажется, рано.

И последнее мое замечание. Оно касается проблемного подхода, который широко распространен в разных сферах человеческой деятельности. С моей точки зрения, проблемный подход предполагает оптимизацию и процесса принятия решения, и самих принимаемых решений, то есть предполагает переход от идеи компромисса, о которой здесь говорилось, к идее решения проблемы, что в науке звучит прекрасно, но, к сожалению, к сфере политики, с моей точки зрения, он не применим. Если бы авторы смогли показать, как это можно сделать в политике, то это было бы, наверное, гениальным достижением, заслуживающим Нобелевской премии. Пока, к сожалению, политика — не только российская, но и в любой части света — показывает, что это не та процедура, не тот подход, с помощью которого принимаются политические решения. Решения в сфере политики являются результатом торга или компромисса между сторонами, участвующими в политическом процессе. Для того, чтобы мы перешли от торга к решению проблем, нам нужно изменить суть политики. Пока мы этого, к сожалению, не изменили.

Э.Я.БАТАЛОВ: Мои впечатления вкратце таковы.

Первое. Русская интеллигенция всегда чувствовала себя и находилась в двойственном отношении к политике. С одной стороны, она хотела быть вне политики, над политикой. И вместе с тем ей очень хотелось в эту политику совершить вхождение и реализовать свои идеи в политике. Вот и здесь четко присутствует установка на внедрение определенной научной концепции или версии концепции в политику. Но мне кажется, что эта установка, если хотите, в каком-то смысле утопична. Я бы (это не рекомендация, а впечатление), исходил из иного. Мне кажется, что для реализации этой концепции оптимальной была бы идея формирования определенных установок и определенного менталитета политиков. Вот, собственно говоря, все, что мы можем сделать. Повторяю: не сформировать определенную

политическую парадигму, не положить эту концепцию в основу определенного политического проекта, а каким-то образом повлиять на установки и менталитет тех, кто принимает политические решения.

Второе. Мне хотелось бы сказать несколько слов о принципах, которые постулированы в концепция развития России. Мне приятно было увидеть старый протагоровский тезис о том, что “человек есть мера всех вещей”. Но я не очень согласен с тем, что определяющее значение имеет мышление человека, а негативные явления социального, экономического и экологического порядка суть только следствия и результаты наших недостаточно продуманных и не обеспеченных решений. Мне кажется, что здесь мы имеем следы некоего наивного рационализма.

Мне трудно согласиться с тезисом о том, что следует не только различать, но и противопоставлять развитие и функционирование, развитие и естественную эволюцию. Мы никуда не уйдем от того, что развитие и естественную эволюцию. Мы никуда не уйдем от того, что развитие есть естественный исторический процесс, в котором есть две стороны, одна из которых не может быть оторвана от другой. “Устойчивым может быть только такое развитие, — читаем мы в тексте, — которое не разрушает сложившиеся в стране механизмы функционирования воспроизводства этих систем, а накладывается и идет как бы поверх их, по возможности плавно их реформируя”. Конечно, с точки зрения политической этот тезис, может быть, и выигрывает, но с точки зрения философской и методологической он представляется не вполне корректным, ибо любое развитие не может не быть сопряжено с процессом разрушения.

И последнее. Нам, очевидно, следует всерьез задуматься над вопросом, который здесь не только не ставится, но и представляется авторам очевидным. А именно, что существует созвучие идей развития традициям и духу россиян, что создает благоприятные условия для их воплощения в России. Для меня это один из фундаментальных — и методологических, и теоретических, и политических — вопросов, ответ на который мы не должны постулировать в самом начале концепции, а должны попытаться ответить на него в итоге всего нашего исследования.

Я выделил бы в концепции три уровня, и эти уровни несколько переплетаются. И наша дискуссия, может быть, могла бы быть о проблемах какого-то одного уровня. Первый уровень проблемы создания на территории России, с ее несметными природными запасами, с богатой биосферой, цивилизации будущих поколений. Такие проблески здесь проходят, эта задача стоит, она изложена и в учении Вернадского. Вторая задача — это текущая тактика и стратегия. Объединение демократических сил, о чем мы все сейчас говорим. И третье — практические задачи, вроде того, что принимаются новые законы и указы, которые не находят механизмов реализации.

В.Е.ГУЛИЕВ: Простите меня, уважаемые авторы, для меня ознакомление с этим текстом было непростым занятием. Я многое почерпнул в плане методологии, мышления, познания, дискуссии, и рассматриваю этот труд как не бесполезное упражнение в философии и методологии. Но никакого практического выхода здесь пока не видно. Мы с вами имеем здесь квинтэссенцию ультранационалистического мышления, социальной инженерии или проектирования. Авторы исходят из того, что в социальной, общественной солидарности все, наконец, поймут, как важно быть серьезным, умным, рационально организованным и создадут “общество — идеал”.

Между прочим, методологическая квинтэссенция всякого коммунизма: научного, утопического (научный тоже оказался утопическим, но с более страшными последствиями) — состоит как раз в том, что все должны понять пользу от того, что нужно организовать общество именно таким образом. Естественная эволюция общества отринута, а вместо этого — искусственное проектирование, конструирование, поставленное во главу угла и сделанное практической задачей колоссальной силы государства, или партии и государства.

Не желаю никоим образом бросить тень на авторов, это серьезные ученые-исследователи, но в то время, когда страна находится в самом начале посттоталитарного переходного периода, они проповедуют какие-то утопические идеи, если не фантастические.

Даже в самом названии работы чувствуется философско-методологическое, идеалистическое пренебрежение реальностью. С каких пор и почему демократия — это русская идея? Когда и где демократические институты были доминирующими в истории России? Авторитаризм. Тысячи лет авторитаризма.

Мне кажется, что неприживаемость свободы и демократии в нашей стране — вот суровая реальность. Это не значит, что не было подвижников демократии, борцов за демократию. Все это было. Но я говорю о реальных институтах: власти, права, закона, государства. Этого-то и не было, кроме периода с марта по октябрь 17-го года и, пожалуй, последних четырех-пяти лет со всеми “усушками-утрусками”, что свойственно нашей крайне несовершенной демократической системе.

М.Т.ОЙЗЕРМАН: Мне кажется, что наши уважаемые оппоненты не всегда адекватно воспринимают принципы, заложенные в нашу работу; наверно, отчасти это вина авторов, недостаточно расставивших в тексте акценты. Так, уважаемый Владимир Евгеньевич вначале сказал, что это работа чисто утопическая, потом — что она предельно рациональная, потом — что она идеалистическая. Мне трудно это совместить. Действительно, наш подход связан с “искусственным отношением” к миру, в котором мы действуем. Точнее, мир полагается “искусственно естественным”, т.е. живущим по своим законам (природы, общества), но мы смотрим на него сквозь призму собственной деятельности. Здесь нет никакого “утопического рационализма”, — это прежде всего означает ответственность деятеля за собственную деятельность, его внимание к методам и средствам собственной работы, а значит, и к ее результатам.

Что касается вопроса о “русской идее”, то в работе именно ставится вопрос: может ли стать идея демократического развития новой русской идеей? Речь никоим образом не идет о традиционном “Впендюировании” очередного типа русской идеи.

М.В.РАЦ: Поскольку первая часть нашего обсуждения была объявлена как философская, я хочу подчеркнуть, что исповедуемый нами “системомыследеятельностный” подход (мы не стали перегружать эту брошюру такой сложной терминологией) явился порождением русской философской мысли, Московского методологического кружка — московского, а не нью-йоркского и не берлинского. Речь идет о том, чтобы попробовать использовать при формировании современной русской политики достижения современной русской мысли.

Что касается интересного противопоставления территории и демократии в вопросе о самоидентификации России, то мы не случайно в книжке про политику развития

многokrатно ссылаемся на мысль Вацлава Гавела, которая представляется мне одной из самых глубоких мыслей, высказанных во второй половине XX века. Мысль эта состоит в том, что понятие Родины задается не одной какой-нибудь рамочкой — географической, хозяйственной, культурной, конфессиональной, национальной и так далее, а обязательно множеством этих рамок. Как только мы начинаем выпячивать одну из них — территорию, демократию, национальность или что-нибудь еще, так сразу начинаются беды, несчастья и войны.

Очень странное прозвучало высказывание насчет того, что проблемная организация работ связаны каким-то образом с оптимизацией и потому в политике не применима в принципе. Я категорически утверждаю, что между проблемной организацией мышления и проблематизацией, с одной стороны, научной оптимизацией — с другой, нет ровно ничего общего. Либо проблематизация, либо оптимизация. Вещи эти несоизмеримы и несопоставимы в принципе.

Очень интересной мне показалась мысль об отсутствии связи предлагаемой концепции с практикой, в том числе со стратегией или концепцией национальной безопасности. Я утверждаю, что из предлагаемого нового подхода следует принципиально новое решение вопросов обеспечения безопасности вообще, по принципу. В разработанной нами общей “Концепции обеспечения безопасности” утверждается, что никаких опасностей нет. Опасность — это такой же миф, как флогистон и эфир. Есть недоработки в нашем собственном мышлении и в нашей собственной деятельности, которые мы проецируем во внешний мир, называя опасными такие ситуации, где нам недостает методов и средств собственной работы.

С.И.ЛУНЕВ: Как историк хотел бы сказать, что данная концепция может быть несколько запоздала, но в то же время где-то и опередила события. В течение тысячелетий, даже больше, исторический путь России — это путь расширения, экстенсивного развития и принесения соседним народам идеи равенства и свободы, как они понимались и трактовались. Но конец 80-х годов — это совершенно уникальный пример в истории России, когда граждане России сами решили как бы самоограничиться. Уже практически все забыли, что развал Советского Союза — это было решение российского руководства, подготовленное изменениями, трансформацией сознания российских граждан. И в этом плане конечно хорошо было бы, если бы подобная объединяющая концепция появилась тогда.

Сейчас же, когда практически 80 процентов населения живет в состоянии либо нужды, либо бедности, практически очень трудно говорить о существовании среднего класса, этом становом хребте гражданского общества, демократии. Именно наличие такого количества бедных людей представляет главную угрозу национальной безопасности. Очевидно, после решения этой первоочередной задачи (а иначе, действительно, может произойти прекращение “демократического эксперимента” и страна опять будет отброшена на десятилетия, на сотни лет назад) можно будет уже говорить об инвестировании человеку очень интересной программы, которую предлагают автора этого доклада: наука и непрерывное образование, поддержка высокотехнологичных отраслей, становление собственника и т.д. и т.п.

Я согласен с В.Б.Гулиевым по поводу того, что главное — эволюция. Эволюция, а не революция. И Солженицын об этом говорил, и исторический опыт показывает. Вспомним вторую половину XIX века, может быть, золотой век развития России: шло необыкновенно быстрое, ускоренное, но достаточно

эволюционное развитие. Потом же начались революционные попытки, связанные, например, с той же реформой Столыпина. Столыпина очень сейчас возносят на пьедестал почета, но никто не думает, что именно реформы Столыпина привели к люмпенизации крестьянства, к маргинализации общества, к выплеску населения в большие города и, в конечном итоге, к Октябрьской революции.

Г.А.ТРОФИМЕНКО: Мы обсуждаем философскую концепцию демократического развития России, которая должна стать преамбулой к документу о национальной безопасности. Если говорить о самой концепции, то мне этот документ очень нравится. Это очень новаторский документ. И на меня производят большое впечатление многие новые подходы, которые в этом документе изложены. Но если говорить о его использовании, то здесь надо подходить более конкретно, выделив наиболее важные, концептуальные моменты, которые дают возможность перейти к конкретным, совершенно прагматическим соображениям национальной безопасности. И здесь важнее авторский комментарий к концепции, потому что первая часть написана (не хочу оскорбить авторов, мне очень нравится документ) как своего рода катехизис, но не коммунизма, а новой социальной идеи. А он может быть другим. А комментарий написан более приземленным языком, и его бы я взял за основу и добавил какие-то моменты из первого катехизиса для того, чтобы превратить его в документ, который нужен для президентских структур.

С чем трудно согласиться? Трудно согласиться с первой фразой брошюры: "...К концу XX века Россия освободилась от гнета тоталитарной системы". В России происходит так называемый демократический эксперимент, который осуществляется на практике тоталитарными методами Президента, наделенного чрезвычайными диктаторскими полномочиями и все той же элитой, которая вышла из тоталитаризма и полностью ориентирована на тоталитарное мышление и власть над народом, а народ тоже жаждет власти отца спасителя, освободителя и так далее. Вот что мы имеем.

Но мы хотим иметь другую идею. К авторы ставят вопрос о том, не что делать, а как делать. Но вопрос о том, как делать, это и есть вопрос демократии. Демократия как раз и отвечает на вопрос: "как"? "Что?" — может написать и тоталитарная власть, и другая власть. Но "как?" Это "как" и надо и как-то разъяснить в этом комментарии. Само описание осуществления этой идеи, в том числе в сфере безопасности, должно вести мысль к тому, что это должно осуществляться именно способами демократическими, то есть с участием народа. Это должно пронизывать всю работу насквозь.

И последнее. Как правильно заметил один из выступавших, "русская идея" — идея абсолютно авторитарная, идея великодержавная и так далее. Но, с другой стороны, все-таки нельзя отбрасывать русскую идею, потому что это есть элемент нашего национального самосознания. Но как соединить потенциальную демократию с русской идеей? И можно ли? Для проекта, прогноза, для плана соединить можно. В русской идее есть много элементов, которые вписываются или должны вписываться в наше новое мироощущение: гуманитарность, коллективизм, духовность, сплав многих культур, которые русский народ в течение многих веков осуществлял и который сейчас распадается, разрушается национализмом. Но русская идея как раз в этом и заключается.

В.П.СТУПИШИН: Мне кажется, что поиск русской идентичности, которым мы здесь занимаемся и занимаются многие на страницах нашей печати, проходит все-таки через восстановление исторической памяти, которая была отброшена, порушена с 17-го года, и в течение всего прошедшего периода нашей последней истории нам все навязывается как раз именно то самое, с чем мы не хотим согласиться, и навязывается таким образом, что мы сами уверовали в то, что путь русского народа — это коллективизм, соборность. Вся эта коммунистическая идеология и уселась на шею русскому мужику. Но русскому человеку присуще очень многое из того, что присуще западному человеку, и великоросс, как говорил В.О.Ключевский, а он был человек наблюдательный, лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает к дружному действию общими силами.

И если посмотреть на всю нашу историю, то мы можем наблюдать, что тяготение русской государственности, русского общества к Западу было перманентным. Вовсе не “евразийство” доминировало в нашей истории, как пытаются нам навязать некоторые — и пантюркистские историки и политики, и русские люди, поверившие в это, — а скорее всего направленность в сторону Европы.

А русская идея связана с православием, с христианством. Откуда оно пришло? И через браки, и через обращение к литературе, к западной философии, и через реформы Петра Великого и Александра II Россия все-таки тяготела и двигалась как раз к тому самому гражданскому обществу и к правовому государству.

Но когда мы говорим о правовом государстве, нам надо не забывать, что мы говорим о демократическом правовом государстве. Не о государстве, которое само себя ограничивает, а о государстве, которое подчинено гражданскому обществу. Гражданское общество само себя ограничивает — и не просто правом, а естественным правом; вот я к чему клоню. Я считаю, что мы нуждаемся в возрождении теории естественного права. Кстати говоря, это тоже одно из достижений русской правовой мысли.

Мне кажется, что это направление, к сожалению, у нас не разрабатывалось. Бросили идею “правого государства” с партийных трибун где-то в 88-м или 89-м году, заговорили о верховенстве закона и на том закрыли дискуссию. Была сделана попытка вспомнить о естественном праве, но эту попытку подхватил, на мой взгляд (может быть, юристы меня поправят), один Сергей Сергеевич Алексеев. Подхватил, повторил несколько раз то, что уже было до него напечатано, и заглох в 93-м году, когда занялся апологетикой того самого проекта Конституции, которую мы имеем счастье сейчас иметь. Это очень жаль, потому что одному человеку всего этого не поднять: это колоссальный пласт. Основывается это все и на вековых традициях, и на высокой нравственности.

Я не претендую на то, что естественное право заменит все идеологии и все концепции. Но оно должно стать неотъемлемым компонентом новой концепции, новой мысли, которая повела бы людей и к возрождению русской нации. Об этом тоже надо говорить: русскую нацию крушили, как многие другие, на протяжении последних 80-ти лет. Возрождение естественного права, воссоздание общей теории естественного права — это один, на мой взгляд, из ответов на вопрос: “как”? Но для этого нужна работа коллектива — и юристов, и философов, наверное, и историков.

С.В.ЧУГРОВ: Брошюра замечательная со многих сторон. Я первый раз интеллектуально “икнул”, когда прочитал первые два слова — ”русская идея”. И сразу же подумалось: “Господи, неужели продолжение того же самого мессианизма, сто раз перепетого?”

Потом увидел совершенно замечательный парадокс: “Русская идея — демократическое развитие России”. То есть как бы мы заменяем, отбрасывая здесь мессианизм, отбрасывая весь шлейф наших коллективистских мифов, как бы ставим знак равенства. И тогда получается очень интересная идея — давайте поставим знак равенства и тогда это будет тот самый парадокс, который послужит, так сказать, отправной точкой и конечной целью всего исследования. Возьмите братьев Карамазовых. Что, Дмитрий — это нерусский человек? Алеша — это что, нерусский человек? Оба противоположных типа существуют в одной культуре, принадлежат ей. В нашей культуре, безусловно, есть потребность в демократии, репрезентативной системе, то есть системе участия. И в то же время есть какой-то якорь, какой-то камень, который действительно несет несколько другую тенденцию, не скажу, что плохую, но это тоже часть русской культуры, русского характера. Я вижу сверхзадачу в том, чтобы как-то совместить эти полярные тенденции и найти общие знаменатели.

Продолжение парадокса заголовков я вижу в парадоксе сегодняшних рецензентов. Допустим, многие говорят, что у нас нет институтов, у нас нет демократии участия. Позвольте! Да, мы все внедряем кувалдой. М.Т.Ойзерман замечательный термин употребил, без всякой иронии говорю, — “впендюривание”. Вот эта наша российская замечательная склонность к впендюриванию — не мешает ли она нам здесь, в данном случае? Я хочу выделить противоречие между уже существующими у нас демократическими институтами и нашей политической культурой.

На шестой странице брошюры написано: “Недопустимо медленное формируются структуры гражданского общества, сохраняется перелицованная административная система отчуждения народа от власти”. Я осмелюсь утверждать, и довольно категорически, что институты у нас все-таки есть. Во-первых, такая основа гражданского общества, как свободная пресса. Второе — свободные выборы. Все-таки, со всеми скидками они же свободные. Многопартийность. Простите, 43 партии в списке! Пусть это тоже, как говорят, извращения, но все-таки это реальная многопартийность. Далее, формальное разделение властей. Да, Президент в каком-то случае считает, что можно и танк послать. Это, конечно, все прискорбно. Но попытка проводить целенаправленную линию на разделение властей все-таки есть. Значит, дело не только в институтах при всем их несовершенстве. Несмотря на внедрение институтов в нашем обществе, мы видим, что они не работают. Может быть дело не в институтах, а в политической культуре.

Я вижу три основные направления исследования политической культуры. Первая — это гражданское общество, естественно. Давайте возьмем какие-то прорывы к партисипативности, к демократии участия. Можно начать с такого эмбрионального примера, как Псков, Новгород. Возьмите все развитие России с 1861-го года. Вспомните казачий круг (своеобразная форма, но все-таки демократическая), наше земство. Опять-таки все это было довольно слабо. Земства были предметом насмешек. Это был замечательный росток, который не смог развиваться в полнокровную демократию. Второе — это отношение к закону, уважение к закону или неуважение к закону. Тут опять-таки дуализм русской культуры. Возьмите Петра

Первого, который, приехав на Британский флот, попросил, чтобы ему показали, как плеткой с шестью хвостами стегают матросов. Капитан сказал ему, что у него нет матроса, которого надо наказывать, и Петр не мог понять — как это он, суверен такого государства, не может посмотреть, как все-таки наказывают. Вот это петровское непонимание сидит в нас до сих пор. Но тот же Петр Первый делал попытку прорыва к европейской системе законности. А что у нас произошло рядом с “Белым домом” в 93-м году? Примерно то же самое. То есть, понимаете, закон не является для нас мерилом поступков. Это мы все знаем, это юристы лучше меня объяснят. Воспитательная задача и группы авторов, и всех нас, и интеллигенции — все-таки постепенно, понемногу внедрять понимание, что такое закон, и как его нужно исполнять. И третье — это такой своеобразный феномен, как наш страх перед хаосом, который превышает страх перед авторитаризмом. А вот здесь уже самое глубокое противоречие российской политической культуры. Кто проголосовал за Жириновского и в какой-то степени за коммунистов во время выборов? Это отдаленные от центра районы — Сахалин, Псковская область, Белгородская, Ставрополье — пограничные районы, которые, наверное боятся рассыпания России. А вот страх того, что наступит авторитарный режим, как-то меньше, чем страх перед хаосом, который ассоциируется с демократией. Аргумент спорный, конечно, тут можно очень много дискутировать, у меня нет времени давать примеры.

Во всяком случае моя цель в данном случае — показать, что нельзя ставить клеймо на русских. Все время было стремление к общественному развитию.

И последнее, в двух словах, чисто конкретное предложение. Какова наша роль и вообще какова роль российской интеллигенции? Мне кажется, не только и не столько в том, чтобы подсказать властям предрешающим, как надо действовать и какие институты надо в какой цвет покрасить, а пожалуй, все-таки в очень трудной, мутной, тяжелой задаче воспитания какого-то национального сознания со всеми его зигзагами. Это не призыв идти в народ, но все-таки этого не хватает в обсуждаемой программе. И здесь нужно, чтобы каждый, кто имеет какую-то возможность пропаганды идей, заложенных в брошюру (а там, я уверен, есть очень многое по душе каждому, при всем различии наших точек зрения), подумать, как можно максимально широко об этом сказать — обращаясь или к элитам, или, наоборот, к крестьянам дальних деревень Белгородской области или Сахалина. Это будет уже конкретным вкладом. И пусть даже сейчас раунд будет проигран, но надо готовить следующий. И пусть следующий раунд пройдет на уже другом уровне.

С.В.КОРТУНОВ: У меня, как у политика очень краткий комментарий. Он связан с поднятой здесь темой о разрыве между политиками и мыслителями.

Мне кажется, что грош цена тем политикам, которые не опираются в своих решениях на экспертизу умных людей, интеллектуалов, мыслителей. Здесь А.В.Загорский говорил, в частности, что политик не мыслит такими категориями, которые содержатся в представленном документе. Это, наверное, говорит именно о качестве политиков. В любой цивилизованной стране политики опираются на методологические разработки, на теоретические разработки.

Если говорить об обсуждаемом документе (Г.А.Трофименко поднял этот вопрос), то я хотел бы внести ясность. Конечно, это не президентский документ. Это скорее философская концепция. Президентским документом будет

концепция национальной безопасности, которую, как я надеюсь, мы с вами обсудим. Президент дал санкцию на ее широкое общественное обсуждение, и это правильно.

Что же касается обсуждаемого сегодня документа, то, я думаю, что он в достаточно начальном, эмбриональном виде (хотя это и целостная концепция) ставит целью выработать широкий общенациональный консенсус по поводу стратегии развития страны. Если для выработки этого консенсуса нам потребуется еще год, то будем работать еще год, потребуется пять-десять лет — будем работать пять-десять лет. Но эта работа мыслится в форме активного повседневного диалога между политиками и мыслителями. В целом, мне кажется, что рассматриваемая работа — первая уникальная попытка внести определенную ясность в постановку проблемы развития. И не только внести ясность, но и дать первый зачаточный вариант решения этой проблемы.

А.А.КОНОВАЛОВ: Мне кажется, что сейчас есть очень острая практическая политическая потребность в работах такого рода в связи с образовавшимся вакуумом целей и задач, которые общество должно перед собой ставить. Это очень хорошо показали парламентские выборы 95-го года. При всем обилии партий, течений, движений, лидеров и фигур на самом деле игралось всего четыре набора ценностей, которые предлагались на политическом рынке избирателю,

Первый набор ценностей (я условно называю) — социальная справедливость или социальное равенство. Эту карту играли прежде всего коммунисты. Второй набор ценностей я условно называю “держава” или “стремление к восстановлению великого государства”. Третья, достаточно новая для российского общества — идея или ценность общественной стабильности, “нереволюции”, — поддержание того, что есть, эволюционное русло развития. Здесь попытался играть Черномырдин и здесь, кстати, наиболее ярко, выразилось отсутствие среднего класса в нашем обществе. Это действительно очень серьезное качество, с которым мы имеем дело. И, наконец, последнее. Традиционные западные демократические ценности — те самые права человека, права индивидуума и отношения между индивидуумом и государством, которые связывают с традиционным понятием “западной демократии” и которые, к сожалению, набрали менее всего (в относительном плане) голосов.

Явно есть потребность в некоторой идее, которая могла бы объединить очень большое количество людей, в некоторой постановке задачи, которая не сводится только к этим трем-четырем перечисленным вариантам, а которая, возможно, синтезирована бы что-то лучшее.

Поэтому, во-первых, еще раз хочу сказать, что идея достаточно хороша для того, чтобы служить отправной точкой для дальнейшей работы. Она очень вовремя появляется. Но я думаю, что дальнейшую работу не надо сводить, скажем, к ежегодным отчетам какой-то рабочей группы или семинара. Надо как раз думать больше всего о ее практических приложениях. И в практической политике, и в практической экономике. А для этого, во всяком случае в практической политике, мы сейчас работаем над концепцией национальной безопасности, которая тоже будет не догмой навечно, а одной из форм реализации этой самой идеи. Там будут вещи достаточно банальные, на первый взгляд. Скажем, то, что (сегодня это очевидно всем) основные угрозы нашей безопасности исходят не извне нашей страны, а изнутри ее. Они связаны с нерешенностью экономических проблем, нерешенностью социальных проблем, политической

нестабильностью, отсутствием тех самых государственных институтов, о которых мы говорили.

Естественно, национальный интерес — это стабильное развитие российского общества, обеспечение прав и свобод личности, которое должно быть поставлено в центр усилий и общества, и государства. Необходимость правильной концепции, когда на первом месте стоит безопасность личности, потом безопасность общества и только за тем безопасность государства — вещь, достаточно много раз повторявшаяся. И для России, где всегда государство было — все, а индивидуум и личность играли весьма вспомогательную, “винтичную” функцию, это вещь нетрадиционная.

Первое, что очевидно среди угроз во вне. Наши интересы сегодня формируются прежде всего в странах — республиках бывшего Советского Союза. Это первый круг наших национальных интересов, и они выходят на куда более важный план, чем отношения, скажем, в области безопасности с нашими бывшими оппонентами на Западе.

Затем надо будет сформулировать три направления будущих угроз, или одно из них будет связано с юго-западом, другое с югом и третье — с востоком и Дальним Востоком. Над этим активно работает, в частности, Сергей Вадимович Картунов. И определить, где у России могут быть союзники, кто сегодня может быть отнесен к числу друзей России. Мы, кстати, в основных положениях военной доктрины уже неоднократно упоминали, что в случае нападения на российскую территорию или в случае нападения на наших союзников, мы даже резервируем за собой право принять первыми ядерное оружие. Но никто нигде не сказал — а кто есть сегодня союзники России и кто собирается быть союзниками России? Нам, видимо, надо будет выделить определенные приоритеты в области национальной безопасности, которые могли бы обеспечить устойчивое развитие России.

Россия должна будет работать над тем, что в многополярном мире даже не самая сильная страна за счет грамотной и хорошо построенной стратегии вполне может обеспечить свои интересы даже лучше, чем более сильная, но в более простой биполярной конфронтации, как это было на примере двух блоков. Наверно, это самые общие соображения относительно того, как России придется действовать.

Прежде всего наши интересы будут сосредоточены на территории бывшего Советского Союза. И здесь речь будет идти не о создании некоторого государственного образования, во что я в ближайшей перспективе категорически не верю, а о действительной реальной интеграции: экономической, военной, и политической, возможно, тоже, поскольку сегодня эта интеграция объективна, и инициатива исходит в большей степени из бывших республик.

Мы должны четко разделять два процесса: процесс интеграции и попытки создания новой надгосударственной структуры, нового супергосударства на территории бывшего СССР. На сегодняшний момент это не только разные процессы, но они и разновекторные попытки воссоздания государства будут негативными и деструктивными. Интеграция совершенно необходима и объективна.

Нам, неверное, надо будет проявить большее искусство в решении проблем с Западом и с государствами-членами НАТО в связи с проблемой расширения. Здесь у нас появляется пространство для маневра. Это пространство, где можно продемонстрировать политическое искусство. Сейчас на самом деле расширения НАТО на Западе не хочет никто, кроме самих претендентов и НАТОвской администрации. Мы вполне можем,

используя это, как бы не отменить идею (никто не скажет, что НАТО расширяться не будет, идея уже принята), а растянуть ее во времени так, что за это время мы наладим конструктивное сотрудничество с этими государствами.

И я думаю, что в более долгосрочном плане, Запад будет заинтересован в сильной и стабильной России. Здесь есть, конечно, внутренний конфликт. Запад сейчас на уровне своих экономических интересов не хочет видеть сильного конкурента. То самое интеллектуальное лидерство, на которое мы претендуем в рамках устойчивого развития — это вовсе не то, что сегодня видит Запад в России. Ему вовсе не хочется получить нового лидера, а, следовательно, и нового конкурента на мировых рынках.

Но с другой стороны, пределы ослабления России уже достигнуты. Дальше Запад рассматривал бы это как трагедию. Я думаю, интерес их в том, чтобы сохранить Россию сильную, стабильную, возрождающуюся как противовес возможным процессам, идущим на юге в мусульманском мире, и процессам, которые, безусловно, будут происходить завтра на Дальнем Востоке и прежде всего в Китае. Нужен очень сильный и мощный стабилизатор. Такую роль может сыграть только Россия. Других игроков для этого нет.

С.К.ОЗНОБИЩЕВ: Мне кажется, что текст обсуждаемой концепции отличается, с одной стороны, некоторой интеллектуальной мечтательностью, если так можно выразиться, некоторой завышенностью ожиданий. Но там есть ряд очень мудрых положений. Другое дело, конечно, надо систематизировать, может быть, привести это в какой-то единый стройный текст. Чечня является блестящей иллюстрацией того, насколько сегодня мир, Россия и Запад продолжают жить в системе политики интересов, о которой говорится в этой брошюре, и совершенно не собирается руководствоваться политикой развития. А политика интересов предполагает и силовое давление, и противостояние, то, что мы сегодня видим. То есть наш совершенно привычный, несколько потертый, но удобно сидящий костюм, в который мы снова влезает. Нам в нем удобно, хорошо, и мы теперь скоро начнем снова грозить Западу, а Запад начнет потихоньку отползать на заранее подготовленные, оборонительные позиции в виде возрождающихся угроз на Востоке.

Сегодня те самые козни врагов, о которых вы найдете упоминание в работе, во многом строятся на дефиците методов и средств нашей собственной деятельности. Мы не можем понять, каким образом мы должны, с одной стороны, признавать тот факт, что угроза в широкомасштабном конфликте с Западом снизилась неимоверно и стала ничтожно малой, а с другой стороны — продолжать воспринимать эту угрозу и соответственно действовать в нашем военно-техническом строительстве, в нашей военной политике так, как будто эта угроза практически и не уменьшалась. То же самое — наш дефицит методов может быть применим и в отношении Турции, и в отношении Китая, когда мы постоянно говорим о том, что там возникают или уже существуют какие-то угрозы российским интересам национальной безопасности.

Нельзя не согласиться с тем, что сильное государство — это не государство, основанное на насилии. Опять же, на примере России мы со всей очевидностью видим, что тот силовой элемент великодержавности, который всегда существовал в Советском Союзе и существовал некоторое время в России, от которого стали как бы избавляться, на самом деле, как ванька-встанька,

снова вернулся на свое место и продолжает теперь оставаться единственной составляющей в российской великодержавности.

Мне представляется, правильно здесь говорили (собственно авторы этого и не отрицают), что концепция непригодна для непосредственной реализации. Да, непригодна. Надо думать каждому в своей области о том, как эту концепцию применить.

Мне кажется, что реализация положений, которые содержатся в данной работе, возможны не только путем сбора конференций, специалистов и встреч экспертов, которые дают толчок для интеллектуального мышления, но и практическими шагами. Если будут сделаны практические шаги, если вместо или наряду с высокопарными словами и заявлениями о том же самом партнерстве и взаимодействии будут предприниматься какие-то практические мероприятия, которых очень мало, то что-то может сдвинуться с места.

С.В.ЧУГРОВ: Я хочу добавить два слова по поводу темпов развития. А то мы считаем, что если разработаем концепцию, то и все сразу сложится в прекрасное светлое будущее.

Я помню в 1987 году, когда появились “азиатские тигры” (я имею в виду Сингапур, Тайвань и др.), в Институте мировой экономики все “набросились” на них, считая, что это — наша модель, которую мы изучим и у нас все будет ясно. Потом из зоологии узнали, что тигры прыгают, могут кульбитом перевернуться, встать на четыре лапы и т.д. Это совершенно не годится для “китов” и “слонов”. Кит должен иметь впереди несколько километров, чтобы перевернуться, чтобы сделать плавный поворот.

Так вот, страны с большими территориями, большими природными ресурсами, долгими традициями, с отсутствием хороших коммуникаций — те самые “киты”. Здесь и Россия, и Китай, и Бразилия, может быть Индия, с оговорками. Это страны, для которых тигринный прыжок не годится.

Для России невозможен быстрый прыжок в демократизацию. Какой-то авторитаризм еще долго будет над нами нависать из-за этой нашей тихоходности. Но я еще раз хотел подчеркнуть, что сама обсуждаемая концепция, — замечательный толчок для размышлений. То, что дискуссия пробудилась рождаются какие-то споры — это здорово при всех ее недостатках.

М.В.РАЦ: Я хотел бы поблагодарить тех, кто успел сегодня высказать свои взгляды, поскольку высказанные критические замечания нам помогут в дальнейшей работе. Получить их было одной из наших основных целей.

Я не взялся бы с ходу квалифицировать то, что сегодня произошло: состоялся ли диалог в точном смысле слова. Не уверен, что состоялся. На первый раз — обмен мнениями. Повидимому, организация диалога — вещь достаточно сложная. К этому надо более основательно готовиться.

Не знаю, нужно ли сейчас обсуждать какие-то вещи по содержанию наверно, это уже мало реально. Поэтому я бы просто сказал, что если кто-то из присутствующих будет всерьез вместе с нами работать, то этой брошюрки совершенно недостаточно, поскольку она возникла в достаточно специфических условиях. У нас вышли две книжки, которые в совокупности дают некоторое представление о сути дела.

Мы были бы очень рады расширить состав участников нашей работы. Это была вторая наша цель. Я приглашаю тех, у

кого есть интерес к предмету — давайте дальше попробуем эту работу организовать. Спасибо большое.

II. В ПОИСКАХ СУБЪЕКТА РАЗВИТИЯ

Стенограмма совещания, проведенного в аппарате Совета обороны РФ по вопросам национальной обороны. Москва, 17 сентября 1996 г.

С.В.КОРТУНОВ: Тема нашего сегодняшнего совещания-семинара мы определили так: “В поисках субъекта развития”. На первый взгляд эта тема может показаться крайне отвлеченной, сугубо философской, теоретической и не имеющей прикладного значения. Моя точка зрения состоит в том, что эта тема сугубо прикладная и, может быть, она вообще одна из главных тем в плане развития того процесса, который сейчас модно называть “самоидентификация России”. Главный кризис, который переживает страна, является кризисом не только идентичности, но и субъектности. Эти два кризиса тесно связаны друг с другом. Основная проблема, на которую недавно обращал внимание Президент, тоже связана с этим двойным кризисом: это поиск национальной идеи. Не уверен, что мы сможем найти ее сегодня, но надеюсь, что сегодняшняя встреча будет определенным шагом в данном направлении.

В рамках работы нашей аналитической группы, при Ю.М.Батурине, мы давно занимаемся концептуальной работой. В ходе этой работы мы постоянно наталкивались на проблему субъекта развития, — будь то в ходе наших прикладных разработок или в ходе конференций, семинаров более широкого и общего характера. И это вполне понятно: можно разработать какую угодно концепцию национальной безопасности, но она останется на бумаге, если не ответить на вопрос, что защищать и кто будет это защищать. Можно разработать какую угодно идеальную концепцию демократического развития, но она опять же “повиснет”, если мы не ответим на вопрос, кто является субъектом этого развития. И, наконец, можно разработать сугубо теоретическую схему национальной идеи, но, не ответив на вопрос о том, кто является носителем этой идеи, нельзя рассчитывать на ее реализацию. Это теоретическая сторона вопроса.

Есть и сугубо практическая. Честно говоря, я не вижу сейчас действительного реального субъекта развития. С моей точки зрения, он начал исчезать где-то с конца 60-х начала 70-х годов и сейчас практически исчез. Сомневаюсь, что мы найдем этот субъект на нашем сегодняшнем совещании, тем более, что, как известно, очень трудно искать черную кошку в комнате, особенно, если ее там нет. Если бы этот субъект существовал, то многие несчастья, которые свалились на нашу многострадальную страну, не произошли. Мы бы, например, на других условиях пошли бы на объединение Германии. Вряд ли субъект развития, допустил бы распад Советского Союза. Вряд ли бы реформа осуществлялась столь необдуманно, как она осуществляется сейчас, если бы субъект действительно существовал. И, наконец, вряд ли бы произошел чеченский кризис с такими плачевными результатами, если бы действительно субъект развития существовал.

Для меня совершенно очевидно, что в широком историческом плане субъектом развития страны является русский народ, как системообразующая нация или метанация, как любит

говорить Сергей Ервандович Кургинян, и я с ним абсолютно согласен. Но мы здесь собрались для того, чтобы поговорить о субъекте в более узком плане, о субъекте как носителе прогресса, субъект именно прогрессивного развития. Если взять этот вопрос в исторической ретроспективе, таким субъектом в России было дворянство; субъектом революции, как это доказано в “Вехах” и в других работах наших русских философов, была русская интеллигенция, затем это были большевики, потом советская номенклатура. Ну а затем субъект начал исчезать. Потенциальным субъектом развития на определенном этапе, где-то в 70-е годы, могла стать научно-техническая интеллигенция, но наша тогдашняя номенклатура, к сожалению, не захотела поделиться с ней властью, предпочтя размен власти на собственность. Это достаточно банальная истина. Факт остается фактом: страна утратила субъект развития.

Ни в одном из наших руководителей его не вижу, более того, ни в одном из них не вижу представителя данного субъекта. С горечью констатирую, что мое поколение, к сожалению, а мы действительно влияли на политику, в 1980-е и 1990-е годы, выступило скорее в качестве субъекта разрушения великой страны, но не в качестве субъекта, пока по крайней мере, не в качестве субъекта созидания. Может быть это нам удастся сделать в будущем.

И последнее замечание. Я пригласил на это совещание очень уважаемого человека. К сожалению, он не пришел. Это посол в отставке, бывший замминистра иностранных дел. Когда я ему назвал тему сегодняшнего совещания, он довольно недоуменно пожал плечами и сказал: “Зачем говорить об очевидных вещах? Это все в общем-то прописано у Карла Маркса. Ясно, что субъектом развития сейчас является мелкая буржуазия, ларьковые капиталисты, лавочники. И они определяют вектор развития. Когда я попытался объяснить, что наша задача еще состоит в том, чтобы спрогнозировать развитие этого субъекта и порассуждать о том, что нужно сделать, чтобы действительно нормальный национальный субъект развития возник и стал влиятельным в нашей стране, он сказал, что это вообще-то не задача Администрации Президента, это, наверное, задача Института философии.

Я бы хотел с удовольствием дать слово Сергею Борисовичу Чернышеву, который занимался этой проблемой профессионально, и который, как мне кажется, одним из первых в этой стране обнаружил исчезновение субъекта.

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Достаточно забавно искать субъекты развития в здании на Старой площади, в этом есть что-то диогеновское. Это все равно как, находясь во чреве дракона, дискутировать, существуют ли драконы вообще или точнее доказывать их несуществование. Дракон может быть поверженный, какой-нибудь спящий, но он есть.

Мое выступление будет носить не научный, а личный характер. Если говорить о научных обоснованиях, то в принципе, их можно до какой-то степени найти в книге “Смысл” или в нашей книге “После коммунизма” под псевдонимом С.Платонов. Или в первых двух моих статьях, которые вошли в книгу “Иное”. Они напрямую посвящены проблематике субъекта, власти и соотношения этих понятий. Сегодня же в соответствии с мандатом, данным мне Сергеем, я хотел бы поделиться личным опытом поиска субъекта в нашей стране. Он начался для меня по большому счету в 1976 году, продолжается и входит во все новые интересные фазы. Эта история поиска обращена тремя сторонами в славное, субъектное прошлое нашей страны, в светлое, я

надеюсь, субъектное будущее, а также в настоящее, которому инкриминируется отсутствие упомянутого субъекта.

Если говорить о прошлом, то где-то с середины 1976 года я оказался в коллективе лиц, профессионально занятых не поиском субъекта, тогда в его существовании никто не сомневался, а попытками ему помочь, это были профессиональные системщики очень высокого класса, которые и по сей день существуют, работают и их работа также не востребована как и тогда. Первое, что я увидел в этом коллективе, это картотеку, заведенную на лиц, каждый из которых прославился тем, что постиг какую-то важную истину, имеющую отношение к этой задаче. И дальше карточка описывала не саму истину, а способ поведения, как эти люди себя вели. Они были классифицированы по файлам: спился, стал писать письма в ЦК КПСС, пошел по городам и весям проповедовать истину, ушел к кришнаитам, эмигрировал в Израиль или еще куда. Это очень помогло построить рефлекс деятельности с самого начала, назовем его, скажем, “спасением отечества”, и правильное выстроить свою линию в жизни.

Уже тогда в поведении нашего субъекта бросались в глаза некоторые странности. На поверхности были странности, связанные не с субъектом, а с предметом. Я прекрасно помню историю с одним химическим реактором, который долго делали в Ленинграде, долго везли в Лесичанск. Он был такой громадный, и империя была столь могуча, что на пути движения этого реактора сносились мосты, потому что он не пролезал, срезались высоковольтные линии, потому что он цеплял за них, и углублялись русла рек, чтобы баржа не скребла по дну. А потом после того, как два года, с момента этой кампании по транспортировке, истекли, какой-то пенсионер, которому не спалось, не лежалось на печи, написал письмо и попросил объяснить, как работает реактор на благо отечества. И корреспондент поехал в Лесичанск.

Дальше началась детективная история. Он не мог найти этот реактор, все отрицали его существование. В конце концов, с помощью аэрофото- или спутниковой съемки он проследил борозду на теле Земли, которая действительно упиралась в ворота завода, а за воротами он нашел кучу хлама, под которым покоился этот реактор стоимостью в сотни миллионов тогдашних рублей. Был понят пафос желающих найти врагов народа и их истребить, но когда эта история была расследована, выяснилось, что виноватых нет, потому что в период, разделявший заказ на изготовление и доставку изготовленного реактора, вышло постановление ЦК, которое изменило акценты. В соответствии с ним, политика ранее строилась на строительстве новых цехов, а теперь был сделан акцент на реконструкцию. Но пятилетний план не мог быть изменен во всей своей массе, он был изменен в части финансирования и изменен в части завоза оборудования. Оборудование везлось в новый цех в то время, как строить его уже было нельзя, потому что средства были переброшены на реконструкцию. То есть бросались в глаза массовые несообразности, связанные с тем, что предмет разрастается, усложняется, и у субъекта просто не хватает рук, чтобы до него дотянуться.

Коллектив, в котором я работал, пытался оказать помощь субъекту. Тогда это был в конечном счете Косыгин. Мы пытались обратить его внимание на то, что сфера законодательства, регулирующая капитальное строительство, даже выраженная в виде квинтэссенции, постановлений не ниже уровня Госплана, уже доросла до 20 тысяч страниц, набранных петитом. И с этим сводом работать невозможно, он содержит внутри себя массу противоречий, в нем гигантские лакуны, строить по законам

нельзя, без законов строить тоже плохо. Нужны автоматизированные системы. Разговор продвигался не шатко, не валко, покуда Косыгин и его окружение не стали физически вымирать и выяснилась безадресность этих попыток.

Мы тогда работали в Госстроевском СНИИПИАЗ институте по адресу ул. архитектора Власова, 51. В этом помещении заседал сектор по концептуальному проектированию организаций. И однажды, там остановился громадный “членовоз”, из него вылез представитель субъекта, он был в сияющем импортном костюме. Это был Михаил Иванович Гвардейцев, зав. сектором аппарата ЦК КПСС. Он вошел и сказал, что наши судьбы решены, субъект обратил внимание на эту пионерскую работу, открыто финансирование, создается институт. Счастье наступило. Но буквально через несколько дней все изменилось, люди стали умирать, Михаил Иванович исчез. Тогда мы поняли, что диалог с субъектом на уровне проблемного предмета не удался. И последовал какой-то период в моей жизни, связанный с изучением Гегеля, раннего Маркса и так далее, покуда не наступил период № 2, когда Андропов издал известный клич о том, что мы не знаем общества в котором мы живем и движемся методом проб и ошибок. Тогда я сказал: “ясно”, хотя это было ясно и по другим признакам раньше, что у субъекта возникли проблемы на этаже целей и ценностей. Он перестал понимать что строится, зачем строится, за счет чего строится и что при этом можно, а что нельзя, что эффективно и что неэффективно.

Тогда наступил новый период, отраженный в нашей книжке “После коммунизма”, когда маленькая группа относительно молодых людей лет пять или шесть странствовала по кабинетам этого и других зданий. Мы пытались нащупать, в рамках тогдашней элиты, возможный человеческий материал для потенциальной контрвизы, для людей, которые были достаточно образованы, для того, чтобы понять возможность модернизации коммунистической идеологии при опоре на того же Маркса, но только раннего, Гегеля и так далее, и которые могли бы попытаться выстроить менее конфликтный, менее катастрофичный эволюционный путь самомодернизации субъекта через идею. И действительно, мы нашли массу прекрасных, умных, образованных людей. Человек пять из них, преисполнившись всего этого, похватили наши материалы и ринулись, к Михаилу Сергеевичу. Много раз к нему ходили. Это для нас было критерием серьезности намерений. С некоторыми из них я по сей день поддерживаю хорошие отношения. Мы увидели, что человеческий материал есть. Высокообразованные, культурные, грамотные люди, озабоченные тем, что творится, были. Они с легкостью входили в наши конструкции, они помогали нам интерпретациями и теориями собственного опыта. Это были идеологи, международники и разведчики, люди обороны. И чем больше они бились, тем более ясным становилось, что проблема не только и не столько в отсутствии человеческого материала, хотя и там проблемы были огромные, и многие присутствующие о них знают больше, чем я. В той системе отношений, в которую они были вовлечены, отсутствовал способ продвижения идей, “возгонки” их снизу вверх. Второй период у нас закончился тем, что материалы, которые мы писали с 1983 по 1986 год, мы издали в 30-ти экземплярах на лазерном принтере, они бродили в самиздате, пока года через три не попали случайно к издателю и не появились в свете под названием “После коммунизма”. Нам стало ясно, что проблема глубже. Она находится не только и не столько в предмете деятельности субъекта, не только и не столько в системе его идеалов и ценностей, она коренится в самом способе

его существования и, в частности, в том, каким образом эти идеи возникают, существуют, конкретизируются в своем теле, и в том, каким образом он сочленяет эти идеи с этим предметом. Мы увидели, что тот аппарат, то, как он был устроен и как он работал, отрезал от себя тот человеческий потенциал и те действительно подлинные тяжелые раздумья многих работников о судьбах отечества. Попытки же ему как-то помочь были неэффективны, поскольку он полностью отрезал все пути и отрезал самого себя от попыток самореформирования.

Это был замкнутый круг. Я, в принципе, по образованию специалист по организациям, по теории организаций. Мы пронаблюдали этот процесс в деталях и после этого наступил следующий перерыв в поисках субъекта, который был связан с тем, что мы решили сами научиться строить субъектные организации, которые были бы экономически и юридически независимы, имели бы собственную систему взглядов и идей. Для меня он был связан с Фондом Культурной Инициативы, который у нас создавался в 1987 году вместе с Джоржем Соросом и где я работал исполнительным директором до 1990 года. Опыт этой организации, а так же ее развал тоже может послужить ценным предметом для раздумий о том, каким образом возникает, как устроены и почему распадаются субъекты. Таким образом, в процессе поиска субъекта мы наблюдали как он рушился. Мы продвигались по тканям, а ткани тем временем отмирали, и мы никак не успевали добраться до еще живых. Нам повезло в том смысле, что мы, видимо, находились очень близко с фронтом или гребнем волны этого омертвления и часто наблюдали его в лицах. То что я не могу передать — это атмосфера, которая царил в кабинетах этого и соседних зданий в 1984, 1985, 1986 годах, когда уже из-под дверей, из окон веяло таким акцентологическим холодком и морозило спину, но внешне это не проявлялось ни в чем. Чернобыль не взрывался, “Нахимов” не тонул и все наши националисты и прочие регионалисты сидели кротко и смиренно. На поверхности все было гладко. Люди с историческим чутьем и с глубоким пониманием этой проблемы прекрасно ощущали спиной и животом, может быть, не головой, надвигающийся процесс, но они были скованы. Субъект был устроен так, если это был субъект, что он был парализован. Вместе с тем все мы помним то время, “когда текли куда надо каналы и в конце куда надо впадали”. В этом смысле, в смысле банального определения субъекта, многое, если не все, в нашей стране тогда являлось следствием принятых решений разумной воли, целостность которой ощущалась. И хотя это осуществлялось страшной ценой, целые сферы жизни были просто запрещены или задавлены и задача субъекта решалась путем грубого упрощения, если было слишком много субъектов, то все уничтожались, кроме одного или двух, но в результате мы жили в том обществе, “где каналы текли куда надо”.

В период странствий С.Платонова по кабинетам на этой и других площадях уже было ясно, что грозные процессы пришли в движение, и что субъект — уже не субъект. Кроме того, он как бы перестал понимать самого себя. Опыт и выводы, которые были вынесены из этого периода состоят в том, что очень важным, критически важным является круг проблем, связанный с предметом субъекта и со способами, которыми он с ним справляется. Эта проблема была связана с русской идеей, коммунистической идеологией, шире говоря с самой идентификацией системных целей и ценностей этого субъекта. Поскольку, даже если предположить, что средства совладания предметом в виде тех или иных автоматизированных систем теневого или иного проектирования были, даже если бы и с идеологией было бы все более или менее все в порядке, в

середине 80-х годов абсолютно отсутствовали какие бы то ни было намеки на организм, на механизм, который бы позволял сочленять эти цели и ценности с этим предметом. Вместо этого имелась весьма архаическая форма деятельности, которую легче описывать в терминах игр. Это была некая игра, назовем ее условно “политикой”, где правила игры в целом не были известны никому, поэтому они были подвержены имманентному развитию или саморазвитию, а игра игралась за некоторый ресурс, называемый “властью”, где каждый играющий должен был ее либо у кого-то отобрать, либо он должен был ее сохранить, либо расширенно воспроизвести. И потом уже выигравший мог либо обменять эту самую власть на те или иные блага, либо он мог вложить их без остатка, так сказать, в игру, инвестировать по новой. В этом процессе, в принципе, можно усмотреть извне процессы выработки решений, но это будет не более, чем “редукционизм наоборот”, применение абстракций к процессам, которые с ней, вообще говоря, никак не связаны. Можно восстановить признаки принятия решений. Но главным и единственным смыслом этой игры, в которую были погружены все эти люди, в том числе и действительно стремящиеся помочь отечеству, была вот эта, так сказать, игра в погоню за ускользающей властью, процесс его расширенного или простого воспроизводства, который уже тогда создавал колоссальные трудности и препятствия тем, кто действительно хотел обратиться к предмету или к идеалу. Каждый погруженный в эту великую аппаратную игру, которая хорошо известна и культурологам, и историкам, оказывался в положении бойца на ринге, который должен реагировать на уровне подсознания на телодвижения противника в борьбе за власть. И стоило ему на секунду задуматься о светлых идеалах или о том, во имя чего он вышел на этот ринг, или о том, что он будет делать в случае победы, он тут же получал по голове не в силу порочности его противника, а в силу того, что противник, естественно, действовал тоже интуитивно и реагировал на подсознание изменения поля, так сказать, противостоящего бойца. Таким образом, всякий человек, который желал бы действительно заниматься содержательным предметом или идейным словом, автоматически ставился в ущербное положение и выбывал из игры. И было совершенно понятно, что если не появится встроенный тем или иным образом элемент или подсистема принятия решений, то есть действительно объективированный, осознанный процесс, в котором сочиняются предмет и цель, то этот субъект обречен.

Теперь я хотел бы перепрыгнуть к некоторому будущему с тем, чтобы потом вернуться в настоящее. Будущее мы привыкли искать на Западе, поскольку, “светлое будущее” находится там, хотя я и не разделяю эту точку зрения. В конце 60-х годов Геллбрайт стал писать о том, что на Западе произошло какое-то судьбоносное изменение, сдвиг. И на месте класса собственников, который был на самом веру, возникает некая корпорация лиц высшего звена, принимающих решения, которую он назвал технотекстурой. Геллбрайт утверждал, что эта корпорация, сознающая себя как корпорация, и становится теперь главным правящим классом, что она уже взяла или берет верх над классом собственников. Он был немедленно освистан Меликовским и Иноземцевым, оплеван за антимарксизм. Возможно, действительно, в тот период он был частично или не до конца прав потому, что говорить о появлении такой корпорации и о том, что она действительно обретает черты субъекта, можно только при трех предположениях. Первое предположение — да, действительно она должна осознать себя как корпорация с общим интересом и понять, так сказать, как она

относится к классу собственников. Второе. Для того, чтобы эта корпорация могла действительно действовать, — она должна обрести ту или иную конкретную, рефлексированную, осознанную и сознательно применяемую технологию в организации индустрии, в выработке управленческих решений, чтобы эти решения были “релевантны” предмету, чтобы они были успешны. Осознавать себя можно кем угодно, но класс собственников не будет торопиться сдать полномочия, исходя только из чтения Геллабрайта. И, наконец, третье. Перед корпорацией лиц, принимающих решения на Западе, стоят колоссальные препятствия в виде ста- или двухсотлетней культуры властвования класса собственников, финансовой элгархии, которая отработала рычаги механизма власти, который имеет свой аналог процесса выработки решений. И поэтому перспективы этой корпорации оказались проблематичны, хотя как корпорация она сложилась в тот момент, когда ее корпоративное самосознание соединилось с целым рядом мощных системных и иных методов. И выразилось это в том, что целый ряд крупнейших имен в области проектирования организаций, системщиков типа Рассела Ака, Астаферда Бира, Михаила Носорович вдруг синхронно стали исчезать, то есть переходить на работу куда-то в недра транснациональных корпораций и переставать публиковаться. Например, все помнят последнюю публикацию Рассела Ака, который исчез года на три, а потом он напечатал невразумительную книгу о планировании будущего корпораций, из которой было ясно, что он работает в крупной ТНК. Я не сторонник конспирологии, но становление этой техноструктуры, корпорации с синхронным исчезновением наиболее продвинутых работ в области автоматизации и проектирования наводило на очень серьезные размышления.

В этом смысле в том мире постисторического зазеркалья нет культуры, нет и нации. Там современная власть знает про себя, что она такое. Но мало власти знать про то, как она устроена сама по себе. Самое главное, что современная техноструктура включает в себя как важнейший элемент технологию и индустрию, специально организованную фабрику по выработке решений и является прежде всего корпорацией лиц, принимающих решения. Если лицо, принимающее решение, принимает решение, адекватное тому предмету, которому он сопоставлен, то это и является залогом наиболее полного его сохранения на этом месте. Если же он не занимается решением проблем своего предмета, то ничто не может спасти его в конечном счете от того, что предмет, которым он занимается, разрушится.

Ситуация у нас сейчас обратная. Когда, скажем, человек пришел в аппарат и понимает, что он будет находится на своем месте в среднем полгода или год, когда он видит, что макаронная промышленность, за которую он отвечает, находится в катастрофическом положении (туда нужны мгновенные вложения и стратегические решения), он понимает, что за нее вообще лучше не браться, потому что стоит ему только отвлечься на денек на свой предмет, как из под него выдернут кресло. Но если спустя год он обнаружит, что он не был ни разу на макаронной фабрике, то, соответственно, результат будет тот же самый. В этом смысле находящийся в сегодняшней власти абсолютно обречен, он не имеет никакого выхода. Он может сохраниться лишь там чудом, как игрок какой-нибудь команды. Появление или не появление субъекта у нас, как и везде в остальных странах мира, — это вопрос появления или не появления у нас архаического аппарата, состоящего из подковерных борцов за власть, корпорации лиц, принимающих решения, которые смогут

выстроить более или менее эффективную фабрику. И эффективность этой фабрики и определит масштаб того предмета, которому этот субъект может быть сопоставлен. Если фабрика имеет ограничения, он вынужден упрощать ситуацию. Грубо говоря, сажать в тюрьму половину населения, чья деятельность не вписывается в его способность контроля. Или отдавать даром территории, с которыми она не в силах конструктивно работать, сепаратистам, империалистам, кому угодно, идти на добровольную сдачу того хозяйства, которым он просто не в силах распорядиться, потому что у него его отнимут при позорных обстоятельствах довольно быстро. Бесхозных предметов ведь не бывает. Они либо превращаются в природную вещь, то есть начинают жить по законам идеологии, зоологии, диких зверей и лесов, пашни зарастают лесом. Либо они просто отбираются другими субъектами, которые сидят вокруг и не ждут, куда мы здесь разберемся с нашей могучей аппаратной культурой.

Что такое человек этой самой “зазеркальной”, метанациональной, постисторической эпохи, если аппарат таков? А это просто человек, который находится в состоянии постоянного осознанного выбора, это лицо, которое постоянно решает проблемы. Когда ты попадаешь в положение выбора, это мучительнейшая, ужасная, невыносимая ситуация. Известно по легенде о Великом Инквизиторе, что наш русский человек всячески стремится этот выбор отдать, сдать, обменять, переложить на кого угодно, но только выйти из мучительного положения выбора. Когда ты понимаешь, что сейчас ты решаешь и все: либо ты идешь направо, либо ты идешь налево, и ты отвечаешь за это, — это действительно мучительная ситуация. Человек, решающий проблемы, человек, принимающий решение, — это тип личности, который понимает, что вся жизнь, в принципе, это цепочка непрерывного принятия решений. Она осмысляет каждый свой шаг и жизненную ситуацию, например, через простейшую схему системного анализа, которая описывает любую деятельность как выработку решений. Порождение дерева альтернатив, выявление целей, установление критериев ограничений, выбор по этим критериям и так далее. И он прекрасно понимает, что нерешение, — это тоже одна из ветвей древа альтернатив, один из выборов на этом древе: ничего не делать, закрыть глаза и ждать, когда оно “само образуется”, а в это время заниматься чем-то другим. Можно посчитать, во что это обойдется.

Есть два пути образования субъекта в масштабах страны: снизу, что для нас нехарактерно, или сверху. Есть либо человеческий материал, люди, живущие по законам каждодневного, постоянного, сознательного принятия решений. Их просто сначала будет 1 процент, потом 3, потом 5, они будут делать карьеру. А лет через 20 окажется, что в аппарате среднего, высшего уровня их уже 10 процентов, они начнут соединяться между собой, создавать организации. В них будет выстроена и рефлексирована сознательная система выработки решений, вместо старой, архаической, подковерной борьбы за власть. Это путь реформы снизу. Либо — что более характерно для России — этот человеческий тип в небольшом количестве возникнет в критической концентрации где-то ближе кверху. Скажем, большевики могут либо возникнуть массово, потом сформировать большевистское правительство, что для нас не характерно, либо наоборот, возникнуть где-то сверху и потом долгим и мучительным путем свой тип распространить на значительную часть населения. И вот мы уже смотрим: кругом сплошные большевики, включая демократов. Формирование такого субъекта тоже может пойти двумя путями. Либо там

появится, условно говоря, некая система университетов, которая будет готовить не просто предметников, знающих железнодорожный транспорт или геологию Урала, не просто лиц, причастных к русской культуре, системе целей, ценностей и идеалов, которые будут рвать на груди рубашку, пить водку на кухне, но решительно не знать, что с этим делать вообще и на железнодорожном транспорте, в частности. А появится целый слой людей, которых вырастили и воспитали и обучили принимать решения, а этому учат через руки, через ту или иную версию организационно-деятельностных игр. В той мере, в какой это удастся, снизу или сверху, мы на этой земле будет обретать субъектность. Я не апеллирую к самоидентификации. Ни в русской идее дело. Современную власть в какую идею не всунь, в русскую ли, американскую ли, это — что мартышке очки — просто некуда девать. В этом смысле субъектность чистого аппарата равна нулю.

И, наконец, несколько слов относительно настоящего. Сейчас во власти — концентрация умных и образованных людей возросла в десятки и сотни раз, средний возраст упал в два раза по сравнению с тем поколением, которое мы застали в этом здании. Интеллектуальный уровень невероятно возрос. Наш совокупный аппарат, даже если забыть про его численность, побивает наверняка большую часть администраций мира, а может быть и все, вместе взятые. И вместе с тем, все это скопище людей, среди которых очень много умных, образованных, болеющих душой и так далее, растеряло остатки субъектности.

Как жить в этой стране? Первый способ является самоотверженным порывом пойти в нее и ей помочь. Некто, например, Сергей Владимович КОРТУНОВ занимается наукой и еще чем-то и в какой-то момент кричит: “Эх, была, не была!”. А из власти смотрят и говорят: “Какие записки хорошие пишет, умные, давайте мы его помощником возьмем, референтом, он внутри будет сидеть, либо нам советовать в принятии решений, либо вешать лапшу на уши трудящимся”. И он идет туда в положении коровы, у которой огромное вымя, распираемое молоком. Он думает, что там, наконец, его подоят. Попав туда, он обнаружит, что ему нужны только рога и копыта, а вымя является только обузой и молоко там створаживается. И чем быстрее он от него избавится, тем лучше. Это трагедия людей, которые туда попали, они скоро оттуда вылетают и образуется слой виртуальных, пребывающих то во власти, то вне власти. Например, я помню момент, когда господин или товарищ тогда Ю.М.Батурин был очень талантливым выпускником физтеха, ученым, кандидатом, доктором. Потом он оказался советником М.С.Горбачева, потом я встретил его в Белом доме в роли независимого аналитика, потом он опять оказался советником. Но с какими бы светлыми чувствами туда человек не пошел, ему никто не позволит заниматься вещами, выходящими за рамки обычного круга, а этот круг включает в себя, естественно, борьбу групп, каждая из которых считает, что она, естественно, призвана спасти отечество, другие только мешают. Тем более, в нашей культуре всегда власть моносубъектная. И пока в ней есть фракции, хотя бы одна, хотя бы маленькая, власть будет заниматься этой фракцией, а не землетрясениями, пожарами. Какой смысл бороться с землетрясением, если в этот момент вам в спину, какие-нибудь отзовисты, ликвидаторы вставят нож или еще что-нибудь? Попытка помочь власти, снабжая ее теми или иными версиями русской идеи, ведет в никуда, потому что эту идею решительно некуда приткнуть. Конкретным лицам во власти это будет только помехой, потому что это мешает им вести нормальную подкованную борьбу. Поэтому ни один из

традиционных путей помощи этой власти не имеет, с моей точки зрения, большого смысла.

Единственный способ видится не бессмысленным. Это широкий спектр активности, помогающий в той или иной мере инициировать, в лучшем случае, административную реформу сверху, то есть некоторое выстраивание властью, говоря философским языком, предметно-практической саморефлексии над самой собой, самоконструирование себя, основанное не только на мировых тенденциях, но и на нашей могучей тысячелетней аппаратной культуре. Я считаю, что существует вполне органичный способ творческого здорового самоперерождения тканей этой власти. Мне видится, что все конструктивные способы помочь процессу субъективации так или иначе должны быть ориентированы на вектор административной реформы, цель которой - заменить систему перманентной борьбы за власть на систему выработки решений, на кухню, на фабрику, на индустрию. И у нас есть и наработки на этот счет, и черты национального духа, если угодно, и культура, и, не последнее, имеющийся за рубежом отработанный опыт, методики и алгоритмы того, каким образом тамошние технотехники или корпорации сражаются с классом собственников и как там этот процесс зарождается.

Почему так лихо рванули вперед в свое время Соединенные Штаты, а потом и Япония? Потому, что когда финансовая олигархия уехала от своего предмета и от своего противника из Англии, где ей противостояла многосотлетняя культура феодальной и иной аристократии с могучими навыками не допускать во власть разных нуворишей и выскочек и оказались в прериях, где кроме бизонов и индейцев ей ничего не противостояло, ей с гораздо большим успехом удалось построить новую форму деятельности. Если нашей номенклатуре в ходе преобразования в технотехнику случится в смертельной схватке сойтись с нашей финансовой олигархией, тут-то и выяснится, что наша олигархия не успела еще даже надеть коротких штанишек. Критическое отличие тамошней технотехники от нашей номенклатуры состоит, в частности, и в том, что у них разные предметы. Технотехника не занимается версткой пятилетнего плана, она не занимается поставкой гаек под болты. То, что под ней находится, это мир электронных бирж и финансовых спекулянтов, мультивалютных систем. Она решила проблему колоссальной размерности и хозяйственного механизма за счет того, что эта размерность предстала перед ней упакованной в оболочку экономических категорий и реальных экономических сил. Она на много порядков уменьшила размерность задач, прежде чем построить над ней мир электронного проектирования выработки решений. Наша девственная номенклатура не имела ни малейшего представления о том что такое ГКО, векселя и ваучеры. Теперь, слава Богу, благодаря тому, что у нас виртуально на какое-то короткое время прорезалась некая финансовообразная миниолигархия, наш аппарат приобрел первичные навыки соприкосновения с этим чуждым, незнакомым, диловинным миром. И в этом смысле историческая роль нашей виртуально возникшей финансовой олигархии состоит в том, что, с одной стороны, она не представляет собой достойного соперника, которого придется уламывать полвека, а с другой стороны, она дала намек на то, в чем же состоит подлинный предмет этой самой технотехники, облаченной в метаэкономические формы.

С.В.КОРТУНОВ: Для себя я сделал вывод, что Сергей Борисович является еще большим пессимистом, чем я, в том смысле, что он не видит субъекта в настоящем. Но, тем не менее,

он оставляет нам некоторую -очень слабую, близкую к нулю, надежду на то, что все-таки этот субъект можно сконструировать в будущем. Насколько я понял его концепцию, речь идет, прежде всего, о корпорации профессионалов или транспрофессионалов. Эта концепция, на мой взгляд, в какой-то степени корреспондируется с идеями Сергея Ервандовича Кургиняна, который много писал о меритократии. Я думаю, что он сам об этом скажет.

А.А.КОНОВАЛОВ: Один из путей — это выращивать субъект посредством культивирования личности, способной принимать решения и склонность к принятию решения. И наращивая вот этот потенциал, предпочтительнее сверху, создавать этот субъект из множества лиц, способных и склонных к принятию решений. Но в исторически переломный период наибольшую склонность к принятию решений демонстрируют авантюристы. Умный человек обычно сомневается, он понимает это бремя ответственности. Не получится ли что в результате такого подхода мы будем культивировать управленцев, которые готовы делать выбор каждый день, а потом будем иметь удовольствие расхлебывать последствия. Это один вопрос.

Второй вопрос. Система, которая борется за власть, убивает своих конкурентов именно на стадии зародыша, поскольку в них содержится их смерть. Она понимает, что кто-то приходит ей на смену. Ее задача сегодня — отсрочить приход этой формации, а значить убить ее раньше, чем она появится. Как же вы рассчитываете выращивать внутри?

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: В России постоянно случались такие вещи, и аппарат российский почему-то склонен к тому, чтобы непрерывно выращивать внутри себя и очень часто успешно. А пусковым механизмом, обычно является ситуация такого кризиса, когда ясно, что имманентные процессы во власти ведут к ее смерти по причинам, абсолютно независимым от того — выращивать или не выращивать.

Перспектива, о которой мы сегодня здесь говорили, — это 10-20 лет. За эти 10-20 лет власть вполне может построить такую комфортную систему самозамены и самообучения, при которой просто никто не пострадает. Нужно просто выработать этот критерий. Это вполне нормальный, российский феномен. Ситуация смерти достаточно налицо, все сколько-нибудь пронизательные лица власти понимают, что если они об отечестве говорят, то они-то уж точно вылетят оттуда очень быстро, им не усидеть там больше года или двух на любом уровне. Нас только одно лицо — Президент имеет гарантии, более или менее, на четыре года, и то на него наезды осуществляются каждый год. Так что здесь я проблемы не вижу.

Мне очень понравилось выражение “склонность к принятию решений”. Уж само осознание человеком факта, что хочет он, не хочет, он все время находится в ситуации решения, и есть шаг в направлении, о котором я сказал. Это еще не означает, что человек, осознавший это, будет с упоением кретина наслаждаться и упиваться процессом принятия решений по каждому поводу. Любой человек интуитивно осознает опасность и даже трагичность любого выбора. Ведь человек, описанный мной, просто сознательно встречает этот выбор. Шизофреники же есть и будут, но я думаю, что их количество не увеличится, скорее даже уменьшится. Наконец, я ничего не имею против параноиков, как таковых, у нас их итак очень много. Один параноик из десяти может быть гением. А с остальными девятью как-то справляются.

В.В.МАРУЩЕНКО: Я думаю, что в настоящий период мы решаем не проблему отсутствия людей, способных принимать решения. Решений принималось очень много. Проблема в отсутствие тех лиц, которые бы имели некую идеальную программу.

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Во-первых, у нас существует сейчас достаточное число людей — носителей идеального содержания. Другое дело, что они не выживают при существующей структуре власти, не потому что она порочна, а потому, что она так устроена. У нас проблемный узел сейчас находится на уровне процессов выработки решений, но не на уровне отсутствия идейного ценностного материала. У нас вообще не принимаются решения никогда и никем, чем представлять, что у нас принималось очень много решений, которые потом были неправильные и не выполнялись. В системном анализе есть такая байка. Вот некто говорит: “Мы разработали замечательную модель действия, а эти кретины в этой конторе все испортили”. Никакой модели они не разработали, потому что модель включает в себя то, что в этой конторе кретины, она обязательно должна учесть именно этот фактор. Во всяком случае, это никакое не решение, а так бредни какие-то или бумажка

Авторы “Иного” дали некий набор исчерпывающих ответов на вопрос каждого субъекта, как он соотносится с властью. Вот, например, Пивоваров и Фурсов, говорят, что есть общества бессубъектные, ассоциируя его с “обществами традиций” по Маляеву. Есть общества полисубъектные, ассоциируя с “цивилизацией”. А есть общества моносубъектные, которые я ассоциирую с “обществом культуры”. К России, по-видимому, более всего применим идеальный тип, который включает в себе качество моносубъектности. Нам свойственна моносубъектность, поэтому субъект, если возникнет, скорее всего, возникнет там, где находится сейчас власть. В этом смысле, когда коммунисты говорят, что они оппозиция, я говорю, что у нас нет оппозиции, они — пятая или шестая ветвь власти. КПРФ является ветвью власти, у нас ничего нет, кроме ветвей власти.

А.В.МЕНЬШИКОВ: Вы говорите, что надо воспитать когорту людей, которые способны принимать решения. Не кажется ли Вам, что лучше сформулировать: “способных решать задачи”? И что главная беда, если говорить о России в настоящем и в будущем, это, фактически, то что отсутствует механизм отбора, который вверх выталкивает людей, способных принимать не только решения, но и способных решать задачи?

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Понял Вас. Вы употребили выражение “воспитать лиц, принимающих решения”, я не употреблял его, апеллируя к классической триаде: педагогика есть образование, плюс обучение, плюс воспитание. Образование соответствует предметному уровню; о предмете можно читать лекции, проводить семинары, писать дипломные работы и сообщать сумму сведений упорядоченным способом. Воспитать можно причастность к культуре, к определенному духу, причем это таинство, образованное на уровне Учителя. Да, Учитель может при этом читать лекции и вести семинары, но главное, что лично он представляет собой носителя культуры и образуется зацепка в данной паре и через дух Учителя человек получает любовь, навык и вкус к этой культуре или не получает. Что же касается слов “принятие решений”, то этому обучают, учат “через руки”. Нельзя человека научить, читая лекции, как поменять подшипник в переднем колесе на “девятке”, надо

поменять его раз 10, эта операция длится 3 часа. В этом смысле “принятию решений” учат именно “через руки”, в процессе. Это первое.

Второе. Когда большевики пришли к власти, они построили механизм продвижения вверх своих людей и некоторое время этот механизм, давая сбои, все-таки работал. Существует два типа “возгонки”. Первый тип “возгонки” — это в аппарате, где наверх “возгоняются” лица, поднаторевшие в этой самой имманентной игре под названием “Политика”, где на кону стоит власть. Естественно, при этом требовать от человека, когда он “возгоняется”, чтобы он при этом обладал какими-то абстрактными добродетелями, связанными с выработкой решений, — глупо. Чем больше у него навыков, тем ему хуже в этой борьбе. Вы вешаете на самолет дополнительную нагрузку — он хуже летит. Что касается корпорации лиц, принимающих решения, то там такие люди сразу возникают. Поскольку рефлексирован, сознательно построен процесс кухни, технологии как это делается.

Уже в начале 60-х годов система найма сотрудников в корпорацию, например, в “Систем девелопмент корпорейшн” выглядела так: человек приходил, но налетал не на кадровика с крутым лбом, а попадал в небольшой зальчик, где он садился и смотрел маленький фильм под названием “Роль и место корпорации в системе американского ВПК”. А потом шел по системе игровых тестов, в ходе которых ему показывали систему обязанностей и прав. Имелось 5 тысяч процедур, за которые он отвечает, каждая процедура описывалась на одной страничке на понятном языке. Как заказать горюче-смазочные материалы? Он должен был продемонстрировать свою способность это сделать за 3 дня скитаний по этому зальчику. Никто не требовал, чтобы он запомнил все процедуры, но он должен был быстро их находить и по ним действовать. Как можно ругать нашу номенклатуру, что в ней наверх попадают странные лица. Это совершенно закономерно. Наблюдая за карьерой Сергея Вадимовича, если у него будет бешенный успех, то мы будем знать, что он интриган.

Э.Г.КОЧЕТОВ: В Ваших построениях основной или центральной мыслью является модель человека, который отягощен, менталитет его выращен на стремлении к власти. То есть модель человека, в котором имеется прирожденное стремление к власти. Так ли это нужно понимать? Либо все-таки существует совершенно другая модель ценностей, которая бы меняла бы вообще его менталитет и стремление к властным структурам, а далее выстраивается целая система поведения, она вообще бы отпала, и человек бы формировался в совершенно других ценностных координатах.

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Кратко я отвечу на примере. Скажем, что можно делать с автомобилем? Можно с упоением собирать и разбирать его, регулировать карбюратор, и есть куча людей, для которых это является ценностью, они это любят, потому что они это умеют. И они это умение демонстрируют к восхищению окружающих. Окружающие в этом нуждаются. Этот гениальный механик упоен и влюблен в это дело. Есть люди, которые виртуозно могут на этой машине гонять на одном колесе, они знают что такое “нарваться на скачка”, чувствуют милицейский радар по конфигурации куста и просто отдыхают сидя за рулем в этом безумном движении. Им вообще наплевать на карбюратор, у них есть личный механик. Они умеют ездить, они любят рулить, и это другой тип личности. И третий тип личности покупает автомобиль, потому что он знает, зачем он ему нужен. Для этих людей ценностью не является ни карбюратор, ни искусство

вождения, а поездка к морю или факт, что у них есть самая престижная модель. Это разные типы личности. Или триада в государстве Платона: государство ремесленников, государство стражей и государство мудрецов. Я говорю о переходе от государства ремесленников к государству стражей. Ничего подобного об имманентном увлечении к власти я не говорил, просто, когда в обществе есть отрасль, которую я описал, как игру под названием “Политика”, естественно, возникает слой людей, которым это нравится, они туда входят по той или иной причине, либо хотят реформировать, либо хотят действительно власти, либо из интереса, либо по нужде, а потом они втягиваются, среди них возникают наркоманы этой власти. Но ничего подобного тому, что это общечеловечески свойственно, я не говорил. У нас, в России, этот наркотик широко распространен, но никогда на большинство населения не распространялся.

М.А.ЧЕШКОВ: Почему тип личности, ориентированный на постоянный выбор и принятие решений, Вы отнесли, к постисторической эпохе? Почему вывели его за пределы истории и отнесли его к постистории?

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Личность, рефлектирующая процесс выработки решений, в эволюционном ряду, в логическом ряду находится дальше. В каком смысле? Вы сначала должны жить, делать выбор на уровне живота, а потом на уровне головы. В этом смысле, сначала ремесленники, а потом стражи. В терминах, например, христианской идеологии, это хорошо, если человек сознательно принимает решения. Бог послал нас на Землю затем, чтобы мы выбирали между добром и злом. Я осуществляю выбор каждый день, каждым свой. Если я это делаю осознанно, вот это некий эволюционный шаг. Куда? Это зависит от того, что я выбираю.

С.Е.КУРГИНЯН: Когда мы говорим о развитии, включаем ли мы в типы развития революцию? Включает ли в себя число рассматриваемых феноменов революция? Если есть история, то есть народ, есть субъектная инстанция. Если есть народ, то есть революция, и не строится ли все, что здесь было сказано, на некотором предположении, что субстанции всегда “до фи́га” и в избытке и не может ли оказаться так, что при идеальных формах и при всем прочим, окажется дефицит субстанций? А если этого нет, если нет революции, если нет субстанций, то что такое развитие? Рассмотрение революций требует говорить о творчестве, действительно о субстанциях, которые всячески стремятся “вертеться”. Вы меня на этом справедливо поймали. В той абстракции, которую я дал, субъект — предмет, его идеал и форма деятельности, нет места революциям, эволюциям, я вообще не описывал переход от одного субъекта к другому. Я просто говорил, чего не хватает. А каким образом он будет получаться? Предельная абстракция, которую я дал: либо сверху, либо снизу, либо чудесным образом во власти образуется островок, который начинает сознательно все преобразовывать. Либо снизу некая интеллигенция эволюционно реформирует систему образования, начинает поставлять в общество людей, носителей новой формы деятельности, а тем временем там происходит нечто, например, революция и всех этих людей съедают. Или они, овладев формой выработки решения, драпают в США, потому что они идеалы поменяли на другие и там, соответственно, с успехом работают. Потому что востребованность на лиц, решающих проблемы, существует на Западе. Народ у нас умный.

Общество становится перед необходимостью качественного шага вперед. А качественный шаг — это появление наверху носителя новой формы деятельности. В новой форме деятельности возникают всегда акты творчества. Как писал Бердяев, “когда сил добра недостаточно”, вместо развития возникает замена, вместо сил добра приходят силы зла, и они начинают делать то, что силы добра должны были бы сделать, но их не хватило.

А.А.КОНОВАЛОВ: Первый вопрос, на который я для себя еще не ответил и не услышал ответа на него в выступлении: замена властных структур, которые занимаются борьбой за власть на властные структуры, которые занимаются принятием решений. Эта идея очень привлекательная, но я все-таки все это время пытался прокручивать все, что я знаю про мировой опыт и про старый, и про новый, и что-то мне не пришла в голову ни одна властная структура, где бы не было борьбы за власть. Вообще это реализуемая модель или нет? В Соединенных Штатах, если рассматривать их властную систему как корпорацию, занятую выработкой и принятием решений, идет такая борьба за власть, что не приведи Господь в любой известной мне стране. Вспомним драки в японском парламенте и в тайваньском парламенте. Я не знаю ни одной властной структуры, где бы борьба за власть не была одной из составляющих ее деятельности. Может быть она не исключает принятие решений, как наша, поскольку у нас борьба за власть ведется ради борьбы за власть, а там может быть это совмещается с тем, что помимо борьбы за власть все-таки иногда в свободное время они еще принимают решения и эти решения осмыслены, в отличие от наших. Поэтому противопоставление борьбы за власть во властных структурах с выработкой решений, мне кажется, — это несколько абстрактная идеалистическая модель такой картины всеобщего счастья, когда никто за власть не борется, а все принимают решения.

Теперь второе. В “Улитке на склоне” ранних Стругацких был лес и управление леса, и две части книги описывают два субъекта. В одной — по каким законам живет управление леса, а в другой — по какой лес живет сам по себе. Вот оказывается, что эти множества не пересекающиеся. Управление функционирует, издавая указы, а лес живет по своим законам, и эти указы на его жизнь никакого влияния не оказывают. Эта разомкнутость властных структур и реальной жизни, особенно характерна для такой страны, как Россия. На мой взгляд, мы можем создать идеальную корпорацию, которая будет принимать, может быть, даже осмысленные решения и совершенно не бороться за власть, но вот сам механизм того, как эти решения будут реализовываться в субъекте, именуемом Россией, останется неясен.

Корпорация, вырабатывающая решения. Но ведь решения вырабатываются могут корпорацией самые разные. На основе каких критериев функционирует корпорация, из чего она делает вывод, что принятое решение было правильным или оптимальным? Просто принятие решения, на мой взгляд, для наших условий совершенно недостаточно. Надо, чтобы корпорация, принимающая решения, каким-то образом получала информацию, что это решение при его реализации вызвало изменение в управляемой системе. Его надо подкорректировать каким-то образом или заменить на другое, как произошло с Указом о подоходном налоге. Это редкий случай, когда у нас вдруг почему-то построилась обратная связь между управляющей структурой и объектом управления. Представим себе, что мы имеем эту идеальную корпорацию, вырастили людей, склонных к

принятию решений, научили их отличать добро от зла и ввели их во властные структуры. Что будет для них критерием эффективности и функционирования?

В.А.НИКОНОВ: Я не согласен, что субъект развития у нас исчез. Для меня проблема, обсуждаемая сегодня, — это прежде всего проблема создания механизма принятия осознанных решений, которые бы способствовали развитию. В каком измерении мог бы существовать этот субъект? В социальном: мелкие лавочники, богатеи и так далее? Большое сомнение, вряд ли. В корпоративном измерении? Корпоративность у нас очень слаба. И я думаю, как и прежде, на протяжении всех последних тысяч лет у нас будет властный политический субъект. Этот субъект будет властной структурой. Может ли этот субъект возникнуть снизу? Естественно нет. Такой субъект может возникать только сверху в результате того, что Сергей Борисович сказал о самоконструировании. Наша власть сейчас действительно неоптимальна и не способствует созданию такого механизма принятия осознанных решений. Субъекты — это партии. Они опираются на какие-то ресурсы. Но в обществе сейчас существует одна партия, КПРФ, которая опирается на ресурсы недовольства, на ресурсы бедности и так далее, и, кстати, если бы случилось невозможное и коммунисты пришли к власти этим летом, то, может быть, было бы меньше разговоров о том, что отсутствует субъект, они бы создали систему, которая бы была более эффективна, чем то, что было в ЦК КПСС в 70-80-ые годы. Там произошел определенный естественный отбор и там сконцентрировались определенные силы и создавалась система принятия решений, которая, в принципе, может рассматриваться как определенный субъект. Этому противопоставить можно только другой ресурс, который существует в стране — это ресурс действующей власти, экономической власти, политической власти. Попытки в прошлом организовать ресурс этой власти, на мой взгляд, были обречены на провал. Здесь я должен со всей самокритичностью сказать об этом, я тоже в этом принимал участие. То, что мы пытались организовать какие-то определенные фрагменты субъекта развития были восприняты как угроза всеми другими властными экономическими, политическими структурами.

На мой взгляд, создание такого субъекта это дело всей власти. Субъектом создания такой силы может быть только первое лицо государства. Реально это может выглядеть так: за столом собираются Борис Николаевич, Виктор Степанович, Анатолий Борисович, Александр Иванович, Юрий Михайлович и принимают осознанные решения, выработанные, скажем, Сергеем Вадимовичем. В этом случае, я думаю, ни у кого бы из здесь присутствующих не было бы вопроса, есть этот субъект или не было его.

На самом деле я понимаю, что далеко не бесспорные вещи говорю, но, на мой взгляд, создание этого субъекта — это, собственно, создание механизма принятия осознанных решений, которые способствуют развитию. То есть, с одной стороны, должны быть люди, которые эти решения предлагают. Другие — это люди, которые эти решения принимают, причем, принимают так, что они реализуются, а не оспариваются тут же параллельной властной структурой.

Здесь прозвучало, что будущее на Западе. Но Россия — все-таки не Запад. И та система “сдержек и противовесов”, которая там прекрасно работает на протяжении многих лет, совершенно необязательно будет работать здесь. Чем дальше, тем больше я убеждаюсь, что шансы на это невелики. Мне представляется, что модель, которая была выработана

либерально-демократической партией Японии, как-то более ложится на российскую почву. Причем, эта модель по-прежнему спорная: насколько она демократична. Но она во всяком случае дееспособна, это дееспособная модель, которая на самом деле оставляет очень большое поле для политической борьбы, представляет из себя такую структуру, в состав которой входит масса различных партий, фракций, которые умеют договариваться между собой только по одному вопросу, вопросу: кто следующий? Если этот вопрос решен, потенциал работы внутри, этого организма резко повышается. Для коллективного субъекта, я думаю, у нас есть достаточно подготовленных людей. И человеческого материала вполне достаточно, а стимул для самосохранения — очевиден. Стимул этот — удержание власти, который достаточно мощно выступает в качестве сплачивающего элемента. Схема, конечно, одна из возможных, небезупречная, трудно реализуемая, но иной я не вижу в нынешней конкретной ситуации, исходя из реального сложившегося положения дел в стране.

С.В.КОРТУНОВ: Мне кажется, что мы сбились с обсуждения вопроса о субъекте развития на обсуждение вопроса о субъекте власти. Все-таки это два разных понятия и два разных разговора. Я-то, в общем-то, представлял нашу дискуссию именно о субъекте развития. Если бы предложенная только что схема заработала, это не означало бы, что есть исторический субъект развития.

С.Е.КУРГИНЯН: Дискуссия о субъекте и субстанции — это давняя дискуссия. Вопрос все время возникает о том, что мы неэффективно управляем этим народом, неверно создаем решения. Это все очень важно.

Власть в течение очень долгого времени постоянно считала, что у нее народа всегда “до фига”, он в избытке, он сделает все, что она скажет. И действительно в каком-то смысле он и делал все, что скажут. Субстанцию расходовала как хотела, сжигала. Но мне кажется, что мы пришли к критической ситуации, когда говорить о бесконечности этой субстанции бессмысленно, что если власть непрерывно будет заниматься сама собой, рефлексией развития, она не поймет, что она властью перестанет быть, она просто окончательно свою функцию потеряет. Банальная, классическая проблема. Если власть не удержит государство, она не власть, ее нет, она предмет теряет. Но если она будет постоянно разрушаться, как она разрушает государство ради удержания власти, то она власть не удержит.

Тоже самое с выборами. Можно изнасиловать народ, можно его в определенную сторону двинуть, но это может оказаться неэффективно с точки зрения развития. Даже если считать, что он всего лишь предмет потребления, то надо иметь этот предмет. А он — нечто большее, чем предмет потребления. Это не только популяция, это именно народ, это единство смысла, всего существования. Огромная опасность здесь связана с отсечением субстанции от субъекта и противопоставление их. Коммунисты на этом играли не лучшим образом в определенную эпоху.

Я не зря спросил, есть ли революция, если в развитии нет революции, это не развитие. Здесь проявляется “невроз форм”. “Невроз форм” — это постоянное расширение движения в формах покоя. Что такое, по большому счету, такая форма центризма? Это движение мышления в формах покоя. Если Россия создана на земном шаре, то создана для того, чтобы искать мышление в формах движения. Как только начинается этот “невроз форм”, связанный одновременно, пересекающийся с

“неврозом субъектности”, то я скажу, что в итоге получается. В итоге получается мир превращенных форм, и это то, что нас успокаивает.

Неважно, как называются все эти корпорации. Либо это классовая борьба лидирующего класса за то, куда движется общество, тогда понятно, как устроено развитие. Либо это корпорация, останавливающая историю, это элита, воющая с историей, желающая историю остановить. Так она ее и пытается остановить. Мы все время говорим “развитие”, а с той стороны, пожалуйста, вам говорят, как остановить развитие.

Сегодня самая популярная идея глобального сообщества или, по крайней мере, определенной ее элитной части стала идея остановки развития. Все это фокусы и игра другого субъекта. Возможно, развитие и неустойчивость — это одно и то же. В этом смысле мы можем оказаться в ситуации, когда все эти корпорации лиц, принимающих решения, будут решать свои проблемы. Они и так их идеально решают. Они в этих кабинетах свои проблемы решали очень хорошо до тех пор, пока не оказалось, что они заняты только этим. И здесь возникает последний вопрос. Мы все время путаем общество и власть. Эта путаница происходит на уровне понятий, она происходит в жизни людей, особенно в жизни интеллектуалов. Но поставьте интеллектуала в позицию, когда у него предельная возможность заниматься обществом, выстраивать что-то рядом с собой, создавать какие-то позитивные вещи, а потом откройте ему клапан, один раз свисните и покажите ему какую-то дырочку, которая идет во власть, не в общество, а во власть, он побежит туда, он бросит все общественные программы, он тут же окажется там. Потрясающий пример Н.Губенко. Человек существовал как один из известнейших кинодеятелей. Зачем ему нужно было стать министром культуры СССР, в гаснущем властном субъекте? Стеснялся он этого. Гитару с собой таскал в “Чайке”, чтобы показать, что он отдельно, а “Чайка” отдельно, в отличие от Попова, который — как сел в “Чайку”, — как влитой в ней оказался. Почему? Потому что столетиями нам внушали: чем ближе человек именно к власти, тем железнее его позиция, тем больше будет обеспечена его жизнь, его экономика, его процветание и все прочее.

Надо обособить элиту от власти. Дистанцировать фокус истеблишмента и фокус элиты. Если мы хотим создать субъект развития, мы должны заниматься элитой и накапливать общественный потенциал. Что такое власть над этим обществом? Что такое власть над фаршем? Ну пришли бы коммунисты, что бы они делали? Если мы хотим говорить о системе принятия решения, то мы должны подумать, какое общество мы строим. Не власть строит общество. Власть строит элита.

Что такое партия? Это участник в выборной кампании. Если она будет участвовать в выборной кампании, она может взять власть на какой-то срок. А через пять лет придет новая власть. Субъект развития, система, которая занимается развитием, это властная система, которая считает свою власть гарантированной на столетие. Значит, либо это тоталитарная, квазитоталитарная, моносубъектная политическая система, либо финансовая олигархия. Пока что ничего третьего не создано. А наша власть поэтому не может заниматься проблемами развития. О каком развитии идет речь? Меня, например, в случае с Зюгановым больше всего впечатляло то, что Зюганов тоже был избирателем. Значит, мы бы прожили четыре года в капиталистической форме собственности, четыре года в социалистической, еще четыре — в национально-капиталистической. Но это уже истребление страны, это просто

истребление. Это абсурд. Значит, если говорить о таких вещах, то нужно заниматься не партией, назовите это по-другому.

Значит, вопрос заключается, первое, в том, что, если мы хотим думать о субъекте развития, то никакого прямого отношения к власти он иметь не должен, не должен иметь этого кабинетного зуда. Он должен раз и навсегда запомнить, что он имеет отношение к обществу. Институты, которые занимаются развитием, должны быть частными не потому, что хочется, чтобы они были частными, а потому, что если они будут государственными, то через пять лет придет другой директор, он будет создан другой партией развития. Так мы проблему развития России, катящейся в пропасть деградации, не решим, абсолютно не решим. Тут требуется рефлексия исторического процесса. Да самих форм исторического движения. Россия — уникальный организм, который осуществлял движение в уникальных формах. Это второй Запад, это неевропейский Запад, который был одержим движением, одержим движением в отличие от Китая. Россия — это второй Запад и очень важно, что это не Восток. И в пределах всего этого движения складывается субъектно-объектное описание России. Но когда начинают описывать предмет неадекватным образом, то предмет рушится.

Г.М.СЕРГЕЕВ: В.Никонов уже сказал, что субъект есть. Я тоже придерживаюсь этой точки зрения. Сейчас можно более корректно назвать его не субъектом развития, а субъектом изменения. Субъектом развития, как уже говорилось, было дворянство, затем русская интеллигенция. В суммарном выражении это элита. Мы говорили о номенклатуре, это тоже элита. Сейчас Россия находится в процессе структурной реформы. Когда в Соединенных Штатах сила структурная реформа многим казалось, что и там утратился субъект, не шло развитие. То же самое было и в Японии, и в Западной Германии. В США была война черных и белых, в ФРГ — с терроризмом, в Италии — красные бригады, во Франции — отцы и дети. При этом субъектом развития, хотя и в превращенной форме, всегда и везде была национальная элита. Я поддерживаю мысль, что соотносить ее строго с властью нецелесообразно, потому что мы тратим тогда преимущество времени и понимание собственной истории.

Особенность превращенных форм состоит в том, что на поверхности появляется какое-то другое событие. Я вам не случайно сейчас перечислил США, Францию, ФРГ. Я занимался этими проблемами в свое время. Я вам хочу сказать, что может быть утрата идентичности, поиски самоидентификации, это одна из форм превращенных, интеллектуальных наших сегодня поисков и проблема-то настоящая сегодня в том, если мы говорим о развитии, а не просто о социологических, социальных изменениях, что наша элита разорвана.

Вспомните Германию после 45-го года, там элита была единая. Ведь только после рабочего времени Брандт и Штраус спорили в пивных, но в рабочее-то время они занимались восстановлением великой Германии. И не было более талантливых людей, чем Брандт и Штраус, работающих ради блага Германии. Субъект развития надо узнать, выявить, как-то интерпретировать.

Не случайно в первом варианте доклада о национальной безопасности, который поддержал Сергей Ервандович, были идеалы, была цель. Но когда документ вышел, цель и идеалы выпали, остались только ценности и интересы. Очень интересно. А сейчас мы говорим о целях, идеалах, национальной идеологии. Мы пришли к этому, но почему-то боимся назвать вещи своими именами. Мы находимся внутри котла, который варится в этих

рамках структурных реформ. И сейчас мы имеем дело с превращенными формами субъекта развития.

Когда из подобных ситуаций выходили Штаты, ФРГ, ряд других стран, у них элита была единая, она вместе вся работала на возрождение своей страны. Мы трагически разорваны. Здесь и есть одна из самых больших проблем. Одни говорят: “Вот придут коммунисты, и мы все погибнем”, другие говорят, что пришли “проклятые демократы”.

Я вспомнил в этом контексте одну из статей о проблемах национальной безопасности. Интереснее и глубже я еще материала не встречал. Автор образно показал, что есть общие проблемы, мы по разные стороны баррикады, но есть элита, есть общая страна, есть то, над чем можно работать. Если вы вспомните обращение Ельцина к народу и обращение Зюганова к народу, вспомните, пожалуйста, что они там говорили о целях своей деятельности. Они говорили о том, что надо стремиться к благополучию человека и России, а ведь до этого ни один об этом не говорил, и Ельцин не говорил до выборов: “Прежде всего, человек, семья и все прочее”. Зюганов говорил о социализме, о коммунизме. А тут они оба заговорили о человеке, о семье.

Мне представляется, что проблема, что бы мы ни говорили, о самоидентификации, состоит в понимании путей общей совместной работы нашей национальной элиты. Скажем, наша финансовая элита. Она пожила и умерла, и умирает сейчас. Была ли она субъектом развития? Конечно, была, но у каждого субъекта есть свое время. Оно есть и у нашей национальной элиты. И развитие существует сегодня в сложных превращенных формах. Может быть, мы не очень корректно свели эти два понятия “субъект” и “развитие”. Мы запутали, одно неясное понятие, заполнив его другим неясным понятием.

М.В.РАЦ: Есть тип научной конференции, когда докладчик рассказывает о том, что он знает и в силу тех или иных обстоятельств часто вынужден уйти после своего доклада, а все остальные делятся друг с другом своими мнениями, знаниями, впечатлениями. Бывают обсуждения принципиально другого рода, когда ни докладчик, ни выступающий не рассказывают о том, что они знают, а высказывают некоторые соображения, возникающие у них по ходу дела и в связи со сказанным. А самое интересное это то, что некие мысли возникают при этом не в голове у отдельно взятых персонажей, а в том пространстве, внутри которого эти персонажи находятся, конденсируются в воздухе, в аудитории. В той методологической школе, к которой я принадлежу, в отличие от докладчика, последний способ общения называется коммуникацией. И этого у нас в значительной степени нет здесь. И теперь я думаю, что это обстоятельство во много имитирует как это обычно и бывает, как в капле воды, ситуацию, существующую в нашем обществе, в нашей стране. На мой взгляд, эта тема имеет самое прямое отношение к теме развития, потому что основным механизмом развития как раз и является коммуникация. Покуда ее не будет, развития не будет. Это маленькое предисловие.

А теперь мне хотелось бы отнестись к некоторым тезисам докладчика, которые принципиально важны. Первый из них, который я рассматривал бы сквозь призму выступления Вячеслава Алексеевича Никонова, которого, к сожалению, тоже нет, впервые задавшего, после того, как отзвучал доклад, вопрос о том, а в каком пространстве надо искать субъекты развития? В связи с этим я вспомнил вступительные слова Сергея Вадимовича насчет того, не ищем ли мы черную кошку в темной комнате, при том, что этой кошки вовсе и нет. Искать можно по-разному. Можно искать там, где светло, под фонарем, а можно искать там,

где предполагается место нахождения искомого или там, где его потеряли. Мне сдаётся, что наши поиски субъекта развития в значительной мере развиваются по схеме поиска под фонарем в той самой социальной действительности, социальном пространстве, которое в разных измерениях было представлено Вячеславом Алексеевичем, как собственно социальное, корпоративное пространство власти, где он вроде бы видит проблески этого самого субъекта. Я думаю, что в социальном пространстве много чего можно найти, только не субъект развития. Субъект или субъекты развития, сказал бы я сразу, и в этом пункте вполне бы согласился с высказыванием Геннадия Михайловича, эфемерны, они возникают и исчезают, очень часто не оставляя никаких следов в социальном пространстве. Кстати, любимый очень в Японии немецкий экономист Шумпеттер без малого 100 лет назад написал довольно подробно целую теорию экономического развития, в которой в качестве субъекта выставлял предпринимателя, в принципе отличая его от бизнесмена. У нас такое различие проводить не принято, мы эти слова употребляем как синонимы, ну и не только мы, скажем прямо. Эта идея предпринимателя, творца, того, кто меняет существующую систему деятельности, а не функционирует в них, мне представляется не устаревшей. Другое дело, что, на мой взгляд, искать субъектов развития следует не в социальном мире, а в мире позиций. А сама фологизация, которую не явным образом производил докладчик, говоря сразу о корпорации лиц, принимающих решения, ссылаясь на Геллбрайта, как бы сразу закрывает путь к вопросу о развитии вообще, поскольку, сказал бы я в данном случае, возражая Геннадию Михайловичу, развития в превращённых формах не существует. Оно немислимо в превращённых формах. Развитие есть такая хитрая вещь, которая мыслима только в мире расколдованном из превращённых форм.

Второй момент, второй тезис докладчика — это тезис о глобальности развития. Не даром речь в свое время шла о субъекте развития в единственном числе, о том, что происходит в кремлевских кабинетах и предопределяется судьбой России и так далее, и тому подобное. Я бы вот этому противопоставил тезис локальности развития и утверждал бы, что развитие, насколько оно вообще мыслимо, всегда и по принципу локально, а глобальным быть не может. И с этим обстоятельством связана та идея моносубъектности, о которой здесь говорил Сергей Ервандович. Развитие при наличии единственного субъекта я бы мог себе представить в виде такого кратковременного толчка, некоторой судороги, толкнули, сдвинули и либо остановились, либо покатались по пути меньшего сопротивления, но на этом все развитие и кончилось. Развитие, как более или менее продолженное состояние, я не буду говорить об устойчивом развитии, которое весьма проблематично, оно продолжено, это континуум, оно возможно, на мой взгляд, только при наличии множества субъектов, которые сменяют друг друга во времени и пространстве.

И последнее обстоятельство. Эта идея — возможен или не возможен в России плюрализм, возможна или не возможна система “сдержек и противовесов”. На мой взгляд, это иными словами вопрос о том, возможно или не возможно в России развитие. И мне, совершенно честно, неважно развитие ли на западный манер, на восточный ли манер, как в Соединенных Штатах или как в Японии, или как в Иране. Мне важно только одно: будет ли возможна разнонаправленность движения, будет ли возможна многосубъектность развития? Не будет этого — невозможно и развитие. Даже теоретически его помыслить

нельзя, если только не приписать его Господу Богу, как тому самому моносубъекту.

С.К.ОЗНОБИЩЕВ: Если за субъект развития брать предпринимателя в широком смысле этого слова, с чем я согласен, то предпринимателя какого? Который сидит на этой площади или на другой, который способен что-то изменить, то этот предприниматель будет действовать в конструктивном ключе в интересах общества, государства, страны, народа. Только, если ему будет установлена рамка развития, как говорит Сергей Ервандович, или условия развития. Эти условия развития берутся из той элиты, о которой правильно говорил Сергей Ервандович. Другое дело, к сожалению, что сегодня наша элита, на мой взгляд, абсолютно бескровна. Она в силу исторического развития уродлива в России во многом оказалась в Америке, в Германии, в Париже и так далее. То есть произошел, так сказать, генетический какой-то отток.

Социалистическая форма правления после некоторых достаточно долгих лет отстрела внутри себя, отбора, вышла на какой-то эффективный, наиболее рациональный, но эффективный, о чем говорил Сергей Борисович, метод самосохранения. Был образован узкий коридор критериев, которым он должен отвечать. Там, например, надо быть комсомольцем, партийным. Без этого ты не мог войти ни в какие структуры власти. Но есть и общие с теперешним положением критерии и качества. Надо было, по-видимому, отвечать идеологии определенной группы. И, может быть, даже идеологии определенной личности, той личности, которая тебя поднимала вверх, что собственно верно и теперь. И надо было участвовать в этом движении, что тоже верно теперь. Но различие состоит в том, что прежняя система имела под собой рациональную цель, эта рациональная цель состояла в самосохранении элиты. Сейчас же мы видим дикое поле политической борьбы. Эта борьба происходит не на рациональной основе, а на основе просто взаимной ликвидации. Цель — это ликвидация другой группы, изгнание ее с работы, изгнание ее из политической жизни, недопущение ее к рычагам политической власти. И эта борьба происходит диким способом.

Очень важно, чтобы возникло требование рациональности, и эта рациональность была привнесена и в политическую борьбу, и в политическую жизнь. И чтобы был механизм отзыва политиков, отзыва депутата. Механизм смены одной политической группы другой именно на основе рациональных конструктивных требований объекта развития - народа. Пока будет идти уничтожение одних другими, пока ни за что не будут отвечать перед объектом развития, ничего не наладится. Пока не будет механизма развития, определяющего рациональные взаимоотношения объекта субъекта и развития.

М.А.ЧЕШКОВ: Сергей меня очень сильно разочаровал. Он нам рассказал историю субъекта по фамилии Сергей Чернышев. Все это очень интересно, но это можно было бы сделать в другой аудитории. Мы говорим — один субъект или много субъектов. Это из чего проистекает? Из того, что понятие субъекта, мне кажется, в недостаточной степени уточнено. Надо разделить субъект и субъектность как свойство, качество, которое свойственно многим, скажем, не субъектам. Тогда это субъект моно, моно — это определенный вид, один субъект — субъект вообще. Проблемы нет такой — один или много, это субъект вообще.

А когда мы переходим из области знаний философского, к более конкретному, скажем, общенаучному, тем более,

конкретно научному, уже речь идет не о субъектах, речь идет об их модификациях. Назовем их как угодно, агентами, актерами. Предприниматель — это фигура, которая может, обладать субъектностью, я не скажу быть субъектом. В то же время бизнесмен — это агент или даже актер, который может обладать субъектностью, а может и не обладать. Поэтому задача наша — расчленив субъект, субъектность, субъекта, агента, актера, а идя с другой стороны, с точки зрения реальности, посмотреть, кто из наличных агентов или актеров может претендовать на обладание качеством субъекта.

Мы возвращаемся опять к исходному вопросу, что такое субъект. Причем, тут нужно уточнить, речь идет не просто о субъекте развития, речь идет о субъекте истории, не культуры, не хозяйственном субъекте, а субъекте истории. А если мы имеем дело с субъектом истории, то наши поиски в реальных агентах субъектного качества должны исходить именно из этого. То есть мы должны искать, насколько агент, будь он финансист, будь он политик, партиец и так далее обладает свойствами или качествами стать субъектом истории. Что значит субъектом истории? Именно я подчеркиваю, истории, а не развития.

Кстати говоря, с моей точки зрения, сама постановка вопроса — субъект развития дважды проблематична и дважды ущербна. Поскольку развитие все-таки отождествляется с изменением, это развитие социальности, социума, социального человека, человека как совокупности социального движения. В этой мере развитие, выступает лишь как один из моментов истории, как один из периодов истории, пика ее истории. А конец истории (если понимать ее не в расхожем термине), когда исчезает разнообразие форм и остается одна, есть исчерпание социального начала в человеке, как движущей силы человечества. И соответственно, переход к “постистории” есть не что иное, как преодоление этой социальности, моносоциальности, что и означает в терминах и Янча, и Моисеева своего рода возвращение в эволюцию. Независимо от того, насколько правильно такое понимание истории и постистории, мне кажется, проверяя агента, или актера на субъектность, надо, в первую очередь, отвечать на вопрос, что, а потом уже, кто. И третий вопрос — это вопрос как.

Если исходить из такого понимания истории и, соответственно, соотносить с нею субъект, то оно имеет всеобщий генерализующий характер и в этом смысле глобально. В то же время мы должны искать модификацию субъекта и на локальном уровне, в том числе и в России, при этом не сводя локальную модификацию к глобальной, а глобальное — к сумме локальных.

России еще только предстоит стать Россией, она еще Союз, а не Россия. Российскую идентичность еще нужно выработать, а для этого нужно много работать. Поэтому характеризовать наш социум как российский рано, он постсоветский. Союз претендовал в своем бытии на субъект мироисторического плана, на роль исторического субъекта, поскольку он выдвигал новый проект мировой истории. Потеряв эту роль, он потерял и свое право на бытие. Крах этой миссии или этой роли означал, что постсоюз оказывается в вилке. Или он, постсоюз, станет объектом истории или он обретет, заново выработает историческую субъектность в своем новом виде.

В.В.МАРУЩЕНКО: В докладе не было четко сформулировано, как докладчик понимает проблему развития, как докладчик понимает проблему субъекта развития. Согласен с Сергеем Ервандовичем, что нельзя субъекта отделять искусственно от объекта. Нельзя путать субъект власти и субъект

развития. Можно занимать какую-то управленческую функцию, но не принимать никаких решений.

Объектом развития у нас является матушка Россия, а это не есть пустое вместилище, куда можно, не считаясь с законами духовного развития ее организма, пихать все что угодно, что разрабатывается в недрах транснациональных корпораций. Субъектом развития является национальная элита, причем не квазиэлита, которая может занимать определенное положение в области экономики, в политике, во властных структурах Министерства обороны, а именно, общенациональная элита. У нас существует творческая элита, политическая, экономическая, военная, но вся беда в том, что это не общенациональная элита, а коль это не общенациональная элита, то эта “элитка”, она выражает интересы своей корпорации. Военная элита выражает интересы узкого круга военных лиц, причем не всех вооруженных сил и, даже, не интересы национальной безопасности, творческая — свои интересы, а в целом — это не общенациональная элита, которая бы могла выражать интересы всего социума. Если взять то, как формировалось дворянство, это 25 процентов татар, 30 процентов — Центральная Россия, Литва, Польша — порядка 20 процентов. Эти люди служили единому обществу, то есть они забыли про свои маленькие родины. Это была действительно национальная элита. Такая элита могла выступать субъектом развития, ведь задача национальной элиты в том, что она должна адекватно оценивать тот объект, который она хочет развивать, и адекватно отвечать на вызов эпохи. Тогда элита сможет предложить свою модель, свою идею. Наша элита не способна адекватно отвечать на вызовы эпохи, не в состоянии формировать поведенческие модели. Более того, она не может свои поведенческие модели связывать с общим социумом, она не знает народной души. А если не знать души народа, не знать как формировался этот объект, какие были у него стадии развития, то вряд ли реально можно развивать этот объект.

Посмотрите на дворянскую элиту в век расцвета России, когда шел экономический рост, демографический рост, рост авторитета страны, когда военное могущество России переживало свой пик, когда походами на Москву никто и не бредил. Могла ли Екатерина тогда подписывать любые указы, какие ей заблагорассудится, могла ли она заключать где-то какие-то договоры, которые бы серьезно ущемляли территориальную целостность России? Нет, потому что существовала элита, которая, могла допустить “кувыркание у власти”, но как только кто-то пытался круто развернуть корабль управления государством в ту или иную сторону, сразу выходили два ангела-хранителя России — Семеновский и Преображенский полки. Это была некая корпоративность мышления, отвечающая общегосударственным интересам. Тогда вся элита служила в вооруженных силах и “доворачивала” власть до общенациональных интересов. Сейчас власть уже не защищает этих интересов, потому что нет такой элиты. Отсюда — нет преемственности. Главная задача национальной элиты заключается в том, чтобы отвечать на вопросы: откуда мы, кто мы такие, куда мы идем? Это не праздные вопросы, это вопросы в высшем смысле метафизические, потому что это проблема самоидентификации нации, самосознания. А некоторые представители политического истеблишмента из Министерства обороны отвечают на эти вопросы следующим образом: “Мы все из августа 1991 года, в настоящее время являемся строителями рыночной экономики, а куда идем, чего проще — к очередным президентским выборам!” Не греет! За эту идею, за эту самую идентификацию ни один солдат в мире умирать не будет. В этом плане меня несколько порадовало Послание по национальной

безопасности. В свое время Иван Грозный говорил, что мы преемники Киевской Руси, продолжатели Московской Руси, а ты, супостат, захватил наши земли, пользуясь нашей временной слабостью. Это он польскому королю пишет. Его внешняя политика была предсказуема.

Мало кто знает, что в недрах Министерства обороны существует указ министра обороны о том, что в Москву назначать в центральный аппарат Министерства обороны офицеров, имеющих московскую прописку. То есть не обладающих определенными интеллектуальными, моральными и прочими способностями и качествами, а людей, имеющих московскую прописку. Как в условиях таких социальных фильтров может формироваться военная элита? Да, никак. Петр I накануне своих реформ в 1680 году отменил систему местничества, когда высший состав армии назначался не по способностям, а по породе. Многие историки говорят, что не отмени он этой системы местничества, никакие бы реформы не пошли, никакой бы класс организаторов-реформаторов не сложился бы. И даже в то время существовал так называемый московский список, согласно которому на руководящую должность назначали людей, которые имели поместье в Москве или в ближайшем Подмосковье.

К.З.МИКАЭЛЯН: Я не столь пессимистичен, как докладчик, только потому, что понимаю, что такое развитие и что такое субъект развития. Субъект развития — это российский народ, точнее, русский народ. Условием развития является та свобода, которую русский, российский народ добывает сегодня. Разрушение российской государственности было результатом действий тоталитарной власти, вооруженной сумасбродной идеологией. Отсутствие свободы за 70 лет загубило Великую Россию и губит ее сейчас. Надежду на то, что Россия возродится, возродится великое государство — я связываю с той свободой, которую она сейчас добывает, выражая свои национальные интересы, ища свои национальные интересы, определяя свои национальные интересы и разрабатывая механизмы достижения своих национальных интересов. Задача национальной элиты или национальных интеллектуалов — это разработка конкретной российской внешнеполитической и внутривнутриполитической доктрины. Это конкретная задача российской государственности и российского национального самосознания. Мой оптимизм основывается на том, что диагноз российской болезни я вижу и вижу пути ее преодоления, пути возрождения российской государственности и российской национальной самосознания.

Идеи российской государственности и патриотизма сейчас узурпированы красно-коричневыми, то в то время, как прогрессивные русские люди стесняются говорить о том, что они патриоты. В этом заключается главный вопрос.

С.Е.КУРГИНЯН: Элита формируется в дискурсе, в правилах языка. Если мы хотим сформировать единую элиту, то должны беречься в языковом смысле от формул типа “70 лет абсурдной идеологии”. Мы хотим объединить всех людей, которые стоят за интересы государства. Так ведь для этих людей эти 70 лет есть великий период в жизни их отечества, как и сказано в указе Президента, который на 9 мая стоял на Мавзолее. Другие должны беречься от того, чтобы говорить, что “эти космополитические демократы, которые являются агентами”. Третьи должны беречься от каких-то еще выражений. Сформируется дискурс — сформируется единая элита. А иначе желая создать национальную элиту, мы используем такие слова, что разрушаем эту элиту. Есть оголтелый язык, который

нетерпим также, как и сама тоталитарная идеология. Нужна гигиена слов, ведь мы живем в культуре. Мы можем рассказывать о самых хороших вещах, но как только начинают произносить эти слова, эти вещи уничтожаются. Элита — без красных и коричневых. Иначе какой дискурс? О чем мы говорим? У нас три грызущиеся стаи, а объективность за то, чтобы у нас была одна национальная элита.

В.А.НАДЕИН-РАЕВСКИЙ: Согласен с вами, Сергей Ервандович, по поводу терминологии и вообще языка общения. Если мы не будем придерживаться определенных элитных правил языкового общения, невозможно будет ни о чем договориться. Важный момент, который затронул Карэн Залибекович, это момент формирования самосознания новых россиян, что мы такое, что мы есть, каковы наши национальные интересы, каковы наши национальные задачи, чего мы хотим в этом мире. В первую очередь следует определить, в чем есть взаимопонимание между различными политическими силами, направлениями, лицами. Есть общее. Люди хотят жить, люди хотят жить лучше, не хотят потерять остатки территории, чтобы культура не погибала, развития образования. Под этим подпишется любая политическая сила в стране. Есть, конечно, группа вопросов, которая вызывает недостаточное понимание и требует обсуждения. Но это, как правило, расхождения тактического плана — как достичь те или иные цели.

Взглянув на свои границы, на свое окружение, на свое влияние, на тех, кто к нам стремится и кто не хочет быть с нами, мы и в состоянии построить цельную концепцию и национальной безопасности, и национальной обороны России. По поводу национальных интересов и национальных целей много уже идей было высказано. Из них можно вычлениить и рациональные зерна. Может быть, даже надо создать коллектив, который бы сумел целенаправленно работать над этими проблемами для того, чтобы под них подвязать и внешнюю политику, которая сейчас, в общем-то, не имеет стержня, и оборонную политику. Здесь должен быть общенациональный или общероссийский консенсус.

А.Н.ПАВЛОВСКИЙ: Я не вполне разделяю точку зрения Сергея Борисовича на дефицит субъектности, хотя дефицит субъектности как состояние мы ощущаем постоянное. Не исключено, что это просто нормальное рабочее состояние, а для некоторых — повод не работать. Когда чего-то нет, то скорее всего есть что-то другое, что работает на основе того, что чего-то нет, то есть какая-то машина вытеснения. Что-то, чего мы не знаем, но чего мы не можем или не хотим видеть, но в то же время оно очень хорошо работает.

Все время моей сознательной деятельности я, как говорится, работал в субъектах по решению каких-то задач, причем, как правило, эти задачи были связаны с другой областью. В исторической деятельности, в которой мы тогда все работали они имели глобальный аспект в представлении тех, кто составлял этот субъект, но в то же время они были бы вполне работоспособными. Они видели свои ресурсы, они видели своих противников и они, в принципе, стремились к максимальному уровню интеграции, в том числе и интеграции с властью, хотя в некоторые эпохи это приобретало парадоксальную форму очень острой борьбы с властью.

Совсем недавно я прочел книгу “Роль секретной стратегии США”. О развале в Советском Союзе. Очень полезная книга, я считаю, очень полезно почитать и западникам, и патриотам. Автор очень спокойно рассказывает, как это делалось. При этом она явно не укрепляет позиции сторонников концепции

заговора против СССР, потому что заговор — это другое название биржи. Ликвидация СССР тоже была операцией геополитической биржи. Это было локальное решение довольно небольшой группы лиц в руководстве США, которые действовали конспиративно. Более или менее, все это известно, и более или менее, самое смешное, было известно и здесь. Но совершенно ясно: по стилистике постановки задач, по языку, на котором там пять-шесть человек из руководства США обсуждали эту проблему, — что на этом языке здесь разговаривать не могли. В эти же годы, а это было в 1981-1985 годах, в эти же годы мы разговаривали на таком же языке, как и сейчас, но коммуницировать с теми, кто распоряжался ресурсами, основными ресурсами страны, мы не могли.

Проблема коммуникации мне представляется центральной. И для меня она является самой больной проблемой, потому что я в течение примерно 10 лет я наблюдаю захват сферы коммуникаций, захват национальной сферы коммуникаций, именно коммуникаций, возможных коммуникаций внутри коммуникации элиты, именно той коммуникации, которая необходима для создания национальной элиты. Захват, узурпация, я бы сказал, тем, что сегодня называют средствами массовой информации, что на самом деле, с моей точки зрения, этим не является. Это совершенно уникальной институт, не имеющий места ни на Западе, ни в посткоммунистической Восточной Европе. Совершенно уникальный институт, который сегодня блокирует коммуникацию, блокирует коммуникацию в элитах. Сегодня мы в выходе из чеченской компании в острейшей форме расхлебываем результаты этого. И они по-своему страшны, потому что последние социологические исследования показывают не уменьшение пораженческих настроений в массах, а их увеличение. Это очень опасное состояние общества. Совершенно бессмысленно его бичевать. Впервые с 1991 года я наблюдаю что-то похожее на консолидацию элиты. Парадоксально, но это происходит в абсолютном отрыве от масс, где процесс идет в другую сторону, и на это работают средства массовой информации. Кем они являются в этом процессе, очень трудно сказать. Это некое самодвижение. Но они часто работают на ножницы. А это мешает консолидации элиты, потому что никоим образом консолидация невозможна, если ты при этом отказываешься от массовой базы. С другой стороны, это открывает коридор для потенциального, пока отсутствующего субъекта. В данный момент в условиях одобрения поражения в войне отсутствуют силы, которые осознанно, как в 1917 году возьмутся за создание радикального массового субъекта.

Мы имеем дело с глухой элитой. Глухой в моральном смысле. Каждый кричит на своем языке. Зона притирки, зона перевода, зона необходимости переводить, говорить на языке, на котором тебя поймут, отсутствует. Центральная проблема сейчас находится в сфере массовых коммуникаций, которые называются средствами массовой коммуникаций, средства массовой информации, которые сегодня успешно блокируют деятельность власти в попытках планирования, попытках решения проблем и в попытках создания культуры решения проблем. А с другой стороны, блокируют взаимопонимание у элиты. А с третьей стороны, просто блокируют, создают и наращивают разрыв между элитой и массами и между разными российскими элитами. Вот поэтому субъект и не складывается. В период выборов мы не столько сконструировали позитивный субъект победы, сколько работали на деконструкцию субъекта Зюганова. Это было проще, это казалось единственным возможным решением. Но теперь этот механизм не может быть решением.

В.Г.МАРАЧА: Мне кажется, что чрезвычайно симптоматичны два момента. Субъект развития решающий проблемы оказался достаточно моносубъектен. Второе. Субъект развития склеился с субъектом власти. Мне кажется, это есть результат определенной целостной парадигмы, которая произрастает из того общества, в котором мы с вами жили. Тут даже можно вспомнить Александра Зиновьева, который писал, что в нашей стране, во-первых, был реальный коммунизм, а во-вторых, было развитие, которое он соотносил с методом восхождения абстрактного к конкретному, развитие органических систем. Наверное, специфический механизм развития нашего общества — эмпирический. Он состоит в том, что происходят периодические перестройки. Одна успешная перестройка была во время Великой Отечественной войны. Вторая, но гораздо менее успешная перестройка, видимо, должна быть отнесена к 60-м годам. Реформы как бы затухли, но худо-бедно добились ракетно-ядерного паритета. Чем закончилась третья перестройка, мы все знаем. Причем, этот механизм необходимости перестроек, связан с природой социально-производственных систем, когда для того, чтобы что-то развить, любая технология вырастает в социальный материал.

С.В.КОРТУНОВ: Я считаю, что эти три часа были проведены с пользой. Со своей стороны, обещаю сделать максимум для того, чтобы этот весьма плодотворный разговор, продолжился.

III. ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Стенограмма дискуссии, проведенной Федерацией мира и согласия Москва, 26 апреля 1997 г.

В.И.ФЕДОСОВ : Федерация Мира и согласия — старейшая в стране миротворческая организация. Мы давно занимаемся проблемами безопасности разоружения, национального примирения, гуманитарного сотрудничества, экологии. Мы очень рады развитию новых конструктивных отношений с нашими партнерскими организациями, с организаторами данной конференции. Знайте, что вы всегда желанные гости в Федерации и мы открыты к сотрудничеству.

Уважаемые коллеги! Мы выносим на ваш суд проект документа “*Политика национальной безопасности России (1996-2000 гг.)*”, который является итогом многомесячной работы аналитической группы при помощнике Президента по национальной безопасности. Этот документ -своеобразный пятилетний план, где содержатся основные цели и приоритеты в области национальной безопасности, которых, по нашему мнению, должны быть бы придерживаться Россия в ближайшие годы для того, чтобы восстановить и сохранить за собой статус великой державы для того, чтобы народ и все мы могли вести достойную жизнь.

Мы намеренно начали обсуждение этого документа на ранней стадии его подготовки. В Российской “политической практике” это делается впервые. Документы такого плана у нас широко никогда не обсуждались. Нам очень хотелось бы, чтобы этот документ стал если не продуктом национального согласия, то хотя бы продуктом согласия между основными институтами власти и экспертами. В основе представленного проекта лежат естественные ценности -человек, его права и свободы, необходимость гарантированного обеспечения этих прав и свобод.

Я очень надеюсь, что в последующем документе такого рода, который появится в России будут отсутствовать многие положения, содержащиеся в представляемом сегодня проекте. Потому что положения эти связаны с кризисным состоянием нашей экономики и нашего общества в будущем, и нам не придется больше говорить о необходимости преодоления экономического кризиса, о необходимости становления и укрепления демократических институтов власти обеспечения защищенности человека.

Мы связываем развитие России, ее будущее, в первую очередь, с устойчивым демократическим развитием России. Без этого невозможно утверждение России на мировой арене, невозможно обеспечение высокого уровня и качества жизни. Очень хотелось бы, что то, что еще недавно было в разряде лозунгов, в первую очередь -обеспечение высокого уровня жизни каждому человеку и каждой семье, и то, что сейчас находится в разряде трудновыполнимых задач, наконец, начало бы реально выполняться и каждый из нас почувствовал бы результаты деятельности и государства, и общества.

В то же время мы уверены, что несмотря на сегодняшнее непростое положение в стране, Россия находится в исторически уникальной ситуации, когда нет масштабной внешней угрозы и поэтому мы можем в это пятилетие спокойно достраивать основы демократии и обеспечивать выполнение стоящих перед обществом задач.

Итак, мы выносим на ваш суд проект этого документа, и уверены, что этот суд будет строгим, но справедливым. Мне хотелось бы в самом начале обсуждения выразить глубокую благодарность банку “Арсенал”, который во многом сделал возможным это мероприятие. И мне очень радостно говорить о том, что у нас появились люди, которые и болеют за Россию, и думают о ее будущем, и делают практические шаги для того, чтобы Россия нормально развивалась и планировала свое развитие, в том числе и в таких спорных вопросах, как планирование национальной безопасности. Здесь лежат русские издание ежегодника стокгольмского международного института проблем мира. Спонсором этого издания также выступил банк “Арсенал”.

В.Н.КЛИМЕНКО: Уважаемые дамы и господа! Я остановлюсь на организационных моментах, связанных с подготовкой этого документа. Этот документ готовился по поручению Президента. Он готовился не как “выборный” документ.

От имени Юрия Михайловича Батурина могу выразить большую благодарность творческому коллективу, принявшему участие в разработке документа. Цель документа — поиск согласия. Согласие не означает включение всех мыслей всех участников, а означает поиск разумного компромисса.

Поэтому сегодня при обсуждении документа, наверное, будут высказаны мысли, которые целесообразно будет учесть и принять во внимание в дальнейшей работе.

Важнейшие концептуальные проблемы, которые сегодня стоят перед Россией, связаны со строительством Вооруженных Сил, с военной доктриной, с поиском разумных схем финансирования оборонного комплекса. Успешность решений комплекса этих вопросов в значительной степени зависит от того, какие направления будут заложены сегодня в политике национальной безопасности.

Мы надеемся, что практическая реализация положений этого документа как и последующих разработок на этом направлении будет способствовать выходу из очень большой ломки, которую претерпевает наше государство — в политической, экономической, военной, научно-технической и культурной сфере.

В.И.ФЕДОСОВ: Я хотел бы предоставить слово Картунову Сергею Вадимовичу, который является координатором работы нашей группы. Вы прекрасно понимаете, что прежде чем говорить о согласии между институтами, нам необходимо было согласие между собой. Достичь его было порой непросто. И то, что это произошло — огромная заслуга Сергея Вадимовича.

С.В.КОРТУНОВ: Я ограничусь некоторыми соображениями в связи с обсуждаемой темой.

Первое. Действительно, отсутствие политики национальной безопасности и концепции национальной безопасности это проблема, которая тревожит наше российское общественное сознание и уже достаточно давно.

Как известно, в соответствии с Законом о безопасности 1992 года Президент обязан направлять послание в Парламент по комплексу вопросов национальной безопасности. Но для того, чтобы такое послание готовить должны сложиться некие концептуальные представления по основным вопросам, касающимся обеспечения национальной безопасности и развития России.

Поэтому сегодняшнее наше совещание как бы является одним из ключевых этапов на пути к тому, чтобы в обществе сложился комплекс представлений по этой проблематике.

Думаю, то, что до сих пор этого не произошло. Связано это прежде всего с тем, что пока не завершен процесс самоидентификации России. Ясно, что Россия это не бывший Советский Союз и не бывшая российская империя. Это страна, которая является историческим правопреемником и российской империей, и Советского Союза. Но вместе с тем это новая страна и по выбору своего пути и в культурном цивилизационном плане, и с точки зрения выбора экономического развития, и по целому ряду иных признаков.

Пять лет существования России в ее нынешних границах — это все-таки небольшой, в историческом масштабе срок для того, чтобы сложилось национальное самосознание, государственность, понимание целей и перспектив развития страны. Определение этих понятий является условием для формирования представлений о национальной безопасности в обществе. Пока у нас лишь складывается сам субъект национальной безопасности, иные основополагающие понятия России как государства.

Другая сторона этого вопроса состоит в том, что представления о национальной безопасности, безусловно, должны отражать если не общенациональный консенсус, то достаточно широкое общественное согласие, и это согласие должно быть выше политической конъюнктуры, политической борьбы, выше интересов отдельных партий. Именно поэтому я

еще раз хочу подчеркнуть, что данный документ мыслился нами именно как внепартийный или надпартийный, и отнюдь не как выборный.

Следующий момент, который я хотел бы упомянуть особо, заключается в том, мы как бы стремимся совместить идею безопасности и идею развития России. Это вполне естественно. Здесь мы как бы исходим из понимания, сформулированного в Законе о безопасности 1992 года, где безопасность определяется как состояние защищенности личности, общества и государства и возможности их прогрессивного развития.

При такой постановке вопроса обеспечение безопасности не ограничивается и не сводится к функции защиты. Оно совмещается с идеей развития. Поэтому речь здесь идет не только о противостоянии неким угрозам как внутренним, так и внешним, но и о комплексе мер по развитию прав и свобод личности, материальных и духовных ценностей общества, конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности государства, то есть деятельности, которая обычно квалифицируется как интегрированная и долгосрочная государственная политика. Например, в американской политологии это даже не стратегия национальной безопасности, а скорее большая стратегия.

Мы стремились собрать в этом зале нашу политическую элиту, которая действительно занимается вопросами национальной безопасности, влияет на принятие решений, формирует общественное мнение по комплексу этих вопросов.

Мы считаем, что это начало широкого многостороннего диалога по комплексу вопросов национальной безопасности.

В.А.РУБАНОВ Я выступаю не как должностное лицо, потому что функционально не мне поручено заниматься разработкой документов концепции национальной безопасности, а как эксперт, и поэтому я выражаю свою точку зрения.

Мне представляется, что чрезвычайно важно выделение предмета безопасности. И хотелось бы в методологическом плане акцентировать понятие безопасности как социально-политического явления, характеризующего развитие всего общества, государственности и деятельности других социальных субъектов с иммунной системой, которая специально направлена на выявление угроз и на реагирование на эти угрозы.

На этот счет в документе нет четкости и ясности понятий. И эта нечеткость в выражениях приводит к тому, что люди, которые представляют именно силы осуществления безопасности, чисто философские представления о безопасности и государстве в целом, воспринимают как нечто теоретическое, не относящееся напрямую к деятельности органов безопасности.

Необходимо четко показать общеполитические цели и задачи общества для того, чтобы оно самосохранилось в процессе трудного исторического перехода, необходимо выделить ту специальную область, на которую в первоочередном порядке должны реагировать созданные для этого государством силы и средства.

Документы такого уровня являются не только и не столько плодом интеллектуальной деятельности политической элиты или государственных ведомств. Заложенные в них идеи получить политическое и общественное признание.

Безусловно, сам по себе текст представленного документа учитывает современный уровень политических документов подобного рода. Здесь, мне кажется, трудно сделать какие-то замечания и предложения. Но по содержанию вопросы остаются.

Мне кажется, проблемы в документе часто ставятся, но ответы на них не даются. Например, в преамбуле говорится о вызовах будущего. Но, что за вызовы, по сути дела не сказано.

Термин “устойчивое развитие” желательно было бы не просто употреблять, а разъяснить его значение. И здесь возникают некие проблемы, имеющие серьезное отношение к тем оценкам и к тем позициям, которые характеризуют положение России в мире.

Существуют расчеты, которые проводил Никита Моисеев, Вячеслав Тимофеев-Рисовский, другие ученые. Известна концепция золотого миллиарда. То есть при нынешнем уровне потребления и при нынешней модели развития мира уже через поколение, могут начаться процессы, угрожающие существованию мира как такового.

Как представляется, в этой ситуации историческое и геополитическое положение России представляет определенные выгоды. Ресурсное оскудение мирового сообщества территориальные, энергетические проблемы как раз делают Россию, при ее не очень высоком потреблении, своеобразной надеждой мира.

Россия, как представляется, с ее огромными возможностями, в состоянии совершить переход на иную степень развития.

Другой важный вопрос. Когда мы говорим о развитии, то следует иметь в виду наличие нескольких моделей развития. Это развитие догоняющее, развитие мобилизационное, развитие опережающее.

Но существуют другие модели, необязательно модели западного типа. Нам надо определиться, то ли мы выбираем модель догоняющего развития, стремясь воспроизвести чужую цивилизацию, став ею, то ли все-таки у нас есть представление об общем векторе мирового развития и о построении того общества и того будущего, которые доступны необязательно путем реализации схем догоняющего развития.

Есть модель мобилизационного развития, которую кстати говоря, Россия проходила, и есть модель опережающего развития, которая в некоторой мере использовалась странами Востока.

Теперь, что касается общенациональной идеи и общенациональных ценностей. Трудно возразить против тезиса о человеке как высшей ценности. Но, наверное, для того, чтобы сформировать представление об общенациональных ценностях, этого недостаточно.

Это чрезвычайно важный вопрос. Если мы совершаем сложный исторический переход, то мы должны представить, от какой системы ценностей мы отталкиваемся и к какой системе ценностей мы идем.

Следующий вопрос — Россия в мире. Провозглашается то, что Россия, и я с этим согласен, потенциально является одним из мировых центров. Это так, но Россия в мире занимает уникальное место. Это евразийская держава. В плане модернизации России можно выделить два проекта, конкурирующие между собой. Это атлантический проект, означающий, по сути дела, идентификацию России с западным миром. И есть проект евразийский.

И хотя в документе сказано о том, что Россия должна как бы занять некую равноудаленную позицию от Запада, Европы, я полагаю, что все-таки евразийская идентичность России должна быть лучше прописана. Теперь тезис о величии державы.

Я полагаю, что потенциал нации велик тем, к чему стремится все человечество. А человечество стремится к обществу, где на первом месте стоят знания, интеллектуальные научно-технические достижения и определенные наборы

технологий. И в этом смысле вклад и потенциал России без преувеличения огромен.

По состоянию дел внутри страны. В проекте документа есть тезис о трудности переходного периода. Хотелось бы, чтобы все-таки были обозначены какие-то ориентиры этого периода.

Теперь вопрос о состоянии дел внутри страны и внутренних угрозах. Одной из угроз национальной безопасности является кризис идентичности. На самом деле стоит вопрос о том сохранит ли Россия свою идентичность.

Необходимо также сделать акцент на угрозы социального расслоения, появления различных социальных слоев и напряженности в отношениях между ними.

Более критического отношения требует тезис о том, что этап либерализации для экономики самый трудный. Для России, наверное, главная проблема состоит в неконкурентности экономики, в ее невысокой продуктивности, в росте степени паразитарности.

Вопросы геополитического положения. Здесь я бы выделил три географических направления опасностей — это опасности, исходящие с Запада, с Юга и с Дальнего Востока. Эти угрозы целесообразно было бы прописать.

Тезис о том, что продуманная политика является одним из условий занятий достойного места в мире, безусловен. Но хотелось бы отметить, что без развитой технологической и экономической базы наша страна вряд ли сможет занять достойное место в мире.

По угрозам национальным интересам. Констатируется вопрос о системном кризисе, который возник в советский период. Создалось впечатление, что если мы воссоздадим Россию, то многие коренные проблемы будут решены. Но эти вопросы связаны не только с советским периодом, корни, наверное, лежат более глубоко.

Многие нерешенные проблемы до 1917 года и привели к тем социальным катаклизмам и к тем проблемам, которые возникли позднее.

И последнее. Россия по многим характеристикам имеет черты самостоятельного цивилизованного образования. Она не вписывается в классические рамки национальной государственности. В этом контексте можно было бы откорректировать ряд положений, имеющих в документе.

И.Н.ЗУБОВ: По роду своей служебной деятельности мне пришлось в той или иной степени участвовать в рецензировании и подготовке предложений нашего ведомства на все документы, связанные с обеспечением национальной, общественной и иных видов безопасности Российской Федерации.

Я бы прежде всего хотел положительно оценить проделанную работу по подготовке данного документа.

Если говорить о концепции или доктрине национальной безопасности России, то этот документ политического плана, который должен быть рассчитан на длительный период, если не навсегда. И затем он должен корректироваться, исходя из особенностей того или иного этапа развития нашего общества.

В концепции национальной безопасности Россия должна сразу же определить себя как великая держава, поставив в этой связи перед собой определенные цели, определенные приоритеты.

В том документе, который сегодня представлен, а он мог бы стать основой Послания Президента нужно дополнительно обратить внимание на два раздела. Слабо, на наш взгляд, представлен раздел, связанный с преступностью. В концепции развития системы Министерства внутренних дел, одобренной в

основном Президентом, прямо записано о том, что сегодня преступность представляет собой реальную угрозу национальной безопасности Российской Федерации. По данным опроса общественного мнения, ставят вопрос обеспечения порядка, обеспечение своей защиты от противоправных посягательств.

В тексте также очень кратко упоминается о вопросах, связанных с обеспечением технологической безопасности. Между тем, надо сказать, что на сегодня опасность аварий, крупных пожаров, катастроф, стихийных бедствий приобретают чрезвычайно важный характер. К сожалению, система реагирования на такого рода явления пока не совершенна.

П.С.ЗОЛОТАРЕВ: Спасибо. Прежде всего я хотел бы заметить, что тот документ, который мы сегодня имеем на руках, воплотил в себе попытки разработки концепции национальной безопасности, которые предпринимались в течение последних двух или трех лет.

В первую очередь хотелось бы отметить, что в документе, видимо некоторые формулировки надо привести в соответствие с утвержденными документами и положениями военной доктрины - теми из них, которые на данный момент сомнений не вызывают.

Приложение, посвященное основным направлениям военной реформы надо кардинально переработать.

Сегодняшние возможности государства по сохранению своих государственных институтов, в том числе Вооруженных Сил, ограничены. Видимо, военные реформы и военная политика в целом должны быть направлены на поиск той золотой середины между возможностями государства и возможностью Вооруженных Сил решать те задачи, которые необходимо решать во имя обеспечения безопасности. Основная проблема, которая сейчас просматривается, это рассогласование между теми задачами, которые ставятся Вооруженными Силами, и реальными возможностями государства.

С.М.РОГОВ: Хочу поблагодарить за приглашение принять участие в этой встрече. Хочу также поздравить авторов обсуждаемого документа.

Тот документ, который сегодня представлен нашему вниманию, отражает определенную степень продвинутой в нашем понимании проблем национальной безопасности.

Документ, который мы обсуждаем, отличает, на мой взгляд, оптимистическое видение будущего нашего государства. Это чрезвычайно, на мой взгляд, важно, учитывая то обстоятельство, что любая проблема, с которой мы сегодня сталкиваемся стала проблемой национальной безопасности.

С этой точки зрения можно говорить и о тех недостатках, которые присутствуют в этом документе. Он носит в значительной степени декларативный характер. Никто не может возражать против тех целей, которые ставятся в документе. Вопрос о том, как достичь этих целей? И с этой точки зрения недостатком является то, что в работе лишь мельком делается оценка реального состояния нашей страны и тех возможностей, которыми сегодня располагает Россия.

В одном документе охватить весь спектр проблем национальной безопасности оказывается практически невозможным.

В данном документе, например, совершенно справедливо подчеркивается, что основные угрозы национальной безопасности - это внутренние. В первую очередь — в сфере экономики. Далее идет обсуждение классического набора внешнеполитических и военно-политических вопросов.

Надо еще раз подумать, можно ли сформулировать всеобъемлющую политику национальной безопасности на достаточно конкретном уровне, а не просто декларативно.

Следующий момент. Очень интересна постановка об осуществлении общенациональной идеи в качестве основы политики национальной безопасности России. Но проблема состоит в том, что на сегодня такая идея отсутствует.

Следующий момент. Я бы очень осторожно обращался с термином “мировой центр”.

На мой взгляд, для России более приемлемо определение великой державы, имея в виду, что в мировой политике и экономике Россия может играть роль одной из великих держав.

На мой взгляд, сегодня главная для нас угроза — это опасность оказаться на задворках мирового экономического развития.

Дело не только в том, что мы занимаем сегодня мизерное место в мировой экономике. Дело в том, что структурные реформы в нашей экономике, увы, идут очень плохо, и Россия сегодня и по количественным, и по качественным показателям не готова к той острой конкуренции, которая уже разворачивается в мире, и явно обострится в XXI веке.

В привязке к внешней политике главная проблема, на мой взгляд, состоит в угрозе изоляции России, когда в вероятном столкновении с какими-то другими центрами силы у нас не окажется ни помощником, ни союзников, ни партнеров.

И в этом плане беспорна, заявленная в докладе цель создания благоприятного внешнего окружения для России.

На мой взгляд, в документе есть определенная недоработка в вопросах СНГ.

Необходимо определиться и четко заявить — заинтересованы ли мы в том, чтобы СНГ стал самостоятельным субъектов международных отношений, реальной силой.

Заинтересованы ли мы в том, чтобы СНГ превратилось в систему коллективной обороны? Есть принципиальная разница между коллективной безопасностью и системой коллективной обороны. Заинтересованы ли мы в том, чтобы ресурсы СНГ служили приумножению экономических, демократических, военных факторов мощи России или это не является нашей целью?

Есть вопросы, касающиеся военной реформы. Многие вещи, которые там записаны, на мой взгляд, выглядят беспорно. Но некоторые тезисы не совсем понятны. Известный термин “достаточность” для парирования угроз. Давайте посмотрим, какого рода угроз? Можно ли обеспечить достаточность для парирования одновременно угроз, которые исходят от НАТО, от Японии и от Китая? А мы не можем исключать возможности того, что в будущем угроза для России возникнет не только с одного из этих направлений, но и из нескольких.

Принципиально важное значение имеет вопрос о ядерном оружии. Несомненно, что в сфере военной безопасности России, ядерное оружие сегодня является одним из главных инструментов, которые обеспечивают определенный престиж нашего государства и позволяет защищать интересы нашего государства.

Но совершенно ясно, что ядерное оружие в большинстве возможных военных конфликтов, с которыми Россия может столкнуться в ближайшее время, как показывает Таджикистан и Чечня, не сможет быть решающим фактором.

В то же время возможность парирования любых угроз обычными средствами (в отношении Китая или, например, НАТО) вызывает очень большое сомнение. Очень серьезного

анализа требует возможность комбинация ядерных и неядерных факторов сдерживания.

Говоря о политике в сфере национальной безопасности, вряд ли можно обойти вопрос выбора экономических приоритетов нашего развития, о чем в документе сказано крайне мало.

По внешней политике.

Если мы надеемся, что мир станет не однополярным, а многополярным России все равно нужны союзники и партнеры.

Значит поиск союзников и партнеров России на международной арене и рекомендация в этом плане должны быть сделаны.

Трудно говорить о российской политике в сфере национальной безопасности, не признавая того обстоятельства, что у нас совершенно неудовлетворительно функционирует механизм обеспечения национальной безопасности России.

Без этого способность обеспечить осуществление политики, национальной безопасности останется под вопросом.

В.Т.ТРЕТЬЯКОВ: Документ мне очень понравился, что я уже имел возможность выразить публично, опубликовав сегодня в своей газете статью.

Боюсь, что большинство населения России по-прежнему мыслит себя частью Советского Союза. И этот фактор должен найти отражение в документе.

Я считаю, что все-таки Российская империя. Советский Союз и нынешняя Россия — это одно и то же государство в принципе. Но почему это государство дважды в этом веке рушилось? Это — сложный вопрос. Но, как мне кажется, если проанализировать причины развала России, то, наверное, мы поймем и то, что нас ждет в оставшиеся четыре года.

Еще несколько конкретных замечаний, которые, на мой взгляд, являются концептуально ослабляющими этот документ.

На странице пятой, например, сказано: “Правовые основы обеспечения национальной безопасности составляют... Конституция, федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации”. Однако общепризнано, что иные правовые акты Российской Федерации не только не составляют основу какой-либо национальной безопасности, а как раз являются основой подрыва национальной безопасности.

Мне глубоко приятны такие формулировки, как Россия — это хранительница многовековой духовной традиции, в основе которой находится стремление к воплощению высших идеалов справедливости, нравственности и братства. Формулировка красивая, хорошая, но если вдуматься в нее, то она выглядит, как чисто политический лозунг, приспособленный к определенной политической кампании.

Человек и государство в России сегодня — это абсолютно несовпадающие, к сожалению, категории. Однако, формулировки в разных местах документа практически одни и те же.

Либо надо делать документ, в котором говорится жесткая правда и на основе его проводится жесткая, но умная политика, согласованная с остальным миром. Либо составляется некий “дипломатический документ”, который должен удовлетворить всех и скрыть правду от общественности.

А.И.ВЛАДИМИРОВ: В представленный документ, к сожалению, в силу его краткости и определенной направленности не вошел целый спектр новых нетрадиционных глобальных военно-политических угроз. Это военно-политические конфликты, вызванные новым национализмом, все более принимающие этнорелигиозный и расовый характер, конфликты,

вызванные территориально-пограничными спорами, конфликты, вызванные социально-экономическими причинами и катастрофической региональной демографией, международный терроризм, международное пиратство на морях, деятельность преступных международных сообществ по торговле наркотиками, людьми и так далее.

К такому спектру угроз мы не готовы ни политически, ни экономически, ни психологически и отвечать на них нечем.

Проблемы национальной безопасности в XXI веке надо рассматривать с учетом того, что коллизии в области глобальной военно-политической безопасности будут связаны с несколькими факторами. Это исламский фактор, это направленность развития политики Китая, это направленность развития и политики России, а также степень стремления Соединенных Штатов Америки насаждать демократию и рыночные отношения во всем остальном мире.

Национальная оборона России должна соответствовать национальным задачам, месту, роли и возможностям страны в современном мире быть адекватной существующим и будущим вузам национальной безопасности, одновременно оставаясь посильной для страны, неопасной для демократических основ ее государственности и способной обеспечить защиту и благоприятные условия для реализации национальных интересов России. Совершенно очевидно, что если такой национальной обороны не будет, даже при тех серьезных трудностях, которые мы сейчас переживаем, то Россия всегда будет обречена играть роль гостя в сених Европы и мира.

Если мы не решим эту задачу, тогда невозможно будет решить и локальную задачу военной реформы — оптимизацию структуры и состава Вооруженных Сил — поскольку только национальные интересы диктуют эти задачи, которые, соответственно, диктуют структуру, численность ВС, оборонный государственный заказ, наше экономическое развитие и так далее.

Должна быть определена и записана определенная парадигма военно-политического аспекта этой национальной безопасности. На мой взгляд, она может звучать так: “Национальная безопасность России, как любого другого государства в современном мире, не может быть достигнута силами и средствами только в самой России или собственными силами одного отдельного государства. Реальная безопасность может быть только всеобщей, взаимной и равной.

Второй пункт. Национальная безопасность России может быть достигнута только при условии гармонизации ее национальных интересов с интересами других держав и прежде всего с интересами государств — региональных лидеров.

Третий пункт. Национальная безопасность России может быть достигнута только в системе сложившегося мирового права, международных отношений и стабильности признанных в настоящее время мировым сообществом государственных границ.

Четвертое. Национальная безопасность России может быть достигнута только при ее активном и полномочном участии в системе международных организаций по безопасности и сотрудничеству.

Пятое. Национальная безопасность России может быть достигнута только во взаимодействии и сотрудничестве со своими непосредственными соседями и, в первую очередь, с государствами-членами СНГ.

Шестое. Национальная безопасность России может быть достигнута только при условии ее собственной внутренней стабильности и демократической направленности развития”.

Исходя из этих постулатов, можно сделать ряд разноплановых выводов. Выводы принципиального плана.

Национальным интересам России отвечает “разумная трансформация”, системы безопасности ООН, и формирование полноправных, региональных систем безопасности Европы, СНГ и АТР, как региональных подсистем ООН, с полноправным и лидирующим участием в них России и ее Вооруженных Сил.

Национальная оборона, стратегическая направленность ее развития, а также направленность военной политики России должна обеспечить предотвращение вооруженного столкновения с другими государствами через обоюдный более низкий уровень вооруженности, установление партнерских и союзнических отношений между государствами и их вооруженными силами, формируемыми через договорные процессы, распределение и взаимное ограничение зон ответственности и военной активности, выполнение совместных научных, миротворческих, учебных и патрульных задач.

Тем не менее Россия должна поддерживать имеющиеся потенциалы стратегического сдерживания на уровне способности нанесения неприемлемого ущерба потенциальному агрессору, не формируя при этом ощущение непосредственной военной угрозы, в первую очередь, для своих соседей.

Очень важно сформулировать, в чем суть внешней и внутренней функции наших Вооруженных Сил, и существуют ли они? Если содержание внешних функций не вызывает сомнений, то внутренних — вызывает. Внешняя функция Вооруженных Сил России — гарантированное обеспечение суверенитета и независимости страны должна реализовываться на основе и через интеграцию в региональной системе безопасности Европы, СНГ и АТР, а также самодостаточности Вооруженных Сил России для решения этих задач. Если мы не будем строить сейчас свои Вооруженные Силы, как часть мировой региональной системы безопасности, и встраивать нашу армию туда, тогда мы неизбежно придем к построению модели постоянной готовности к войне со всем миром. Этого надо избежать.

Пятый пункт. Это внутренняя функция Вооруженных Сил. Гарантированное обеспечение внутренней стабильности и конституционного строя, должно реализовываться через авторитет ВС в обществе, основанном на понимании населением страны необходимости и важности решаемых ими задач, а также через подконтрольность ВС обществу и их безусловную готовность к исполнению конституционных законных приказов верховного командования.

Некоторые выводы стратегического плана.

Первое. Россия, как великая евразийская держава, имеет глубокие исторические приоритетные национальные интересы в Европе, Азии, на Дальнем Востоке и Тихоокеанском регионе. Это значит, что Россия должна четко определить своих главных стратегических партнеров с тем, чтобы не иметь стратегических противников. По нашему мнению, ими должны стать в Европе - Германия, в Азии — Иран и Индия, на Дальнем Востоке — Китай, в Тихоокеанском регионе — США.

Второе. Россия прямо заинтересована в том, чтобы государства-лидеры этих регионов такие, как Германия, Турция, Иран, Китай и Япония в своем развитии не превратились в региональные супердержавы, способные и желающие диктовать ей свои условия. Это значит, что уже сейчас все межгосударственные отношения с государствами-лидерами должны быть направлены в русло гармонизации национальных интересов России и этих государств, что должно стать базисным принципом и безусловным приоритетом в ее внешнеполитической деятельности. При этом баланс интересов и

баланс сил на евразийском пространстве должен формироваться не только с учетом интересов России, но и по ее инициативе и не носить конфронтационный характер.

Россия должна согласиться с тем, что США на сегодняшний день являются безусловным мировым экономическим, военным и политическим лидером и спокойно без комплексов относиться к стремлению США осуществлять свое глобальное военно-политическое присутствие. На наш взгляд, Россия должна использовать это присутствие в своих интересах путем “связывания рук” своим участием в совместных акциях. Другими словами, с США -безусловным лидером — Россия должна иметь стабильные стратегические партнерские отношения, имеющие особый статус. И это должно быть признано мировым сообществом.

Последний пункт. Россия должна обеспечить безопасность своих коммуникаций и границ, свободный доступ к морям, трансевропейским и трансазиатским коммуникациям СНГ, как важнейшим составляющим ее национальной безопасности, в том числе путем ее военного присутствия в наиболее уязвимых потенциально опасных точках на территории государств Содружества.

Эти выводы в той или иной мере должны более отчетливо звучать в обсуждаемом документе.

Без задач, которые вытекают из интересов государства и четко обоснованной позиции, мы никогда не сможем построить армию. И всегда не будет хватать зарплаты, и всегда наши ВПК не будут знать, что ему закажет Министерство обороны: то ли одну ракету, то ли два самолета. И мы никогда из этого порочного круга не вырвемся.

Е.М.КОЖОКИН: В той политической системе, в которой мы находимся сейчас, необходимость сочетания диктата политической конъюнктуры и решения стратегических задач, будет постоянной. И в этом плане нам нечего оглядываться на Китай, так как там совершенно другие условия, мы в этих условиях уже жили. К сожалению, они нас не спасли от той ситуации, в которой Россия оказалась сегодня.

Скорее нужно смотреть на те страны, которые постоянно решают с нами задачи — сочетания решения своих общенациональных стратегических задач и проблем политической конъюнктуры.

Есть вопросы, которые неизбежно придется в этом документе обойти, потому что этот документ официальный. В то же время некоторые вещи, которые не должны присутствовать в документе, но ощущение того что мы это понимаем, я не почувствовал. Не почувствовал, например, признание очень простого факта, который давным-давно признали наши партнеры, то, что наша страна потерпела поражение в “холодной войне”. Пытаясь сопоставить этот документ с аналогичными документами других стран нашего порядка, меня поражает фактическое отсутствие, например, рассмотрения вопросов об обеспечении экономической безопасности. Хотя совершенно ясно, что без решения этих вопросов мы не сможем ни адекватно обеспечить нашу военную безопасность и решить все остальные ключевые вопросы.

Мне представляется, что в документе не совсем ясно высказано отношение к такому ключевому для нас фактору, как ядерное оружие. Фактически для нас ядерное оружие является не только вопросом сохранения статуса России, как великой державы, но и важнейшим инструментом нашей внешней политики. Постепенная девальвация значимости ядерного оружия

в мире работает против наших интересов, так как чем-либо заменить ядерное оружие в настоящее время мы не можем.

Подобную консервативную позицию разделяет целый ряд других ядерных держав, пожалуй, за исключением Соединенных Штатов.

В таком документе нужно сказать о той проблеме, которая очень долго у нас будет сохраняться, это проблема нашего внешнего долга. Это общенациональная задача, поскольку имея ограниченный экономический суверенитет, натываемся и на большие сложности в выстраивании своей независимой внешней политики.

Два слова о звучавшей здесь проблеме союзников. Мне кажется, что мы можем попасть в некоторую идеологическую ловушку, если будем надеяться, что у нас появятся союзники того типа, какими были страны-участники Варшавского договора. В обозримом будущем таких союзников у нас просто не будет. У нас будут партнеры, которые будут просто преследовать свои сугубо эгоистические интересы, которым по тактическим соображениям будет выгодно в чем-то с нами кооперироваться. И примером такого партнера является Китай. Точно также, я думаю, не нужно питать иллюзий, что Индия станет нашим союзником, хотя нас несомненно объединяют партнерские, геополитические интересы.

Совершенно особая ситуация сложилась в рамках СНГ. Есть шанс, к сожалению, небольшой, что мы будем жить в одном государстве с белорусами.

Что же касается таких стран. Как Азербайджан, Украина, Узбекистан, то значительная часть политических классов не будет проводить политику союзнических отношений с Россией, пожалуй, только за одним исключением. Исключение это может быть в том случае, если нам удастся обеспечить выход из экономического кризиса, если мы начнем научно-технологический рывок.

А.Г.ОГАНЕСЯН: Любой документ, который провозглашает принципы, выходит на идеальный уровень. Мы говорим то, что мы хотели бы видеть. Мы хотим видеть Россию сильной. Мы хотим видеть ее великой державой еще на годы вперед.

В основном, этот документ выдерживает ту высокую ноту принципов и не опускается до повседневной реальности.

Во внешнеполитических задачах в документе нет такого региона, как Балканы.

Более подробно чем сейчас должны быть прописаны и принципы российской политики в Европе. Предлагаю подумать о том, как сформулировать нашу политику в целом по Европе — и по ядерным вооружениям и в отношении нейтральных стран, которых мы не хотели бы видеть в системе блоковых отношений.

Относительно России и АТР.

Там уже давно все сложилось. Это, конечно, не значит, что Россия не должна пытаться играть в этом регионе активную роль.

Также мне представляется, что раздел про информационную безопасность можно было бы расширить.

Р.В.РЫВКИНА: Документ, на мой взгляд, лишен информационного обеспечения. Практически нет цифр и нет ссылок на реалии.

Какая же информация нужна? Проблемы национальной безопасности существуют двоякого рода: касающиеся общества (то есть населения России) и касающиеся государства. Поэтому здесь нужна, на мой взгляд, двоякого рода информация:

социальная или социологическая, если хотите, социально-политическая.

Первая группа информации, касающаяся того, как чувствует себя население России, 150 миллионов населения страны, состоящего из многих десятков, сотен разного рода социальных групп. Само население России есть субъект социальных опасностей. Одна из важнейших социальных опасностей сегодня — это отчуждение населения от общества и от государства.

Важная проблема — как чувствует себя население — защищенным или нет, как оно воспринимает роль государства в этой схеме.

До тех пор, пока мы не знаем конкретных реалий наши положения остаются, строго говоря, гипотетическими.

Второй вид информации, который необходим, это информация, касающаяся проблем безопасности, связанной с деятельностью государства. Если население выступает в основном в пассивной роли, за исключением отдельных криминальных групп и пострадавших беженцев, то государство это в основном субъект политики.

Для концепции национальной безопасности такого масштаба, как здесь разрабатывается, нужно заложить две панели. Одна панель населенческая, с регулярными опросами населения об ощущении социальной защищенности в стране, об опасностях, которые грозят или воспринимаются. И вторая панель экспертная, касающаяся крупных проблем. Должна быть постоянно работающая группа из 100 экспертов, как минимум, в которую входят профессионалы в области армии, военно-промышленного комплекса, внешней политики, внешнеполитических проблем, вооружения и так далее.

В результате случайных конференций и обмена мнениями (конечно, многие эксперты говорили очень ценные вещи) мы сможем перейти к стандартизованным, формализованным и упорядоченным мнениям по комплексу проблем. Пускай это будет десять проблем -пути выхода из экономического кризиса, решение проблем “армия и военная реформа”, решение проблем ВПК, решение проблем регионов — наиболее взрывоопасных регионов, в первую очередь, наиболее взрывоопасных социальных групп, молодежная преступность, подростковые проблемы и т.п.

С.А.КАРАГАНОВ: В отличие от других участников нашего собрания, я начну с комплиментарных заявлений по поводу этого документа и ими же закончу. Вообще такой документ крайне трудно создать и невозможно, чтобы он всем понравился. Поэтому в оценке подобного документа необходима доля благородства. Не может документ по стратегии национальной безопасности понравиться сообществу специалистов, каждый из которых считает, что он может такой документ написать.

Работая над этим документом (естественно, он сейчас стал отчасти нашей интеллектуальной и политической жизнью), стоило бы обратить внимание на несколько моментов. Мне кажется, что в работе над документом нужно начать продвигать концепцию градуирования интересов как жизненно важных, важных, периферийных, менее важных и так далее. Пока же все кажется важным, особенно в зависимости от интеллектуальной или политической склонности того или иного автора этого документа.

В одном месте этой работы градуирование есть. Это приложение по внешней политике, которое я прочитал с большим наслаждением, а потом и с изумлением. С наслаждением,

естественно, потому что я ждал много интересного увидеть и увидел. А изумление вызвал все-таки сам текст.

Напоминаю вам, что там есть некое градуирование наших национальных интересов в области внешней политики. На первом месте — СНГ. Ясно, что с точки зрения национальных интересов этот регион является сугубо приоритетным для нас.

На втором месте стоит регион Южной, Центральной и Восточной Европы и Балтии. Но если мы после этого как начали действительно уважительный нормальный человеческий диалог с этими странами и начали исправлять политику, которая была возмутительной, назовем их в качестве главного внешнеполитического приоритета России вне СНГ, то мы либо себя будем обманывать, либо всех остальных. Единственно крупный внешнеполитический приоритет, лежащий в этом районе — это предотвращение расширения НАТО.

Китай в этом списке приоритетен на восьмом месте. А Южная Европа и Балтия — на втором. Мне кажется, что этот вопрос следует рассмотреть внимательнее. Либо как-то сказать, что это теория концентрических кругов — что ближе, то и есть наши более приоритетные интересы. Но тогда нужно “подтянуть” сюда и такие страны, как Турция, Ирак, Иран и некоторые другие.

Мне кажется, что в нашей политике еще не сложилось представление о том, в какой части света в большей степени лежат интересы страны. Это вечный вопрос российской внешней политики. Напоминаю, что каждый новый министр иностранных дел, каждый новый руководитель страны часто объявлял — лицом к Европе. Потом разворачивался в сторону США.

Теперь мы можем, конечно, объявить Юго-Восточную и Центральную Европу и развернуться опять в направлении США. Это следующий вариант. Но, тем не менее, вопрос о том, что такое для нас Европейский центр, не решен.

Напомню вам, что в последние четыре года — европейское направление политики самое запущенное. У нас не было не только политики в отношении Центральной и Восточной Европы. У нас в отношении Германии никакой политики не было вообще. Кроме того, что президенты, к счастью, дружили. У нас не было даже того уровня диалога, который существовал в годы “холодной войны” по международным и экономическим вопросам. И мы в результате упустили во многом те возможности, которые были открыты в первой половине 90-х годов.

То же самое можно говорить и про другие страны. Я не призываю к повороту к Европе. Я абсолютно согласен с основной концепцией этого документа о том, что нам сейчас, в ситуации слабости, делать однозначную ставку на какое-либо направление ни в коем случае нельзя.

Но определяться нам с вами все-таки нужно, потому что если мы будем опять идти спиной в Америку, смотря в юго-восточную Европу, а иметь в виду Китай, то в результате мы окажемся вновь в этом тяжелом положении, в котором находились почти четыре года — с 91-го по 95-й. Кое-какие надежды на то, что этого не случится заключается в сохранении интеллектуального потенциала (о чем свидетельствует, в частности, и представленный документ). Можно восстановить организационный потенциал. Наметилось также и что-то близкое к консенсусу по внешней политике.

А.К.ПУШКОВ: Спасибо. Мне кажется, что основная заслуга авторов документа состоит в том, что они создали документ, который, несмотря на плюрализм нашего стратегического мышления, все-таки дает базу для обсуждения и

позволяет различным специалистам в области политической и стратегической мысли, отточить свои концепции, свои представления.

Есть две вещи, которые бросаются в глаза. Первое — это избыток идеализма в этом документе. Часто выражены пожелания, которые не всегда соответствуют нынешним возможностям России.

Второе методологическое замечание связано с вопросом, который поднял Виталий Третьяков — Россия — это Советский Союз или нет?

Эмоционально, Россия для многих может и есть Советский Союз. Но, с точки зрения минимального просчета и прежде умонастроении в самой России — готовности идти на какие-либо мобилизационные усилия ради внешнеполитических и даже внутривнутриполитических задач, Россия Советским Союзом не является. Если мы не примем это в качестве основы, то противоречие между эмоциональным состоянием и реальными возможностями России, будут сохраняться.

Мне кажется, что надо пройти по этому документу с точки зрения двух элементов — приведения в соответствие идеалистических посылок, сформулированных в документе задач и целей действительным возможностям России переходного периода.

Некоторые положения доклада следовало бы уточнить. Например, положение о том, что России нужна четкая концепция национальной безопасности, исходящая из примата интеллекта, нравственности, духовности. Но концепция национальной безопасности на духовности и нравственности не строится. Она строится на гораздо более прозаических и прагматических вещах.

В главе “Внешние угрозы и вызовы” говорится, что потенциальная военная опасность для России сохраняется, а иногда на региональном уровне и возрастает. Здесь надо прописать где сохраняется потенциальная военная опасность и где она возрастает.

Мне не совсем понятно, где для нас существует потенциальная военная опасность, в частности, на региональном уровне? Или, если эта опасность связана с переходом на российские локальные кризисы, типа таджикского — это отдельный вид опасности, и совсем другой вид опасности — прямая экспансия, угроза российской территориальной целостности со стороны другого государства.

Стратегия равной приближенности. Это хорошо звучит, но уводит от ответа на вопрос — куда двигаться России.

На самом деле есть три центра мирового экономического развития. Это — США (НАТО), это — Европа и Европейский союз и, грубо говоря АТР. Давайте посмотрим, куда в ближайшие пять лет Россия может примкнуть хоть каким-то боком? И по-моему, совершенно ясно становится, что в НАТО нас никто не ждет и совершенно понятно почему. АТР — у нас нет реальных сил туда войти, сколько бы мы ни говорили о значении этого региона. Остается Европа.

По поводу Восточной и Центральной Европы. Авторы доклада как будто все время считают, что Восточную и Центральную Европу от нас отрывает Запад. Но она сама от нас “ушла”.

Мне кажется, что мы от “kozyревского” игнорирования Восточной и Центральной Европы бросились в другую крайность. Но европейские деятели хотят очень ограниченного партнерства на каких-то очень конкретных направлениях.

Значит, если мы выдвигаем тезис о том, что одна из важнейших целей — предотвратить действия, направленные на отрыв от нас Восточной и Центральной Европы, то тем самым мы

опять возвращаемся к концепции советской внешней политики, провозглашавшей этот регион зоной нашего гипотетического, потенциального влияния и доминирования.

Но он нам совершенно не нужен в этом качестве. Нас этот регион интересует как сейчас постольку-поскольку он может стать приростом к НАТО. В экономическом плане то, что мы им хотим продавать, то что они хотят у нас покупать, они и так будут у нас покупать. Ту же нефть, тот же газ и так далее.

В главе “Военно-политическая обстановка”, мне кажется, нужно поставить на первое место проблему расширения НАТО, а потом уже борьбу за влияние в Средней Азии. Методологически это будет правильнее.

И заключительный момент. По внешнеполитическим задачам хочу дать три рекомендации, которые, мне представляются оправданными.

Во-первых, в системе приоритетов поставить все-таки Западную Европу после СНГ. А Балтию, Восточную, Центральную и Южную Европу — после Соединенных Штатов. Тогда будет, видимо, соблюдено какое-то равновесие.

Китай, мне представляется, надо выделить в отдельную категорию. Все-таки Китай — это очень серьезно.

Наконец, хорошо бы пройти по тексту доклада на предмет исключения правильных по сути положений, но абсолютно не содержащих в себе каких-то конкретных путей решения.

М.А.ГАРЕЕВ: Хорошо, что такой документ, наконец появился. Для того, чтобы дальнейшая работа была предметной необходимо определиться в некоторых методологических вопросах национальной безопасности.

Национальную безопасность надо рассматривать в широком плане, не только как оборону. Одно время пытались включить в это понятие безопасность экономическую, экологическую, информационную, в том числе и военную безопасность и так далее, что ставило вопрос о том, какая наука или науки должны исследовать национальную безопасность.

Кстати говоря, вот в документе, который мы сегодня обсуждаем, нет раздела “Военная безопасность”, а многие компоненты национальной безопасности не раскрыты. И даже военная безопасность сведена почему-то к одной военной реформе. Военная реформа представляет собой важнейшую часть военной безопасности, но не всю военную безопасность. Поэтому, раз уж мы договорились рассматривать проблемы национальной безопасности в широком плане, то это должно найти отражение в документе.

Война, оборона страны — явления сложные, многогранные, и поэтому изучаются не только военной наукой, но и другими отраслями знаний. Такой же подход следует перенести и на вопросы национальной безопасности.

У нас сейчас и в научном, и в практическом плане никто по существу координацией всех видов национальной безопасности не занимаются, а это крайне нужное дело.

А растратная область у нас сегодня — это наша внешняя политика. Везде и всюду мы несем такие потери, которые несопоставимы с тем, что требуется для обороны.

После войны, когда Францию хотели связать, помните, Де Голь сказал, что Франция должна быть великой державой. Если она не будет великой державой, то Франции как таковой не будет, это будет совсем другое государственное образование. То же самое с Россией. Если во всех своих действиях Россия не будет сильной и великой, она не сохранит целостность. Я уже не говорю, что если не будет сильной, целостной России, то на

евроазиатском материке образуется столько различных конфликтов, что весь мир с ними ни при каких обстоятельствах не справится.

Поэтому прогрессивные силы во всем мире должны быть заинтересованы, чтобы Россия была великой державой. Вот с таким пониманием цели, к которой надо стремиться мы должны к этим вопросам подходить.

И последнее. Большинство из вас, наверное, читали наши воинские уставы. Везде говорится: “Военнослужащий, солдат, офицер”. Слова “человек” там нигде нет. Только в корабельном уставе есть небольшой раздел, где написано: “Человек за бортом”.

Военнослужащий считается человеком только тогда, когда он за борт попадает. Когда наш документ, который мы сегодня обсуждаем, смотришь, по существу о человеке много говорится, но этот человек, в общем нашем понимании, находится за бортом.

Документ, который мы рассматриваем, обращен к кругам интеллигенции, к ученым, которые обсуждают вопросы национальной безопасности. Но какой-то частью этот документ должен быть обращен к народным массам, к большинству людей, которые должны понять, что мы им обещаем с точки зрения правильного понимания национальной безопасности.

Р.М.ТИМЕРБАЕВ: В целом я должен сказать, что, по-моему, документ получился. Вообще сам факт обсуждения такого документа на таком форуме является очень радостным, потому что в былые времена такого рода документы иначе готовились.

Как отмечали многие выступавшие до меня идет процесс самоидентификации России.

Мне очень понравилось звучавшее здесь мнение, что в документе слишком много оптимистических положений, в частности, связанных с экономикой. Я думаю тональность документа должна оставаться, как говорят дипломаты, в русле осторожного оптимизма.

Второе замечание. Тут есть положение об интегрирующей роли русского народа. Я, например, не согласен с тем, что мы можем сейчас говорить, что в данный момент имеет место интегрирующая роль русского народа. И вообще в таком документе указывать, что какой-то народ является интегрирующим, а какой-то неинтегрирующим, по-моему, не стоит.

Оно касается того, что Россия исторически складывалась как политический, хозяйственный и административный союз. Союз - подразумевает добровольность. Все-таки Россия складывалась как империя.

Далее. Я думаю, что большая заслуга авторов доклада в том, что раздел военной политики было включено положение об отказе от принципов военно-стратегического паритета.

Я не знаю, нужен ли для этого отдельный документ, но нам очевидно нужно думать о политике независимого ядерного сдерживания для России. Все последние десятилетия мы пытались догнать США по этой части, даже временами перегоняли, во всяком случае по количеству боеголовок. Россия может иметь свою независимую ядерную политику и независимый ядерный арсенал, как это имеет Франция, Китай, Англия.

Нужно осмыслить роль ядерного оружия в наступающем XXI веке.

Я бы поэтому предложил, чтобы речь в докладе шла не только о дальнейшем ядерном разоружении, сокращении арсеналов, но и вообще о роли ядерного оружия. Мы

неоднократно в международно-правовых документах брали на себя важные обязательства. В документе, который был принят только год тому назад на Конференции по продлению действия Договора о нераспространении, который предусматривает программу дальнейших мер по реализации договора, мы согласились с конечной целью ядерного разоружения.

Если представленный документ предназначен для публичного принятия и обнародования, то там эта позиция должна сохраниться.

Ю.В.ДУБИНИН: Знакомство с этим документом оставляет очень глубокое впечатление, и широкий подход к проблеме национальной безопасности, вероятно, заслуживает всяческого понимания. Меня привлекло стремление авторов этого документа дать объективную оценку нынешнего положения в мире и основных тенденций развития в современных международных отношениях. Делается вывод о том, что мир не стал более простым и бесконфликтным. Такой вывод мне кажется правильным.

Вместе с тем, мне представляется, что это вывод вряд ли является достаточным. Действительно очень многое свидетельствует о том, что соревнование и соперничество на глобальном и региональном уровнях и между отдельными государствами, хотя и в новых формах, но нарастает. И смею высказать мнение, что эти процессы приобретают все большую динамичность. С точки зрения интересов нашей страны, одним из важнейших объектов этих процессов является борьба за то, что условно можно было бы назвать советским наследством. В этих условиях многое будет зависеть от того, как правильно построить в самом главном концепцию национальной безопасности страны нашей.

Очень похвально стремление авторов определить, каким же должен быть гражданин нашей страны с точки зрения его личностных качеств и внутренних устремлений. Действительно это — основа основ, фундаментальная единица общества, государства, и стало быть, безопасности.

Если согласиться с идеей все возрастающей динамики мирового развития, соревновательности, то следовало бы обратить внимание на такие качества человеческой личности, как динамизм, предприимчивость, последовательность.

Представляется, что авторы очень справедливо стремятся нащупать общенациональную идею, исходя из концепции развития человека и гражданина.

Вопрос правильного выбора стратегического ориентира развития России крайне важен. Один из них — физическое и духовное здоровье нации. А стало быть здравоохранение, условия жизни имеют самое непосредственное отношение к вопросам безопасности.

Развитие науки, техники — условий для состязания на передовых рубежах технологического процесса также являются важным элементом этого понятия.

Несколько слов о потенциальных возможностях России в международных делах. Достаточно свидетельств того, что не только отдельные государства, но целые отдельные регионы мира, действительно заинтересованы в активном участии России в формировании новых международных политических и экономических процессов. И в лице нашей страны многие традиционно привыкли видеть важный элемент региональных и глобальных балансов.

Высказывая эту точку зрения, хотелось бы многократно подчеркнуть, что определяя свою стратегическую и тактическую линию на международной арене, нужно стремиться к

нахождению разумной пропорции между усилиями, направленными на обеспечение поступательного развития внутри страны, и усилиями, направленными во вне. Поскольку опыт истории свидетельствует о том, что когда такие пропорции не были адекватными, это дорого обходилось нашей стране.

Мне кажется, требует прояснения вопрос о том, каким образом авторы доклада представляют себе более полную интеграцию России в военные организации в Европе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Что касается европейской проблематики, то здесь следовало бы более подробно остановиться на возможности противодействия тенденций по изоляции России в Европе. В не меньшей степени это может касаться всего Кавказского района и района Черного моря.

Что касается СНГ. Мне казалось бы, что здесь есть достаточно оснований для того, чтобы ясно прочертить нашу линию на положительное отношение к интеграционным процессам. Но следует акцентировать, что это движение может привести к успеху только в случае опоры на принцип добровольности.

В этом контексте и отношения с Украиной заслуживают большего внимания. В целом, предпринятая автором попытка чрезвычайно важна, и с практической, и с интеллектуальной точки зрения. Она нацелена на необходимость поиска и установления консенсуса между основными политическими силами страны в вопросах формирования и проведения как политики безопасности, так и внешней политики в целом. Я думаю, что такой подход полностью соответствует жизненным интересам нашей страны. А его реализация могла бы привести к существенному укреплению международных позиций Российской Федерации.

Здесь прозвучала реплика, что у нас внешняя политика целиком затратная. Но я, например, подумал, что в результате переговоров с Украиной за 9 месяцев Россия выиграла три миллиарда 600 миллионов марок. Значительную экономию в перспективе мы получим и от курса со сокращение и ликвидацию вооружений.

В.И.ФЕДОСОВ: Я думаю, что я выражу мнение многих собравшихся о том, что внешняя политика наша не может быть чисто затратная, хотя бы по тому, что, несмотря на кризисные положения внутри страны у нас есть условия для того, чтобы нормально строить свою жизнь, без оглядки на угрозу с Запада, с Востока или еще откуда-нибудь. И в этом значительная заслуга внешней политики.

Что касается интеграции России в Европу, то мы не ставили задачу прописывать даже такие крупные схемы, как интеграция России в Европу. На наш взгляд, это задача других документов -например, внешнеполитической концепции России, которая у нас есть, но, по-моему, по существу забыта.

А.Г.АРБАТОВ: Документ производит, с одной стороны, хорошее впечатление, с другой стороны, он вводит в некоторое замешательство. Безусловно, он проникнут демократическим духом. Он очень всеобъемлющ. Он касается и внутренней политики, и проблем прав человека, и экономики и так далее. Но всеобъемлющий характер документа равно как и его "консенсусность", если можно использовать этот термин, не проходит зря, потому, что за это приходится расплачиваться. В результате при анализе области внешней политики, внешней безопасности приходится отделяться достаточно общими положениями.

Предлагаемая авторами посылка, что от хода дела внутри страны зависит очень многое во вне, у меня не вызывает никакого сомнения. Ее можно просто зафиксировать и не вдаваться дополнительно в детали.

При том, что документ приемлем очень многими, он, однако, очень мало говорит о том, чем руководствоваться нам в формулировании внешней политики, военной политики и в политике национальной безопасности в целом.

В отношении экономических вопросов. Мне кажется, что достаточно было бы здесь ограничиться общим положением о том, что наши экономические отношения при акценте на торговых и финансовых взаимоотношениях со странами Запада, с наиболее развитыми странами должны быть максимально диверсифицированы.

И еще один очень важный момент, который мне хотелось бы видеть в разделе экономических отношений, состоит в том, что внешняя политика отнюдь не должна быть подчинена внешнеэкономическим интересам. Внешняя политика должна обеспечивать благоприятные международные условия для страны. И этого достаточно. А подчинять напрямую внешнюю политику экономическим интересам, как показал опыт последних лет, совершенно контрпродуктивно. Потому что это создает имидж продажной политики и соответствующее отношение к государству, которое эту политику проводит.

Для того, чтобы обеспечить наши внешнеэкономические интересы, прежде всего, нужно обеспечить внутри страны благоприятный климат для развития экономики, предпринимательства, для инвестиций. И в первую очередь, здесь нужно вернуть и привлечь наши собственные российские, которые в огромных масштабах уходят за рубеж. Если мы этого добьемся, то, я думаю, очень многие проблемы будут решены и возникнет конкуренция за инвестиции у нас на внутриэкономическом рынке без каких-то дополнительных внешнеполитических усилий по этому поводу. Если мы этого не сделаем, то любые внешнеполитические усилия, компромиссы и уступки все равно не приведут к инвестициям и бурному развитию наших торговых отношений с другими странами.

Что касается чисто политических, или геополитических, геостратегических вопросов. Выступаю я здесь не в личном качестве, а в известной мере представляю политическую платформу движения и фракции “ЯБЛоко”. И в этой связи я бы хотел предложить для обсуждения, не настаивая на том, что это должно быть включено в документ, некую версию, которая будучи не бесспорной, все же может быть положена в основу.

Мне видится, что у России на настоящем этапе должно быть три главных внешнеполитических приоритета. Первый приоритет — это обеспечение благоприятного непосредственного окружения, что касается в первую очередь стран так называемого ближнего зарубежья. Второй приоритет — это предотвращение возникновения новых государств-гегемонов в Европе и в Азии. И третий приоритет — сохранение конструктивной роли России в глобальном масштабе в том, что касается процесса ограничения и сокращения вооружений, нераспространения ОМУ миротворческих функций и т.п.

Эти три приоритета тесно взаимосвязаны, ни один из них не может быть выполнен в отдельности. С другой стороны, все они в совокупности помогают России сохранить свой статус и влияние в мире в условиях очень тяжелого внутреннего положения и пережить этот период с наименьшими потерями до того момента, когда ситуация внутри страны начнет исправляться. Позвольте мне более конкретно остановиться на каждом из них. Первый приоритет. Благоприятное внешнее

непосредственное окружение в ближнем зарубежье. Здесь прежде всего обращает на себя внимание то, что мы не можем обо всем внешнем зарубежье говорить как об универсальном равномерном пространстве. Потому что совершенно очевидно, что отношение с Украиной для России — это одно, а отношение с Туркменистаном — совершенно другое. Кроме того, сама постановка вопроса, что главным приоритетом являются отношения с ближним зарубежьем, а все остальное — на втором плане, не совсем верна.

Например, наши отношения с Киргизией или Туркменистаном, на мой взгляд, нам намного менее важны, чем наши отношения с Германией, Соединенными Штатами или Китаем. Поэтому я прежде всего призвал бы здесь к некоей большей избирательности. Конечно, отношения с Украиной для нас важнее, чем отношения с США. Но, с другой стороны, отношения с некоторыми республиками СНГ для нас менее важны, чем отношения с США.

Что значит, обеспечение благоприятного окружения? Это не обязательно означает обеспечение доминирования России в этом регионе. Наоборот, попытки доминировать, особенно с использованием угрозы силы или всевозможных квазисиловых методов, может привести к прямо противоположному результату, созданию того, что нам нужно избежать во что бы то ни стало, к созданию враждебного окружения вокруг России. Кстати, такое враждебное окружение не будет просто враждебным окружением со стороны бывших братских республик, а будет враждебным окружением с участием стран дальнего зарубежья. Это неизбежно. Поэтому в этом блоке вопросов я бы приоритеты построил так:

- обеспечение благоприятного окружения;
- предотвращение возникновения враждебной коалиции на наших рубежах, что самым прямым образом скажется на нашей внутренней безопасности;
- предотвращение попыток стран дальнего зарубежья к экономической и военно-политической экспансии, которая тоже прямо противоречила бы нашим интересам.

В этом смысле Соединенные Штаты всегда провозглашали такого рода политику в отношении стран западного полушария. И ничего здесь враждебного и агрессивного нет.

Второй момент. Это предотвращение возникновения новых гегемонов в Европе и Азии. В Европе, совершенно очевидно, на роль такого гегемона может претендовать Германия. В Азии, на юге — Турция или Иран, что к нам имеет непосредственное отношение. И в азиатско-тихоокеанском регионе — это Япония или Китай.

Политика России должна быть универсально направлена против возникновения этих новых государств-гегемонов. Если пользоваться формулой Коммюнике США и Китая 72-го года — это должна быть антигегемонистская политика и антигегемонистская концепция. Но в каждом случае пути ее осуществления разные. В Европе — это всемерная поддержка развития отношений с европейскими интеграционными институтами. Европейским союзом, Западноевропейским союзом. Североатлантическим блоком с той серьезной оговоркой, что этот блок не будет пытаться распространять свое влияние в ущерб российским интересам.

На юге — это классическая политика баланса сил, потому что в Закавказье главной угрозой для нас является Турция. А в Средней Азии в перспективе — Иран. Наша политика должна проводиться с учетом этого соперничества и использования его.

И на Дальнем Востоке — целью политики должно стать не стремление сдерживать Китай, который в перспективе может создать серьезную угрозу непосредственно России, но стремление создать хотя бы основную систему безопасности. То есть той системой безопасности, которая предусматривает обязательства по разрешению всех споров мирными средствами, отказ от изменения границ насильственными средствами, методы транспарентности, институты, которые позволяли бы государствам на соответствующих форумах обсуждать эти вопросы.

Когда говорят об азиатско-тихоокеанском регионе (я хотя не претендую на роль специалиста), часто забывают о двух очень важных для нас, почти ключевых, странах. Это Корея и, как ни странно, Монголия. Объединенно-демократическая Корея выгодна России больше чем в любой другой стране в азиатско-тихоокеанском регионе, ибо она была бы для России естественным союзником. Она точно также как Россия не заинтересована в гегемоне — или Китай, или Япония. Поэтому объединенно-демократическая Корея является очень важным нашим интересом. И, мне кажется, что мы далеко не полностью используем наши возможности для того, чтобы способствовать этому процессу.

В отношении Монголии ясно, что нейтралитет этой страны — это вопрос физической безопасности России. Огромная протяженность наших границ с Монголией требует целенаправленных усилий, чтобы поддержать с этим государством хорошие отношения, чтобы оно оставалось нейтральным. В противном случае, если отношения с Китаем будут осложнены у нас появляются дополнительно тысячи километров неприкрытой границы.

Третье. Роль международной глобальной стабильности. Режим и процесс договоров. Нельзя уже заключенные и ратифицированные договоры не выполнять по каким-либо соображениям (экономическим или геостратегическим), и нельзя подписанные договоры не ратифицировать. Это совершенно порочный, губительный для России подход. Надо их выполнять и ратифицировать, но при этом сосредоточиться на том, чтобы в последующих договорах обеспечить новые интересы России, в новых геостратегических и геополитических условиях. Это относится и к Договору об обычных вооружениях в Европе, и к Договору о стратегических вооружениях, и ко всей системе нераспространения ядерного оружия массового уничтожения и средств его доставки.

Миротворческие операции — важная функция России в окружающем мире. В то же время следовало бы более четко определить, что под эгидой блока НАТО, в который Россия не входит, Россия не будет выполнять впредь миротворческие операции. Пример Боснии в этом смысле “антипример” — так внешняя политика не делается. Если Россия будет участвовать в миротворческих операциях, она должна это делать в составе и под эгидой международных сил, созданных под руководством международных организаций, в которых Россия участвует как полноправный член, в таких как ООН, ОБСЕ и возможных региональных организаций, которые могут быть созданы.

И последнее. То что написано в документе о военной реформе, содержит ряд правильных положений, но некоторые из них, мне кажутся, сомнительными и внутренне противоречивыми.

Думаю, что положение об отказе от паритета с Соединенными Штатами мало обоснованно. Правда, наши военные уже сейчас избегают употреблять термин “паритет”, он больше относится к 70-м годам, но поддерживать с

Соединенными Штатами равноправный, удовлетворительный для нас баланс на уровне стратегических сил, я считаю, Россия должна.

И кстати говоря, ссылка на экономические проблемы России здесь неравноправны. Потому что для того, чтобы поддерживать такого рода приемлемый баланс, России нужно правильно определить и распределить свои приоритеты внутри того военного бюджета, который мы сейчас имеем. И потребовалось бы не половина и не 70 процентов, а гораздо меньшая часть для того, чтобы обеспечить равноправный баланс стратегических вооружений с Соединенными Штатами. Он важен нам, потому что это немного из того, что у нас осталось, чтобы поддержать наш статус державы исключительной, равной США и, в определенном смысле, отстоящей вместе с США далеко "от" всех других держав мира.

Другое дело, что в нынешних условиях для нас гораздо большую роль чем раньше, приобретает процесс ограничения и сокращения стратегических вооружений, которые позволяют нам уменьшать их численность не в одностороннем порядке, а вместе с Соединенными Штатами. И здесь ратификация Договора СНВ-2 с выдвиганием определенных условий и переход к Договору СНВ-3 является столь же важным направлением нашей политики, как и обеспечение необходимого финансирования для развития наших стратегических сил в этих рамках.

Я хочу обратить внимание авторов доклада на то, что они увлеклись несколько общими положениями, но не везде продумали внутренней логической связи. На странице 17 сказано, что "... Россия отказывается от принципа военно-стратегического паритета с США в прежнем его понимании...". А потом говорится "...Стратегические ядерные силы нужны России для предотвращения ядерного нападения или крупномасштабной агрессии с применением обычных вооруженных сил". А дальше сказано и о необходимости поддержания уровня на достаточного для нанесения неприемлемого ущерба. Все эти три тезиса противоречат идее отказа от паритета. Потому что, чтобы нам сдерживать ядерное нападение, сдерживать обычное нападение, которое можно представить себе со стороны превосходящих сил Запада и еще иметь потенциал не адекватного ответа, как сказано в нынешней военной доктрине, а неприемлемого ущерба, нам нужен не отказ от паритета США, а заявка на превосходство над США.

Приводился здесь пример Англии и Франции. Я должен сказать, что эта аналогия неубедительна. Англия и Франция опирались на свое собственное ядерное сдерживание как муха, сидящая на спине у слона. Благодаря тому, что Соединенные Штаты обеспечивали и превосходство по всем линиям, и паритет, Англия и Франция могли на этом фоне иметь для себя что-то особенное. Не было бы США, то эти силы сдерживания ни в коей мере не смогли бы обеспечить их безопасность.

И последнее. Насчет военной политики и военной реформы. Сейчас очень просто определить направление, необходимое для России военной реформы. Просто почему? Потому что надо взять все, что делается у нас сейчас в реальной политике, повернуть это с точностью до 180 градусов наоборот и сказать, что вот это и есть необходимая нам военная реформа. Ведь что сейчас делается? Увеличивается личный состав Вооруженных Сил с ущербом для его боевой подготовки, боеготовности. Расширяется призыв, свертывается контракт. Альтернативную гражданскую службу хотят свести к стройбату или даже к штрафбату. Содержание большой армии и непрерывное расширение статей на содержание удушает, подавляет инвестиционные статьи. В частности, сокращается

ассигнование на закупку вооружения и военной техники и на опытно-конструкторские работы. Внутри инвестиционных статей — закупки вооружения и военной техники подавляют опытно-конструкторские разработки. И, конечно, гражданского контроля над военной политикой как не было, так и нет и, может даже он значительно ослабел в последнее время.

А.А.КОКОШИН: В Законе о безопасности, проблема национальной безопасности трактуется предельно широко. Поэтому я бы предложил вашей вниманию некоторые конкретные соображения, касающиеся роли военной силы в современных условиях и в системе обеспечения национальной безопасности.

События последних лет явно показали, что роль военных сил по-прежнему остается весьма высокой. И имевшиеся предположения относительно того, что она резко и радикально сократится, не оправдались. Другое дело, что роль военной силы приходится рассматривать в совершенно новой системе координат. И внутри самого компонента национальной безопасности, международной безопасности, внутри военного компонента произошли существенные изменения.

Сейчас я во многом согласился бы с Алексеем Георгиевичем в том, что нельзя недооценивать статусную роль ядерного оружия. Конечно, сегодня характер стратегической стабильности, ситуация ядерного сдерживания существенно отличается от того, что было несколько лет назад. В значительной степени это еще до конца не осознано. Но в ситуации, в которой оказалась наша страна, роль ядерного оружия, я бы сказал, особая и специфическая. В большей степени особая, чем для другой ядерной страны.

Действительно, получалось так, что по подавляющему количеству параметров национальной мощи мы сейчас находимся, мягко говоря, не в лучшем положении. Ядерное оружие предоставляет нам существенный запас прочности в плане обеспечения безопасности, позволяющий пережить нынешний тяжелый период. Причем я бы обратил внимание на то, что это касается не только стратегических ядерных сил, но и всего набора, всего арсенала ядерного оружия, включая средства доставки.

Мы сейчас довольно быстро избавляемся от устаревших типов ядерного оружия, от тех изделий, которые не отвечают современным требованиям ядерной безопасности. Но тем не менее продолжаем работать над тем, чтобы наш ядерный потенциал, как стратегические ядерные силы, так и другие его компоненты оставались на должном уровне. При этом мы, конечно, должны понимать, что ядерное оружие — это, в первую очередь, инструмент большой политики. Но далеко не все конфликтные ситуации позволяют его использовать в качестве рычага политического воздействия. Поэтому нам приходится думать о том, чтобы Россия как великая держава обладала всем набором военных инструментов политического воздействия для различных возможных сценариев.

Сейчас характер вооруженных конфликтов, войн таков, что они становятся еще более “политизированными”, чем это было в прошлом. И даже сравнительно небольшие по своим масштабам боевые действия, которые даже операциями в классическом варианте военного искусства не назовешь, становятся политическими акциями. Иной раз действия двух-трех батальонов — это уже крупная политическая акция, которая находится под пристальным вниманием высшего государственного руководства, прессы, общественного мнения и так далее.

Поэтому сегодня надо обратить внимание на то, чтобы у нашего государства был полный набор тех военных средств, которые необходимы в современных условиях, и чтобы действительно эти средства могли быть использованы решительно и, в то же время, гибко в любых кризисных ситуациях. Это предъявляет гораздо более жесткие и высокие требования ко всей доставшейся нам в наследство от прошлого, системе управления. В значительной степени эта система была ориентирована на совсем иной характер войн и вооруженных конфликтов, как с технической точки зрения, так и организационно-процедурной. Применительно к современным требованиям эту систему управления необходимо перестраивать. И вообще, если говорить о новых элементах в развитии Вооруженных Сил, о целях военной реформы, то реформа управления является едва ли не главным элементом.

Поэтому сейчас все, что касается управления, разведки, связи и ведения средств информационной борьбы, должно быть высшим приоритетом в развитии военной мощи Российского государства.

Конечно, реформирование и модернизация всех этих средств приходится вести в очень жестких временных рамках, и в условиях очень суровых ресурсных ограничений. Тем более, что нам досталась далеко не оптимальная структура. И по многим компонентам систем управления и связи мы существенно отставали даже в те времена, когда у нас ресурсы на оборону шли в огромных масштабах, превышающих реальные возможности любой здоровой экономики. Сейчас, конечно, формируя планы на перспективу, мы стараемся наряду с обеспечением развития ядерного компонента наших Вооруженных Сил, обеспечить и эти составные части нашей военной мощи.

Следует сказать и про высокоточное оружие разных категорий, разных видов, включая высокоточное дальнобойное оружие, поскольку это очень важное средство решения целого ряда задач прекращения конфликтов на ранней стадии и возможности решения этих конфликтов в пользу России, наших союзников и друзей. Без наличия высокоточного дальнобойного оружия сегодня нельзя быть великой державой в такой же степени, как и без наличия мощного крупного ядерного арсенала. Здесь у нас есть многое, что осталось и от недавнего прошлого, а кое-что сделано и в последние годы.

Хотел бы еще раз подчеркнуть важность всего комплекса, средств информационной борьбы. Сегодня, если говорить о военной мощи страны, о характере вооруженных конфликтов, то это — “альфа и омега” всего военного искусства. Когда-то к действиям пехоты как ударного основного средства прибавилась на поле боя мощь артиллерии — особенно наглядно это проявилось в первую мировую войну, когда появилась тяжелая полевая артиллерия, и артиллерист шел рядом с общевойсковым командиром. Без планирования огневого удара артиллерии стало невозможным представить ни бой, ни проведение военной операции. Во вторую мировую войну к этой схеме была добавлена авиация. Вслед за завоеванием огневого превосходства появилась проблема завоевания господства в воздухе. Теперь же — приоритетная задача — это завоевание господства в информационной сфере, завоевание господства в эфире. Без него невозможно ни завоевание господства в воздухе, ни завоевание превосходства в огневой мощи.

В этом отношении у нас есть и много слабых мест, но есть и целый ряд преимуществ. Мы как сторона, “догоняющая” в развитии этих средств, можем учесть многие уязвимые места и ошибки тех, кто ушел вперед. Информационная борьба происходит не только в военное время, она ведется постоянно и в

мирное время. Она касается в том числе и нашего стратегического ядерного компонента. Здесь тоже не прекращается определенное информационное противоборство.

Сегодня без определенных усилий и повышенных усилий и увеличения вложений в информационную борьбу невозможно обеспечить должным образом национальную безопасность.

Но, я хотел бы подчеркнуть, что одними только ресурсами эту задачу не решишь, поскольку она требует высочайшего интеллекта, я бы сказал даже изощренного интеллекта. Это в гораздо большей степени не борьба мускулов, а борьба умов. Все это, конечно, упирается в проблему качества наших специалистов, которые задействованы в этой сфере. Поэтому сегодня правильное распределение ресурсов на национальную безопасность касается не только Вооруженных Сил. Оно касается очень многих смежных областей. Если говорить о военной силе и о роли военной мощи, в принципе, то я считаю, что у нас произошел очень опасный крен в сторону недооценки этого фактора. Мы в свое время, конечно, тратили излишнее количество ресурсов на военные цели. Это было одной из важнейших причин истощения нашей экономики. Гигантские ресурсы, которые мы получили за счет эксплуатации наших природных богатств (когда мы были на первом месте в мире по добыче, скажем, нефти и по экспорту нефти, я уж не говорю про природный газ). Были во многом израсходованы неэффективно — в том числе на создание, развитие тех средств ведения вооружения борьбы, которые подчас были ориентированы не на будущее, а в прошлое.

Сейчас маятник качнулся прямо в противоположную сторону. К сожалению, общественное мнение сегодня недооценивает важности военной мощи нашего государства. Мы с этим сталкиваемся, к сожалению, и в Государственной Думе. Это не относится к Алексею Георгиевичу, он слава Богу, один из тех, кто выступает за поддержание нашей военной мощи на должном уровне.

Поэтому, я считаю, что один из важнейших выводов представленного доклада должен состоять в необходимости гарантированного оптимального режима ресурсного обеспечения строительства Вооруженных Сил, включая, естественно, приобретение вооружений, военной техники, и конечно, проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Очень важно также в проекте документа отметить значение целенаправленной промышленной политики в рамках деятельности государства. Именно во многом, благодаря оборонному заказу у нас сохраняется колоссальный потенциал высоких технологий в ракетно-космической, в авиационной и в атомной промышленности.

Атомная промышленность и это надо иметь в виду, сегодня представляет собой не только производство ядерных боеприпасов и ядерных реакторов. Это широкий спектр множества смежных технологий.

Поэтому вопрос о национальной промышленной политике с опорой прежде всего на высокие технологии, которые имеются в оборонном комплексе — это один из высших приоритетов нашей национальной безопасности. А тем звеном, которое может потянуть за собой развитие гражданской наукоемкой продукции, которая также является одним из важнейших компонентов обеспечения национальной безопасности, мне кажется, должна быть полномасштабная, полнокровная программа развития национальной инфраструктуры.

Имеется в виду не просто автобаны, которые строили в Германии и 30-е годы или хайвеи, которые строили во времена великой депрессии в США, а именно современная инфраструктура – колоссальной сложности организм, включающий в себя весь комплекс от самых простых технологий и сравнительно неквалифицированной рабочей силы — до самых современных средств вычислительной техники, программного продукта и так далее. У нас есть данные, разработанные институтами оборонного комплекса, что только введение новой системы управления железнодорожным движением (кстати, сравнительно недорогой) в два раза поднимает эффективность существующей железнодорожной сети.

Сегодня очень большой вопрос — это тарифы. А для нашего государства, с его гигантскими расстояниями — это вопрос жизни или смерти промышленности. Я не говорю про аэродромную сеть, про управление воздушным движением.

Если такой программы не будет, то мы окажемся в исключительно тяжелом положении вообще как единое государство, как государство, которое может быть в перспективе даже без каких-либо военных действий, просто раздроблено на части другими центрами мирового экономического развития. Поэтому сейчас программ развития национальной инфраструктуры, как мне кажется – один из высших приоритетов национальной безопасности, и это должно быть заложено в соответствующие государственные документы.

Тема эта прозвучала уже в Послании Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина Федеральному Собранию. Тему эту надо углублять и развивать. А с военной точки зрения без развитой инфраструктуры (причем, двойного назначения, самоокупающейся, а не той, которая сидела бы в военном бюджете и кормилась бы за счет военного бюджета), исчезает возможность маневра ресурсами, силами и средствами, и фактически резко снижаются боевые возможности того, что у нас сегодня есть в наличии.

Но чтобы все эти средства были убедительным элементом стратегии сдерживания, а понадобится, то и были эффективно применены для этого нужна инфраструктура. В прошлом году мы достроили нашу навигационную систему (гражданское название ее “Глонас”), которая по своим характеристикам не уступает, а даже по ряду параметров превосходит американскую “Джипиэс Навстар”. Это наше национальное достояние. Больше ни одна страна в мире этого не имеет системы подобного уровня.

Если говорить о космосе, то только две страны в мире настоящему обладают системой управления космическими аппаратами. Это колоссальной сложности системы. Они создавались по кирпичику десятилетиями. Это тоже элемент нашей национальной мощи.

Считаю целесообразным все эти важные моменты особо отметить в представленном проекте документа.

В.З.ДВОРКИН: У меня была возможность неоднократно изучать различные варианты политики национальной безопасности и давать предложения. Поэтому я не считаю уместным сейчас вдаваться в детальную критику этого документа, а хотел бы только сказать о тех вопросах, которые поднимались в связи с ней и подчеркнуть некоторые особенности этого документа.

Особенность его состоит в том (я вижу в этом большую смелость авторов), что они политику опубликовали раньше, чем концепцию национальной безопасности. Именно потому, что до сих пор нет концепции, эта политика уже вмещает в себя очень

много концептуальных положений. А ведь политика — это руководство к действию, и с этой точки зрения совершенно необязательно то, о чем говорил Сергей Рогов. Он говорил, что в этом документе должен быть анализ нынешнего положения, нынешнего кризиса, исходя из которого уже будут предлагаться конкретные шаги. Такого рода анализ я считаю, больше подходит для концепции.

“Мессианская миссия” этого документа, если можно так сказать, о чем говорил здесь Сергей Кортунов, может в действительности быть ограниченным кругом для тех, кто занимается этой проблематикой. В то же время сегодня то кризисное положение, в котором находится Россия, заставляет говорить о безопасности по отношению к каждой сфере, будь-то здравоохранение, информационная безопасность, экономики, экология в конце концов. В этом и состоит, на мой взгляд, уникальность той задачи, которую приходится решать при составлении подобного документа.

Я согласен с тем, что подчеркивание, достаточно частое, уникальности и величия России не только в этом документе, но и в других концептуальных положениях, конечно, вызывает много возражений. Уникальна любая страна — и географически, и исторически, и по культурным традициям. Поэтому нужно говорить об особенностях уникальности России. Эти особенности имеют конкретное выражение, а о величии лучше говорить где-то там в придаточных предложениях, рассматривать его как следствие определенных особенностей России.

Я хотел бы вернуться к соотношению между политикой и концепцией. Мне представляется, что политика — это должен быть инструмент, методика того, что надо делать в этот период. И особенности этого документа должны заключаться в том, что это безусловно политика переходного периода, это политика выхода из кризиса. Именно этот переходный период и объясняет необходимость широты охвата большого числа компонентов в политике национальной безопасности. Именно поэтому хорошо бы опираться в первую очередь на концепцию и из нее уже строить политику.

И, наконец, по разделам, о которых тут уже говорилось, частности, по военному разделу. Тут Алексей Георгиевич Арбатов уже упоминал о противоречиях этого раздела. Он, правда, не сказал о том в докладе как раз сказано о целесообразности баланса ядерных сил. Противоречие же заключается в несколько неточных формулировках. О каком паритете или балансе можно сейчас говорить вообще в вооруженных сил, когда мы уже сейчас уступаем НАТО примерно в четыре раза по боевым возможностям, по количественному составу ВС. И здесь, конечно, никакого паритета быть и не может. Но это паритет существует в вооруженных силах в целом, в военной мощи.

Там, где речь идет о стратегических силах, там и целесообразно, и есть возможность говорить о стратегическом ядерном балансе, как об основе стратегической стабильности. Действительно, возможности поддерживать такой баланс на предельно низком уровне, проводить политику, направленную на ратификацию и реализацию СНВ-2, а в дальнейшем на СНВ-3 крайне целесообразно.

Отдельные положения документа, несомненно, требуют доработки. После внесения исправлений и дополнений документу необходимо давать под ход — так как спекуляции, обусловленные отсутствием политики национальной безопасности крайне опасны.

Ю.Е.ФЕДОРОВ: Предпринятая попытка подготовки документа о национальной безопасности является вполне актуальной и назревшей.

Сразу хочу сказать, что я согласен с теми, кто достаточно высоко оценил этот документ. Во всяком случае мне представляется, что он значительно более полезен и в теоретическом и в практическом плане, чем некоторые другие опубликованные, скажем, в последние несколько лет подобные проекты, подготовленные различными группами ученых.

Этот документ более цельный. Я прежде всего хотел бы приветствовать два тезиса, которые в этом документе отмечены и которые мне представляются важными.

Первое — это тезис об устойчивом демократическом развитии. И второй — о снижении реальной военной угрозы извне. Есть немало и других реалистических оценок и выводов.

Есть в представленном материале и определенные неясности. Вот говорится о принципиально новой концепции развития России. Отсутствует, например, определение цивилизованного порядка. Возможно, что речь здесь идет о том, что России нужно идти каким-то особым путем, отличным от того, по которому идут другие страны. Однако, если это так, то и это вызывает вопросы. Трудно понять почему мы должны отказываться от того, что называется либеральной цивилизацией, демократической цивилизацией.

Говорится также, что цивилизация может существовать только в режиме строгой или жесткой экономики, основанной на жесткой регуляции общественных процессов и фундаментальных нравственных ценностях.

Возможно, что это так, но это нужно доказывать. Используя этот тезис, можно очень легко доказать, что Россия должна перейти к новой карточной системе, к новому тоталитарному режиму. Есть и вопросы, с моей точки зрения, принципиальные. Первый вопрос, который здесь уже поднимался и который обсуждался — является ли Россия великой державой. Но, что если мы действительно поверим в то, что Россия является сегодня великой державой, то мы можем поставить перед собой задачи и цели, которые заведомо превосходят нынешние потенциалы России.

Второй момент это вопрос о внутренних опасностях и внутренних угрозах. Я согласен с тем, что внутренние угрозы и опасности в общем связаны с сепаратизмом, если говорить о политической стороне дела, со вспышками межэтнических, межконфессиональных конфликтов и так далее.

Но угроза состоит и в том, что в стране происходит поляризация социальных и политических сил по двум направлениям — сторонники демократического, реформистского пути развития и сторонники восстановления чего-то прошлого. Я не хочу употреблять термин “социальный реванш”, но напрашивается.

И последний вопрос. Все-таки из этого текста, не ясно есть внешняя военная угроза или нет. Если да, то с чем она связана?

Правильно, на мой взгляд, в некоторых местах, говорится о том, что эта угроза носит региональный характер и связана с локальными конфликтами, прежде всего. Возникает вопрос о ядерном оружии. Практически все выступавшие говорили о том, что ядерное оружие — это нечто такое, без чего Россия не выживает, это символ великой державы, это статусная характеристика.

Возможно это так. Но может ли тактическое ядерное оружие быть пригодным для разрешения конфликтов типа чеченского и таджикского?

Мне кажется, крайне важным было бы включение в этот текст положения о создании мобильных вооруженных сил России.

Мне представляется, что этот вопрос трудно обойти при подготовке документа, который посвящен проблемам безопасности России.

В.Н.ЯКОВЛЕВ: На мой взгляд, в разделе “Военная политика” абсолютно правильно отмечается, что Российская Федерация на обозримый период сохранит статус ядерной державы. В раздел “Потенциал для обеспечения национальной безопасности”, мне кажется, необходимо внести поправку в фразу “Отмечая как основное средство обеспечения национальной безопасности России наличие у нее стратегических ядерных вооружений...”. Мне представляется, что нельзя здесь делать акцент только на “стратегических ядерных вооружениях”.

Я думаю, слово понятие “стратегическое” не должно звучать в принципе. Это должны быть “ядерные вооружения”. Прежде всего потому, что мы имеем очень широкий спектр ядерных вооружений. Кроме стратегических, мы имеем целый класс тактических, оперативно-тактических ядерных вооружений.

Эти категории вооружений пока никто не собирает ликвидировать. Сегодня в Европе в нескольких государствах хранятся ядерные боеприпасы. До сих пор мы не можем договориться с Соединенными Штатами о сокращении крылатых ракет морского базирования как класса вооружения.

Когда мы говорим о все усиливающихся региональных вызовах международной безопасности, то нужно понимать, что как инструмент стратегические ядерные силы не могут быть в этой ситуации использованы.

П.Т.ПОДЛЕСНЫЙ: Я хотел бы только остановиться на некоторых моментах нашей дискуссии.

Первое. У России сегодня нет возможности заниматься предотвращением или мешать Германии играть определяющую роль в каких-то вопросах. Если Россия встанет на такой путь, то это значит, что она будет напоминать Советский Союз, который пытался в ядерном противостоянии учесть всех мыслимых и немыслимых противников. Единственное, что может Россия сделать, с моей точки зрения, в обозримой четырехлетний период, если она не развалится или не произойдет каких-либо других коллизий — это консолидировать свои позиции на постсоветском пространстве.

Второе. У меня вызывает сомнение мысль о переходном периоде. Речь должна идти о конкретных вопросах — что Россия может сделать за четыре года до конца века в деле обеспечения своей безопасности.

Насчет европейской безопасности. Об этой проблеме в документе говорится недостаточно. Мы должны понимать какое место в предстоящие четыре года займут вопросы европейской безопасности для России. В этой проблеме, на мой взгляд, есть целая система приоритетов.

Надо четко сказать, что предотвращение расширения НАТО или предотвращение возникновения новых союзов в обход интересов безопасности — важнейшая задача, важнейший национальный приоритет. Отладка наших отношений с Европейским Союзом. Что же мы стесняемся?

Мне также кажется, что страны Центральной, Восточной и Южной Европы и этот регион имеют собственное значение для нашей политики.

В отношении стран СНГ. В документе говорится о наших приоритетных отношениях с Украиной. Да, в принципе, это

верно. Но за четыре предстоящих года необходимо сделать очень многое: отладить отношения с Украиной, отладить четырехстороннее новое образование и, конечно, попробовать улучшить отношения с Украиной, если это возможно.

В.Н.ЛОПАТИН: Я хотел бы начать с предложений и тех возможных замечаний, которые, представляется нужным внести в документ.

В состав понятия национальной безопасности Законом о безопасности уже сегодня включено значительное число направлений, которые составляют безопасность человека, общества и государства.

По всей видимости, определив жизненно важные интересы в каждой из этих сфер, выделив приоритеты, можно говорить о формировании определенной общенациональной идеи. На мой взгляд, в данном документе, этого, к сожалению, не получилось.

Теперь позвольте несколько замечаний и предложений по содержанию этого документа. Я исхожу здесь из трех принципов, формулируя и предлагая свои замечания. Первое — реалистичность тех оценок, которые даются. Национальную угрозу обществу, по всей видимости, сегодня составляет всеобщее равнодушие. Мы привыкли к эгоизму детей по отношению к старшему поколению. Это равнодушие ко всему плохому, к сожалению, сегодня вытесняет те лучшие духовные традиции, которые были в жизни России, которые остались от старших поколений.

Второй принцип — реализуемость. Дело в том, что многое из того, что говорилось здесь, на сегодняшний день сформулировано, записано в законах, в указах, постановлениях. Но, к сожалению, все это в большинстве своем не реализуется.

Указом Президента в 1993 году сформулированы основные понятия и подходы, за счет чего обеспечивать военную безопасность -невоенные средства, ядерное оружие, вхождение в систему коллективной безопасности и, наконец, традиционно Вооруженные Силы и другие войска.

Но вместо этого сегодня система обеспечения военной безопасности, каждый ее элемент действует сам по себе, системы нет, идет не взаимодействие, противодействие друг к другу, что приводит в ряде случаев к созданию серьезных угроз, в том числе той самой национальной безопасности, во имя чего все это задумывалось.

Было бы правильно, наверное, определить приоритеты, приоритеты по составляющим национальной безопасности, приоритеты по сферам. По составляющим следует определить — что у нас главное — человек, общество или государство? Важно также определить этапы реализации этой концепции.

А.Ю.ЦАРЕВ: Организаторы сегодняшнего мероприятия проявили незаурядное мужество, вынеся концепцию, разработанную ими, на столь серьезное и всестороннее обсуждение.

Я согласен, что действительно некоторые моменты документа чересчур оптимистичны, особенно в тех местах, где говорится о состоянии дел внутри страны. Я хотел обратить внимание участников дискуссии на один очень важный момент — зависимость национальной безопасности от национального законодательства. Ведь многие положения действующего законодательства по сути дела противоречат той концепции, которую мы обсуждаем.

В концепции говорится, что внутренняя угроза состоит в том, что отсутствует гражданский контроль за деятельностью

силовых структур. Но в то же время Президент страны вносит в Госдуму проект закона об обороне, в котором в отличие от действующего исчезает вообще понятие “гражданский контроль”, исчезает возможность назначения на должность Министра обороны гражданского лица и устраняются многие другие институты гражданского контроля над военным ведомством.

Следует сказать, что гражданское общество, о котором много сказано в документе, остановится наоборот все больше военным обществом. Законом до сих пор не запрещено участие военных в политике. Закон позволяет военным вмешиваться не только в политические события, но и постоянно контролировать и лоббировать свои интересы в парламенте. Наверное, только у нас можно встретить откомандированного от Министерства обороны офицера, который возглавляет отдел кадров аппарата Государственной Думы, или возглавляет секретариат руководителя аппарата Совета Федерации. Эти люди откомандированы не в качестве советников по военным вопросам, они откомандированы на должности, от которых зависит принятие политических решений.

Сегодня, я думаю, более актуально говорить не о гражданском контроле над военными, а о военном контроле над гражданским обществом.

И еще надо сказать, что сегодня у нас нет механизмов, нет институтов, которые бы выверяли наше законодательство.

Хотелось бы, чтобы в концепции были хотя бы намечены какие-то механизмы, которые бы действительно обеспечивали законодательство, способное стать действительной основой обеспечения национальной безопасности.

В.П.СТУПИШИН: Я не буду повторять многочисленные, уже высказанные похвалы в адрес этой программы. Я не сомневаюсь в необходимости и важности самой такой работы. Мне кажется, достоинств этой работы уже то, что она не оставляет равнодушными и вызывает такую интересную дискуссию.

Для меня бесспорно в отличие от некоторых выступавших то, что внутренняя и внешняя безопасность неделима. Авторы правильно сделали, что рассматривают в совокупности, а не выделяя отдельно внешнюю безопасность, внутреннюю и так далее.

Несколько критических замечаний. Здесь уже отмечался момент несоответствия реалиям некоторых положений этого проекта.

Россия исторически складывалась отнюдь не как политический, хозяйственный, административный союз земель, этносов, культур и так далее. Но это по-моему, полное несоответствие нашей истории. Никакой союз на территории России не складывался. Складывалась империя, и это складывание шло совершенно по другим законам.

Мы говорим, в том числе и в этом проекте, о том, что региональная политика России — это соотношение интересов центра и регионов республик. Федерализмом здесь вообще не пахнет. Мы же прекрасно знаем, что так называемый Федеративный договор ничего общего с федеративными принципам не имеет. Это все то же распределение полномочий между центром и местами. Значит, надо сказать, или мы Федерация, или мы хотим быть Федерацией, или мы не хотим быть Федерацией.

Точно также отсюда строится и линия на то, что поставить задачу развития СНГ, которая у нас является, оказывается, главной целью политики, в создании устойчивого объединения суверенных государств. Во-первых, это утопия.

Во-вторых, мне кажется, что главное здесь в нашей политике необходимо построение нормальных дипломатических и межгосударственных отношений между членами СНГ. Мы же эти отношения еще не научились строить.

Одни — союзники у нас, другие — соседи, третьи — партнеры. Но если мы равным образом будем к ним ко всем относиться, у нас может пострадать естественный союзник, как это имеет место с Арменией.

В части, которая говорит об угрозах написано, что у нас, оказывается, одна из главных угроз внутренних — это региональный и национальный сепаратизм. На мой взгляд, зачем же в одну кучу валить эти два совершенно разных понятия.

В.Б.ЛУКОВ: Актуальность документа, обсуждаемого сегодня, несомненна. В условиях острого дефицита ресурсов необходимо, как никогда, четко определить приоритеты политики национальной безопасности в широком понимании. И первая заслуга авторов в том, что они пытаются исходить именно из такого широкого понимания безопасности.

Такой документ призван также стать программой действий, на мой взгляд. Совета Безопасности, который нуждается в гораздо большей организованности, целеустремленности и, прямо скажем, авторитете среди органов исполнительной власти.

Достоинства документа:

Первое. Комплексный подход к проблемам политики безопасности, причем, на мой взгляд, во главу угла верно поставлены внутренние проблемы, как наиболее острые, требующие активного воздействия в первую очередь.

Второе. Поддержка линии на партнерство России с государствами Запада и Востока.

Третье. Поддержка демократических ценностей, как основного ориентира развития общества и государства.

Скажу прямо, на мой взгляд, в нынешних условиях, когда исполнительную власть испытывают на прочность и справа, и слева, такая четкая постановка о ценностной ориентации вызывает уважение.

Что целесообразно сделать, чтобы данный документ стал добротной основой для реализации политики национальной безопасности?

Необходимо привести его в соответствие с общепринятыми среди практиков представлениями о том, что такое документ о политике безопасности. Это документ, где определены приоритеты. Пока же в документе многочисленные внутренние и внешние угрозы и задачи политики не распределены по степени приоритетности.

У авторов получилось около 40 по приблизительной моей прикидке угроз и вызовов и около 100 задач в области внутренней и внешней безопасности. Конечно, оперативный документ при таком подходе построить трудно. Следовательно, необходимо выделить главное звено — в первую очередь в решении внутренних социально-экономических проблем, которые могут вытянуть всю цепь проблем национальной безопасности. Между тем в нынешних условиях основой политики национальной безопасности должна быть безопасная политика социально-экономических реформ. И вот этот тезис, эту стержневую линию я бы предложил авторам в основу дальнейшей работы над документом.

Какие проблемы должна решить безопасная политика социально-экономических реформ?

Первая. Восстановить базу независимого экономического и научно-технического развития России.

Вторая проблема. Пресечь разрастание источников внутренней социально-экономической и политической нестабильности. А этих источников в свою очередь два. Первый — это неконтролируемый рост социальной поляризации. И второй — перерождение федерального государства из конституционного в договорную федерацию. Вокруг вот этих центральных, на мой взгляд, проблем следует выстроить все многочисленные угрозы и задачи, которые сейчас разбросаны в приложениях к документу.

Вторая задача в дальнейшей работе над документом — необходимо реалистично и конкретно проанализировать ресурсы политики безопасности.

Этот вопрос требует решения всего на уровне бюджета. Нужна долгосрочная бюджетная поддержка приоритетов национальной безопасности внутри и во вне страны. А для этого необходим механизм интеграции задач национальной безопасности на общегосударственном уровне, механизм планирования их решения, хотя бы на среднесрочную перспективу, и эффективное продвижение этих приоритетов в годовые бюджеты. Всем этим, на мой взгляд, мог бы заняться Совет Безопасности. Кстати, одним из основных разделов документа должен был стать раздел о формировании целостного и действенного механизма реализации политики национальной безопасности.

Теперь о международных проблемах, описанных в документе. Задача политики национальной безопасности в международной сфере определены оборонительно, причем только через геополитику. Такой подход, на мой взгляд, игнорирует новые возможности для нашей внешней политики, связанные с процессом реформ и трансформацией международной системы.

При этом следует реалистично оценивать причины определенного нарастания внешних угроз и рисков, о которых здесь говорилось. В основе этих явлений не столько рост агрессивности внешней среды по отношению к России, а в первую очередь утеря нашей собственной страной экономической конкурентноспособности и сокращения потенциала саморазвития.

Второе методологическое соображение. Документ не свободен от путаницы понятий и нечеткости определений. Скажем, определение стратегии и концепции национальной безопасности в большой мере перекрывают друг друга, также перекрывают друг друга определение интересов гражданского общества и государства.

Конкретное предложение. В документе следует реалистично выделить главные задачи политики национальной безопасности на ближайшие годы, оценить потребные для их решения ресурсы.

Необходимо также разработать предложения по совершенствованию механизма формулирования и реализации политики национальной безопасности.

А.Ю.МЕЛЬВИЛЬ: Мне хочется обратить ваше внимание на один определенный аспект этого документа. На то, что все-таки большим плюсом этой работы является введение в контекст рассмотрения проблематики национальной безопасности, проблематики национальной идеи, идентичности. Я считаю, что это новое измерение дискуссии о национальной безопасности.

В этой связи не могу не задаться вопросом, и обратить этот вопрос риторический, ко всем нам. “Красной линией” во многих разделах работы проходит мысль, что сегодня российская общенациональная идея — это возрождение Российского государства, его укрепление и так далее.

Наверное, это так, но я бы хотел бы, чтобы этот тезис был добавлен и другим. Новая национальная идея не может быть только идеей возрождения государства, она должна включать в себя идею возрождения или творения российского гражданского общества.

Этот текст при всех его плюсах в данном аспекте обходит проблему баланса между государством и обществом. Вот ответ на этот вопрос как раз будет означать не преемственность традиции российской, а взлом этой традиции, а привнесение чего-то нового. И только тогда окажется, что Российская Федерация это действительно новая страна.

У меня представление, что мы находимся в периоде промежуточного рождения государственности. Государственность недостроена не только в плане институтов государства или эффективности государственной власти, она недостроена еще как идея, в головах людей.

Я просто боюсь, что если мы будем нажимать только на государственность, на построение сильного государства, сильной государственной власти, эффективной государственной власти, это может боком выйти угрозой национальной безопасности. Угрозой не государству, а угрозой обществу.

Я не вижу возможности возрождения национальной идеи только на пути возрождения государственности. Я ее вижу в том числе и на пути строения, построения сильного общества. И эту тему мне бы очень хотелось видеть в тексте документа.

Е.К.СИЛИН: Я думаю, что общественный компонент, который творит гражданское общество, для некоторых представляется журавлем в небе и очень неясной перспективной для России, где давит стремление к твердому и жесткому государственному началу.

Говорилось о том, что, да, нужна серьезная межведомственная подготовка такого рода документов. Но любая ведомственная подготовка документов, касающихся жизненных вопросов России, концепция национальных интересов должна твориться на широком людском кругу.

Я бы хотел видеть в этом документе еще одно приложение. Это то, что в разных документах называется “последующие шаги” — мероприятия по дальнейшей разработке и реализации положений этого документа.

Нужно, в частности, найти возможность для продолжения диалога общественности с представителями власти по проблемам национальной безопасности.

Л.Я.КОСАЛС: Прежде всего я хотел бы присоединиться к тем выступающим, которые говорили о том, что этот доклад удачен. Я хотел бы высказать несколько соображений в связи с этой работой.

Мне кажется, что вообще ядром концепции или политики национальной безопасности должен быть прежде всего перечень, формулировка угроз национальной безопасности и их ранжирование. В докладе, как мне кажется, явно недостаточно проработан раздел по угрозам безопасности. Можно было бы его доработать с помощью экспертов, предложить им дополнить сам по себе этот список. Такие методики есть, и это вполне можно сделать. И на выходе, мне кажется, должна быть классификация, группировка угроз национальной безопасности: угрозы, которые представляют собой непосредственную опасность, угрозы вероятные и угрозы маловероятные. В соответствии с этим нужно и строить политику. Те, которые должны быть направлены на преодоление наиболее важных, серьезных и наиболее вероятных угроз, туда и нужно и прежде всего ресурсы давать и деньги.

Для меня как для социолога прежде всего интересен социальный аспект безопасности. И здесь, мне кажется, важной является проработка источников угроз безопасности страны, причем угроз, которые рождаются в недрах социальных структур. Следует прояснить — от активности каких социальных групп исходит опасность нарушения или разрушения нынешнего социального порядка, и соответственно, какими путями можно эти угрозы нейтрализовать.

Мне кажется, что эти угрозы исходят прежде всего от групп, которые находятся внизу социальной структуры, так называемых люмпенизированных групп, и наоборот, с самого верха социальной структуры. Причем снизу, это прежде всего маргинальные слои -бомжи, люмпены и так далее. Сейчас, по некоторым данным, количество людей, которые попадают в эти слои, таково, что это уже начинает представлять собой угрозу безопасности страны.

Важен фактор и организованной преступности. В этой области, очевидно, нужна реформа соответствующих правоохранительных институтов.

В общей системе приоритетов, на мой взгляд, угрозы сверху сейчас более серьезные, чем угрозы снизу. В процессе складывания правящей элиты, возможны весьма серьезные угрозы безопасности страны (война в Чечне один из таких примеров).

Каковы механизмы предотвращения этих угроз? Это, я считаю, особый разговор. Но представляется, что здесь необходимо выработать прежде всего законы о гласном обсуждении принимаемых решений, чтобы было понятно, кто, когда, при каких обстоятельствах имеет право объявлять войну или соответственно отработать правовые процедуры, которые позволяли бы контролировать процесс становления элиты в стране.

Ю.К.НАЗАРКИН: Мне приходилось принимать участие в разработке нескольких концептуальных документов. Я достаточно хорошо понимаю те трудности, которые возникли перед авторами этого документа.

Очень во многих местах документа написано то, что мы хотели бы увидеть в России, но не то, что на самом деле есть. Есть такой раздел второй “Общенациональная идея, общенациональные ценности”. Само название этого раздела говорит о том, что в этом разделе должно быть сказано только что-то хорошее. Обращалось уже внимание на целый ряд положений из этого раздела: об идеалах справедливости, нравственности, братства. Я могу обратить внимание на следующий тезис. С точки зрения национальной России — это многоэтническая общность, сплоченная исторической судьбой русского и других народов, которые взаимодействуют в едином государстве на добровольной и равноправной основе. Однако, на фоне того, что происходит в Чечне, добровольная основа как-то уж очень по-фарисейски звучит.

Россия по своему государственному устройству — это авторитарное, а в значительной степени тоталитарное было государство. Это же накладывает и должно накладывать отпечаток на разработку концепции национальной безопасности. Иными словами, эта глава, мне кажется, должна давать основу для более объективного подхода к разработке концепции национальной безопасности.

В документе утверждается, что “обеспечивать высокое качество жизни россиян и оказывать влияние на мировую политику России можно лишь при условии успешного продвижения страны по пути демократического развития”.

Конечно, авторы и я вместе с ними хотим, чтобы Россия пошла по пути демократического развития. Но отнюдь необязательно только при демократическом развитии будет обеспечено высокое качество жизни граждан того или иного государства.

Если писать документ о политике национальной безопасности, то схема может быть примерно следующей. Я очень кратко ее воспроизведу.

Первое. Характеристика ситуации нынешней и прогноз ее развития на период до 2000 года, то есть на тот период, на какой разрабатывается концепция.

Второе. Формулирование национальных интересов. Третье. Угрозы, потенциально существующие этим интересам. Четвертое. Пути и средства предотвращения и устранения этих угроз и обеспечение национальных интересов.

И наконец пятое — это раздел о механизме реализации политики национальной безопасности.

Далее частное замечание. Военной политике здесь уделено вполне достаточно внимания. Но, мне кажется, неоправданно выпал такой вопрос, по-моему принципиальный, как противоракетная оборона.

Вопрос этот надо как-то решать — определить, в какую сторону мы собираемся дальше двигаться.

Ю.Н.РАХМАНИНОВ: Исходную часть документа было бы лучше начать с анализа и оценки тенденций и движущих сил развития современного мира как в целом, так и того региона, в котором находится Россия. Такой анализ, как мне представляется, может привести к следующим выводам.

Первый. В настоящее время действуют две противоположные тенденции в мире. Одна тенденция связана с кризисом всей мировой системы нашего общества, ее трех взаимосвязанных частей: природы, общества и человека.

Существует и другая объективная тенденция к выработке стратегии выживания человечества, выживания мира. И вот в основной части этой тенденции и является наша попытка разработать концепцию безопасности. Причем мне представляется, что концепция безопасности должна состоять из двух частей: глобальная безопасность и региональная безопасность.

Когда мы только говорим о европейской безопасности, хотим мы того или не хотим, мы объективно наносим определенный моральный ущерб нашим усилиям по укреплению СНГ. Поэтому нужно все три сообщества в регионе от Ванкувера до Владивостока: атлантическое, европейское, евроазиатское соединить в единую концепцию безопасности на всем регионе ОБСЕ.

Вторая сторона нового подхода концепции безопасности — это всеобъемлющий характер. Основная угроза безопасности сейчас исходит не извне, а из нерешенности глобальных проблем, которые одинаково угрожают всем, и внутренних проблем в государствах.

Был поднят вопрос об экономической безопасности. Нельзя не заметить, что упование на могучую руку рынка и на обогащение привело к моральному распаду многих обществ, расширению коррупции, к нахождению убежища в наркотиках, безразличию в отношении других людей и окружающей среды, идейному замешательству молодежи.

Ю.М.БАТУРИН: Я хотел бы поблагодарить всех, кто нашел время не только прочесть с карандашом в руке проект этого документа, но и прийти сюда и потратить целый день на его обсуждение.

Я хотел бы обратить ваше внимание на некоторое сходство подготовки обсуждаемого документа с открытием Америки Колумбом. Колумб, как и авторы, собирался найти новый путь. В одном случае в Индию, в другом — в новую Россию. В том и в другом случае проект очень многие критиковали, но тот и другой получил поддержку властей. И, наконец, когда Колумб доплыл до Америки, он продолжал верить, что оказался в Индии. Так и авторы документа верят, что сформулировали политику национальной безопасности.

Документ политико-национальной безопасности на 1996-2000 годы напоминает своего рода строительство дома с крышей. Конечно, хотелось бы иметь сначала концепцию национальной безопасности, где были бы сформулированы, условно говоря, вечные интересы России, и из них уже выводить конкретную политику на определенный срок.

Но, к сожалению, концептуальные документы готовятся сложнее и дольше, а задерживать формулирование политики, наверное, не стоит. К тому же есть и в строительстве такие технологии, когда дом начинают строить с крыши.

Здесь была сделана попытка, я имею в виду при подготовке этого документа, заглянуть в концепцию и спланировать политику на том, что удалось из этой концепции ухватить. И не беда в том, что что-то осталось непонятным.

Так, коллега Мельвиль говорил, что непонятно, что такое российское государство. Может быть, так оно и есть. Наверное, он прав. Но нельзя ждать, когда нам все станет абсолютно ясно. Ничего страшного нет, потому что политику, я думаю, можно корректировать. К тому же речь идет о краткосрочной политике на четыре-пять лет.

У коллеги Лукова появился термин очень интересный, на мой взгляд, “безопасная политика”. Он имеет под собой такое восприятие политики как источника повышенной опасности. Есть такой термин у юристов. Иначе говоря, лучше не навредить. Может быть, лучше не иметь вообще никакой политики, чем иметь плохо сформулированную политику. Это своего рода минимум, который должен быть выполнен.

Другая крайность, максимум — это найти истину. Конечно же авторы документа хотели истину найти. Здесь, кстати, был сформулирован такой парадокс, что истина принадлежит меньшинству, а решение принимается большинством. Но мне кажется, что это квазипарадокс.

Во-первых, потому что истина только сначала принадлежит меньшинству. Потому что об истине первым догадывается кто-то один, а затем уже его идею разделяют другие.

Земля вертится вокруг солнца. Сначала об этом говорило явное меньшинство, а теперь нисколько не сомневается большинство.

Во-вторых, разделение на два множества, меньшинство, которое глаголет истину, и большинство, которое принимает решение, все же не корректно. Здесь смешиваются два основания классификаций — те, кто думает, и те, кто принимает решение. Тезис основывается на посылке, что думают и додумываются до истины один, а решение принимают другие. К счастью, все же это не так. Некоторые из тех, кто принимает решение, все же думают.

И, в-третьих. Решения принимаются далеко не всегда большинством, а иногда даже и единолично. Поэтому будем надеяться, что поиск истины собравшимся здесь меньшинством завершится принятием решения другими, не исключая, еще меньшим меньшинством.

IV. О КОНЦЕПЦИИ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ

Стенограммы двух дискуссий, проведенных Аналитической группой Внешнеполитической ассоциации ("Группа Бессмертных"). Москва, 26 марта и 9 апреля 1997 г

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Предлагаю тему для разминки. Наряду с понятиями "ближнее зарубежье" и "дальнее зарубежье" давно уже созрела необходимость ввести понятие "внутреннее зарубежье".

Идея синтезировать проблематику внутренней и внешней политики, высказанная вами, Александр Александрович, еще в 1991 году при создании нашей аналитической группы, реализуется в чистом виде с появлением "внутреннего зарубежья", к которому можно отнести некие бывшие российские территории, а ныне независимые свободные демократические республики, ханства, каганаты и прочие образования, пространственно целиком расположенные внутри РФ, подобно дыркам в сыре.

А.А.БЕССМЕРТНЫХ: "Внутреннее зарубежье" бывало и раньше, только оно называлось не так (например, "космополиты" или "конвергенцы").

З.А.КУЧКАРОВ: В этой связи можно создать еще один Институт проблем русской диаспоры, но только внутри-зарубежной.

О.И.ГЕНИСАРЕТСКИЙ: Кстати, вышла книга "Кремлевская диаспора в Москве".

Другой любопытный факт: в Свердловской области сейчас возникло движение бажовцев ("Бажовское возрождение"), аналогичное движению толкиенистов. Там все расписано, в т.ч. Аркаим в качестве будущей столицы мира после Армагеддона.

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Причем возможно внутреннее зарубежье первого, второго и третьего порядков. Т.е. все вкладывается, как и прежде, но только вовнутрь. Раньше была союзная республика, в ней — автономные республики и т.д. Теперь все то же самое, только уже за внутренним рубежом: в порах и дырах нашего внутреннего зарубежья возникает свое внутреннее зарубежье второго порядка, с которым можно попытаться установить прямые связи, как-то минуя внутреннее зарубежье первого порядка. Скажем, Соединенное королевство Алапаевска и Грязнухи отделяется от Уральской республики и открывает посольства в Екатеринбурге, в Москве и представительство при ООН.

А.А.БЕССМЕРТНЫХ: Родина — это бесконечная цепь зарубежных!

В.В.МАЛЯВИН: Русские в своей стране как чужие.

С.Г.КОРДОНСКИЙ: Все это формально описывается через рекуррентные функции. В конце концов, это просто выбор места жительства. Причем задача оптимизируется — ясно, сколько нужно платить за регистрацию, и пр.

О.И.ГЕНИСАРЕТСКИЙ: И появляется, скажем, гражданин Булгарии — болгар.

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Возникает математическая теория внутреннего зарубежья. Если в этой ситуации кто-то пожелает стать диссидентом, то есть заигрывать с внешними силами, перед ним станет сложная топологическая задача.

Одновременно не только не снимается, но даже актуализируется проблема анклавов. Если мы удержим родной исконно русский Кенигсберг, отобьем у ближнезарубежных супостатов Севастополь — возникают куски внутренней территории, вынесенные куда-то вовне. Наш хартленд разрывается в евразийской груди, и я снимаю шляпу перед теми, кто попытается построить концепцию обороны этого неевклидова пространства.

С.Г.КОРДОНСКИЙ: Обороны Брайтон-бич.

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: А был такой анекдот в 60-х. Советское правительство объявляет ультиматум государству Израиль: ежели вы не прекратите мутузить наших арабских друзей, мы начнем бомбить Одессу! Только не знаю, где мы теперь должны нанести удар, если они посягнут на наш священный Брайтон-бич.

А.А.БЕССМЕРТНЫХ: Просто заявить: “Ни пяди не отдадим”!

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Александр Александрович! Может, мы не будем дожидаться опаздывающих? Я не уверен, что они появятся — ведь мы накануне таких событий (завтра 27 марта — день всероссийской акции протеста). Не исключено, что кое-кто из аналитиков сейчас создает боевой штаб по предотвращению забастовки или...

С.Г.КОРДОНСКИЙ: И ее превращению во что?

Ш.З.СУЛТАНОВ: В демонстрацию по поддержке нового правительства, так как Б.Н. мудро заранее сверг старое!

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Хотя все, вероятно, знают Сергея Кортунова, я все же его представлю: он — высокопоставленный сотрудник аппарата Совета Оборона, тайно сочувствующий нашим аналитическим экзерсисам. Прежде чем передать ему слово, позволю себе в качестве спикера сказать экспромтом пару банальностей.

Понятно, что еще лет 15 тому назад существование оборонной доктрины не подвергалось сомнению. Не знаю, была ли она на самом деле, но всем было ясно, что в принципе ее вполне можно сформулировать. Ведь тогда наше пространство не было устроено только что описанным диковинным образом. С точки зрения обороны оно было единым, однородным.

Оборонительный комплекс должен был накрывать как куполом определенную территорию. Одна из его задач состояла в том, чтобы на подходах к границе “покрошить” любые ракеты или самолеты, если они к нам летят. Вторая задача наверняка состояла в том, что вооруженные силы и все остальные спецведомства должны были быть готовы обеспечить национальные интересы СССР в любой точке земного шара. Поэтому у нас были десантники, авианосцы, базы в Анголе, на Кубе, в Камрани и т.д.

Не берусь сейчас анализировать в целом, что разрушилось в самый момент заключения Беловежских соглашений, а что успело распастись еще до них или отвалилось уже после – но единое оборонное пространство рухнуло сразу. Вспомним апокалипсическое видение 20-этажного локатора в Скрунде, который какие-то кретины взорвали, что не могло не вызвать сожаления у всех, даже у хозяйственных мужичков-латышей, которые наверняка подумали: “А нельзя ли было как-нибудь под элеватор его приспособить”? Но это вам не выморочный “прибалтийский хозрасчет”, а большая местечковая геополитика.

Итак, оборонное пространство разрушилось, и оборонный комплекс, который должен был держать границу на замке, исчез почти молниеносно. С этого момента наши вооруженные силы продолжают существовать в виде разнообразных территориальных округов и прочих мест, где складировано оружие, коим можно потихоньку приторговывать. Возникли странные феномены, типа Западной группы войск — непонятно, чьих и зачем там торчащих. Покуда у нее не объявились приемные родители, она, бедная, забытая, промышляла, как и чем могла. Об этом можно долго рассуждать, однако на сей счет имеется специальная часть прессы, которая в жанре “Доколе?!” давно все это обсудила.

Таким образом, де-факто эта часть оборонной доктрины становится невозможной. Восстанавливать снова армию, которая могла бы накрыть, как куполом, территорию теперь уже свободной России, проблематично, ибо до сих пор не совсем понятно, где начинается и кончается эта территория. Сверх того, ее границы не обустроены, их обустройство требует фантастических вложений, мы же не располагаем и долей процента этой суммы. Поэтому такого сорта доктрины уже быть не может. А какого может? Куда девать несчастную армию?

О задаче обеспечения национальных интересов в любой точке земного шара говорить тем более смешно. По главной причине — потому что нет денег, а также по второстепенной — потому что никто так и не объяснил, в чем интересы-то состоят. Да и кто там будет разбираться с нашими интересами! Кроме того, разбежались кто куда почти все государства, которые были нашими союзниками, и опираясь на территории которых мы могли этим заниматься.

Поэтому для меня сейчас совершенно непонятно, какую вообще (на самом верхнем уровне абстракции) задачу могла бы решать наша армия, будь она у нас; и если у нас должна быть оборонная доктрина, то что и от кого надо оборонять. Здесь опять уместны наши вечные причитания по поводу отсутствия политического субъекта. Очевидно, что коль скоро нет субъекта, то некого оборонять и не от кого — нет доктрины. Но армия-то есть!

Тогда, скорее, это становится социальной задачей. Имеется профессиональная группа, корпорация лиц, которые обучаются или обучены военному делу и приставлены к оружию. У них есть семьи, места дислокации, им нужно жить, получать зарплату. И вопрос уже не в том, от кого обороняться (и никто, слава Богу, не нападает пока, да и обороняться разучились), а вопрос в том, что делать с этими вооруженными людьми и со складами оружия? Однако последний вопрос связан напрямую не с оборонной доктриной, а с программой реформ в армии (надеюсь, мы ее тоже обсудим).

И, наконец, концептуальная проблема — проблема нового типа суверенитета, которую мы с Павловским давно (каждый на свой лад) ставим. К ней можно подойти с разных сторон. Например, сейчас появляются такие типы

самоопределяющихся субъектов, которых вооруженным путем пытаться одолеть бессмысленно. Сегодня мир устроен так, что когда, например, курдское меньшинство или чеченское гетто решают самоопределиваться, то — при соблюдении ряда условий — в военном плане они оказываются практически непобедимыми. Эти условия примерно таковы:

- у них имеется диаспора, которая служит стабильным источником денег и прочих ресурсов;
- они имеют постоянную возможность закупать современные вооружения (я даже не имею в виду подствольные гранатометы с ядерной гранатой, которыми давно пугают спецслужбы);
- они идут на “партизанские” (то есть террористические) методы борьбы, шантажируя противника нанесением неприемлемого ущерба мирному населению.

В этих условиях теоретически единственный способ, который мог бы обеспечить победу, — тотальная война на уничтожение этноса, частью коего они являются. Но это абсолютно недопустимо по современным этическим стандартам. Поэтому такого сорта субъекты (террористы, партизаны, борцы за свободу, моджахеды — называйте, как угодно) непобедимы ни для кого — ни для НАТО, ни для США, ни, тем более, для Эсэнговии.

И тогда возникает проблема внутреннего зарубежья. Коль скоро такой тип угрозы есть (а он теперь есть — это совершенно очевидно), значит, оборонная доктрина должна как-то реагировать на появление такого неуничтожимого и непобедимого субъекта, либо возникающего из самоопределяющейся части собственного народа-суперэтноса, либо имеющего локальный центр за рубежом, а диаспору здесь.

Иными словами, перед государством сегодня встает уже троякая задача обороны:

- покрытие колпаком определенной территории (архаический тип обороны);
- обеспечение национальных интересов в любой точке земного шара (вчерашний и сегодняшний тип);
- борьба с субъектами-самозванцами, которые обнаружатся внутри его традиционной территории (сегодняшний и завтрашний тип).

Но троякость этой задачи ставит способность государства сыграть роль субъекта обороны под большое сомнение. Можно сказать и больше: такая форма суверенитета как государство, обладающее определенной территорией, проживет, может быть, еще долго, но тем не менее исторически обречена, ибо границы государств по целому ряду причин сейчас рассасываются и рассосутся.

Это вовсе не будет означать исчезновения субъектов как таковых. Наоборот, с моей точки зрения, имеет место тенденция к укреплению суверенных субъектов. Просто возникает абсолютно новый тип суверенитета — не территориальный. Субъекты, конечно, останутся привязаны к определенным точкам на земном шаре — должно же быть где-нибудь здание ГРУ даже в том мире, в котором границы будут в той или иной степени поставлены под вопрос или рассосутся. Но ГРУ или весь управляющий обороной центр субъекта может иметь территорию типа Ватикана, занимать один квартал или даже один дом. А на остальной территории земного шара (конечно, я предлагаю некую абстракцию, которая никогда до конца не реализуется) все субъекты могут быть полностью взаимопроницаемы, по принципу квантовых частиц. Каждая из них может иметь пространственную локализацию, и в любой момент ее можно где-то обнаружить, но пока вы ее не

ищите — она занимает собой всю вселенную целиком. Все субъекты абсолютно прозрачны, и в этом смысле любой субъект нового типа всегда присутствует внутри всех остальных субъектов, а они присутствуют в нем. Это неизбежно, мы от этого метаисторического мира никуда не денемся. Проблема только в скорости приближения к нему.

Но если вернуться от этих футурологических моделей к реальности, то сейчас мы имеем распадающиеся остатки армии архаического типа. Эта армия была сопоставима с первой задачей и до некоторой степени со второй, но ни в коем случае никогда не готовилась к задаче подавления внутренних самоопределяющихся чеченообразных субъектов. Проблему внутренних чуждых анклавов в то время она решала простым путем. Скажем, когда внутри нашего родного социалистического лагеря возник Западный Берлин, мы пыхтели-пыхтели и, наконец, обнесли его каменной стеной. В этом смысле даже могучий субъект старого типа с безграничными финансами и ресурсами мог решить проблему “внутреннего зарубежья”, только построив каменную стену. Однако, думаю, даже могучая советская система спасовала бы, если бы перед ней поставили задачу иметь пяток или десяток западных берлинов, в т.ч. в европейской части РСФСР, на Кавказе и в Средней Азии — не хватило бы бетона на стены!

Ш.З.СУЛТАНОВ: Что значит оборона при угрозах изнутри? Это оборона режима?

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Внутри нашей территории возникают дырки, как в сыре, где обнаруживается некий субъект, претендующий на независимую роль и независимым де-факто являющийся. Потом, конечно, может выясниться, что он — совсем не тот, за кого себя выдавал вначале. Вообще, можно классифицировать, является ли субъект в этой дырке диверсантом, засланным извне, или представителем какого-то субъекта, традиционно имеющего территорию вне нас; либо это самоопределяющийся новообразующийся субъект, который своей территории не имел.

О.И.ГЕНИСАРЕТСКИЙ: В любом случае вы считаете, что функция обороны все-таки остается у государства. Но почему функция обороны должна быть государственной? Почему не может быть, скажем, Министерства обороны русского этноса?

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Я как раз не говорил, что этого не может быть.

С.Г.КОРДОНСКИЙ: Ты исходишь из того, что была армия, приспособленная под оборонную доктрину и реализовывавшая ее. Однако ситуация принципиально иная — наша армия была создана под наступательную доктрину. Поэтому-то сейчас и стоит проблема конверсии этой армии в армию, способную реализовывать оборонную доктрину.

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Это вечная трагедия интеллигентов, которые говорят, друг друга не слыша. Я назвал две задачи, которые стояли перед армией. Одна — обеспечить закрытие колпаком определенной территории в случае внешней агрессии; вторая — обеспечить национальные интересы в любой точке земного шара. Кроме того, слово “оборона” я воспринимаю в традиционном смысле, согласно формуле “лучшая оборона — это нападение”.

П.Г.ЩЕДРОВИЦКИЙ: Ты специально не затронул проблему ВПК? Я бы выдвинул гипотезу: армия в условиях существования ВПК и вне этих условий — абсолютно разные институты.

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Да, потому что Совет Оборона пока не занимается ВПК. Я стремился говорить о проблемах, находящихся в компетенции нашего сегодняшнего гостя. Хотя мне понятно, что ВПК — неотъемлемая часть военной доктрины.

З.А.КУЧКАРОВ: ВПК должен заниматься реализацией тех задач, которые в принципе должен сформулировать Совет Оборона.

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: У нас единый комплекс был разрезан пополам по причинам, далеким от концептуальности, были образованы два совета: Оборона и Безопасности. Я как раз собирался задать и этот вопрос нашему гостю: каким образом ВПК отошло к Совету Безопасности, когда единый комплекс был разрезан?

Итак, ради почти безнадежного дела — проведения военной реформы интеллектуальный цвет нации в лице Сергея Картунова внезапно оказался в Совете оборона. Я выражаю ему сочувствие и хотел бы спросить: как сейчас обстоят дела с такими проблемами, как оборонная доктрина и концепция реформ армии?

С.В.КОРТУНОВ: Прежде всего я хотел бы сказать, что я не только сочувствовал деятельности “Группы Бессмертных”, но и имел даже наглость мечтать как-то попасть на одно из этих обсуждений. И то, что я оказался здесь, конечно, большая честь и вместе с тем большая ответственность, учитывая высокий уровень вашей аналитики. Я сужу о нем по нескольким стенограммам, которые мне любезно предоставил Сергей Борисович. В частности, мне очень понравилась стенограмма о расширении НАТО — там звучали совершенно нестандартные предложения, существенно отличавшиеся от того, что говорилось на Совете Оборона перед встречей Ельцина и Клинтона в Хельсинки (хотя там тоже было много интересного).

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Тамошний спикер здешнему — не чета.

С.В.КОРТУНОВ: Само создание Совета Оборона с таким президентским мандатом, как разработать военную реформу, было косвенным подтверждением того, что никакой военной реформы у нас нет и не было в помине. Сложность моего сегодняшнего выступления еще и в том, что на 9 апреля назначено очередное (уже шестое) заседание Совета Оборона, которое должно рассмотреть проект концепции военного строительства как части военной реформы. Я принимаю участие в подготовке материалов к этому заседанию, хотя должен сказать, что концепции военного строительства у нас тоже пока нет. Это — то самое заседание Совета Оборона, которое неоднократно переносилось в силу известных противоречий между прежде всего секретарем Совета Оборона и министром Оборона, и которые, как выяснилось, вроде бы не носят антагонистического характера (во всяком случае об этом публично было сказано).

К сожалению, на данный момент продуманной государственной политики осуществления военной реформы пока по-прежнему нет. Зато есть многочисленные предложения, соображения, проекты. В аппарате Совета Оборона скопилось

уже 10 или 15 вариантов проекта военной реформы. Вообще, обсуждение военной реформы нашим обществом стало напоминать “групповое изнасилование” – выражение Сергея Борисовича, который применил его к обсуждению национальной идеи. Мне кажется, оно уместно и здесь. Возможна и другая метафора. В 1982 г., когда я пришел на работу в МИД, в моде было “разоружение”, и меня бросили на этот участок. Мой учитель Красулин сказал мне тогда: “Вы будете заниматься очень серьезным делом, но имейте в виду, что у нас о разоружении, как и о женских ногах, судит всяк кому не лень”.

Я говорю это не для того, чтобы дезавуировать точки зрения различных экспертов, которых я уважаю, а лишь для того, чтобы подчеркнуть: государственного замысла в отношении военной реформы у нас пока нет. Честно говоря, я пришел сюда в надежде подпитаться неортодоксальными, может, даже безумными идеями. Как говорил наш премьер, мы все эти предложения соберем в одну кучу и отправим в одно место. В том, что ваш потенциал будет востребован, вы можете не сомневаться.

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Баш на баш: неортодоксальные идеи — только в обмен на ортодоксальные!

С.В.КОРТУНОВ: Понимаю, в этом сложность моей позиции. Я ограничусь короткими тезисами.

Первое. В России осуществление военной реформы — задача почти невыполнимая.

Я вспоминаю, как во время предвыборной президентской кампании Лебедь был назначен помощником Ельцина по национальной безопасности, и Батулин оказался без портфеля. Он пошел к президенту, чтобы обсудить, чем ему заниматься дальше, и в процессе разговора имел наглость попросить дать ему поручение из разряда практически невыполнимых. В ответ Ельцин сказал: “Ну, вот, займись военной реформой”! В результате был создан Совет Обороны с этим четким мандатом.

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Жаль, что он не выбрал национальную идею...

С.В.КОРТУНОВ: Национальную идею выбрал Сатаров.

Сейчас среди тех, кто соглашается идти в правительство, стало модно называть себя камикадзе. Так, в частности, назвал себя и Немцов. Но когда Батулин взялся за это поручение президента, мы все ощутили, что он — действительно камикадзе. А поскольку ответственность за это поручение президента с ним разделяем и мы — группа людей, собравшихся вокруг него, это заставило всех нас работать в интенсивном режиме.

Уже с осени мы начали подготовку документов, связанных с военной реформой и военной доктриной. Мы проанализировали, как осуществлялись военные реформы в конце войны в США, во Франции, в Германии, и убедились, что опыт других стран в этом плане для России совершенно непригоден. Увы, оттуда можно почерпнуть очень немного в силу целого ряда объективных и субъективных причин.

Второе. Успешное проведения военной реформы в большой степени будет зависеть от того, насколько правильно мы определим ее место в российских демократических реформах в целом. (Те, кто не любит словосочетания “российские демократические реформы”, могут заменить его словом “процессы”.)

Чтобы определить место военной реформы в процессах, которые мы наблюдаем, с самого начала нужно понимать, что

речь идет именно о военной реформе, а не о реформе вооруженных сил. К сожалению, эти два совершенно различных понятия у нас часто путают. Более того, эта путаница имеет место даже в официальных документах, в т.ч. и в президентских. Так, в Президентских посланиях немало говорилось о военной реформе, но в 1994 г. речь шла о реформе армии, в 1995 г. — о реформе вооруженных сил, в 1996 г. — о военной реформе и реформе вооруженных сил. Наконец, в Послании президента по национальной безопасности вопрос ставится уже куда более грамотно: о военной реформе.

Согласно энциклопедическим словарям (и нашим, и иностранным), военная реформа — не просто реформа вооруженных сил, а коренное преобразование всей военной организации государства. Это ключевое определение. Оно развивается в Послании по национальной безопасности, которое, кстати, в свое время получило не самую низкую оценку Кургиняна. Он счел его признаком того, что наши документы начинают приближаться по качеству к документам ЦК КПСС. Хотя некоторые его рекомендации не удалось использовать (в частности, не удалось вымарать термин “устойчивое развитие”, мы это сделаем на следующем этапе).

В этом Послании говорится, что “речь идет о военной реформе как о принципиально новой модели взаимодействия военной сферы с экономикой, политикой и обществом в целом, в котором реформа собственно вооруженных сил является только ее составной частью”. По крайней мере здесь все ставится на свои места.

При таком подходе очевидно, что военная реформа — слишком серьезное дело, чтобы поручать его только военным. Из этого определения явствует, что военная реформа — мероприятие политическое. Точно так же и военная доктрина — документ политический, а не военный. Поэтому во всех нормальных странах военная доктрина разрабатывается политическими деятелями, а не министерством Обороны. У нас же сейчас это пытается сделать именно Министерство Обороны.

Итак, речь идет действительно о коренной реорганизации всего комплекса взаимоотношений военной сферы с государством и обществом (вплоть до взаимоотношений между военной сферой и личностью).

Третье. Правильно и своевременно осуществленная военная реформа — залог (скажем в кавычках) “демократического развития” России. Поэтому нынешний режим, просто даже с точки зрения своего выживания, должен быть кровно заинтересован в ней.

Объясняя иностранцам суть военной реформы в России, я употребляю метафору, которая тоже, возможно, не всем здесь понравится, — метафору “открытого общества”, понимаемого в духе К.Поппера с его триадой “гражданское общество — рыночная экономика — правовое государство”. Замечу, что “открытое общество” провозглашено как цель стратегии развития России в ряде президентских документов.

Применительно к “гражданскому обществу”, во-первых, это целый комплекс мероприятий, связанных с военной реформой. Прежде всего, это гражданский контроль над силовыми структурами вообще, и вооруженными силами в частности. Между прочим, многие считают, что в СССР с гражданским контролем над военными все было в порядке, ибо верховным главнокомандующим было гражданское лицо — генсек ЦК КПСС.

Во-вторых, это комплекс вопросов социального и материального обеспечения военнослужащих и мероприятия, скажем, по повышению престижа военной службы.

Применительно к “рыночной экономике”, во-первых, это переход к принципу добровольного приема на военную службу по контракту (что не следует путать с переходом на профессиональную армию). Во-вторых, это реструктуризация оборонного комплекса. Всякая его децентрализация есть, как мы убедились, несомненное зло, с точки зрения сохранения единого оборонного пространства (оно было разрушено после распада СССР).

Например, буквально вчера ко мне пришел академик Федосов, директор ГосНИАС, блестящий специалист, который занимается в основном авиацией и авионикой, и стал говорить примерно следующее: “Что же нам, как авиаторам, теперь делать, когда уничтожен Миноборонпром? Кому мы будем подчиняться? Мы не можем существовать в режиме свободной конкуренции и свободных действий. В любой развитой стране аэрокосмический комплекс курируется единым центром (в США это — НАСА, в Великобритании — Фарнборо, во Франции тоже существует единый центр)”. И сейчас мы как раз готовим записку президенту, в которой предлагаем объединить в единый комплекс по крайней мере 4 наших ведущих авиационных института (ГосНИАС, ЦАГИ и еще 2 института). Собственно, этот комплекс и стал бы российской НАСА, но не знаю, получится это или нет. В США НАСА подчинена правительству. Вопрос в том, кому такой комплекс должен быть подчинен у нас. В своей Записке Федосов предлагает несколько вариантов: создание специального авиационного агентства, аналогичного РКА; либо слияние авиакомплекса с РКА и создание единого более крупного ведомства; либо, наконец, создание авиакомплекса под эгидой Совета Безопасности и Совета Обороны (самый сложный вариант). Эта ситуация отнюдь не единична. Такое же положение, например, у нас с предприятиями, которые производят крылатые ракеты, сверхзвуковые и перспективные гиперзвуковые ракеты, и пр. Т.е. речь идет о серьезной реформе оборонного комплекса в плане укрупнения его децентрализованных частей.

В-третьих, это всеобъемлющая конверсия, что в условиях рынка — задача практически невыполнимая.

Применительно к “правовому государству”, во-первых, это открытие военного бюджета. Думаю, он должен быть открыт где-то на 90 %.

Во-вторых, это выработка комплекса документов, касающихся военной реформы.

Прежде всего это концепция национальной безопасности.

Как известно, она уже 3 года разрабатывается Советом Безопасности и с каждым годом становится все хуже. Последний раз, когда ее направили к нам на рецензию, мы написали в отзыве, что в таком виде ее выпускать нельзя. Там на сорока страницах очень плотного текста в первой части идет нагнетание всяких ужасов и “ужастиков”, а во второй говорится, что со всем этим можно довольно легко справиться. Мы порекомендовали выпустить основные положения концепции, как промежуточный документ, который мог бы удовлетворить по крайней мере аппетиты Думы. Ведь Дума в самом начале этого года или в конце прошлого поставила вопрос о состоянии национальной безопасности и о работах в связи с концепцией национальной безопасности уже непосредственно перед президентом!

Военная доктрина как конституция для вооруженных сил.

Здесь дело обстоит лучше. Ее разработка ведется по решению Совета Обороны и строго в соответствии с планом. Сейчас у нас есть проект Генштаба и целый ряд альтернативных проектов. (Я имею в виду прежде всего военные, а не политические основы военной доктрины). Кроме того, в мае должны быть представлены военно-технический и финансово-

экономические аспекты военной доктрины. Далее все будет объединено в единый документ, и после ведомственной проработки мы планируем провести его широкое общественное обсуждение на крупной конференции, с участием парламентских и общественных кругов. В конце апреля прошлого года мы провели подобное обсуждение политики по национальной безопасности, и оно было очень полезно для написания Послания по национальной безопасности. Кстати, это свидетельствует об очень высоком уровне открытости России. Я не могу себе представить, чтобы еще в какой-то стране проект президентского документа о стратегии национальной безопасности обсуждался публично с участием независимых экспертов.

(продолжение обсуждения)

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Давайте сначала обсудим события-знаки.

А.А.БЕССМЕРТНЫХ: Сейчас в воздухе носится зловредная цифра 5 млрд. \$, отравляя некоторым жизнь.

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Я слышал ее несколько раз в двух вариантах: 5 млн. и 5 млрд., но 5 млн. по нынешним временам — это не компромат, а оскорбление.

З.А.КУЧКАРОВ: Цифра 5 млрд. возникла тривиальным образом. Где-то было напечатано, что акции Газпрома оцениваются в 100 млрд. \$, а 5% от этой суммы (которые и составляют 5 млрд. \$), как известно, при приватизации отходили директорату.

А.А.БЕССМЕРТНЫХ: Мне рассказывали, что в 1994 г. в Германии состоялась встреча, условно скажем, западных стратегов, занимающихся Россией, на которой определялись котировки наших ведущих политических деятелей, с точки зрения их политических перспектив. Многие из политических деятелей, по мнению обсуждавших, подходили по всем статьям (придерживаются либеральных взглядов, реформаторы, умны, с ними установлены хорошие контакты). Но среди прочего обсуждалась также тема, не взорвут ли некоторых из них новости об их личных состояниях, и перспективы тех, кому это могло грозить, оценивались ниже. Сам по себе факт учета этого элемента при анализе перспектив наших политических деятелей показателен. Хотя, возможно, цифра 5 млрд. \$ и раздута в 100 или 1000 раз! Именно поэтому, но и не только, для Запада предпочтительнее, скажем, Явлинский, который, как они считают, не обременен этой проблемой.

В.В.МАЛЯВИН: А шансы Лебеда там оцениваются значительно выше, чем здесь.

А.А.БЕССМЕРТНЫХ: Лебеда фактически поддержала американская и французская элита, а немцы к нему отнеслись позитивно, но с традиционной немецкой осторожной сбалансированностью. Политическая судьба Лебеда в основном зависит от скоротечности событий или их затяжного характера. Чем нормальнее будет ритм событий, тем меньше у него шансов.

В.В.МАЛЯВИН: От американцев не требуется любви к Клинтону, от французов — к Шираку, но русскому подавай или все, или ничего: мы либо хотим, чтобы первое лицо государства

было чуть ли не ангелом, либо уж валим на него все. Это сугубо российский фактор.

С.Г.КОРДОНСКИЙ: Но у нас есть и достаточно существенная группа вполне определившихся и довольных людей.

В.В.МАЛЯВИН: Да, но они не принадлежат России. Они сидят на чемоданах. Мысль у них одна: где зацепиться в Европе? Причем поразительно, что все они говорят даже одни и те же слова (как будто кто-то в них вложил программу). Я говорил с пятью “новыми русскими” — бизнесменами, которым удалось “оторвать кусок” и которые понимают, что дальше они с этим “куском” здесь не протянут. Кто-то построил дом, а ему бросают камни через забор; кто-то не может куда-то пойти, потому что его там могут избить, и т.д. Все они готовы “свалить” в Европу, хотя и понимают, что там никому не нужны.

А.А.БЕССМЕРТНЫХ: Эта любопытная ржавчина прошла и в госаппарат. Причем речь даже не о коррумпированных чиновниках, набравших какие-то суммы, а просто о людях, которые начинают отчаиваться за детей, за семьи, с ужасом думают, как они смогут здесь жить дальше.

З.А.КУЧКАРОВ: Кстати, сейчас в госаппарат пошли те, кто почувствовал затруднения в бизнесе. Человек из рекрутинговой фирмы (они подбирают персонал) сформулировал в разговоре со мной это так: “У них энергетика кончилась. Бизнес стало тяжело вести, и они пошли в госаппарат. Это люди из комсомола, побывавшие в бизнесе, а теперь начавшие устраиваться обратно. Им, по их признанию, в госаппарате спокойнее”.

С.В.КОРТУНОВ: Т.е. госаппарат как бы аккумулирует все неудавшееся?

З.А.КУЧКАРОВ: Скорее, подуставшее.

С.Г.КОРДОНСКИЙ: Неудачники в бизнесе пошли в аппарат — делать другое дело неудачным!

З.А.КУЧКАРОВ: Этот же человек мне сказал, что есть также и другой слой, который сейчас пришел в госаппарат — те, кто удачно сделали свой бизнес, и теперь пошли его таким образом защищать, потому что незащищенность ощущали просто кожей.

А.А.БЕССМЕРТНЫХ: Я бы предложил Бориса Абрамовича не поминать всуе.

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Вообще ожидание в России конечного развала, — а это чуть ли не традиция, — может подзатянуться, как показывает жизнь, и не только перестроечная. Я цитировал уже Устрялова, который по другому поводу (он сидел в Харбине и ожидал не развала, а термидора) писал: “Только вот сроков не угадаешь! Длительны русские сроки”.

С.Г.КОРДОНСКИЙ: О конечном развале можно было говорить в 1989 г. Но что “конечный развал” означает сейчас?

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: С детства наблюдаешь за русскими советскими заборами и поражаешься: наш забор состоит из

жердей, ни одна из которых ни размером, ни формой, ни наклоном не повторяет другую, не говоря уже о том, чтобы они были сделаны из одного дерева, одинаково покрашены... Но все это как-то держится. И, как правило, в последний момент, когда падение уже неминуемо, выходит некто, бородатый, зачуханный, подпирает забор колом, и тот продолжает стоять.

С.Г.КОРДОНСКИЙ: Коммунальная структура у нас устоялась, деньги на нее пошли. Уж насколько Петербург был страшным городом, а сейчас там проблемы и с тепло-, и с водоснабжением, и со всем прочим решены, и можно уже строить.

Самая страшная вещь, которая нам грозила, — эпидемии и пандемии. Тем не менее в России их нет. Локально везде есть тиф, туберкулез, СПИД — весь набор, присущий меняющемуся обществу. Но пока хватает инструментов, которыми эпидемии контролируются, и я не думаю, что эти инструменты кончатся.

Военные конфликты сейчас из масштабных стали локальными (внутриквартальными и уличными). Они социализировались, т.е. мы привыкли жить в атмосфере постоянного вооруженного конфликта.

Что может еще быть? Самое плохое, если нарушится система теплоснабжения в результате, скажем, неосторожных действий в отношении РАО ЕС или Газпрома. Это действительно страшно. Но, думаю, люди в правительстве понимают, чем это грозит! Такое уже было в Хабаровске, большие катастрофы были в Нижнем Новгороде.

О.И.ГЕНИСАРЕТСКИЙ: В катастрофических ожиданиях велика доля архетипических проекций. Кризис идентичности, переживаемый сегодня “человеком с улицы” — а мы с вами тоже не по воздуху летаем, — сопровождается спонтанной проекцией (из бессознательного — в сознание) дистаксических образов/переживаний. Два из них, а именно: “обрушение”, падение осколков ранее бывшего целого сверху вниз (например, “они обрушили на себя небо”, “обрушение Союза”) и “распад” целого на куски и разлетание их во все стороны (“от Союза откололись страны СНГ, а потом отколются и регионы”), хорошо описаны в психоанализе. Их часто вспоминают “посыпающие пеплом” место, где должна была быть голова. Это априорные формы катастрофического переживания, вечные страхи. У них есть терапевтическая функция (защита от беспомощности перед лицом реальности, от неспособности увидеть смысл происходящего; и утешение знанием, что “есть враг”, “воюю, следовательно, понимаю”), но нет креативной функции. Кроме “обрушения” и “распада”, достаточно часты образы “провала” (например, в финансовую пропасть), “отсоса” (ресурсов, жизненной энергии), “заражения” и т.д., имеющие ту же самую природу.

С.Г.КОРДОНСКИЙ: Непонятно, что дальше разваливать. Социальная организация в России такова, что хаос уже есть. Какой еще вид он может принять? “Наезда” деревни на город? Или “наезда” горожан на деревню? Но массовое очищение “мичуринских огородов” уже есть. И “наезды” пригородов на город тоже уже есть (посмотрите, как живут люди в привокзальных микрорайонах). Коррупционированность пределов не имеет, и сейчас уже сам аппарат начинает обратно “отыгрывать”, что, дескать, можно и поменьше ему давать, он все равно работать будет!

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Сегодня хаос — понятие трудно определенное. Сам строй жизни таков.

С.Г.КОРДОНСКИЙ: Это самоорганизация. Например, Лужков и Шаймиев заявили: “Мы за реформу административно-территориального деления и формирование новых надстроечных единиц”. Наверное, это произойдет.

С.В.КОРТУНОВ: Здесь важно, конечно, управляемый это хаос или нет.

С.Г.КОРДОНСКИЙ: В этом хаосе рождаются деньги.

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: По крайней мере теория хаоса и теория катастроф разработана и, как выяснилось, вполне закономерна, законосообразна. У нас имеются крупные специалисты по этому вопросу.

О.И.ГЕНИСАРЕТСКИЙ: Развал — это российская форма организации инновационного пространства.

З.А.КУЧКАРОВ [Генисаретскому]: Вы можете подать заявку Сатарову на национальную идею.

В.В.МАЛЯВИН: Деидентификация как национальная культурная идея!

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: А кстати, сколько времени осталось до срока выдачи национальной идеи?

О.И.ГЕНИСАРЕТСКИЙ: Социального заказа на нее больше нет. Президентское послание прошло, и больше о ней никто не вспоминает.

С.В.КОРТУНОВ: Президент поставил эту задачу в прошлом августе и сказал, что через год спросит.

С.Г.КОРДОНСКИЙ: Эта группа превратилась в “кризисную группу”. Например, проблема с Белоруссией решалась в основном ею — центр был там, людей собирали из разных слоев, и где-то рядом с этой группой они и крутились.

З.А.КУЧКАРОВ: Говорят, начался поиск какой-нибудь альтернативной экономической идеи.

На мой вопрос по этому поводу знакомый ответил: “Как же, как же! Знаю. Нужна идея оживления мертвеца”.

А.И.БЕЛОУСОВ: Первый раз слышу, хотя это не значит, что это не так. Весь вопрос в том, кто ищет.

З.А.КУЧКАРОВ: На мой вопрос по этому поводу знакомый ответил: “Как же, как же! Знаю. Нужна идея оживления мертвеца”.

Я как бы язвину добавлю — не означает ли наше уныние аналитической несостоятельности в отношении концепции развития страны? Может, нужно создать при Чернышеве группу по выработке идей Чучхе или чего-то подобного?

В.В.МАЛЯВИН: По-моему, то, что сказал Олег насчет процессов деидентификации, структурообразующих, т.е. организующих хаос, гениально. Это — та почва, на которую легко ложится вся история русской культуры. Чтобы быть

русским, надо быть одновременно и немцем, и французом, и греком, и пр. Мы — русские в той мере, в какой мы готовы расстаться с “русскостью”.

С.Г.КОРДОНСКИЙ: Единственное оставшееся советское (русское сейчас) умение — умение воровать. Техника воровства доведена сейчас до высочайшего профессионализма. Раньше была обыденная деятельность воровства, теперь это уже гимн, а в промежутке была интерпретация.

В.В.МАЛЯВИН: Я бы все-таки настаивал на том, что мы вводим виртуальное пространство, виртуальную социальность и начинаем жить, и все становится на свои места моментально. Кстати, это и будет в XXI в. — никуда от этого не деться! Тогда Россия, наконец, объемлет собой весь мир, тут уж все растворятся в России, если, конечно, они осмелятся это сделать (у них пока кишка тонка).

С.Г.КОРДОНСКИЙ: Я спросил одного человека, который очень долго, еще с середины 1980-х гг. работал с иностранцами, что делают по возвращении домой американцы и все прочие, кто прошел социализацию в нашей культуре и понял, наконец, как здесь делаются дела. Он ответил: “Они не возвращаются. Они не могут уже там. А если и возвращаются, то уже как представители нашей культуры, инфицированные стереотипом российской хозяйственной деятельности”.

О.И.ГЕНИСАРЕТСКИЙ: К нам не подходит термин “воровство”. В нашем социуме все ресурсы неделимые. Поэтому они всеобщие, и поэтому взять кусок означает просто участие.

С.Г.КОРДОНСКИЙ: Тогда можно все определять через форму участия и соучастия (все становятся поделщиками).

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Русофобские страсти разгораются, а Султанова и Кургияна нет, и некому вступить за нас, бедных.

В.Л.МАХНАЧ: Мне неизвестны не только исторические прецеденты обрусевших до такой степени в России иностранцев, чтобы сохранить эти привязанности дома по возвращении, но даже случаи, когда бы русские сохраняли себя в таком качестве, оказавшись на долгом жительстве на Западе. Вот приезжавших в Россию и обживавшихся здесь много, вплоть до причудливых вариантов. Самый анекдотический персонаж, хотя и трагический — знаменитый Вавила, лидер самосжигателей рубежа XVII-XVIII вв. с дипломом Сорбонны. Есть и другие причудливые персонажи, но все они все-таки здесь, а не на Западе.

С.Г.КОРДОНСКИЙ: А Питер Хлебников?

В.Л.МАХНАЧ: Армстронговский пушечный король конца XIX в. — Бэзил Захаров. Но чтобы этот Вася что-нибудь русское в себе сохранил!

В.В.МАЛЯВИН: Они, естественно, не могут сохранить свою “русскость”. Хотя, например, даже русофоб Синявский после 20 лет проживания во Франции так и не заговорил по-французски, чем очень шокировал французов.

Что же касается бизнесменов, то между нашим и иностранным бизнесменом все равно остается разрыв, даже если последний хорошо говорит по-русски и у него русская жена. Мне совершенно непонятно, как они делают дела с акулами нашего

бизнеса. В психологии иностранцев сидит нечто, глубоко чуждое русской душе — законничество, желание все-таки следовать установленным правилам, чистоплюйство, которое у нас не приветствуется.

С.Г.КОРДОНСКИЙ: Ерунда. У любого представителя зарубежной фирмы сейчас есть фонд, откуда идут в месяц 20 тыс. или 200 тыс. \$ на взятки. Все они прекрасно знают, что нужно, скажем, чтобы приватизировать крупные предприятия. Они и дают, и берут, работают и с бандитами, и с государством. Другое дело, что их не видно и не слышно, потому что они очень хорошо освоили эту нашу культуру. И когда иностранные бизнесмены возвращаются на родину, они там начинают работать точно так же.

В.В.МАЛЯВИН: Есть только один принцип, которого придерживаются французы: они работают с русскими бизнесменами, но не работают с китайскими, ибо русские признают, что надо делиться, а китайцы — нет (у нас даже самый последний бандюга знает, что делиться надо).

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Жаль, что сегодня не смог прийти Милашевич. Он глубоко знает Бориса Йордана и фирму Renaissance-Capital, все сотрудники которой — стопроцентные американцы, неплохо говорящие по-русски. Они абсолютно вписались в нашу среду, растворились в ней и доблестно сражаются с братьями Черными (отчасти на деньги Сороса).

В.В.МАЛЯВИН: Он хорошо вписался, потому что неуязвим, как и все американцы. Надо быть уязвленным Россией...

С.Г.КОРДОНСКИЙ: Ничего себе! А как его уязвили с Новолипецким металлургическим комбинатом? Он до сих пор этого забыть не может!

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: В прошлый раз мы начали обсуждение темы “Военная реформа”. К нам в гости пришел тогда Сергей Картунов. Кстати, Сергей, состоялось то заседание Совета Оборона, о котором ты говорил?

С.В.КОРТУНОВ: Нет, но в Президент-отеле под эгидой Совета Оборона прошел семинар по военной доктрине с участием нашего генералитета из Генштаба, Минобороны и всех других силовых ведомств, где, в частности, ведущим был Батурин. А поскольку мне нужно было написать выступления для Батурина и Клименко, я взял все, что у меня было под рукой, и после небольшой переработки подготовил текст выступления на основе заметок, которые я сделал во время состоявшейся здесь дискуссии (она мне очень помогла). Теперь это стало не то чтобы официальной, но, может быть, квазиофициальной и озвученной позицией. Тем более я призываю всех присутствующих высказывать критические замечания с удвоенной силой.

Что касается самого семинара, то он показал, что у нас, к сожалению, пока нет даже общего языка при выработке как концепции национальной безопасности, так и военной доктрины. Очень резко критиковался вариант, подготовленный Генштабом. Для Совета Оборона это неплохо в том смысле, что было зафиксировано: вариант Генштаба не годится, его нужно перерабатывать.

На семинаре дали высказаться всем, в т.ч. и некоторым депутатам, включая Альберта Макашова. Его выступление было

самим ярким. В частности, он продолжил мысль, высказанную здесь Сергеем Кургиняном, что нельзя уничтожать тяжелые ракеты, сказав очень образно: “Не случайно американцы называют эти ракеты “сатаной”, но что для них — сатана, то для нас — ангел-хранитель”!

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: В прошлый раз было два больших выступления Александра Александровича и Сергея Ервандовича. Больше никто не успел выступить, и сегодня я предлагаю с этого места продолжить тему. По отдельным очень интересным репликам Кордонского и Генисаретского я понял тогда, что им есть, что сказать.

С.Г.КОРДОНСКИЙ: Я не специалист в этом вопросе, но мне очевидно, что сейчас реально происходит конверсия федеральных силовых структур. Там остался некий каркас, а масса людей оттуда ушла и воспроизводит свою привычную деятельность уже вне их.

В результате, по всей территории страны сформировалась, во-первых, хорошо организованная локально-территориальная армия, состоящая из ОМОНа, ОМСБОНа (структур, подчиненных местным органам власти), плюс бандитские и бизнес-защитные образования. Эта армия имеет стрелковое оружие, а кое-кто и легкую броневую технику.

Во-вторых, в 1988 г. я наблюдал за тем, что происходило непосредственно с армейскими частями и гарнизонами. Они вступили в тесные хозяйственные отношения с местными администрациями, причем даже на уровне администрации колхозов, совхозов. Между ними шел очень интересный обмен: на предметы потребления сначала обменивалось горючее, тушенка, военная амуниция, потом оружие. И сейчас гарнизоны на уровне локально размещенных дивизий фактически слиты с территорией — они выделяются просто формально, ибо ходят в форме, а реально они участвуют в системе местных хозяйственных связей.

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: “Народ и армия едины”.

С.Г.КОРДОНСКИЙ: Да. И говорить о какой-то мобилизационной готовности, возможности использовать их в чем-то, кроме “разборок” достаточно высокого уровня, кажется, не приходится.

В-третьих, части центрального подчинения (РВСН, разведка, военно-космические силы) оказались в дурацком положении. Их хозяйственные подразделения (ремонтная база) находятся в хозяйственных отношениях с территорией, где они расположены, и только за счет этого выживают, а собственно целевая их функция становится ущербной. Она не обеспечивается материально, техника не обновляется, люди десоциализируются (они подрабатывают на стороне, а военная служба для них превращается в занятие вторичное).

Поэтому, существует ли у нас какой-то потенциал по СС-18, нужно еще очень хорошо проверить. Как известно, эти ракеты уже полтора года никуда не нацелены. Кроме того, мы долго жили без единого разведывательного спутника, и лишь месяц назад был запущен более-менее нормальный разведывательный спутник. Чтобы привести в порядок навигационные части ракет и данные космической разведки и сопоставить их с навигационным оборудованием, нужно очень длительное время, хотя понятно, что куда-то эти ракеты мы запустить, вероятно, можем. Я не знаю детально, как это делается, но, ясно, что это очень сложная техническая процедура, предполагающая, что существуют

спутники, а также корабли (как военные, так и гражданские), которые находятся в океане и обеспечивают целенавешение и коррекцию. Однако сейчас ничего этого нет — нет нацеливающей инфраструктуры.

Мне кажется, необходимо скрупулезное внешнее обследование того, что мы называем “вооруженными силами”. Лишь тогда можно будет сказать, что у нас осталось. А сейчас некие идеальные конструкции, базирующиеся на том, что у нас должен быть какой-то враг, чтобы нам можно было консолидироваться и отработать технологию, не опираются ни на какие конкретные данные. Мы не знаем:

- в каком состоянии находится то, что мы считаем “вооруженными силами”;
- в каком отношении эти вооруженные силы находятся с конвертировавшимися частями;
- что такое “конвертировавшиеся части”, т.е. люди, которые ушли из силовых структур и продолжают стереотипы своей деятельности.

Как произошло конвертирование КГБ, видно. Сегодня в Москве невозможно найти банка, где бы не было генерала-чекиста и соответствующей структуры под ним. Причем этот генерал и его структура существуют только благодаря контакту с Центральным аппаратом ФСБ, поскольку информация идет оттуда. В этом смысле государство им еще нужно, но как обеспечивающая контора.

Что касается армии, то я не знаю подробностей взаимодействия тех же генералов, служащих сейчас в какой-нибудь военно-страховой корпорации, с центральным аппаратом Минобороны, но, думаю, отношения аналогичные. Военно-страховая корпорация была учреждена Минобороны для решения задач этого ведомства. Потом корпорация, естественно, начала жить по своим законам и подчинила себе аппарат Минобороны, чтобы решать уже свои задачи, тем более, что все они делятся доходами друг с другом.

Какую стратегию в этих условиях можно выработать, я не совсем понимаю. Например, та же история с комплексом С-300. Шума-то было сколько, а оказалось, как я понял после разговора с представителем завода-изготовителя, что мы просто не можем обеспечить в указанные сроки поставки нужного количества ракет, так как у нас были демонстрационные экземпляры этого комплекса, а технология производства уже развалилась.

А.А.БЕССМЕРТНЫХ: У нас они есть в запасе.

С.Г.КОРДОНСКИЙ: Может, они и числятся в госресурсах, как запас, однако при проверке выясняется, что их нет на месте. Я столкнулся с подобной ситуацией в Челябинске. Там заключили договор с военными о поставке ими на переплавку частей ракет, содержащих цветные металлы (самое ценное в ракетах — рули тяги и хвостовое оперение, изготавливаемые из тугоплавких металлов). Договор был объемный, на большое число ракет, так как там дислоцирован крупный военный округ. Договор подписали, проплатили какие-то авансы, приехали на место, где стояли эти ракеты, и обнаружили, что именно этих частей на них уже давно нет.

С.Б.ЧЕРНЫШЕВ: Ничто не ново под луной. В 1975 г. я служил студентом-курсантом в ракетной части около Пскова. Я был там редактором очень популярной стенгазеты и поэтому со мной по ночам пили местные офицеры. Они уверяли меня, что 80

% техники, стоящей на складе, уже не работает, ибо с нее сняты дефицитные детали на запчасти.

Кроме того, был такой эпизод. Курсант — “номер расчета” работал на ракете примерно в 10 м над землей. Подъем туда и спуск осуществляет специальная машина (типа подъемника, но только военная). Стоит он на площадке, работает, вдруг смотрит — подъемника нет. А народ разошелся, про него забыли. Короче, он просидел наверху полдня — 4 градуса по Цельсию, туман, — стуча зубами, потому что машина уехала красить сельский клуб (ей подвернулась “левая” работа). Это было в порядке вещей. 1975 г., империя в зените, но так использовались многие машины части — подъемники, заправщики и пр. Они всю занимались на уровне сельском и поселковом хозяйственными работами.

С.Г.КОРДОНСКИЙ: Однако есть еще одна компонента, самая стратегически важная — это НИР. Здесь, во-первых, мелкими гребнем прошли японцы, которые еще в 1991-92 гг. вычистили патентные библиотеки всех домов научно-технического творчества (они их просто закупили). Во-вторых, поработали американцы — в Брюсселе при НАТО создана организация, которая осваивает около 2300 технологий, импортированных из разваливающегося СССР, причем иногда вместе с их носителями. В результате, что у нас осталось, я не совсем понимаю. Каталогизацию оставшегося кто-нибудь у нас проведет или нет?

С.В.КОРТУНОВ: Такая попытка была предпринята.

С.Г.КОРДОНСКИЙ: Известна попытка Контрольного управления Администрации, которая провела перепись имущества на военных складах. Результат — скандал с танками: не хватает 600 ед., из которых 300 поставлены в Армению, а где еще 300, никто не знает!

Неготовность принять реальное состояние дел меня пугает. В своем выступлении Вы говорили о некоторой идеальной модели. На мой вопрос, взаимодействует ли Совет Обороны России с Советом Обороны Башкирии, вы ответили, что не знаете. Но Советы Обороны есть в каждой республике. В них входят первые лица местных силовых структур, и они проводят собственную политику, в т.ч. и по отношению к частям российской армии, размещенным на их территории.

С.В.КОРТУНОВ: Возможно, что в этом спасение вооруженных сил.

С.Г.КОРДОНСКИЙ: Возможно. Но учитывается ли это в доктрине, в той модели, которую вы разрабатываете? У меня ощущение, что вы четко делите мир на потенциального противника и страну, а саму страну при этом не дифференцируете.

С.В.КОРТУНОВ: Задача военной доктрины — прежде всего сформулировать внешние угрозы и ответы на них.

С.Г.КОРДОНСКИЙ: В нормальном государстве это, наверно, так.

А.И.БЕЛОУСОВ [Кортунову]: На какой период все это замысливается — не операционально, а на уровне концепции?

С.В.КОРТУНОВ: Методологически вопрос правилен, но единой точки зрения здесь нет, несмотря на то, что в принципе в соответствующем Указе президента сказано, что нужно готовить военную доктрину в двух вариантах — до 2000 г., как доктрину переходного характера, и до 2005 г. Почему 2000 г., ясно — это рубежная дата, знаковая цифра. А 2005 г. — это программа развития вооружений, и военную доктрину как бы подверстывают под нее, хотя методологически, с моей точки зрения, конечно, должно быть наоборот. На семинаре по военной доктрине, где этот вопрос обсуждался, очень многие участники заявили, что доктрина должна быть бессрчным документом, который, естественно, может корректироваться.

З.А.КУЧКАРОВ: Вроде как Конституция, и лучше даже, чтобы она была автоматически самопереписывающейся!

С.В.КОРТУНОВ: Так оно и есть, тем более, что доктрина относится к числу прожективных документов. Но в Конституции не сказано, что она носит переходный характер, а в подзаголовке проекта Концепции национальной безопасности, который подготовил аппарат Совета Безопасности, сказано: “Концепция переходного характера”. Т.е. здесь сразу всю Концепцию вешают на гнилой сук.

То же самое и с военной доктриной. Мне кажется, в ней должны быть сформулированы некие основные принципы, например, строим ли мы профессиональную армию или переходим на систему найма по контракту. В этом смысле военная доктрина, вероятно, должна быть бессрчной или уж во всяком случае не рассчитанной на 5 лет.

V. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XXI ВЕКА

*Стенограмма дискуссии, проведенной в аппарате Совета
обороны РФ. Москва, 5 мая 1997 г*

С.В.КОРТУНОВ: Наше обсуждение имеет непосредственно отношение к вопросу, который критически важен для нашей страны, для современной России. Рад, что моя скромная работа на эту тему вызвала интерес у нашей общественности.

Хотел бы выразить благодарность Московскому общественному научному фонду, который нашел возможным и необходимым опубликовать эту работу, Президенту Фонда Андрею Вадимовичу Кортунову, а также Алексею Максимовичу Богатурову, который взял на себя труд подготовки этого выпуска и его редакции. Пользуясь случаем, пока не пришел Ю.М.Батурин, я хотел бы также поблагодарить и его. Это не подхалимство. Я действительно считаю, что без него эта работа бы не состоялась. Несколько позже объясню, почему так считаю.

Несколько предварительных замечаний. Мне хотелось бы несколько приземлить наше сегодняшнее обсуждение. Кто-то его называет презентацией моей книги. Я же считаю, что это просто рабочее совещание в режиме “мозгового штурма”, причем я лично здесь преследую корыстные цели: во-первых, собрать ваши мнения, подпитаться какими-то новыми идеями, что очень важно и для меня, и для нашего аппарата, в целом для Администрации Президента, и для власти. Мы также здесь продемонстрируем вам некую модель визуализации представленных материалов. Это делается первый раз. Наше совещание — это своего рода испытательный полигон для отработки этой модели.

Теперь два слова о том, как рождалась эта книга. Как известно, книги рождаются не случайно и каждый раз по-разному. В одном случае это результат разработки некоей научной проблемы, в другом случае — результат выполнения некоего социального заказа. В третьем случае, происходит высший творческий акт, акт освобождения человека от неких идей, которые ему не дают жить; и до тех пор, пока он не выплеснул их на бумагу, ему живется очень не спокойно.

Должен сказать, что ни один из этих примеров в данном случае не подходит. Данная книга — это не что иное как “побочный продукт” моей работы, прежде всего в аппарате помощника Президента по национальной безопасности. И не более того. В этом аппарате я работал консультантом в течение примерно двух лет и попросту вынужден был написать эту книгу, поскольку мы столкнулись в процессе разработки концепции политики национальной безопасности, ряда Посланий Президента, других документов, связанных со стратегией развития и концепцией национальной безопасности, с необходимостью уточнить целый ряд достаточно общих понятий и общих проблем, без решения которых мы все время на них наткнулись. Это — побочный результат, побочный продукт некой концептуальной работы, которая велась в аппарате помощника по национальной безопасности. Вот почему без Юрия

Михайловича, наверное, эта книга не состоялась бы. До этого, многие знают, я работал в Министерстве иностранных дел. Если бы я продолжал работу в этом уважаемом учреждении, то не участвовал бы в этой работе.

Я не считаю, что эта книга является лишь моим личным творчеством, она в том числе и результат деятельности некой творческой лаборатории, которая сложилась в специальной аналитической группе, созданной для разработки ряда концептуальных документов. Многие члены этой аналитической группы, в частности, Марк Владимирович Рац, Максим Теодорович Ойзерман находятся здесь. В известной степени книга написана под большим влиянием этих людей. Приступив к разработке концепции национальной безопасности, ряда других документов, мы с самого начала столкнулись с очень серьезными трудностями, которые были порождены фактически и идейным вакуумом, и понятийным вакуумом. С самого начала встал вопрос — а что будет тем самым строительным материалом для концепции национальной безопасности, стратегии развития, военной доктрины и других документов — в условиях, когда коммунистической идеологии нет, и весь советский опыт отброшен. Единственный ответ на этот вопрос заключался в том, что таким материалом в новых условиях, для новой России, мог бы стать прежде всего национальный интерес, который был бы не только осознан, но и четко сформулирован. Только определив, что является национальными интересами новой России, можно было бы двигаться дальше в разработке тех самых концепций и документов, о которых я сказал, поскольку определив национальные интересы, можно определить и то, что, собственно говоря, следует защищать.

Одновременно мы столкнулись со следующей трудностью. По существу современная Россия, которая возникла после распада Советского Союза, является новой страной и в плане выбора пути, и политических основ функционирования, и даже географических границ. Такой страны на карте мира, как известно, не существовало. И Российская Империя, и Советский Союз — это были другие государства. Вместе с тем, если встать на точку зрения, что это абсолютно новая страна, тогда мы как бы прерываем исторический преемственный путь России. Поэтому не случайно во многих президентских документах записано, что Россия является все же страной — основной продолжательницей Советского Союза и Российской Империи. Но для того, чтобы определить роль и место этой “новой” страны в современной мировой политике и, может быть, даже в мировой истории, надо было, конечно, представить себе и мир XXI века, поскольку такие документы, как концепция национальной безопасности, стратегия развития, политика национальной безопасности — это документы долгосрочного характера и не представив себе мир XXI столетия, трудно было бы, конечно, говорить о роли и месте России в этом мире. Одновременно мы столкнулись и с необходимостью заново осознать, что, собственно, является субъектом национальной безопасности. Поскольку речь шла и о том, чтобы определить место России в мировой истории, надо было также осмыслить феномен русского коммунизма. Соответствующая глава также появилась в этой книге, написанная по свежим следам избирательной кампании прошлого года.

В процессе аналитических разработок и концептуальной работы в нашей аналитической группе мы пришли к выводу, что тот кризис, который испытывает Россия, есть часть глобального кризиса. Россия выступает в качестве его эпицентра и в какой-то степени — катализатора. Одновременно, согласившись с тем, что кризис, который испытывает Россия, носит системный характер, мы пришли к выводу о том, все же главный кризис — это кризис

национальной идентичности. Соответственно этот вопрос был тесно связан и с вопросом о том, как обеспечить возвращение России на исторически преемственный путь развития. Собственно говоря, попыткой продвинуться в вопросе о национальном самоопределении и является эта книга. Без этого, я убежден, невозможно двигаться вперед. Я сознаю, что, наверное, эта работа ставит гораздо больше вопросов, чем отвечает на них. Мне кажется, что и наша сегодняшняя встреча также явится важным шагом на пути национального самоопределения современной России.

Для обсуждения и визуализации мы выделили только одну небольшую часть этой книги. Это статья “Какая Россия нужна миру”. В этой статье ставится вопрос о субъекте национальной безопасности, причем безопасность понимается не как просто защита национальных интересов, но в плане реализации идеи развития. Так, собственно говоря, ставится вопрос и в Законе о безопасности 1992 года, и в последующих президентских документах. Кстати говоря, стратегия национального развития также стоит в повестке дня, в том числе и нашей аналитической группы. И этот документ, как мы считаем, является документом более общего и “старшего” характера по сравнению с концепцией национальной безопасности. В этой степени документ должен быть и будет долгосрочным, поскольку он должен определить стратегию развития и наши представления о роли и месте России в XXI веке. Вполне понятно, что решение этого вопроса важно не только для самой России, но и для всего мира, поскольку если Россия самоопределилась и четко сформулирует свои национальные интересы, это будет величайшим благом и для всех других стран, в том числе и для так называемых стран ближнего зарубежья. Может быть, даже в первую очередь, для них. Кстати говоря, об этом политические деятели стран СНГ нам говорят абсолютно прямо: “Сформулируйте ваши национальные интересы, скажите, каковы пределы ваших уступок Западу и Востоку, и тогда мы сами самоопределимся”. То есть самоопределение России является ключевым моментом самоопределения очень многих стран, в том числе, может быть, в первую очередь, новых независимых государств, которые появились на месте распавшегося Советского Союза.

В порядке комментария я бы сказал, что мы сталкиваемся (я имею в виду людей, которые занимаются практической политикой, в том числе внешней) с противоречивым отношением Запада к современной России. Связано это с тем, что, с одной стороны, Запад пугает внутренняя нестабильность стран СНГ, угроза дальнейшей дезинтеграции России. А с другой стороны, интеграция стран СНГ вокруг России воспринимается многими как угроза возрождению российского империализма. Всем известна концепция геополитического плюрализма, которая носит явно антироссийский характер. С этой же проблемой связана попытка Запада навязать России свою модель развития, которую, с моей точки зрения, можно назвать моделью догоняющей модернизации. Однако в этом сдержанном и противоречивом отношении Запада к России виноваты в том числе и мы сами, то есть современные российские политики, поскольку Россия должна сама осознать свои национальные интересы и об этих интересах заявить.

Следующее. В статье делается попытка ответить на вопрос, что такое Россия сегодня в историческом, географическом, геополитическом аспекте, в каком-то смысле в философском аспекте, в этническом и в экономическом. Одновременно даются основные концептуальные блоки, объясняющие, почему мы считаем Россию великой державой в

геополитическом плане, демографическом плане, в плане статуса ядерной державы, наличия научно-технического потенциала.

Следующий смысловой блок касается важного, мне кажется, вопроса, а именно: выбора пути современной Россией в плане ее становления либо как сверхдержавы, либо как великой державы в пятерке ведущих держав мира. Известно, что многие наши политологи считают, что Россия должна быть только сверхдержавой, иначе она прекратит свое существование. Далее делается попытка определить Россию в качестве геополитического балансира, и делается вывод, что именно сильная Россия как геополитический балансир нужна не только самой себе, но и всему миру. С моей точки зрения, Россия — не просто некое геополитическое, но также и смысловое пространство, так же как и ряд других смысловых пространств. На языке бытовой лексики мы говорим: “Америка деловая, Германия ученая, Франция прекрасная, Англия добрая, Россия святая”. Российская цивилизация является столь же уникальной, сколь и другие цивилизации.

Вечный вопрос — Россия и Запад. Естественно, что на этот вопрос разные исследователи и разные ученые отвечают по-разному. В данном случае делается упор на то, что Запад ведет войну за отказ российской цивилизации от собственного смысла и этнической доминанты. Попутно скажу, что действительно идеологическое мессианство США в последнее время до карикатурности похоже на мессианство коммунистической России.

Россия всегда была Империей — в этом пункте я, пожалуй, соглашусь с С.Кургиняном. С.Кургинян однако считает возможным говорить о Российской Империи как об империуме. Здесь этот вопрос ставится провокационно, с тем чтобы стимулировать дискуссию. Мне хотелось бы узнать и Вашу точку зрения на этот счет.

Исторически Россия всегда заявляла о себе именно как об альтернативном облике мира. С моей точки зрения, есть все основания полагать, что и в XXI веке Россия будет оппонентом Запада в глобальном развитии и одновременно некоей цивилизационной альтернативой, в частности, альтернативой обществу всеобщего потребления, которое однако не тождественно понятию “Запада”.

Ю.М.БАТУРИН: Вы помните, как начинается “Горе от ума”? Там перед основным действием есть строчек десять, смысл которых многократно описывался в разных диссертациях. Но на самом деле все было проще. Когда начинался спектакль, то ходили специальные люди и гасили колпачками свечи. Поскольку они этим мешали зрителям, то для начала в пьесе шло что-то совершенно не важное для последующего. Но диссертации об этом писали. Поэтому я сейчас выступлю в жанре тех десяти строк до начала основного действия.

Сам Сергей Владимирович определил характер книги, которая сегодня представляется, как побочный продукт — и только. Но должен сказать, что это достаточно обычно для аппаратной работы, когда побочный продукт, а часто и основной продукт направляется исключительно в корзину. Это большая его заслуга, он правильно сказал, что здесь все прокручивалось и обсуждалось в творческой лаборатории. Но сама эта творческая лаборатория тоже создана благодаря усилиям Сергея Вадимовича. Ему за это честь и хвала.

Когда-то Руссо, выражая дух своего времени, противопоставлял истории теорию, как более надежную методу, как он говорил, для рассуждений. Затем пришла другая эпоха, где главным стал факт, и история стала основной методологической

базой. Что хорошо у Сергея Вадимовича — это то, что он постарался выделить разные аспекты, и, это, конечно, теория, она здесь превалирует, превалируют исторические, географические, геополитические, экономические, философские и другие аспекты. Поэтому мне кажется, было бы очень полезным для того, чтобы как-то проверять на правильность, на истинность и теоретические выкладки, постоянно обращаться и к истории, и к другим ракурсам, которые он здесь больше обозначил, чем, наверное, описал.

Мне показалось очень интересным то смысловое пространство, которое он вводит. Но думается, что оно достойно отдельного обсуждения. Я не уверен, что это надо называть смысловым пространством. Скорее здесь речь идет о некоей семиотической модели. Знаковой, наверное. Но не важно, как мы будем это называть. Вот у меня есть какое сомнение, оно как раз относится сразу к России. Можно согласиться, например, с тем, что Германия — это “ученая”, особенно учитывая, что в русском языке слово “ученый” означает не только обладающий знаниями, но и наученный горьким опытом. Так что, возможно, это правильно. А вот на счет того, что Россия — “святая”, я боюсь, что это знак — внутренний, исключительно российский. И поэтому я предложил бы при исследовании этой модели ввести в нее наблюдателя, чтобы посмотреть, как это выглядит с точки зрения наблюдателя, находящегося внутри России и вне ее. Я думаю, что это значительно поможет уяснению сути самой модели.

А говоря в целом о книжке, должен заметить, что чтение ее, конечно, очень не простое, очень велика насыщенность и интенсивность мысли, и есть над чем поразмышлять и поломать голову. Помните, у Гоголя был такой замечательный герой Ноздрев, у него был повар, а повар готовил по принципу: “за вкус не ручаюсь, но горячо будет”. Перефразируя эту мысль и не проводя никаких литературных аналогий, я сказал бы: не ручаюсь, что всем эта книга будет по вкусу, но напряженность мысли при чтении потребует изрядная. И думаю, что это главный результат, потому что книга будит мысль.

Л.Н.ВДОВИЧЕНКО: У меня тоже как у члена аналитической группы, о которой говорил Сергей Вадимович, в выступлении будет дан определенный срез. Он касается некоей рефлексии или отношения к обсуждаемой идее со стороны различных политических сил.

Российская идея. Мы попытались обобщить отношение к ней с точки зрения различных сил на основе и программных выступлений в предвыборной борьбе, на основе опросов общественного мнения. Юрий Михайлович говорил о семиотике и о знаковой модели, вот четыре понятия: соборность, государственность, справедливость, человечность.

Радикальные демократы. Цитата из Е.Гайдара: “Мы не собираемся строить в России ни Америку, ни Японию, но мы хотим, чтобы наши граждане имели тот же уровень социальных гарантий, что и жители других стран”. Их базовые ценности: рынок, собственность, права человека, интеграция в мировое сообщество, семья, свобода, социальная справедливость, общечеловеческие ценности.

Коммунисты. Ими подчеркивается, что верное выражение русской идеи станет важнейшим элементом борьбы за власть в России и центральной в избирательной кампании. Избирательная кампания по выборам Президента показала, что они этому уделяли большое внимание, и последние совещания, которые проводились с участием коммунистов, тоже подтверждают их особое внимание к русской национальной идее.

Соответственно, и националисты, и коммунисты, и радикальные, я подчеркиваю, радикальные демократы, в своих подходах имеют уязвимые места, которые мы тоже можем использовать, особенно если хотим критиковать наших противников в разработке подхода к русской национальной идее.

Подход к русской национальной идее требует и некоей образности, о которой правильно здесь совершенно было сказано, такое понятие, как мечта. Мы на группе анализировали: уже есть “казахстанская” мечта, уже есть варианты мечты других народов и нам тоже, может быть, стоит подумать о том, какие могут быть контуры “российской” мечты.

Можно сказать, что, начиная с 91-го по настоящее время, изменяется и отношение к базовым понятиям политической системы. Возрастает интерес к историческому прошлому России. То есть первоначально демократия западного типа, которая воспринималась как главное, за что надо бороться, уступает подходу точки зрения об особой системе, соответствующей историческому прошлому России. Отношение к экономике тоже меняется. Экономика советского типа и экономика в чисто вульгарном смысле — капиталистическая экономика тоже оценивается по-разному. Большое место уделяется именно смешанной экономике государственным регулированием. Если говорить о последних тенденциях, это уже не сильное государственное регулирование, но некоторые элементы государственного регулирования.

Это и смешанная экономика, и процветающая Россия, как особая система, соответствующая историческому прошлому, и социальная система с определенными гарантиями. С точки зрения политической системы, наблюдается определенный элемент уважения к сильной власти. А в социальной системе — системе социальной справедливости, средней между социализмом и капитализмом.

В заключение, хотелось бы отметить, что русская, российская идея в ее общенациональном варианте может стать подлинной основой согласия большинства населения политических сил страны. Ядром стратегии возрождения России, как процветающей, цивилизованной, свободной, ответственной мировой державы. Вероятно, именно в “год согласия”, можно искать определенный консенсус в подходе и к русской идее, и к определенным контурам “российской мечты” у различных политических сил.

А.В.ВИНОГРАДОВ: Мне интересно, что обсуждаемая проблема — проблема национальной идентичности — появилась относительно недавно в сознании. Сегодня многие политологи часто говорят о кризисе национальной идентичности, а может быть еще чаще — о поиске национальной идентичности. И в этой связи — все-таки была у нас национальная идентичность, но мы ее потеряли, или это абсолютно новая проблема? Вообще говоря, идентичность — это проблема сомнительных исследований. И существовала она в этом качестве всегда, и не только применительно к характеристике государственных, национальных и прочих образований. И в марксистской философии она традиционно рассматривалась в рамках диалектики категории общего, особенного, частного, отдельного. Но научно-политическую актуальность эта проблема приобретает при столкновении двух разных, но в то же время однотипных объектов. Так, еще четыре года назад вот здесь была диаграмма, которая подтверждает то, что я сейчас скажу. Наиболее распространенным было мнение и желание — быть, как все. И все наши отличия списывались за счет тяжелого наследия коммунистического правления.

В этой связи очень интересно, что сейчас, в последние может быть года два, эта проблема, действительно, стала одной из наиболее острых и дебатлируемых. На мой взгляд, это связано с тем, что после определенного периода ненормальных отношений с Соединенными Штатами, после того, как мы поняли, что у нас существуют какие-то проблемы, мы вновь стали обращать внимание на проблему национальной идентичности. Эта тема очень легко превратилась из сугубо академической в тему политическую и политологическую.

До тех пор, пока цивилизации жили отдельно, не соприкасались, проблема идентичности не стояла. Национальный дух жил в комфорте с самим собой и все проблемы были внутренние, они, что называется, не давали внутреннего импульса к развитию. Национальной духовной культуре поэтому было свойственно ощущение превосходства и превосходства качественного. Не вербализуемого и рационального по сути. И для подавляющего большинства населения и народа эта духовная культура, эта культурная среда была уникальна, ее не с чем было сравнивать. Я, может быть, в этом смысле так понимаю выражение: ты столько раз человек, сколько знаешь языков. То есть кажется культура уникальной, поэтому субъект — носитель этой культуры уникальный и очень трудно говорить о синтезе. Разная культура — разный человек. И в этом качестве идентичность, я повторяюсь, была, есть и будет. И возникает она при соприкосновении с внешним миром. Это проблема отношений двух субъектов. Субъектов, может быть, не равных, но все равно каждый из которых несет свою субъектность, играет свою активную роль. И когда один Бог — в нашем случае Бог Запада — победил Бога Востока — перед последним, побежденным, но живым, встала проблема поиска своей идентичности, а именно проблема, как вписаться существующей идентичностью с существующими качественными характеристиками, с самобытностью в новый мир, сконструированный другими.

Встраивание в чужой мир неизбежно привело к системе некоторых черт и разрушению идентичности как целостной системы. Но это не стало катастрофой. Некоторые части национальной культуры отторгались, но остальные оставались и включались в процесс преобразования, как позитивный потенциал. Поиск в этом отношении, как тоска по утраченным ценностям и ощущениям, не должен вводить в заблуждение. Это лишь культивация. Позитивный результат поиска не ведет к старому. Не обретение его вновь, а нахождение нового составляет суть процесса. Природа не терпит пустоты. Ностальгия по уходящему компенсируется только приобретением нового. Таким образом, проблема национальной идентичности — это проблема интернационализирующегося, еще не единого, но во многом уже целостного мира. Это не проблема соприкосновения духовной культуры даже в самом широком смысле и уж, конечно, не проблема материальной культуры. Это проблема соприкосновения цивилизаций, и проблема не новая.

Вообще традиционно процесс, в рамках которого это происходило, назывался модернизацией. Здесь я хочу несколько отступить во избежание терминологических трудностей. Вообще концепция модернизации появилась и активно разрабатывалась в 50-60-е годы. И смысл этой концепции сводился к тому, что страны мира, не входящие в североатлантическую культурную ауру, должны повторить или даже копировать пройденный Западом путь. Но уже в конце 60-х годов появились первые оппоненты этой концепции. В обыденном сознании мы понимаем под модернизацией процесс глубоких социально-политических, общественно-политических, культурных преобразований,

вызванный влиянием внешней среды. И в этом отношении диалектика между модернизацией и постнациональной идентичностью заключается в том, что поиск национальной идентичности является современным этапом, частью проблемы модернизации, проблемы трансформации общества под влиянием внешних факторов.

Каков алгоритм вписывания в западный мир? Коммунизм и демократия, последовательно провозглашаемые как общенациональные цели в России на протяжении XX века, в сущности являются различными парадигмами развития, навязанной нам и по-своему одинаково чуждой идеи. Существует ли между ними связь? Я хотел бы обратиться здесь к истории.

Я привел бы примеры, на мой взгляд, успешной модернизации для того, чтобы попытаться после них сделать какие-то практические выводы. Это Петровские реформы, Октябрьская Революция и международный опыт. Во всех случаях решалась проблема национальной идентичности — создание государства, способного успешно противостоять внешнему миру. Последующие кризисы являются предметом особого анализа. Отличие этих примеров в том, что изначально, на первом этапе модернизации, контакт между миром воспринимался как единовременный акт. И не было ощущения того, что после этого придется жить в постоянном контакте и взаимообогащении.

Что касается Петра. При столкновении с Западом, перед началом своих реформ Петр сделал следующее заявление: сначала мы возьмем у Европы военную технику, вооружения, а затем повернемся к ней задом. Его концепция преобразования включала военную реформу, создание военных arsenалов, реформу государственных органов, управление финансами и подготовку необходимых кадров. Все эти меры, как мы видим, были связаны с материальной культурой, то есть той областью, где превосходство западной цивилизации проявилось наглядно и было бесспорно. При этом важно подчеркнуть, что ценность и даже превосходство своей собственной культуры на этом этапе не ставились под сомнение. В результате проведенных мероприятий общественный строй в стране не изменился. Более того, при Петре произошло дальнейшее укрепление самодержавия и крепостничества. В полном соответствии с поставленной задачей Россия усилилась перед лицом западных стран, сохранив, однако, уклад жизни большинства ее населения. Произошел синтез, прежде всего, функциональных, в контексте превосходства западной материальной культуры, заимствований с традиционной культурой. И синтез оказался возможным, но ценой его стало появление западно-ориентированного западного класса. Хуже всего было то, что только образованный класс был способен на формирование, соответственно формулирование идеологии. Крен интеллигенции в сторону западных культурных ценностей продолжился. Появилась проблема разделенности национального культурного массива в результате первого этапа модернизации. В головах представителей русского образованного класса легко укладывалась мысль о том, что иная духовная культура (а для них это была их собственная культура) лучше национальной или традиционной.

Пришедший из Европы марксизм удовлетворял и примирял целостность образованных классов с российской действительностью. Наиболее проницательные интеллектуалы смогли уловить ущербность ортодоксальной марксистской концепции на теоретическом уровне и стали разрабатывать собственную, известную как религиозно-философское течение, евразийское и так далее. Но это тоже была тупиковая ветвь. Занимаясь духовным совершенствованием, а не решением стоящих перед страной задач, они были вытолкнуты из реального

политического процесса. Традиционный для России приоритет духовности вылился в идеократию, лишенную функциональных ценностей, что привело к гибели все это течение. Однако наиболее последовательные, западно-ориентированные реформаторы-марксисты, также не достигли своих целей. Террор 20-30-х годов — это реакция национальной среды на чужеродный блок западной цивилизации. Объектами террора стали европейски образованная партийная интеллигенция и русский фермер, капиталистический сельский собственник. В основе этих социально-политических процессов лежал жесткий экономический детерминизм. Перед лицом беспокойной, агрессивной Европы необходимо было самоусиление. Так появилась мобилизационная модель развития, вообще говоря, тоже не Марксово изобретение, которое к тому же легко воспринималось обществом без демократических традиций. В результате проведенных социально-экономических мероприятий Россия обрела свою идентичность и совершила прорыв, став одной из двух сверхдержав. Она нашла новую парадигму бытия в изменившемся мире. Дискомфорт пропал, наступила гармония. Вот первый опыт модернизации.

Еще один опыт модернизации, еще один пример — Китай. Столкновение с Западом в середине прошлого века привело к реформам, сродни нашим петровским. Я даже не буду перечислять эти пункты. Это военная реформа, создание arsenалов, реформа финансовой системы. И мотивация была аналогичной — покорить заморских дьяволов. У Петра было больше гуманистов. Существенное отличие состояло в том, что для Китая и на первом, и на последующих этапах (вот это важно) превосходство его духовной культуры не ставилось под сомнение. Именно духовная, а не материальная культура воспринималась как главный критерий общественного прогресса. Однако появление нового слоя произошло помимо воли правящей элиты. Активное западное проникновение создало свой класс — компрадорскую буржуазию. Неудачи реформ, обусловленные в значительной степени и гораздо большей разницей в уровне технического развития, чем было в свое время между Европой и Россией, достаточно быстро привели к победе западно ориентированных политиков — Сун Яг Сена и Чан-Кайши. Очень интересно, что и Сун Яг Сен и Чан Кайши были протестантами, а жена Ден Сяо Пина была русской. Представляете, какой сдвиг в общественном сознании (я даже не знаю, с чем сравнить) для такой духовной культуры, как Китай, согласиться на такие изменения? И, более того, эти люди были восприняты. Они стали символами позитивных изменений.

Однако капитализм Чан Кайши также не устоял перед вызовами эпохи. Китай превращался в сырьевой придаток развитых стран. Японская агрессия лишь подчеркнула его слабость. Западная историческая модель развития не привела и не могла привести к достижению экономических целей и повышению совокупной мощи государства. Народ пошел за более близкими ему по ценностям китайскими коммунистами, которые коммунистами-то в западном смысле не были. Это были крестьянские вожди, типологически близкие большевикам сталинского призыва, то есть, тем большевикам, которые в свое время провели репрессии в 20-30-е годы. Но приоритет духовной цивилизации сыграл злую шутку. Стремление воплотить на практике марксистский идеал обусловило крен к утопическому коммунизму. Так появились “Большой скачок”, “Культурная революция” и так далее. Только синтез на функциональном уровне, осуществленный в рамках концепции “социализм с китайской спецификой” вновь заставил говорить о появлении новой сверхдержавы.

И некоторое резюме. Все теоретические конструкции, какими бы убедительными они не казались, совершенно не могут ими быть. Жизнь все равно все это исправит. Я думаю, что в этом отношении 150 лет назад можно сослаться на Герцена, который называл русских интеллектуалов, интеллигенцию лишь закваской исторических перемен, то есть это не сами переменны. Главная задача разработки новой национальной идеологии, а именно так я представляю себе смысл сегодняшней встречи, это решение не отвлеченных, абстрактных, а политически функциональных задач, достижение определенного статуса в мире, то есть ответ на вызов внешнего мира и, прежде всего, на материальное превосходство Запада, а не внедрение чужих ценностей. И в этом отношении мне представляется необходимым еще раз уточнить — является ли демократическая система разделения трех властей, частная собственность универсальными культурными ценностями, и в таком качестве ценностями для России? Можно заключить, что успешный опыт преобразований показал, что реформа духовной культуры политической системы не является приоритетом. Видимо, с этим связано то, что экономическая и политическая реформы в успешных примерах (если мы будем говорить, скажем, о Восточной Азии), разделены. Сначала идет создание материальной культуры, которая видоизменяет духовную культуру. Возможно, проблема национальной идентичности в самом общем приближении — это проблема соотношения духовного и материального начал.

А.Д.БОГАТУРОВ: Является ли предмет обсуждения компетенцией Совета обороны?

Ю.М.БАТУРИН: Прямо, конечно, эта задача не входит в функции Совета обороны. Но, с другой стороны, никто не может запретить нам обсуждать наши проблемы в более широком контексте, чем обычно это делают чиновники. Для того, чтобы решить любую проблему, надо подняться на более высокий уровень обобщения.

С.В.КОРТУНОВ: Добавление к тому, о чем сказал Юрий Михайлович. Например, Совету обороны поручена разработка военной доктрины. Военная доктрина оперирует достаточно долгосрочными историческими процессами, которые связаны хотя бы с тем фактом, что жизненный цикл многих систем вооружения составляет 15, 20, а то и 30 лет. Поэтому для того, чтобы представлять себе какие Вооруженные Силы и в каком объеме Россия должна иметь, скажем, через 30 лет, надо представить себе и мир XXI века, и роль и место России в этом мире. Только после этого можно ответить на вопрос, какая нам нужна военная реформа, программа вооружений, какие ресурсы для этого нужно привлекать, и так далее. Все это чисто практические вопросы, а они связаны (и в этом у нас есть полное понимание в аппарате Совета обороны) с решением более общих, концептуальных вопросов.

А.Д.БОГАТУРОВ: Мой вопрос — к господину Виноградову. Вы дали свое собственное определение, насколько я понимаю, успехам модернизации. Вы сказали, что принимаете за успех модернизации создание государства, способного противостоять внешнему миру. Это уже дает определенную логическую увязку. Значит, каждая модернизация выливается автоматически либо в ситуацию оборонного положения по отношению к внешнему миру, либо, наоборот, в вариант экспансии. И в том, и в другом случае постулируется конфликтное взаимодействие с окружением. Вы можете

вспомнить или привести какой-то вариант параллельного встраивания интересов модернизирующегося государства во внешний мир, таким образом, чтобы конфликты не возникали?

С.В.КОРТУНОВ: Первый вопрос — действительно, мир неоднороден и каждой стране, каждому региону, наверное, нужна своя Россия. Но это замечание справедливо, видимо, в отношении любой другой страны мира. У России есть свои представления о том, какая должна быть политика Турции, к примеру. У стран НАТО тоже свои представления. Поэтому поиск национальной идентичности связан не только с реакцией на внешнее окружение, на внешние угрозы, но также и с некой самостоятельной стратегией развития.

Второй вопрос — насчет механизма реализации. Это, пожалуй, самый сложный вопрос, и мы это прекрасно все понимаем. Видимо, это тема для отдельной встречи, отдельной конференции, может быть даже не одной. Должен сказать, что в аппарате Совета обороны, а раньше в аппарате помощника по национальной безопасности, предпринималась попытка, по крайней мере, в плане научного исследования разработать вопрос о механизме реализации концепции национальной безопасности. Правила у нас таковы, что поскольку это исследование является интеллектуальной собственностью Администрации, для того, чтобы с ним его ознакомить, нам нужно получить соответственно разрешение, по крайней мере, со стороны Юрия Михайловича Батурина. Если такое разрешение будет, то мы сможем этот документ обсудить, вокруг него выстроить отдельное, специальное обсуждение, поскольку тема, действительно, заслуживает этого.

Третий вопрос. Почему я цитирую Н.Бердяева и В.Соловьева. Связано это с тем, что в период написания этой книжки я увлекался (я могу честно признаться) и Н.Бердяевым и В.Соловьевым, но не только этими двумя философами, но и другими представителями философско-религиозного ренессанса. В свое оправдание должен сказать, что все-таки я опирался и на современные источники. Кто внимательно прочитал эту книгу, найдет там ссылки на современных наших политологов, формирующих в известной степени общественное мнение. Я имею в виду не только С.Кургяна, но и ряд других.

В принципе же мое отношение к представителям русского религиозно-философского ренессанса следующее. Я считаю, что эти авторы — ни Н.Бердяев, ни В.Соловьев не утратили актуальности. Более того: фактически их произведения являются, по существу, постмарксистской философией. Эти величайшие философы заглянули в том числе и в посткоммунистическую Россию. Кстати говоря, этот вывод совершенно однозначно можно сделать, прочитав, например, И.Ильина, его известный двухтомник “Наши задачи”.

Следующий вопрос — насчет того, что в России — духовные ценности, а на Западе — материальные. Наверное, это преувеличение. Нельзя говорить, что в России только сосредоточены духовные ценности, а на Западе — материальные. Если такое впечатление создается по ряду статей, включенных в этот сборник, то, наверное, эти подходы надо корректировать. Но весь пафос книги состоит в том, что, с моей точки зрения, наверное, это вопрос спорный, хотя этот подход разделяется многими нашими учеными философами, мир в целом движется в сторону постэкономической, постматериальной цивилизации, где баланс интересов будет заменен другими нравственными и трудовыми мотивациями. Кстати говоря, именно это предвидел Бердяев, когда говорил о том, что будет складываться некий тип постэкономического человека, что “экономический человек —

преходящий”. С моей точки зрения, именно в России могут возникнуть условия для вызревания постэкономической цивилизации, как это ни парадоксально. Это тема для отдельного разговора. Что касается идей Сахарова и Солженицына, грешен, я не использовал эти идеи, тем более, что у меня свое отношение и к трудам Сахарова, и к трудам Солженицына.

Теперь об интеграции. По поводу интегративных тенденций, мне кажется, в книге сказано достаточно. В том числе и в обсуждаемой статье “Какая Россия нужна миру”. Если говорить о российско-белорусской интеграции, это тема тоже для самостоятельного, отдельного, большого разговора. Считаю себя сторонником российско-белорусской интеграции, но достаточно осторожной. И мы по этому поводу готовим концептуальные материалы для специальной рабочей группы, которая функционирует под эгидой Руководителя Администрации Президента РФ. Это тема, которая имеет практическое значение. Она уже перешла из области теории непосредственно в практику. Поэтому здесь надо обсуждать уже чисто конкретные вещи такие, как, например, интеграция банковских систем, поэтапное объединение денежных систем и прочее.

Как учитывать различные точки зрения, в том числе и представителей различных партий, при выработке соответствующих концептуальных документов? Я считаю, что мы в прошлом году уже испробовали некую процедуру учета этих точек зрения, в частности, когда мы вынесли на общественное обсуждение — с санкции Президента — очень важный документ — Политика национальной безопасности в 1996-2000 гг. Было проведено очень плотное, интенсивное, интеллектуально очень содержательное и напряженное обсуждение. Затем результаты этого обсуждения были проанализированы и учтены при написании Послания Президента по национальной безопасности. Первоначальный документ, действительно, вызвал большую критику. Кстати говоря, представители всех партий и фракций были приглашены на это заседание, и это обсуждение очень нам помогло в плане создания документа, который приближается если не к общенациональному консенсусу, то, по крайней мере, отражает достаточно широкое общественное согласие.

Эту же процедуру мы планируем применить и при обсуждении военной доктрины, по крайней мере, пригласив представителей различных фракций и, если получится, и концепции национальной безопасности. Мы за это стоим, мы считаем, что именно вокруг такого рода документов и нужно строить общенациональный консенсус.

Следующий вопрос: кому адресована эта книга? Честно говоря, я не задавался этим вопросом. Сегодняшнее заседание, по крайней мере, показывает, что эта книга нашла своего адресата, и мне это очень приятно.

Не приведет ли поиск национальной идентичности к самоизоляции? Такой был вопрос. Мне как раз кажется, что по крайней мере, в этой моей книге содержится ответ на этот вопрос, и как раз говорится о том, что национальная идентичность России сочетает принятие как универсальных ценностей, так и национальных. И поэтому следует смело идти по пути принятия универсальных ценностей. Этот тезис, как известно, немножко расходится с докладом А.Виноградова, насколько я понимаю, который, по крайней мере, ставит вопрос о том, что есть ли вообще такие универсальные ценности? Но, по крайней мере, и в Послании Президента РФ по национальной безопасности мы ставим вопрос о том, что, действительно, есть некие универсальные ценности, в частности, такие как рыночная экономика, правовое государство, гражданское общество,

которые Россия должна смело внедрять в свою национальную модель развития. Более того, внедрение этих ценностей ни в коей мере не повредит российской самобытности. А может быть, именно путем внедрения этих универсальных ценностей и проявится подлинная российская самобытность, понимаемая даже чисто лексически как стремление “самому быть”. Вопрос этот, безусловно, дискуссионный. Какие ценности отнести к категории универсальных, а какие к категории национальных? Это, наверное, вопрос тоже для нашего обсуждения. Последнее замечание. Наверняка, вы читали последнюю статью С.Хантингтона, где он проводит довольно четкую грань между понятием модернизации и вестернизации. Она, возможно, дополняет доклад коллеги Виноградова. Спасибо.

Л.Н.ВДОВИЧЕНКО: Мы планируем специально обсудить вопрос о месте России в XXI веке. И там уже, на этом обсуждении, мы должны понять, какая будет структура мира. То ли это будут цивилизации, которые взаимодействуют друг с другом, то ли будет стремление к некому общему ядру. В зависимости от ответа на этот вопрос, мы сможем говорить уже о взаимодействии между цивилизациями, каждая из которых обладает своим и смысловым понятийным пространством. А взаимодействие будет приводить к тому, что между ними будут возникать какие-то общие интересы и соответственно, может быть, какие-то общие ценности. Или же это будет все-таки стремление к некой конвергенции, к некому обобщению, к восприятию универсальных ценностей. Это вопрос для нас остается еще открытым, и мы к нему вернемся после того, как проведем обсуждение цивилизаций XXI века.

Второй момент, на котором я бы хотела остановиться. Здесь задавался вопрос: каждому региону нужна своя Россия. Мне кажется, что для ответа на этот вопрос надо изучить эти регионы. Потому что в принципе, конечно, есть определенная специфика, например, у Дальнего Востока, есть определенная специфика у Северов и, вероятно, на определенном этапе необходимо будет эту специфику учитывать. Но национальная идея обобщает все на общероссийском уровне и преломляема для конкретных регионов с учетом их специфики.

Наконец, по поводу самоизоляции. Мне кажется, что самоизоляция в общем является не только негативным, но и в некотором смысле позитивным состоянием. На определенном этапе у каждой страны, и у американцев тоже, был период, когда они более углубленно смотрели в себя, и оборачивались и к своему прошлому, и искали свое место в мире. И этот момент как раз такого внутреннего возмужания, духовного обогащения, мне кажется, нужен и России. То есть здесь нельзя рассматривать самоизоляцию как только негативное и что-то бранное. Мне кажется, что мы слишком много последние 70 лет уделяли внимания именно развитию других стран, а на себя, на собственное развитие мы, вероятно, вкладывали и тратили не столько, сколько необходимо для, соответственно, перехода России в новый XXI век. Поэтому, мое мнение, что самоизоляция не только минус, но и некий плюс.

Как реализовывать национальную стратегию развития с учетом крайностей? Здесь два момента. Сергей Вадимович говорил, что имеется текст документа, который можно обсуждать с представителями различных политических тенденций, ориентаций и искать какое-то общее ядро. Но предварительно мы выполняем и другую работу. На этапе подготовки документа мы изучаем мнения, которые существуют у различных политических ориентаций по этому вопросу. Это как бы предварительная рекогносцировка на местности. Мы изучаем их подходы, чтобы

понять, в каком направлении они движутся, чтобы понять где есть какие-то поля примирения, а где их нет, и где мы должны размежеваться, как мы сделали, например, с “Мертвой водой”, совершенно четко высказав свою точку зрения по поводу этой концепции.

Это исследование, которое проводилось Комитетом по геополитике и определенным составом экспертов, которых они привлекали. Они выслали и нам текст этого исследования с претензией на то, что они сделали именно концепцию развития России, ее стратегию развития. Соответственно, рассмотрев этот документ, мы дали совершенно недвусмысленное мнение о нем, и выслали авторам. С этой концепцией у нас примирения нет.

В.М.СОЛОВЬЕВ: Я представляю именно Совет Безопасности. Здесь прозвучала мысль, что то, что мы обсуждаем идет вразрез с тем, что обсуждается, прорабатывается в рамках Совета Безопасности. Хотел бы сказать, что не следует искусственно воздвигать между этими двумя органами забора ставить искусственные рамки, потому что их не существует. По сути мне довелось в прошлом году в составе этой аналитической группы, которую создавал Сергей Вадимович, участвовать в проработке многих документов, которые потом вышел от имени Президента, и в рамках Администрации Президента Российской Федерации. Мне думается, это наше общее дело не только двух аппаратов, а в целом нынешних представителей думающей российской интеллигенции предложить какую-то идею, которая могла бы способствовать объединению нашего общества и вхождению России в будущий век как страны, которая имеет за своими плечами ценности, которые она могла бы передать будущим поколениям и защищать.

Я согласен с Юрием Михайловичем в том, что работа, представленная Сергеем Вадимовичем, вызывает поток идей новых и желание высказаться. Однако состоявшееся обсуждение не коснулось того, кто эти идеи и новое место России в мире будет завоевывать, кто носитель, какой у нас здесь, условно говорить будем, класс мог бы олицетворять и быть носителем этих идей. Исторический опыт мирового развития говорит о том, что это — средний класс. Это и опыт Соединенных Штатов говорит и других процветающих демократий. Он может и должен быть носителем такого рода идей.

А.Д.БОГАТУРОВ: Я думаю, в принципе образовался круг вопросов, о которых можно говорить. Но поскольку сама тема — государственная идея, русская идея, как хотите называйте, она провоцирует на совершенно бесконечные рассуждения каждого, и здесь просто совершенно от линии нельзя не уклониться, соблазн очень силен, я попрошу вас все-таки сосредоточиться.

Я предлагаю пять тем. Если все обобщать, то получается, что мы так и не решили вопрос: какой вариант идеи должен быть преобладающим? Это национальная идея или это все-таки наднациональная идея? Можно, конечно, предвосхищая возражения, сказать, что и та, и другая. Хорошо, такой вариант принимается.

Но тогда вторая тема. Если это обе идеи вместе — национальная и наднациональная, — то какое должно быть соотношение, какое преобладание, преобладание чего на этом историческом этапе для нашей страны должно быть? То есть это должно быть сочетание с преобладанием национальной идеи или с преобладанием наднациональной идеи. Это вторая вещь.

Третья тема. Какой должен быть этнический компонент в этой идеи? Должно ли быть его нивелирование за счет какого-то

надэтнического, внеэтнического компонента или, напротив, акцентирование? Или, если и то и другое, то где должен быть акцент на этом этапе.

Четвертая тема. Вопрос о преемственности. Преемственность сама по себе обеспечивает нам оптимальное соотношение этнического, национального и наднационального. Можем ли мы вернуться к тому, что было в Российской Империи, приняв ее за приемлемый вариант государственной идеи для нас? То есть должен ли быть реставрационный момент или конструирующий заново?

В чем может заключаться преемственность? В чем может заключаться новизна? Мы часто говорим просто об историческом опыте, о том, что в империи было не так плохо, что империя достойна национального, нейтрального осмысления — это все правильно. Но может ли империя служить символом? Наверное, в чистом виде нет. А если нет, то чем надо обогатить эту идею, чем она должна была бы отличаться от прошлого?

И, наконец, пятая тема, которую нам подсказал коллега из Совета Безопасности. Кто должен быть носителем той идеи, которую мы пытаемся сконструировать? Кто ее сможет усвоить?

Л.П.МАЛЬШЕВ: Я не политик, не социолог, я всего лишь потомственный военный, 46 лет проносивший военную форму. Еще добавлю, что минимум три года я пробыл в подводном положении командиром подводной лодки. Так, что времени задуматься о российской идее, что я защищаю и кого я защищаю, у меня было достаточно. И сейчас, работая здесь, в Генеральном Штабе, я занимался стратегическими проблемами. Поэтому когда у меня появилась книга Сергея Вадимовича Картунова, я ее “проглотил” всю полностью, а потом по второму разу прочитал более вдумчиво. Могу вам доложить, что меня захватило, привлекло внимание.

Первое. Это идея идентификации, то есть оценка роли и места России в системе мирового сообщества с позиции, и геополитики, и с позиции техносферы, и этноса, и исторически прецедентов. И, самый главный вопрос, куда теперь идти России. Сейчас вышла книга Александра Дудина, очень интересная и насыщенная, “Основы геополитики”. Другие книги. Иван Ильин показал, чем грозит миру разделение России. Эти вопросы все как раз всплыли поневоле с прочтением книги Сергея Вадимовича. Что я могу вам сказать по этому вопросу? Да, Россия была, есть и будет великой державой. Сверхдержавой, я не могу сказать, потому что мы ею уже были и перенапряглись со сверхдержавой. Мы сделали больше всех в мире ядерного оружия, мы сделали больше всех танков, мы сделали такое количество химического оружия, что сейчас мы больше озабочены как бы это оружие не начало воевать против собственного народа. С этих позиций сверхдержавность нас мучает и ставит в огромный расход.

Следующий вопрос очень серьезный. Нация, национальность, с каких позиций мы будем подходить к этому вопросу? Если с позиций американских, то нация — это все народности и национальности, это все люди, живущие на данной территории государства, а не национальности, как у нас было принято во время советского строя. Обращаю ваше внимание на очень интересный принцип в конституции ФРГ, который звучит так: деление территории по крови является проявлением фашизма. Очень серьезный вопрос. Поэтому то, что у нас сделано, все эти национальные республики, и привело в конечном счете к тому результату, против которого предупреждал Иосиф Виссарионович Сталин, будучи еще наркомом национальностей.

Следующий вопрос: куда идти? Исторических прецедентов у нас было много. Но куда идти? Россия, в

представлении и Европы, и Соединенных Штатов “является последним верблюдом в караване”, который идет нагруженный, больше всех тратит энергии на единицу труда, больше всех тратит материалов на единицу труда и собственно человеческого труда примерно в два-три раза больше среднего показателя. Эти цифры есть, я ничего нового не выдумываю. Но смысл заключается в следующем. Если Россия повернет совсем не к высшему количеству булок на душу населения, мяса на душу населения, домов или рублей на душу населения, если выбор новой идеи, нового развития пойдет в органичном сочетании с природой, то, видимо, этот верблюд может стать первым, потому что караван пойдет в обратную сторону.

Следующий вопрос очень серьезный. Это идея коммунизма, особенно критика зоганизма. Конечно, исторический прецедент изложен в Библии, исторический прецедент — испанская инквизиция, обстановка, сложившаяся после конкистадорских и пиратских войн, когда встал вопрос о праве применения оружия против собственного народа. Конкистадоры вынимали меч и решали вопрос легко и просто. К сожалению, мы сейчас испытываем такой же синдром, когда оружие против человека применяется легко и просто.

Мне понравилась у Сергея Вадимовича идея центра притяжения. И ресурсов, и конфессий, и различных цивилизаций. Я категорически против утверждения в Послании Президента, что Россия может стать мостом, т.е. дорогой для проходимцев, проходящим или проезжающим через нашу страну. Россия должна быть определенным территориальным образованием со своим укладом жизни. С этих позиций я как раз поддерживаю идею Сергея Вадимовича, но категорически против этой мысли в Послании Президента.

Мне нравится идея, что Россия является и может быть именно центром возрождения всей общей мировой цивилизации. Но с цивилизацией считаются, когда она хорошо защищается. В противном случае мы можем получить точно такой же результат, когда Колумб высадился в Латинской Америке, а Латинская Америка, северная часть, имела примерно 25 миллионов населения. Через пять лет там осталось менее 500 тысяч человек. Точно такой же результат может быть и у нас. Нам не надо получить такой же результат цивилизованного взаимодействия с другими цивилизациями.

И последний вопрос. Какие должны быть точки опоры: государство или личность? В проекте концепции национальной безопасности впереди поставлена личность. Но может ли быть личность свободной, если государство ее не защищает? Может ли она свободной творить, если государство не способно создать условия для творчества? Может ли личность заниматься образованием, если государство разрушило образование? Я очень благодарен Сергею Вадимовичу, что он меня заставил мыслить.

Н.Б.ИВАНОВ: Давайте посмотрим на проблему национального самосознания сточки зрения исторической. Тот аспект, о котором сказал Алексей Максимович, поиск исторического модуля, исторического субъекта. К этой проблеме сейчас несколько притянут за уши, поскольку в историческом плане тот период, который прошла Россия, слишком мал для того, чтобы общество созрело внутренне. Можно говорить о том, что существует национальная норма, национальная идея, но в реальном историческом плане этот срок слишком мал для того, чтобы общество восприняло какую-то новую радикальную идею. Соответственно вопрос о носителе также будет, скорее всего, стоять реально лет через 15, когда, по оценкам социологов, статистиков, у нас сформируется достаточное количество людей,

которых можно было бы назвать средним классом не просто по доходу, а по процентному отношению относительно других слоев населения. Перечислять здесь аспекты и признаки среднего класса не буду, но это будут люди, которые смогут себя обеспечить в течение 10 лет собственной квартирой, имея доход от 10 до 30 тысяч долларов в семье, то есть 60 тысяч долларов в год.

Таким образом сейчас, на мой взгляд, национальная и сверхнациональная идея в основном, особенно в последний год, формируется нашим внешнеполитическим ведомством. Особенно это наглядно видно, исходя из нынешней его активности, после четырехлетнего спада. Те позиции, те активные вояжи, которые делает сейчас Примаков, показывают, что все-таки, несмотря на принципы демократических обществ, и США, и других стран Запада, они тем не менее увязаны в экономических отношениях с другими странами. Самым лучшим примером здесь может быть Китай. При всех противоречиях между США и Китаем, дефицит торгового баланса у США таков, что он не может игнорировать его интересы. Мы повторяем эти же шаги и повторяем их и с другими странами, то есть наращиваем свое влияние. В ближайшее время национальный аспект, национальную безопасность будет формировать все-таки внешняя политика, а потом это будет закрепляться центральным аппаратом.

В.В.КОРТУНОВ: У меня короткие замечания и пожелания. Вопрос о взаимодействии культуры и цивилизации в связи с противопоставлением Запада России и вообще противопоставления материальной культуры, в которой действительно Запад силен, культуре духовной, мощным носителем, которой традиционно являлась Россия. Такое противопоставление очень верно можно говорить, по крайней мере, с философской точки зрения о тупике духовной культуры Запада. Об этом писалось очень много замечательными мыслителями еще в прошлом веке, Шопенгауэром, Ницше и др. Я акцентирую ваше внимание на том, что, действительно, говорить о кризисе западной культуры не просто можно, но и очень даже корректно. Об этом говорилось, еще раз подчеркиваю, очень давно и действительно реально этот кризис наблюдается во всех частях духовной жизни, начиная от учреждения и реального человека и заканчивая деградацией ценностей этического, эстетического, религиозного и других характеров.

Здесь мы четко фиксируем кризис западной парадигмы, которая сформировалась еще в эпоху Нового Времени. В данном случае Запад действительно представляет собой технически, материально развитую цивилизацию, но которая находится в духовном отношении в тупике. В данном случае преимущество на стороне России. И, я считаю, что такое противопоставление вполне уместно и его нужно еще более развивать.

И второе замечание. Насчет носителя национальной идеи. Мне кажется, что очень часто в последнее время даже здесь звучат такие идеи, что надо создать национальную идею, потом думать о том, какие придумывать реальные механизмы для того, чтобы эту идею внедрить в то или иное образование российского общества. Мне кажется, что национальная идея всегда существовала. Она существует. Проблема в том, чтобы ее не создать, а выявить. И затем уже на базе национальной идеи и на идее идентификации строить соответственно идеологию и политику. В этом плане в книге Сергея Вадимовича вопрос ставится очень корректно. К сожалению, в литературе последнего десятилетия вообще идея развития России, национальная идея появляется часто, но, как правило, сводится либо к философствованию, которое очень трудно практически

применить в жизнь, либо к различным совершенно бесплодным дебатам и социологическим измышлениям, которые не имеют никакого философского фундамента. На мой взгляд, в книге Сергея Вадимовича очень корректно сочетаются идеи политического и идеологического преобразования общества, она основана на очень серьезном философском фундаменте. Я бы советовал автору не ограничиваться только В.Соловьевым и Н.Бердяевым, а залезть, может быть, еще глубже в философское наследие русской, российской культуры.

С.В.КЛОКОВ: Я с удовольствием прочел книгу Сергея Картунова. Действительно, с удовольствием. Я люблю читать книги на разные темы, в том числе и на геополитические. Что мне очень понравилось — эта книга не носит мемуарного характера. Потому что мемуары — это не обязательно то, что пишется перед отходом в вечность, а мемуары могут быть типа квартальных отчетов. Здесь мемуарности нет, она перспективная, она ставит проблему и немедленно после постановки проблемы дается предложение, как ее можно разрешить. С этим можно соглашаться или не соглашаться, но это интересно. Это делает книжку интересной.

Эта книга никому в принципе нравиться до конца не может. Почему? Потому что, во-первых, в данном случае Сергей — это редкое явление — говорящий чиновник. Или пишущий чиновник. Я ничего плохого в это не вкладываю — в слово “чиновник”. Хорошее старинное русское слово. Пишущий чиновник или говорящий чиновник — это совсем не то же самое, что публичный политик. Это разные вещи. А почему книга не может нравиться? Потому что она может вызывать раздражение у чиновников, которые не владеют теорией и, естественно, так как они ею не владеют, это выражает их некоторые комплексы. А теоретикам она не может нравиться, так как чиновник, то есть человек, принимающий решения и делающий то, возможности чего лишены теоретики, то есть практически воплощать свои теории, как бы забирается немножко в огород теоретиков и, естественно, подвергаются самой строгой критике.

Я очень редко, практически никогда не бываю на таких обсуждениях. Например, Юрий Михайлович сказал, что, мол, “Русь святая” — это понятие сугубо внутреннее, как бы ДСП, для служебного пользования. Того же мнения, что Русь святая и что святость придет с Руси, придерживался Оскар Уайлд, английский писатель, которого нельзя заподозрить в русском национализме. Это он написал в своей последней книжке, очень интересной книжке “Депрофундис”, после того, как вышел из тюрьмы.

Очень интересна одна картинка, она мне понравилась, которую показала Лариса Николаевна. Российская мечта о карте мира. Я так и не понял — российская это мечта или китайская мечта. Она больше похожа на китайскую мечту, честно говоря. Там Китай как-то органично входит в Россию или Россия органично входит в Китай.

Что такое Россия территориально, я более или менее понял. Этому в школе учат. А что такое Запад, я так и не понял. Запад же по мере перемещения вокруг земного шара отодвигается. Это все равно что горизонт. Так что Запад абсолютно не определен. Я думаю, что это вызвано спецификой чтения и привычных перемещений, служебных и неслужебных, автора. Потому что перемещения автора литературные и служебные — это преимущественно Европа и США, там как бы Запад. Если бы это были перемещения на Восток, то я думаю, книжка носила бы несколько иной характер. Вообще наш разговор мог оживить русскоговорящий 35-40 лет образованный китаец, носитель конфуцианского и западного образования, то

есть который может высказать конфуцианские идеи западным языком. Мы бы не соскучились здесь. Китай — страна весьма населенная, и исламский регион — тоже весьма населенный и наиболее активный и агрессивный. Ислам — это вообще чудесная вещь. Как-то в этой книге он абсолютно упускается или упоминается вскользь, тогда, как, на мой взгляд, он должен идти наравне с Западом, который, вероятно, понимается как Европа и США.

Что мне очень понравилось — баланс интересов. Россия уже не будет как бы страной баланса интересов. Действительно, вероятно, Россия будет страной баланса мотиваций скорее, а не баланса интересов.

Какой должна быть российская идея — национальная или наднациональная. Что значит — какой должна быть идея? Слово “должна” я тоже не понял. Это, вероятно, не нам решать. И вообще, наверное, Россия должна быть такой, не как мы видим Россию, а какой Бог видит Россию. Это совсем вне нашего разумения. Может быть, это мое субъективное мнение.

Империя, сверхдержавность. Я думаю, очевидно уже, по нашему ежедневному быту очевидно, что нам нужна разумная, такая инерционная разумная достаточность, какой-то эгоизм. А кто должен быть носителем русской идеи — это вообще вопрос непонятен. Что касается Сталина в национальном вопросе, с Чечней до сих пор его умение решать национальные вопросы расхлебываем. А вот насчет каравана, что Россия последняя в караване, я тоже не согласен, между прочим. Почему не Китай последний в караване? А ну как Китай повернется, китайский верблюд повернется со своим немалым населением и сплоченностью? Не приведи Господь. Тогда возможная линия фронта будет перенесена с границы России с Китаем и исламским регионом, вероятно, на восточные натовские рубежи. Россию придется пройти китайцам. Не знаю, что останется в этом случае.

Очень жалко, что такие книги остаются малотиражными, малоизвестными книгами, которые существуют в таком полумраке масонского, университетского знания. Я обсудил эту книжку с отделением моей компании в Италии. Один даже человек по-русски читал. Ему она тоже, как и мне, понравилась. Я думаю, что наша компания предпримет перевод этой книжки на английский язык и ее издаст при небольшой адаптации к дикому западному восприятию. У нас есть для этого возможности, средства и для публикации, и для распространения, чтобы вывести ее из категории библиографической редкости.

И еще один маленький момент. На моем столе я всегда книжки выкладываю, он как книжный лоток служит для моих рабочих. Пришел человек, который готовит алмазные диски. Он читающий человек, но не политик, он мастер, дотошный дилетант, озабоченный политикой. Он прочел ее за день от корки до корки, очень испугался. Он человек без чувства юмора, он серьезный человек. Я говорю: “Ну, и какой же ты вывод сделал из всего кошмара, который ты прочел в этой “Грядущей гибели”?” Он меня отозвал в сторону и сказал, что он серьезно задумался над тем, что нужно креститься. Я считаю, что это лучший результат книжки.

В.И.БАТЮК: Предыдущий оратор сказал, что научный вклад Сергея Вадимовича понравится не всем. Я, к сожалению, должен согласиться с этой точкой зрения. Мне эта книжка тоже понравилась не вполне.

Я, честно говоря, знаю Сергея Вадимовича как одного из самых блистательных наших теоретиков внешней политики. В этой книжке самое лучшее, самое интересное место, которое я читал с удовольствием, — это разоблачение зюганизма. Автор

блистательно показал всю путаность и противоречивость зюгановщины как общественно-политического феномена.

Читая доклад, так и не понял, что же нам надо делать, собственно говоря, в России — создавать нацию или империю. Потому что делать эти две вещи одновременно, видимо, невозможно. Если мы консолидируем нацию, тогда можно забыть о каких-то имперских походах и завоеваниях. Если мы создаем империю, тогда все национальные штучки-дрючки нужно выжечь каленым железом. На странице 61 читаю: “Сейчас в России возможно формирование российской нации как сообщества всех проживающих на территории России этносов. Понимаю под этим не формирование новой интернациональной общности типа “советского народа”, а такого национального самосознания народа, при котором чувства сопричастности единому государству играют важнейшую роль в его сохранении и развитии”.

Прекрасная мысль. Я лично с ней целиком согласен. Но до этого на странице 60 я прочел нечто совсем иное: “Российское государство было и остается наднациональным. Попытки вписать проблему безопасности России в схему сугубо национальной государственности неадекватны ее историческим традициям и сложившимся реальностям. История Российского государства — именно история политического союза многонационального населения”. На странице 66 тоже читаем, что “новая империя, то есть сильное сверхнациональное государство с сильной национальной идеей (как это вообще может быть: сверхнациональное государство с национальной идеей?) может и должна стать альтернативой фашистской и коммунистической мутации и либеральному “рассеянному склерозу”.

Мне кажется, что причиной того, что такой сильный теоретик, как Сергей Вадимович, представил нам в достаточной мере путаный доклад, состоит в том, что он перед собой изначально поставил, абсолютно недостижимую задачу, а именно — выработать и создать конструкцию, которая станет приемлемой для всего населения нашей страны от старых советских и до новых русских. Для старых советских — это новая империя, это что-то такое многонациональное, сверхнациональное, новая соборность, духовность и так далее; для новых русских вот на странице 18 читаем: “С точки зрения универсальных ценностей и ориентиров развития страна сделала стратегический выбор — формирование открытого общества, включающего триаду рыночное хозяйство, гражданского общества и правового государства”. Разумеется, я с этим целиком и полностью согласен. Но если мы будем создавать империю, то про все эти вещи типа рыночного хозяйства придется забыть, потому что империи не речами и голосованием создаются, а железом и кровью — и коммунистическая империя, и германская империя, она, собственно говоря, не допускала такие вещи, как правовое государство и гражданское общество.

Мне кажется, что мы до тех пор будем плутать что называется в трех соснах, до тех пор, пока мы четко и ясно себе не уясним пусть неприятные и трагические, но истины, а именно: Россия безнадежно расколота. Никакого национального единства в нынешних условиях быть не может, потому что нация в России только формируется. И наряду с формирующейся сейчас российской буржуазной нацией мы имеем и остатки “великого советского народа”. Между этими двумя категориями населения бездонная пропасть, никакого интеллектуального мостика между ними перебросить нельзя.

Если мы ставим перед собой задачу создавать Российское национальное государство, мы должны ориентироваться именно на этих всех новых русских, потому что именно это является

зачатком нашего гражданского общества, а именно на гражданском обществе мы можем создавать какую-то нацию. Если мы пытаемся создать какую-то новую империю, то нам нужно этих новых русских, как говорится, “взять к ногтю” и вместе с остатками этого “советского народа” создавать новую империю.

А.В.МАЛЬГИН: По-моему, наша дискуссия имеет недостаточно жесткий структурный элемент, элемент методологии. Итак, если мы говорим об идеологии, говорим априори, отрешившись от каких-то партийных или других пристрастий, соответственно, давайте четче определим, о какой идеологии мы говорим, что это за национальная идеология, что это за русская идея, что это за имперская идеология.

Момент более глубокий. Надо четко исходить из понимания того, что нынешняя Россия — это многонациональное государство. Соответственно абсолютно неправомерным являются термины: национальное государство и государственная идеология. Русская идея является в значительной мере постановкой провокационной, и она, наверное, не должна исходить из государственных органов.

Далее. Рассмотрение вопроса об идеологии, на мой взгляд, у нас идет на каких-то непонятных поверхностных этажах, этажах зачастую самими нами надуманных. Надо исходить из потребностей, какие они у нас есть, и на этом строить интерес. Артикулированный интерес, интересы, преломленные через всю систему общественно-политических и государственных институтов далеки от идеологии.

Третий момент. В процессе дискуссии, и в книге ставится вопрос, а точнее делается априорное утверждение о том, что Россия — это духовная страна, страна святая, а Запад бездуховен. И никто не пытается это доказать: а почему? Может быть, потому бездуховен, что мы просто не знаем той культуры, не хотим ее замечать? Мы рассуждаем: Россия центрична, самоцентрична. По-моему, постановка этого вопроса просто неправомерна. Может быть, они потому нам кажутся бездуховными, что они меньше говорят об этой самой непонятной духовности. В любом случае вопрос духовности не имеет отношения к вопросу о государственной идеологии.

Далее. Здесь прозвучал тезис о самоизоляции и даже о некоей полезности самоизоляции, о том, что мы якобы предыдущие 70 лет были в значительной мере ориентированы не на собственное развитие, а были озабочены проблемами мира, я имею в виду мира как глобального сообщества государств. Давайте по-другому посмотрим. Мы фактически не вышли из этой самоизоляции, а, если хотите, оказались в еще большей. Что значит — самоизоляция? Или отсутствие самоизоляции? Это возможность адекватно взаимодействовать с другими государствами, возможность адекватно, то есть, соответственно своему потенциалу, влиять на глобальную систему международных отношений. Потенциал в России есть. А как мы влияем? Какой фактор влияния есть у России? Фактически один единственный фактор влияния на глобальную систему умов в международных отношениях — это фактор ядерного оружия. Вот этот компонент влияния является компонентом нереактивным и фактически не может служить каким-то доказательством включенности России в международную систему. Соответственно самоизоляция существует, самоизоляция приводит к отрыву от мировых тенденций развития, абсолютной невключенности в хозяйственные связи и соответственно в общественно-политическую, морально-идеологическую

надстройку над этими хозяйственными отношениями, которые живут совершенно другими категориями.

К чему приведет самоизоляция? К самосознанию, но самосознанию на уровне XIX века, на уровне Н.Бердяева, В.Соловьева. Может, это очень интересное самосознание, оригинальное, но самосознание, которое, извините меня, не привело Россию в число ведущих держав, я имею в виду не военно-политический потенциал, а уровень жизни, уровень грамотности населения тогда, на рубеже XIX-XX веков. Возвращаться к такому самосознанию через самоизоляцию — давайте, попробуйте.

Теперь далее. Реплика про МИД, что МИД определяет внешнеполитическую идеологию. Может быть, не совсем так хотел сказать Никита. В соответствии с инструкциями и положениями о МИД, ни один визит министра иностранных дел не может быть совершен без утверждения его сверху. Соответственно действия МИД рассматривать как какие-то самостоятельные — не гоже. О внешнеполитической идеологии мы здесь не говорили. Есть у нас эта внешнеполитическая идеология? Некоторым кажется, что есть. Но наши тактические, я подчеркиваю — тактические действия, тактическая активность в связи с попытками расширения НАТО показывают, что у нас нет внешнеполитической идеологии, идеологии, которая определяет видение оптимального или идеального. Мы себе не ставим задачу формирования миропорядка и определения места государства в этом мире. Все это пока отсутствует.

М.В.РАЦ: Мне бы хотелось сделать три замечания. Первое соображение состоит вот в чем. Мне кажется, что вопросы о идентификации и модернизации вряд ли могут обсуждаться в отрыве от представления об искусственном и естественном. Что такое идентификация? Это состояние. Это и моментное свойство страны, нации, народа, чего угодно, или то, что создается в процессе социокультурного пространства.

Если это естественное свойство, надо поковыряться в себе, вытащить его, выложить, посмотреть, что это такое, найти в прошлом, у соседа спросить. Если это искусственное образование, надо его начать строить, тогда надо решить, во-первых, вопрос о том, что его надо начать строить и кто это начнет делать. Я вообще, честно говоря, не знаю, может быть, этот вопрос общественный, социально-общественный, а может быть, и государственный. Поэтому все эти вопросы, во всяком случае для меня, с идентификацией как-то повисают в воздухе. Я, честно говоря, не знаю, как к ним относиться.

Второй вопрос. Мысль В.В.Кортунова состояла в том, что духовность России в известной мере уже традиционно противопоставлялась отсутствию духовности на Западе. В качестве свидетельства тому проводились многочисленные заявления западных мыслителей, начиная от Шопенгауэра и кончая Макаренко. Я бы сказал коротко — эта непрерывная рефлексия по поводу духовного кризиса на Западе есть для меня важнейшее свидетельство существования западной духовности. А полное отсутствие размышлений на эту тему в российской культуре есть свидетельство отсутствия этой духовности. Я специально говорю об этом резко, потому что хочу обратить внимание на то, что мы уже на эти грабли один раз наступили. Мы критикуем Маркса. Я не буду обсуждать марксистскую концепцию. Маркс был великий ученый и он сделал, на мой взгляд, по меньшей мере одну совершенно гениальную вещь: он описал капитализм. Капитализм, будучи описанным Марксом, перестал быть таковым. Вот это то, чего не понял Ленин, чего не поняли марксисты-ленинисты, что вообще мало кто понимает,

как это ни парадоксально. В некотором смысле я геолог, я понимаю: пробуравив скважину в земле, земля уже перестала быть таковой. Знания, которые мы получили, преобразуют объект, который мы исследуем. И наверняка капитализм на Западе стал таковым благодаря тому, что Маркс и иные марксисты трубили во все колокола, как сегодня кричат все представители культурного Запада. И молчим мы.

Так вот, наступив однажды по поводу капитализма на грабли, я бы не хотел, чтобы мы еще раз наступили на грабли по поводу отсутствия духовной культуры на Западе, поскольку, на мой взгляд, в конечном счете именно проявлением духовной культуры, вообще культуры является активная самокритика. Сегодня таким проявлением отношения к марксизму я вижу в появлении статей, которые называются “Интеллектуальные основы самокритики марксизма”. Сегодня, когда уже все похоронили Маркса, я бы хотел бы услышать что-нибудь по поводу духовной жизни России.

С.К.ОЗНОБИЩЕВ: Я хотел сказать только о двух вещах. Данная работа Сергея Вадимовича очень хорошая, я не склонен ее критиковать. Мне очень понравился один термин, который, как мне кажется, ее характеризует в наибольшей степени. Она надисторична, в смысле оторванности от приземленных реалий современной внешней политики и политики безопасности. Возможно, это и не была задача этой работы, поскольку в ней ставилась попытка создать философский фундамент национальной и национальной идеологии. Теперь необходим следующий шаг. Необходимо перекинуть мостик от этого фундамента к рациональному истолкованию именно с точки зрения национальной идеологии тех или иных мировых вызовов, мировых глобальных проблем, которые сейчас существуют.

Приведу один небольшой пример, о чем тут Артем уже говорил. Проблема номер один сейчас, на которую мы пытаемся ситуативно тактически реагировать, это расширение НАТО. И понятно, что уже выработался какой-то комплекс наших аргументов против НАТО, но все они носят именно тактический характер — да, расширение НАТО плохо, потому что мы уходим из зоны влияния Восточной Европы, теряем рынок. Но, к примеру, где-то с месяц тому назад у меня был разговор с одним из ведущих аналитиков Министерства обороны Италии, таким пронатовским и в то же время доброжелательно относящимся к нам человеком. И он задал прямой вопрос: скажите, почему Россия сама не подала заявку на вступление в НАТО и этим бы выбила массу козырей у тех же поляков, чехов? Во всяком случае истерии было бы гораздо меньше.

Понятно, на ситуационном уровне я ему смог ответить, почему мы не подали эту заявку, почему в данный момент вступление России в НАТО не стоит на повестке дня. Но с точки зрения именно национальной идеологии, почему военное сближение с Западом, в широком смысле военное, и стратегическое сближение с Западом — почему оно противоречит интересам России, — этот вопрос, мне кажется, сейчас повисает. Точно так же, как повис и другой вопрос, с точки зрения национальной идеологии, — необходима ли экономическая или культурная, а не военная интеграция с Европой, то есть по линии ЕЭС. Насколько это нужно для России не с точки зрения ситуативных каких-то моментов, но насколько это отвечает или насколько это не отвечает нашей национальной идеологии и нашему национальному взгляду на мир. Эта проблема, как мне кажется, сейчас одна из самых важных, разработка которой должна вестись с двух сторон — как с точки зрения реальных подходов, так и с точки зрения философского

приближения к практике, что, мне кажется, должно стать одной из наших важнейших задач. Это первое и главное.

И второе — просто маленькое замечание. С одной стороны, наш коллега сказал, что кого-то эта книга побудила креститься. С другой стороны, многих, поскольку общество все-таки атеистично в большинстве своем, многих она может отторгнуть вообще от проблематики, поскольку, как мне кажется, в ней много идей мистического плана. И такие фразы, что предсказания Апокалипсиса — сбудутся ли они, зависит от России, что наше предназначение есть промысел Божий, если предположить, что каждая нация во всемирной истории выполняет историческую миссию, как мне кажется, могут создать негативное восприятие книги, в целом очень хорошей и очень нужной.

С.В.КОРТУНОВ: Поскольку я вынужден сейчас уйти, я просто ограничусь одной репликой. Я очень благодарен всем, кто нашел время прочитать эту книгу и задуматься о ней. Благодарен всем, в том числе и критикам. Я, честно говоря, ожидал, что бить меня будут гораздо больше. Критика, которая здесь прозвучала, в целом носит конструктивный характер. Мне бы только хотелось сделать одно замечание. Насколько я помню, Бисмарк говорил о том, что железом и кровью создавались именно национальные государства, а не империи. И действительно, в XIX веке эти государства создавались железом и кровью. Может быть, и был шанс у России создать национальное государство сразу после распада Советского Союза, но этим шансом Россия не воспользовалась. Это о чем-то говорит. В частности, о том, что все-таки российский народ тогда был именно союзом многонациональных народов и даже русский народ, как суперэтнос, тоже играл системообразующую функцию в плане создания российского суперэтноса. Поэтому, по существу, не создав национальное государство, в частности, ни в 91-м, ни в 92-м, ни в 93-м году, а сейчас, мне кажется, мы уже упустили эту возможность, русский народ доказал, что он все-таки народ имперский. Но когда я говорю “имперский”, я не вкладываю в это понятие негативного смысла. Более того, я считаю, что Российская Империя никогда не была империей в западноевропейском смысле этого слова. И на этот счет, мне кажется, я представил некоторые достаточно убедительные, хотя, наверное, спорные соображения в своей книге.

И второе — насчет МИДа и государственной идеологии. Не могу согласиться с тем, что МИД формирует национальные интересы на данном этапе, тем более, что я непосредственно, каждодневно с этим сталкиваюсь. Как вы знаете, у нас была концепция внешней политики 93-го года, но она фактически не реализуется. К сожалению, в современном МИДе, несмотря на то, что сейчас Козырева сменил Примаков, что положительно, работа внешнеполитического ведомства на концептуальную основу по-прежнему не поставлена. Если употреблять опять же этот пример с пресловутым расширением НАТО, МИДовские чиновники мыслят категориями только до мадридской встречи. И все наши попытки попробовать вместе с нашими дипломатами создать более долгосрочную стратегию и концепцию наших отношений с НАТО, что абсолютно необходимо даже для того, чтобы определить тактические ходы сейчас, все эти попытки, к сожалению, не увенчались успехом. Многие очень просвещенные заместители министра мне говорили о том, что этого делать не надо и мотивировали это тем, что мы не можем сказать, что произойдет в этой стране через три-четыре года. Могут прийти другие политические силы и так далее. Поэтому, к сожалению, пока МИД по-прежнему работает в режиме “пожарной команды”.

О.Ю.МАЛИНОВА: В связи с чем возникли в очередной раз сомнения в цивилизационной принадлежности России? Совершенно очевидно, что сомнения возникли в связи со своеобразным кризисом, который переживает наше общество, в связи с утратой единой, спланированной его идеологии. В советские времена такую роль выполняла коммунистическая идея, в период перестройки это был своеобразный вариант, если хотите, демократической идеи, который имел своих оппонентов, но, тем не менее, обладал некой спланированной силой. На сегодняшний день ощущается вакуум идеологии, в связи с чем и возник заказ на создание национальной идеи. Причем, сама проблема создания национальной идеи в известной степени выступала как создание некоего противовеса идеи модернизации по западному образцу, если хотите, идеи внедрения в России западных ценностей, либеральных ценностей, правда, в несколько специфическом значении этого термина.

Я хочу поставить вопрос — а нужно ли эти вещи противопоставлять, нужно ли противопоставлять национальную идею и делать выбор: либо национальная идея, либо западные ценности, либеральные ценности? Меня, честно говоря, насторожила одна вещь в тексте, который мы с вами обсуждаем. Эта вещь заключается в том, что в этом тексте проскальзывают предложения об очередной мессианской идее. Идеи мессианства, конечно, заложены в нашей культурной истории, и русский народ всегда тяготел к мессианству, но нужно ли в очередной раз искать эту мессианскую идею? Во-первых, на мой взгляд, она достаточно опасна, и наша собственная история показывает, насколько опасно она может быть. А во-вторых, давайте задумаемся вот над каким вопросом. Хорошо, мы придумаем мессианскую идею, а что мы с ней будем делать? Как нам заставить ее работать в том смысле, чтобы она обеспечивала нам базовый общественный консенсус, в том смысле, чтобы она обеспечивала обществу функцию самоидентификации, самоопределения, давала четкие исторические перспективы? Что мы с ней будем делать? Ведь в отличие от прошлых подобных мессианских идей отсутствует в настоящее время базовый механизм, необходимый для внедрения такого рода идей. Во-первых, отсутствует согласие в отношении этой идеи в самой политической элите. Я, честно говоря, не вижу путей достижения такого согласия. Не вижу варианты идеи, которая выдвинула бы согласие в политической элите, политическую волю самой идеи. А во-вторых, отсутствуют механизмы ее реализации.

Для того, чтобы внедрить какую-то единую национальную идею, нам понадобилось бы посягнуть на свободу слова и создать какие-то мощные каналы официального идеологического воздействия. Насколько это реально в современной ситуации? Поэтому, на мой взгляд, и я в этом плане согласна с Вадимом Кортуновым, речь должна идти сегодня не о создании национальной идеи, а о выявлении или (я бы лучше так сказала) выработке национальной идеи. Эта идея должна расти не сверху, а снизу. А если мы взглянем вниз, то надо быть реалистами и смотреть на то, чем живет наше сегодняшнее общество. Наше сегодняшнее общество выживает. И, на мой взгляд, единственная приемлемая национальная идея была бы идея цивилизованного выживания. Придание каких-то цивилизованных форм этому процессу выживания. Это один момент.

Второй момент — для того, чтобы говорить о подобных вещах, как национальная идея, на мой взгляд, нужно достаточно четко представлять себе, что такое идеология, как она функционирует и как она распространяется. Идеология

выполняет разные функции и по-разному работает на разных этапах, выполняя разные миссии. Для власти идеология — это способ легитимации ее действий и способ мобилизации масс. Для политических элит идеология — это способ самоидентификации и способ борьбы за голоса избирателей. Что же касается самих масс, то для них, по-видимому, идеология является своего рода системой коллективных верований, которая позволяет им ориентироваться в том мире, в котором мы живем. То есть следует отдавать себе отчет, что идеология выполняет разные функции. Она не является каким-то монолитом. И в этом плане следует всегда помнить, что одни и те же идеологические конструкции, имеют разный смысл для разных субъектов идеологии.

Кроме того, в этом плане я согласна с господином Васюковым, мы живем сегодня в весьма существенно расколоте общества, в котором существуют разные варианты идеологии, разные варианты национальных идей, и в докладе Бориса Николаевича это было продемонстрировано. Поэтому мне представляется, что речь должна идти не столько о выработке какой-то общеэмоциональной национальной идеи, сколько о выработке цивилизованных рамок для диалога разных идеологий и разных вариантов национальной идеи. На мой взгляд, суть национальной идеи должна быть не в либерализме, а металиберализме, то есть либерализме как системе правил игры, в рамках которых могут сосуществовать разные идеи. Это, мне кажется, нужно выращивать. Но такой вариант как раз делает противопоставленным вариант мессианской национальной идеи. Это противостоящие друг другу вещи: свободная игра идей и господствующая мессианская идея.

Быть ли России империей или быть ли России национальным государством? В данном случае у меня возникло такое ощущение, что термин “национальное государство” употреблялся именно как национальное, то есть этническое государство, в советском понимании этого термина. Но в целом-то противопоставление здесь на самом деле не между национальным государством и империей, как многонациональным государством, а противопоставление между империей, как особого типа государственным образованием, в основе которого лежит интеграция на основе некой идеи — экстенсивное расширение границ и вера в то, что служа этой идее, империя служит человечеству вообще. И идея нации и государства, которая является своеобразным симбиозом таких вещей, как автономная личность, гражданское общество и государство, которое служит интересам этого общества.

И в плане самой последней реплики. Мы противопоставляем идею национализма, как этнического национализма и национального государства, как государства одной нации, и либеральный вариант — государство, нации, когда под нацией понимаются граждане этого государства. Но если мы взглянем на историю этих идей на Западе, на историю того, что называется либеральным национализмом, то в основе либерального национализма лежит представление о том, что либеральное демократическое государство проще строить в однопациональной среде. И, скажем, тот же Джон Стюарт Милс писал о том, что желательным условием демократии является однопациональная среда, то есть когда уже снимается вопрос об этнической принадлежности, об этнических конфликтах, когда в границах этого государства остаются люди, которые, как говорится, свыклись с мыслью жить вместе.

М.В.РАЦ: Один из первых тезисов выступления Сергея Владимировича привел к понятию идейного, понятийного

вакуума, сложившегося с России. Я хотел бы заметить, что идейный и понятийный вакуум — вещи принципиально разные.

Второе обстоятельство. Это касается исторической миссии народа. Так называемая миссия народа понималась как таковая спустя лет так 200, 500, 1000 после того, как эта миссия была выполнена. Похоже, что время наций как таковой кончается. По-видимому, нас ждут какие-то новые, совершенно не известные нам формы жизни и общества. Сейчас на формирование национального государства что-то вроде того, что не ко времени. Думать-то лучше о будущем, а не о прошлом.

Возникает вопрос, где критерий, по которому отнести страну к сверхдержавию и к великодержавию. Допустим, Япония — сверхдержава, потому что японские банки контролируют финансовые рынки. США — сверхдержава? Сверхдержава. Потому что американцы контролируют рынки товаров. А Россия почему великая страна? По территории? Да. И только.

В.Н.СПЕКТОР: Я хочу сказать несколько слов о целях. Я думаю, что это сейчас совершенно нормальная вещь то, что у данной работы не было цели. Цель вообще, в нашем представлении, это то, что формулируется политикой. Она формулирует цели. Я со многим не согласен в этой книжке. Мне больше всего понравился кусок про зюганизм, где речь шла о русском коммунизме. Мне кажется, это достаточно хорошая и цельная вещь. Сергей Вадимович сказал, что он подписался как кандидат исторических наук, исследователь и гражданин, а не чиновник.

Что касается противоречивости, о которой многие здесь уже говорили авторы, то эта противоречивость отражает противоречивость бытия. И в этом отношении книга не противоречива. Просто минус на минус дают плюс. А это лишь этап на пути познания или формулирования какой-то цели. И мы должны быть благодарны автору за то, что он допустил нас в свою творческую лабораторию, а может быть, шире даже, в лабораторию того, как принимаются важнейшие государственные решения. Попутно замечу, что выбор между реставрацией или конструированием заново — это некорректная постановка вопроса, потому что это крайности. Реставрация и конструирование заново — это крайности. Я думаю, что традиции и современность — вот проблема, которая не вмещается в заданную рамку.

Известно, что Томас Конг давным-давно сказал, и это не вызывает ни у кого возражений, более того на протяжении 30 лет этим все оперируют, что новые парадигмы научного мышления утверждаются только с новым поколением. Я думаю, что тот процесс, участниками которого мы являемся, в частности здесь, как раз и является процессом формирования нового поколения. Так или иначе, то, что мы сформулируем здесь, видимо, нам придется воплощать. То есть это совершенно нормальный, закономерный, естественный исторический процесс.

А.Н.КАЛАБАНОВ: Когда мы говорим о конструировании национальной идеи, именно о конструировании, а не воссоздании, о формировании, поскольку она сама predetermined сейчас социальным заказом выше, мы должны понимать, что еще и создаем, кроме того, утопию, социальную утопию. Поскольку любая национальная идея, тем более в данном научном докладе Сергея Вадимовича базируется на философских выкладках начала века. Но ведь эти же люди в какой-то степени способствовали созданию другой идеологической утопии — коммунистической. Я уверен, что

большинство витавших тогда мыслей было положено в идеологическую практику советского государства.

Таким образом, получается следующая ситуация. Мы создаем утопию и при этом уже сами сразу знаем, что это утопия. Кто является носителем данной утопии? Административная власть или, проще говорить, административно-управленческий аппарат, персонал. Что остается народу, который непосредственно должен был бы быть по идее носителем этой национальной или национальной идентичности, национальной идеи? Ему остается участие в других формах поисков этой идеи. Поэтому в государстве — разброд. Одно видение — наднациональное, аппаратное, верхнее, властвующее. И масса других мелких национальных идей — будь то пантюркизм, панславизм, панисламизм и тому подобное, вплоть до региональных идей и концепций. Может быть, тогда проще говорить о создании какой-то общей, абстрактной идеи, которая сочетала бы эти маленькие идейки в большую, глобальную. Но, с другой стороны, в этом случае мы получаем такую идею, которая будет господствовать над личностью. А в нынешней ситуации наибольшим рефреном становится лозунг, что счастье любой личности, а именно она определена в концепции национальной безопасности как приоритет, счастье ее и наибольшая способность, потребность в свободе, состоит в получении как можно большей независимости от государства. Получается противоречие. Что мы будем с этим противоречием делать? Как его решать? Превращать в утопию, дальше ее конструировать или как-то эту утопию все-таки принизить и сделать реальной, соответствующей сегодняшней объективной ситуации?

А.Л.ЧЕЧЕВИШНИКОВ: У меня очень противоречивое отношение к книге Сергея Вадимовича. Вызывает огромное уважение то обстоятельство, что человек взял на себя практически неразрешимую на данном этапе задачу, вернее, целый комплекс задач. Он попытался поставить точки над целым комплексом “и”, что, по условию, наверное, невозможно решить. И отсюда огромное количество противоречий.

Но здесь есть одна объективная основа для невозможности сегодняшнего решения этой проблемы, а может быть, вообще невозможности ее решить адекватно. Это то, что один неглупый и оригинальный довольно человек, когда его пытали на тему, что такое есть русская идея, он сказал так: “Что вы ко мне привязались? Я, например, люблю закусывать водку соленым огурцом”. Как можно создавать идеальное ядро? И тем не менее, делать это надо и это, по всей видимости, будет очень длительный процесс саморефлексии российской отечественной элиты. И большую, мне кажется, роль в этом деле, в этом процессе будет играть аппарат, в который сегодня “кидали” несколько уже камней, в частности тот же аппарат МИДа.

На мой взгляд, люди которые пусть и не заглядывают дальше Мадридской встречи, но пишут сегодня на завтра разговорники, которые потом озвучиваются первыми фигурами и которые отождествляются с позицией России, с ее обликом в мире, эти люди играют не последнюю роль в рефлексии отечественной элиты. И от того, что они конкретно напишут и как они развяжут конкретную ситуацию там-то и там-то, в МИДе ли или, допустим, в Миннаце, который по условию вроде бы должен заниматься федеративными отношениями, в других ведомствах, которые занимаются конкретными, жизненными, очень большими вопросами — зависит многое. В процессе решения этих вопросов будет продвигаться решение тех задач, которые Сергей Вадимович поставил в своей книге.

Параллельно с этим будет идти теоретическое осмысление. Все менее, менее и менее противоречивое осмысление нами самих себя как страны. Возникает вопрос. Здесь он сегодня уже задавался: а кто субъект? Государство сегодня, в данном случае Совет обороны, как надведомственная структура, взял на себя — в силу достаточно специфического нынешнего положения Совета Безопасности — эту функцию. Но тем самым Совет пошел очень узкой и извилистой тропинкой. Очень трудно государственному органу направлять этот естественный исторический процесс, процесс осмысления элиты самой себя. Эта проблема продумывалась на разных уровнях — как организовать этот процесс, насколько велик будет КПД. Вообще я затрудняюсь сказать, насколько была продумана технология этой работы. Но наверное сразу можно сказать, что она не оптимальна. Ибо каким образом можно регулировать это нежное поле мыслительной деятельности элиты, которая находится почти в послейинфарктном состоянии.

И последнее. Меня немного задел тот рефрен, который был отражен на экране. Он, мне кажется, отражает одно из глубинных противоречий текста, который сегодня обсуждается, — «какая Россия нужна миру?» Разве не логичнее слушать ответ на этот вопрос от людей, не имеющих прямого отношения к России. Разве не важнее для нас ответить на вопрос: какой мир мы хотели бы видеть в будущем, и что мы должны для этого делать?

Должен сказать совершенно однозначно: миру нужна Россия простодушная и предсказуемая. Кстати, предсказуемость нужна не только миру, но и нам с вами. Мы знаем действительность, но что будет завтра необходимо предсказать. Предсказать можно только, с моей точки зрения, наиболее определенную историческую перспективу. Но нельзя предсказать методы действий государства в условиях нестабильности всех параметров общества: внутренней, внешней политики и других. Историческая перспектива, к сожалению, нас не радует. Это социальный взрыв, поскольку отсутствует средний класс в нашей стране, и его формированием никто не занимается. У нас есть элита, и есть многомиллионная масса людей, которые не имеют ничего.

Теперь давайте посмотрим, что нужно Западу. Мы говорили, что весь мир неоднороден, но Запад сам по себе тоже неоднороден. Но если говорить о Западе в целом, то Западу в настоящее время нужна колониальная Россия. И тому пример политика, которую Запад проводит по отношению к России. При дальнейшем проведении такой политики Россия будет разлагаться и, безусловно, терять свою государственность. На огромной территории образуется вакуум. И в этом случае Западу придется брать на себя ответственность за этот вакуум, в том числе за его безопасность, так как существует еще и арабский исламский фактор, Китай и многое другое, другие вообще регионы, которые тоже захотят, наверное, в этот вакуум влезть. Поэтому мне представляется, что наиболее правильным было бы для Запада иметь Россию, входящую в общую, единую, общедемократическую систему, защищающую вместе с Западом демократические ценности. В случае же если это не произойдет, история нам подсказывает, что неизбежная колониальная политика заканчивается антиколониальной войной. И в этой войне мы будем искать союзников в других регионах, а не на Западе.

Поэтому хотелось бы пожелать тем людям, которые занимаются формированием политики нашего государства то ли в Совете обороны, то ли в каких-то других учреждениях, напоминание Ключевского, который сказал 100 лет тому назад,

что политика должна быть не более и не менее как прикладной историей. Теперь она не более, как отрицание истории, и не менее, как ее искажение. Эти слова, по-моему, абсолютно актуальны и сейчас.

А.Д.БОГАТУРОВ. Честный председательствующий всегда находится в ущемленном положении, потому что он экономит время, и прежде всего экономит его на себе.

Мне кажется, что самая главная и самая спорная идея книги господина Картунова, от которой я хотел бы, чтобы мы оттолкнулись, это соотношение между наднациональным, имперским началом и началом, которое я назвал национальным (здесь некоторые коллеги эту вещь подхватили), национальным в том значении, как употребляется термин “национальное государство”. Мы много говорили сегодня о конкретных национальных интересах. Национальные интересы, которые бы точнее нужно было называть интересами государственными, нельзя правильно сформулировать не поняв, какова природа государства, от имени которого интересы формулируются.

Мне кажется, поэтому, что то, что говорил господин Батюк, та классификация подходов, которые представила нам Лариса Николаевна, эти три спектра общества так или иначе должны были быть главными элементами той среды, в которой все это происходит. То, что мы с вами так много говорим о русской идее, а не о какой другой, национализме, а не о чем другом; то, что господин Картунов, с одной стороны, в интеллектуальном смысле не просто пользуется услугами, но испытывает сильное влияние господина Кургиняна, а, с другой стороны, Максима Теодоровича здесь присутствующего — это ведь некоторый срез, это то, как на самом деле формируется круг наших мнений, то, как мы думаем, то, как мы мечемся, между чем и чем. И на самом деле, если мы так много об этом говорим, значит что-то в этом есть. Мне кажется, что в этом-то и есть самое главное. Почему я пытался вас спровоцировать на разговор о том, приемлемо ли идеологическое наследие империи? Потому что об этом очень много говорится. Говорится о том, что идеология национального государства в классическом западном понимании — государство одной нации — она как бы в России неприемлема. И приводится очень много аргументов, многие из которых приведены в этой книге. И с этим, в принципе, можно было бы согласиться. Да, поскольку у нас другая история, и геополитика другая, география, да, тут, наверное, национальным государством в классическом смысле мы могли бы и не быть, поскольку развивали большую часть истории империю. Это так. Но значит ли это, что может быть проведен прямой мост, прямое преемство между империумом, как называет его Сергей? Насколько полезен нам может быть идеологический багаж Российской Империи?

В чем здесь моя гипотеза, которой я с вами предполагаю поделиться? Мне кажется, что та Империя обеспечивала определенный уровень идеологической стабильности. Это было связано, мне кажется, с двумя обстоятельствами. С одной стороны, с довольно сильно консолидированным русским этническим национальным ядром. С другой стороны, конечно же, крайне слабой идентичностью периферийных элементов. То есть тех территорий по окраине, которые интегрировались медленно, на протяжении веков в Империю. Все это был один баланс русского и нерусского, грубо говоря. Притом он развивался.

Господин Чечевишников упомянул к месту, мне кажется, естественные исторические процессы. Если говорить о естественных исторических процессах применительно к нашей стране, то они, нравится это или не нравится, заключаются в том,

что этносы разрастаются, получают поддержку, формируют идентичность. Их новая идентичность, которая в Российской Империи по окраинам была слабой, начинает возрастать, бросать вызов идентичности общеимперской и начинает формироваться совершенно иное соотношение этого самого условного русского национального и нерусского малоидентичного начала. Это другая ситуация, это другой уровень предпосылок для распада такого государства или, наоборот, для его консолидации. Это ключевой вопрос сегодняшнего дня.

Можем ли мы говорить, что мы можем продолжать развиваться, просто говоря о том, что русский человек, как было сказано, русское сознание — имперское сознание? При том, что мы имеем между Российской Империей и сегодняшней Российской Федерацией 70 лет, в течение которых русская составляющая этого в общем-то нестойкого баланса достаточно сильно была повреждена как последствием советизации, с одной стороны, и последствием подрачивания соответственно малых идентичностей не только уже по периферии бывшей Империи, но и уже внутри малых федераций. Ведь другой баланс складывается. Что же мы видим? Тенденции разнонаправленные. Мы видим продолжающуюся, я бы даже сказал, более энергично протекающую консолидацию малых идентичностей внутри России, видим по-прежнему довольно вялое состояние русского национального ядра. Прежде всего, вялое в культурном отношении. Речь идет о восстановлении приемлемого баланса. Но ясно, что если нашей, нынешней Российской Федерации и развиваться как империи, в том смысле, в котором Сергей Картунов это слово употребляет, то, конечно, баланс усилий по выращиванию или реставрации имперских элементов, имперского начала и по активизации, как я бы сказал, русского ядра, должен быть совсем другой, чем в Российской Империи. В Российской Империи русское ядро не было угрожаемым в качестве доминирующей группы. В Российской Федерации, где идея территориального распада абсолютно реальна, как выпадение дальнейших ее фрагментов, требуется совершенно другое.

Поэтому мой провоцирующий вопрос состоял, в чем вы видите новизну? Может быть, ограничиться преимством? Я думаю, что ограничиться преимством. И именно это делается сейчас на уровне тусовки господина Кургияна. К сожалению, в этом докладе та же самая идея. Здесь много говорится об имперском транснациональном, о паннациональном начале и мало говорится о том, что спасет нас, что мы выживем, только если параллельно, мне кажется, даже с опережающими темпами будут наращиваться усилия по активизации русского элемента, русского компонента. В этом случае как бы догоняющее развитие прекратится, эти две идентичности — русская и российская — вступят в какое-то нормальное, устойчивое соотношение, и распада Федерации можно будет избежать.

В противном же случае, если мы пойдем по старому пути, что все нормально, мы стесняемся говорить, что у нас русское государство, и они не стесняются говорить, что у них государство калмыцкое, татарское, как говорится, далее — везде, то что же? Мы подрастим эти идентичности до очередного критического этапа, и повторение судьбы Союза совершенно неизбежно. Может быть, оно и так неизбежно, я не знаю. Я крайне сомневаюсь, что национальное государство себя изжило. Оно изжило себя в тенденции, в принципе, в перспективе. Я подозреваю, что я-то уж точно умру, и, может быть, племянники мои сойдут тоже со сцены, прежде чем на самом деле случится то, о чем здесь сказали, это большая, красивая гипотеза, она

реализуется в практической политике таких несчастных государств, как наше.

Л.Н.ВДОВИЧЕНКО: Сергей Вадимович поручил мне сделать заключение. Мне бы хотелось от нашей аналитической группы, три человека у нас остались до конца, поблагодарить всех участников сегодняшней дискуссии. Особенно хотелось бы отметить очень молодой состав. Это всегда приятно. Мне как практикующему профессору особенно это близко, как женщине — тем более. Потому что и та смелость суждений, и определенный запал всегда стимулирует. Я, правда, предполагала, что у нас по содержанию эта дискуссия будет носить более углубленный характер. К сожалению, получилось так, что мы начали такое обсуждение только тогда, когда подошли к концу. Взяли за живое, стали за живое крутить и нащупывать те противоречивые точки, которые хотелось бы расковырять и продискутировать.

Я удивляюсь, что все время повторяется вопрос по поводу социального заказа. Никакого социального заказа нам не было. Мы этим занимаемся, во-первых, как ученые, остепененные и продолжающие научные исследования, даже находясь и работая в аппарате Совета обороны. А во-вторых, мы этим занимаемся, потому что этого требует логика подготовки материалов, которые непосредственно на нашей работе нам поручают делать — и выступления, и такие ответственные документы, о которых здесь говорилось, — военная доктрина, концепция военного строительства и другие. Они не могут быть подготовлены без более широкого контекста. Если брать только непосредственную тему, то документ будет неправильным, сырым и ограниченным. Обязательно более широкий контекст требуется. Хотя я по ряду исследований, которые проводились практически по всей России в ходе выборов, могу сказать, что достаточно большой процент людей, причем простых людей, задает вопросы как раз власти. “А вы сформулируйте нам, а вы скажите, раньше мы знали, а теперь мы не знаем.” В разных формах они выражают эту интуитивную потребность в объяснении.

Это не социальный заказ свыше. Эта потребность формулируется на самом низу, на уровне дяди Пети или тети Маши, которые эти вопросы задают в деревне Тютюкино. Это не означает, что будет одна какая-то модель сделана, которая будет сверху насаждаться. Это отвергаемый нами путь. Нам не нужно, и мы не собираемся ничего насаждать сверху, и не способны это сделать, как правильно здесь замечалось. Речь идет о том, чтобы понять, отрефлексировать ситуацию, которая складывается в различных социальных слоях, в различных субъектах Российской Федерации, для того, чтобы эти результаты формулировать в аналитическом плане.

А завершить мне бы хотелось следующим. Для меня, например, победа лейбористской партии в Великобритании рассматривается как очень важное событие. И когда приходилось бывать в Великобритании, и в том числе готовить аналитические материалы, повезло встречаться с лейбористами и быть в центре альтернативной обороны. Я видела разработки, которые вели задолго до победы лейбористов сейчас, то, как они видят себе будущее Великобритании, как они видят себе альтернативную оборону. Кстати говоря, они просматривали даже вариант доктрины без ядерного оружия и вкладывали в это средства, чтобы сидели специалисты и развивали эти исследования в центре альтернативной обороны.

Хочу отметить одну важную деталь. Вот пришли лейбористы. Что, Великобритания резко качнется в какую-то

совершенно противоположную сторону? Нет. Почему? Потому что есть некие базовые ценности, есть интересы. Кстати говоря, базовые внешние и внутренние интересы, очень сложно вычленишь, общее — это само ядро интересов, которые сохраняются независимо от того, какая политическая сила у власти, как происходит смена парадигм. Есть некое общее сформировавшееся начало, которое сохраняется страной и определяет ее ориентацию и во вне, и ее внутреннюю политику. Вот мы сейчас как раз и находимся в ситуации поиска вот этого интеллектуального ядра. Здесь можно согласиться, что сейчас и время не пришло. Через 15 лет, может быть, это получится, но сидеть и ждать тоже нельзя. Вероятно надо это ядро нащупывать. Благодарю Вас за внимание и надеюсь на продолжение сотрудничества.

VI. МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЕРХДЕРЖАВЫ

*Стенограмма совещания, проведенного в аппарате
Совета обороны РФ. Москва, 22 мая 1997 г.*

С.В.КОРТУНОВ: В нашем совещании участвуют 35 человек. Это костяк российской внешнеполитической элиты. Мы запланировали целую серию таких встреч по внешней политике и по крупным международным проблемам. Инициатором явился Петр Георгиевич Щедровицкий, вам всем известный, методолог и философ. У него есть свои прагматические интересы: он работает с нашими региональными лидерами, которые проявляют все больший интерес к вопросам внешней политики. С учетом относительной регионализации России это имеет большое значение в плане нашего с вами влияния на их позиции.

В качестве первой темы мы выбрали “Многополярный мир и региональные сверхдержавы”. Совершенно очевидно, что Россия уже четко сформулировала свой национальный интерес в отношении того, что она заинтересована именно в многополярном мире, в котором она видит себя в качестве одного из “центров силы”. Это зафиксировано в целом ряде документов, в том числе и президентских, в частности, в Послании Президента по национальной безопасности, в других Посланиях Президента Федеральному Собранию. Совсем недавно, это, как вы помните, было зафиксировано в Российско-китайской Декларации о многополярном мире, которая, кстати говоря, свидетельствует о том, что и Китай тоже обозначил свой интерес в плане развития мира в сторону многополярности. Как известно, эту точку зрения не все в мире разделяют.

Я буквально вчера вернулся из Соединенных Штатов Америки и, побеседовав с ключевыми лицами, которые принимают решения и влияют на принятие решений в этой стране, убедился, что, по крайней мере, руководство Соединенных Штатов по-прежнему исходит из того, что мир движется в сторону однополярности, и что “американское лидерство” будет определять лицо XXI века. С этим, в свою очередь, не соглашаются другие “центры силы”. Эти истины всем известны. Предлагаю сейчас не терять больше времени и непосредственно приступить к обсуждению.

К сожалению, не вижу здесь Вадима Борисовича Лукова, начальника Управления внешнеполитического планирования МИДа, которому я хотел дать слово первым. МИД является координатором внешней политики России. Если от МИДа представителя нет, то готов дать слово любому, кто захочет. В частности, знаю, что Алексей Георгиевич Арбатов торопится на другое заседание.

А.Г.АРБАТОВ: Наша приверженность идеям многополярного мира вступает в противоречие прежде всего со сферой ядерной политики, ядерной стратегии и ядерными взаимоотношениями между державами, потому что, будучи заинтересованными во многополярном мире в политическом и в экономическом отношении, Россия, являясь сейчас региональной

сверхдержавой, не заинтересована в многополярном мире в плане ядерных вооружений. И это противоречие не чисто абстрактное, а мы с ним столкнемся в практическом отношении весьма скоро. Сейчас Россия по стратегическим ядерным силам все еще остается глобальной сверхдержавой, и это, пожалуй, единственная сфера, где между Россией и США сохраняется пресловутый паритет. Однако в ходе дальнейших сокращений стратегических вооружений, будь они двусторонними, на базе переговоров России с США, или односторонними, этот паритет она может утратить. Во всяком случае экономических ресурсов у России не хватает для того, чтобы поддерживать свои стратегические силы на уровне США в отсутствие соответствующих договоров.

Очень скоро Россия столкнется с ситуацией, когда ядерные силы третьих ядерных держав, Франции, Великобритании и Китая, будут составлять не 5-10 процентов от российских или от американских, как сейчас, а будут составлять реально порядка 30, может быть, даже 50 процентов по боеголовкам, которые сейчас принято считать главным критерием подсчета, а в потенциальном отношении даже больше. Те программы развертывания новых стратегических вооружений, которые приняты, в частности, Великобританией и Францией, предполагают потенциальную возможность этих государств через 10 лет в совокупности иметь на своих стратегических ядерных силах, которые подходят по известным определениям и критериям классификации стратегических сил, порядка 1200-1300 боеголовок. Это потенциал загрузки тех ракет, которые развертывают Франция и Великобритания на своих подводных лодках.

Что касается Китая, здесь менее определенная обстановка, хотя совершенно ясно, что Китай работает над системами с разделяющимися головными частями, и при желании за 10 лет Китаю в общем-то не составит большого труда развернуть 100, 200 или даже 300 таких ракет. В год Китай может развертывать 50 ракет, его экономическая ситуация вполне позволяет их развертывать даже больше. Если они будут оснащены разделяющимися головными частями, то потенциал Китая по боеголовкам, и реальным и потенциальным, может составить 500, 600, 700 боеголовок без большой нагрузки для Китая, если он изберет такой путь. Он может избрать такой путь и по политическим соображениям, и в случае развития оборонительных стратегических систем, которые на протяжении ближайших 10-12 лет, особенно в Соединенных Штатах, могут приобрести потенциал, если не целенаправленной обороны против стратегических ракет, то во всяком случае побочный, так сказать, потенциал обороны против стратегических ракет. Соединенные Штаты могут его приобрести, развивая ту же самую технологическую базу, которая сейчас закладывается в основу тактической противоракетной обороны.

В этой ситуации Россия столкнется с двумя проблемами.

Нам будет очень трудно поддерживать тот единственный параметр, по которому она все еще равна США, который США делает заинтересованными в диалоге и в переговорах с Россией и вокруг которого, как вокруг стержня, накручивается, по моему глубокому убеждению, очень многое из наших политических и экономических взаимоотношений. Представьте себе, что через 13-15 лет стратегические силы России в одностороннем порядке, из-за того, что мы не ратифицируем существующие договоры, не подпишем новые и не будем выделять достаточно средств, — опустятся до уровня, сравнимого с совокупными силами Англии и Франции, или силами Китая, которые они могут развернуть. Я думаю, что тогда очень многое из подсознательных,

побудительных мотивов в политике США, которая все-таки толкает их на поддержание диалога и выработки компромиссов по сложным военно-политическим и техническим вопросам, ослабнет очень серьезно. И тогда мы и в этом последнем параметре отойдем для них на задний план, может быть даже на уровень региональной державы.

Наша идея многополярности — абсолютно правильная и обоснованная в отношении политики и экономики и борьбы с монополизмом США в этих трех сферах — вступает в объективное противоречие с нашим нежеланием смириться с реальным многополярным стратегическим ядерным миром. Ибо, помимо России, другие державы или находятся в союзе между собой, как США, Великобритания и Франция, или находятся к востоку от нее. Но даже если Китай будет развертывать в умеренном порядке свои стратегические ядерные силы, то в подавляющей степени этот потенциал в техническом и гипотетическом отношении будет направлен против России, а не против США — просто в силу географических факторов.

В этом плане нам нужно будет серьезно начинать уже сейчас разрабатывать нашу позицию в отношении того, каков будет мир, как нам приспособить друг к другу и примерить эти два момента. В настоящий момент при дальнейшем сокращении стратегических вооружений ниже уровня СНВ-2, то есть ниже уровня 3000 боеголовок и ближе где-то к 2000, а реально, наверное, это будет еще ниже, 1500, может быть, даже 1000 через 10-13 лет, Россия ставит вопрос о подключении третьих ядерных держав к переговорам по ограничению стратегических вооружений, которые до настоящего момента в течение последних 25 лет, как вы знаете, имели ярко выраженный двухсторонний характер диалога Россия-США.

Рассматривая позицию по этому вопросу России, США и третьих ядерных держав, можно выделить три ярко выраженных подхода к вопросу о “подключении” (беру это в кавычках) к диалогу третьих ядерных держав, из которых три являются законными по Договору о нераспространении ядерного оружия.

Один подход условно можно назвать “эгалитарным”. Это подход, которого придерживаются Великобритания и Франция. Упрощенно говоря, он состоит в том, что, когда Россия и США опустятся до нашего уровня и когда у всех будет поровну, вот тогда мы подключимся к соответствующим переговорам. То есть у всех пяти ядерных держав будет поровну боеголовок — по 500, по 800, или по 1000, или мы все будем иметь право наращивать до соответствующего уровня, чтобы иметь поровну.

Такой подход неприемлем ни для России, ни для Соединенных Штатов. Соединенные Штаты никогда не согласятся на то, чтобы Китай имел равные с ними силы, а Россия никогда не согласится, чтобы окружающие ее государства — США, Великобритания, Франция и Китай — просто в силу геостратегических факторов — будут иметь силу, в основном направленную против нее. “Эгалитарный” подход, таким образом, создает для России соотношение сил один к четырем вместо паритета, к которому мы привыкли и который мы подспудно имеем в виду, называя сейчас это другими терминами.

Соединенные Штаты не согласятся, чтобы Китай имел равные с ними силы, и потому, что мы сейчас начали всех пугать возможностью союза России и Китая. Соединенные Штаты никогда не согласятся, чтобы Китай и Россия имели двукратное превосходство над Соединенными Штатами. Я думаю все, кто знает американцев, не нуждаются в доказательствах того, что они никогда с этим не смирятся и никогда на это не пойдут.

Второй подход — это подход, который можно назвать “кумулятивным”, или “агрегированным”. Это подход, который в

той или иной форме исповедует прежде всего Россия, а на прежних переговорах даже были попытки превратить этот подход в практику. В частности, в Договоре ОСВ-1 1972 года Россия сделала одностороннее заявление, по которому приравнила количество разрешенных ей стратегических атомных подводных лодок к совокупному количеству стратегических атомных подводных лодок США, Великобритании и Франции. Другая сторона это не приняла. Это осталось в форме одностороннего заявления. И сейчас часто приходится замечать в некоторых высказываниях, чтобы в основу был положен так называемый “агрегированный” подход, то есть, чтобы силы России были примерно равны и сопоставимы с теми силами, которые могут быть направлены против нее, а это значит США плюс Великобритания, плюс Франция и в какой-то степени еще и плюс Китай.

Очевидно, что это подход нам очень выгоден и был бы лучшим способом приспособить многополярный мир в этой области для России. Он, однако, категорически неприемлем ни для кого другого. США никогда не пойдут на то, чтобы Россия имела над ними четырехкратное превосходство. Великобритания, Франция и Китай никогда не пойдут на то, чтобы Россия имела над ними тоже четырехкратное превосходство.

И “последний”, третий подход, который можно условно назвать “квотовым”. США и Россия договариваются о каких-то пониженных потолках, а в отношении третьей ядерной державы согласовывается некая квота в процентном отношении от сил России и США. И для России, и для США такой подход приемлем, и если бы речь шла только о наших двух державах, думаю, что Россия и США могли бы об этом договориться. Но ни Китай, ни Великобритания, ни Франция не согласятся на то, чтобы их заведомо зачислили в разряд третьеразрядных ядерных держав. Они ими являются де-факто, но никогда не пойдут на это политически. И они не согласятся на то, чтобы им была зафиксирована некая совокупная квота, особенно учитывая, что силы Великобритании и Франции никак не связаны с силами Китая. Они не направлены друг против друга. И поэтому любая попытка ввести для них или общую или индивидуальную квоту никогда не будет ими принята.

Каков выход из этого положения? Мне кажется, что России пора начать пересматривать свою позицию в отношении “подключения” третьих ядерных держав, ибо она ведет в тупик по всем трем вариантам соглашений, трем моделям договоренностей, о которых я сказал.

Во-первых, что значит слово “подключение”? Почему они должны “подключаться”? Силы Великобритании и Франции не направлены на США, американский потолок никак не влияет на то, какие силы должны иметь Великобритания и Франция, ибо они направлены против России, это совершенно очевидно. То же самое относится к Китаю. Силы Китая направлены в основном против России. Он никогда не согласится, чтобы мы ему определили квоту. Китай имеет сейчас гораздо больший валовой национальный продукт и превосходство над нами по всем остальным параметрам. Он не согласился остаться третьеразрядной ядерной державой.

Вопрос о “подключении” не состоятелен, если разобраться по существу, и в силу следующего момента. Между Россией и США за 20 с лишним лет переговоров сложилась обширная и очень глубоко продуманная и проработанная система взаимопонимания по стратегическим вопросам. Это все, что относится к понятию стратегической стабильности. Как вы знаете, в 1991 году было подписано специальное соглашение, определяющее, что такое стратегическая стабильность, хотя о

нем сейчас многие забыли, в том числе и при подготовке нашей военной доктрины. Существует система подсчета, обширная система проверки и транспарентности между Россией и США. Между другими ядерными державами нет того доверия, нет взаимодействия, которое наработано между Россией и США за эти годы.

Великобритания и Франция в силу специфики их сил, их стратегии, просто не подпадают под эту систему. Тем более Китай, у которого совершенно другая доктрина, другие системы и другая психология. Пристегнуть их к нашим понятиям равенства и равной безопасности, стратегической стабильности, пониженных уровней нам просто не удастся. Поэтому, мне кажется, что нужно отбросить идею “подключения”. “Подключения” не будет. Чем больше мы будем упираться, тем больше мы будем терять времени, и тем больше ситуация объективно будет изменяться не в нашу пользу, ибо мы на нее никак не будем влиять. Она будет развиваться сама по себе.

Следовательно, нужно рассматривать силы, которые действительно имеют отношение друг к другу, а именно, Россия должна, прежде всего, начать переговоры с Великобританией и Францией по этому вопросу. Я думаю, что Великобритания и Франция будут склонны согласиться на единую позицию и, возможно, согласятся на то, чтобы засчитывать их силы вместе, поскольку они сближаются сейчас в рамках и Европейского, и Западноевропейского союзов. И они были бы не прочь повысить свой статус в этом смысле, выйдя на равный уровень с Россией.

Но, как я уже говорил, для России иметь равный уровень с Великобританией и Францией, это значит иметь большое отставание в целом и от Запада, и от США, и от остальных.

Как выйти из этого противоречия? Выйти, наверное, надо таким путем, с которого начинались переговоры по стратегическим вооружениям. А именно, они охватили не все силы, если вспомнить, а только некоторые, некоторую их часть. В частности, Договор СНВ-1 учитывал только баллистические ракеты, но не учитывал стратегическую авиацию. В этом же смысле России можно было бы предложить консультации с Великобританией и Францией, конечно, не в секрете от США, понятно, что это абсолютно исключено, а с ведома США, о том, чтобы выбрать те силы, по которым мы можем договориться о равенстве. Такие силы есть — это боеголовки на ракетных силах морского базирования. В потенциале, как я уже сказал, Великобритания и Франция через 10-15 лет могли бы иметь в совокупности где-то порядка тысячи боеголовок на своих ракетах морского базирования.

Российские ракетные силы морского базирования в лучшем случае будут иметь тоже около тысячи боеголовок. Это две лодки “Тайфун”, 7 лодок “Дельта-4”. В лучшем случае мы сможем построить одну или две новые лодки класса “Барк”. В совокупности будет примерно тысяча боеголовок. Поэтому Россия могла бы предложить Великобритании и Франции договориться о равенстве, “о равных потолках” — на уровне тысячи боеголовок для ракетных сил морского базирования России и ракетных сил морского базирования Великобритании и Франции. Им бы это подходило, потому что фиксировало бы их равенство с Россией. Они бы имели право помимо этого развернуть наземные и воздушные силы, чтобы не отставать от России по другим параметрам. Они никогда не станут этого делать, но иметь такое право они будут.

Со своей стороны Россия имела бы другие силы помимо морского базирования, которые позволяли бы ей сохранять над ними де-факто преимущество и иметь примерное равенство с Соединенными Штатами.

Что касается Китая, здесь, конечно, ситуация сложнее. Если с Китаем и удастся начать такие переговоры, то, наверное, это будет на более позднем этапе в силу специфики положения Китая. Поскольку силы России, Китая, США, все направлены друг на друга, то можно было бы договориться о равных потолках для этих трех держав, скажем, по боеголовкам, предположим, стационарных ракетных сил наземного базирования. Здесь бы действовала та же логика. Китай был бы удовлетворен тем, что он стал равен двум традиционным ядерным сверхдержавам, а Россия и США имели бы, помимо этого, еще много другого. Они тоже могли бы на это пойти, учитывая, что стационарные ракетные силы России через 10-15 лет не будут превышать нескольких сотен единиц: по боеголовкам 200-300, максимум 400. Соединенные Штаты тоже будут по Договору СНВ-2 сокращать их до 500, а в перспективе, — может, и ниже, а по СНВ-3, наверное, еще ниже — до 300.

Здесь та же логика. Мы выбираем какие-то конкретные параметры, которые реально являются очень важными, а на самом деле всех сторонников этих трех моделей вот таким хитрым образом удовлетворяют. Это один возможный вариант.

Другой вариант несколько иного плана. Он все-таки больше соответствует идее так называемого “подключения”, и он бы мог состоять в том, что Россия и Соединенные Штаты сокращают по договоренности свои силы ниже уровня СНВ-2, может быть, даже ниже уровня СНВ-3, который сейчас намечен, скажем до полутора тысяч — тысячи боеголовок и при этом на параллельных переговорах договариваются о том, чтобы часть этих сил перевести как бы в резервное состояние путем понижения боеготовности, путем их обратимой деактивации. Тогда Россия и США, мне кажется, вполне могли бы пойти на то, чтобы иметь в боеготовых силах несколько сот боеголовок, плюс еще где-то тысяча в резервных силах, которые были бы под контролем, деактивированы и небоеготовы.

Тогда можно было бы заключить пятистороннее соглашение об ограничении сил каждой из пяти ядерных держав, может быть, до нескольких сотен боеголовок, что давало бы также право третьим ядерным державам развернуть их гораздо больше в неактивном состоянии, чего они, конечно, никогда в жизни не стали бы делать, потому что никто не развертывает стратегические силы, чтобы снять с них боеголовки и понизить их боеготовность. Они бы имели на это право. Это служило бы им утешением.

Что касается России и США, они бы имели несколько сот боеготовых боеголовок, столько же, сколько и третьи ядерные державы, но знали бы, что де-факто, как сейчас говорят, виртуально, они остаются все-таки сверхдержавами, потому что сверх этого у них еще есть резерв в тысячу или больше боеголовок, которые в случае возникновения угрозы безопасности в течение нескольких месяцев или года могут быть возвращены в боеготовое состояние достаточно быстро.

Таким образом, когда я говорил насчет ограничения равными потолками боеголовок на стационарных ракетных силах России, США и Китая, я еще здесь имел в виду и возможность контроля. Как известно, у Китая гораздо меньше возможностей контроля над соглашениями в силу меньшей развитости его космических средств наблюдения. Наверное, единственное что они могли более или менее надежно контролировать, это стационарные ракетные установки, координаты которых известны, не меняются, которые можно хорошо видеть со спутников. Это еще один довод в пользу выбора именно этого подхода.

Эти пути, мне кажется, надо начинать обсуждать, потому что опыт показывает, что согласование между ведомствами зачастую у нас гораздо больше отнимает времени, чем согласование вопросов с другими державами. Прорабатывать и, может быть, начинать предварительные консультации по этому вопросу с тем, чтобы приспособить нашу совершенно оправданную идею многополярного политического и экономического мира к идее сохранения особого статуса России более-менее “на равных” с США, какой-то квази-биполярности в области ядерных вооружений.

В.А.НИКОНОВ: Мне показалось выступление Алексея очень интересным, хотя, честно говоря, есть большие сомнения, что Франция или Китай пойдут на какие-то переговоры о контроле над вооружением. Я не совсем уверен в правильности тезиса о том, что те государства, для которых будет установлен потолок в тысячу, не станут производить ракеты для того, чтобы, скажем, снимать с них боеголовки и деактивировать, скажем, ракеты, не переводя в небоготовое состояние как раз ту часть, которая подлежит модернизации. Тем самым они вполне могут наращивать количество своих боеголовок.

Тем не менее это был доклад, на мой взгляд, на одну из ключевых тем, связанных с ядерным балансом. У нас же более глобальная, я бы сказал, футуристическая тема. Учитывая это и имея в виду лимит времени, я постараюсь очень тезисно определить какие, на мой взгляд, факторы в ближайшем обозримом, и может быть, и не только в ближайшем обозримом будущем, будут влиять на роль и место отдельных государств в мире по сравнению с представлениями о традиционной геополитике.

Итак, что мы наблюдаем? Происходит, во-первых, очевидное снижение значимости базовых геополитических характеристик, то есть факторов географического местоположения, величины территории, ландшафтов, количества населения.

Сохраняют свое значение и, вероятно, еще долго будут сохранять свое значение факторы, связанные с военными потенциалами государства. И в то же время происходит совершенно очевидно скачкообразное повышение влияния невоенных факторов силы, прежде всего, экономического, научно-технического и информационного.

По существу, сейчас борьба идет за контроль не над территориями, а над транснациональными, финансовыми, информационными и интеллектуальными потоками. Идет борьба за воздействие на принятие решений в глобальном масштабе. Экспансия становится все менее военной и все более экономической и культурной.

Малые страны, которые некогда были изолированы от цивилизованного мира в силу каких-то огромных пространств, но ныне обладающие крепким научно-техническим, финансовым потенциалом, способны играть в мире более весомую роль, чем крупные государства, обширные по территории, располагающие огромными армиями, ядерным оружием и необъятными природными ресурсами, как Россия.

Наиболее быстро растет значимость экономических процессов и их глобализация. По существу, сейчас именно экономика детерминирует, если хотите, физические реальности, геополитические реальности существования стран и отдельных народов.

В связи с явным ускорением интернационализации экономических процессов по существу сейчас в развитых странах не столько правительство и советы обороны занимаются

геополитикой, сколько транснациональные корпорации, которые контролируют уже треть мировой торговли, занимаются геоэкономикой. И вполне, на мой взгляд, оправдано мнение о наступлении эры “realэкономики”, которая приходит на смену эры “realполитики”.

К чему приводит такая растущая роль экономических процессов? Прежде всего к тому, что сами эти экономические процессы очень динамичны и сама динамичность экономических процессов, которые могут вести очень быстро к подъему отдельных государств или к падению других государств, определяет и достаточно высокую нестабильность геополитической ситуации. С другой стороны, это означает, что явно на обочине развития остаются те страны, которые не могут или не хотят вписаться в фактически уже сложившуюся систему универсальной экономики.

Второй по значимости процесс, который определяет современный порядок, это, безусловно, информационная революция. За последние десятилетия возникло новое мировое коммуникативное сообщество, которое очень связано всеми системами новейшей связи. И поэтому близость государств теперь определяется не географией, а тем, насколько эти государства вписаны в систему телекоммуникаций. И поэтому выпадение или недостаточная включенность в это глобальное информационное пространство чреваты непоправимым отставанием и полной утратой возможностей оказывать какое-либо информационное воздействие.

Третьим фактором я бы назвал научный, научно-технический потенциал. И по своей значимости он опережает уже состояние, скажем, производящего сектора или объем природных ресурсов. Прикладная наука — она уже прямо выходит и в экономику, и в военное дело. Это относится и к прикладной общественной науке, которой мы сейчас занимаемся, роль которой во всем мире для определения силы государства очень важна, потому что только она может обеспечивать правильное стратегическое планирование и выработку рационального геополитического поведения.

Сейчас, к сожалению, по этому показателю Россия скатывается все дальше и дальше, и если сравнивать, скажем, расходы на НИОКР в России и в Соединенных Штатах, то картина получается очень печальная. Фактически наши полмиллиарда на 200 миллиардов в Соединенных Штатах Америки.

Военная сила государства. Безусловно она остается весомым фактором, и сфера ее применения или угроза применения, в общем-то, не сокращается. Новыми тенденциями являются сейчас интернационализация военных операций, дальнейшая глобализация средств обнаружения и подавления, развитие межконтинентальных средств переброски войск, высокая вероятность нового этапа качественной гонки вооружения, в том числе ядерной. Безусловное военное доминирование Соединенных Штатов Америки, которые, конечно, могут себе позволить расходовать на оборону в десятки раз больше средств, чем любая другая страна мира, в том числе и Россия. Локализация военных конфликтов и повышение их интенсивности. На мой взгляд, большинство из этих тенденций не повышают влияние России в мире.

Среди факторов общественно-политических сил государства в новом миропорядке на первый план выдвигается, на мой взгляд, такой фактор, как качество населения, его культурно-образовательный уровень, физическое состояние, а также внутренние факторы, связанные с эффективностью

существующего политического режима и мобилизующей или “раскальвающей” роли религии внутри страны.

Следствием этой растущей экономической информационной глобализации является увеличение роли тех политических решений, которые принимаются над национальным уровнем. И причем не столько в рамках старых универсальных систем, таких как Организация Объединенных Наций, ОБСЕ, которые, напротив, приобретают все более декоративный характер именно в силу своей универсальности, сколько на уровне ведущих государств и реальных “центров силы”, например, на уровне “семерки”, которая очень скоро может стать “восьмеркой”. Как нам сказали с Сергеем КОРТУНОВЫМ в Совете национальной безопасности, там уже СНБ заказал майки и шапочки “Джи Эйт”, которые будут активно распространяться в Детройте, чтобы порадовать Президента Ельцина и всю российскую общественность. Но это не меняет того факта, что мир все больше разделяется на страны, которые выполняют роль “мозга” и те, которые выполняют роль других частей “тела”. Даже в случае нашего включения в число “Джи Эйт”, я думаю, что у России будет не так много шансов выполнить мозговые функции, хотя очень хотелось бы. Но без “Джи Эйт”, я думаю, у нас вообще этого шанса просто может не быть. Участие или неучастие государства в выработке и в принятии решений в рамках этого “клуба избранных” будет одним из определяющих показателей места страны в новом миропорядке.

И последнее. Конечно, Соединенные Штаты Америки остались единственной страной, которая способна претендовать на глобальное доминирование. И с этой точки зрения вообще разговоры об однополярности, однополярном мире, с которым мы собираемся бороться, уместны. Но в то же время нельзя не учитывать, что возможность Соединенных Штатов реально влиять на положение дел в мире, безусловно, неабсолютная. Существуют и другие “центры” и силы, и конкуренция ведущих государств между собой. Объективно существует Китай, как “центр силы”, существует Япония, как “центр силы”, Западная Европа, как “центр силы”, поэтому мир, объективно многополярен.

Более того, по мере исчезновения спланированного фактора коммунистической угрозы, многополярность только нарастает, прежде всего, потому что между различными “центрами” растут различия в оценке возможного спектра вызова и угроз. Скажем, Япония уже видит угрозы несколько иначе, чем Великобритания. Раньше у них был общий враг — коммунизм, сейчас этого врага нет, и объективно разброс интересов становится больше.

Поэтому можно говорить о том, что отношения между “центрами” экономической и военной мощи, характеризуются сочетаниями партнерства, конкуренции и соперничества. И мнение о многополярности мира, как о существующей реальности, мне представляется более справедливым, чем мнение о том, что сейчас существует однополярный мир, где полным преобладанием пользуются Соединенные Штаты Америки. Этого, безусловно, нет. Посмотрите, какие сейчас в Америке идут острейшие дебаты по отношениям с Китаем; посмотрите какой дефицит внешней торговли Соединенных Штатов, 40 миллиардов долларов в год, причем он растет.

Поэтому, на мой взгляд, многополярный мир, это то, что уже существует. Однако до сих пор нельзя говорить о сложившейся эффективной системе регулирования этого многополярного мира, как нельзя уже, увы, говорить о том, что Россия является одним из полюсов этого многополярного мира, прежде всего, из-за своего экономического положения. Если даже

экономика в России стабилизируется в течение самых ближайших 5-10 лет, Россию, безусловно, обгонит такая страна, как, скажем, Таиланд, которая не может рассматриваться в качестве полюса в многополярном мире, но будет обладать гораздо большим или не гораздо большим, но, во всяком случае, большим экономическим потенциалом, чем Российская Федерация.

С.В.КОРТУНОВ. В современном мире, где все еще не утратили своего значения силовые факторы, Россия не может позволить себе изоляцию. Интеграция в мировой рынок, причем в качестве великой державы, а не на положении “бедного родственника”, — это главная ее стратегическая линия на предстоящие годы. В идеале России нужны надежные партнеры, мощные, сильные, предсказуемые, способные в случае необходимости оказать ей реальную поддержку. И искать их логичнее прежде всего среди наиболее развитых в экономическом отношении государств, с прочно устоявшимися демократическими традициями.

Вместе с тем следует в полной мере отдавать себе отчет в том, что ни с одним из существующих или формирующихся основных “центров силы” — таких, как США, Китай, Западная Европа и Япония -Россия вряд ли может рассчитывать на прочный стратегический союз. Это подтверждает и история: все внешнеполитические, военные и экономические “союзы”, выстраивавшиеся с этими “центрами” когда-либо Россией, рассыпались гораздо быстрее, чем успевали окончательно сойти со сцены поколения политиков, заключавших их. При всей их неравнозначности эти “центры” объективно являются геополитическими, экономическими и военными оппонентами и по отношению к России, и по отношению друг к другу. Оптимальной политикой для нас поэтому является поддержание динамичного равновесия между ними, в условиях которого, при взаимном сдерживании этих “центров силы” Россия получает перспективы для достаточно широкого и вместе с тем не обременительного в экономическом отношении внешнеполитического маневра. Это значит, что ей не следует вступать в конфронтацию ни с одним из этих “центров”, ни впадать в одностороннюю зависимость. Генеральной стратегией для России в ближайшие десятилетия представляется “стратегия равноприближенности”.

Хотя вышеупомянутые “центры” не могут быть стратегическими союзниками России, некоторые из них — в потенциале — способны стать ее важными партнерами прежде всего в решении вопросов обеспечения международной безопасности.

Отсюда вывод: в отношениях с этими “центрами” следует перейти к прагматичной и взвешенной политике. В частности, необходимо четко разграничить сферы жизненно важных интересов, по возможности договориться о взаимном невмешательстве в эти сферы, а также определить реальные сферы взаимодействия по стратегическим вопросам, представляющим долгосрочный взаимный интерес. Применительно к отношениям с США к таковым, в частности, относятся: стратегическая стабильность, нераспространение ОМУ и средств его доставки, предотвращение и ликвидация региональных конфликтов, военно-техническое сотрудничество, разоружение и контроль над вооружениями. Российско-китайские отношения: стабильность и безопасность в АТР, военно-техническое и широкое экономическое сотрудничество. Россия - Западная Европа (прежде всего Германия): формирование системы европейской безопасности интеграция России в

основные европейские институты, трансформация НАТО, экономическое и технологическое сотрудничество, экология. Российско-японские отношения: совместное освоение российского Дальнего Востока, а также Восточной Сибири, богатств мирового океана.

При этом следует иметь в виду, что каждый из “центров силы” подспудно заинтересован в широком взаимодействии с Россией в целях сдерживания других “центров” и недопущения возникновения новых сверхдержав — будь то в военно-политическом или экономическом измерении.

Вместе с тем надо отдавать себе отчет и в том, что хотя “планка” партнерства ниже, чем “планка” стратегического союза, она все же выше, чем “планка” сотрудничества. Для сотрудничества достаточно совпадения прагматических интересов. Например, СССР и США активно сотрудничали в годы холодной войны в таких важнейших вопросах как предотвращение ядерной войны, контроль над вооружениями, нераспространение ОМУ. Партнерство предполагает иную основу. Это либо гомогенность (полная однородность) общественного устройства, либо, по крайней мере, согласие в фундаментальных принципах, определяющих внутреннюю и внешнюю политику сотрудничающих государств. Это близость именно стратегических интересов геополитического или экономического характера. Это, наконец, высокий уровень взаимопонимания. Очевидно, что Россия и другие “центры силы” находятся лишь в самом начале пути к такого рода модели взаимодействия. Достигнутый к настоящему времени уровень практического сотрудничества России с США, Германией, даже Китаем, не говоря уже о Японии, еще далек от настоящего партнерства, предполагающего, помимо перечисленных условий, еще и способность выработать общую политику в отношении третьих стран.

Равноправное партнерство подразумевает и механизм консультаций при принятии решений, а также органы постоянного взаимодействия на рабочем уровне. В этой связи России необходимо создавать надежную инфраструктуру взаимодействия с вышеперечисленными “центрами и странами. Имеется в виду система разного рода согласительных комиссий и подкомиссий, комитетов, регулярных рабочих встреч на всех уровнях, которые, как показывает практика, выступает мощным регулятором партнерства внутри индустриального мира и одновременно его амортизирующим механизмом, служащим гарантом его прочности.

Сейчас уже ясно: наши попытки добиться стратегического союза с США не увенчались успехом. Исходя из этого, необходимо переформулировать принципы стратегического взаимодействия с Соединенными Штатами, отойдя от формулы “ведущий-ведомый”. Это будет очень непросто, хотя бы потому, что американская внешнеполитическая традиция вообще не знает такого феномена как партнерство между реально равными. Весь опыт партнерства американской дипломатии вобрал в себя практику сотрудничества со странами, многократно более слабыми, чем сами США. Самые яркие примеры партнерства США с Японией и Германией связаны с полным разгромом этих стран во второй мировой войне. Это было “партнерство с позиций превосходства”, означающее перераспределение финансового бремени в пользу союзников при безусловном лидерстве старшего партнера.

Наши отношения с Китаем ни в коей мере нельзя ни идеализировать, ни упрощать. Они могут быть чреваты и весьма опасными конфликтами, особенно в перспективе. Достаточно взглянуть на карту (общая граница превышает четыре тыс.км),

чтобы понять насколько сильным может быть в обозримом будущем давление на наши дальневосточные и сибирские территории демографического гиганта, население которого через пять-шесть лет будет превышать население России ни много ни мало, но в десять (!) раз. В настоящий же момент пограничные вопросы между Россией и КНР в основном решены, двусторонние отношения ровны и стабильны и по всем имеющимся оценкам основной вектор военно-политических усилий Китая в ближайшие годы не будет направлен в сторону России. Китай заинтересован в поддержании, как минимум, нормальных с ней отношений, в том числе и с учетом того, что после распада СССР он оказался в положении главного оппонента США и Запада в целом. В геополитическом, историческом и культурно-цивилизационном плане такое противостояние вполне закономерно, и китайцы его предвидели уже давно. Но произошло это слишком рано, когда Китай к нему оказался еще не готов.

Используя эту ситуацию, мы могли бы активизировать российско-китайское взаимодействие по целому ряду вопросов, в особенности с учетом определенной взаимодополняемости экономик дальневосточного региона России и северо-востока КНР. В геополитическом плане такое сближение могло бы осуществляться как совместная реакция на попытки усиления США и НАТО не только в Европе, но и в других районах мира, которую, однако, нельзя доводить до сползания к военно-политическому альянсу на антизападной основе.

Не следует забывать, однако, что линия китайского руководства в отношении России может стать составной частью его долгосрочной стратегии, направленной на выигрыш времени — обеспечение благоприятных международных условий для накопления сил, наращивания экономической и военной мощи до такого уровня, который гарантировал бы ему доминирование в АТР, а в дальнейшем — и в глобальном масштабе. В этих условиях наиболее привлекательным для Пекина в политическом плане было бы втягивание России в сдерживание США и Японии, в том числе и за счет ухудшения ее отношений с этими странами.

Успех нашей внешней политики в целом во многом будет зависеть от ее сбалансированности на западном и восточном направлениях. В то же время необходимо вместе с Западом работать над созданием системы связей, вовлекающих Китай в традиционные международные механизмы, в особенности режимы нераспространения (РКРТ, Вассенарские соглашения, Австралийский клуб и т.д.) с тем, чтобы связывать растущую роль Китая соответствующими международными обязательствами. После неудачной попытки заключить стратегический союз с США многие российские политики рассчитывают теперь на некий стратегический союз с Германией — как ядро европейского “центра силы”. Хотя во многом она все еще занята “перевариванием” бывшей ГДР, уже сейчас Германия занимает ключевые позиции в ЕС, обладает крупнейшей армией среди европейских держав НАТО и, в случае ослабления американского военного присутствия в Европе, ее влияние в альянсе, несомненно, будет возрастать. При этом Германия остается одним из главных торговых партнеров России. Нет в российско-германских отношениях и видимых перепадов, как это происходит в отношениях между Москвой и Вашингтоном.

Но на каких условиях возможно реальное партнерство с этой страной? Речь не идет о новом Раппало. Главным приоритетом Германии остается Европейский Союз, а в более широком смысле — экономическая, политическая и военная консолидация Европы. Для Германии предпочтительно строить будущую Европу через расширение и укрепление уже

существующих структур — европейской составляющей НАТО, ЕС и ЗЕС, в которых Россия не представлена и вряд ли будет представлена в обозримом будущем. Если в 1987 году СССР превосходил ФРГ по производству валового продукта примерно вдвое, то сейчас Россия в три раза уступает по этому показателю объединенной Германии. Из этой схемы возникает явная перспектива такого “посредничества” Германии, при котором Россия должна дать согласие на полную экономическую и военную интеграцию Центральной и Восточной Европы, а возможно, и стран Балтии в НАТО. Не случайно вопреки обоснованным возражениям и опасениям России, Германия не только не попыталась ввести политику блока в разумные рамки, но и выступила в числе активнейших сторонников его расширения.

В то же время нельзя не видеть, что в Германии понимают, что от состояния германо-российских связей во многом будет зависеть не только европейская стратегическая стабильность, но и возможность Бонна достичь своих политических целей в Европе. Там не в восторге от политики США в Европе и, как справедливо считают немцы, решение целого ряда вопросов европейской безопасности, следует строить не в интересах одних лишь США. По мере превращения Германии в крупнейшую европейскую державу она будет проводить все более независимый курс, что неизбежно приведет в перспективе к обострению германско-американских отношений.

В Германии осознают и то, что без взаимодействия с Россией, способного дать Европе необходимую глубину экономического пространства и практически неисчерпаемые запасы полезных ископаемых, не обойтись. В Германии яснее, чем где-либо еще, понимают риск, связанный с исключением России из Европы.

Основополагающий для российско-германских отношений Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве от 9 ноября 1990 г. устанавливает своей статьей 5, что целью усилий обоих государств является “превращение Европы в единое пространство права, демократии и сотрудничества в области экономики, культуры и информации”. Это означает что российско-германское взаимодействие может прокладывать путь к Большой Европе.

Что касается Японии, то продолжать поиск решения существующей территориальной проблемы, разумеется, необходимо. Вместе с тем, решать территориальные вопросы в период, когда российское государство ослаблено, было бы неправильно и контрпродуктивно.

Успешное развитие российско-японских отношений во многом будет зависеть от того, насколько обе страны будут проводить независимую от других “центров силы” политику по отношению друг к другу.

Что касается Японии, то это прежде всего ее “стратегический союз” с США. Японо-американские отношения сейчас, однако, тоже не столь уж безоблачны. США приходится платить все более высокую политическую цену за сохранение в Японии своих военных баз. Да и японцы все активнее стремятся выйти из-под опеки старшего партнера. Как пример — укрепившаяся в японском руководстве линия на то, что территориальная проблема — это сугубо двусторонний российско-японский вопрос, и “посредничество” Соединенных Штатов может носить лишь ограниченный характер.

Все эти факторы, взятые в совокупности, позволяют сделать вывод о том, что отношения с Японией — это важнейший стратегический резерв российской внешней политики. И надо

лишь грамотно им распорядиться, выбрав для этого подходящий момент.

В.З.ДВОРКИН: Когда мы говорим о многополярном мире, мы как-то всегда упускаем из виду масштабы этих полюсов, потому что есть Эверест, а есть Кавказские горы. Колоссальную разницу в этих полюсах нужно всегда учитывать.

Меня потрясло стремление США к глобальному политическому влиянию. Мы только что обсуждали вопрос с американцами об использовании энергетики Каспийского бассейна, и американцы откровенно заявляли, что в связи с тем, что у них основная часть нефти сейчас идет из Персидского залива, а этот район все-таки неустойчив, они крайне заинтересованы в том, чтобы в полной мере использовать Каспийский бассейн. Они говорят, что эта сфера их стратегических и политических интересов. При этом называют Казахстан и все прилегающие страны. И наши разговоры о том, что Казахстан находится не в меньшей степени в сфере интересов России, у которой там живет половина россиян, и где имеется, помимо Байконура, очень большая военная инфраструктура, без которой мы просто не можем существовать, не производят на них никакого впечатления.

Теперь, если касаться той области, которую отобрал у меня Алексей Арбатов. Я хотел бы в этой части не согласиться с ним в тех местах, где он говорил о том, что Франция и Англия могут наращивать свои ядерные силы. В Англии, между прочим, примерно года полтора-два тому назад после ухода Маргарет Тэтчер развернулось очень сильное движение вообще за то, чтобы Великобритания стала безъядерной страной. Говорят, что никто не доказал того, что ядерное сдерживание за 50 лет предотвратило что-то. Это совершенно не совпадает с нашими постоянными представлениями о том, что именно ядерное сдерживание сдерживало большие войны в Европе.

С.В.КОРТУНОВ: Мы не всегда так думали.

В.А.НИКОНОВ: Тэтчер так думала.

С.В.КОРТУНОВ: Когда Тэтчер так думала, мы так не думали.

В.А.НИКОНОВ: Мы думали, но скрывали.

В.З.ДВОРКИН: То, что англичане и французы будут стремиться здесь к какому-то балансу, даже относительному, региональному, у меня вызывает очень сильное сомнение. Уже после начала процесса “СТАРТ-1” они сократили свои программы, каждая страна на одну лодку, а французы убрали все наземные ракеты. У меня сложилось твердое мнение о том, что (кстати, это не только мое мнение; мы всегда составляем регулярные прогнозы, это делается целой системой институтов — порядка двух десятков) никакого увеличения ядерных сил во Франции не будет. Я не говорю уже о том, что у англичан движение в пользу безъядерного мира может нарастать.

Да и американцы все меньше и меньше делают ставку в своей военной доктрине на ядерную силу. Для этого есть все основания, поскольку многократное преимущество в силах обычного назначения позволяет им не только осуществлять “удвоенное сдерживание”, но и вмешиваться в любые конфликты, решать их по своему усмотрению. Поэтому я еще раз подчеркиваю, сейчас существует один полюс, практически недостижимый,

Мы слышали прогноз американцев о том, что в 2010 году Китай по ВВП составит 30 процентов от американского. Мне известны и другие прогнозы, тоже американские, где сказано было о 70-80 процентах. Они выстраивали иерархию из примерно 50 стран, Россия была где-то там в третьем десятке, не в начале, а в конце, а Китай вплотную приближался к Соединенным Штатам. Возможно, мы недооцениваем развитие технологий в Китае. Нам все кажется, что они так и будут пользоваться долгое время нашим устаревшим вооружением, нашими устаревшими технологиями, хотя технологии у них в гражданских отраслях сделали значительных шаг вперед. А теперь во многом гражданские технологии определяют и военные технологии. Американцы, во всяком случае, давно уже это поняли и в развитии боевых технологий даже больший упор делают на технологии гражданские. Я был свидетелем испытаний фрагментов китайских боеголовок и наших, экспериментальных. Я был потрясен тем, что уровень их технологий выше, чем у нас. Китайцы вышли “в отрыв” по многим критическим технологиям. Мы никогда не предполагали того, что они могут каким-то образом от нас оторваться.

У американцев сейчас нарастает антиядерное движение. Это не какая-то группа, а это очень мощное движение, которое некоторые из них сравнивают с “революцией сверху”, которую начали Кренсон вместе Либахером. Они не называют это какой-то группой, они говорят о том, что это движение, которое набирает большую силу. З.Бжезинский сразу от него откололся: концепция для него не подходила. Они даже разругались с Г.Киссинджером, и Киссинджер ушел с последнего совещания, сказав, что он больше не будет принимать в этом участия.

Либахер и Кренсон говорят вообще о безъядерном мире, что нужен безъядерный мир. И что нужно очень тесно сотрудничать с Россией по всем направлениям. Я им сказал, что для России совершенно не подходит движение к безъядерному миру, но мы имеем в виду то, что у России и США должно быть не больше 1000 боеголовок. Должны быть разные стандарты для России и США, потому что, если вы будете говорить нам о безъядерном мире, у нас никто никогда этого не поймет, не согласится. Поэтому лучше говорить о 1000 боеголовок, это более или менее приемлемый уровень для нас, не только более приемлемый, а вообще, может быть, единственно возможный с учетом нашей экономики. Может быть, Сергей КОРТУНОВ подумает, как нам кооперироваться с этим движением. Это поможет оказывать влияние на американскую администрацию, потому что там очень влиятельные люди могут расколоть конгресс, американскую элиту в целом.

И последнее, что я хотел бы сказать. Я совершенно не разделяю оптимизма Алексея по поводу того, что, можно, подключить к переговорному процессу французов и англичан. То, что это практически совершенно нереально для Китая, ясно. А вот Китай как раз, претендуя на роль “центра силы”, в том числе и военной, может очень быстро, относительно быстро, к 2010 году довести свой ядерный потенциал до такого уровня, который будет для России недостижим. Китайцы, я думаю, могут нас догнать и перегнать. Ограничений для них нет.

С.В.КОРТУНОВ: Все-таки одно ограничение есть, я прошу прощения. Это Договор о запрещении ядерных испытаний.

В.З.ДВОРКИН: Это никакого значения не имеет, потому что у них достаточно боеголовок, которые они могут устанавливать без всяких ограничений. Они позволяют

совершенствовать ядерное оружие. Китай как “центр силы”, может приближаться значительно ближе к американцам, чем это можем делать мы. Еще не известно “против кого нам нужно будет дружить”.

Что касается вовлечения французов и англичан в переговоры, то здесь нужно не прямое вовлечение, а нужно попытаться внедрить хотя бы некоторые элементы из тех, которые в огромном количестве выработаны в “СТАРТ-1”, сотни разных положений по транспарентности, по контролю. Хотя бы начать с того, чтобы французы и англичане объявляли о запусках своих ракет. Это важно для наших систем предупреждения. Допустить какие-то инспекционные элементы. Это позволит в конечном итоге когда-нибудь втянуть их и в переговоры не только по ограничению, но и по контролю и по сокращению ядерных вооружений.

А.И.ВЛАДИМИРОВ: Я, к сожалению, опоздал и поэтому не понял, зачем А.Арбатов предлагал втягивать Англию, Францию и Китай в переговоры.

Основные проблемы, которые сейчас лежат в области нашей национальной безопасности никак не учитываются. Это проблемы геэкономии. Геополитика есть квинтэссенция геэкономии. Мы все-таки великая держава и обречены ею быть. Но у нас нет никаких позывов к тому, чтобы решать проблемы своего геэкономического выживания через встраивание в те органы, мировые структуры, которые принимают глобальные решения. Вот почему нас постигают регулярные неудачи в ООН, ОБСЕ. Нас будут постигать такие же неудачи, будь мы восьмым членом “семерки”. Перед нами лежат какие-то стратегические цели. И если мы ставим перед собой цель выживания в той ситуации, которая есть, мы должны понимать, что у нас нет средств для того, чтобы достичь уровня “величия” по другим параметрам, кроме территории.

Надо принять другую стратегию. Ведь одно дело, если мы будем сейчас лихорадочно пытаться не давать новые технологии, скажем, Китаю, разговаривать с Францией и с Великобританией об их ядерных стратегиях, которые сами по себе ужасны. Если вы читали “Геостратегия Франции”, то она предусматривает проведение демонстрационных ядерных взрывов (непонятно на чьей территории) в качестве акции “устрашения”. Они могут ответить на вопрос, зачем и на чьей территории они это будут делать.

Что такое стратегия? Во-первых, в чистом виде это участие в связывании рук наших геэкономических, геополитических, геостратегических партнеров — друзей своим участием в операциях разного рода; в совместных крупных экономических проектах, от которых будет польза всем, но которые невозможно потом будет разрушить. К примеру. Создание на нашей базе, скажем, космодрома “Свободный”, аэрокосмического международного аэропорта. Это был бы такого рода масштабный проект, от которого отказаться невозможно. То же самое по транспортным магистралям, энергетическим программам. Во-вторых, нужно, конечно, внедряться в систему финансовых, информационных потоков, куда у нас сейчас просто не пускают.

Военная сила. Говорят, что генералы готовятся к прошлой войне. Сейчас вообще никто ни к чему не готовится, все выживают. Сейчас то, что определяется программой вооружения до 2010 года, тоже никто не читает и не знает. Будет ли она выполняться, если один самолет купить невозможно.

Там нет ничего такого прорывного, во что можно было бы вкладывать деньги и на основе чего строить новые Вооруженные Силы.

В.И.МИЗИН: Мне кажется, что если брать с точки геостратегической, США были и продолжают оставаться единственным на нынешний момент, к счастью или, к сожалению, “центром силы”, который может практически навязывать свою волю любым другим “центрам”, идет ли речь о западной Европе, или Японии. А они, конечно, являясь какими-то важными с экономической точки зрения образованиями, с точки зрения военной и стратегической, играют роль довольно подчиненную, что показали, на мой взгляд, все последние более-менее крупные конфликты.

Кстати, я вообще не согласен, что у нас есть ВПК. Если дальше так пойдет, никакого ВПК больше в России не останется, также как никаких систем, скажем, космического запуска. Если никаких не будет предпринято усилий, то на месте Запада, я просто ничего бы не делал, а ждал, даже давая какие-то “транши”. Еще пять лет такого развития — и Россия как фактор, не то, что там полюс какой-то, а как фактор вообще экономически важный — перестанет существовать. Мне кажется, что над этим надо думать, потому что можно, я согласен с господином Никоновым, можно красивых слов много говорить о полюсах, о чем-то, но речь идет, по-моему, о выживании нас, не только как полюса, а чисто как страны.

В.Н.СПЕКТОР: В рамках нашей вновь испеченной Академии есть некая аналитическая группа. С ее точки зрения представляется, что Россия по-прежнему является глобальной сверхдержавой. С точки зрения ее геополитической ситуации и научного потенциала, мы довольно давно уже, с середины перестройки, отошли в региональные державы. С точки зрения экономики и системного государственного управления, государственной системы принятия решений и государственного управления, мы находимся на уровне средних, а может и ниже средних стран третьего мира.

Я не соглашусь с точкой зрения, что мы опоздали к концепции национальной безопасности. Поскольку то, что создано, назвать концепцией национальной безопасности нельзя, то это все равно придется делать заново. Хотя Конституцией не предусмотрено утверждение концепции национальной безопасности законодательными органами, в таком важнейшем для страны вопросе обойти это не удастся.

Мне уже приходилось по “Маяку” обсуждать крайне странное заявление заместителя секретаря Совета Безопасности, Который на весь мир сказал, что если мы будем загнаны в угол, то мы первыми применим ядерное оружие. А где мы сейчас? И не удивительно, что мои американские коллеги сразу начали звонить и говорить: “Что сейчас, что ли, пускать собираетесь?” Проще немедленно ползти на кладбище, чтобы не создавать панику.

С точки зрения нашей внутренней концепции мы слишком долго себя считали великой ядерной державой, сбрасывая со счетов, что мы являемся великой державой лишь по комплексу стратегических сил. Ядерное оружие с нашей точки зрения не является оружием поля боя и вообще оружием войны. Это оружие политического шантажа, а потом “оружие возмездия из могилы”, потому что для реальных военных действий нет никаких пороговых барьеров для ограничения развертывания. Как только вы примените хотя бы какой-то из видов ядерных вооружений, логика военных действий неизбежно ведет к тому, что идет развертывание от оружия поля боя к тактическому

оружию подавления стратегических инфраструктурных объектов, а потом, когда, как говорится, кто-то из партнеров в ходе этого обмена загнан в угол, идет применение стратегических вооружений. Никуда от этой логики деться нельзя, анализ, выполненный в свое время еще в службе Начальника вооружений Советской Армии показал, что таких барьеров не существует.

С другой стороны, развитие науки и техники привело к тому, что даже в ходе наших межакадемических обсуждений по технологиям двойного назначения мы пришли к неизбежному выводу, что в настоящее время для экономически развитых стран или даже недоразвитых, но имеющих некую экономическую инфраструктуру, к стратегическим средствам, к оружию массового уничтожения следует также отнести вооружения, которые, будучи использованы по отношению к химкомбинатам, биокмбинатам, атомным электростанциям и плотинам, вызывают поражение, сравнимое с применением ОМУ.

С другой стороны, химическое оружие, “оружие для бедных” в настоящее время получило такое развитие, которое делает его несравненно более эффективным, чем ядерное оружие. Биологические вооружения, особенно так называемые биологические вооружения отдаленного действия. Сейчас говорить, как на одном из совещаний сказал генерал А.Макашов, “Слушайте, мы никому не позволим ослабить наш ядерный щит”, представляется странным. Нужно иметь возможность держать этот щит хоть в ослабленном виде, а не накрываться им. Прикрываться, а не накрываться этим ядерным щитом. Это очень важно.

Дело все в том, что ядерное оружие интересно тем, что оно является наиболее дешевым из всех видов вооружений. Но его содержание по опасностям, с которыми оно связано, по системам контроля и управления оказывается все-таки довольно дорогим и требует очень хорошо развитой инфраструктуры не только экономической, но и инфраструктуры управления. Печальная констатация в отношении нашего военно-промышленного комплекса мне представляется неоправданной. В недрах нашего военно-промышленного комплекса существует масса наработок, как доставшихся нам еще со времен Советского Союза, так и разработанных позднее. Беда состоит в том, что у нас идет недофинансирование опытно-конструкторских работ и, таким образом, не наш космический истребитель, который был разработан как противодействие СОИ как крайне эффективное и крайне дешевое средство, а целый ряд других систем так и не были запущены дальше чертежей.

По экономике. Безусловно, необходимо согласиться с тем, что национальная безопасность включает как свою основу экономику, но не только. И культуру. Сейчас появилась так называемое конфессиональное оружие, то есть оружие воздействия на коллективную психику, на психику народа. Но для того, чтобы мы могли противодействовать этому оружию, воздействующему на сознание, оружию, воздействующему на психику людей, мы должны все-таки как-то подумать о том, что у нас настолько не гармонизировано национальные отношения, национальная политика, что у нас из 196 народов, проживающих на территории Российской Федерации только 50 упомянуты в каких-то законодательных актах. Среди упомянутых нет русского народа, это абсолютно точно. Из 34 народов в этих странах, например, в законодательных актах упомянуты только пятнадцать. А мы удивляемся тому, что у нас возникают конфликты.

Более того, скажем, совместно с Союзом ветеранов Афганистана четыре года назад мы предложили к рассмотрению первой Государственной Думе проект Закона об особом статусе

приграничных и угрожаемых территорий. Он не был принят, результатом явилась и Чечня, и то, что сейчас бандформирования проникают с территории Монголии на территорию нашей страны на глубину до 200 километров.

В свое время бывший ведущий деятель Администрации Президента из Краснодарского края призывал казаков заниматься танцами, плясками и восстановлением культуры, а пограничными войсками, мол, единое государство займется само. Но дело все в том, что пограничными войсками заняться можно, но деньги найти на насыщение границы нельзя, в то время, как вся граница Советского Союза практически, или большая ее часть, осталась в других странах. Эта граница имела насыщенную систему обороны, и в том числе электронную оборону. Вся эта инфраструктура досталась кому-то. Так что мы “жену отдали дяде”. Иран воспользовался опытом Российской Империи и сейчас на своей территории вдоль границы с Азербайджаном посадил курдов, взяв Устав казачества “Российской Империи”. Это реальная геополитика в действии.

Самое главное чего у нас нет, так это системного подхода. Когда я сидел на совещании по выработке военной доктрины меня убило то, то что все ждут, что Президент скажет, в чем интересы России и какая концепция национальной безопасности? Это не его работа. Люди, которые занимаются вопросами геополитики, военной политики и военной практики, должны подготовить какие-то модели, притом не одну модель, чтобы было право выбора у политического руководства. В рамках этих моделей сделать “веер целей”, где сопоставлены затраты и достигаемые результаты.

Какие три модели нам понятны изначально?

Это, скажем, “южная модель” — Иран, Ирак и другие страны мусульманского, арабского мира. Заинтересованы они в альянсе с Россией? Да, безусловно, заинтересованы по целому ряду причин. Примет этот альянс народ или нет? Это решать должно политическое руководство и народ.

Есть у нас восточное направление — это Китай, Северная Корея, Вьетнам, Куба. Это и некая политическая переориентация. Примет это народ? Может быть, под руководством господ Ампилова и Зюганова народ и может быть поведен в этом направлении. Мыслима такая модель? Усиливает это наши позиции? Нет. Потому что ни одна страна сейчас национальную безопасность собственными силами обеспечить не может.

XX век — это век альянсов, противостояния блоков и попыток воплотить вековую мечту человечества в глобальном согласии — это Лига Наций и Организация Объединенных Наций. Но пока работают только блоки.

Да, есть еще одна модель. Тогда нам нужно по другому реагировать и на НАТО, и на все прочее — это модель альянса с европейской цивилизацией. Эта модель тоже “счетная” и ее тоже нужно смотреть: сколько она будет стоить, какие уступки придется делать? Но эта модель тоже есть.

Если в рамках каждой модели сделать “веер целей”, то можно решать. С этой точки зрения, на меня произвело глубочайшее впечатление достижение нашего Министра иностранных дел академика Примакова. Он достиг не только максимально возможного, он достиг оптимума. Он не связал нам ни руки, ни ноги в выборе моделей и обезопасил нас, эффективно обезопасил нас, от движения НАТО, хоть на Восток, хоть на Юг, хоть куда угодно. Потому что, сидя там с правом голоса, мы будем иметь полный доступ к информации. Мы не будем иметь “права вето”, но будучи страной с хорошими пока что ресурсными возможностями, мы можем всегда выбрать в каждый данный момент одного из стран членов альянса и повлиять на

него экономически, социально, как угодно. А поскольку все решения там принимаются только консенсусом, мы можем оказывать эффективное влияние. Поэтому я просто аплодировал академику Примакову.

В.М.СОЛОВЬЕВ: Понятие многополярный мир вступает в противоречие, притом в жесточайшее, с действующим международным правом. Тот же Лихтенштейн в соответствии с Уставом ООН, тоже является полюсом. Кстати, полюсом не меньшим, в соответствии с таким же членством в ООН, какими являются Россия, Соединенные Штаты и так далее.

Мне думается, что нынешнее состояние страны не позволяет нам обоснованно говорить о том, что Россия в XXI век войдет той страной, которой мы бы хотели ее видеть, хотя бы потому, что не сделан до сих пор выбор внутри страны — какое общество мы будем строить. Нельзя защищать общество, не может общество защищать себя эффективно и плодотворно, не зная о том, какие цели оно преследует в своем развитии и в своем действии, не следуя единой философии.

А.Г.САВЕЛЬЕВ: Я в целом хотел бы поддержать точку зрения предыдущего оратора. Если уже вопрос стоит о роли России, месте России в многополярном мире, то у меня возникают несколько вопросов.

Прежде всего, небольшое отступление. Раньше рассуждения по поводу общих процессов мирового развития, как мне представляется, носили гораздо более отвлеченный от практической политики характер. В Академии наук издавались толстые книги по этим вопросам, велись научные споры, но связь и влияние этой деятельности на принятие соответствующих внешнеполитических решений была достаточно слабой и не всегда носила прикладного характера. Но сейчас положение совершенно другое. Как мне кажется, буквально в ближайшие, может быть, даже месяцы, России придется принимать крайние серьезные решения, которые определяют будущее России на перспективу, может быть, на долгие десятилетия, исходя именно из этих, до сего времени, “научных” и “абстрактных” понятий о характере мировых взаимоотношений.

Теперь о главном. Сегодня в России практически все группы руководителей, ответственные за выработку и принятие внешнеполитических решений согласны с идеей многополярного мира. На самом высоком уровне было подтверждено, что Россия выступает за многополярный мир. Но что это означает с точки зрения практической политики? Как мы сегодня уже слышали, США, например, не готовы согласиться с этой идеей и, видимо, будут и в дальнейшем пытаться утвердить свое главенство в мировых делах. Из этого сразу же следует весьма конкретный практический вопрос — что нам делать в этом случае, какую политику проводить? Следует ли противостоять притязаниям американцев на лидерство в мире, или сделать вид, что это Россию “не волнует” или она этого “не замечает”?

Но в любом случае Россия должна выбирать себе партнеров, с которыми она будет играть в ту или иную игру в зависимости от ответа на названные вопросы. Сейчас мы в том состоянии, когда денег у нас особо нет и возможности игры у нас достаточно ограничены. Игра в любом случае требует ставок и не только политических, но и экономических. Из этого встает следующий не менее важный вопрос о приоритетах.

Еще один вопрос — это расширение НАТО. Каким образом России следует реагировать на этот процесс? Сейчас российский политический спектр очень широк, и существует много точек зрения по данному вопросу. Но достаточно большая

группа политиков и населения разделяет точку зрения, что мы должны резко ответить на расширение НАТО, что не нужно было подписывать никаких с ними соглашений, что не нужно ратифицировать Договор СНВ-2, нужно наращивать или, по крайней мере, не допустить резкого сокращения наших стратегических наступательных вооружений. Итак, какой же путь следует избрать и в этом случае? Осуществлять ли попытки по ограничению влияния США, противодействовать ли расширению НАТО, или “оставить все как есть” и сконцентрироваться на решении внутренних вопросов?

Сегодня мы слышали цифру. Мы тратим полмиллиарда долларов на НИОКР, а американцы — 200 миллиардов долларов в год. При ограниченности наших ресурсов вопрос о приоритетах стоит крайне остро, и уже в самое ближайшее время следует выработать и принять соответствующее решение, связанное с реализацией российского внешнеполитического курса в условиях многополярного мира.

С.Д.ЧУВАХИН: Новый этап глубокой трансформации системы международных отношений, начало которому, как это принято считать, положил распад СССР и ОВД, характеризуется появлением на глобальном уровне трех основных системообразующих тенденций.

Первую из них можно ассоциировать со стремлением “клуба победителей” в холодной войне форсированно закрепить и развить свой “успех”, иначе говоря, — обеспечить построение мира по собственному сценарию.

Вторая — это определенные перемены в рычагах взаимодействия трех” центров экономической силы”, которые сформировались в 70-е годы (США, ЕЭС, Япония), а главное, — постепенное внедрение в эту структуру еще одного центра Китая.

В качестве третьей тенденции выступает зарождение обширной “зоны неопределенности” (или “нестабильности”), простирающейся от БиГ до стран исламского мира с охватом большинства государств — бывших республик СССР.

Если взять первую тенденцию, главные составляющие которой формируют консервативно настроенные круги США, то ее проявление наиболее заметно в следующих аспектах:

- линией на “дозированное” расширение НАТО под эгидой США без видимого желания заняться реальным трансформированием этой военно-политической организации;
- упорным сопротивлением принятию и равноправному участию России в основных международных финансовых организациях (единственное светлое пятно на этом фоне — зеленый свет для участия РФ в МВФ; в целом же — курс на изоляцию России);
- поощрение или, точнее, активное содействие дезинтеграционным процессам в СНГ;
- ставка на “силовой фактор” в политике и, как следствие, — на продолжение наращивания боевой мощи вооруженных сил под предлогом защиты жизненно важных интересов, спектр и география которых существенно расширились.

Курс на создание “однополюсной” системы международных отношений в документах по стратегии национальной безопасности США получил наименование “новой эры” в мировой политике. Помимо уже отмеченного, он характеризуется установками американского политического руководства на занятие США роли “лидера, который возглавил бы мир в эту эпоху”, взял бы на себя ответственность за его развитие и был бы готов оказывать “в интересах демократии и

безопасности” необходимое влияние на внутреннюю и внешнюю политику как отдельных государств, так и на весь ход мирового развития. При этом США наделяются “правом” решать в своих интересах и приемлемым для себя способом любые спорные проблемы и конфликты).

В основе второй тенденции лежит факт утверждения (хотя и не столь быстрого) в системе международных отношений экономических, информационных, экологических и других “несиловых” приоритетов. В определении роли и места государства все большее значение приобретает состояние его экономики и общества. С учетом интеграционных процессов в мировой экономике, все более глубокого переплетения экономических и финансовых связей — применительно к развитым странам — можно говорить о своего рода “потере самостоятельности” или, по крайней мере, утративании ими типичных для прошлого рычагов воздействия. С этой точки зрения данная тенденция может рассматриваться как некий “стабилизирующий фактор”, который существенно сужает поле и перспективы для развития первой тенденции.

Здесь, правда, следует сделать некоторую оговорку. Если к “состоянию экономики” еще можно применить более или менее ясные общепризнанные критерии, то при оценке “положения дел в социальной сфере” такие критерии обычно обрастают густым идеологическим налетом. В силу огромного разнообразия наций, населяющих планету, с их исторической, культурной самобытностью, вопрос о том, какая именно социально-экономическая модель обеспечила бы процветание того или иного государства, остается, вообще говоря, открытым, этой точки зрения попытки навязывания какой-либо стране чуждой ей “шкалы ценностей” во многом обречены на провал.

Что касается третьей тенденции, то ее появлению мировое сообщество обязано прежде всего своей неспособностью справиться с лавинообразными процессами как производными от кончины “биполярного мира”. Сам по себе этот факт говорит о сохраняющейся хрупкости системы международных отношений и созданных после второй мировой войны основных механизмов по поддержанию мира.

Так или иначе, от того, какие из указанных тенденций будут превалировать в ближайшие 5-10 лет, равно как и от их “сочетания” будет зависеть будущее политическое устройство мира, степень его “цивилизованности”, возможности разрешения противоречий невоенными средствами, обеспечения стратегической стабильности в широком смысле этого понятия. Сюда же примыкает и такой немаловажный для интересов России вопрос, как перспективы формирования многополюсного мира и какое место в этом мире она способна занять. В этой связи полезно обозначить, на каких “внутренних” посылах строятся эти тенденции, а главное, — насколько они прочны или устойчивы.

Цементирующим элементом первой тенденции на данном этапе, очевидно, выступает экономическая и военная мощь США. На среднесрочную перспективу трудно спрогнозировать такой поворот событий, который мог бы существенно подорвать этот элемент. США по-прежнему остаются державой номер один как по такому показателю, как ВВП, так — и это главное — по военному потенциалу. Вместе с тем, не следует забывать, что появлению “своих” великих достижений американцы исторически обязаны прежде всего уникальному геостратегическому положению, в котором они оказались в период с 1938 по 1955 годы (нельзя, конечно, сбрасывать со счетов и традиционное умение перехватывать “чужие идеи” и доводить их до конца).

Будучи главным инвестором в восстановлении экономик Западной Европы и Японии, США тем самым (возможно, и не осознавая последствий для своих интересов), решающим образом обеспечили создание двух центров экономической мощи. Но уже через несколько лет — в основном благодаря фактору “заклинивания” американского бизнеса в системе международных экономических связей — экономика США стала целиком повязанной, в частности, на существующие многосторонние механизмы финансового регулирования. Экономические рычаги давления по сути растворились, сузились возможности военно-политического маневра. Последний момент стал еще более проблематичным после исчезновения прямой “военной угрозы с Востока”. Вдобавок, США превратились в крупнейшего мирового должника.

Любая трещина в этой сложной структуре, где постоянно сталкиваются интересы не одного десятка стран (существенную роль играет и обеспечение надежного доступа к энергоносителям), может пошатнуть “незыблемость” лидерства США и привести к кризису в их отношениях даже с ближайшими союзниками).

Не так все просто обстоит и со второй составляющей американской мощи. Основные механизмы по выколачиванию из налогоплательщика денег на нужды Пентагона сконструированы правящей в Америке элитой, как известно, под холодную войну”. Умело раскручиваемая пропаганда с пугалом “советской военной угрозы” обеспечивала поток “золотого дождя” в корзину военно-промышленного комплекса. Сейчас же — в силу известных причин — сторонникам силовой линии в США при обработке населения приходится менять ориентиры.

Определенную роль при этом играет, разумеется, и изменение характера политических отношений США с Россией. Представляется, однако, главным фактором здесь выступает не столько груда подписанных в последние годы деклараций, актов и соглашений (призванных стабилизировать эти отношения и, как производная, — понизить функцию силового компонента), сколько степень доверительности и искренности в личных контактах лидеров двух стран. Не следует, однако, забывать, что президенты США, какую бы партию они ни представляли и какой бы ориентации они ни придерживались, всегда на переговорах с нами действуют с большой оглядкой на американский конгресс и общественное мнение внутри страны. Показательно, например, что хотя Россия выпала из обоймы “тоталитарных режимов” (заштампованных в официальных документах администрации и конгресса как главный вызов национальным интересам США), ее “имидж” — точнее, “имидж” хода и перспектив ее развития — сохраняется в перечне “аргументов”, используемых, в том числе представителями самой администрации, для обоснования необходимости поддержания военной мощи США на “должном уровне”.

В глазах американцев мы по-прежнему остаемся “реальной” ядерной сверхдержавой, единственной, которая способна уничтожить США. По-видимому, в менталитете среднего класса Америки сохранится принципиальное неприятие такого положения дел и он и далее будет голосовать за любой путь, ведущий к полному устранению такой “угрозы”. Поэтому соглашения с США в области СНВ — с точки зрения реального вклада в понижение угрозы безопасности России — могут носить лишь ограниченный характер. Прошли времена, когда при разработке таких соглашений можно было надеяться, что они будут строго равноправными и сбалансированными в деталях. Отсюда понятна также жгучая жажда американцев обзавестись

системами “тактической” ПРО, способными в перспективе вернуть США “неуязвимость”, потерянную ими сорок лет назад.

В целом, если брать среднесрочную перспективу, можно исходить из того, что главная составляющая первой тенденции сохранит свою устойчивость, хотя такая устойчивость будет сопровождаться серьезными угрозами подрыва.

На этом фоне перспективы и конкретные формы укрепления второй у тенденции, похоже, также будут во многом противоречивыми. (По крайней мере в ближайший временной отрезок).

Замкнутость многих государств (речь прежде всего идет о развивающихся) на чисто внутренних проблемах, неспособность разобраться с возникающими у них под боком локальными конфликтами, неверие в эффективность существующих международных механизмов в области безопасности (СБ ООН, ОБСЕ) подталкивает лидеров этих государств к поиску “сильной руки”, в качестве которой они зачастую усматривают США и их ближайших союзников. Такая линия, с тактической точки зрения, возможно, и имеющая свою логику, в итоге ведет к потере самостоятельности, снижению шансов на то, чтобы занять самостоятельное, устойчивое место в будущей системе международных отношений. Осознание последнего иногда заставляет переключаться на “более отзывчивого партнера”. Тем самым, можно сказать, что в текущем становлении миропорядка прослеживается еще одна составляющая — хаотическое метание “нестабильных государственных образований” от одного “центра силы” к другому, что приносит дополнительный элемент непредсказуемости, по меньшей мере на региональном уровне.

Переходя на более высокий геостратегический уровень, можно отметить следующее. Если взять Европу, то происходящие там интеграционные процессы как экономического, так и военно-политического характера, говорят вроде бы в пользу устойчивости действующих там центростремительных сил. Налицо усиление позиций объединенной Германии, настоящим “локомотивом” европейской идентичности становится Франция. Неизменно повышается роль ЕС с ЗЕС в качестве его военно-политического “придатка”. Сюда же можно отнести и появление разношерстной очереди за “билетами в НАТО”.

При более внимательном рассмотрении вся эта “интеграция” Европы (или дальнейшее укрепление европейского “центра силы”) носит, однако, весьма условный характер. В ключевых военно-политических вопросах (ядерный “зонтик”, состав “первой волны”, выбор структуры и оснащение ВС НАТО, распределение бремени расходов и т.п.) первую скрипку продолжают играть США. Представляется, что до тех пор пока не произойдет реальной трансформации НАТО, преобразования этого блока хотя бы в чисто политическую организацию, Европе не суждено претендовать на подлинную идентичность, несмотря на весь экономический “централизм”. При сохранении нынешнего “статус-кво” можно ожидать лишь некоторого усиления трений между основными действующими “лицами” в рамках уже накатанных проблем.

Развитие военно-стратегической ситуации в Азиатско-тихоокеанском регионе по многим параметрам сильно отличается от того, что происходит на евроатлантическом направлении. В политическом сознании большинства азиатских государств не без основания доминирует мнение о несоответствии накопленного в Европе опыта специфике и реалиям современных международных отношений в АТР. Весьма различны представления отдельных стран региона об источниках угроз. Сохраняются потенциальные конфликты, территориальные споры. Вместе с тем, высокая динамика политических и

экономических процессов в целом способствует линии на оформление в АТР (в отдаленной перспективе) нескольких “центров силы”.

Пока же ими объективно остаются Япония и Китай как по критерию устойчивого экономического роста, так и по уровню военных расходов. Что касается первого, то здесь следует назвать такие показатели, как темпы роста ВВП, производительность труда, доходы на душу населения, долю в мировом экспорте, сальдо платежного баланса. Разумеется, по уровню развития, в том числе экономического, по стандартам благосостояния и образования между Китаем и Японией сохраняется пропасть. Но гигантская численность населения и стремительность народнохозяйственного подъема в 80-90-е годы (чуть ли не по 10% в год) сделали абсолютные размеры китайской экономики по крайней мере сопоставимыми с масштабами экономики Японии (или Германии). Это образует одну из самых важных перемен в мире в 90-х годов.

Несмотря на сохраняющееся в регионе военное присутствие США, роль этого фактора в плане сдерживания становления у казаных “центров” относительно невелика (по тем же причинам, которые были названы выше).

Суммируя, можно сказать, что в ближайшие 5-10 лет мы вряд ли станем свидетелями “существенно расширенного” полицентризма в мировой политике. Не следует, однако, переоценивать и “доминирующую” роль США. Скорее всего, противоборство двух первых тенденций продолжится, причем в качестве главной его арены будет выступать дипломатический фронт. На характер этого противоборства не могут не влиять и наличие таких “общечеловеческих” интересов, как охрана окружающей среды, эффективная утилизация ядерных отходов, борьба с наркобизнесом, терроризмом и др.

Что касается третьей тенденции — зарождения “зоны неопределенности”, — то здесь хотелось бы отметить лишь следующее:

- указанная “зона” видится как главный источник зарождения военных конфликтов и локальных войн;
- в силу этнических факторов, разнообразия населяющих ее наций, предотвращение таких конфликтов будет крайне трудной задачей;
- насыщенность “зоны” основными энергосырьевыми ресурсами объективно притягивает к ней интересы ведущих стран мира;
- резкая дифференциация социальных систем в составляющих “зону” “государственных образований” понижает вероятность образования в ее рамках более укрупненных структур (чему в немалой степени способствует развал экономики и утрата рынков сбыта).

Перечисленные тенденции ведут к трансформации ряда ключевых понятий которыми оперировали политики в период “биполярного мира”. Прежде всего это относится к такому понятию, как стратегическая стабильность. Рожденное в контексте советско-американского диалога по вопросам ограничения гонки ядерных стратегических вооружений, в нынешних условиях оно объективно наполняется другим содержанием. Во-первых, никакой “гонки” таких вооружений сейчас нет. Если брать Россию, то — в силу известных обстоятельств — ее главная задача на данном направлении — не допустить окончательной деградации остающегося ракетно-ядерного потенциала. Что касается США и их ближайших союзников по НАТО, то при общем количественном сокращении их ВС, наблюдается существенное изменение в планах их

строительства. Упор сделан на повышение боеготовности сил общего назначения, а также на качественное совершенствование неядерного компонента с прицелом на придание последнему в перспективе функций, которые в прошлом отводились ядерным вооружениям. При сохранении фактора ядерного сдерживания следует отметить, что если раньше нарушение глобального равновесия грозило вселенской катастрофой, то теперь расшатывание устоев стабильности (на глобальном уровне) чревато, хотя и тяжелыми, но не столько апокалиптическими последствиями. По крайней мере — на ближайшую перспективу.

По-видимому, неодинакова в разных условиях подверженность международных отношений глобального уровня дестабилизирующему воздействию с более низких уровней. В период конфронтации каждый серьезный региональный конфликт нес угрозу перерастания в лобовое столкновение антагонистов глобального ранга. В наши дни лавина разнообразных и локальных конфликтов, хотя и подмывает фундамент глобальной стабильности, но едва ли сможет разрушить его полностью. Вместе с тем, расширяющаяся проекция конфликтов на интересы все более широкого круга стран не может не ставить этот фактор в сердцевину понятия стратегической стабильности.

Обеспечение устойчивости на высшем уровне мировой политики затрагивает жизненно важные интересы широкого круга государств и, не в последнюю очередь, России. Какие бы сдвиги ни происходили в ее внутреннем и международном положении, Россия остается прочно встроенной в глобальную геополитическую и геостратегическую систему как одна из крупнейших держав Евразии и мира, располагающая к тому же внушительным ядерным арсеналом. Без учета весомого российского фактора невозможно построить никакую модель стабильного миропорядка.

А.Г.АНИСИМОВ: Мы живем, в общем-то, по чужой программе. Программа элементарная, мы все ее чувствуем и видим. Россия — ресурсный придаток. Ресурсы наиболее слабые и одноразовые ресурсы — это нефть, газ, энергоносители. На первом этапе постперестройки, на последнем этапе перестройки мы были ресурсно интеллектуальными, сейчас это снисходит на нет. В этом смысле, честно вам скажу, на следующий век, я, например, нас как великую державу не вижу, если так дальше пойдет.

Е.Примаков делал отчаянные усилия. Он остановил альянс. Однако, остальное все под большим вопросом. Будут западники использовать инфраструктуру, не будут, сегодня это одно, завтра это другое, вы сами понимаете. С учетом того, что продолжится, как я понимаю, политика предоставления финансовых ресурсов нам в виде кредитов и в гуманитарной, и технической помощи под политические условия.

Сегодня реально выдвигаются несколько “центров силы”. Неизвестно к чему приведет в перспективе разыгрывание карты “черных” в Соединенных Штатах и вообще эта проблема “белые” и “черные” в Соединенных Штатах. На сегодняшний же день мы говорим о том, что Соединенные Штаты, да — это одна из точек опоры современного мира, один из полюсов, который сами американцы считают как основной.

Хотел бы немножко убрать впечатление и некоторый накал, который был задан по Китаю. Мне представляется, что это вызвано в основном американской и европейской прессой. В Китае сделаны определенные прорывы. Однако выйти на те технологии, которые требуют развернутой, широкой инфраструктуры для китайцев пока сложно. Потому что большая

часть населения все-таки сельское население, вы сами знаете в Китае. А городское население отчасти находится еще на уровне 1950-х годов. Поэтому говорить, что через 10-20 лет Китай станет одной из самых ведущих держав мира и со Штатами будет бороться за первенство, я думаю, еще рано. Хотя сама технология точечного роста в китайских условиях была верной.

И, конечно, Европа. Без нас, европейская валюта неизвестно к чему еще приведет. Это будет, с моей точки зрения, мина замедленного действия для американского доллара, а может быть даже не замедленного.

Сверхдержава — это держава в регионе, которая потенциалом на порядок выше, чем все остальные. Если же выводишь на другой масштаб, то там вся это “сверх” приставочка пропадает. Американцы играют на противоречиях. Возьмем, допустим, север Европы. Роль Швеции и Германии, розыгрыш между ними, их потенциалами, возможностями их разворачивания, процесс интеграции вокруг Балтики. Кто будет основным? На кого будут вытянуты все управленческие сети? Американцы разыгрывают некоторые конфликтные ситуации между шведами и немцами. По сути разворачивается довольно сложная игра. Хотя мы можем сказать, что Европа потенциально может стать одним из “центров силы”.

Если мы посмотрим существующую финансовую статистику, ее проанализируем, то придем к очень интересному выводу, что основная часть свободных капиталов сегодня арабская. Отрицать возможности, что будут созданы организационные структуры по соединению усилий арабского мира, и превращение арабского мира в “центр силы” в перспективе на 10, 15, 20, 30 лет, в следующем столетии, нельзя. И в этом смысле, мне представляется, довольно правильный ход Евгения Максимовича Примакова, играть и с этим полюсом.

Нельзя выбрасывать, конечно, и Японию, и Корею, которая тоже может в перспективе объединиться. Хотя в этом случае, мы с вами можем увидеть довольно сложный расклад противоречий в этом регионе, на который будет заиклен во многом Китай в своих политических амбициях. Где наше место во всем этом? Я думаю, это тот самый вопрос, который нас здесь всех собрал.

Заканчивая свое выступление, я хотел бы поделиться, как и все здесь несколько наболевшим. В моей повседневной работе приходится сталкиваться с теми организационными безобразиями, которые у нас есть в области внешней политики. МИД, имеющий официальное право быть координатором, о чем здесь упоминали, реально эту роль выполнять не может. Не столько не хочет, он не может ее выполнять, так как каждое министерство и ведомство, Минатом, Минэкология и так далее, я могу всех перечислить, подписывают свои собственные соглашения, проводят свои собственные переговоры. Наши компании, тот же самый ЛУКойл и другие, я не упоминаю их по известным понятным причинам, гнут свою линию. Поэтому мы уподобляемся тому самому вратарю, который вынужден отбивать все время буллит. На нас “наезжают”. И вот Евгений Максимович, там еще несколько человек стоят, как эти вратари в воротах, пытаются отбить эти шайбы, что не всегда удается. В общем в этой ситуации, конечно, очень сложно работать.

С.В.КОРТУНОВ: Я хотел сделать два коротких замечания. Я с большим уважением и любовью даже, можно сказать, отношусь к Е.Примакову. В наших публичных статьях и выступлениях, мы будем подчеркивать его заслуги. Но смею выразить абсолютное твердое свое убеждение, что он не “остановил альянс”.

Свои впечатления я основываю на встречах с ведущими американскими политическими деятелями, которые состоялись буквально недавно, в частности с С.Тэлботом, который в ответ на мою интеллектуальную провокацию (я просто грубо его спросил: “Ну, а какие будут следующие страны, которые вы собираетесь поглотить?”) сначала сказал, что это все “старое мышление”, “наследие холодной войны”. От этого, мол, надо избавляться. А потом совершенно четко сказал, что это будут две страны — Словения и Румыния. А то, что мне сказал Стайнберг (это Аппарат Совета национальной безопасности) превзошло даже то, что сказал С.Тэлбот, потому что он уже вел разговор о странах Балтии и Украине.

Мне совершенно четко было сказано в кулуарах, что через 2, 3, 4 года будет “вторая волна” и поэтому сейчас мы должны вместе подумать, как “минимизировать” политический ущерб. Американцы апеллировали ко мне, как к человеку, который может каким-то образом повлиять на сложившуюся ситуацию. Поэтому я еще раз подчеркиваю, что может быть в публичном, в тактическом плане нам нужно защищать академика, но думать, что он “остановил альянс” было бы величайшим и, может быть, даже крайне опасным заблуждением.

И второе замечание. Я считаю, что национальный вопрос, по крайней мере, в основном в Соединенных Штатах решен, в том числе и между “белым” и “черным” населением.

А.Г.АНИСИМОВ: Я основывал свои рассуждения связанные с альянсом на официальной информации, которую мы получаем от посольств, не на личных беседах. Американцы Вам могут говорить все что угодно, а я исхожу из оценок, которые дают наши дипломаты, оценок, которые делаются аналитиками наших разных служб. Я понимаю, что они запускают определенную, так сказать, информацию, это все нормальный ход для дипломатической работы.

С.В.КОРТУНОВ: Я основываю свои выводы не только на личных беседах, но в том числе и на тех материалах, которые приходят из СВР, ГРУ и МИД. Кроме того, полагаю целесообразным Вас уведомить, что находился на дипломатической службе с 1982 года. Из этих лет большую часть, т.е. около 10 лет я работал именно с американцами. На этом основании смею Вас заверить, что способен отличить зондаж с их стороны от действительных позиций США. Мой вывод: альянс не остановится никогда.

П.Г.ЩЕДРОВИЦКИЙ: Я действительно являюсь одним из инициаторов этой встречи, поэтому позволю себе начать с, может быть, несколько косвенного вопроса, который здесь дважды был задан, а именно — это вопрос о том, на кого могут быть ориентированы эти обсуждения кроме тех, кто здесь, собственно, собрался.

Я выскажу свой интерес и то, что меня подвигло с Сергеем Картуновым завести этот разговор и совместно организовать это совещание, которое мы хотим сделать более или менее постоянным. Дело в том, что тот уровень управления, с которым я работаю, прежде всего, это региональный уровень — это новоиспеченные губернаторы и главы администраций российских территорий, областей, республик, краев, которые в силу целого ряда обстоятельств, не все, но некоторые, на мой взгляд, реально выходят на попытку осмыслить и как-то сориентироваться во внешнеполитической проблематике.

И хотя я прекрасно понимаю, что и на этом уровне делается масса безобразий и как бы необязательно, что

информация, которая будет вырабатываться здесь, может вообще в принципе им передаваться, я не уверен в этом, и это вообще предмет специального обсуждения. Но мне понятно, что там формируется некоторая субъектность, и более того, что эта субъектность, очевидно, обладает неким набором полномочий принятия решений, а информация, которая присутствует в данном круге вопросов, в принципе этому не соответствует, то есть — гигантский разрыв. И может быть, некая работа в этом разрыве есть самостоятельная цель.

Возможно, что Сергей Картунов видит потенциальных корреспондентов для нашего разговора не только в сообществе экспертов на федеральном уровне. Я их не вижу. С ними не работаю. Плохо их понимаю. И мой небольшой опыт приводит меня к не совсем хорошему выводу.

Я надеюсь, что у нас будет какая-то возможность ознакомиться с текстами. Потому что манера, которая понятно чем вызвана, выступить и уйти, мне кажется, не конструктивна. Тем более, если мы будем делать более длинную программу и будем подхватывать те вопросы, которые здесь заданы. Поэтому я надеюсь, что все смогут познакомиться с текстом, и у нас возникнет какая-то дискуссия через текст.

Теперь, собственно, к сути дела. Я считаю, что ключевой вопрос — это, действительно, вопрос масштаба, но я его понимаю совершенно иначе, чем генерал В.Дворкин. Я бы сначала задал такой философский вопрос: “А собственно полярность чего мы обсуждаем?” То есть “чтойность” этого вопроса. Что именно поляризуется? Или что мы рассматриваем как поляризующееся и неполяризующееся? Потому что здесь я бы задал такой, может быть, такой несколько излишне заезженный понятийно, вопрос о том, имеем ли мы конкуренцию каких-то моделей развития? Причем, не тактических, а стратегических, хотя бы в 40, 50, может быть в 100-летнем временном горизонте. Потому что если мы не имеем реальной конкуренции моделей развития, то тогда, хотим мы того или не хотим, лидеры в одной модели развития и будут лидерами во всей многополярной, уровневой и прочей структуре. Если мы имеем на горизонте, по меньшей мере, две модели развития, которые могут стать отправными точками для групп стран, причем не только регионально собранных, но и существующих в разных регионах, то тогда, наверное, осмысленно говорить о какой-то многополярности.

И вот здесь я в общем согласен по такой общей оценке с тем, о чем говорил А.Анисимов про Китай, но мне кажется, что мы недооцениваем один момент. Китай продолжает настаивать на том, что он отработывает другую модель развития. Я не могу сказать, правда это или неправда. Более того, я думаю, что в синхронном срезе, даже в срезе короткого промежутка времени, скажем, в оценке работоспособности модели “одна страна — две системы”, вообще трудно дать такую оценку. Но то, что в 70-е годы была заложена концепция “Китай как лидер третьего мира”, третьего, четвертого, пятого, вот этих других миров, то, что эта модель достаточно последовательно отработывается и сохраняется, для меня несомненно. То, что Китай финансировал предвыборную кампанию левой оппозиции в Амурской области, для меня есть лишь момент этой ситуации, этого более серьезного розыгрыша. И мне кажется, что если мы упускаем Китай, как потенциальную точку возникновения другой модели развития, а сразу рассматриваем его как очередного капиталистического конкурента, сравниваем ВВП, как здесь это делалось, то мы что-то теряем в анализе, сразу спускаемся на другой уровень рассмотрения.

Здесь, конечно, работает, мне кажется, “фукуямовская модель”, но к ней отнеслись как-то очень всерьез, а это, в общем, игровая ситуация. Действительно, если модель развития одна, то и история должна закончиться. То есть, если мы встаем на точку зрения единственности модели развития, то эта история закончилась, там могут быть всякие детали, отработки, но в гегелевском смысле он совершенно прав.

Теперь, второй вопрос. Если мы все-таки считаем, что, условно говоря, я опять сейчас употребляю некие ходовые понятия, потому что у меня нет других, если мы считаем, что капитализм есть единственная модель развития для всего мира со всеми его внутренними вариациями, и в этом смысле существуют определенная увязка экономики, политики и культуры, определенные системы политической институционализации, определенные способы институционализации интеллекта внутри и так далее, все, что связано и входит в это достаточно аморфное представление о модели развития, то тогда возникает следующий вопрос: “А что значит быть “полюсом” в рамках глобального капитализма?” Что это значит? Кто является “полюсами”? Кто в принципе “полюса”? Какой тип организации, какой тип ресурсов, какая их конфигурация будет определять это “полюсное положение”? Потому что, мне кажется, дальше, не ответив на этот вопрос, дискуссия как бы проваливается на следующий уровень, сразу начинают обсуждаться отношения политики и экономики. Но ведь экономика есть ни что иное, как особый тип хозяйственной политики, то есть экономика вне определенной организации, политической организации самого хозяйства, хозяйственной деятельности, вообще не осмыслена. Поэтому термин, что геополитика есть обратная сторона геэкономике — это фактически масло масляное. Да, конечно, потому что сама геэкономике и есть геополитика, но определенными средствами по отношению к хозяйству.

Вот ВВП. Почему объем валового внутреннего продукта может являться указанием на место полюса в рамках глобального капитализма? Если мы его поделим на душу населения, там другие цифры совсем появятся, а если мы будем исходить из того, что население само является ресурсом глобального капитализма, то почему мы не берем Индию, у которой тоже скоро миллиард будет с лишним? Это первый вопрос.

Теперь второй вопрос. А каково отношение между политикой и экономикой? И какова роль военной силы в балансировании того и другого? Потому что мне кажется, что есть принципиально разные способы использования военной силы: с одной стороны, как локомотива индустриального развития, в этом смысле, как локомотива определенной стадии формирования капитализма, и совершенно другое — это использование той же военной силы внутри политических “разборок” тех, кто не смог встроиться в глобальный капитализм и тех, кто туда вошел, и тех, кто там лидирует, когда политика используется фактически как способ сдерживания экономического роста других стран или способ участия в экономическом и индустриально-экономическом развитии конфигурации, которая здесь складывается.

Этот, так сказать, третий контур вопроса. Потому что мне кажется, что нельзя говорить о политических полюсах без анализа того как ранжируется в системе глобального капитализма уже не страны, а фактически точки роста. Александр Гиреевич, мне кажется, что это твой тезис: Китай развивался как точка роста, а США не развивались как точка роста?

А.Г.АНИСИМОВ: Это была сегодняшняя ситуация.

П.Г.ЩЕДРОВИЦКИЙ: А что, Англия не развивалась как точки роста?

А.Г.АНИСИМОВ: Зональная система сама у них прекрасно поставлена.

П.Г.ЩЕДРОВИЦКИЙ: Я согласен.

А.Г.АНИСИМОВ: Это нужно взять как пример. Я это выделил по законам литературного жанра.

П.Г.ЩЕДРОВИЦКИЙ: Я согласен. Я согласен в принципе, но мне кажется, что любое развитие всегда идет через точки роста. Никакого системного развития в смысле того, что вся система развивается одновременно, параллельно, однопорядково, по-моему, просто не бывает. Вопрос в том, какие точки роста? Вот, условно говоря, в Европе были города как полюса роста, и городская инфраструктура вытягивала все остальное. Они создали зоны вот такого неурбанизма. А что будет, условно, этими точками роста в регионах современных? Как по-новому зонироваться полюса роста в условиях глобального капитализма? Мне кажется, что от ответа на этот вопрос будет ясен ответ, что группируется, что не группируется.

И я бы полностью присоединился к тебе, фактически указывая на то, что если мы оцениваем Китай, исламский мир, если мы оцениваем Соединенные Штаты, мы должны ответить на вопрос: “Как точки роста связаны со всем остальным?” Потому что от того, как они связаны и будет ясно — состоится этот полюс или не состоится. Точки роста могут быть очень прорывные, но поход в горы определяется последним, а не первым. Первый может забежать вперед, но у него останется там палатка, часть пропитания и вообще важные вещи. Поэтому вопрос: “Как инфраструктурно осваиваются достижения полюсов роста?” — это и есть во многом вопрос о том, состоится полюс роста или не состоится. Но это при условии, что мы приняли концепцию единой модели развития, а если мы ее не приняли, значит все вопросы смещаются на порядок выше и становятся, на мой взгляд, гораздо более сложными и с методологической, и с исследовательской точки зрения.

С.Е.КУРГИНЯН: Я занимаюсь историей и культурой, не занимаюсь ни войной, ни политикой, слава Богу. Что касается Китая. Китай в течение тысячелетий назывался все-таки джин-го (кит.яз.) — срединное царство. Однополярная модель мира. И в течение тысячелетий это вдалбливалось в головы людей, и полтора миллиарда сейчас носят в себе однополярную модель мира. Вот третий путь, это очень сильно третий путь развития. Плюс ислам, который объединен не этнически, а религиозно, причем, религией, которая открыто призывает к войне. На войне убили — сразу в рай. Тут комментарии излишни. И население тоже, прямо скажем, не малое. У нас есть два таких хороших соседа, которые — “точки будущего роста”.

Причем, нужно отметить интересную вещь, что ввозила исторически Азия, а что она вывозила. Ввозила Азия металл и станки к себе с конца XVIII и всего XIX века. Англичане думали, что это колонии. Напрасно думали. Сейчас Азия превращается потихонечку в фабрику Европы и Америки, а Европа скоро станет музеем, а фабрикой будет Азия. Потому что то, что мы носим, если мы посмотрим, где это сшито — Тайвань, Китай. Они превратились из импортеров в экспортеров. Это к вопросу об экономике. Это тоже очень важный момент.

Потом, есть такое различие: идеологии — понятия эфемерного и быстро меняющегося — и социальной психологии. Идеология у крепостного крестьянина и феодала была разной, а социальная психология, то есть представление о времени, пространстве и мироздании, была одинаковой. Так вот, в России с XVIII века социальная психология не совпадала с идеологией, и этот конфликт вылился в наши славные последние 80 лет, где это несовпадение стало настолько явным, что это привело ко всем последним переменам.

Что касается России, я не знаю, может быть, я говорю очень неправильную вещь, но в силу своего географического положения у России есть не что продать (продать это звучит несколько унижительно), а какую роль играть, потому что сильная Россия нужна всем: и китайцам, и американцам. А кстати, вот это деление на многополярный мир и двуполярный мир — это чисто евро-американская идея, в которую мы вовлеклись и в нее играем. В Азии ее знают только образованные люди. В Китае просто не знают о том, о чем мы рассуждаем сейчас так серьезно.

С.В.КОРТУНОВ: Что же они подписывают?

С.Е.КУРГИНЯН: А подписывают образованные люди, а остальные не знают. Ну и Бог с ними. Потом мы узнаем результаты их незнания, не дай Бог.

Сильная Россия нужна и той стороне, и Западу, и даже Америке, потому что сильная Россия — это балансирующий фактор. И Россия не продавать должна это вместе со своими и интеллектуальными человеческими ресурсами, и со своей историей, и со всем остальным, а просто быть таковой, и именно такая Россия может предотвратить военные конфликты. Это к вопросу о роли войны и военной силы. А слабая Россия означает перманентную войну, но это выходит за пределы моих профессиональных интересов.

Я знаю, что именно творят региональные лидеры, я тоже вижу что творит Россель. Если нужно обеспечивать модель Шаймиева, то там есть кому обеспечивать. Там есть хорошие саудовские специалисты, очень хорошие, и деньги есть, так что все в порядке. Единственное, чего нет полностью, с моей точки зрения, — это нет страны. Вот мы тут сидим, есть кабинеты, оборонный отдел или отдел культуры там, потом дела ГКЧП здесь разбирали долго и нудно, потом еще тут что-то было, и есть все равно административные здания, аппараты, машины, то ли “Audi”, то ли “Волги”, но страны нет. Она может быть, а может не быть. И все как бы подозревают, что ее нет. Но еще до конца об этом не догадались. Поэтому Е.Примаков говорит, что есть, ребята, да, должна быть! Как бы полагается относиться так, как будто есть. А с Сергеем Картуновым мы позволим себе разговаривать, приоткрыв чуть-чуть тайну, что на самом деле-то и нет. А почему ее нет, что происходит?

Во-первых, первый вопрос заключается в том, что ее надо строить. Строить ее не хочется, и никто толком не умеет это делать. Суть ситуации — есть некий советский продукт, он лежит как нашлепка на большом столе, и к нему все подключено гениально — какие-нибудь проводки, зубодробительные машины, которые это все выгребают. Лампочки горят, все это работает. Вокруг этого есть масса людей, которые в это тоже лучше или хуже встроены, заказы аналитические получают или что-нибудь еще. Но в тот момент, когда эта нашлепка съедается, а она съедается довольно быстро, видно как она уменьшается. Там уже экспортная отрасль перестает существовать. Но экспортерам казалось, есть такая бредовая идея Дениса Драгунского, что 5-6

миллионов будут жить хорошо, потому что есть экспорт, а остальные — хоть пусть подышают.

Экспортерам казалось, что это все экспортное, но оно экспортное за счет того, что они паразитировали на внутреннем хозяйстве, которого нет, и как только его нет, они не могут уже существовать, они “псевдоэкспортные”. Это не Кувейт, но они все кушают.

Теперь представим себе, что наступил момент, когда это скушали, и все остановились и говорят: “У нас прекрасные зубодробительные машинки для поедания всего этого, растворы хорошие для отсоса. Присоски у меня просто гениальные, а что, куда их подключать, куда?” И возникает как бы новая парадигма, что шел бы ты на фиг со своими присосками, это как бы лошадь обглодали, она лежит. Значит, либо этот скелет будет снова наращиваться мясом, тогда это все совершенно другое. Это специалисты по производству этих вещей. Но это совершенно другое дело. Мы их тоже помним. У них были свои слабые, но и сильные стороны.

Возникнет новая генерация людей. Смогут ли они производить, — у меня есть сомнения. Потому что те, кто могли бы возникнуть, постепенно маргинализуются или “распираются” от жуткой ненависти к происходящему, что тоже бесполезно, так как всякое “распирание” мешает организму. А “прилипалы” являются виртуозами присасывания. Это профессия. Они сразу все отпадают, как только кончается некий цикл. Это первая сторона.

Вторая сторона. Все это “делится”. Страна может быть разной, она может и не быть, она может быть разной, и каждый тип страны отвечает определенным интересам. Например, мне интересно, чтобы она была такая, а мой партнер считает, что это мне интересно, а он-то знает, что она должна быть совсем другой, реальность как бы отсутствует. Олигархия, как бы — псевдоолигархия, которая правит в стране псевдоглубоко, приватизировала общий интерес частями, части эти грубо и слабо сшиты, что такое целое — непонятно. И в лучшем случае, я могу поделиться своим опытом, как каждый своим, они понимают уже, что целое — это некая гадость, из которой сыпятся камни, какие-то гнилые помидоры, иногда кто-нибудь вообще выстрелит оттуда. Так что там еще оттуда упадет? Никакой любви к этому целому нет, потому что все это разорвано и сшито очень грубо, общественный интерес частичен, и никакого ощущения этого целого нет.

В этой ситуации самое удобное, это не строить. Россия — это страна, в которой на единицу ее существования нужно больше смысла, чем любой другой стране мира. Я не хочу говорить о том, что такое смысл последних восьмидесяти почти лет. Если олигархия вошла в концепцию, что смысл вообще не нужен, то все, что происходит не имеет смысла. Элита расколота, расколота по самым разным основаниям, просто по основаниям существования и по основаниям смысла, по типу страны, строить — не строить, нужно или не нужно.

Недавно я разговаривал с молодым политиком, который начал заниматься системой безопасности. Он толкает классический тезис, что спецслужбы должны служить крупному капиталу. Я говорю: “Что такое крупный капитал?”. Крупный капитал несет с собой право для нации и правила для себя. Если он не несет этого, он не крупный капитал. В сущности, что из того, что у одного человека три миллиарда? Тем, у кого он их взял, плохо, а тем, кому он дал, хорошо. А всем остальным просто безразлично. Он никто, это богатый человек, ну и что? Кто-то ему завидует, а кто-то вообще безразличный. Для того чтобы он стал чем-то, он должен что-то принести нации,

исторический проект, какое-то свершение, он это свое владение, если говорить о капитале, должен легитимировать каким-то историческим действием, за которое ему простится эта как бы высокая вина. Если этого нет, то есть он не приносит право нации, что остается? А остаются правила для себя, то есть это банда, воры в законе: красное не надевать, в зоне вести себя так-то, чифир. Но если эта банда начинает “разборку”, они идут друг на друга уже с финкой. В этой ситуации это просто очень богатая шпана и больше ничего. Если никто не может эти правила продиктовать и ничего другого нет, она просто самоуничтожается или смывается разными способами.

И в связи с этим возникает второй вопрос — обсуждение вопроса об интеграции с Белоруссией. Будет ли это единая страна или не будет. У нас есть такой парадокс: “антигосударственные державники”, которые проводят очевидную антигосударственную линию. И поскольку нужно “поломать” Лукашенко, то давайте его присоединим как часть губернии. Я за то, чтобы присоединить как часть губернии. Но дело-то не в этом. Дело заключается в том, что вдруг включается какая-то машина и эти люди говорят: “Лукашенко совхозник, колхозник, жена его — это деревенская баба, она будет первой леди в Белоруссии, она приедет в Кремль”. Когда мы в последний раз это слышали в публичной речи, предположим, представителя Запада, на который они молятся? Джордж Буш, в отличие от Клинтона, принадлежит к элите, он умеет носить костюм. Он пачкается навозом, фигурально выражаясь, приходит к избирателю: “Привет, ребята, я простой парень, я только с ранчо, выберите меня, я простой Джордж, я Джордж, привет”. Потом все уходят и переодеваются, и начинается игра. Там, где играли по другим правилам, есть один памятник, я вынужден это сказать, исторический, который до сих пор стоит на Пляс де ля Конкорд, в том месте, где забыли о том, что эти правила коммуникации существуют. Там начинает включаться другой механизм и начинает работать гильотина. Так напоминают, что такое дисфункция элиты. Там просто стоит то, чем рубят голову. Ребята, вы помните, что это существует. Луи Арагон написал, что “забыли вы, что помнили когда-то, забыли вы про Пляс де ля Конкорд, забыли вы про галстук из Канады”. Он принадлежал к французской элите. Кто-нибудь у нас сказал об этом? Нет. Почему? Потому что у нас — элита расколота, связь элиты с обществом не ясна, мобилизационный механизм, естественно, отсутствует, тип элиты не прояснен, тип страны, связанный с типом элиты тоже не определен. Мы существуем в системе нарастающих неопределенностей.

Что такое Россия? Это место, где растет неопределенность. Тогда возникает обратное желание: просто если это место растущей непрерывной неопределенности, то почему там не поставить какую-нибудь стену, чтобы этого не было, потому что, в конце концов, это просто страшно. Кто такой Зюганов? Наверное, коммунист. Нет, он не коммунист. Он, кажется, националист. Нет, он не националист, он — тоже неопределенность. И это результат его предвыборных выступлений. И он не определен. Лебедь — еще один скачок в неопределенность. Кто определенность? Ельцин. В чем определенность? По факту — он может в любой момент развернуться куда-то, но он определен просто потому, что сколько-то лет он здесь существует, и как-то вот эта вся булькающая неопределенность сохраняется. Ельцин понимает, что бесконечно сохранять ее не может. Но до чего же страшно ее снять. Вот что такое Советский Союз или Российская Империя.

Конечно, братский белорусский народ ближе всех находится к братскому русскому народу. Честно говоря, он не просто ближе, а это просто одно и то же. Тогда сразу возникает

вопрос: “Ребята, если это все одно и то же, чего вы все несете какую-то ахиною про суверенитет? Суверенитет чего?” Суверенитет семьи Машерова? Суверенитет Ардубатского клана в Азербайджане? Суверенитет чего? Если это один народ, то не о каком суверенитете говорить невозможно. Его просто теоретически существовать не может, потому что если один народ, значит он один суверенный. Значит — это ирредента, это модель воссоединения Германии. Кто-нибудь в ГДР говорил о своем суверенитете? Суверенитет чего? Немцев над немцами? О каком суверенитете идет речь? Значит они мнутя на длинном расстоянии друг от друга, жмутся. Один говорит: “Я с Чубайсом не буду объединяться”. Другой говорит: “А я с Лукашенко, с этим фашистом, я ему не отдамся. Нет”.

А в это время тюрки делают конфедерацию. Рахимов и Шаймиев решают вопросы мгновенно. Тут уже Северный Кавказ, вся талибовская истерика. Мы существуем в ситуации, когда раз поломав межконфессиональный баланс Евразии, мы теперь его ломаем по той же модели здесь. Значит тогда славянский субстрат должен хотя бы уравновесить эту дезинтеграцию. Это значит унитарный союз России с Белоруссией и мгновенный разрыв всего, что можно на Украине, всего, что можно в Казахстане. Солженицын, так Солженицын. “Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец”. Это движение в сторону национального государства. Ясно, что Шаймиеву этого не хочется. Ясно, что Назарбаеву этого совсем не хочется.

Наша буржуазия не способна к этим мобилизационным вещам. Она жутко боится национальной идеи. Выйдите и мобилизуйте хоть одного лидера, который на это может решиться. Лужков, Лебедь, Зюганов, Черномырдин — он умрет от разрыва сердца, если хотя бы подумает об этом.

Теперь по поводу НАТО. Это чисто европейские дела. В этом смысле Примаков является патриотом Европы, он думает о том, что помогает родной Европе стать полюсом силы. Когда он говорит о полюсе силы, то не имеет в виду Россию. С середины 70-х годов определенная часть элиты, в которую входил Примаков и ряд людей из КГБ, грезил тем, чтобы получился европейский полюс силы, что нам надо помочь состояться этому европейскому полюсу силы, объединить Германию. Тогда мы на этом равновесии идеально поиграем. Разговоры все время велись вокруг этого. Ради этого, по большому счету, если сказать честно, “грохнули” страну.

И была вторая вожденная мысль: получить средства производства в Европе. Перестройка — это, в сущности, попытка захватить часть индустриальных средств производства в Европе. Теперь оказывается, что насчет средств производства в Европе это вот, а насчет того, чтобы балансировать на этих полюсах — вот и вот (жестиккулирует). Начинается внутренняя психологическая паника.

Надо снимать неопределенность, надо договариваться о проектных основаниях, надо консолидировать элиту. Ясно, что начинать это придется не с бандитов, потому что они просто неконсолидированы по природе.

Началось все это с Тойнби: цивилизации, “замкнутые миры”. Потом это началось у нас, потом уже перескакивало через Данилевского и всех прочих: “мир миров” и так далее. Потом с этим вылез Хантингтон, он вылез из той тройки и начал орать опять про миры эти, но миров-то уже нет, все это кончилось. Эти монады, как говорил Лейбниц, уже “рассверлены” во всех местах, у них там не просто окна, у них там внутреннее решето. Это никакие не монады, они как угодно клеятся друг с другом.

Значит, зачем все это нужно? Кто-то хочет сыграть на этом многополюсном мире, а вот здесь был человек, который

сказал, я уже не помню кто, Никонов кажется, что задача состоит в том, чтобы создать игру из этих шариков. Кто-то хочет этот “мир миров” гармонизировать, вокруг него устраивать какие-то конфигурации в XXI столетии. И все говорят, что это замкнутые цивилизации. Нет их уже. Даже в Индии уже нет замкнутой цивилизации. Это не XIX век. В XIX веке этой игрой развлекалась британская разведка, а теперь в нее хотят развлекаться их старшие братья или они вместе с ними. Но эта игра уже прошла. Поэтому этот многополюсный мир — это химера Примакова, который выстраивал вместе со своими коллегами Яковлевым и другими этот многополюсный мир на протяжении всех 70-х и 80-х годов. На этом “грохнули” страну, средства производства не получили, собственный полюс силы построить не могут. Теперь надо еще раз в документах Ельцина написать: многополюсный мир. Какой многополюсный?

Европа соберется сейчас, она раньше, чем соберется внутри себя, начнет клеить Турцию, это уже понятно. Турция спать не будет, один военный мятеж, два военных мятежа, там уже внутри молодое поколение — серые волки. Это молодая военная элита, уже не старая. Это не американское лобби, там уже свои сидят внутри. А через какое-то время начнет выстраиваться ислам, это огромное евразийское пространство. Хотите, пожалуйста, можно в него вписаться. По частям разумеется, с приоритетом татар. На каждом углу будет стоять мечеть, и они будут очень громко кричать. Я, например, спать предпочитаю под колокольный звон, это просто тише, можно заснуть, я не говорю о том, какая конфессия нужна.

Значит, строятся новые макросубъекты. Существующие субъекты в этих законах не существуют. Есть “закон сохранения сверхдержав”. Не будет этой сверхдержавы, будет другая сверхдержава, на ее костях будет собрана новая, или соберется эта, это же не “мир миров”, о котором все говорят, где все будет решаться в интеллектуальном производстве. Посмотрите, какая идет гонка вооружений, посмотрите на сумасшедшую гонку вооружений в тихоокеанском блоке. Там есть одна страна, которая гонится так, как будто бы ей завтра надо начать воевать. Значит, это будет очень беспокойный мир. В этот мир надо войти со своими ресурсами, со своим представлением о стране, со своим представлением обо всем остальном. О многополюсном мире надо забыть. Его не будет.

А теперь, Россия. Надо провести ее генезис, показать, где она начиналась. Начиналась она понятно где. После этого она прошла и через нас, и через всех наших англофобов в XIX веке, вылезла назад с этим Хантингтоном. Является она уже абсолютно манипулятивной. Надо забыть, поставить крест на прежнем языке, а не давить эти нарывы. Можно получить гангрену от этого.

Почему Россия первой заинтересована, чтобы не было многополюсного мира? Если существует (и для этого тоже все это сделано) многополярный мир, то есть мир цивилизаций, цивилизационных монад (об этом же идет речь, не о полюсах силы, не о полюсах денег, речь идет о цивилизационных, о смысловых полюсах, самовоспроизводящихся видах), то Россия в этом мире становится межцивилизационным транзитом (православной цивилизации нет уже, она с трудом удерживала себя в цивилизационном статусе в XIX веке). Она уже не цивилизация, она межцивилизационный транзит, она транзит между исламом — Татария, Башкирия, Бурятия, всем прочим, буддизмом, европейской идентичностью, католицизмом. Она может стать либо больше чем цивилизация, быть сверхдержавой, либо меньше. Но поскольку она страшно нагадила всем за последнее тысячелетие, как считается (я не буду обсуждать, так

это или нет, но так все считают) и всех ужасно пугала, то, если она становится меньше, то ее начинают уменьшать до бесконечности. У нее большая территория, поэтому она все время “слишком велика”. Она уже не сверхдержава. Ее сделали региональной державой — опять много.

И в конечном итоге получается, что она всем нравится только в одном виде — мертвом. Киссинджер что сказал? “Что, если Россия войдет в НАТО? Это обесмысливает НАТО”. Лучше не скажешь. То есть мы строим НАТО против вас.

Посмотрите, что у них происходит с ОБСЕ, партнерством во имя мира, с ССАС и проч.? Они пытаются переключить все свои новые терминалы и вводят европейские структуры. А европейские структуры дерутся за свое место. Нам выгодно позволить этим европейским структурам расти и непрерывно пугать этим американцев. Причем это не блеф, они же действительно растут. И нам надо уловить тот момент, когда эти европейские структуры дорастут до определенного уровня и поставить железные условия: простите, дорогие мои, вы этот мир не удержите. Вы без нашей “второй руки” мир не удержите. Нам совершенно не выгодно таскать каштаны из огня и наращивать европейские структуры. Ради чего? Ради того, чтобы войти туда младшими братьями? Да нас туда никто не пустит. Посмотрите как ведет себя Совет Европы по Чечне? Если бы там нас хотели, то Чечне бы оторвали голову. Ничего подобного нет. Там тоже нас никто не хочет. Нас хотят там, где рыхлая агломерация разделенных территорий. Посмотрите, во что играет Россель? Посмотрите, во что играет Шеварднадзе, который вопит непрерывно, что нужна Европа без США. Просто уже охрип. Посмотрите, во что играет Кучма. Они же все, примерно, в одно и то же играют. Значит, это условие существования такого вхождения, это дезинтеграция России под видом ли создания нового союза или под любым другим видом. Значит, нас в этой европейской игре ничто не устраивает, ничто, нам в ней места нет. Наше вхождение в эту Европу -абсолютный блеф. Никуда мы не войдем как целая страна. Мы войдем туда в лучшем случае как некая агломерация, очень сомнительная.

Итог. Нам нужно, чтобы это росло. Оно и так растет, эта собачка будет подрастать, она сегодня бульдог, завтра — дог, потом это тигр и так далее. И в какой-то момент договориться. В этот момент, как это неоднократно бывало в российской истории, у нас появляется узкая ниша, когда некие руки разжимаются, и можно быстро выстроить мобилизационную машину, быстро. Быстро — это значит 5-7 лет. Это наш шанс. А вот уж как мы или там следующее поколение за нами воспользуется этим шансом, это не для дискуссии, это для чистых медитаций каждого индивидуально или всех вместе, где-нибудь, в другом месте. Это уже отдельный вопрос. Может оказаться, что опять плохо воспользуются, потаскают каштаны из огня, еще одну нашлепку сделают и опять придут ее сосать. А, может быть, как-то договорятся.

Кто ждал Арбаката? Кто, из здесь сидящих? Я предсказывал (читал лекции в Иерусалиме), что в ближайший момент Турция станет исламским форпостом. Все говорят: “Да что Вы, нет, этого не может быть, мы же лучше знаем, там так все построено, только пусть попробуют”. Потом, когда в перерыве я вышел, ко мне подошел молодой генерал из Генштаба, с бородкой такой короткой, который сказал на хорошем русском языке: “Сергей Ервандович, Вы только учтите и передайте Вашим товарищам, что если это произойдет, у нас еще есть время, чтобы объяснить Ирану, что не мы крайние”. Значит, уже эта пружина, напряженность в ожидании была. Потом приезжает

Арбакат и говорит: “Ислам от Марокко до Индонезии”. Я думаю: “Господи, какое счастье”. О большем мечтать невозможно.

Дальше Бжезинский выступает и говорит: “А что-то нам так плохо с Ираном? Нам нужна дуга”. Он говорит “нам нужна дуга на Ближнем Востоке”. Латентная истерика, внутренняя переходит в открытую истерику. Что он говорит? Ему нужна дуга! Все же понимают, что, если эта дуга клеится, то определенные вещи просто сметаются на этом направлении. Им же нет места вообще в этой системе. Значит, начинается этот разговор.

Нельзя одновременно дружить со всеми. Равномерная политика по всем азимутам значит, что все враги. Если ракеты никуда не наведены (это к вопросу о неопределенности), если ракеты никуда не наведены, но мы ведем политику по всем азимутам. Кто такой Родионов, который просто рассказывает сколько у нас врагов: Япония, Китай, Иран, Турция, Западная Европа, США, Северная Европа. Значит, они начинают понимать: куда именно русские будут стрелять — непонятно. Но каждый считает, что в него.

При этом надо еще “отмыться”. Нужны специальные социо-психологические и психологические процедуры “отмывания” репутации предателя. Потому что у нас существует устойчивая репутация предателя. Мы всех предали. Всех, кто были с нами, мы всех предали. Никто нам не верит. Если снимать неопределенность и действительно строить какую-то страну, то элита должна сказать, что “шабаш!”, неопределенность кончается.

Китай еще 20 лет будет играть с Соединенными Штатами. Пусть Сережа Кортунов пригласит Киссинджера, он все расскажет. Там выстроено все железно. Мы нужны этому Китаю, как рыбе зонтик. Я имел удовольствие встретиться с одним уже умершим, очень пожилым человеком. Поскольку я был тогда советником Председателя Верховного Совета. Шел 1992 год. Впечатление незабываемое. Очень кратко я могу поделиться с вами. Сидит человек, очень старый, совершенно мутные глаза, штаны расстегнуты, как будто специально на меня не смотрит. Куда-то смотрит мимо меня.

Я чего-то говорю. Он какие-то вялые слова произносит. Визит должен кончиться. Я вдруг называю имя Сталина, он вылезает из той бесконечности, где он находится смотрит на меня и говорит: “Да, Сталин. Сталин великий человек. Он не решил одну задачу: он не обеспечил преемственность власти”. Дальше он встает и, уже уходя, говорит: “А мы это сделали”, — его ведут чуть-чуть, — Вот у нас великий Дэн Сяо Пин стал приемником великого Мао Дзе Дуна. Великий Дзянь Дзи Минь станет преемником великого Дэн Сяо Пина. Мы не знаем — говорит он мне, поворачиваясь, — как будут звать следующего великого, но мы знаем, что он будет великим преемником”. В этот момент мутные абсолютно глаза, в которых уже жизни нет, вспыхивают голубым светом. Он поднимает палец и говорит: “Ибо таково веление Поднебесной”. После этого я поворачиваюсь к нему и говорю: “Значит, как я понимаю, если эти четыре человека — преемники, то есть пятый, кто их ставит”. Он даже садится снова, смотрит на меня и говорит: “У Вас хорошо развито логическое мышление”. Тогда я перехожу на его тон и говорю: “Имя, кто?”. Он мне отвечает на это: “Сейчас 1992 год. У вас скоро будет заваруха жуткая в Москве, грызться вы будете, вы, там какая-то оппозиция. А вот что такое оппозиция?” И он мне начинает перечислять имена, спокойно уже, имена всех партийных сил лучше, чем я их знаю. Константинов, Аксючиц. Есть еще какие-то русские радикалы. Ампилов. “Они придут к власти, сразу же перегрызутся между собой. Вы это удержите?” Я ему говорю: “То

есть Вы хотите сказать, есть ли у нас имя?” Он говорит: “Конечно”. “И Вы меня спрашиваете?” Он говорит: “Разумеется”, — “Но я-то спросил первый, Вы первый должны ответить”. Он ухмыляется. Я-то прекрасно знаю, что этих людей, как бы ты не назывался, ставит Красный дракон или кто-то еще, но их кто-то ставит.

О какой политике мы говорим? Вы что, не знаете, что в пятерке крупнейших деятелей России, в пятерке, есть люди, которые имеют совершенно противоположные точки зрения на вопрос о том, нужен ли России Кавказ? Это люди, входящие, я вам подчеркиваю, в пятерку высших руководителей страны. Какую я концепцию должен писать, с Кавказом или без? Для кого? Когда человек просто спрашивает: “Вы нам ответьте на один вопрос: русские уходят с Кавказа или нет?” Я говорю: “Я не знаю”. “Ну, как же Вы не знаете? Вы же тут сидите”. Я говорю: “Они и сами не знают”. Они не знают, уходят они с Кавказа или нет. Что Ваньку-то валять, понятно чего хочет Назарбаев. Назарбаев все отдаст за место в имперской элите, все: и весь свой Казахстан, и вырежет всех, кто этому будет мешать из какого-нибудь Джамбула или откуда-то там еще, всех вырежет. Но он хочет двух вещей, двух: одну мелкую, другую крупную. Мелкую — он хочет просто места в этой игре. Крупную — он хочет логику, которая гарантирует ему место. И чтобы он знал, что это надолго. Ему же это не говорят. Я не понимаю, зачем две недели ласкать, неделю дразнить, две недели ласкать, неделю грозить. Надо определиться.

А Рахимов, который говорит, что они получают новую Чечню. А Аушев, которого я не люблю, но я его ценю просто как человека авторитетного на Кавказе. Вы слышите, что он кричит уже в состоянии психологического неравновесия, он кричит: “Кавказ горит, Россия делает вид, что она этого не видит. Они же не могут этого не видеть”. Понятно же, о чем идет разговор. Либо мы хотим Кавказ и империю, реально строим ее в Таджикистане, то есть мы строим политику имперского формата, либо нет.

Совершенно ясно, что объяснить всем снова, что мы строим коммунизм — светлое будущее всего человечества, — это значит превратить все в анекдот. Какая для этого социально-этническая база? Какие формулы? Кто союзник в этом процессе? Какие элиты в тех же США нас поддержат? Надо выйти с внятным проектным основанием, чтобы кто-то увидел, что снимают неопределенность.

В этой ситуации главное — определиться. С моей точки зрения ни в каком европейском проекте для нас места нет. России сегодня вообще ни в каком проекте места нет. Она все время прыгает в будущее, потому что ей все время нет места в настоящем. Просто настоящее каждый раз построено таким способом, что приходится прыгать туда. Есть место в некотором достаточно неотдаленном будущем при условии, если здесь построится националистический режим. Но в этом случае ни с каким Нью-Йорком ни о чем договариваться будет нельзя, я подчеркиваю, с Нью-Йорком, потому что говорить надо с Нью-Йорком, а потом уже с Вашингтоном. Тут нет предмета беседы. Тогда, пожалуйста, интегрируйтесь частями. В Совете Федерации есть группа, которая только и мечтает реализовать такую гениальную инициативу, мы это видим. Страна будет интегрирована частями.

Радикальное националистическое государство. Могу назвать, кто в нем был бы заинтересован. Только, конечно, не Германия. Имперский модуль, который нужно построить, если он достаточно либерален, строится на каком-то умеренном этническом пакте, на реальных гарантиях в сторону равноправия национальных групп. Да, возможен новый ренессанс отношений с

Соединенными Штатами Америки. Это надо готовить. Я убежден, что это возможно, особенно в условиях нарастания кризиса на Ближнем Востоке. Я не думаю, что он будет долгим. Там есть система интересов. Но тогда надо ставить на эту систему интересов. А когда туда приезжают наши представители к одним и тем же людям и рассказывают им прямо противоположное, и каждый раз считается, что это русская стратегия, то у людей просто “едет крыша”. Больше ничего не происходит. Надо хотя бы сказать: “Вы туда не ездите, не рассказывайте им эти сказки, а вот эти сказки будем рассказывать”.

В России нет ничего, с чем и с кем можно договариваться. Институты находятся в такой вражде, как будто бы это просто крупные корпоративные банды. Капитал приводит в ужас. На Западе уже начались по этому поводу истерики. Наша интеллигенция продается этому капиталу в лучшем случае, а в худшем случае маргинализуется. Оппозиция — это ошметки власти. Но тогда вопрос заключается в том, что мы здесь обсуждаем? Понимаете? Потому что если есть элита, и если есть еще попытки каким-то образом ее консолидировать, то ее надо консолидировать вокруг проекта создания страны, снятия неопределенности.

С моей точки зрения в государстве должны быть три сообщества. Это сообщество силовых структур, держателей закрытой политической информации; сообщество финансистов и сообщество держателей смыслов. Все понимают при этом, что каждое самоценно и что с другим говорить по принципу окрика нельзя, можно только договариваться, а каждого, кто не договаривается, поставят на место. Если эти сообщества реально существуют, если мы структурируем элиту, мы структурируем ее по первичным макроклассам. Но их в России не существует.

Начинать надо с того, чтобы лечить синдром поражения, недоверия, скуки, мелкой корысти и всего остального. Либо это будет закладываться в каких-то мелких альтернативных структурах, тогда мы 20 лет будем гнить, либо это крупная программа, для которой я сейчас вижу возможности.

Я хочу быть гражданином Великой России. Но быть гражданином “ханства Шаймиева” я не хочу, не я, а кто-то, человек не хочет. Он сразу прыгает в мир и рождается “гражданин мира”. Это абсолютно внутренне озлобленное существо, дико ожесточенное, индивидуализм которого не сопоставим ни с чем, что описано в литературе. Я видел этих “граждан мира”. Они ездят по этому миру, они мстят всем за потерянную страну, за свою опустошенность. Что, на них можно рассчитывать? На них можно опереться? Их можно во что-то интегрировать?

Я согласен рассматривать эти варианты как теоретические. Есть ядерное оружие, есть большая страна, есть неглупые люди, есть люди, которые, не получая зарплату, еще держат в своих шкафах атласы всей Европы. Это все еще есть, и пока что господин Шаймиев еще только пробует воду с господином Масхадовым. Они еще не выпили и не договорились. И Аушев еще говорит Шаймиеву, что, дорогой ты мой друг, Северный Кавказ сам между собой разберется, так что ты сюда не лезь. Но в один момент они соберутся окончательно.

Значит, вопрос сейчас заключается только в том, может ли реализовываться проект единства и равноправия, чтобы эти народы были связаны, связаны жестко и при этом паритетно? Если это может реализовываться, то ясно, кто в этом проекте заинтересован. Но тогда скажите, откройте карту, скажите, что это проект. Потому что чем дальше, Сережа (обращается к С.В.Кортунову), люди будут приходить и говорить, что они здесь

строят “демократическое государство”, тем дальше их будут посылать на фиг, потому что будет понятно, что они лгут, либо они не знают, что здесь строят, либо лгут, потому что ясно уже, что то, что здесь происходит, это другое. Тогда надо хотя бы определить честно формат другого, надо положить карту. Это же не 1995 год и не 1994 год, когда все писали кипятком вокруг демократии.

Теперь о главном, как мне представляется. Человек один раз перепрыгнул из коммунизма в демократию. Теперь ему опять надо куда-то прыгать. Он уже почти под колокольный звон готов прыгнуть на кол. Там уже все готово, заточено, стоит прямо под ним, но он тоже понимает, что эта лодка уже не тянет, он гребет, а она не тянет, потому что грести он не умеет до конца, воды в ней много.

Вопрос возникает в том, в какую иную проектную среду перепрыгнуть, и можно ли перепрыгнуть два раза за одну жизнь? В любом случае, мне кажется, что ситуация настолько тяжелая внутренне, что может быть, и можно. Вопрос заключается в том, что эта пересадка никогда не происходит таким способом, что просто взял и сел на другой стул. Сначала делается стул, потом проверяется, что у него крепкие ножки, потом говорится: “Нет, все-таки он какой-то жесткий, задницу трет”, потом на него все-таки садятся: “Ну, давайте-ка вот так”. Страна сегодня заинтересована в этом.

Сколько хочет этот Лукашенко за твердое объединение? Что мы дурака валяем? Сколько он хочет, этот Шейман, который мутит там воду, и гомелевская эта группа, сколько они хотят реально? Кого, кому надо принести, сколько людей надо соединить и пообещать друг другу, что на самом деле один не любит Гитлера, а другой не собирается ему выкалывать глаза, сколько потом надо проплатить, и какие позиции надо сдать? Потому что мы хотим иметь единую страну с любыми гарантиями. А они устраивают фарс.

А сейчас мы имеем какой-то союзный договор с абсолютной разделенностью и писком о нерушимости суверенитетов двух частей одного народа. Большого анекдота в моей жизни я не видел. Потому что люди настолько не верят в это, что они даже честно не могут сказать, что они хотят. Он хочет вице-президента, это все понимают, это как минимум. С моей точки зрения, лучше ему это дать и одновременно дать Назарбаеву что-нибудь, например, первого вице-премьера. Он хочет это, у него на лице это написано. До тех пор, пока ему это не дадут или не пообещают, он шагу не сделает.

Кроме того, понятно, что речь идет о деньгах. Понятно, что речь идет о группах, об их интересах. Значит, либо люди туда едут, это всерьез обсуждают и называют ставки.

VII. МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЕРХДЕРЖАВЫ — II

*Стенограмма совещания, проведенного в аппарате
Совета обороны РФ. Москва, 13 июня 1997 г.*

С.В.КОРТУНОВ: Эту встречу мы планируем провести более структурировано, чем предыдущую. Для этого был составлен перечень вопросов. Я постарался его направить участникам заблаговременно.

За то время, пока мы не встречались, произошло важное событие — состоялось заседание Совета Безопасности, где была одобрена концепция национальной безопасности. Она еще, правда, не утверждена. Особенность этого документа состоит в том, что он пронизан духом многополюсного мира. Во всяком случае, в международной части, за которую отвечал наш уважаемый МИД, в частности, Вадим Борисович Луков, сказано, что многополюсный мир безусловно, отвечает нашим национальным интересам, и мы всячески должны стремиться к его продвижению. Более того, там сказано, что формирование многополюсного мира — это объективная тенденция международного развития.

П.Г.ЩЕДРОВИЦКИЙ: Обсуждая то, как шла дискуссия в прошлый раз, мы пришли к выводу, что там было очень много разных важных и полезных деталей, за которыми иногда скрывалась суть вопроса. Мне кажется, что сейчас Сергей Кортунов очень хорошо сформулировал еще раз этот вопрос, а именно, что означает идея одно- и многополюсности с общесистемной точки зрения, с политической точки зрения, с геополитической точки зрения? Какое содержание мы вкладываем в саму эту идею и это понятие?

И вторая сторона этого вопроса: в какой степени одно- и многополюсный мир соответствует кристаллизующимся интересам России? Как будут меняться эти интересы в зависимости от его однополюсной или многополюсной структуры, и что означает реализация национальных интересов России в той и другой конструкции мирового процесса?

В.Б.ЛУКОВ: Спасибо за любезное приглашение и за возможность изложить собственные благоглупости для осмеяния и критики высоким собранием. По поводу концепции национальной безопасности. Этот документ — плод работы большого коллектива. Наряду со всеми я несу за него моральную, научную и практическую ответственность. В нем есть и сильные места, и многие слабые места.

Свои мысли я сгруппировал в три блока.

Первое. Характер формирующихся новых полюсов в мировой политике и экономике.

Второе. Характер противоречий в центросиловой структуре мер в системе мира или структуре мира.

И третье. Характер отношений сотрудничества, понимаемого как сочетание сразу многих компонентов взаимодействия. Вплоть до экономической и политической

интеграции между этими полюсами. И как резюме — некоторые предложения относительно наших действий — достаточно обобщенного, агрегированного характера.

Итак, первое. Характер полюсов. В вопроснике этот вопрос поставлен дискуссионно-гадательно: однополюсный или многополюсный мир? Я думаю, единственная возможность нам как-то встать на почву фактов — это обратиться к данным эконометрики и экономическому прогнозированию, апробированному в международном плане с тем, чтобы реально себе представить силу этих тенденций. По экономическим прогнозам, в частности МВФ, отчетливо видно, что, действительно, тенденция к многополярному миру утверждается как основная в мировой экономике. Это, естественно, одно из проявлений старого и доброго закона неравномерности развития мировой экономики, который не нами был открыт. Каковы особенности действия этого закона сейчас? Выделю три, как минимум, фактора и три характеристики этих полюсов мира.

Первое. Изменение “цвета” этих полюсов. По данным МВФ, в десятке наиболее развитых экономических стран по валовому объему ВВП к 2020-му, 2025-му годам только три страны останутся “белого” цвета, все остальные — “цветные” полюса. Т.е. будет семь “цветных” полюсов. На первом месте Китай, который обойдет к этому периоду на треть — на 35 процентов США по ВВП. Далее — сами США, затем -Япония. Лишь две еще “белых” страны — Франция и Германия — останутся в числе этой десятки. Остальные — это Индонезия, Индия, Таиланд, Малайзия, Бразилия, Южная Корея (или Корея, если произойдет объединение). Это первое изменение, которое, Сэмуил Хантингтон, тут же объявил бы движением к “столкновению цивилизаций”. Но я смотрю на дело иначе. Это изменение будет уникальным в международной системе, особенно в мировой системе международных отношений. С момента ее формирования вообще такого не было.

Второе. Это “разведение” экономических и военных лидеров в мировой системе. Все предыдущее время и в европейской международной системе, и в мировой системе мы сталкивались с несчастным для международного мира обстоятельством, когда показатели экономической мощи сплетались, производили на свет показатели соответствующей военной мощи. В ближайшую четверть века, по крайней мере, для очень большого числа лидеров, новых “центров” экономической силы, такое сплетение будет нехарактерным. Здесь есть свои плюсы и минусы — об этом чуть позже.

Третье. Происходит качественное изменение в инструментарии, которым будет максимизироваться национальная мощь или сила этих полюсов. На протяжении многих столетий главным фактором была территориальная экспансия и захват нового населения, затем усиление собственного экономического потенциала на своей территории. Сейчас на первый план выходит эффективность использования структур взаимозависимости. То есть, грубо говоря, насколько эффективно вы участвуете в экономической интеграции, настолько вы в состоянии максимизировать собственную национальную мощь, во-первых. И, во-вторых, направить развитие национальной мощи других в безопасное для себя русло. Этот фактор, интеграция, — как одно из основных средств максимизации, наращивания национальной мощи, — тоже принципиально новое явление в развитии международной системы и силовой структуры мира.

Другие особенности этого развития. Практически для всех этих полюсов будет характерно нарастание тенденции к демократизации, что будет вести к серьезным изменениям в

поведенческих характеристиках на международной арене. Это будет означать тенденцию к большей “прозрачности” действий этих полюсов. Тенденцию к повышению “болевого порога” в случае применения силы, участия в каких-то военных операциях, сопряженных с гибелью собственных граждан. Тенденцию к большей диффузии “центров” принятия решений, в том числе внешнеполитических, в каждом из этих полюсов. Это относится и к Китаю. Там, конечно, этот процесс будет очень медленным, осторожным, поэтапным. Но в целом этот процесс неостановим. Во всяком случае, сейчас он виден на взаимодействии политической и зарождающейся отдельно от нее экономической элит в Китае.

Таким образом, речь идет о четырех крупных характеристиках, которые серьезно повлияют на природу полюсов и на взаимодействие между ними.

Очень часто мы говорим о разных вещах, используя одно и то же понятие. Многополярный мир многие понимают, как мир по Моргентау, мир “европейского концерта”, европейского баланса сил. Такая картина мира, такая схема “баланса сил”, основанная на игре на противоречиях, искажает объективность научного анализа и может опасно сказаться на политических действиях. Представление о многополярности как о взаимодействии эдаких магнитных полюсов, не связанных друг с другом ни чем, кроме как отношениями противоречий, может нас поставить в ложное положение в этом многополярном мире, в то время как остальные “центры силы”, в том числе и китайцы, осознали принципиально иной характер этой многополярности, многополярности, так сказать, “образца XXI века”, а не XIX, и активно этим пользуются.

Чем же они пользуются? Отсюда переходим ко второму блоку, а именно, к анализу противоречий между “центрами силы”. На мой взгляд, здесь следует выделить следующие элементы.

Первое. Заметное возрастание роли неантагонистических противоречий по сравнению с антагонистическими противоречиями, которые доминировали в развитии международной системы XIX и XX веков.

Мы все время связываем это с распадом системы холодной войны. Дело, на мой взгляд, не только в этом и даже, честно говоря, не столько в этом, хотя, конечно, ликвидация политико-идеологического противоречия холодной войны — одна из основных характеристик. Дело в том, что перечисленные выше новые характеристики каждого из “центров силы” увеличивают компонент взаимозависимости между ними. И отсюда, даже те противоречия по территориальным вопросам, по разделенным нациям, которые в предыдущую историческую эпоху действительно были антагонистическими и остались бы таковыми сейчас, конечно, смотрятся на совсем ином, более широком контексте, а именно, на контексте растущей взаимозависимости государств.

Маленькая иллюстрация. Америко-китайские противоречия по поводу Тайваня. Китай и США, действительно, резко конфронтировали по этому вопросу. Но взгляните на картину американо-китайских отношений сейчас. Взаимная торговля, 55 с лишним миллиардов долларов, инвестированы США в Китай в 1996 году. В этом году торговый дефицит США Китаю превысит торговый дефицит США в отношении Японии. Америко-китайская торговля выйдет в мировой торговле на уровень одного из главных конфликтных узлов и двигателей развития международной торговой системы, переговоров в ВТО.

Встает закономерный вопрос: что, на фоне таких масштабов взаимной торговли США и Китай будут действовать в

тайваньском вопросе так, как если бы это был главный элемент в их отношениях? Конечно, нет. И они не действуют так, идет активный поиск новой структуры отношений, которая бы позволила со всеми ограничениями, конечно, но поставить тайваньскую проблему под взаимный контроль, пусть и молчаливый, но достаточно эффективный. Примеров можно приводить много, но, на мой взгляд, тенденция к деантагонизации противоречий в международной системе — налицо, и главный ее двигатель — это рост экономической взаимозависимости.

Все бы хорошо, но вот в чем загвоздка: происходит бурное размножение этих неантагонистических противоречий. Почему? Во-первых, потому что самих “центросиловых” полюсов становится больше, а чем их больше, тем даже теоретически больше вероятность возникновения противоречий. Во-вторых, взаимодействие между ними становится гораздо более интенсивным, чем прежде, причем фактор географии уже практически не имеет значения.

Маленькая иллюстрация того, какие могут быть неожиданные противоречия из-за глобализации, например, транспортных систем. Сейчас инфицированный в Киншасе человек, может попасть в течение суток в Нью-Йорк до того, как вообще самые современные средства диагностики, например, СПИДа, в состоянии обнаружить эту болезнь. Что с этим делать? Получается противоречие между странами-партнерами по направлению и получению таких массовых инфицированных людских потоков. Тема эта, одна из многих, одна из 90 примерно сюжетов, которые будут обсуждаться на предстоящих встречах “восьмерки”. Что с этим делать? Одни настаивают на священном праве вообще передвигаться по миру, обеспечивать свободу как выезда, так и въезда. Другие говорят: если такая глобализация приведет к тому, что за сутки ваши больные будут в Бронксе, так к чему же мы придем? Это маленький пример, который оживляет картину. Что делать с системой отношений неантагонистических противоречий, пока тоже не понятно.

Третье, что связано с неантагонистическими противоречиями. Центральные антагонистические противоречия предыдущего мира поддавались худо-бедно контролю со стороны либо двух сверхдержав, либо тех структур управления, которые они создавали. Либо в виде блоков, либо в виде межблокового диалога. Сейчас же само “размножение” этих неантагонистических противоречий усиливает элемент соперничества, не вражды, а соперничества в международной системе.

Те новые “центры силы”, о которых мы сказали выше, претендуют на роль в коллективных механизмах принятия решений. Это проблема расширения состава Совета Безопасности ООН, проблема реструктурирования функций ОБСЕ и так далее. В итоге мы сталкиваемся с парадоксом. Антагонистических противоречий стало, вроде, меньше. Но неантагонистическими противоречиями управлять оказывается труднее. Во-первых, потому, что их стало больше. Во-вторых, потому, что они стали гораздо более многомерными. И, в-третьих, те механизмы, которыми международное сообщество располагало в начале новой эры, оказываются сами подвержены сейчас сильной эрозии. И не только со стороны, например, Германии и Японии. Вовсе нет. Сильный нажим идет со стороны стран “третьего мира”, которые не без основания претендуют на членство в Совете Безопасности. Но количество грозит перейти в качество. Это будет уже другой Совбез, потому что те же “третьемировцы” настаивают: никакого права вето. Вот “вдвдцатиром”, как говорит Жванецкий, вот “вдвдцатиром” соберемся и будем решать консенсусом. Это что же будет за Совбез? Годами

элементарный вопрос не сможем решить. Это значит, прощай, минимальная управляемость в рамках системы ООН в региональных конфликтах.

Четвертое, что связано с изменением характера противоречий. Распалась вертикаль глобального конфликта, которая связывала воедино конфликт высшего уровня между сверхдержавами и конфликты всех остальных уровней, вплоть до борьбы курдов с турками или курдов с иранцами, которые как вы помните, этим активно пользовались: “один парашют от ЦРУ, один парашют от ГРУ”. И так жили 20 лет. Но сейчас ситуация изменилась. Распад вертикали конфликтов и вертикали управляемости этими конфликтами приводит к тому, что конфликтность регионализируется. Региональные конфликты начинают жить собственной жизнью. Причем, внутренние движущие факторы оказываются на определенных этапах развития заметно сильнее факторов глобальных. Типичный пример: Натаньяху, который голосами 30 тысяч избирателей, “скручивает” политику Клинтона в ближневосточном вопросе то в одну, то в другую сторону. А Клинтон, в свою очередь, оглядываясь на еврейское лобби в США, вынужден следовать этим 30 тысячам (два микрорайона в Беяево). И действовать вынужден исключительно осторожно даже сейчас, после выборов.

К чему ведет эта тенденция? Первое: темпы урегулирования региональных конфликтов еще более снижаются, по сравнению с периодом холодной войны. Второе — теряется возможность предотвращать новые региональные конфликты. Потому что, сама заинтересованность ведущих держав, в частности, Соединенных Штатов, в активном вовлечении в такие конфликты, в их урегулировании, заметно сократилась по сравнению с периодом холодной войны, когда каждый из конфликтов был “пробой сил” — прямо или косвенно — с Советским Союзом.

Да, Соединенные Штаты демонстрируют активность в миротворческих усилиях, но посреднического плана. Собственно, и миротворческие войска, по линии ООН, они, ведь, практически не посылают. Но эта активность не имеет ничего общего с активностью вовлечения США непосредственно в региональные конфликты периода холодной войны. Об этом говорит нынешняя американская военная доктрина и их планы использования военной силы. Как можно меньше потерь американских жизней на чужих территориях — главный их вывод из войны в Персидском заливе, которому они свято следуют, проводя, так называемую “революцию в военном деле”.

Еще одна причина регионализации конфликтов. Происходит “овнутрение” основных причин вооруженных конфликтов в мире. Из, примерно, 90 вооруженных конфликтов, которые существовали в 80-е-90-е годы, лишь менее 5 процентов были международными конфликтами. Все остальное — это конфликты, развивавшиеся внутри государств. Они, понятно, дают “выбросы” — беженцы, геноцид трансграничного плана (возьмите Центральную Африку). Но это — лишь потом.

С чем сталкивается международное сообщество? Когда этот внутренний конфликт вызревает, дотянуться до него средствами международного воздействия практически невозможно. Не моги, суверенитет, суверенное равенство! И так далее. А когда уже начался вооруженный конфликт, когда он уже перекинулся за рамки данного государства, ну кому будет охота рисковать жизнями собственных солдат, чтобы дать по рукам то Тутси, то Хуту, то талибам, то еще кому-то. Да никому! В итоге мы сталкиваемся с тенденцией, я бы сказал, к “изъявлению” тела

международного сообщества мелкими, но долго неугасаемыми ранами.

Достаточно отталкивающе представив вам, уважаемые коллеги, международную систему, я перейду к предпоследнему пункту, а именно, изменению характера сотрудничества. Мы уже говорили о том, что меняющийся характер взаимоотношений и особенно изменение характера противоречий между “центрами” международной системы ведет к изменению самих стратегических понятий, которыми необходимо, на мой взгляд, оперировать. Понятие “стратегический противник” или, так сказать, “тотальный противник” постепенно уступает место понятию “соперник”. Понятие “союзник” во многих регионах сохраняет свой смысл, но все больше все-таки соседствует с понятием “партнер”. Связано это смещение стратегических понятий (за ним стоит смещение характера отношений), конечно, с глубинной тенденцией: переключением, если угодно, оси международных отношений с антагонистических, или с реализации антагонистических противоречий, на реализацию неантагонистических противоречий. И те вопросы, которые и МИДу, и военным, некоторые депутаты в Думе раздраженно задают, да и военные МИДу: “Ну, назовите наших союзников, где наши союзники?”, — эти вопросы упираются во многом не только в то, что у нас действительно нет, ну, до недавнего времени не было формальных, полномасштабных союзников. Но и в то, что мы, задающие эти вопросы и ломающие над ними голову, все-таки еще не представляем себе глубины изменения характера отношений между полюсами силы, которые все больше выдвигают на первый план не постоянные союзы, а союзы по типу партнерства, “переменной геометрии”. Тот, кто занимался Европейским союзом, знает, что эта “переменная геометрия” коалиции там процветает. Испанцы с англичанами заодно в вопросах ограничения въезда иностранцев на свою территорию. Одновременно — “на ножах” по вопросу о Гибралтаре. Дружат — не разлей вода — в вопросе о квотах на вылов рыбы в так называемых водах Европейского союза. И опять же противоречат друг другу в вопросах о развитии западноевропейского союза. И — ничего. А почему ничего? Да потому что из этих пятнадцати партнеров по ЕЭС каждый выбирает еще дополнительно союзников под каждый из разногласных, в данном случае с Испанией или с Англией, вопросов. Вот так и живут, пропитавшись этой философией, даже психологией многополярного или многомерного коалиционного строительства.

Мы же пока только овладеваем этим искусством. А как правило — оперируем старыми понятиями: если ты противник, так и останешься противником, ты не путай нам картину, ты кто, ты скажи. А если союзник, тоже помогаем, за грудки трясем, тогда будь союзником во всем. А если нет, тогда пересматривать все придется. Эта психология, этот поведенческий стиль, поведенческая культура, управление неантагонистическими противоречиями должны трансформироваться и в нашей дипломатии все больше в искусство построения коалиций “переменной геометрии”. Особенно это характерно для экономики.

Каковы же, на мой взгляд, основные правила действий в многополярной системе международных отношений, которыми следует руководствоваться всем и России в том числе?

Первое. Нельзя оказываться в “створе” интенсивных конфликтов сразу нескольких полюсов. Для нас это, конечно, треугольник США-КНР-Россия. То есть, становиться в чужом конфликте “на линию огня”. В нашем ресурсном положении это

чрезвычайно опасно. А многоазимутная конфронтация будет тем более губительной.

Второе, вытекающее из первого. Конечно же, идеал — это сбалансированные отношения со всеми полюсами, но этого по определению у нас быть не может. С одними мы граничим, с другими нет. Объем экономических связей разный, культурная общность разная. Уже это предопределяет разную интенсивность и конфликта, и сотрудничества.

В итоге идеал, это, конечно, формирование системы, опять же, “многомерных коалиций”, в которой выгоды России от участия в каждой из построенных нами коалиций перевешивают те уступки, на которые мы идем ради их построения. Иными словами: суммарная выгода от участия в коалициях, “многомерных” коалициях, в которых мы участвуем, должна перевешивать уступки, на которые мы идем ради их построения.

Третье правило. Эффективность реализации национальных интересов в такой многомерной системе будет все больше определяться эффективностью нашего участия в управлении процессами экономической взаимозависимости. Отсюда и качественное возрастание роли “экономической дипломатии” для России.

Четвертое. Чем сильнее ваши позиции на региональном уровне, тем сильнее будут ваши позиции в отношениях с каждым из “центров” многополярного мира, в силу того, что эти “центры” имеют тенденцию к глобализации своих интересов. Пример — интенсивное распространение китайских и американских интересов на Центральную Азию. А обеспечение наших интересов, в данном случае, в Центральной Азии, будет нам давать прирост позиций в отношениях и с Китаем, и с США.

И, наконец, эффективность задействования нами механизмов многополярного мира и самой концепции многополюсности для продвижения национальных интересов будет зависеть от эффективности наших действий по созданию коллективных механизмов управления процессами, протекающими в этом мире. Новых механизмов создавать не нужно. Не получится. Да и можем растерять то, что еще удастся сохранить ценой очень большого напряжения сил в Совете Безопасности ООН, в ОБСЕ, в других структурах. А вот разумно распорядиться теми механизмами, которые есть, и провести их ограниченную перестройку так, чтобы эта многополярная система не накапливала внутренних противоречий и не отбросила на пути своего развития механизмы, которые окажутся эффективными, — это принципиально важно.

Ну а в целом степень реализации наших интересов в многополярном мире можно измерить достаточно просто, присмотревшись к решениям, которые принимают основные органы управления в многополярном мире — Совет Безопасности, “восьмерка”, ОБСЕ и другие институты, и сравнив их с тем, чего мы хотим, с нашими позициями. Другого средства укрепить, или точнее так, для начала измерить степень реализации наших интересов в этой многополярной системе, я не вижу, — как брать в руки документы этих механизмов, анализировать их на предмет соответствия или не соответствия нашим интересам, не обижаясь на то, что порой по форме такие решения могут не укладываться в привычный нам язык, а по содержанию, тем не менее, они будут работать на нас.

Маленький пример из дипломатической практики, правда двусторонней. В марте месяце в Пекине разрабатывалась Декларация о многополярном мире, и китайцы неожиданно сказали, что принципы равноправного, доверительного партнерства, которые мы им предложили, не подходят. Мы ошарашено спрашиваем: “А почему?” “Понимаете, они не

укладываются в нашу дипломатическую текстовую работу. Мы, товарищи, исходим из того, что каждый принцип должен состоять из четырех иероглифов, как стихи, а у вас только из двух иероглифов, например, “взаимная выгода”, да и звучит по-русски неприлично. Поэтому мы не можем принять этот набор принципов, товарищи”. Конечно, наша сторона изумленно спрашивает: “А что же делать-то?” “А это ничего, — говорят китайские друзья, — у нас уже есть отработанный комплект принципов на такой случай, там как стихи сделано, каждый принцип — четыре иероглифа и немного даже в рифму. Нашим руководителям будет приятно это прочесть”. “Ну нехай”. Они включили, значит, эти принципы на свой лад, в русском переводе они, конечно, переведены однозначно, также как и в китайском, но никаких стихов, никаких четырех иероглифов не заметно. Конечный результат: удалось впервые более менее развернуто зафиксировать принципы российско-китайского партнерства. Ну а для нас это был еще один урок дипломатического мастерства “на азиатский манер”.

С.А.КАРАГАНОВ: Первый тезис о том, что мы живем в многополярном мире, аргументировался В.Б.Луковым исключительно данными эконометрики. Мне кажется, что для реальной политики нам все-таки нужен тезис о многополярности поместить в реальное время. Правильно ли исходить из того, что в экономической и военно-политической сфере, этот мир является многополярным? Принимая этот тезис как определенное не только руководство для ориентации, но и руководство к действию, не дезориентируем ли сами себя? Это первый вопрос. Сразу второй, такой же. Эта теория, она Вадимом Борисовичем была высказана сейчас в наиболее софистицированном виде, появлялась в том или ином виде уже несколько раз. Она появлялась в начале прошлого века. Тогда и появился впервые термин — “взаимозависимость”. На этой основе, на основе того, что главные тогда европейские державы, которые составляли тогда многополярный мир, достигли высокой степени взаимозависимости, появился тезис, что война невозможна, поскольку имеются общеэкономические интересы. Помнится, Владимир Ильич его еще критиковал.

Вторая, “расовая”, теория появилась в конце 60-х годов. Потом опять прошло какое-то количество времени и выяснилось, что все те тенденции, о которых шла речь, развиваются. В этой связи вопрос: а не является ли то, о чем Вы говорите, не качественно новым состоянием международных отношений, а в значительной степени возвращением в “статус кво антэ”?

Я могу еще добавить к тому и новые факторы, например, коммуникации, здесь еще большая степень взаимозависимости. Можно набросать в этом же направлении еще огромное количество и энергетических факторов, в которые сейчас как никогда втягивается мир. Я могу усилить Вашу логику. Но не является ли наш научный прогноз относительно малоконфликтного и неантагонистического развития мира, об изменении факторов силы и факторов мощи государств чуть-чуть преждевременным? И не станем ли мы в ближайшие 10-15 лет свидетелями, скорее, не перехода международных отношений к новому качеству, а возвращения международных отношений к тому, что уже было?

П.Г.ЩЕДРОВИЦКИЙ: Раз уж началась такая песня, то, наверное, будут еще вопросы. Вот у Сережи есть один вопрос, как минимум.

С.В.КОРТУНОВ: У меня один очень частный, короткий вопрос. Согласен, что в связи с деантагонизацией международных отношений понятие “противник” превращается в понятие “соперник”, а понятие “союзник” — в понятие “партнер”, и вообще роль союзов в большой степени размывается, особенно в прежнем понимании этого слова. Но тогда чем объяснить, что в условиях действительно прогрессирующей экономической взаимозависимости возрастания роли экономической дипломатии размывается понятие нейтралитета? По крайней мере, то понимание нейтралитета, к которому мы привыкли, сейчас испытывает кризис.

С.А.КАРАГАНОВ: Еще один вопрос тогда. Вы не ввели один фактор, который заключается в консерватизме человеческого мышления. Можно предположить, что политическое мышление Караганова и других по крайней мере на 50, 100, 200 лет отстает от реальности.

Однако и на Западе, а там общество гораздо более развитое, прогрессивное, психологически созревшее, мышление отстает от новой реальности. Получается, что она как бы и не существует, ведь реальность все-таки существует в головах людей. Самый классический пример, совсем пошлый, я бы сказал, это расширение НАТО. Зачем тогда, к чертовой матери, НАТО расширять или даже Европейский союз? Совершенно не понятно. Но они расширяются, хотя, совершенно ясно, что мощь при этом не прибавляется, экономическая мощь не прибавляется, даже военная мощь не добавляется, она уменьшается. А тем не менее, все это катится и катится, и дальше собирается катиться. Это не первый и не единственный такого рода результат. Не является ли это традиционное мышление в значительной степени самостоятельным фактором, который неадекватен складывающейся действительности? И каким образом эта действительность не ощущается?

В.Б.ЛУКОВ: Первое: есть ли многополярность? Хочу подчеркнуть еще раз, коллеги. Я говорил о тенденциях, которые развиваются. Тенденция к многополярности не значит, что сейчас уже есть то, о чем я говорил. Это тенденция, тем не менее, по моему убеждению, не остановимая, то есть объективная, и она будет развиваться. А где мы сейчас находимся? Мы находимся в политическом плане — на четверти пути, в экономическом — на трети пути к этой многополярности. Но при сохранении нынешних темпов развития потенциальных “цветных” “центров силы” эта тенденция будет ускоряться. Потому что будет происходить превращение количества накопленной экономической, финансовой мощи — и очень скачкообразно — в политическую мощь. Этот момент важно не прозевать, не усыпить себя рассуждениями о том, что все это лишь на горизонте, а сейчас-то мы в другом мире, господа, живем. Надо определить скорость движения этой “тучи”. Тот, кто с интервалом в два года побывал в Китае, об этом знает. Там, конечно, разные районы есть, но темпы суммарного экономического роста говорят о том, что количество очень быстро будет переходить в качество политики. И не только там, в АСЕАНе целиком.

Экономическая многополярность несомненна, но она пока складывается из трех крупных, трех с половиной крупных блоков: США, Евросоюз и группировка, в центре которой стоит Япония, и начинающий равняться с этой группировкой АСЕАН. Это основа экономической многополярности, которая уже сложилась. Маленькая иллюстрация. Китайцы. Казалось бы,

более “засупоненных”, более приверженных догмам людей не найти в дипломатии. Март месяц — состоялась первая встреча в рамках так называемой “инициативы шести рынков”. Что это такое? Это — АТРовский вариант “большой семерки”. Это — механизм координации обменных курсов и координации банковских ставок с участием США, КНР. Представляете? Это при всей антиимпериалистической риторике. Тайвань, КНР, Сингапур — все это “центры”. Гонконг, Австралия, Япония — тоже. Вот вам — пример мышления. Первыми выдвинули эту инициативу в абстрактном виде австралийцы, затем японцы в 1992 году, а потом американцы предложили включить китайцев. Те охотно пошли на это. Вот вам — пример мышления очень дальновидного со стороны китайцев, очень. Они, согласившись на то, что Гонконг и после первого июля будет самостоятельной единицей в этом механизме, дают дополнительную гарантию Западу: “Нет, ребята, мы глотать его не будем, разваливать эту курицу, несущую золотые яйца, мы не будем”. Они показывают свою заинтересованность именно в управлении экономической взаимозависимостью. Это — к вопросу о том, кто и как отстаёт в осмыслении мира. Черт его знает, то ли китайцы в марксистском духе прогрызли диалектику и хорошо ею владеют и пользуются ею практически очень предметно, то ли это — азиатский прагматический стиль мышления, я не знаю. Но то, что сознание всегда тащится далеко позади реалий, — вопрос спорный.

Я согласен, иной раз удобнее, приятнее думать в категориях прежней структуры мира. Потому что в новой структуре, как ни щупай, по многим моментам невозможно найти рычагов воздействия. Вот, что пугает. Это гонит к ностальгии. Но это уже проблема восприятия, а не проблема реалий.

Возвращаясь к вопросу многополярности и однополярности. В экономическом плане она есть. И здесь сомнений нет. В политическом, точнее, в военно-политическом плане, ситуация несколько сложнее. Почему? Нет однополярности в военном плане. Но не потому, что США не являются однозначно доминирующей военной силой. Нет. Они, конечно, ей являются. Но по внутреннему состоянию США еще длительное время будут не готовы к массированному применению обычной силы в целях, которые бы расходились с целями классической обороны, собственной обороны или обороны жизненно важных союзников. В обществе такое отношение к масштабам вовлечения США, активного вовлечения в международную систему, которое блокирует силовые акции. Примеры очевидные, их приводить не надо.

С.А.КАРАГАНОВ: Очевидны противоположные примеры.

В.Б.ЛУКОВ: Где же?

С.А.КАРАГАНОВ: В течение последних 10 лет они дважды массированно участвовали.

В.Б.ЛУКОВ: Ирак. Вот — массированное участие. Босния — совершенно другие условия. Я как раз хотел привести пример Боснии, как пример того, как они четыре года предоставили европейцам полностью дискредитировать себя как миротворцев на поле боя. Потом, не вводя свои силы, нанесли психологический удар, он был в первую очередь психологическим, а не военным, своей авиации по сербам, и они не имели потерь. Несчастные французы потеряли более 50 человек там на поле. Для них это большие потери в течение 1992-1995 годов. А у американцев нет потерь, по пьянке только.

Они попробовали в Сомали собственными силами провести акции активного характера. Чем это кончилось? Удрали. Именно потому, что потери были несопоставимы с политическим выигрышем. Это все понимали. И Клинтон первый это понял. Они оттуда удрали. И Сомали для них, конечно, было сигналом к тому, что нынешние вооруженные силы, обычные силы США, не подготовлены к ведению таких операций, где в них стреляют из-за угла, а где они сами по ошибке вдруг ночью атакуют штабквартиру Красного Креста. Поэтому потенциально, да, США, конечно, единственный сейчас определяющий, решающий “центр” военно-стратегической ситуации. Реально же они связаны многочисленными, в первую очередь внутренними ограничениями на применение силы.

Другое дело, что они активно работают (обманываться не надо) над тем, чтобы снова сделать обычные вооруженные силы применимыми. На это нацелена их концепция “революции в военном деле”. Внедрение нового поколения средств вооруженной борьбы на обычном уровне.

В итоге, антагонистические или неантагонистические противоречия — где граница на практике? Это очень важный вопрос. Но в диалектике антагонистические противоречия — это такие, где реализация одной стороной противоречия предполагает полное снятие другой стороной. В практике, если от “птичьего языка” отказаться, это что такое? Территориальные споры, разделенные нации, в известной мере, контроль над природными ресурсами. Тут уже “серая зона”. А остальное все — неантагонистические противоречия. Кстати, это широко распространенное мнение. Если война — антагонистические противоречия. Диктатор был пьян, жена подбила и так далее. История полна войнами, которые не имели права появиться. То есть масштабы применения затрачиваемых ресурсов, военная сила, были несопоставимы с реальными целями войн. В итоге, я не знаю, Олег Алексеевич свидетель и отчасти активный участник наших попыток помирить Иран и Ирак во время известной войны. Объективно из чего она выростала? Да ни из чего не выростала. Я не знаю, Олег Алексеевич меня оспорит. Но это была типичная прихоть диктатора Хуссейна, которого подставило, “кинуло”, как говорят сейчас, ЦРУ, которое, желая ослабить революционный Иран, накормило его информацией, что всех генералов и офицеров забили камнями насмерть, “матчасть стоит ржавая, давай нападай, там сопротивления не будет”. И напали, и “понеслось”. Типичный пример войны, которая не имела права появиться. А раз ввязавшись в нее, Хуссейн уже не мог остановиться. И там такое пошло. И Олег Алексеевич там много раз был и сюда затаскивали их, пытались мирить, и так далее.

О нейтралитете. Здесь тоже, на мой взгляд, у нас появляется оптическая иллюзия. Мы пытаемся рассудить, как же это сторонники нейтралитета периода холодной войны, биполярной конфронтации изменяют этой идее сейчас, хотя, казалось бы, противников-то уже нет. Но тогда они были зажаты в своих возможностях маневра позициями, определявшимися сверхдержавами. Классический пример — австрийский нейтралитет и политика Финляндии — неучастие в союзах. Это был выбор, в большой мере, навязанный. Шведский, ирландский нейтралитет, тем более швейцарский — это был нейтралитет, взятый на себя добровольно.

Но сейчас речь идет о другой ситуации. Они понимают, что их неучастие в процессах экономической интеграции, интеграции во внешней политике и сфере безопасности, в той же Западной Европе, дает больше издержек, чем следование линии нейтралитета периода холодной войны. И отсюда, конечно,

усиливающийся натиск на нейтралитет повсюду, от Финляндии до Австрии, который, конечно, для нас очень болезненный. Потому что и мы этот статус воспринимаем до сих пор как завоевание нашей внешней политики и конечно как стратегический резерв на фоне расширения НАТО. Но, особенно, я бы выделил в данной аудитории финский нейтралитет, потому что не удержим Финляндию — а с Прибалтикой что? Они сразу закричат: “Большую Финляндию с прямой тысячекилометровой границей с Россией в НАТО готовы взять, а нас что? “Двойной стандарт”? Два класса государств? Опять делите?”.

Конечно, это для нас очень актуально. Но в том, что касается сближения нейтралов с Евросоюзом, на мой взгляд, это не остановимо, это объективный процесс. А значит, объективный процесс их втягивания в процесс координации внешней политики и политики безопасности. Другое дело, что в силу внутренних расхождений ведущих стран ЕЭС, эта координация носит слабый характер. И действия Евросоюза на Ближнем Востоке это убедительно показывают. Так что я бы это видел в нужных пропорциях, эту эрозию их нейтралитета в ЕЭСовскую сторону. В сторону НАТО — это, конечно, очень болезненный для нас процесс. И особенно, на мой взгляд, я высказываю личную точку зрения, с учетом возможного падения этих “костьшек”, цинично говоря, в Балтийском регионе.

С.В.КОРТУНОВ: У нас там Швеция, которая не изменяет нейтралитету.

В.Б.ЛУКОВ: И там, к сожалению, дискуссия растет.

О.А.ГРИНЕВСКИЙ: Я как раз думаю, что многополюсность или тенденция к многополюсности как раз работает в пользу того, что понятие нейтралитета, как мы его понимаем, размывается. Если мир многополюсный — нейтралитет просто не нужен, он отжил свой век. Шведы не считают, что политика нейтралитета действует. Что они делают? Они “сидят на заборе”. Они “сидят на заборе” и смотрят, куда пойдет развитие в Европе. Если идет экономическая интеграция, — мы участвуем. Но они видят, что вслед за экономической идет политическая, после политической следует военная. Вот они видят эти три процесса и говорят: “О кей, мы в экономике участвуем, в политике мы участвуем, в военном плане пока подождем, посмотрим, как это будет, в какую сторону будет поворачиваться. Но они уже не говорят, что они нейтральные, они выжидают, как будут складываться процессы.

Расширение НАТО им немножко не нравится, это они считают забеганием вперед. Но в принципе, если есть экономическая общность, политическая общность, естественно, будет и военная общность для “центра”. С этой точки зрения, наверное, действительно нейтралитет в Европе, нравится нам это или нет, это уже вещь отживающая.

С.А.КАРАГАНОВ: Целиком согласившись с тем, что сказал Олег Алексеевич, я бы только уточнил, что в том, что касается формального членства в НАТО и в интегрированных военных структурах НАТО, здесь, мне кажется, нужно сохранить идейную чистоту. ЕЭС — да, но НАТО — “но пасаран”.

О.А.ГРИНЕВСКИЙ: Это другой вопрос. Мы говорим о тенденции развития.

Андрей В.ЗАГОРСКИЙ: Спасибо. Поскольку много было уже сказано, я постараюсь комментировать выборочно и

“точечно”, предварительно оговорившись, что и в целом, и в деталях разделяю то, что говорил Вадим Борисович.

Первый мой комментарий касается постановки исходного вопроса: какая силовая конфигурация отношений отвечает интересам России? От постановки вопроса во многом будут зависеть те варианты ответа, которые мы будем обсуждать. Речь, конечно, не идет о том, чтобы мы выбрали, какая конфигурация нас больше всего устраивает. Мы должны прежде всего оценивать объективные тенденции, долгосрочные тенденции и, исходя из них, видеть себя в сегодняшнем, в будущем мире, исходя из этого, искать точки стыковки наших интересов с этими глобальными тенденциями. В этом смысле, мне кажется, Вадим Борисович совершенно правильно шел от общих тенденций к тому, чтобы потом уже какие-то выводы делать для России.

Каков мир? Безусловно, он не однополюсный. Это — факт. К многополюсности я еще сейчас коротко вернусь. Мир, конечно, не однополюсный. Даже, кстати говоря, с точки зрения военной, силовой, потому что на подавляющем большинстве примеров современных конфликтов, и там где применялась военная сила, либо в пассивном, либо в активном плане, мы видели и прекрасно понимали, что от одной только военной силы решение этих проблем не зависит. И более того, во всех случаях американцы это понимали и давно понимают, что от них не все зависит в решении этих вопросов. Мы это видим в мире вполне ясного продуманного разделения труда, причем разделения труда не только в плане многонационального состава коалиционных сил, — они могут по-разному формироваться, — но и особенно в том, что касается разделения военного, экономического, финансового и так далее бремени.

Можно с уверенностью сказать, если брать в частности Боснию или Ирак: американцы одни бы никогда не потянули эти вещи, они прекрасно это понимали, и отсюда все сложные коалиции, которые формируются. Это будет важно, мне кажется, при нашем последующем разговоре о многополюсном мире.

Что касается полюсности, да, конечно, здесь сложно спорить. В том смысле, в каком говорил Вадим Борисович, мир становится многополюсным. Но я бы здесь пошел несколько дальше. Собственно говоря, не только я, это одно из направлений в современной науке о международных отношениях. Сама категория многополярности как таковая постепенно начинает отмирать. Уже сейчас эта категория не является тем рациональным понятием, с помощью которого можно понять современный мир, прогнозировать. Во всяком случае, ни количество полюсов, ни даже качество полюсов не является сегодня главным движущим мотивом развития мира. А развитие мира определяется совершенно другими тенденциями, которые связаны прежде всего с сотрудничеством между полюсами и с формированием отстающего пока от реальности механизма управления этими отношениями на будущем этапе.

Но здесь есть один маленький нюанс, и я его хотел тоже оттенить. Это касается одного из вопросов, которые задавались. А есть ли это новое качество в современных международных отношениях? Да, оно есть. И здесь как раз сказывается наше отставание, в первую очередь, мышления, поскольку это качество уже давно появилось. И появилось не с прекращением холодной войны, а по существу оно в реальности стало складываться в послевоенный период, пусть не в глобальном масштабе, а в несколько более ограниченных географических пределах, а с точки зрения мышления, строго говоря, оно появилось еще в межвоенный период. Это — идея интегрирования и Германии, и России в международную систему. Ее проявлением был, например, “план Юнга”.

Но реально она стала работать и в виде определенных сообществ, и в виде европейских сообществ, и в виде трансатлантического сообщества, и в виде сообщества безопасности, смысл которого очень прост: война между участниками этого сообщества уже невозможна. В условиях постепенной глобализации мировой экономики это то качество постепенно распространяется на весь мир. В этом особенность не глобальной системы по географическому параметру, а глобальной с точки зрения преодоления фактора географии для тех стран, которые входят в эту систему глобальной экономики. Здесь важна именно экономика, это очень существенная вещь. Экономисты называют это процессом “интернализации воспроизводственных экономических процессов” в современном мире. Что значит “интернализация”? Это значит, что речь уже идет не о внешней торговле, а о некоем едином, постепенно становящемся все более единым процессе экономического воспроизводства тех стран, которые входят в эту глобальную экономику. Важный фактор, который во многом предопределяет и будет определять структуру мира, — это вопрос в том, кто входит и кто не входит в эту глобальную экономику. Кто-то входит, а кто-то “выпадает”, кто-то приближается, кто-то отдаляется. И это одна из самых существенных характеристик того мира, который сегодня формируется. Те 10 центров, которые называл Вадим Борисович, могут оказаться другими. Могут ошибиться в прогнозах применительно к конкретным странам. Можно спорить, нужно ли выделять Германию или Францию, но если развитие внутреннего рынка в Западной Европе будет идти, как оно идет сейчас, то утратит смысл вообще понятие внутреннего валового продукта Германии, внутреннего валового продукта Франции, поскольку речь будет уже идти о внутреннем валовом продукте Западной Европы в целом или стран Европейского союза как такового. Конкуренции внутри монополий никаких происходить не будет — ни в сфере телекоммуникаций, ни в других областях, которые традиционно были “государственным доменом”.

Но в эти “центры” не входили, не входят и не будут входить страны, которые находятся на “периферии” этого формирующегося мирового хозяйства. Они не являются “центрами” мировой экономики. Они в этом смысле, в экономическом плане не определяли, не определяют и не будут определять тенденции глобального экономического развития. Это очень существенный фактор, ведущий к постепенному растворению того, что Вадим Борисович назвал антагонистическими противоречиями. Они себе больше навредят, если будут пытаться решать какие-то проблемы односторонним путем, даже не обязательно военно-силовым.

Но вот отношения между “периферией” и центром мирового хозяйства могут складываться по-разному. Хотя “периферия” тоже не однородна, там есть разные слои, и здесь могут возникать отношения, том числе и силовые. Они возникают в определенных ситуациях и военно-силовой фактор начинает играть какую-то роль. Напряженность, в том числе военно-силовую, я исключать не могу между “периферией”, особенно нижними слоями “периферии”, выпадающими просто-напросто в силу ряда причин из мировой экономики, и “центром” мировой экономики.

Наконец, последний вопрос, в этой связи возникающий, очень существенный и принципиальный для нас. Мы должны трезво посмотреть, где мы находимся в этой всей картине. Мы должны ясно отдавать себе отчет, что в этих десяти “центрах”, о которых говорил Вадим Борисович, при всех допущениях, через 25 лет мы не окажемся. То есть в “центре” мировой экономики

мы не находимся и, видимо, в ближайшее обозримое время находиться не будем.

Более того, если брать сегодняшние экономические параметры России, то в общем-то Россия, строго говоря, по своим экономическим показателям абсолютно иррелевантна для мировой экономики. Мировая экономика для нас важна. Но мы-то даем меньше пяти процентов мирового ВВП, еще меньше от мировой торговли. 15 процентов мы даем по нефти и газу. Это единственное исключение, тоже, может быть, не самое стратегически выгодное для нас.

Отсюда, соответственно, возникает вопрос. Реально посмотреть, где мы находимся, и реально определиться, куда мы хотим идти. По большому счету, оказаться одним из “центров” мировой политики можно двумя путями. Один путь — реально входя в эти экономические процессы через интеграцию в мировое экономическое пространство. Это будет долго, болезненно, сложно. А другой вариант — это другое понимание многополярности мира, — это попытаться сколотить на “периферии” мирового хозяйства очередной “Интернационал” или антиимпериалистический блок или постараться взорвать или хотя бы припугнуть, что взорвем то “ядро”, которое формируется в мировой экономике. Здесь проблема выбора, выбора в том числе осознанного, но с последствиями, которые тоже вполне будут очевидны и в том, и другом случае.

Е.М.КОЖОКИН: Я хочу начать именно с того, чем Андрей Владимирович закончил, с очень важного рассмотрения вопросов глобализации мировой экономики. Возникает вопрос: как нам преодолеть наметившуюся тенденцию углубления “провинциализации” России, прежде всего в экономическом плане. Если мы проанализируем ситуацию даже с нашим внутренним рынком, который мы неудержимо теряем, притом теряем в области высоких технологий, то это будет самое лучшее доказательство этого печального тезиса о нашей “провинциализации”. В этом плане, мне кажется, нам и нужно смотреть и на внешнюю политику, и на рассмотрение вопросов о многополюсности. Как нам преодолеть эту тенденцию, которая, вне всякого сомнения, противоречит нашим национальным интересам, интересам выживания нации как таковой, сохранения государства, инструментов для сохранения и выживания нации?

В этом плане, мне кажется, у нас не должно быть иллюзий и мифологизации собственного положения. А иллюзии и мифологизация у нас остаются. Связано это с некоторыми вещами, которые можно отнести к области психоаналитики. Коммунисты, либералы, люди, которые вообще как бы аполитичны, вне политики, все равно в той или иной форме, — мы все люди с травмированным сознанием. Мы переходим от жизни второй по значимости сверхдержавы к жизни страны, которая и в политическом, и в экономическом плане играет не очень значительную роль в мире. Более того — эта роль продолжает уменьшаться.

Конечно, это травма, это травма очень серьезная. Заниматься ее исследованием — это все равно, что пытаться, часто имея не очень хорошие инструменты, рассечь рану, которая гноится. Любителей заниматься самоанализом такого рода я особенно не вижу даже в числе наших абсолютно свободных от государственной опеки, какой-либо вообще опеки, аналитиков, так как это не принесет никаких дивидендов — ни публичных, ни гонорарных. Это может только вызвать ситуацию “интеллектуального остракизма”.

В то же время эта ситуация, что мы создаем определенные мифы, которые приводят к некоторой сублимации

этой боли, она наблюдается. То, что мы так упорно рассматриваем вопрос о многополярности, — это форма сублимации, потому что нам легче принять, что мы живем уже в этом мире. Вадим Борисович очень интеллигентно стал говорить о тенденциях, но он говорил о тенденциях, а о сегодняшнем дне не стал говорить. Приятнее сказать, что развалилась двухблочная система. Но она развалилась так, что появилась многоблочная, многополюсная система, мы там, может быть, даже один из полюсов. Наибольшие оптимисты говорят с полной уверенностью, что мы один из полюсов, меньшие оптимисты, больше реалисты говорят, ну, мы, может быть, станем вот-вот одним из полюсов.

На самом деле, если мы посмотрим даже на экономическую сферу, возьмем данные международной системы сравнительных анализов, что мы видим? За сто процентов берется ВВП Соединенных Штатов, следующая держава — порядка 42 процентов — Япония, порядка 40 процентов Китай, дальше, с большим отрывом, — Германия (где-то около 27 процентов). Вот в этом мире, с такими данными нам жить некоторое время, согласитесь. Да, тенденции вряд ли изменятся даже при самых плохих сценариях для Китая и для стран Юго-Восточной Азии. Видимо, действительно, если будут продолжать тот рывок, который они сейчас делают. Но в любом случае на протяжении где-то еще около десяти лет доминанта Соединенных Штатов даже в экономической сфере, будет сохраняться.

Если же мы возьмем их военный потенциал, который до сих пор, к сожалению, значим в политике, то тут разрыв совсем иного плана. Если мы возьмем, скажем, столь значимые на сегодняшний день возможности в сфере космической разведки, ну, кто может близко сравниться с Соединенными Штатами? Для проведения любой крупной миротворческой операции требуются данные разведки. Все оказываются в зависимости от Соединенных Штатов, тем более что наша система, которая в чем-то не уступала Соединенным Штатам в советские времена, в значительной степени развалилась. Европейцы очень хотят создать свою систему. Но пока это все в основном на уровне замыслов и очень небольшого продвижения. Китай тоже тут очень серьезно отстает и не скоро еще будет иметь какой-то паритет с США.

Если мы возьмем столь же значимые в сфере реальной военной политики нынешнего времени возможности транспортной авиации, то увидим гигантский разрыв между Соединенными Штатами и всеми остальными. Называем мы их полюсами, не называем, — разрыв очевиден. Если мы возьмем возможности обычных вооружений, притом столь значимого сейчас, допустим, высокоточного оружия, тут разрыв еще больше. Если мы будем делать вид, что названные сейчас факторы не играют роли в мировой политике, ну, извините, это относится к области мифологии. Мы мифологизируем и одновременно делаем вид, что занимаемся внешней политикой. Или это, действительно, из области психоаналитики. Тогда надо вначале “полечиться”, а потом уже делать попытку выйти из той ситуации, в которой мы оказались.

У нас есть еще наше собственное культурное наследие. Мы -глубоко идеалистическая нация. То, что мы прожили, исповедуя марксизм-ленинизм, еще более усугубило наш идеалистический характер. Потому что марксизм-ленинизм — это не материалистическая теория. Это была идеологическая система, которая завышала роль идеологии вообще в мировых делах. Мы оказались в ловушке, не поняли, что идеологией все грамотные политики не более чем пользуются как одним из инструментов. А мы считали, что идеология — это субстанция. И

сейчас у нас сохраняется тенденция придавать слишком большое значение идеальным моментам в политике. К тому же у нас и у американцев совершенно разные системы осмысления действительности. Можно говорить, что в чем-то мы их выше, в чем-то они хуже нас, но факт тот, что в общем-то, они нас в двусторонней конфронтации переиграли, используя свою далеко не совершенную систему осмысления действительности. А мыслят-то они, в общем-то, действительно, в чем-то даже очень примитивно. Они не Бог весь какие стратеги. Это известно, они сами про себя это знают. Нет у них склонности смотреть на долгую перспективу, решая конкретные внешнеполитические задачи. Да, они видят опасность этих тенденций в мире. Но они каждый раз решают все-таки задачи сегодняшнего дня, в крайнем случае завтрашнего дня. Приходят другие задачи — они их решают, притом часто меняя, скажем, полностью систему координат. А мы очень заиклены на долгую перспективу, какие-то тенденции. Это нужно, вне всякого сомнения, рассматривать. Но во внешней политике все-таки, если мы будем ориентироваться только на длительную перспективу, мне кажется, мы и дальше будем проигрывать.

Концентрировать ли нам усилия на ближнем зарубежье? Речь идет о том, чтобы бороться за рынки, за те рынки, за которые борются другие партнеры по мировому сообществу. За рынок СНГ борются сейчас японцы, китайцы, западноевропейцы. А мы говорим, что, заниматься СНГ — это тянуть собственную страну в прошлый век. У нас на самом деле две приоритетные зоны — это СНГ и Европа в целом. Притом тут есть некоторые, если возвращаться все-таки к перспективе, некоторые плюсы. Европа по большому счету проигрывает на сегодняшний день “экономическую гонку” АТР. Мы для них определенный, использую старое слово, союзник, которого можно будет как-то использовать. Притом союзник, которого они видят не только как сырьевой придаток. Подход европейцев несколько отличается от подхода американцев к России.

Конечно, можно говорить о приоритетности АТР, что за АТР будущее. Но я считаю, что у нас слишком большая европейская, я бы сказал, инерция. Наша страна на протяжении нескольких веков повернута в Европу. Допустим, можно поставить сейчас задачу “развернуться в АТР”, внушить Президенту, что наше будущее — в АТР. Но в ближайшем будущем мы не сможем развернуть страну в сторону АТР, не сможем развернуть и по экономическим причинам, и по транспортным причинам. То есть это задача, которая как бы для нас существует. Но мне кажется, что разворачиваться в сторону АТР нам надо, объединяя наши усилия с Западной Европой, с Европой в целом. Потому что в этом будет смысл и для нас, и для Европы.

Я считаю, была очень серьезная ошибка, что недоработали наши коллеги из МИДа, когда шла речь о встрече “Европа — Азия”. Был у нас шанс на этой встрече оказаться. Мы на этой встрече не оказались. Сейчас идет подготовка к следующей встрече. Если мы вновь на этой встрече не окажемся, я думаю, это будет еще один наш прокол.

Мне кажется, скрытая дискуссия у нас разворачивалась не по поводу каких-то архаичных людей и “динамичных новых либералов”, а по поводу того, какую выбрать грамотную тактику и стратегию для России, чтобы выбраться из того глубокого провинциального экономического болота, в котором мы оказались. Антагонистические, неантагонистические противоречия — дело не в этих словах, а в том, чтобы выбраться из этой ситуации и нам предстоит очень жесткая борьба и жесткая конфронтация, совершенно новая, не военного плана.

В заключение хотел бы сказать, что во внешнеполитической идеологии нашей страны сегодня присутствуют два мифа, которые тешат наше российское самолюбие. Миф первый — никто не проиграл в холодной войне, миф второй — мы живем в многополярном мире. Первый миф никак не рассеется из-за тех политиков, которые причисляют себя к демократам, и тех, кто считает себя коммунистами. “Демократам” гораздо комфортнее делать вид, что Запад никогда не вел целенаправленной борьбы против нашей исчезнувшей Родины — СССР; что только собственными усилиями мы разрушили “империю зла”. “Коммунистам” не хочется признавать ответственность КПСС за столь неэффективное, нерациональное управление страной, которое и обусловило в конечном счете ее поражение в глобальном противоборстве. При этом мы игнорируем многократно повторенные высказывания американских президентов Дж.Буша, а затем и Б.Клинтона — о победе США в холодной войне.

Миф второй скрывает от нас простой факт, что сегодня в мире с военно-политической точки зрения имеется лишь одна сверхдержава. Это — США. И разрыв между США и другими великими державами огромен, особенно если мы учтем, что в реальной политике на данный момент наиболее значимы возможности для ведения боевых действий в условиях регионального конфликта без применения оружия массового поражения.

Отказ от мифов не должен окончательно подорвать нашу способность к защите национальных интересов, а наоборот — мобилизовать политический класс на трезвую и согласованную деятельность на международной арене. Чтобы вывести страну из кризиса, политический класс России должен прийти к согласию по поводу короткого набора истин, которые были бы общими для всех. Так, во внешней политике нет провалов и успехов коммунистов или демократов, есть победы и поражения страны.

Стоит ли отчаиваться перед лицом неминуемого расширения Североатлантического блока? В XXI веке НАТО в любом случае не сможет стать структурой, отвечающей за безопасность всей Европы. Не говоря уже о том пространстве, которое охвачено ОБСЕ. В XXI веке будет идти поиск сочетания монополярности и многополярности, к этому будут подводить новые экономические реалии. США могут многое, но далеко не все. Уже сегодня актуален вопрос об оперативных возможностях для Европы на случай нежелания США быть втянутыми в прямое участие в событиях, в которых могут пострадать европейские интересы. Но в этом случае именно Россия может выступить необходимым союзником при проведении масштабной операции по поддержанию мира. Ее потенциал в области и космической разведки, и транспортной авиации придется как никогда кстати.

Если нам в ближайшем будущем удастся преодолеть наш общий кризис и кризис в Вооруженных Силах, Россия сможет выдвинуть идею уравнивающих друг друга систем безопасности. В Северо-Атлантическом регионе сохранится НАТО. В Европе и Евразии будет действовать альянс, в который могли бы со временем войти европейцы, Россия и ее союзники по СНГ. В Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) со временем могла бы сложиться структура безопасности, включающая в себя Россию, США, Китай, Японию и страны АСЕАН. Таким образом, была бы создана основа для стабильности и безопасности в ключевых зонах мира.

С.В.ПОПОВ: Я бы отметил несколько методологических вопросов, относительно концепции многополюсного мира. Во-первых, она действительно успокаивающая, я с предыдущим

оратором согласен. Но мне кажется, здесь не учитывается несколько довольно жестких моментов. Многополюсность и взаимодействие в многополюсном мире однозначно предполагает при всей очевидности то, что все “играют на одном поле”, на общем плацдарме и примерно одинаковыми способами, что само по себе с экономической точки зрения кажется достаточно очевидным, ввиду глобальных систем коммуникаций, транспорта, общих экономических правил и так далее. Но это совершенно неочевидно с точки зрения сознания, культуры и каких-то этнических и культурных вещей, которые регулярно это ломают и совершают экономически нерациональные действия.

Поэтому, при преобладании концепции многополюсного мира, мы можем попадать в ситуацию, когда мы думаем, что мы играем в шахматы, а в это время на поле выкинули игральную кость, предмет, с которым не очень понятно, как обращаться. За этим стоит, как мне кажется, совершенно определенный тип размышления, который мы воспринимаем в силу традиций очень лояльно, я его так назову — “тенденциональный”, то есть в поиск общих тенденций.

С точки зрения рассмотрения тенденции может быть, действительно, все правильно, но возможно существует альтернативный способ размышления, который показывает, что тенденция далеко не всегда вычисляется и выполняется, регулярно происходят катастрофы и сдвиги, которые просто меняют картину тенденции.

С моей точки зрения участие в “тенденциональном поле” — это, действительно, заведомо проигрышно с точки зрения практических действий со стороны России, это будет приводить, как уже здесь сказали, к “выпадению” из системы. Но история и политика показывают, что есть совершенно другой способ — это участие не в тенденциях, а участие в сдвигах или катастрофах, и не только участие, а просто их организация. Дело в том, что смена тенденций, в частности, в том плане, о котором уже говорили, появление многочисленных “цветных” “центров” экономической силы и участие в этих сдвижках, может дать совершенно другой эффект, совершенно другое рассмотрение. Поэтому, в качестве альтернативы можно было бы рассмотреть грядущую систему сдвигов и катастроф, участие в которых, как мне кажется, нам бы было гораздо более выгодно.

Алексей В.ЗАГОРСКИЙ: Из того, что говорилось, я в основном согласен с Вадимом Борисовичем Луковым, но, мне кажется, что ту систему, которую он описывал, и которая, действительно, имеет место быть, чрезвычайно сложно оценивать как однополюсную или многополюсную. Он сам оговорился, что мы понимаем полюсность по-старому, а надо ее понимать по-новому. Это та тенденция, которую я за нашими научными работниками наблюдаю уже ни один год. Мы пытаемся сохранить старый понятийный аппарат, который уже не описывает новую систему, и придать ему новый смысл. В итоге одними и теми же понятиями пользуются разные люди, вкладывая в них совершенно разный смысл, совершенно запутывая всю интерпретацию.

Давайте уж признаем, что полюсность, это и есть та полюсность, которая идет “по “Моргентау и Дойчу”, а то, что описывал Вадим Борисович, — это совершенно иная ситуация. Исчезновение глобального противостояния классических понятий полюсов проблему однополюсности или многополюсности с практического рассмотрения сняло.

На самом деле сегодня в мире есть только три страны, которые эту тему однозначно и постоянно поднимают — это Россия, Китай и Южная Корея, как ни странно. Ни для Японии,

ни для Соединенных Штатов проблема многополюсности, однополюсности не стоит — ни в практической плоскости, ни в теоретической. Это просто — неинтересно, это размышление 70-х годов, на котором в сегодняшнем мире строить ни его осмысление, ни политику уже не представляется возможным. Более того, если мы посмотрим на экономические измерения политики, то о них цифры ВВП очень мало говорят. Например, на территории Малайзии или Индонезии создается значительная часть ВВП, но крутятся японские деньги японских компаний. Это как считать — ВВП Малайзии или Японии? Само понятие ВВП, как показатель национальной мощи при оценке современной экономики, уже тоже теряет свою значимость. Японский капитал в Соединенных Штатах — это чья экономическая мощь? Японская? Американская? Общая? Разделяющая? Объединяющая? Соответственно эконометрика в этом смысле для измерения экономических “центров” мало что дает, тем более, что эти “центры” в значительной степени не противостоящие, а взаимозависимые и сотрудничающие между собой.

Если мы посмотрим на политические проблемы, то это опять не многополюсное противостояние, и не однополюсная доминанта, а, скорее, проблема “регионализации” политики, в которой каждый регион практически освободился от старого “засилья” глобального противостояния и ситуации политического соперничества. Сотрудничество и другие тенденции развиваются здесь в рамках своей собственной логики, совершенно различными комбинациями союзников и противников, в том числе здесь намечается та самая “геометрия”, о которой Вадим Борисович говорил применительно к экономике.

Для той же Японии, скажем, по проблеме Корейского полуострова нет вопросов в однозначном сотрудничестве: Соединенные Штаты — и главный партнер, и главный гарант безопасности. Как только встает проблема Ближнего Востока или Ирана, США — это уже не партнер и не гарант, не противник, правда, но страна, которая делает много шума и очень осложняет всю ситуацию. “Геометрия” изменяема и в зависимости от разного региона. Набираются разные параметры, противники, союзники, что опять же не дает возможности оценивать проблему с точки зрения однополюсности или многополюсности. Почему нас так волнует эта проблема? Я бы, все-таки, вслед за Евгением Михайловичем, отнес это к особенностям национального сознания, комплексу утерянного статуса великой державы, который надо чем то компенсировать. Компенсировать его можно только утверждением себя в качестве полюса, причем это подспудно звучало в очень многих выступлениях, полюса, который не просто встраивается в новую, складывающуюся международную систему, а пытается ее изменить с тех позиций, которые видятся ему приоритетными. Кстати, постановка вопросов в нашем вопроснике, — это тоже очень четко показывает, когда ставят вопрос о том, какая силовая конфигурация международных отношений отвечает интересам России.

На мой взгляд, сегодня, для того, чтобы пытаться действительно комплексно воздействовать на эту ситуацию, необходим такой набор разнообразных ресурсов и экономических, и технологических, может быть военных в меньшей степени, который, наверное, под силу сегодня только одной стране, об этом Евгений Михайлович тоже уже достаточно четко говорил. Поэтому, для России ставить задачу превращения в самостоятельный полюс международных отношений и стремление изменять эту ситуацию под свои потребности и интересы, — задача возможная, но чреватая тем, что Россия

останется в стороне от этой системы, в худшем случае пополнит известный список “стран- парий” — Иран, Ирак, Куба. Масштабы страны, конечно, не те, масштабы сложнее игнорировать, но и изолированность от общей международной системы в этом случае будет проявляться все более и более четко, сохраняя нашу ущербность и отсталось.

На мой взгляд, сегодняшние интересы и задачи России заключаются не в попытках переделать эту ситуацию, и не в поиске конфронтации с ней, с ее участниками, а в попытках осознания того мира, который складывается, в том направлении, как это предлагалось Вадимом Борисовичем, и в поиске возможностей вписаться в эту систему. Сегодня нам куда важнее вписаться в эту систему, стать ее частью, чем противодействовать тем или иным тенденциям, которые кажутся нам негативными. Если нам удастся вписаться в нее, то, что нам сейчас видится негативным, будет видеться по-другому.

Е.М.КОЖОКИН: Если Вы говорите, что нет многополюсной системы, то куда вписываться, в какую систему? Как только доходит до определенных практических рекомендаций, то дальше идет в духе Михаила Сергеевича Горбачева.

Алексей В.ЗАГОРСКИЙ: Я, конечно, могу давать и практические рекомендации. Я специалист по одному региону, и мои рекомендации будут тогда касаться только этого региона. Мне очень сложно обсуждать, как и что можно делать в отношении Европы, я просто недостаточно знаю этот регион. По АТР: основные задачи наши сегодня, — это в первую очередь изменение нынешнего состояния практически замороженных отношений с Японией. Каких бы территориальных проблем это не стоило, нам нужно прицепиться к японскому экономическому локомотиву для проникновения в Азиатско-Тихоокеанский Регион. Расчеты на то, что Корея заменит Японию, провалились. Расчеты на то, что стратегическое партнерство с Китаем откроет нам дорогу в АТР — это безнадежный вариант, он нам только ее закрывает. Попытки сделать это через АСЕАН — ничего не дают. Сейчас главная задача — не поиск проблем обеспечения чужой безопасности, а наша экономическая интеграция в этот регион, максимальное открытие каналов для японского и корейского экономического проникновения на наш рынок, закрепление его там, потому что иначе этот рынок у нас просто загнется.

В этой ситуации нужно как можно скорее решить вопрос с Курилами, видимо, в той или иной форме нужно все оформить и отдать. Второе, открыть наш внутренний рынок для японского и корейского капитала. Мы по степени либерализации сейчас вышли на одно из самых первых мест в мире, по очень многим параметрам. Вот два предложения.

Е.М.КОЖОКИН: Нам нужно ясно и четко осознать, что “экономической провинцией” мы стали не сегодня, не вчера, не позавчера, а являемся очень давно. Советский Союз — великая и могучая держава — был одной из самых глубоких “экономических провинций”, в этом надо ясно себе отдавать отчет.

Вторая проблема заключается в том, что проблема интеграции на Дальнем Востоке еще труднее, чем в европейской части, потому что у нас нет там никакого рынка. Нет никаких гигантских рынков ни в России, ни в СНГ в целом, за которые кто-либо бы боролся. Когда они появятся, за них будут бороться. Пока нет этих рынков, потому что рынок определяется не размерами территорий, ни количеством людей, живущих в этой

стране, а одним единственным показателем — доходом на душу населения. По этому параметру южнокорейский рынок в десятки раз более емкий и выгодный, чем наш рынок. Это совершенно ясно видно на потоках капиталовложений и в мировой торговле и так далее. И как потребитель, и как аналитик я могу сказать, что проблемы в нашей экономике связаны не с тем, что стали поступать внешние товары, а с качеством нашего собственного производства. Очень простой секрет: он на микроуровне для всех экономистов, менеджеров давно очевиден, десятки лет всем известен, только мы не хотим все эти простые вещи понять. Мы делаем прямо противоположное тому, что надо делать. Секрет очень простой. Любой производитель любого современного товара должен постараться сделать товар, который пойдет на самые требовательные рынки. Если нам сделать такой товар, он завоюет все рынки. Мы же делаем сегодня прямо противоположное, мы ориентируемся на стандарт самых нетребовательных рынков внутри СНГ. Я внимательно смотрел не только статистику торговли в СНГ, но и на качество потоков. К сожалению, хотя цифры роста торговли оказались сверх меры завышены, сама модель торговли осталась такой же, как в 1922 году. Все что можно продать за валюту, продается на мировых рынках, этого не так много для всех нас. Все, что нельзя продать на валютных мировых рынках, все что неконкурентноспособно, мы спихиваем друг другу. СНГ превращается в контору по проталкиванию на рынки друг друга неконкурентноспособной продукции.

А.Г.АНИСИМОВ: А Китай на какой рынок ориентирован?

Е.М.КОЖОКИН: Китай ориентирован на разные рынки, но китайская продукция уже не идет на наших рынках. Это понятная тактика на уровне предприятия. Ты произвел — и пытаешься спихнуть. Как тактик, я это понимаю. Но это превращается в совершенно проигрышную стратегию на мировых рынках. Ее нужно менять, иначе мы окажемся в самой глубокой яме, в которую можно попасть.

Борьба за рынок СНГ включает борьбу за систему транспорта. Вопрос в том, как будет строиться транспортная система СНГ. Для России это безразлично. Если мы, как одна из мощных транспортных держав, просто вытесняемся с этого рынка, это будет очень весомая потеря.

Есть еще один очень специфический товар. Например, для нас очень важен рынок ядерного топлива Украины. Мы абсолютно конкурентноспособны в этом отношении и на мировом рынке. Сейчас идет реальная борьба, останемся ли мы на этом рынке. Если остаемся, у нас есть шанс сохранить производство. Если мы с этого рынка “вылетаем”, то соответственно у нас должно рухнуть производство. Мы не сможем существовать только за счет внутреннего рынка. Для экономической реконструкции внутри нужны деньги, и нам совершенно безразлично где мы эти деньги заработаем — на отсталых ли рынках, на передовых ли рынках. Нужно эти деньги заработать именно для того, чтобы мы могли в том числе и изменить свой менеджмент, промышленный менеджмент. Мы можем сейчас жить на проценты с долгов стран СНГ и жить безбедно, рассчитывать и по нашим долгам. Кстати говоря, долги стран СНГ России можно продать. Можно продать, я вас уверяю, и покупатели найдутся.

О.А.ГРИНЕВСКИЙ: Я думаю, что Вадим сделал очень интересный доклад. По-моему, его недостаток — это

академичность. Во-первых, что идет в основе отбора полюсов? Экономические показатели роста на данный момент. Судя по всему, он брал эти данные, когда назвал 10 стран. Но если смотреть от практики, взять ту же Европу, говорить о двух полюсах — Германия и Франция — это несерьезно. Естественно, это будет один полюс, будет Европа. Или, вернее, Германия, вокруг которой объединилась Европа. Видимо, какое-то снижение числа полюсов произойдет и во всем остальном мире. Это первое.

Второе. Когда мы говорим о многополюсном мире, в чистом виде, как он обрисован, что существуют равнодействующие полюса в равных районах, пускай там белых меньше, чем “цветных”, наверное, не в этом дело. Сама система многополюсного мира (я думаю, что в целом тенденция отмечена верно) сильно деформирована. Деформирована, прежде всего, остатками старого противоборства, военно-политического “биполярного”, двухполюсного мира, который существовал раньше.

И Европа, и Япония, и часть из тех полюсов, которые появляются сейчас, военно-политическая или военная сторона по-прежнему находятся и, видимо, еще в обозримом будущем будут находиться под контролем США. Ведь, по сути дела, Европа, НАТО — это контроль США. Япония — под защитой США. И целый ряд других государств. И это — фактор политики, который никуда не денется, и который в обозримом будущем придется просчитывать.

Что нам выгодно в этой ситуации? Скажем, американская защита вызвана была реакцией на политику Советского Союза. Сейчас его нет. Этой угрозы нет. Следовательно, эта тенденция американского силового присутствия в мире должна, по-видимому, сокращаться. И в этом плане очень много будет зависеть от той политики, которую будем проводить мы. Мы можем вести линию, которая ведет к консервации американского военного присутствия. Можем вести линию, которая будет направлена на ослабление а, может быть, полную ликвидацию этого военного присутствия. Одним из главных путей для нас было бы проведение линии не на провоцирование конфликтов, а, наоборот, на то, чтобы американское военное присутствие и в Европе, и в Японии, и в других районах было просто ненужным. Это действительно способствовало бы созданию той самой концепции многополюсного мира, где более или менее — уже не антагонистические противоречия, а партнерство. В настоящее время, конечно, все это скорее теория или перспектива, но очень отдаленная от реальной политики.

Ю.А.КВИЦИНСКИЙ: Мне кажется, что нам уже достаточно ясно подаются сигналы и китайцы, и европейцы, что теория многополюсного мира является нашим “любимым дитятей”, однако в действительности, в реальности происходит пока нечто иное. Пока что формируется — и довольно быстро — однополюсный мир при доминирующей роли США. То, что сейчас происходит с НАТО, весьма показательно, и мы подписались под тем, что Европа еще на какой-то обозримый период времени будет находиться под влиянием США, потому что НАТО — это есть США в политическом и военном плане. Все это знают. Все на это согласилось, в том числе те два полюса, про которые говорил Олег Гриневский.

И мы признали это, сказав, что с этим образованием, где доминируют США, мы будем иметь систему консультаций по тем вопросам, которые будут возникать. Причем, довольно широкую систему консультаций. Мы при этом думаем, что через эти консультации мы будем крутить НАТО, но “хвост собаку не

крутит”, собака сильнее, чем хвост. Скорее всего это будет механизм для того, чтобы путем консультаций рассматривать вопросы развития событий на территории СНГ и, в случае нашего несогласия, делать то, “что надо”.

Что же касается Японии, то оттуда идет вполне однозначный сигнал, что ни на какой полюс они не собираются претендовать. Немцам они это сказали. И немцы это подтвердили. Их вполне устраивает нынешняя союзническая роль США, “подчиненное положение”, потому что в рамках этого положения они блестяще решают имеющиеся у них вопросы, в том числе — по использованию слабости России и возможности проникновения, под эгидой США, в другие интересующие их районы.

Поэтому пока что тенденция, по-моему, больше к однополюсному миру. Но это не значит, что нет предпосылок для создания мира многополюсного. Есть некоторые “мускулистые бугры” на ровном месте, будь то АСЕАН, будь то Япония, будь то НАТО, но, тем не менее, это не более, чем “бугры”, которыми владеет некая главная держава.

Нам надо из этого исходить. У нас еще до сих пор преобладает мышление, которое вытекает из того, что мы тоже были великой державой. И мы делаем вид, что мы что-то такое пытаемся реорганизовывать, управлять, подправлять, участвовать. Мне иногда кажется, что нас немного мучает совесть о благополучии всего мира, хотя качество наше сейчас уже другое. И нам надо не мучиться вопросами о том, как неправильно было бы, если бы на Балканах продолжалась война, или если в Сомали продолжился конфликт. Понять, что этими вопросами должны заниматься те, кто претендует на главную роль, а нам, не попадая между молотом и наковальней, и поддерживая дружественные отношения со всеми, с кем это возможно, и кто этого хочет, и возможно шире, и даже с противоположными полюсами, если мы их считаем полюсами, делать свое дело в плане восстановления сил. Наш выигрыш не в том, чтобы плыть вместе с тенденциями, а в том, чтобы выждать того момента и тех подвижек, которые дали бы возможность нам радикально улучшить ту ситуацию, которая у нас есть. Другой, наверное, тактики нет. Тактика, которую, кстати, блестяще провела после своего поражения гитлеровская Германия после 1945-го года, и, наверное, она наиболее разумна в этой ситуации, которая требует от нас “по Сеньке носить шапку”, не пытаться делать вещей, которые нам непосильны, накапливать силы, использовать противоречия, которые будут складываться, и вести очень сложную, многоходовую игру. Не думать, что мир с 1991 года изменился радикально и мы живем в совершенно новой ситуации. Что было, то и будет. Было полное идеологическое единство не раз в мире, и был Священный Альянс, была Великая Римская Империя, германская нация, были таможенные союзы и всевозможные экономические тесные связи. Все это лопалось каждый раз ввиду противоречий, которые присущи развитию мира отечеств и мира разных наций. Так это, конечно, и на сей раз будет. Надо к этому быть готовым и действовать, исходя из того, что сильных слушаются, экономически богатых уважают, опытным всегда достается пальма первенства в соревновании интеллектов и хитрости.

С.Е.БЛАГОВОЛИН: За последнее десятилетие произошли глубочайшие изменения в политическом ландшафте как на глобальном, так и на большинстве региональных уровней. Несомненно, наиболее видимым и осязаемым событием стал распад СССР и ликвидация “восточного блока” в целом. Это

произошло буквально одновременно, что еще более усугубило дестабилизирующее воздействие случившегося.

Однако, имеются и другие по сути столь же глубокие, хотя и относительно более постепенные изменения. Их соотношение, с точки зрения важности для России, зависит от многих факторов. Тем не менее, самым масштабным стал неуклонный и быстрый рост экономического, военного и (хотя до поры — в латентной форме) политического могущества Китая. Аналогичные процессы, хотя и в меньших размерах, происходят и в ряде других ранее экономически слаборазвитых стран, расположенных, в первую очередь, по периметру южных границ бывшего СССР. Явным становится естественное стремление Японии к большему соответствию ее политического веса экономической мощи. Исподволь возникают и совершенно новые региональные “центры силы”, такие как Индонезия, вероятно обладающая всеми необходимыми атрибутами одного из потенциальных мировых полюсов.

Неожиданно весьма противоречиво стала выглядеть европейская ситуация. С одной стороны, нет оснований говорить о регрессе интеграционного процесса, более того, он развивается вширь и вглубь, хотя и с большими трудностями. Интеграция все более активно воздействует на бывшие страны ОВД, а в недалекой перспективе — и некоторые бывшие республики СССР, на деле создавая для России проблему, мягко говоря, ничуть не меньшую, чем НАТО. Никакие, даже самые позитивные сдвиги в наших отношениях с НАТО не смогли бы изменить это обстоятельство.

С другой стороны, была продемонстрирована живучесть старых конфликтов, причем в самой опасной форме (бывшая Югославия) и старых притязаний, некоторые из которых бесспорно затрагивают жизненные интересы России. Появляются и новые потенциальные угрозы странам, расположенным на юге Европы, они связаны в первую очередь с неопределенностью перспектив внутривнутриполитического развития в ряде мусульманских государств и их отношениями с европейскими странами. Оказалось, что Европа далека от гарантированной стабильности. Медленно, но качественно меняется характер отношений между европейскими странами и США. В свою очередь, новый этап интеграционных процессов в Северной Америке (как мне кажется, незаслуженно обойденный вниманием аналитиков) важен не только сам по себе. Уже в недалеком будущем он может сыграть заметную роль при определении нового характера отношений США со странами в других частях мира.

Резко возросло количество и разнообразие кризисных ситуаций. Мало того, что ни одна из существующих международных структур, включая и наиболее эффективную из них — НАТО, — оказалась не в состоянии адекватно действовать в новых условиях; нет никаких реальных признаков понимания, как и в каком направлении двигаться для решения возникающих проблем в сфере безопасности.

Говорить об однополюсном мире уже не приходится. Весьма странно, что это надо доказывать (причем часто безуспешно) и отнюдь не только американцам. Идет быстрое формирование многополюсного мира с непредсказуемым характером отношений между полюсами, на которые в новых условиях воздействует множество факторов, чего категорически не было еще 10-15 лет назад. Что это значит для России?

Несомненно, что на первый план выходят многочисленные последствия негативного характера, начиная с потери немалой части потенциала бывшего СССР. По многим направлениям границы России оказались как бы отодвинутыми на рубежи, существовавшие несколько веков назад, что создает

значительные проблемы прежде всего сугубо практического (а не только эмоционально-психологического) свойства. Геополитическая “конструкция” Российской Империи предусматривала наличие широких выходов к морям на западе и юге, прочное положение на Кавказе и в зоне к востоку от Каспийского моря. Сейчас все это частично потеряно, частично — под большим вопросом. Значительная часть веками формировавшегося общего экономического и политического пространства не только оказалась сейчас за пределами России, но и — в условиях жесточайшего всеобъемлющего кризиса в нашей стране — находится под нарастающим воздействием “внешних государств”, как экономическим, так и политическим. В некоторых случаях туда проецируются и вооруженные конфликты. Там же живет порядка 20 млн. наших соотечественников, что, по определению, резко усиливает значимость проблемы.

Новым и, конечно, неблагоприятным является положение, при котором по внешнему периметру России на всех направлениях — на западе, на юге и на востоке — расположены страны (или их объединения), по своему потенциалу сравнимые с Россией или ее превосходящие. Многие наиболее опасные конфликтные зоны либо непосредственно примыкают к границам России, либо расположены в “примыкающих” регионах.

Такая ситуация означает особую важность эффективной и разумной политики, направленной на формирование прочной структуры внешних отношений. Я не считаю правильной точку зрения, при которой отношения с “ближним зарубежьем” считаются приоритетными по сравнению с “дальним”. Здесь имеет место своего рода смешение понятий: в первом случае — речь идет о сохранении, хотя и в новой форме и в новых условиях, значительной части веками сложившихся уникальных связей, своего рода “естественной среды обитания”, во-втором — о создании условий (хотя еще и не достаточных, но необходимых) не только для решения этой задачи, но и для сохранения и успешного развития российского государства.

“Добрососедские отношения со всеми”, в условиях нынешнего состояния нашей страны, никак не являются гарантией ни от территориальной экспансии (иногда скрытой), ни от использования религиозных и этнических связей для поощрения сепаратизма, ни от того же сепаратизма, который может появляться на экономической основе. Более того, даже в случае самого благоприятного хода внутренних событий объективная картина такова, что с учетом особенностей географии России и ее геополитического положения наша абсолютно приоритетная национальная задача — сохранение территориальной и политической целостности страны (причем не формально, а реально), не может быть решена ни в изоляции, ни при содействии “псевдопартнерства”.

Новая геополитическая ситуация создает и целый ряд позитивных моментов. Высокая степень геополитической подвижности мира делает особенно важной роль России — в качестве гигантского “стабилизатора” по сути в глобальном масштабе. За рубежом есть различные точки зрения относительно предпочтительного будущего России, включая, конечно, и стремление к ее максимальному ослаблению и даже дезинтеграции. Однако весьма сильны позиции тех, кто понимает: уход России в качестве такого “стабилизатора” с мировой арены может привести к появлению своего рода “черной дыры”, втягивающей в себя все и вся. В новых полюсах — Япония, ЕС — со значительно более острой тревогой, чем в США (даже по чисто географическим причинам) рассматривают такую перспективу. Сильная, стабильная и демократическая Россия,

совместимая по различным параметрам с развитыми странами Запада и Востока, именно в условиях новой геополитической ситуации способна сыграть критически важную роль в формировании хотя бы более или менее сбалансированной структуры современного мира. Сейчас буквально на глазах нарастает разрушительный дисбаланс.

И у нас, и за рубежом, как представляется, еще не полностью осознано, что научно-технический прогресс, информационная революция, географическое распространение экономической и военной мощи резко уменьшили значение пространства как такового в качестве фактора безопасности (до сих пор это охотно признается лишь в связи с ракетно-ядерным оружием). Таким фактором может быть лишь жестко организованное пространство. Отсюда — недооценка конфликтного потенциала недалекого будущего, опасные просчеты. Именно с этим, на наш взгляд, связана огромная концептуальная и методологическая ошибка — стремление как бы заместить ушедшее противостояние, основанное на идеологии, противостоянием, оправдываемым геополитическим раскладом вековой давности и совершенно бессмысленным и губительным в новых условиях, при новых угрозах. Россия, в силу своей специфики, может в немалой степени способствовать решению этой проблемы, прежде всего, конечно, в собственных интересах, но одновременно — и в интересах многих других стран.

Абсолютно необходимым условием любых осмысленных шагов является политическая стабильность, и начало экономического подъема в России. Продолжение стагнации (не говоря уже о хаосе) — кратчайший путь к национальной катастрофе. Сильная Россия — единственный способ решить хотя бы часть проблем в отношениях с “ближним зарубежьем”, сделать возможным появление тенденции к новой интеграции (по типу европейской) с частью бывших республик СССР. Чем быстрее страна сумеет перейти к фазе нормального развития, тем больше шансов ослабить воздействие негативных факторов и суметь использовать позитивные. Через несколько лет будет уже поздно.

Не должно быть никаких иллюзий — опираясь лишь на общие соображения, без весомых реальных аргументов — стать необходимой и равноправной частью той структуры международных отношений, о которой идет речь, не получится. В перспективе можно надеяться на развитую, конкурентноспособную экономику, но сейчас и в обозримом будущем аргумент один — военный потенциал. Речь никак не идет о милитаризации страны, подобно тому, как это было раньше. Но и сведение военных возможностей к символическому минимуму, надеясь лишь на прикрытие ядерных средств (уникальная важность которых для России, конечно, сомнений не вызывает) — глубочайшая ошибка. Здесь чрезвычайно тонкая грань. С одной стороны, Россия должна располагать такими возможностями в военной сфере, которые гарантируют ее самостоятельную роль; с другой — они никоим образом не должны иметь провоцирующего характера, не служить поводом для изоляции России, структурно соответствовать новым задачам, быть ориентированными на взаимодействие с партнерами и, наконец, не подрывать экономику страны. Военная реформа в силу этого является важнейшей национальной задачей структурного характера.

Ключевым вопросом является выбор партнеров. Естественными нашими партнерами являются страны, ориентированные на долгосрочное, мирное развитие, способные серьезно влиять на ситуацию и готовые, конечно, при

взаимоприемлемых условиях к равноправному сотрудничеству с Россией. Не должно быть сомнений в том, что, специфика нашей страны по определению предполагает наличие у нее особых интересов, не могущих быть простой калькой или проекцией интересов других стран.

Оставшееся еще со времен СССР пристрастие к громоздким и неэффективным коллективным системам безопасности (хотя время от времени и полезным) часто мешает видеть важность двух-трехсторонних отношений, которые при этом никоим образом не должны быть направлены на разрушение отношений других стран между собой. Такая попытка обречена на неудачу с далеко идущими последствиями.

Нерешительность (совсем не то же, что осторожность), наличие в руководстве страны многочисленных — к тому же публичных — несопадающих оценок, часто связанных с удивительным отсутствием необходимых знаний, привели к нынешней ситуации в отношениях с НАТО и ряду других отрицательных последствий.

Россия не заинтересована в распаде или деградации НАТО (это часто путают с действительно нужной многоплановой постепенной трансформацией блока) и в окончании активной роли США в Европе. Это открыло бы путь к созданию крайне опасной для нашей страны ситуации. Вместе с тем, сближение с европейскими странами для России, конечно, намного важнее, чем для СССР. Оно стало гораздо более естественным и для европейцев. Отношения с США, в свою очередь, сохраняют для России огромную значимость (они присутствуют и на востоке и на западе), но в отличие от СССР как бы становятся более или менее в один ряд с европейским направлением.

До сих пор не соответствует требованиям времени политика в АТР (несмотря на явный прогресс последних полутора лет). Там сверхзадача — не допустить повторения европейской ситуации, когда все будет сделано без нас и придется с огромным трудом исправлять положение. Ориентация на одну страну — Китай — была бы просто неразумной, несмотря на бесспорно очень большое значение дружеских связей с КНР. Фактически же, даже будущее этих отношений в немалой степени связано с перспективами отношений России с США и Японией. Сейчас особенно важен трезвый, основанный на серьезном анализе, взгляд на эту проблему. В АТР надо пытаться наверстывать упущенное. С учетом почти полного отсутствия экономической составляющей это особенно трудно, однако пока еще возможно. Без активной роли России здесь резко усиливается вероятность “дисбаланса”.

Южное направление наиболее мозаично и многопланово. Однако, в ближайшее время главная проблема здесь прямо упирается в глубь России — это максимально быстрое купирование последствий чеченских событий, рассматриваемых многими соседними странами как начало дезинтеграции России в ее южной части. Без эффективного ответа на этот вопрос все остальное становится третьестепенным.

А.И.НЕКЛЕССА: Ключом для ясного понимания роли и места России в современном мире, диапазона доступных для нее стратегий является, на мой взгляд, точное определение новой глобальной архитектуры, структуры нового мироустройства. Поэтому я полностью согласен с актуальностью темы сегодняшней дискуссии. Почему разговор о современной “полярности” мира и реальных центрах влияния столь важен? Да просто потому, что неверно представляя себе архитектонику и основные траектории распределения власти, пользуясь картографическим багажом ушедшей эпохи, вряд ли можно

надеяться выстроить долгосрочную и перспективную стратегию, тем более в нынешних непростых обстоятельствах. Современный социальный и политический контекст мира не просто изменился, но изменился кардинально. Дело тут не только в окончании “холодной войны” или крахе биполярной системы. Давно уже назрел серьезный разговор о новых смыслах, возникающих в мировой политике на рубеже III тысячелетия, о непростых реалиях, которые буквально на глазах сдвигают очертания ржавеющих интеллектуальных конструкций, превращая их в груды политологического металлолома.

Симптоматичен весь ход нашей дискуссии. Когда ситуация на планете оценивается как существенно изменившаяся, то споров, разумеется, не возникает. Под этим тезисом подписываются все. Однако, едва мы начинаем выходить за рамки общих констатаций и выяснять, какая же конкретно властная система координат утверждается сейчас в мире, звучат крайне противоречивые оценки: то ли мир стал однополярным, то ли многополярным... Продолжающаяся конкуренция практически на равных столь различных моделей удивительна уже сама по себе. Но более того. Защитники диаметрально противоположных точек зрения, судя по всему, в значительной мере признают обоснованность аргументов друг друга. Создается малообъяснимая на первый взгляд ситуация: обе стороны по-своему правы, однако их правота почему-то практически не влияет на решение центральной политической головоломки. Тут явно что-то не так.

Объяснить кажущийся парадокс, тем не менее, возможно, если предположить, что обсуждаемый механизм — международные отношения национальных правительств — в значительной мере утрачивает свою актуальность, а настоящая конфигурация власти в мире — его “полярность” — становится свойством каких-то других, более влиятельных структур. Государства сами становятся заложниками иных, более могучих сил и обстоятельств. Но в таком случае давно пора задаться вопросом не столько о форме, сколько о логике распределения властных полномочий в современном, интенсивно меняющемся мире, о новых субъектах системы международных связей. Решиться наконец радикально переписать “алхимическую формулу” власти и в результате уловить, запечатлеть реально складывающуюся мировую конструкцию. И тут, как мне кажется, не обойтись без обсуждения самого контекста социополитики, стратегического анализа актуальных глобальных тенденций. Поэтому нам придется пристальней взглянуть в современный, весьма динамичный социополитический космос, многие законы и структурообразующие тенденции которого пока не уловлены сетью расхожих стереотипов и определений.

Мне представляется, что в стремительно меняющемся мире сейчас параллельно развиваются несколько долговременных процессов, сосуществуют несколько соперничающих образов будущего. Во-первых, завершается модернизация мира. Грандиозный исторический замысел построения универсального сообщества, основанного на принципах прав человека, демократии и либерализма, научного и культурного прогресса, повсеместного распространения рыночной модели индустриальной экономики, кажется, достиг своих исторических пределов. Цель его и логическая вершина — вселенское содружество национальных организмов, политическое объединение мира, предполагало создание гомогенной социальной конструкции: глобального гражданского общества, находящегося под эгидой коллективного межгосударственного центра. Подобный ареопаг, постепенно перенимая функции национальных правительств, трансформировал бы их в

дальнейшем в своего рода “региональные администрации”... Частично реализуясь, этот исторический проект сталкивается однако со все более неразрешимыми трудностями (прежде всего из-за фундаментальной культурной неоднородности мира и резкого экономического неравенства на планете), претерпевая одновременно серьезную внутреннюю мутацию.

Шаг за шагом он начал вытесняться схожим по форме, но альтернативным по сути процессом постмодернизации, фактически выводящим “большие смыслы” — в виде ли развернутых политических, или идеологических конструкций — за пределы актуального контекста. Несостоявшееся политическое объединение планеты замещается на практике ее хозяйственной унификацией. А место, предназначавшееся для мирового правительства, действующего на основе объединения наций, фактически занимает безликая (или просто анонимная) экономическая власть. Сегодня в лоне мирового сообщества реально происходит вызревание генома нового мироустройства — безбрежного наднационального (и при этом “хорошо темперированного”) экономического континуума, объединяющего на основе универсального языка прагматики светские и посттрадиционные культуры различных частей планеты.

Причем не забудем, что феномен Модерна (уже претерпевая серьезную трансформацию внутри североатлантического ареала) был по-своему воспринят и переплавлен в недрах неотрадиционных обществ, отринувших его культурные корни и исторические замыслы, но вполне воспринявших внешнюю оболочку современности, ее поступательный цивилизационный импульс. В результате, во второй половине XX века традиционная периферия евроцентричного универсума породила ответную цивилизационную волну ориентализации, реализовав повторную встречу, а затем и синтез поднимающегося из вод истории Нового Востока с секулярным Западом, утрачивающим свой привычный культурный горизонт. Рожденная на гребне третьего тысячелетия неравновесная, эклектичная и в значительной мере обезличенная социоэкономическая конструкция есть, таким образом, продукт постмодернизационных усилий и совместного творчества всех актуальных персонажей современного мира. Культурно-исторический геном эпохи социального Постмодерна реализует сейчас на планете собственный исторический ландшафт, социально-экономические и политико-правовые реалии которого заметно отличны от аналогичных институтов общества Модерна. Прошлые конструкции не исчезают, они в той или иной степени остаются, но разговор на их основе становится все менее интересен, а построения — все менее актуальны и, соответственно, неплодотворны.

И, наконец, следует упомянуть, что на планете наблюдаются также тенденции демодернизации отдельных частей человеческого сообщества. Пока этот комплекс тенденций носит комплементарный характер, но они уже все-таки не просто маргинальные aberrации. В целом повышается уровень риска пробуждения социального хаоса. Так, мы наблюдаем разнообразные, хотя и не всегда внятные признаки деконструкции и социальной энтропии в рамках “мирового Севера”. Под внешне цивилизованной оболочкой здесь постепенно утверждаются паразитарные механизмы, противоречащие самому духу эпохи Нового времени, рождая соответствующие масштабные стратегии и технологии, например, — в валютно-финансовой сфере. Параллельно механизмы цивилизационной коррупции — в сущности той же природы — шаг за шагом разъедают упорядоченный социальный контекст в

кризисных районах “мирового Юга”. В результате на планете возникает самостоятельный и непростой феномен “глубокого Юга”, объединяющий в единое целое как трансрегиональную неокриминальную индустрию, так и тревожные признаки очагового распада цивилизации (ярким примером чему может служить Афганистан, Чечня, Таджикистан, некоторые африканские территории и т.д.). Все более заметное пробуждение подобных комплексных процессов социальной и культурной инверсии, уже сейчас ставит под сомнение сам принцип нового мирового порядка, формируя “обратную” историческую перспективу — подвижный и зыбкий контур новой мировой анархии.

Это, так сказать, затянувшееся вступление в тему. Теперь, если все-таки позволяет регламент, то от обзора общих, глобальных тенденций, я хотел бы вернуться к заявленному предмету дискуссии и попытаться в общих чертах обрисовать свое видение нового мироустройства, определив прежде всего его фундамент, основу. Как мне представляется, таковым является формирование на планете единого экономического универсума (может быть по этой причине тема экономики постоянно звучит в сегодняшних выступлениях). Глобальная экономика буквально на наших глазах становится правящей системой, преображаясь в своего рода *Rex Economicus*. Подобное коренное изменение я бы определил следующим образом: раньше мировая экономика была полем, на котором действовали суверенные государства, теперь же она превращается в самостоятельный субъект, действующий на поле национальных государств. Причем в ходе процесса возникает нечто большее, чем просто хозяйственный организм планеты. Происходит радикальный сдвиг в типологии мировых координат, привычных способах проекции власти: например, из области военно-политической — в сферу политэкономическую. Экономика начинает проявлять себя не только как способ хозяйствования, но и как политика, и даже как идеология новой эпохи...

Вместе с тем феномен хозяйственной глобализации отнюдь не одномерен, он не сводим к аморфной, механистичной унификации планеты. На Земле, как я уже упоминал ранее (да это и так очевидно), не происходит формирование однородного гомогенного общества, не возникает каркас единого планетарного государства. Столкновение вышеобозначенных могучих цивилизационных волн порождает в итоге единый геоэкономический коллаж Нового мира, опутанный координационной сеткой нового властного размежевания. Планету прочерчивают контуры нескольких “больших пространств”, интеграций — этих базовых субъектов мироустройства XXI века, обладающих оригинальным информационно-культурным кодом, экономической спецификой и собственным стратегическим целеполаганием, безусловно, взаимосвязанных между собой, но находящихся при этом в весьма и весьма непростых взаимоотношениях. Вот это и есть актуальный мировой контекст.

(Теперь можно, пожалуй, глубже и яснее понять смысл первоначального парадокса: одновременную справедливость моделей однополярного и многополярного мира, отражающих в искаженной форме объективную реальность — комплексную структуру современного социума.) Но аппетит, как известно, приходит во время еды, и возникает закономерный вопрос: а можем ли мы уже сейчас внятно описать эту формирующуюся модель, понять ее пространственную логику, короче говоря — нарисовать геоэкономический атлас мира? (Ведь, людям, занимающимся стратегическим планированием, становится все более очевидно, что реальная картография эпохи равно далека и

от утопического универсализма Ф.Фукуямы, и от рожденного конфликтологическими штудиями стратегического дизайна С.Хантингтона.)

Этому вопросу я хотел бы посвятить третью, заключительную часть своего выступления. Итак, над прежней национально-государственной схемой членения человеческого универсума все более явно нависает внешняя оболочка “нового регионализма”. Эти реальные региональные сверхдержавы, интегрии и образуют каркас социально-экономических рубежей XXI века. Естественно, взаимоотношения новых персонажей исторической пьесы сохраняют иерархичный характер, однако речь идет уже не о привычном реестре сословий уходящего в прошлое мира. В новой конфигурации универсума помимо значения “объемных” географических макрорегионов, в стремительно возрастающей степени усиливается влияние формирующихся вертикальных, транснациональных структур.

Например, ключевой вид деятельности: финансово-правовое регулирование не есть некое совместное и демократичное предприятие всех стран планеты, своего рода современная версия “коллективного правительства”. Напротив, это достаточно элитарная и самостоятельная отрасль хозяйствования, весьма эффективный и все более самостоятельный сегмент глобальной геоэкономики: Новый Север. Конечно, он имеет определенную географическую привязку, системный центр и все-таки по самой своей специфике, характеру деятельности — транснационален. С реалиями данного пространства в наибольшей степени связаны сейчас Соединенные Штаты, однако и тут существуют достаточно серьезные противоречия. Растущее интернациональное пространство (естественная вотчина НПО и ТНК, но прежде всего — мир банковских и финансовых сетей) оставаясь генетически связанным с породившим его ареалом, постепенно обретает все большую свободу, во все менее поддающейся государственному регулированию среде. Проявляя собственное историческое целеполагание, “виртуальный континент” оперирует смыслами, способными вступать в конфликт с целями и ценностями всех земных регионов, включая “материнский”, североатлантический.

(Одновременно в мире подспудно формируется “опрокинутое” транснациональное пространство, чье бытие определено параллельной теневой глобализацией деструктивных тенденций различной этиологии. Спекулятивные аспекты финансовой неэкономии нередко смыкаются здесь с откровенно асоциальной псевдоэкономикой трансрегионального криминального сообщества, вкупе утверждая единую квазихозяйственную реальность, существующую за счет паразитического присвоения части вновь создаваемого и “проедания” накопленного ранее мирового богатства. Однако это отдельная, хотя и весьма серьезная тема.)

В результате подобных и других, не столь давних и широко известных процессов кардинально изменился социальный ландшафт планеты. Оказалась сломанной не только привычная ось “Запад-Восток”, но, кажется, требует серьезных корректив и другая традиционная биполярная схема: “Север-Юг”. Правда, может, точнее было бы сказать, что она не сломалась, а — расщепилась. Модель же формирующегося универсума, судя по всему, носит гексагональный, шестигранный характер (и в этом смысле она многополярна). В ее состав входят (конечно, отнюдь не на равных — и в этом смысле она однополярна) такие макрорегионы, как североатлантический, тихоокеанский, евразийский и “южный”, расположенный в основном в районе индоокеанской дуги. А также два нарождающихся

транснациональных метарегиона, которые выходят за пределы чисто географической привязки.

Раскалывается на составные части привычный для нас Север. С одной стороны, его особенностью, основным нервом, становится “штабная экономика” Нового Севера, определяющего действующие “правила игры” и регулирующего с той или иной мерой эффективности всю совокупность современной экономической практики (взимая с нее, таким образом, специфическую ренту). А также тесно связанная с ней спекулятивная “фантомная постэкономика” квази-Севера, порожденная новой фундаментальной неравновесностью мировой среды и в то же время парадоксальным образом основывающаяся на этом феномене собственную устойчивость. Но с другой стороны, не менее яркой характеристикой ареала является впечатляющий результат динамичной индустриализации Нового и новейшего времени — т.е. геоэкономический Запад. Его суть — это, прежде всего особое национальное богатство: развитая социальная и промышленная инфраструктура, обеспечивающая производство сложных, высокотехнологичных изделий и образцов, значительная часть которых затем тиражируется в результате экспорта капитала в другие регионы планеты. Географически данные пространства пока еще во многом “сшиты”, однако их стратегическое целеполагание и исторические замыслы уже заметно разнятся, а кое в чем и противоречат друг другу. (Здесь скрыта подоплека многих непростых и актуальных сюжетов. Интересен, например, внутренний, геоэкономический смысл такого процесса, как продвижение НАТО на Восток, дающий шанс испытывающей серьезные затруднения высокотехнологичной промышленности Запада получить второе дыхание, обеспечив себе “фронт работы” порядка 100-120 млрд. долларов.)

Очевидно утратил единство также и Третий мир, представленный в современной социальной картографии несколькими достаточно различными, самостоятельными пространствами. Так, массовое производство как системообразующий фактор (в геоэкономическом смысле) постепенно перемещается из североатлантического мира в азиатско-тихоокеанский регион (а точнее, — Большое тихоокеанское кольцо, включающее и такой нетрадиционный компонент, как ось Индостан — Латинская Америка). Здесь формируется второе промышленное пространство планеты — Новый Восток, в каком-то смысле пришедший на смену “коммунистической цивилизации”, заполняя образовавшийся с ее распадом биполярный вакуум. Ресурсно-сырьевая деятельность является по-прежнему спецификой стран Юга (во многом мусульманских или со значительной частью мусульманского населения), расположенных преимущественно в тропиках и субтропиках — большей частью в районе Индоокеанской дуги. Будучи кровно заинтересованы в пересмотре существующей системы распределения природной ренты, члены этого геоэкономического региона терпеливо ждут своего “часа пик”, неумолимо приближающегося по мере исчерпания существующих запасов природных ресурсов. В стратегической перспективе Юг стремится также к установлению нового экологического порядка, солидаризируясь с теми государствами планеты, которые хотя и лишены крупных запасов природных ископаемых, однако обладают мощным биосферным потенциалом. Одновременно “мировой андеграунд” — трансрегиональный “архипелаг” территорий, пораженных вирусом социального хаоса, также превращается в самостоятельный стратегический пояс Нового мира — Глубокий Юг. (Хотя, как уже отмечалось, в ряде своих проявлений он

фактически смыкается с финансовой эквилибристикой квази-Севера, порождая единое химеричное пространство, существующее за счет весьма своеобразной цивилизационной ренты — планомерного расхищения ресурсов цивилизации, ее декомпозиции.)

И, наконец, новой геостратегической реальностью стал находящийся в переходном, хаотизированном состоянии посткоммунистический мир, похоронив под обломками плановой экономики некогда могучий полюс власти — прежний Восток.

Каждое из этих геоэкономических “больших пространств” имеет самостоятельную систему жизненных приоритетов, у каждого из них свой план желаемого мироустройства, своя оптимальная схема взаимодействия регионов. Или, проще говоря, — собственный проект будущего.

С.К.ОЗНОБИЩЕВ: Многополярный мир, к которому мы идем, несомненно, отвечает нашим интересам, не в полной мере отвечает интересам США, где-то наши интересы расходятся, несмотря на то, что утверждают некоторые политологи обратное, в наших интересах пестовать появление различных “центров силы”, мировых держав и так далее. А интересы США сводятся к обеспечению собственного лидерства и сдерживанию всех остальных на более низких уровнях международной и прочей активности.

Действительно, были сказаны золотые слова, что наше будущее зависит от нас самих, от того, как мы будем это будущее лепить. И здесь есть ряд факторов, я не берусь выдать готовый рецепт, об этом скажут более умные люди, но есть ряд факторов, с которыми надо считаться. Во-первых, мы испытываем дефицит средств как на оборону, так и на претворение в жизнь международной политики. Что бы мы не задумали в высоких кабинетах, претворять в жизнь — это очень тяжело. Тяжело подчас и Америке, и Англии и некоторым другим странам. Требуются совершенно иные инструменты претворения в жизнь политических замыслов. И когда мы говорим о том, что мы применим первыми ядерное оружие в случае чего, почему-то никто не пугается, а спрашивают, зачем?

Наш главный докладчик сегодня сказал какие-то странные для меня вещи о том, что сбалансированных отношений с другими странами у России нет и быть не может. Именно в сбалансированности наших отношений и непротивопоставлении западной и восточной политики и кроется возможность России повернуть ситуацию в общем-то в свою пользу.

И два последних момента. У нас больше нет братьев и дружбы навек. Мы по-прежнему стремимся назвать Индию нашим стратегическим партнером, хотя Индия нас так не называет. А надо, наверное, понимать, что индийский народ к нам прекрасно относится, и в советские времена хорошо относился, и сейчас прекрасно относится, и с ними можно иметь дело. Но говорить о том, что мы навсегда будем с Индией, наверное, это будет также упрощенчество и от этого мы в конечном итоге можем сами пострадать. То есть сегодняшние союзы, сегодняшние партнерские отношения носят многофакторный характер. И жить в этой новой ситуации нам надо научиться.

И еще одна очень важная вещь. Нам надо как можно скорее вывести дискуссию с Западом из сферы безопасности. Сами же признаем, и другие страны признают, что в Европе мы друг другу давно уже не грозим. Чем скорее мы начнем говорить с Западом вне контекста безопасности, тем лучше будет для нас, для российских интересов.

С.Ю.КАЗЕННОВ: Глобальная макроструктура в перспективе будет, безусловно, иметь полюсно-узловой, “нодальный” характер, разумеется, со своей спецификой. Полностью согласен с Ю.А.Квицинским, что новые факторы, новые пласты экономического, политического развития будут накладываться на существующие структуры, а не отрицать их. В этом плане многие механизмы и инструменты управления глобальными и региональными геополитическими процессами отнюдь не утратили и не утратят в будущем своей актуальности. И настораживает позиция докладчика — представителя МИД РФ В.Б.Лукова — в его попытке представить мир будущего (и уже настоящего) как полный отрыв, полную противоположность “уходящим” макроструктурам.

Сегодня мир переживает переходный период в развитии глобальной геополитической макроструктуры. Но его “истины” могут быть отнюдь не идентичны тем правилам, по которым предстоит играть на международной арене в первой половине XXI века. Да, уход от представлений “биполярного мира” необходим, но нельзя просто экстраполировать современные тенденции, процессы на будущее. Так, нельзя абсолютизировать процесс беспредельного роста (включая экономический и военно-политический компоненты) для АТР. Имеются факты, свидетельствующие о том, что “пик роста” для региона уже прошел, основные факторы уже задействованы и даже исчерпаны. Рост АТР будет продолжаться, но абсолютизировать его в качестве главного полюса геополитической макроструктуры будущего вряд ли разумно.

К тому же, при всем своем динамизме, глобальная макроструктура весьма инерционна, сегодняшние и вчерашние главные ее полюса останутся ими и в дальнейшем. И они обладают значительной, гораздо большей, чем новые “центры силы”, экономической, политической, военной, идеологической консолидированностью. Что, собственно, и позволяет их считать структурными целостными образованиями глобальной системы, а не просто статистическими единицами.

Если мы принимаем мир будущего как многополюсный, то встает вопрос, может ли рассматриваться Россия в качестве одного из его ведущих полюсов — или же это всего-навсего “пространство”, объект политики других субъектов международных отношений.

Что это дает России в качестве дивидендов, какие накладывает обязательства? Стоит ли стремиться во что бы то ни стало быть признанным в качестве “восьмого чуда света” — или на сегодня лучше оказаться менее заметным, “во втором ряду” (с точки зрения того, что нынешняя сила России и, может быть, ее главный ресурс — в ее нынешней слабости) и максимально использовать возникающие в этом плане возможности точного геополитического маневра. А также постараться, без излишней спешки, без опасений “опоздать на последний поезд”, выбрать для себя (а не получить в качестве вердикта) роль в мире будущего, “порядок”, который, еще раз подчеркнем, не будет полностью идентичен нынешнему. Не исключено, что именно роль “созерцателя” для России сегодня наиболее приемлема по многим причинам. Россия “сосредотачивается” — и копит силы для своего выздоровления — морального, экономического, политического. А статус сверхдержавы будущего вовсе не предполагает безусловную ношу глобальных обязательств.

Безусловно, необходимо стремиться к становлению многополюсного мира (хотя бы потому, что Россия в нем в перспективе — один из ведущих полюсов). Но это как раз тот случай, когда “путь из Москвы в Тулу лежит через Петербург”. То есть, России вряд ли стоит форсировать формирование

многополюсного мира — с учетом того, что сегодня она не может претендовать в нем на подобающее ей достойное место, а ряд растущих геополитических полюсов, находящихся в совсем другой (по сравнению с Россией) точке “синусоиды развития”, например, Китай, Турция, могут получать в нынешней переходной неразберихе неоправданные преимущества — и затем попытаться их закрепить (любыми, кстати, средствами), за счет других членов мирового сообщества, в том числе своих соседей, а именно- России.

Таким образом, парадоксально, но в интересах России как ведущего полюса перспективного многополюсного мира — определенная консервация нынешней однополюсности с закреплением ролей и ролевых функций США и Западной Европы как безусловных гарантов (при всех, разумеется, издержках) относительной глобальной стабильности на время переходного периода. Альтернатива этому — тотальная дестабилизация и дальнейшее “сокращение” России по размерам, весу в международных делах, при росте сепаратизма и т.д.

К тому же, со временем, рано или поздно, однополюсный мир, безусловно, выйдет на жесткую конфронтацию с Мировым Югом. У России к этому времени, будем надеяться, обнаружится достаточно ресурсов по крайней мере для того, чтобы играть роль “балансира”, а в дальнейшем и важного “центра” влияния, что, собственно, и уготовано ее “центральным”, срединным, евразийским геополитическим положением.

Однако для этого России нужно стараться и самой активно формировать “свой” геополитический полюс. Идеологически — иначе глобальное противостояние Север-Юг ее просто раздавит. Геополитически — с обоснованием и дальнейшим формированием своей зоны естественного влияния (и соответственно — бремени необходимых расходов). И — ни шагу дальше, никаких глобальных игр. Экономически — через взаимодействие в первую очередь с наиболее развитыми странами. В военном отношении — в плане обеспечения готовности к вызовам будущего, с поиском шанса “срезать курс по прямой”, в том числе (и в первую очередь) в военно-техническом отношении.

России нужно постараться выиграть время для создания, формирования, “обустройства” своего полюса и зоны естественного тяготения с традиционной для данной зоны геополитического пространства системой ориентации. Разрушение “биполярного миропорядка” связано со многими обвальными процессами, ростом региональных “возмущенностей”. И, в частности, нужно попытаться, чтобы региональные конфликты, по возможности, обходили Россию стороной. С учетом того, что в мире существует определенный “лимит” на их число и масштабы. Плохо, что мир конфликтен, но конфликты в удаленных от России точках мира во многом отвлекают внимание сил, конкурирующих с Россией, противостоящих ей, в частности, от деятельности по поглощению пространства СНГ — естественной зоны жизненных интересов России. Например, при анализе ситуации в палестино-израильских отношениях нельзя не отметить, что объективно именно неполная урегулированность данного конфликта — в интересах России, поскольку сковывает устремления конкурирующих с Россией сил, повышает роль России как “балансира” на международной арене и, следовательно заинтересованность в ней как в партнере.

Безусловно, финансово-экономическая мощь — важный, важнейший компонент совокупной, политической мощи, однако абсолютизировать материальную сторону в мире будущего никак

не следует. К сожалению, сегодняшняя дискуссия пошла во многом именно по данному пути.

Недостаточное внимание явно уделяется (в том числе и в ходе данной дискуссии) проблеме Мирового Юга, как возможного полюса (совокупности полюсов) мирового развития. Насколько он консолидирован, управляем, какую роль ему предстоит сыграть, не будет ли попыток его использовать (а они уже делаются) в качестве “тарана” в чьих-то руках, в чьих-то целях? Или — это самостоятельный полюс, со своей системой ценностей, своим идеологическим оснащением? И как Россия может использовать отношения с Мировым Югом для решения своих внешнеполитических, экономических и, что очень важно, внутривнутриполитических проблем?

А.Г.АНИСИМОВ: Я, к сожалению, не смог быть на выступлении докладчика, но по ходу обсуждения доклада я хотел бы сделать некоторые ремарки, которые, с моей точки зрения, имеют значение для дальнейшего обсуждения данной темы или углубления рассмотрения.

Мне кажется, совершенно правильно выявлен один важнейший фактор, который окрашивает современные международные отношения в целом, — политики не могут четко осознать, что происходит в современном мире, на какие тенденции надо делать ставку, и где они находятся.

Произошла любопытная вещь. Технологический рывок в средствах человеческой деятельности обошел возможности понимания, как с этими средствами работать. И тот, кто быстрее осваивает эти новые средства, тот и продвигается быстрее вперед.

Ведь в чем вся дискуссия по НАТО? Давайте честно говорить. Существует некая страна — Россия — непонятно, что дальше в ней будет, имеет ли она возможность управлять своим ядерным оружием. И ставятся другие болезненные и глобальные вопросы. Главное, решения Запада по России вызваны не добрым отношением к нам, надо честно сказать, а тем, что нас просто боятся, не могут спрогнозировать, что с нами дальше будет.

В новой ситуации нам приходится ставить перед собой вопрос: Какие у нас сегодня средства проявления своей власти во вне, какие средства у нас освоены для того, чтобы говорить о каких-то властных отношениях с другими странами, о какой-то осмысленной и эффективной политике, которую мы можем проводить идет речь? У нас освоены, только военные средства и средства принуждения внеэкономического характера, в первую очередь. Надо отрабатывать другие средства. Экономические хотя бы. Я не говорю, информационные, культурно-политические и так далее. Сейчас втянемся в строительство различных трубопроводов, строим схему своего участия в мировом энергетическом рынке XXI века, говорим, как мы будем транспортировать свои ресурсы за рубеж. Запад уже этого боится. Что самое интересное, нас воспринимают как “свинью в посудной лавке”.

Я думаю, Олег Алексеевич знает эту тему прекрасно. Когда мы с ним виделись во время визита Виктора Степановича Черномырдина, тема российского участия, российского места в жизни Европы и ее севера достаточно интенсивно обсуждалась с Персоном. Сегодня было окончательное известие, что он прилетит и на 15 минут встретится с Булгаком и откроет Дом Швеции в Санкт-Петербурге. Как вести трубу, поставлять газ, нефть в Северную, Центральную Европу. Европа предпринимает свои шаги и начинает сейчас переходить в определенной степени на энергетическое самообеспечение. Приняты ЕЭСовские рекомендации по формированию энергетического рынка Европы. И технологически, и организационно они выходят на совсем

другой уровень, мы в другом веке находимся. Давайте откровенно скажем в нашей скромной аудитории: “Эта политика не имеет четкой перспективы”. Да, им такие потребности энергетики не нужны будут в перспективе. Им не нужно будет столько энергии, потому что они будут работать уже с новыми технологиями, будут создавать образцы, их продавать. Тенденция уже налицо.

Когда накапливается информация до определенного предела, возникает вопрос: “А из какой рамки осуществляется современная политика”. Налицо отсутствие государственнической рамки. Другое дело, что у Запада есть свои проблемы, население пока не готово к новой организации производства и требованиям. Отсюда одна из причин высокой безработицы. Это первый очень серьезный момент, который надо осознать. Средства нашего общения с миром, к сожалению, очень ограничены. Вкупе с нашим менталитетом они пугают наших европейских партнеров.

Что касается поставки вооружений (маленькую ремарку сделаю), то этот вопрос очень сложный. Тоже каждый раз это вызывает различные — не только эмоциональные, но и политико-экономические, вплоть до санкции, — решения по отношению к нам. Мечемся мы в поисках партнеров по всему миру, мечемся. То у нас Иран, то мы делаем ставку на того человека, которого не избрали в Иране, встречает его Президент и так далее. Не буду я в это вникать. Чувствуется, что осмысленной твердой линии нет. Переход на новые средства международного общения, я бы сказал, понимание того программирования международно-политической жизни, которое проводится не у нас, а в других странах, вот с этого-то, мне кажется, надо начинать.

Возникает вопрос: “Где мы находимся?”. В поисках ответа переходят к попытке осмыслить системно современный миропорядок через использование понятия многополюсного мира. Понятие имеет, с моей точки зрения, пока в большей степени не онтологическое, а гносеологическое значение. Для идеологизированных элитарных групп это попытка сублимирующего самоопределения.

В этом смысле я очень поддерживаю то, что сказал Олег Алексеевич; путь снижения предъявленной нами опасности миру — это наш возможный вклад в строительство многополюсного мира. Надо найти какие-то другие рычаги нашей власти. Если мы не найдем их, то мы должны смириться со своим третьестепенным значением на международной сцене.

Была у меня интересная дискуссия сегодня с моим коллегой, который участвует в подготовке Денверской встречи, сейчас готовим поездку Виктора Степановича и в Соединенные Штаты, он там будет на Генассамблее выступать, потом у него предстоит в Китае очень сложная поездка. Мы довольно оживленно обсуждали: “Хорошо, давайте нас примем в “восьмерку”. Но я обращаюсь к своему коллеге, который стоит за этот ход. Хорошо, о чем мы будем разговаривать в “восьмерке?” Я говорю: “Вот собираются владельцы “Шевроле”. А у нас вообще машин нет. Они обсуждают какие предпринимать усилия для сервиса для “Шевроле”, какие детали лучше выпускать или еще что-то в этом духе.. Но мы-то не участвуем в этой “шевролевой жизни. Будут обсуждаться вопросы, связанные с курсом марки к доллару, еще пару “мерседесных” и “крэйслеровых” вопросов.” Это как пример. О чем разговор? В дискуссиях по военным вопросам, вопросам обеспечения безопасности нам дают возможность принять участие, с нами разговаривают, хотят нас утихомирить, чтобы мы понизили порог своих вооружений, разоружились, цивилизованно относились к миру, не навязывали никому свою волю, военными, в первую

очередь, средствами. Поэтому, мне кажется, нам провести дискуссию в этом ключе было бы интересно: способы и особенности связей, формирование гомогенных пространств, построение многомерного мира.

П.Г.ЩЕДРОВИЦКИЙ: Я думаю, что мы прервемся на летний период, и ближайшая встреча будет уже ближе к сентябрю. Тогда мы возможно соберемся в более широком составе. Еще раз предложим собравшимся вопросник. Может быть, стоит обобщить предложения по темам, обсуждение которых должно стать предметом общей дискуссии.

VIII. ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ В XXI ВЕКЕ

*Стенограмма совещания аналитической группы
аппарата Совета обороны РФ. Москва, 2 декабря 1997 г.*

С.В.КОРТУНОВ: Несколько слов о цели нашего совещания. Мы вас собрали из чисто прагматических соображений, а не для того, чтобы удовлетворить некий академический интерес, хотя это тоже всегда интересно и полезно. Дело в том, что аппарату Совета обороны поручено выполнение целого ряда концептуальных задач, которые носят стратегический, долгосрочный характер. Это разработка концепции военной реформы, концепции военного строительства, военной доктрины и др. Мы участвуем также в разработке концепции национальной безопасности и посланий Президента Федеральному Собранию. Все эти документы требуют долгосрочных прогнозов.

Кстати говоря, американцы уже давно такие прогнозы делают. Не случайно у них появляются такие документы, как “Война в 2020 году”. Конечно, мы не копируем американцев. Просто наша работа требует такого же долгосрочного прогнозирования. Чисто прагматически: цикл системы вооружений составляет примерно 15-20 лет. А это означает, что для того, чтобы принять решение о том, какие именно системы ставить на вооружение сейчас (а решения надо принимать уже сейчас), нужно представить себе, в каком окружении — враждебном или не враждебном будет находиться Россия через 20, а то и 30 лет. Нужно представить себе мир XXI века, его структуру, соотношение интегративных и дезинтегративных тенденций, роль государственного суверенитета, роль военной силы, международных организаций и так далее. Нужно представить себе и количество полюсов, региональные сверхдержавы, региональные балансы сил как в геополитическом и геостратегическом, так и в геоэкономическом отношении.

Следующий вопрос — это, конечно, технологический облик мира. Он складывается под влиянием трех, по крайней мере, революций — информационной, революции в телекоммуникациях и революции в военном деле. Без представления об этом невозможно написать военную доктрину.

Наконец, революция в ценностях. Это очень важно. Об этом Александр Сергеевич вчера говорил, и мне очень понравилось. Получится ли в итоге в XXI веке из России, скажем, либеральное государство или “постлиберальное” государство?

По каждому из этих вопросов мы имеем в виду провести серьезное обсуждение. По многополярному миру мы такое обсуждение провели. Сегодня мы хотели бы поговорить о глобальных тенденциях и противоречиях мира XXI века, имея в виду интегративные и дезинтегративные тенденции, меняющуюся, трансформирующуюся роль государственного суверенитета, понятие национальных интересов, роль международных организаций и военной силы.

Конечный продукт нашей работы, вероятно, будет представлять довольно объемное исследование, состоящее из

трех частей. В качестве третьей части мы сразу определили войны, военные конфликты и оружие XXI века, то, что, собственно, и нужно Совету обороны. Но для того, чтобы выполнить эту главную для Совета обороны и Министерства обороны часть, нужно, естественно, решить более общие вопросы. Поэтому вторая часть посвящена роли и месту России в XXI веке. Эта часть будет, видимо, содержать в себе элементы стратегии развития России, которая, как мы считаем, является более старшим по иерархии документом, чем концепция национальной безопасности. Концепция национальной безопасности — это, по существу, частный случай стратегии развития.

Но чтобы представить себе роль и место России в XXI веке, в свою очередь, надо представить и мир XXI века. Сегодня мы предлагаем поговорить об этом. Здесь еще важен, конечно, и такой момент: вокруг всех этих вопросов, с моей точки зрения, нужно пытаться выстроить если не общенациональный консенсус, то хотя бы широкое национальное согласие. Поэтому мы и предлагаем такую форму работы — с привлечением независимых экспертов, наших выдающихся философов, геополитиков, геоэкономиков, международных экспертов. Мы действительно очень рассчитываем на ваш вклад в решение данной задачи.

А.С.ПАНАРИН: Во-первых, я хотел бы сказать о неких антиномиях глобализма. Само понятие “глобализма” надо лишить привычной фаталистической нагрузки, т.е. понимания его как неких фатальных тенденций, которым нет альтернативы. Наоборот, глобализм внутренне альтернативен. И очень важно расшифровать эти альтернативы. Глобализм также антиномичен. И его первая антиномия, на мой взгляд, состоит в том, что мир глобализуется скорее как объект, то есть объективно нарастают глобальные проблемы, которые, так сказать, в методологическом плане являются общепланетарными, то есть требуют планетарных усилий. Мир взаимодействует объективным образом. Скажем, события, происходящие в одной точке земного шара мгновенным образом влияют на события в другой точке земного шара. То есть в мире создается некое единое поле взаимодействия. Это не просто, скажем, единый экономический рынок или единое информационное поле. Имеется какая-то структура этого поля, которая позволяет, повторяю еще раз, генерировать сигналы с одной части мира и передавать их на другую, что влияет на геостратегию, на статус держав, на поведение различных мировых субъектов. Природа этого поля не совсем ясна и я думаю, что она заслуживает специального научного внимания.

В этом объективном смысле мир глобален. Но если взять с точки зрения субъекта, а именно готовности народов реально откликаться совместными стратегиями на глобальные проблемы, реально кооперироваться, образовывать какие-то ассоциации в этой общеглобальной ситуации, — с этой точки зрения мир остается парциальным. Это уже одна антиномия. Находясь перед лицом глобальных вызовов, он действует по-прежнему парциально. Тут, конечно, очень много значат наследие старых традиций, амбиции элит и многое другое. Но, во всяком случае, разъединенность мира как субъекта осталась. Вот проблема: объективная глобальность и сохраняющаяся субъективная парциальность, неумение человечества вести себя как единый планетарный субъект, оказавшийся перед лицом глобального вызова. В этом проявляется одна из опасных дисгармоний современности. И, следовательно, в долгосрочном прогнозе мы, по крайней мере, должны предполагать, что мир волей — неволей будет все-таки

наращивать свою способность вести себя как планетарный субъект и, следовательно, кооперироваться перед лицом глобальных проблем. Я думаю, что в долгосрочном плане это можно в принципе прогнозировать. Не ясно, какие формы это примет, но, по-моему, у человечества по большому счету нет альтернативы совместному существованию.

Вторая дисгармония заключается в том, что страны обмениваются больше негативным опытом, чем позитивным. То поле, о котором я говорил выше, обладает каким-то злокозненным свойством, а именно: обмен дестабилизирующими фактами совершается быстрее, чем стабилизирующими. Простой пример: Запад успел навязать всем народам свою потребительскую мораль, это оказалось очень заразительным. Но он меньше преуспел в том, чтобы распространить свою трудовую протестантскую этику, свою самодисциплину и самоорганизацию. Или, скажем, Запад распространил ценности демократии, но в других странах это послание Запада было понято неадекватно. А именно: уход внешне авторитарных структур, инстанций, составляющих основу внешней дисциплины, не сопровождается адекватным наращиваем внутренней самодисциплины, способности к внутренней самодисциплине. Я думаю, в этом проявляется вторая дисгармония мира.

С этой точки зрения, очевидно, человечеству предстоит выработать какие-то фильтры для того, чтобы этот обмен был более избирательным, то есть, чтобы это был больше обмен достижениями, чем обмен поражениями. Сегодня, скорее, преобладает по-моему, последнее. Может быть, я пессимист, но мне почему-то все-таки кажется, что это так, что народам, странам, цивилизациям меньше дается обмен достижениями. По закону энтропии, самое вероятное событие — это хаос. Хаотические события, дисгармония, дестабилизация распространяются в мире быстрее, чем достигательные моменты. Это еще одна серьезная дисгармония процесса глобализации.

Третья дисгармония заключается в том, что глобализм с субъективной стороны, воспринимается, прежде всего, как гегемонизм, то есть как стремление управлять миром, причем, управлять в привычном авторитарном ключе. Например, если речь идет о надмировом правительстве, которое нарушает суверенитеты, то много говорится об общей устарелости самого понятия национального суверенитета. То ли предполагается, что это мировое правительство будет авторитарным образом управлять миром, то ли им будет управлять одна сверхдержава (сегодня такие поползновения, на мой взгляд, явно просматриваются). Но миром нельзя так управлять. Мир, действительно, является системой, но системой очень высокой сложности, которой нельзя управлять из единого центра. И вот стоит проблема: как избежать глобализма, проявляющегося в форме гегемонизма? Как выработать альтернативную демократическую версию глобализации?

Здесь я как раз обращаюсь ко второму вопросу, как перейти от моноцентричной версии управляемого и направляемого мира к более демократическим версиям его организации? Потому что, на мой взгляд, реакция на моноцентристскую модель будет усиливаться. Прогнозируя будущее на долгосрочной основе, мы непременно должны заложить важный методологический принцип: нынешние тенденции нельзя экстраполировать в отдаленное будущее, потому что в скором будущем они дают абсурдное значение. Это означает: их предстоит остановить. Поэтому экстраполирующий разум, проявляющийся в прогностике, сегодня совершенно не

годится, нужен совершенно принципиально иной тип воображения, который бы дал возможность просмотреть качественные сдвиги.

Сегодня после холодной войны, действительно, наблюдается тенденция к моноцентричному миру. Эта тенденция непременно вызовет очень бурную реакцию, и я думаю, что одной из политических реальностей XXI века будет реакция на моноцентричную модель мира. И в этом смысле я считаю, что, чем больше американцы сегодня утверждают эту моноцентричную модель, чем больше они настаивают на ней, чем больше их охватывает азарт “победителя” в холодной войне, тем более серьезные вызовы встретит Америка в XXI веке. Потому что эта реакция не заставит себя ждать, и она, повторяю, будет тем более острой и тем менее предсказуемой, чем более бесцеремонно и догматически ведет себя нынешний “победитель”. Хотя реакция на моноцентричный мир неизбежна, одно из направлений долгосрочного прогноза заключается в том, какие формы примет эта реакция.

Первая реакция — это утверждение полицентричной модели. Некоторые предпосылки этого процесса уже складываются. Скажем, объединение Германии: Германия сейчас сколачивает Центральную Европу и тем самым похищает у России Восточную Европу, туда же идет Украина. Все это очень болезненно для России, но, по большому счету объединение Германии работает на полицентричный мир. Сегодня в ущерб России, — непременно завтра в ущерб Америке. Потому что возрожденная, объединенная Германия, конечно, будет раскалывать единое атлантическое пространство. Я думаю, единое атлантическое пространство заканчивается в XX веке. В XXI веке, на мой взгляд, очень велика вероятность того, что Германия попытается создать свой центр. И в этом смысле вместо метафоры единого Запада мы будем иметь по меньшей мере два Запада, то есть реставрацию континентальной модели. После 1945 года североатлантическая модель поглотила континентальную модель. Реванш континентальной модели, в частности, в лице объединенной Германии, которая непременно будет выстраивать свой автономный центр силы, — это, если хотите, один из шагов к вероятному полицентризму.

Я думаю, следующий шаг — это объединение Кореи. Я был недавно в Сеуле. Американцы говорят: “Россия сопротивляется объединению Кореи”. Но на мой взгляд, по большому счету, Россия заинтересована в объединении Кореи, а американцы, наоборот, не заинтересованы по тем же самым соображениям, что и в отношении объединенной Германии: объединенная Корея означает, что у американцев уже не будет оснований держать военные базы на Корейском полуострове. Далее. Объединенная Корея будет иметь возможность вести более сбалансированную политику, не такую, как сегодня, — проамериканскую. Объединенная Корея может преподнести гегемону такие же сюрпризы как, скажем, объединенная Германия. В объективном, долгосрочном плане, если, конечно, мы поведем себя хорошо, умно, объединение Кореи работает на руку России. С объединенной Кореей Россия будет иметь дело, как со стратегическим партнером. Сегодня в такие партнеры все-таки Корея не годится, поскольку, она, конечно, вынуждена следовать в фарватере американской политики, которая слишком часто носит антироссийский характер.

Поэтому некие предпосылки полицентричного мира создаются. Этому опять-таки сопротивляется та страна, которая возомнила себя единственной сверхдержавой. Она на самом деле заинтересована в такой геополитической модели, в которой в центре находится одна большая “сверхзвезда”, а вокруг — мелкие

сателлиты, то есть ослабленные державы, не способные к самостоятельной политике. Американцы не заинтересованы сегодня в полицентричном мире. В долгосрочном плане, если взять их объективные интересы, то, конечно же американцы были бы заинтересованы в полицентричном мире, поскольку моноцентричный мир, в принципе, нестабилен и непредсказуем. Но таков злосчастный удел “победителя”. Н.Бердяев как-то говорил: “Не горе побежденным, горе победителям”. Потому что они упускают тот момент, когда надо остановиться и сказать себе: “Хватит”. Они упускают момент самоограничения, победителю очень трудно мобилизовать реакцию самоограничения, его охватывает эйфория от побед, от чувства силы, от игры мускулами. Эстетизация силы — это огромный соблазн победителя. И с этой точки зрения американцы, конечно, будут сопротивляться моноцентричному миру. Поэтому утверждение полицентризма — это не стихийная, фатальная, в духе неизбежной закономерности тенденция, а это тенденция, которая будет развиваться параллельно с другой тенденцией — моноцентризмом. И будет иметь место борьба этих тенденций. В конечном счете, я думаю, полицентричная модель должна, конечно, восторжествовать. Но повторяю еще раз, борьба двух моделей, двух альтернативных версий будущего — это реальная борьба. Просто за каждой из этих версий стоит определенный центр силы, определенные интересы.

Но возможен и другой ответ, возможно восстановление биполярных структур. Это будет совершенно другая структура, но она возможна. Если предположить, что американцам удастся выстроить моноцентричный мир, это означает, конечно, единый Запад, единое атлантическое пространство во главе с США, плюс “Большая Семерка”. Если это будет так, то усилится идеология вестернизации. Она сегодня буквально стучится в повестку дня, и бесчисленные сонмы всяких идеологов, политологов и культурологов постоянно третируют иные культуры, даже европейскую. Как считает американский политолог Алмонд, континентально-европейская культура — это все-таки немножко архаичная культура, передовая эталонная политическая культура — это американская. То есть даже европейцев третируют как архаичную культуру, а уже об остальных и говорить нечего.

Это наступление вестернизации, когда все должны уподобляться Западу, непременно вызовет реакцию. Восток не может исчезнуть. Я, кстати, вообще предполагаю (это моя гипотеза), что человечество имеет биполярную, двухполушарную структуру, как наш мозг: левое и правое полушарие. Одно ответственно за рациональные, логические задачи, другое — за образные. Так и само человечество, по-моему, имеет биполушарную структуру. Не случайно все технические новации шли с Запада, но все духовные новации, например, великие мировые религии, все без исключения, шли с Востока. Это не случайно. Мир не может стать однополушарным, как не может стать однополушарным мозг. Поэтому нынешнее глобальное наступление с Запада на Восток, проект вестернизации мира — это авантюра западного “фаустовского человека”, которую он, наверное, еще никогда не предпринимал, сколько живет на земле. Это гигантская авантюра, и ответ на нее непременно будет — как некое восстановление Востока в своих правах.

Нам тоже еще неясно, в каких это будет формах. Но я полагаю, что наше поколение находится в самой интересной фазе мирового цикла. По-моему, в мировой истории действует некий сверхбольшой мегацикл, западно-восточный цикл. Скажем, первые цивилизации мира родились на Востоке: вавилонская, шумерская и так далее, вплоть до китайской, индийской, египетской. Эта восточная фаза мирового цикла закончилась где-

то к пятому, шестому веку до нашей эры, когда появляется критомекенская цивилизация, а потом античные — Греция и Рим. Это значит, что мир вступил в новую западную фазу мирового цикла. Эта фаза тоже продолжалась около 1 тысячи лет. Восток и Запад подстерегают свои крайности. Крайность Востока — это поглощение общества государством. Этот всепожирающий молах государственности приводит к тому, что восточная фаза иссякает и возникает реванш западной фазы. А на западной фазе возникает другое. Неумеренное употребление индивидуального принципа ведет к концептуальному декаденству, к моральному релятивизму. Античность погибла в результате деморализации гедонистической личности. Рим уже осаждают орды варваров, а сенаторы вместо того, чтобы думать об этом, принимают ванны с гетерами. Это говорит о том, что у них уже не было ни энергии, ни воли. Вот так кончается западная фаза цикла, и скажем, где-то в IV-V веке нашей эры наступает новая восточная фаза.

Я, например, европейское Средневековье рассматриваю как Восток внутри Запада. Неслучайно многие специалисты прямо говорили, что средневековый Запад ничем не отличается от Востока. Это сельское общество, то есть, в Средневековье на Западе возникла деурбанизация (античная цивилизация же была урбанистическая), дедемократизация и так далее. Восточная фаза мирового мегацикла длилась где-то 1 тысячу лет до возникновения модерна, то есть, ренессанса в XV веке. Это уже была новая западная фаза.

Я думаю, что сейчас мы находимся в самый интересный момент накануне новой смены большого мегацикла. На мой взгляд, несмотря на умопомрачительные “победы” Запада, и в частности, “победу” в холодной войне, все-таки очень многие симптомы свидетельствуют о том, что мы сегодня застаем конец модерна. То есть мир XXI века будет вступлением в новую восточную фазу мирового мегацикла. Без осознания этого мы ничего не поймем в характере тенденций XXI века и вообще в стиле XXI века. Мы не поймем, что XXI век будет разворачиваться под знаком новой фазы мегацикла — восточной.

Я специально очень экстравагантные мазки делаю, поскольку мы разговор ведем о долгосрочном прогнозировании. Каковы симптомы этого перехода? Я думаю, что фаза модерна наталкивается, по меньшей мере, на четыре препятствия. Или — фаза модерна угрожает человечеству потерей четырех важнейших оснований жизнестроения.

Первое — это, конечно, экологический кризис. Когда мы говорим о пределах роста, это верный признак, что фаустовский человек эпохи модерна, реализовавший энергичное наступление на природу, завоевательно-преобразовательный пафос в отношении природы, иссякает. Я думаю, что сегодня экология свидетельствует о том, что этот пафос нужно укротить, что энергию прометея человека, обращенную против природы, необходимо укротить. Это один из показателей того, что модерн близок к своему концу.

Кстати, на Западе неоконсерваторы не случайно называли “зеленых” “пятой колонной” Востока на Западе. Это прозорливо, это действительно так. Действительно, экологи — это не западный тип мышления. Экологи бросили вызов фаустовскому человеку. Экологи неслучайно так кокетничали с опытом Востока, в частности, с дзен-буддизмом, в соответствии с которым человек не должен мнить себя центром мироздания. В этом смысле буддизм как раз очень современен. Экологическое мировоззрение — это, действительно, не западный тип мировоззрения. Это, если хотите, ранняя ласточка восточной фазы на Западе, на мой взгляд.

Вторая причина кризиса или симптом кризиса модерна заключается в том, что модерн угрожает культурному разнообразию человечества. Его единое массовое общество, единая массовая культура, программа вестернизации — угрожают потерей разнообразия. Но культурное разнообразие человечества, я думаю, для выживания человечества имеет не меньшее значение, чем разнообразие видов в живой природе. Экологи и этологи знают, что как только в том или ином водоеме уменьшается разнообразие видов, это — верный признак кризиса данной экосистемы. Так вот, я думаю, что многообразие культурных типов, многообразие культур — это, если хотите, стратегия выживания человечества. Если человечество уменьшит свое разнообразие, значит оно уменьшит вероятный потенциал своих альтернативных стратегий.

Поэтому я думаю, что сейчас необходимо защитить свое культурное разнообразие. А, следовательно, восстание против модерна непременно будет. Таким образом, не только боги природы, старые языческие боги, но и экологизм восстанет против модерна. Против модерна восстанут еще боги культуры. Эстетический идеал разнообразия сегодня работает в ущерб модерну. И бунт культуры против модерна, как защитная реакция в пользу сохранения разнообразия, я думаю, — это еще один из признаков иссякания модерна.

В-третьих, я думаю, очень важно то, что творится с человеком, а с ним в самом деле творится что-то неладное. Мы привыкли уповать на НТР и как-то не заметили духовных катастроф, случившихся с человеком. Я думаю, что эти катастрофы очень серьезные, потому что в долгосрочном плане тот потребительский тип личности, который воспитан модерном и который стремительно распространяется по миру, этот потребительский тип личности в долгосрочном историческом масштабе не жизнеспособен. Дефицит ответственности, тотальная алчность, дефицит солидарности и многое другое говорит о том, что этот потребительский человек, совершенно неспособный выносить тяготы существования на длительную историческую перспективу, просто не сохранится.

Правда, Запад предложил такой не лишенный остроумия вариант: не менять этого потребительского человека, не перевоспитывать его, а полагать, что техническая цивилизация даже этому человеку, духовно и морально незащищенному, позволит выжить. Техническая цивилизация создаст такие комфортные условия, где герои аскезы, для которых характерны жертвенность, солидарность, добродетель, будут не нужны. Техническая цивилизация позволит даже этому человеку — этому вырожденцу модерна — выжить.

Я думаю, что сама техническая цивилизация имеет некий экологический предел, и надо подумать, во что она превратится. Трагедия России в том, что к ней пришел этот самый человек позднего модерна, что последняя наша модернизация после крушения коммунизма совпала с базой вырожденческого модерна. К нам пришел модерн не в его героическо-аскетических формах, не протестантский человек, не рыцарь, а пришла вот эта самая безответственная потребительская личность, не умеющая добывать богатства нормальным кропотливым трудом. Она вообще не способна на трудовую аскезу, на трудовую этику, поэтому экономический человек на наших глазах вырождается. Ведь не случайно есть тайна экономического человека: он был как бы с двойным дном. Прежний экономический человек вместо того, чтобы грабить на больших дорогах или спекулировать ценными бумагами стал неистово трудиться и неистово накапливать, а не потреблять, но такое поведение требовало вознаграждения. Человек искал прибыль на трудных путях

производства и сбережений. Но “новые русские” как раз предпочли более легкие пути, значит, западный вариант был, вообще говоря, не единственно возможный путь развития экономического человека.

Я думаю, что он встал на трудный путь, в связи с тем, что на Западе, в эпоху раннего модерна, добуржуазные предпосылки морали и культуры еще не были растрчены. И эти добуржуазные предпосылки, может быть, создали особую возможность того, что, когда рухнули эти внешние основания дисциплины, человек раннего модерна пошел не легким путем разбоев, грабежа и спекуляции, а трудным путем аскезы, сбережений, инвестиций и так далее. Но это, повторяю, потому, что не были растрчены эти добуржуазные предпосылки морали и культуры. А вот сегодня они растрчены и поэтому к нам сегодня пришел человек модерна, лишенный этих противовесов со стороны морали, культуры и традиции. Поэтому он быстро посчитал и быстро смекнул: а зачем заниматься производством? Это обещает очень медленное приобретение, а вот рэкет городов и спекуляция это — быстрое приобретение, быстрый путь к прибыли. И когда экономический человек сделал это сокрушительное открытие, что грабеж и спекуляция — более быстрый путь обогащения, чем аскеза накопления, так сказать, протестантская модель, когда он это понял, он развалил и разрушил все.

Поэтому я думаю, что то, что случилось с человеком, а с ним случилась потрясающая духовная катастрофа, (мы говорим об экологической катастрофе, а духовной катастрофы не заметили). Эта катастрофа тоже говорит о том, что модерн деморализовал человека до последней стадии. Модерн посягнул на такие интимнейшие структуры человека, что это дитя позднего модерна представляет, на мой взгляд, совершенно нежизнеспособный в долгосрочном плане продукт. Поэтому предстоит опять-таки ожидать некой реакции и на это. Не только реакции в лице экологического движения, а я бы сказал, реакции в лице движения за реставрацию морали. Такой нравственный религиозный фундаментализм в ранних формах проявился, скажем, в Иране в лице Хомейни, но эта реакция нравственного восстановительного фундаментализма, я думаю, будет во всех странах. На Западе — это протестантские фундаменталисты. У самих неоконсерваторов кое-какие признаки этот счет есть.

Еще одно что можно зачислить в долгосрочный прогноз: поиск форм примет реакции человечества на острейшие антропологический или моральный религиозный кризис — кризис нормы. Это реакция на постмодернистское отрицание нового, постмодернистский пафос (если здесь уместно это слово — пафос), постмодернистское утверждение, что, вообще говоря, у культуры, у цивилизации нет никаких надежных процедур, посредством которых можно отличить добро от зла, прекрасное от безобразного и так далее. Сегодня вы знаете, что это очень активно проповедуется. Если нигилист еще заполучает алиби в лице пост модерна, это самое скверное. Потому что одно дело, когда нигилист попирает нормы и он знает, что он попирает их, а другое — когда ему постмодернисты и интеллектуалы угодливо поддакивают, что норм-то никаких и нет. Это опасный альянс постмодернистских интеллектуалов, опаснейший альянс позднейших либералов, которые стали постмодернистами и предельными реалитивистами. Это не только чисто русский феномен, это феномен глобальный, но у нас он проявился особенно сильно. И я думаю, что человечеству предстоит выработать некую реакцию на это, вторую восстановительную реакцию, наряду с экологической. Это восстановление нравственных критериев, фундаментальных нравственных норм. Реакция нравственного религиозного фундаментализма. Я думаю,

это тоже, непременно, следует ожидать в XXI веке, потому что у человечества нет другого выхода, другой альтернативы.

Стоит проблема: в каких формах это все проявится? Реакция экологизма на модерн, может разворачиваться в самых разных формах. Их концепцию мы можем вычислить на примере восстановления экологического авторитаризма или даже тоталитаризма. Скажем, тот авторитарный тип личности, о котором говорил Теодор Адорно и Франкфуртская Школа. Сегодня этот авторитарный тип личности утратил такую удобную для себя идеологию, как коммунизм. И, может, завтра ему очень пригодится экологизм. Экологизм тоже требует, это тоже некая запретительная культура: “Не разрушай”. Культура, я бы сказал, педантично надсмотрническая. Я могу себе представить то государство, которое говорит: “Да, планировать экономику тотально нельзя и это уже опыт коммунизма доказал, но тотально планировать экологическое поведение надо”. И под влиянием экологического кризиса, скажем, могут найтись такие авторитарные типы личности, которые попытаются возродить экологический тоталитаризм, а именно — систему тотальных экологических запретов, тотальной экологической цензуры. В принципе, экологическая реакция на модерн может приобрести и такие формы (хотелось бы, чтобы она такие формы не приобрела), но повторяю, исключить это совсем нельзя. Если мы заглядываем в будущее, надо смотреть и на это. И чем большим нигилистом модерна оказывается тот человек фаустовского типа, который разрушает природу, чем больше он преуспеет в этом, тем, может быть, более жесткой окажется и реакция.

Но возможна и другая реакция, и это было бы хорошо, если бы эта реакция была не в виде очередного запретительного государства тоталитарного типа, а, скажем, реакция в виде очередной новой духовной Реформации.

Она может так изменить систему ценности приоритетов человека, его тип духовности, чтобы он стал аскетом без принуждения. Великим мировым религиям это удавалось всегда, когда возникал тотальный кризис норм. Это было не раз. Великие мировые религии — это движение за восстановление норм, причем, за восстановление, не прибегающее к тоталитарному выходу. Как восстановить нормы не запретом или не внешним запретом, а внутренним самозапретом? Великие мировые религии — это было восстановление норм с помощью самодисциплины, самозапрета. Это великое завоевание, великая удача человечества. Уж давным-давно были бы тоталитарные монстры, если бы великие мировые религии не создали им альтернативу. Может быть, сейчас следует ожидать появления такой альтернативы. Предельного нигилиста модерна может урезонить либо новое тоталитарное государство, что совсем исключить в XXI веке нельзя, либо новая духовная реформа, типа новой мировой религии, или, скажем, типа фундаменталистских подкреплений уже сложившихся мировых религий. Протестантизм не отменил христианство, а дал ему фундаменталистское подкрепление, когда католический тип духовности стал вырождаться. Все мы знаем, как Ренессанс высмеивает монахов, и они стоили того. Так вот протестанты подтвердили христианскую аскезу в новых формах. В XXI веке возникнут новые способы подкрепления аскезы великих мировых религий, и это позволит человечеству избежать молоха нового тоталитаризма. Те запреты, которые человечеству необходимо внушить, — это и экологические, нравственные, и культурные запреты. Дай Бог, чтобы их внушило человеку XXI века не новое тоталитарное государство, а скажем, новый духовный подвиг великих мировых религий.

Я бы теперь сказал еще о реванше социальной идеи. Мы сегодня видим: как техническая цивилизация наступает на природную среду, так экономическая среда сегодня ведет небезуспешное наступление на социальную среду. Это ведь не только у нас нет социального государства. Предприятие исчезло как социальный институт, там нет ни молодежных, ни женских, ни профсоюзных движений. Патрон вообще делает все, что угодно в духе социал-дарвинизма. Моя дочь устроилась на работу, поработала в одной фирме 2 месяца, ей сказали: “Вы знаете, Вы нам не подходите”. И не заплатили. Оказывается, они так вообще делают, то есть они на 2 месяца устраивают, человек бесплатно работает (как бы испытательный срок), а потом якобы ты не выдержал, берут нового и опять бесплатно. Такие примеры (я беру частный случай) показывают, что рухнуло предприятие как социальный институт. Оно стало предприятием по выколачиванию прибыли в чистом виде.

Демонтаж социального государства произошел не только в России. Мне рассказывали: был форум немецких предпринимателей, собралось 200 глав фирм, в Дюссельдорфе. Доминанта этого форума: “Как урезонить социальное государство в Германии?” Там столько навешали на государство социальных обязательств, что они уничтожают конкурентность немецкой экономики, подрывают возможности и перспективы Германии как сверхдержавы, загоняют Германию в тупик и прочее. Бунт против социального государства, наступление предпринимательской, экономической среды на среду социальную — это факт. Социальный нигилизм предпринимательской среды усиливается на наших глазах и, конечно, крушение сверхдержавы — грозного СССР — в значительной мере способствовало этому.

Поэтому вопрос стоит, в том, что необходимо восстановление социальных идеалов, идеалов социального государства. Бунт социальной идеи против экономикоцентризма, против так называемого экономического человека — еще одна модель событий XXI века. Я думаю, бунт социальной идеи против одностороннего экономикоцентризма непременно будет. Социальная идея слишком великая идея, чтобы она просто ушла навсегда в тень. И те наши “чикагские мальчики”, которые говорили об окончательной победе рынка, явно поторопились. Вообще, всякие утверждения об окончательных победах сомнительным: социализм тоже когда-то побеждал полностью и окончательно. Но я думаю, что впереди большой реванш социальной идеи и социальных государств. Какие формы примет этот реванш — одна из интереснейших проблем долгосрочного прогнозирования на XXI век.

Предпринимательская среда наступает не только на худших, на так называемых маргинальных неприспособившихся традиционалистов. Когда, например, свертывается наука, образование, культура у нас в стране, то проигрывают здесь не только худшие, но и лучшие, падают наукоемкие производства, свертывается образование, культура, то есть экономическая среда ведет наступление не только на так называемого доэкономического человека, как она заявляет устами своих апологетов, но и на постэкономического человека, представителя духовного производства, на того, кто станет источником новых высоких технологий и других перспективнейших новаций. Она и его разрушает — под предлогом, что это нерентабельно. Фундаментальную науку надо разрушить, она нерентабельна, она не дает отдачи, образование надо разрушить, оно нерентабельно. Скопидомство этой предпринимательской среды, которая требует отдачи немедленно и любой ценой, требует ответа. Поскольку предпринимательская среда ведет наступление не только на

экономического традиционалиста, неприспособившегося к рынку, но и на постэкономического человека, то следует ожидать смычки постэкономического человека, интеллигенции, представляющей этого постэкономического человека, и доэкономического человека, традиционалиста. Эта новая смычка. Тут очень важно, какая доминанта ее потянет. доэкономическая доминанта будет реставрировать традиционализм и авторитаризм. Доминанта постэкономического человека предпринимательскую среду будет урезонивать более цивилизованным способом. В основе социального государства будущего, я думаю, будет лежать союз этих двух сил: постэкономической элиты, которая объективно нуждается в государстве, и доэкономического массового человека. Фундаментальную науку никакой рынок содержать не будет, так же как и университеты, интеллектуальные и прочие инфраструктуры. Следовательно, элита, профессионально связанная с этой инфраструктурой, элита, представленная в основном постэкономическим человеком, также заинтересована в социальном государстве, как тот самый доэкономический массовый человек, этот традиционалист, неприспособившийся к рынку. Поэтому союз этих двух сил за восстановление социального государства, союз, требующий реванша социальной идеи, я думаю, состоится. Какие формы примет этот союз и какие альтернативные, социальные и политические практики он организует в ответ на бесцеремонность предпринимательской среды, ведущей наступление на социальное начало и разрушающей социальную среду, составляет элемент долгосрочного прогноза.

Что еще нельзя экстраполировать? Нельзя экстраполировать в сколько-нибудь отдаленное будущее поляризацию Север-Юг. Этот новый тип поляризации между развитыми странами и “третьим миром” (сегодня его называют “четвертым”) — очень серьезная вещь. Я думаю, долгосрочный прогноз на XXI век непременно должен учитывать наличие этой проблемы. Следует предполагать, что эта ползучая катастрофа поляризации не может продолжаться слишком долго. Рано или поздно взрыв должен быть. Чтобы предотвратить этот взрыв, нужно доработать какие-то альтернативные стратегии.

Традиционное оружие неудачников, во-первых, это идеология. Всегда было так. Неудачники вооружались идеей, большой, великой идеей. Поэтому, я думаю, незадачливый “четвертый мир” непременно будет работать на реидеологизацию, непременно будет вооружаться какой-то идеей, как например, “эксплуатируемая мировая деревня”. Я ожидаю реидеологизации как ответ на поляризацию мира и как реакцию на эгоизм “золотого миллиарда”. Отсюда будут идти очень большие идеи. Пламенные ораторы появятся там. Запад уже никогда не даст пламенных ораторов. Харизма Запада и пассионарность Запада исчезает, сытые вообще непассионарны. А вот голодные рожают пассионария. Яркие политические характеры, яркие идеи, яркие памфлеты придут оттуда. Эти нищие духом порождают яркие идеи и харизматических лидеров.

Оружие неудачников и угнетенных, во-вторых это, конечно, политика, активизация политической борьбы. В какие формы она выльется в глобальном мире? Если не удастся подтянуть “третий”(“четвертый”) мир” до “первого”, если не удастся каким-то образом решить его социально-экономические проблемы, то нам остается ожидать реванша во внешней политике в таких формах, которые когда-то описывал К.Маркс применительно к внутренней политике, к классовой борьбе. И избежать этой перспективы не удастся, если нынешнюю

тенденцию поляризации “первого” и “третьего” миров, Севера и Юга не удастся остановить.

Третьим оружием обездоленных всегда являлась солидарность. Оружие бедных и угнетенных — это всегда солидарность. Поэтому следует ожидать солидарности “четвертого мира”. Может быть, в ответ на новую идентичность Запада, когда Запад — это мы и остальное человечество, — возникнет новая идентичность Востока. И мне хотелось бы, чтобы на эту идентичность повлиял богатый Восток, скажем, в лице Японии и пробудившегося и хорошо устроившегося в постиндустриальном обществе Китая. В принципе, повторяю, пути господни неисповедимы. Нам еще неясно, кто сильнее повлияет на идентичность Востока, когда Восток скажет: “Мы великая восточная цивилизация, “мы” — в противовес западному “они”. Я уже говорил, что мир, на мой взгляд, втягивается в новую восточническую фазу мирового мегацикла. Если на эту фазу, на ее стратегию, и имидж, на самосознание этой фазы повлияет обездоленный “четвертый мир”, это будет хуже, чем если бы это было несколько иначе. Поэтому я думаю, что сформируется солидарность бедных стран Востока и произойдет укрепление специфической восточной идентичности, как альтернативы богатому западному миру. В какие формы это выльется — тоже любопытно.

Я хотел бы сказать еще об одной очень серьезной проблеме человечества: вспышки этнических конфликтов, этнические войны, этноцентризм и энергетика расколов, порожденная этноцентризмом, когда распадаются большие государства. В злосчастной России мы к этому привыкли и с к неким мазохистским удовольствиям говорим, что это все только у нас. Я думаю, что если завтра шотландцы все-таки решат уйти из Англии, — так это вполне возможно. Это одна из важных проблем человечества. Человечество со времен Эпохи Просвещения создало очень удачную модель, (кстати, на эту модель работал коммунизм) — суперэтнический синтез: помещение народов в единое пространство, а именно в пространство единой исторической судьбы. Коммунизм восстановил Россию, которая тоже раскалывалась в 1918 году: откололась Украина, Прибалтика и Средняя Азия (басмачество).

Так вот коммунисты восстановили единое пространство, распространив модель Просвещения на единое пространство, нейтральное или безразличное к этническим различиям. Какой бы вы ни были расы, цвета кожи, этноса и так далее, у вас есть единое историческое будущее, единый проект будущего, и мы в это светлое будущее верим. Я называю это “проект Просвещения”, потому что именно Просвещение создало такую модель. Она не бесспорна, потому что она, я уже говорил об этом, опасна для разнообразия культур. На самом деле в такой модели исчезает или уменьшается культурное разнообразие. И, наверное, СССР тоже значительно уменьшил культурное разнообразие тем, что подавил этническое самосознание народов. Но, во всяком случае, он преуспел в одном: возникло единое суперэтническое пространство. Сегодня иссякает эта модель, иссякает способность человечества к суперэтническим синтезам. В ответ на это поднимает голову этноцентризм, расизм, новый национализм и вытекающие отсюда ожесточеннейшие войны. Потому что все мы знаем: когда войны ведутся за интересы — это рациональное поведение, но когда войны ведутся во имя так называемых великих ценностей, а националисты всегда о них говорят, то это самые кровавые, безжалостные и беспощадные войны. Как избежать этих войн? Надо восстановить способность к суперэтническим синтезам. Это еще одна проблема. Человечеству предстоит восстановить свою способность к суперэтническим

синтезам. Повторяю, оно ее потеряло. Этносы раньше соглашались жить в единых пространствах. Те суперэтнические синтезы, которые в свое время были предложены этносам, стоили того, чтобы согласиться на это общежитие, на большие суперэтнические многонациональные государства. А сегодня сплошь и рядом этносы на это не соглашаются. Это означает, что эти синтезы перестали быть убедительными, и, следовательно, предстоит выработать такие синтезы, которые снова станут убедительными. Те самые распадающиеся этнические пространства могут восстановиться, и тогда появится шанс у многонациональных государств, и, в частности, у России.

России сейчас позарез нужен новый суперэтнический синтез, без этого она просто не выживет. Не только СССР, но и Российская Федерация не выживет, если она не обретет способность к мощному суперэтническому синтезу. Одна из долгосрочных проблем стратегии нашей безопасности и развития нашего государства — это восстановить способность к суперэтническим синтезам. В какой форме это будет? Я, в частности, думаю, что нам надо восстановить видение философии истории, потому что одна из трагедий, произошедших с человечеством, заключается в том, что человек перестал верить в историю, в будущее. Вместо триады “прошлое-настоящее-будущее” возникла диада — традиция-модерн. Я есть, так сказать, модерн, то есть современность, я есть некое “вечное теперь” (помните — “конец истории”, никаких альтернатив в будущем статус-кво — которого сегодня в мире уже вообще нет). Человека и человечество убеждают, что альтернатив уже нет, что статус-кво и навсегда, что предстоит “вечное теперь”. Я думаю, что активизация геополитики, борьба за пространство и возникла в условиях ослабления парадигмы времени, когда человек перестал верить в историческое время, в то, что качественно новое будущее, или формационный рывок к качественно новому будущему, предложит человечеству новую “экологическую нишу”. Не надо драться за это пространство. Нужен не экстенсивный рост, а новый интенсивный рост. Всякая новая формация — это ответ на то, как интенсифицировать наш рост.

Когда человечество перестало верить в историю и в будущее, оно начало грызть за пространство. Активизация геополитики есть следствие потери веры, утраты философии истории, то есть утраты веры в новый формационный сдвиг. Это произошло потому, что мы разуверились в социализме. Россия или, скажем, российская элита в лице большевиков погубила социализм в России. Она так скомпрометировала его, или она так неудачно и злосчастно радикализировала его, что получился социализм без рынка, социализм как тотальное планирование, бюрократическое надсмотрничество, социализм как уравниловка и так далее. Эти радикалы социализма, наши большевики (они по темпераменту большие радикалы), настолько скомпрометировали социализм, что народы поверили, что раз социализм как альтернатива капитализму ушел, значит вообще альтернативы нет. И капитализм в нынешнем его виде — это окончательное решение человечества.

Утрата исторической перспективы — одна из больших трагедий человечества, потому что она напоминает человека без личной биографии. Человек лишенный будущей перспективы, — и не учится. Зачем ему учиться? Многие из молодежи не учатся, потому что говорят: “А что мне даст вуз? Пять лет страдай, на голодном пайке сиди, а потом — что я буду получать в итоге?” Я думаю, и перед отдельными народами и человечеством в целом стоит тот же вопрос. В этом корни деморализации, когда современный человек ведет себя так, что “после нас хоть потоп”. Он не сберегает, не накапливает, не инвестирует. Это еще

следствие потери веры в будущее, потеря большой исторической перспективы. Человек, как животное религиозное, как духовное существо, не может жить вне большой исторической перспективы. Это животное может жить в “вечном теперь”, а человек не может так жить, человеку нужна перспектива. И то, что большая формационная перспектива исчезла, это, конечно, большая драма человечества. Нам предстоит ожидать, в каких формах человечество будет восстанавливать свою веру в исторические перспективы, то есть будем говорить откровенно, в каких формах человечество восстановит свою веру в постэкономизм или в посткапитализм. Не в том смысле, что мне капитализм не нравится, а в том, что человеку нужна вера в новую, качественно новую формацию. Без этой веры, повторяю, он очень быстро деморализуется, озлобляется и делается нигилистом. То, в какой форме человечество восстановит постэкономическую идею или триаду — “прошлое, настоящее, будущее”, будет зависеть развитие мира.

Ну и последнее. Я сказал, что большевики похоронили социализм в России тем, что безбожно его скомпрометировали. Я думаю, что сегодня наша правящая элита хоронит либерализм в России, потому что безбожно его компрометирует. Наши радикалы либерализма также уничтожают либерализм сегодня и компрометируют либерализм не только в России, а во всемирно-историческом плане, как когда-то большевики скомпрометировали социализм, безбожно его радикализируя и доведя до абсурда. Наши либералы довели либеральную идею до абсурда, до демонтажа социальных программ, до демонтажа духовности. Рынок ведь не заботиться о духовности, рынок — сам по себе. Я не верю, что бандит, который нечестно заработал миллионы, непременно потом построит некую духовную надстройку. Я не верю в рынок любой ценой, а все остальное мол приложится. Ничего не приложится. Поэтому я абсолютно убежден, что, если мы берем прогноз хотя бы на 25 лет вперед, не больше, мы непременно застанем похороны либерализма, просто непременно. А если так, то давайте пойдем дальше. Вы видели, к чему привела катастрофа коммунизма. Она привела к крушению СССР. Так вот катастрофа либерализма приведет к крушению США, как олицетворению либерализма. Как СССР олицетворял коммунизм, и крушение коммунизма буквально разгромило СССР, так, я думаю, крушение либерализма (оно непременно произойдет), будет работать на крушение Америки как сверхдержавы. Это серьезная перспектива и, я думаю, что это один из возможных вариантов и сценариев XXI века.

Г.С.ХОЗИН: У меня совершенно иной подход. заданию. Я искренне уважаю Александра Сергеевича, не перестаю учиться у него, так сказать, форме и метафоричности преподнесения материала, но мой взгляд более схематичен, более жесток и более прагматичен хотя бы по той причине, что большую часть моего творческого пути я прошел не в системе вуза, а в учреждении, которое работает на принятие решений, на прагматическую линию, связанную с пониманием мира не нами, а лицами, принимающими решения. Мне очень импонирует неисчерпанность российского потенциала. Это позволяет нам не идти за Западом, а оптимизировать его опыт, не умалая при этом российскую альтернативу. Анализ тенденции мирового развития и выявления на фоне этих тенденций роли России в мировом сообществе — специфическая форма коллективного творчества. И в этом творчестве наиболее деликатная, наиболее искомая фигура — это лидер. Нам нужен лидер, который бы стимулировал нашу работу.

Второй вопрос — конкурентоспособность нашего коллектива, российского менталитета, российской научной школы, российской системы ценностей, которая для меня видится на трех уровнях. Первый уровень — это информационный. Мы должны знать столько, сколько знают другие внутри страны и в мире. Второй — аналитический. Мы должны представлять наши знания в оценке, которая отражает видение этих проблем другой стороной, другими участниками процесса и нами самими. Третий уровень, который для меня самый важный — это уровень концептуальный. Альтернативная концепция должна базироваться на всем, что мы знаем и должна быть приемлема для других. Документ, который мы готовим, должен представлять определенный баланс между информационными, аналитическими и концептуальными составляющими.

Научная картина мира у нас согласуется с построением парадигмы поздней классической науки, и она является собой синтез и теоретических интерпретаций состояния нашего знания, и общества, и взаимодействия с природой, и тенденций развития мирового сообщества не как суммы людей, но как еще и общества, генерирующего знания. Поэтому для меня разговор о парадигме научного идет к так называемой социальной парадигме. Речь идет о том, что меняется в системе научного знания и в системе стратегии его применения. Меняется роль человека. Человек раньше находился как бы за пределами системы и все свои силы направлял на борьбу с грозными силами внешнего мира, забывая о себе и не ориентируя на себя ни науку, ни общество.

Сейчас гуманизация, ориентация науки на человека ставит нас перед сложными многовариантными решениями, перед обязательной оценкой последствий предполагаемых действий, и разговор о новой парадигме становится инструментом для анализа любого явления после от 2000 года в его динамике.

Мой личный вклад — это разговор не о научной парадигме, а о так называемой политической парадигме. Понимание того, что происходит в мире и наличие первичных рецептов необходимо, но недостаточно. Нужен перевод этого знания в лексикон и в понятийный аппарат людей, принимающих решения, и общества для того, чтобы это стало для них программой. Сведение научного знания с политическим действием — это самая неблагодарная задача ученого. Но если мы собрались здесь, наверное мы работаем именно в этом плане. Это трудно. Но что такое корректирующая функция науки? Это знание парадигмы, ориентированной на стратегию применения знания, которое должно быть понято и разделено обществом.

Мы перешли к всеобъемлющей системе государственной безопасности. Она строится, по крайней мере, из 5 компонентов. Это политическая, военная, экономическая, гуманитарная, экологическая безопасность.

В Законе о безопасности несколько другое прочтение безопасности, но опять-таки оно отлично от чисто военного. Если мы говорим о развитии мира, такой подход позволяет нам выйти на более реалистическое, сбалансированное видение тех стержневых направлений, которые будут определять соотношение сил в мире. И от этого всего один шаг к системе глобальных проблем, крупномасштабных задач, которые находятся на грани кризисного обострения, а их состояние связано с выживанием человечества. Я бы это все свел к проблеме устойчивого развития, которая для меня кажется черным ящиком, но достаточно открытой концепцией для любых новаций и интуиций, которые позволяют найти общую платформу и для мира, и для нас утнический сепаратизм

являются следующим шагом в разговоре о мире, который признал новую сущность безопасности и видит ее реализацию в устойчивом развитии. Сепаратизм, национализм и этнический шовинизм — это и есть те препятствия на пути от прошлого к будущему.

При этом важно определить соотношение между национальной идентичностью и глобальной системой ценностей. Общечеловеческие ценности в новой постановке вопроса могли бы стать объединяющей альтернативой.

Что такое безопасность середины XXI века с учетом всех новых факторов? Это способность и желание общества предвидеть характер перемен и обеспечить условия нетурбулентного перехода к новым качествам бесконфликтного развития. Безопасность, глобалистика устойчивого развития, этнический сепаратизм (как противодействие этому) и выход на новые ценностные идеи XXI века — взаимосвязаны.

Л.Н.ВДОВИЧЕНКО: Я хотела бы дать несколько комментариев для того, чтобы мы более четко определились.

Во-первых. Мы должны в начале следующего года сдать материал, как отчет по первому этапу проекта. Это не означает, что мы не можем развивать это исследование в будущем. Но в качестве 1998 года материал должен носить содержательный характер, а соответственно все наши методологические установки, идут неким контекстом за пределами этого материала.

Мы должны положить на стол текст, пусть это, например, будет 50 страниц. Но это должен быть связанный текст о тех глобальных тенденциях, которые являются контекстом для рассмотрения второй части, а именно — стратегии России, а также третьей части, собственно, военной. Это первый комментарий.

Второй комментарий — к вопросу, который был здесь задан. У нас не будет как такового лидера. Мы здесь сами принимаем решения относительно готовности материала. Вот Сергей Вадимович, как руководитель в целом проекта, и я, как руководитель первой части этого проекта, принимаем решение о готовности данного варианта текста, не показывая его никому другому. А потом уже, после того, как этот текст нами будет принят, мы его представляем в качестве отчета. То есть здесь мы не идем по большой развернутой схеме: эксперты, взаимодействие с Думой, с какими-то общественными организациями, лидерами, — это сейчас не наша задача. Это не означает, что эта большая схема в перспективе, может быть, в следующем году, не понадобится. У нас были уже примеры, когда какой-то материал, в частности, касающийся политики национальной безопасности, выдвигался в определенную аудиторию экспертов, как это было в Комитете защиты мира, и обсуждался. Но он уже выдвигался тогда, когда он был закончен. И мы при этом преследовали определенную прагматическую цель.

Я предлагаю (а времени остается не так много) всем присутствующим назвать тенденции, которые не были охвачены двумя основными нашими докладчиками, и которые заслуживают хотя бы упоминания, по крайней мере, в кратком отчете, как рабочем материале. Поскольку слово предоставлено мне, я просто назову хотя бы несколько таких тенденций, которые мне кажется, нуждаются в нашем размышлении.

Первая тенденция, которая не была названа Александром Сергеевичем, хотя, так сказать, он подходил с разных сторон к ней — это вопрос об этатизме, то есть о государстве, в этом XXI века. Как мне кажется, это очень важный момент. В XXI веке традиционное государство будет размываться как таковое, как

определенный запретительный и охранный механизм, и это является глобальной тенденцией. Размывание государства имеет определенную экономическую подоплеку. Кроме того, происходит транснационализация всех связей, причем не только в экономике, но и в информатике, а также контактов между людьми. Разделение человечества на государства в XXI веке столкнется с очень серьезным вызовом. Это важно, поскольку именно государство является механизмом содержания и воспроизводства военной силы, армии, войск и всего остального. С одной стороны, государство как таковое будет подвержено очень серьезному кризису. С другой стороны, именно оно является обладателем Вооруженных Сил и других силовых структур. Как будут идти эти процессы?

Второй фактор, как мне кажется, тоже был частично упомянут. Как глобальная тенденция он прослеживается. Это переход к информационной цивилизации. Он проявляется в выделении сферы досуга в особо важную, исключительно серьезную тему развития человека как такового. Потому что увеличивается свободное время и оно чем-то заполняется. В принципе, этот процесс идет повсеместно. В ряде стран и регионов сфера досуга уже превратилась в индустрию. Эта тенденция отхода от трудовой деятельности и активности в сферу досуга, и соответственно заполнение этого досуга, стало глобальной тенденцией, которая, естественно, будет нуждаться в определенном ответе. Потому что именно в этой сфере сейчас и в перспективе будет развиваться та виртуальная реальность, которая может человека, так сказать, увести в мир иной. То есть это будет даже не мир последовательный, вытекающий из нынешнего, а вообще мир ортогональный по отношению к тому, что мы сейчас имеем. Тенденции этого ухода из реальности в виртуальный мир уже имеются: как человек досуга, как человек играющий, развлекающийся. На телевидении мы особенно часто видим смещение акцентов и уход человека в виртуальность, в некую, так сказать, совершенно запредельную реальность. Насколько эта глобальная тенденция повлияет на те, процессы, которые уже были названы?

Третий момент. Одна из существенных черт XXI века будет заключаться в исчерпаемости экстенсивного развития. Модернизм предполагает активную модель поведения, расширение, захват, развитие вовне. Пока еще человечество не нашло возможности для расширения в космосе, отлета на другие планеты, освоения Мирового Океана, и мы сейчас переживаем очень серьезный переход от моделей развития вовне в модель развития вовнутрь. В какой-то мере это пересекается с идеей Панарина о переходе к восточнической линии. Могут быть рассмотрены две перспективы. Если исчерпаемость активного развития, будет приводить дальше к обострению конфликтности, агрессивности, то, действительно, будет столкновение. Тогда люди, привыкшие к такой модели развития вовне, будут конфликтовать друг с другом. Все это будет приводить к уменьшению населения и самоистреблению людей. Вторая перспектива предполагает, что развитие будет повернуто вовнутрь человека. Ему это будет навязываться или он сам до этого дойдет.

Соответственно внешнее потребительство будет заменяться внутренним развитием, то есть произойдет “свертка” человека и его интересов вовнутрь.

А.С.ПАНАРИН: Это будет восточная парадигма?

Л.Н.ВДОВИЧЕНКО: Да, это именно восточная парадигма. Этот процесс тоже носит глобальный характер и, как

тенденция, в разных формах проявляется и в России, и в Америке, и в других местах. И это также пересекается с так называемыми “островками будущего”, которыми являются альтернативисты. Они всегда говорили о различных вариантах экологического протеста и о культурном многообразии. Они являются примером того, как внутри самого Запада порождаются различные модели альтернативной экономики непотребительского характера и альтернативная культура, которая является протестом против поп-арта и монополистичной массовой культуры, которую внедряют средства массовой информации. Этот протест на Западе называют “островками будущего”. Он рождается, как определенная новая модель выживания путем протеста против существующего образа жизни и предложения совершенно иной картины мира. Здесь я совершенно согласна, что более широким контекстом для сегодняшней темы, является новая картина мира, но она находится как бы за пределами рассмотрения этих глобальных тенденций. Это альтернативный и образ жизни, и стиль поведения.

Говоря о развитии применительно к самому человеку, можно выделить соответственно два его типа: путем расширения, захвата новых пространств внутреннее развитие, когда человек уже не нуждается в захвате этих пространств для расширения, когда он находит удовлетворение от внутреннего самосовершенствования. Этим объясняются увлечения всякими изотерическими культурами, особыми мирами, уход именно в них.

Я назвала три глобальные тенденции, которые также нужно учесть.

Э.Г.КОЧЕТОВ: Я хотел бы несколько обострить нашу дискуссию, потому что, к сожалению помимо той тематики которую мы сейчас четко обозначили, мы поднимаем несколько вопросов довольно тривиальных и обыденных, общеизвестных. Если же мы говорим в конечном итоге о формировании военного компонента безопасности России, первая и вторая части, наверное, должны рассматриваться в этом контексте третьей военной части, иначе у нас будет разрыв.

Военную компоненту придется встраивать в новый, меняющийся мир. Здесь традиционно уже будут неприемлемы в принципе философские понятия. Почему? Потому что мир, в который мы входим, мы не знаем. Наблюдение этого мира мы не можем вынести за пределы России. В путине традиционного подхода никак не можем освободиться от категорий “национальная безопасность”. Это категория, которая у нас в крови, и в философском плане она нас тормозит. Опасно существовать, опасно двигаться по траектории. В принципе опасно. Поэтому понятие “национальная безопасность” я бы хотел запрятать пока на 10-е место. Почему? Потому что надо сначала выяснить цель и стратегию движения к этой цели. И “национальная безопасность” появляется тогда, когда возникает угроза достижения этой цели.

Теперь будем говорить о цели и стратегических шагах ее достижения. Тот мир, в котором мы хотим увидеть Россию, в нашем политологическом понятии имеет одну ущербность — мы ослеплены геополитикой. Что за последние 30-40 лет политология предложила в качестве рычагов для взаимодействия с внешним миром? Геополитику. И эта геополитическая карта разыгрывается до сегодняшнего момента. Этот момент мы должны четко и ясно обозначить: ни Козырев, ни его преемник сейчас, не вышли из этой плоскости геополитической карты мира, которую нацисты разыграли в 1941 году. Это уже история.

Этими категориями смотреть на мир уже нельзя. Мы здесь допускаем колоссальнейшую, стратегическую ошибку. Все наши представления — конфигурации, союзы, альянсы, так называемые, центры силы идут не из глубинных процессов функционирования мира, а из политически сложившихся реалий, но опрокидывать их на XXI век было бы стратегической ошибкой.

Картина мира выстраивается в других координатах. Мир входит постепенно в три характерные особенности: во-первых, в философском плане побеждает здравый смысл. Второе. Какие бы решения не принимались на национальном уровне, они опрокидываются внешними процессами. И третье. Мир катастрофически экономизируется, если говорить об этих реалиях.

Исходя из этого, теория пространства должна быть системно расщеплена, разъята. Геополитический мир надо сейчас оставить для истории, он будет присутствовать, но сейчас нужно вытащить несколько кристаллических решеток, несколько пространств из этого мира с другой окраской. Я вынимаю это пространство с геоэкономической окраской и утверждаю, что мир живет сейчас и будет жить по геоэкономическим законам. Каковы эти законы? Транснационализация, интернационализация во всех сферах перекроила политическую карту мира, появились экономические границы. Уже сейчас судьба государств predetermined этими агрегациями, анклавами, воспроизводственными ядрами, которые кусками входят в различные государственные структуры.

В чем опасность? Когда на эту систему смотрит геополитик или геостратег, он пытается заполитизировать экономические границы, что ведет к самой страшной разрушительной, геоэкономической опасности, перерастающей в военную угрозу, в третью мировую войну. В этом я вижу самую грозную опасность: в России сложившиеся воспроизводственные анклавы в лице центрального ядра, дальневосточного и уральского ядер могут получить политические границы. Геополитически — мы опять подталкиваем их к психозу суверенизации и не рассматриваем мир как работающий в совершенно других экономических границах, где любая страна чувствует себя уже как страна — система, и она уже отвечает за воспроизводство не только у себя, в национальных рамках, она отвечает за воспроизводство и с участием своих интернациональных структур. Это дает возможность выстроить такую систему координат, которая будет отдалена от разыгрывания геополитических карт мира.

Следующий вопрос — это стратегия России в геоэкономической системе координат. Когда мы говорим о национальных интересах, мы их не можем обозначить на геополитической карте мира. Сейчас национальные интересы формируются экономическими интересами в геоэкономическом пространстве. И первый шаг, который необходимо сделать — это выявить национальный геоэкономический атлас мира.

Если мы в ближайшее время не создадим контур национального геоэкономического атласа России, а он в себя включает такие атрибуты как зоны экономического влияния, утерянные экономические плацдармы, наши геоэкономические устремления, то наш национальный потенциал он не сможет работать. Он сможет работать только в рамках СНГ. Более эффективно сможет работать только на тех плацдармах, которые являются естественными экономическими необходимыми звеньями, а эти звенья далеко выходят за национальные рамки. Речь идет о формировании интернационализированных воспроизводственных ядер. У нас для формирования этих ядер

нет ни транснациональных корпораций, ни политической воли провозгласить свои национальные экономические интересы. Мы утратили свои позиции, утратили геоэкономическую память.

Теперь о военной компоненте. Для нее нужна цель. Военная компонента должна что-то защищать. Мы говорим наша армия защищает национальные границы. Но в этом случае мы защищаем не себя, а воспроизводственные блоки, которые уже внедрились в нашу экономику. Вот в чем абсурд. Американская геоэкономическая стратегическая модель очень глубинная. Расширение НАТО — это есть движение военной компоненты за тем воспроизводственным циклом, ядро которого составляет американская постиндустриальная модель. Ей необходим новый ресурс. Ее ресурс вырабатывается.

В цивилизационном аспекте в XXI веке будет идти борьба за дополнительные экономические плацдармы с тем, чтобы придать новое дыхание постиндустриальной модели. Где эти плацдармы? Это, прежде всего, Россия, которая только что вырвалась из плановой системы. Ей неведома техногенная модель. Это Китай, которому не ведома техногенная модель. Тут возникает колоссальнейшая угроза — это замена изматывания милитаризмом изматыванием техногенным. Техногенная модель ждет новых ресурсов. Вопрос стоит очень остро. Способна ли Россия бросить на алтарь этой техногенности свои интеллектуальные, сырьевые, финансовые ресурсы? Сегодняшняя доктрина говорит: да, способна. Но тогда нужно вместе с ней, вместе с этим техногенным ядром втянуть сюда военную компоненту потому что она естественна. Нельзя одной рукой копать рвы против движения НАТО на Восток, а, с другой стороны, втягивать эту техногенную модель, они неразрывны. Мы должны тогда для наших транснациональных корпораций, создаваемых по западному типу, завоевать определенное геоэкономическое пространство. Где его можно завоевать вместе с натовской машиной, пристроив сюда российскую машину? Только на Востоке. Тогда мы получаем естественных врагов в лице Востока, который не приемлет техногенность, потому что он понимает ее опасность для себя. Мы попадаем между молотом и наковальней. С одной стороны — постиндустриальная техногенность, с другой стороны — неприемлемость восточного вектора. Мы попадаем между двумя огнями, которые могут нас подвигнуть в пучину исламского фундаментализма.

Следующий момент. Когда мы рассматриваем мир с геоэкономических позиций, мы ощущаем не только национальные интересы, но и целевую задачу наших Вооруженных Сил. Эта целевая задача, выстраивается по мере формирования российских интернационализованных воспроизводственных ядер. А они не имеют границ. Если же мы будем держаться политических границ, то мы можем перекраивать через кровавые войны весь геоэкономический мир.

Какой отсюда следует вывод? Геоэкономическую парадигму мы должны принять за основу стабильного самоорганизующего устройства мира. В этом геоэкономическом пространстве рождаются такие экономические популяции, которые можно охарактеризовать как этноэкономические системы. В национальном воспроизводственном мире должна существовать не техногенная воспроизводственная цепочка, а уже зарождается транснационализация этноэкономического характера, которая дает возможность воспроизводить не только товарную массу, но дает возможность время для поиска новых ресурсов. Цикл жизни товаров меняется. Он тянет за собой уменьшение цикла жизни целых инфраструктур. В этом суть техногенного изматывания. Необходимо производство не

только товарной массы, но и качества жизни этноэкономического анклава.

В следующем наступающем веке поиск гармонизации техногенности с этноэкономическими началами, их синтез — будет одной из основных тенденций.

С.В.КОРТУНОВ: Нам, наверное, не стоит так уж увлекаться геоэкономикой, потому что для военного человека, например, главный вывод из этой геоэкономической парадигмы состоит в том, что надо развивать флот. Это, с моей точки зрения, новое издание “доктрины Горшкова”. Сможет ли наша страна это потянуть? Если уж Советский Союз не смог и надорвался, то Россия тем более вряд ли сможет. Это один из возможных выводов доводить экономику до абсурда.

Л.Н.ВДОВИЧЕНКО: Я бы хотела чтобы не было недопонимания. Когда я говорю о роли государства, я говорю о понимании государства как некоего сосуда, в котором долгое время развивалась некая целостность. Эта целостность утрачивает свое значение. Вы сказали о том, что воспроизводственные цепочки выходят за рамки границ, но аналогично можно сказать, что за рамки границ выходит распространение культуры, языка. Если говорить, допустим, о российской или о русской цивилизации, то она уже сейчас не уместается в границы собственно России. Диаспоральное развитие, которое сейчас идет, уже привело к тому, что этот ареал распространения — культуры, так и языка (а это очень важно в информационной цивилизации) — вышел за рамки собственно России. То есть, это одновременно и экономические цепочки, и утрата государства как этого сосуда, в котором и находится культурная составляющая, языковая составляющая и, что очень важно, информационная составляющая. Только в Москве уже 200 тысяч пользователей Интернета. А это значит, что к нам уже заползает рукав информационной западной цивилизации. В границы, собственно, России. То есть, отсутствие государственной границы для распространения этих цепочек уже налицо. В XXI веке развитие пойдет в этом направлении.

В.Р.ХАЧАТУРОВ: Я очень благодарен Сергею Вадимовичу, что мне позволили принять участие в этом обсуждении. Каждый раз понимаешь, что все-таки Россия выстоит, раз такие люди у нас имеются.

Как математик, я практически не вижу противоречий между выступающими. Я очень внимательно слушал и пытался отыскать противоречия. И не нашел ни одного принципиального.

Геоэкономические проблемы безусловно, должны быть отражены в нашей работе. Но как это сделать? У нас есть государства. Никто их не отменял. И не отменит. Если мы заикнемся о том, что у нас государств не будет, то нас не поймут. Мы этого сказать не можем. Это первый тезис.

Второй тезис. В последних тезисах, которые я дал по этим вопросам есть наметка к нему. Я взял четыре показателя: энергетика, употребление электроэнергии в быту, использование первичной энергии, численность населения. Вы можете дополнить это еще и экономическими показателями: ввоз, вывоз и т.д. Вы получаете, с одной стороны, карту. А с другой стороны, эти значения.

Но тут сразу получается, что геополитика и геоэкономика сливаются.

Геополитика существует и она свою положительную лепту вносит. Нельзя доказать, почему ее надо отменить. Может и надо ее отметить, но доказать это невозможно. Поэтому не

стоит этого делать. А вот геоэкономическая карта — это будет прекрасная вещь. Геоэкономике можно оценить по многим показателям. Но где найти их стыковку? Когда мы видим карту, нам понятно где нанесены границы. А как показать экономику? Отсюда появляется атлас — влияние нефтяной отрасли, влияние, предположим, пищевой промышленности и так далее. Это можно и нужно сделать. Когда речь идет об обороне, то, действительно, надо говорить об обороне своей территории, в первую очередь, о зонах влияния или о зонах национальных интересов, как американцы говорят.

В “Независимой газете” опубликована моя статья “Россия и геополитическая стратегия”. В ней я изложил свою позицию. Как математик я этой проблемой занимался много лет. И старался быть объективным и беспристрастным. В результате этого исследования мне удалось доказать, что геополитических полюсов не может быть больше двух. Если мы это возьмем за основу, тогда все ложится великолепно. Политических полюсов может быть много. Можно ввести понятие политического полюса, можно ввести понятие экономического полюса, но геополитических — не больше двух: либо ноль, либо один, т.е. “мономир”, либо два. Больше не бывает. Трех не бывает. Нет их и сейчас.

Если этот тезис принимается, все раскладывается в железной форме. Политические полюса — это полюса, которые образуются по договоренности групп государств. Они собираются и договариваются не трогать Монголию. Она лежит между Китаем и Россией. И Монголия превращается в политический полюс. Вы сами понимаете, какова цена этого полюса. Завтра они забудут ту же бумагу подписать, — и Монголии уже нет. Значит, надо найти полюса, которые существуют объективно, независимо от воли людей, так же как на Земном Шаре существуют два полюса — Северный и Южный. Хочешь, не хочешь, а они существуют.

Дальше я показываю, что два полюса обеспечивают геополитическую стабильность. Однополюсные миры не являются геополитически стабильными. И бесполюсные миры не стабильны. Бесполюсные миры могут быть стабильными, но мы к ним приходим путем катастроф, развала всех государств т. е. путем возвращения к начальной стадии развития человечества. Двухполюсные миры геополитически стабильны. Геополитическая стабильность является необходимым условием устойчивого развития. Весь сыр-бор происходит, когда полюса меняются. Предположим, был двухполюсный мир, а потом другая совокупность стран образовала два полюса. Момент изменения полюсов попадает в период геополитической нестабильности. Здесь и возникают всякие многополюсные миры. Многополярные политические полюса — это признаки политической нестабильности. Сейчас это и происходит. Чтобы как-то в этом хаосе выжить, люди собираются и говорят: “Ребята, давайте будем жить дружно, полюсов у нас — пять или десять. Не будем друг друга трогать, потому что если трогать, начнется война”. Мы идем к бесполюсному миру, либо к однополюсному миру. Многополюсные миры — это признак геополитической нестабильности, но, одновременно же, это способ выживания в период геополитической нестабильности.

То, о чем я написал, совершенно не идет в пик политике Е.Примакова, а наоборот говорит о том, что мы находимся в опасном периоде развития, и нам надо выживать. И многополюсные политические миры — это способ управления в период геополитической нестабильности. Как только мы выйдем на геополитическую стабильность, будет два полюса. Я попытался сделать этот прогноз. Я показываю, что Россия

является геополитической осью мира (я ввожу понятие геополитической оси мира). Но обратите внимание, что сейчас происходит. Происходит удивительная вещь. Американцы встречаются с китайцами и налаживают хорошие настоящие связи с Китаем. Точно такие же, какие они имеют сейчас с Европой. Это значит, что Соединенные Штаты Америки будут так же входить в геополитическую ось мира. Т.е. мы попадаем с ними в один класс государств. Россия является геополитической осью мира, и Америка станет геополитической осью мира. Тогда геополитической осью мира будет совокупность государств: наша страна и американцы, вместе, будут образовывать геополитическую ось мира. Поэтому надо приветствовать этот абсолютно разумный шаг, что Соединенные Штаты Америки выходят на Китай. Абсолютно однозначное и правильное решение. Точно такой же абсолютно блестящей была поездка Ельцина в Европу, в Страсбург, где он говорил о необходимости заключения тройственного союза Франции, Германии и России. Это был блестящий ход. Если мы объединяемся — Германия, Франция и Россия, — то американцам делать нечего, и они должны к нам присоединиться. И тогда Россия входит в западный полюс. Эта ситуация была бы просто блестящей.

Как решить вопрос Север-Юг ?. Я хочу ответить на Ваш вопрос. В моей схеме блестяще решается вопрос Север-Юг. Я об этом нигде не писал и нигде не говорил, потому что это очень неприятный разговор, но формально математически это происходит точно. Что нужно делать? Вот сейчас идет тенденция вхождения в геополитическую ось Соединенных Штатов Америки, стран юго-восточной Европы. Это слаборазвитые страны: Македония, Румыния, Болгария, Турция, Иран, Ирак, Пакистан (это полоса территорий, которые я называю для себя “осью Македонского”, расположенная по пути следования А.Македонского). Они могут объединиться в союз, по смыслу и идее, эквивалентный Европейскому Союзу. Если они объединяются, то они также, по определению, входят в геополитическую ось мира. Тогда в геополитической оси будет Россия (я под Россией, правда, понимаю СНГ, бывший СССР, будем говорить, Большую Россию), Соединенные Штаты Америки и эта полоса — “ось Македонского”. Они войдут, по классификации, в одну категорию государств и образуют геополитическую ось мира. Тогда образуется уникальная ситуация, которой никогда на планете не бывало. Фактически — абсолютно устойчивая ситуация. Никакие Соединенные Штаты Америки никогда ее не поколеблют. Никакие попытки давить на Ирак, на Кувейт, на нас, не пройдут. Я считаю, что этот путь был бы самым разумным с точки зрения выживания человечества.

Далее. Мир некоторое время будет существовать в форме хаоса. Далее он может перейти в бесполюсный мир, то есть это будет объединенный мир, мир, так сказать, как единое государство. Но оно, это единое государство является неустойчивым, в нем полно противоречий. Этот мир не будет объединен одной общей идеей, которая должна носить межпланетарный или планетарный характер. Тогда мы должны рассматривать геополитическое пространство не только как Землю, но рассматриваем более расширенное геополитическое пространство: Земля и космос. И тогда мы получаем опять-таки двухполюсный мир, где одним полюсом будет Земля, вся, объединенная, а вторым полюсом — все, что вне Земли. И весь мир будет существовать опять-таки в устойчивом режиме.

Эта схема доказана, обоснована, достаточно наглядна и соответствует устремлениям многих наших философов, например, Рериха Мне бы хотелось, чтобы вы ее либо приняли,

либо “разбомбили”. Я перестану о ней думать, если она неверная. Но пока я лично не нахожу ей альтернативы.

Г.С.ХОЗИН: Я не хочу Вас обидеть, но мой опыт работы по математическому моделированию политических процессов, работа с моисеевской командой и знакомство с американскими работами в этом плане, приводят к однозначному выводу. Концептуальной функции у математического анализа нет, у него есть только инструментальная функция. Поэтому мы работаем в разных категориях и в разном понятийном аппарате. Математика применима в большей степени к законам техники и природы, чем к законам общества, социальной системы. Многие вещи, которые кажутся для математика закономерностью, отвергаются самой спецификой человеческого мышления. Поэтому все, что Вы пишете, прекрасно, но абсолютного значения у этих тезисов я не вижу.

А.С.ПАНАРИН: То, о чем сказал Владимир Рубенович, вполне совпадает с концепцией когнитивистов. Когнитивисты говорят, что человек существует на Земле как специфическое существо тогда, когда он имеет право говорить: “Мы — они”. Картина “мы — они” — это устойчивая картина существования человека как особого существа на Земле, как особого планетарного вида. Это, на самом деле, конечно, чистейший миф, в значительной мере блеф, я думаю, геополитический, кстати, блеф. На самом деле, повторяю, есть “мы — они”. Ваша схема двух полюсов соответствует когнитивистской картине мира, то есть картине мира, поделенного на “они — мы”. Два полюса могут быть любимыми, но всегда сохраняется это “мы — они”. Без этого человек вообще не имеет идентичности, как не имеет идентичности государство, культура, цивилизация, семья и так далее. Везде, всегда человек воспроизводит эту схему “мы — они”, в любой ситуации, на любой ступени своего развития, в любой ипостаси. Человек, как особое планетарное существо, всегда работает в этой схеме. В этом смысле Ваша картина в значительной мере защищаема, она не так экстравагантна, как кажется.

Г.С.ХОЗИН: Метод я не отрицаю, но сомнительна интерпретация этих методологических построений в рамках реального политического процесса и достижимость этих целей и решений. Скажем, “македонские линии” в полюсном мире. Он говорит: “Американцы правильно делают, что они выходят на Китай”. А у меня в голове: “Б.Ельцин правильно сделал, что съездил в Китай”. Процесс политический многомерен, и моделизация иногда может лишить возможности реально прогнозировать, отрабатывать много вариантов.

В.Р.ХАЧАТУРОВ: Я с ужасом наблюдаю совпадение реальных событий с той схемой, которую много лет строил. Я эту схему давно уже имел. Я потратил много лет на то, чтобы выяснить сколько может быть устойчивых блоков и доказал, что все-таки больше двух не бывает. Потом взялся проверять историю, начиная от А. Македонского до наших дней. Я, естественно, стеснялся даже публиковать свои выводы, потому что предвидел Ваши возражения. Они совершенно мне ясны. Но то, что происходит сейчас, идет по схеме. И поездка Б.Ельцина в Китай, и встреча Б.Клинтона с китайцами. Нет других вариантов.

Л.Н.ВДОВИЧЕНКО: Давайте мы на сегодня закончим. Я думаю, у нас сегодня было очень интересное обсуждение. Поставлены очень важные проблемы. Вероятно, мы можем

говорить о некоем приближении к той цели, которая перед нами стоит.

Г.С.ХОЗИН: Может быть, мы распределим то, что напишем, хотя бы по маленьким кускам ?. Я готов написать глобалистику и безопасность. Я напишу 6 страниц по каждому из разделов. Коллега напишет об экономическом объединении мира. Другой напишет о модельном подходе к политике, чтобы у нас сложились блоки, из которых мы потом составим весь документ.

Л.Н.ВДОВИЧЕНКО: Мы не должны сосредотачиваться на безопасности. Мы стоим на берегу реки, как внешние наблюдатели. Первая часть построена именно по такой схеме: мы стоим, как наблюдатели. И вот — течет река. И мы должны сказать о глубоких течениях этой реки в начале XXI века. Мы не можем всего охватить, но мы, как сторонний наблюдатель, смотрим на эту реку. Если мы будем исходить из того, что мы находимся в этой реке, как молекула воды, то нам процесс будет представляться как полный хаос. А мы выходим из реки и наблюдаем глобальные тенденции извне. Вторая часть имеет другую логику, логику стратегии, программы: что делать, место России в мире, стратегия России в мире. Третья часть в своей логике еще более жесткая. Первая же часть — это некое созерцание глобальных тенденций, и мы должны представить их в отчете. Здесь мы пока не рассматриваем стратегию развития России.

IX. РОССИЯ В XXI ВЕКЕ. СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

Стенограмма совещания, проведенного в аппарате Совета обороны РФ по проблемам концептуальных основ военной доктрины Российской Федерации. Москва, 11 декабря 1997 г.

С.В.КОРТУНОВ: Хочу напомнить тему нашего совещания: “Россия в XXI веке. Стратегия развития”. Оно проводится в рамках подготовки целого ряда концептуальных документов в Совете обороны, в том числе новой военной доктрины, концепции военной реформы, военного строительства и других документов, которые требуют прогноза развития событий в XXI веке. Без такого прогноза, достаточно долгосрочного, как мне представляется, создать квалифицированные документы просто невозможно.

С учетом состава нашей аудитории, я бы предложил построить нашу работу следующим образом, имея в виду, идти от обсуждения более общих вопросов к более частным и конкретным.

Первый блок вопросов у нас будет касаться глобальных тенденций XXI века и глобальной стратегии России. По этому вопросу мы пригласили выступить Алексея Викторовича Шестопада.

Второй блок связан с научно-технической и научно-технологической парадигмой развития России. Здесь слово хотел бы дать Александру Ивановичу Неклессе.

Третий блок вопросов касается технологического облика России в XXI веке. Во всяком случае, той идеальной модели технологического развития, которую мы хотели бы видеть для России в следующем столетии. По этой теме выступает Федосов Евгений Александрович и Меньшиков Александр Владимирович.

И, наконец, еще более конкретный блок вопросов. Он будет касаться военно-технических аспектов развития России. Здесь слово — Кожокину Евгению Михайловичу и Модестову Сергею Александровичу.

Разумеется деление вопросов на блоки носит весьма условный характер. Естественно, все эти проблемы пересекаются.

С учетом, того, что у нас достаточно много докладчиков, я еще хотел бы, конечно, сказать и о Марке Владимировиче Раце, которому предстоит обобщать всю нашу дискуссию. Ему я бы хотел предоставить заключительное слово, в том числе и в связи с тем, что он является членом нашей аналитической группы, практически постоянно здесь находится. Но первое слово — нашим гостям. Я надеюсь, Марк Владимирович, Вы меня поймете и не воспримите такой порядок дискуссии как неуважение к себе.

А.В.ШЕСТОПАЛ: Я постараюсь как бы соединить мостиком ту тему, которая была основной в прошлый раз, “Глобальные тенденции развития в XXI веке” и, очевидно, ту тему, которая будет основной для сегодняшнего дня — “Стратегия России”.

Мне представляется, что российский кризис — это часть глобального кризиса и мощный катализатор этого кризиса. Глобальный кризис не может быть решен без учета российского

кризиса. И, в свою очередь, российский кризис не может быть решен без участия России в решении глобального кризиса.

Все проблемы второй половины XX века вращаются вокруг перехода от индустриального к информационному обществу. Именно новые информационные технологии привели к решительным изменениям в отношениях между человеческими сообществами на разных уровнях, между человеком и природой, человеком и техникой. Здесь расположились основные модели развития, которые, как мне представляется, и отражают наиболее глубокие тенденции.

Одну модель условно можно назвать авторитарной технократической моделью, то есть той, которая делает упор на роль технократической элиты в становлении информационного общества и преодоления возникающих с этим сложностей. У этой модели есть и очень четко выраженный международный аспект: решающим правом обладают технологические центры, они задают стандарты. Информационные глобальные сети служат для распространения этих стандартов: экономических, политических, культурных, экологических и так далее. Все менее развитые сообщества выстраиваются в общий кильватер этих технологических видов.

Другая модель развития делает упор на то, что новые информационные технологии, наоборот, дают большие возможности для участия максимально широких слоев в принятии решения и контроля за принятием этих решений. В международной сфере открывается возможность для большего разнообразия культур, для участия в обсуждении, принятии решений, реализации решений для всех стран — больших и малых, бедных и богатых и так далее.

Надо сказать, что обе эти модели, которые, конечно, в чистом виде присутствовали всегда в умозрительно-лабораторном виде, а в реальной политике и в жизни представляют компромиссы, исходили из роста управляемости и предсказуемости ситуаций. Особенно это относится к 80-ым годам. Вообще конец 80-х — начало 90-х годов, был отмечен очень оптимистическими ожиданиями, в результате снижения, а затем и прекращения блокового противостояния.

Что касается настроений 90-х годов, то они решительно отличаются от этого. Рост конфликтности, неуправляемости, непредсказуемости — вот что, в общем, окрашивает настроения последних лет. От глобального космоса — к глобальному хаосу. И мы видим как различные теории фиксируют и подчеркивают именно этот момент. Конфликт цивилизаций, от конфликта “мир — империй” к конфликту “мир — экономик”, политический деконструктивизм с энергетической моделью управления хаосом, в том числе политическим хаосом, информационным хаосом. Наконец, сами информационные сети и Интернет, который в какой-то мере служит символом, стали рассматриваться не как источники предсказуемости и управления, а как источники информационного хаоса и неуправляемости.

Ответом на такую ситуацию, реальным ответом стали различные силы быстрого реагирования, которые уже действуют не столько, так сказать, стратегически, сколько тактически. Они бросаются в горячие точки. И, так сказать, гуманитарными способами помощи, а чаще всего силовыми способами, стараются потушить разгорающийся пожар, потушить разгорающийся конфликт.

Так ли неожиданно произошел этот поворот от оптимистических ожиданий того, что информационные технологии сделают мир более предсказуемым и управляемым к тому, что они сделают его более хаотичным и более жестким? Между прочим, и более неравным, поскольку в 70-80 годы так

или иначе все ожидали выравнивания уровней разных регионов и стран. Девяностые годы сделали упор на другое, на острова развития, на “золотой миллиард”, имея в виду население и так далее. Я думаю, что это было не так уж неожиданно и, что это связано с кризисом очень глубоких оснований современной политики, которая в общем является европейской политикой на протяжении двух, по крайней мере, последних столетий.

Речь идет о кризисе ренессансно-просвещенческой картины мира, ренессансно-просвещенческой философии прогресса и Общественного Договора. По существу, речь идет о том, что на протяжении долгого исторического периода видоизменялась, подтачивалась и разрушалась априористика политической европейской философии. Поскольку основные понятия были связаны с исходными христианскими началами европейской цивилизации, история своим истоком уходит в Священную Империю, а всеобщность уходит в универсализм Нового Завета. Секуляризация европейских обществ, которая быстро стала разворачиваться со времен Возрождения и Просвещения, сначала привела к суженным трактовкам прогресса и к усеченным представлениям об участниках этого политического Общественного Договора.

Затем в концепции прогресса произошел переворот к концепции цикличности и, наконец, к отказу от закономерности в целом. В общем вспомним, что “Ницета и спиритизма” К.Поппера была написана в 1935 году, а если отойти еще дальше, то можно сказать, что Юм уже все сказал или предсказал в конце XVIII века. Во всяком случае, все закономерности и предсказуемости исторического процесса были поставлены под вопрос.

Конечно, в связи с этим возникает и сейчас достаточно остро дебатуются вопросы о том, возможно вообще ли построение всеобщей истории и глобальной стратегии на других основаниях? Причем речь идет уже не о перемещении “силового центра”, будет ли это однополюсный мир, двухполюсный или многополюсный, а что стоит за этими полюсами? Стоит ли за этим баланс сил или пересмотр каких-то моральных, ценностных, духовных оснований?

Надо сказать, что за последние годы очень усилилась критика западной политической философии и западных концепций глобального развития. В 90-е годы мне дважды, я считаю, повезло, я принимал участие во встречах Ассоциации советов по социальным наукам стран Азии. Эта организация собирается каждые два года. Одна встреча была в Японии в 1993 году, а вторая буквально два месяца тому назад в Китае. И надо сказать, на меня произвело очень большое впечатление, насколько с 1993 по 1997 год возросла критичность по отношению к западным моделям со стороны коллег из стран Юга и Востока. Причем когда такие встречи происходят не в Европе и не в Америки, а происходят именно там, то в своей среде разговор идет намного более откровенный.

Вопрос ставится о том, что Запад, который на протяжении двух веков все время говорил: “Делайте, как мы. Мы знаем, мы умеем, слушайте нас”, в общем-то завел глобальное сообщество в тупик и сейчас ничего, кроме, достаточно хаотичной картины мира предложить не может. Поэтому, почему, собственно, нужно по-прежнему ориентироваться на него? Во-первых, из силовой точки зрения, и с технологической точки зрения он не такой уж и бесспорный лидер. Во всяком случае, если взять перспективу ближайших десятилетий, то баланс сил будет быстро меняться не в его пользу. А главное — это моральные и духовные права западной политики. Вот что вызывает наибольшую критику, особенно в ситуации очень

мощных духовных вызовов со стороны исламского мира, буддистского мира, вообще южно-азиатского, индуистского мира. То есть речь идет о проблеме обновления глубинных, онтологических, духовных оснований мировой политики.

Правда, надо сказать, что и Запад за последние десятилетия дал примеры духовного обновления и самокритики. Можно вспомнить имена Маритена, Рама, Швейцера, Шумахера и ряд других. И надо отметить, среди этих поисков очень большую роль сыграла русская философия XIX-XX веков. В первую очередь, конечно, связанная с философией всеединства, с линией В.Соловьева и с влиянием русского философского зарубежья на современное европейское мышление. Во всяком случае, мне представляется, что без духовного обновления европейской политики, глобальный кризис вряд ли может быть эффективно преодолен.

Теперь то, что касается стратегии России. Мне представляется, что в истории истоки кризиса Советского Союза и России, то есть преемственность этого кризиса, в общем также связана с глобальным кризисом, порожденным переходом к информационному обществу. Советский Союз не смог взять барьер высоких технологий, мы реализовывали на протяжении всех постреволюционных десятилетий по преимуществу авторитарно-технократическую модель развития. Мы называли ее иногда мобилизационной моделью, моделью форсированной индустриализации. Мы постарались применить ее и к порогу информационных технологий, но не смогли этот порог преодолеть в 80-е годы, попытались быстро сменить авторитарно-технократическую модель на гуманитарно-демократическую. В основном это свелось к декларациям “нового мышления” и в этой ситуации произошел распад Союза, который породил кризис на постсоветском пространстве, включая кризис экономический, политический, экологический и прочее.

Я хотел бы остановиться на такой составляющей этого кризиса как кризис идентичности, который мне представляется необычайно важным. Потому что без того чтобы не осознать, кто мы есть, мы, конечно, вряд ли будем эффективны в выработке нашей стратегии. Пока что на вопрос о том, кто мы есть, мы отвечаем: “Мы — россияне”. Однако, что стоит за этим словом, сказать очень трудно, поскольку в него вкладываются самые разные представления. А главное — очень трудно уговорить чеченцев, что они россияне, потому что они говорят, что они чеченцы; якутов, которые говорят, что они якуты; башкиров и так далее. Никого не хочу обидеть, но дело в том, что эта этническая “малая идентификация” оказывается намного более сильной, чем формальная “географическая идентификация” — “россияне”.

Вообще надо сказать, что для складывания Российской Федерации, конечно, нужна надэтническая идентификация, базирующаяся на исторических универсалиях. Накладывается это еще на очень сложную ситуацию, вызванную демографическим кризисом. Где-то порядка 700 тысяч в год сокращается население Российской Федерации. Но сокращается оно очень неравномерно, и главный удар принимает именно русская составляющая. При такой демографической тенденции неизбежно возникают мощные миграционные потоки, увеличивается процесс метисации. Процесс метисации основного этноса, всегда вызывает политические смуты. У нас так было и в XII-XIII веках, и в XVI-XVII веках, и в XIX-XX веках. Причем для успешного прохождения такой фазы метисации, здесь я могу сослаться на близкий мне иберо-американский опыт, очень важно, чтобы была надэтническая идея. Этнос проходит успешно бурную фазу метисации именно с надэтнической идеей. Кстати, так и было в основные критические точки метисации, связанные с

установлением великорусской народности, потому что такими идеями были или христианство, или идея просвещения, или идея социализма, то есть надэтнические идеи.

Как же идет поиск нашей идентичности последние годы? Конкурируют разные идеи либерализма, социализма, империи, евразийства. При всем уважении к этим поискам следует отметить один очень важный момент. Они нас уводят от современности вглубь истории. Споры либерализма и социализма уводят нас к концу XIX — началу XX века. Споры наших неославянофилов, евразийцев и неозападников уводят нас к началу и к середине XIX века. Но нам никуда не уйти от проблем конца XX и перспективы XXI века, то есть новых технологий и информационного общества. Мне представляется, что нам нужно не восстанавливать снова те модели и те стратегии, которые доминировали у нас в 70-ые и 80-ые годы, поскольку они оказались, в общем-то, во многом неэффективными, а сосредоточиться на пересмотре этих моделей и стратегий под углом зрения духовных вызовов, духовного обновления России и духовного обновления мира в целом. Это должно быть именно живое духовное творчество, а не реминисценции в духе леонтьевского византизма. Кларовский, когда-то призывая к неопатриотическому синтезу, говорил: “Вперед к отцам!”, не назад к отцам, а вперед к отцам. То есть нам нужно осмысление в духе наших духовных традиций и живого духовного творчества, реалий современного мира и прежде всего проблематики становления информационного общества.

В заключение хотел бы сказать о том, что на протяжении двух последних лет работает программа “Духовные основы политики”. Первую конференцию мы провели в Дипломатической академии в прошлом году, а в этом году — в МГИМО. Предполагается цепочка таких конференций. Следующая будет весной следующего года, и мы были бы очень рады видеть наших уважаемых коллег участниками этой программы и этого разговора.

С.В.КОРТУНОВ: Спасибо, Алексей Викторович. Я очень благодарен нашему первому докладчику и за содержательный доклад, и за то, что он с математической точностью выполнил наш регламент.

С учетом того, что состав нашего совещания пополняется, в том числе и докладчиками, мне придется корректировать тот порядок ведения дискуссии, который я сам себе задал. В этой связи я хотел бы сейчас, учитывая то, что мы идем от общего к частному, предоставить слово Александру Сергеевичу Панарину. У нас уже была возможность познакомиться с идеями Александра Сергеевича относительно глобальных тенденций и противоречий следующего столетия. В этой связи я попросил бы его сосредоточиться, прежде всего, на глобальной стратегии именно России в XXI веке.

А.С.ПАНАРИН: Я хотел бы, во-первых, разрушить один стереотип, как-то тщательно и с мазохистским удовольствием насаждаемый, о том, что Россия — слабая страна или, что ныне Россия — слабая страна. Россия обладает огромным потенциалом. И проблема заключается не в том, что этого потенциала нет. Проблема заключается в том, что он не мобилизован, то есть отсутствует технология мобилизации этого огромного национального капитала в широком смысле этого слова. Я имею в виду не только экономику, то есть какую-то “вольтовую дугу”, которая бы соединила энергетику нации.

Одна из проблем ведущих приоритетов национальной политики долгосрочного типа — это преодоление компрадорских

тенденций нашего капитала. С компрадорским капиталом никакая страна подняться и выжить не может. Можно вспомнить Бразилию, как много обещала эта страна, в плане становления сверхдержавы в 60-ых годах, но потом ее удалось “погасить” именно благодаря компрадорскому капиталу, благодаря чудовищному выкачиванию капитала из Бразилии. Сегодня эта весьма напоминает то, что происходит в России.

Нам необходима “национализация капитала”. Я прошу правильно меня понять, я не имею в виду огосударствление капитала, я имею в виду подключение капитала к государственной воле, к государственным интересам и государственному строительству. Государство должно выработать мощную систему поощрения и наказания в отношении поведения национального капитала. Инвестиции поощряются, освобождаются от налогов, обеспечиваются какой-то кредитной политикой. Напротив, всякая политика, связанная со свертыванием производства, с вытеснением предприятий банками жестко наказывается.

Мы как-то поверили “чикагским мальчикам” о том, что государство должно “умыть руки”. Когда государство “умывает руки”, наступает хаос. Даже при либеральной “монитористской” школе государство активно в смысле политики обмена и денег. Любая страна не может выжить и выстроить систему приоритетов, защитить себя без сильной государственной политики. Речь идет о преодолении утечки капитала за рубеж, о преодолении вообще всех тенденций, связанных с бегством капитала. Капитал надо национализировать, то есть подключить к государственному строительству. Это одна часть потенциала. И если по некоторым данным из страны вывозят 50 и более миллиардов долларов ежегодно, то после этого нельзя говорить о том, что эта страна слабая. Она просто незащищенная. Это — страна, не умеющая мобилизовать свой потенциал, а не страна, не имеющая потенциала. Я хотел бы, чтобы мы четко условились различать эти позиции.

Второе. Конечно, капитал — это абстракция. Как известно еще из классиков английской политической экономии, наряду с капиталом нужен труд. Здесь я хочу поддержать Алексея Викторовича, который говорил об активной демографической политике. В самом деле, что еще необходимо России? Это — активная демографическая политика. Депопуляция, которая происходит в России, действительно, связана с основным этносом. Она совершенно нетерпима.

Если вспомнить ситуацию 1945-1946 года во Франции, там тоже страна была травмирована опытом поражения от Германии. И была чудовищная депопуляция. Что сделал генерал Де Голь? Он выработал систему приоритетов. Причем одним из приоритетов государственной политики стало поощрение рождаемости во Франции. Страна была развалена, нищая, с разваленной экономикой, тем не менее, генерал Де Голь нашел деньги для поощрения рождаемости, для активной демографической политики.

Кстати, Альфред Сави, прекрасный демограф, доказал: страна, которая стареет демографически, то есть в ней падает доля молодежи, всегда теряет государственную политическую волю, теряет инвестиции, теряет вообще активный тип поведения. Это общий глобальный закон безотносительно даже к идейной, экономической и прочей ситуации. Когда мы говорим, например, о механизмах пресловутого застоя, он в значительной мере связан с гератократическим эффектом, катастрофическим старением страны в брежневскую эпоху. Поэтому омоложение страны имеет просто первостепенное значение и долгосрочная политика — это, конечно, политика омоложения страны. Надо

выстроить такую систему приоритетов, которая связана с поощрением, укреплением семьи, поощрением рождаемости, которая катастрофически упала.

Всегда можно говорить: “Нет денег”. Денег свободных, действительно, нет. Но никогда не бывает, что есть свободные деньги. Когда появляются деньги? Когда изменяется система приоритетов. Если данную цель я считаю стратегической, то на нее и нахожу деньги.

Далее. Очень большое значение, в самом деле, имеют сегодня духовные факторы, относящиеся к духовной идентичности, к образу страны, к ее самосознанию. И в этом смысле опять-таки я вижу парадокс, скажем, нашей исполнительной власти. В частности, Президент уделяет большое внимание своей способности контролировать первую, то есть законодательную власть. Наверное, это похвально. Но меня, тем более, удивляет беспечность, с какой эта же власть относится к взаимоотношениям с “четвертой властью”, которая является неконтролируемой, и которая, я буду прямо говорить, стала уже антинациональной. “Четвертая власть”, я имею в виду массовое телевидение, просто насаждает капитулянтский образ страны, страны-неудачника, страны безнадежной, безнадежной в плане ее исторического опыта, и в плане будущего. Здесь — опасность заниженных самооценок. Человек с заниженной самооценкой не подвержен уже социализации, не подвержен никаким мобилизационным технологиям, он считает: “Я — безнадежный, значит, мне нечего терять”. Поэтому мы должны сформировать некий другой образ страны: великой державы, умеющей себя уважать, имеющей свои приоритеты, заставляющей прислушаться к своему мнению, уважающей свою национальную традицию и верующей в свое будущее. Это в значительной мере связано с национальным телевидением. Это — “четвертая власть” и это, действительно, не метафора, это, в самом деле, власть, потому что эта власть над умами, это самая, может быть, главная власть, может быть более важная, чем исполнительная, законодательная и судебная, вместе взятые. Россия же упустила эту главную власть. То, что насаждает телевидение, образ безнадежной страны, это то, что не даст стране подняться никогда. И здесь не надо бояться всяких ассоциаций с большевистской цензурой, с тоталитаризмом и так далее. Почему-то генерал Де' Голь этого не боялся, он умел установить такую политику на телевидении, которая отвечала его великодержавным, Де Голя целям. Я думаю, нам тоже этого не надо бояться. И здесь необходимо навести порядок. Не знаю, с помощью каких технологий это сделать. Нужны решимость и воля. Если государство знает, что за ним в этом смысле будет меньшинство — это одно. Если государство уверено, что за ним будет большинство — это другое.

Уверен, что государственная политика в области выстраивания национальных приоритетов на телевидении может опираться на волю большинства народа. Это действительно так, все опросы об этом свидетельствуют. Конечно, будут плакаться некоторые либерально настроенные интеллигенты. Но, если государство сумеет опереться на волю большинства, на нее надо опереться.

Далее. Государственный разум тогда разум, когда он умеет опереться не только на те формальные структуры, но и на неформальные системы власти и влияния. Помните, когда рухнула классическая теория управления, возникло понятие неформальных структур, неформальных лидеров в психологии управления. Реальный лидер, руководитель, если он обращает внимание только на формальные структуры и не знает, кто у него неформальный лидер, какой неформальный статус его

подчиненных, просто не может управлять коллективом. Я бы применил это к большой политике.

Сегодня в большой политике рухнула система института “центричной” власти, то есть власти, очерченной как формализовано институциональная система. Наряду с этим выросли мощные неформальные системы. Например, надо различать, скажем, политику и геополитику. Страна может быть очень большая, но геополитически слабая, как сегодня Россия. Границы ее широки, но геополитически она не может защитить даже то, что творится у нее в Подмосковье. Оказывается, геополитика является тем неформальным фактором, который нельзя прочесть, высветить, посчитать, какие у страны границы и сколько у нее войск. Оказывается, все такого рода институциональные подсчеты не дают нам представления о такой неформальной вещи — что такое геополитическое влияние данной страны.

Прошлый раз Эрнест Георгиевич Кочетов прекрасно говорил о геоэкономике. Опять-таки, если мы будем думать, что влияние США связано с тем, какое они имеют влияние в международных организациях, в системе ООН, в Совете безопасности, “Большой Семерке” — это одно. Но если мы поймем, что есть еще геополитика, и здесь влияние США простирается, повторяю еще раз, наверное, в границах Садового кольца, мы тогда поймем, что, оказывается, есть и неформальные структуры влияния. И государство, не умеющее просматривать неформальные структуры влияния, работать с неформальными структурами влияния, отражающими геополитику, вряд ли может быть названо влиятельным.

Мне кажется, что сейчас наше политическое мышление вырабатывает некоторые понятия, которые позволяют зафиксировать эти неформальные системы влияния. Геополитика, геоэкономика, геодемография. Почему-то американцы очень боятся за англосаксонскую идентичность Америки. Не потому, что они расисты, а потому что они понимают ее значение. Когда прилив, скажем, населения из Латинской Америки достигнет некой критической точки, Америка может утратить свою волю, свою идентичность и многое, многое другое. Это, в самом деле, серьезные вещи, они этим по-своему озабочены. И такая озабоченность — совершенно необходимая вещь. Это, конечно же, надо иметь в виду. Точно так же, скажем “геоинформационные потоки”. Вот когда мы говорим, что эти страны, вступая в отношения друг с другом, оказываются в ситуации неэквивалентного обмена, мы привыкли говорить об неэквивалентном экономическом обмене, подчеркивать опасности неэквивалентного экономического обмена. Но есть неэквивалентный информационный обмен. Скажем, Америка сегодня на Россию воздействует силой информационного взрыва, а Россия на Америку никак не влияет в информационном смысле. Это означает неэквивалентный информационный обмен. Это тоже относится к внеинституциональным основаниям политики, потому что если страна попадает в условия неэквивалентного информационного обмена, ее влияние всегда будет ниже той страны, которая, напротив, доминирует в этом информационном обмене. Безотносительно экономической, военной и прочей мощи.

Теперь национальная идея. Когда-то наблюдатели говорили: “Что творится с русским антропологическим типом? Где тот чеховский интеллигент с мягкими чертами, мягкими манерами. Первая мировая война породила образ иного, милитаризованно-агрессивного молодого человека. Это тот самый молодой человек, энергия которого генерировалась в гражданскую войну. Я вижу, что сейчас государство крайне

слабое, но на улице опять встречаю этого агрессивномилитаризированного молодого человека, новый антропологический тип. Но эта его милитаризированная агрессия, эта его милитаризированная собранность направлена на асоциальное поведение — грабить людей, насиловать, заниматься рэкетом и прочее. Я думаю, что государству очень важно не подавить эту энергию, а я бы сказал, конвертировать ее в некоторую государственную политику. Слишком много появилось весьма энергичных молодых людей, мне очень бы хотелось, чтобы эта энергия была канализирована государственной волей. Эти энергичные молодые люди с их агрессивной психологией всякому государству пригодятся, но, повторяю, государство должно контролировать эту психологическую агрессивность, канализировать ее и, так сказать, обладать такими технологиями, которые направляются на государственную работу. Мы говорим, что геополитическую Россию некому защищать. Но ведь очень много милитаризированных молодых людей, которые в повседневности асоциальны, а под крылом мощного, умеющего защищать себя государства, их энергия пригодилась бы. Но для этого, повторяю, нужна мощная национальная идея.

Я посторонний наблюдатель в данном случае, но мне казалось, что в семидесятых годах политика государственная, в частности, политика наших спецслужб, была направлена на компрометацию национальной идеи. Я не знаю, по каким соображениям это делалось, может быть, это не соответствовало коммунистическому идеалу интернационализма, может быть, готовили большую приватизацию, но когда возникло великолепное движение Чивилихина “Память”, это движение тут же напичкали сумасшедшими и провокаторами для того, чтобы безбожно и безнадежно его скомпрометировать. Это была политика с дурными последствиями. Национальные идеи компрометировать нельзя.

Надеюсь, вы меня понимаете, я не путаю этноцентризм и национализм. Когда мы скажем, что “Россия — государство русских”, мы тут же развалим Россию. Но я-то не это имею в виду, я имею в виду то, что сказал Алексей Викторович. Речь идет об общероссийском национализме, когда страна любит себя, страна умеет себя защищать, страна верит в свое будущее. Это уже мощная национальная идея, и такого национализма нельзя бояться. Мало того, без такого национализма страна просто не может выжить.

Мы в этом деле очень “наследили”. Некоторые провокаторы проповедуют такой национализм, единственное назначение которого скомпрометировать национальную идею, напугать, скажем, некоторую слабонервную интеллигенцию, или напугать дальше и ближе зарубежье. Что, дескать, я не самый лучший человек у власти, но если придет вот этот, он помрет сапоги русских солдат в Индийском океане. Так играть национализмом нельзя. Национализм — слишком большая ценность, чтобы использовать его в избирательных технологиях.

Без национальных интересов страна не может выжить. Национальная идея рождается сегодня на наших глазах. Здесь очень помогли нам американцы, которые перестарались. Их бесцеремонность “победителей” очень раздражает. Само американское телевидение необратимо испортило образ Америки. Вся коммунистическая, посткоммунистическая и докоммунистическая пропаганда не могла бы испортить так образ Америки, как постарались наши СМИ, которые показывают чудовищную американскую дрянь ежедневно. Страну ею “перекормили”, и это неплохо. “Победитель” ведет себя нагло, и это неплохо. Это означает, что он оскорбляет национальное

достоинство большого народа, а из этого национального достоинства может вырасти большая идея. Для этого нужна государственная воля. И не надо считать национальную идею бранным словом. Это не этническая идея, и не этноцентричная. Национальная идея — это проект, обращенный в будущее. Коммунисты в свое время собрали распадающуюся Россию, потому что предложили различным этносам, играющим в сепаратизм (а они тогда не менее активно играли, чем сегодня), идею общенационального светлого будущего. Речь идет об идейном историческом проекте, не идее ностальгической, а идее, обращенной в будущее, идее, играющей роль большого исторического проекта.

Политика России в ближнем зарубежье. Я знаю из первых рук, что в ближнем зарубежье многие правительства долго занимали выжидательную позицию. Все думали, когда же Россия заявит о себе, и на всякий случай “стушевывались”. Так они подождали год, два и три, а Россия о себе не заявляет, о своей политике не заявляет. И тогда наши друзья и братья в ближнем зарубежье стали проводить антироссийскую политику, все более активную, тем более активную, что Россия молчала. Надо понять одно: в ближнем зарубежье невозможен “позитивный нейтралитет”. Если мы здесь тоже “умываем руки”, полагаясь на “позитивный нейтралитет”, мы непременно проиграем, потому что в ближнем зарубежье “позитивного нейтралитета” не бывает, а бывает либо честная союзническая стратегическая связь, либо непременно антироссийская политика. Середины, той золотой середины, на которую рассчитывали политики, не вмешивающиеся в дела ближнего зарубежья, не бывает.

Все великие русские и геополитики, и философы постоянно говорили, что в равнинном пространстве спрятаться некуда, отгородиться некуда. Равнинное пространство — это такая геополитическая категория, которая запрещает уповать на “позитивные нейтралитет”. В равнинном пространстве либо все вместе и едины, либо — конечная вражда всех против всех. Поэтому приоритеты и должны быть отданы ближнему зарубежью. И надо иметь мужество отстаивать наши национальные интересы в этом самом ближнем зарубежье и не позволять заокеанскому лидеру заявлять, что его национальные интересы и в Киеве, и в Минске, и где-то там еще.

С.В.КОРТУНОВ: Теперь мы переходим ко второму, более конкретному блоку вопросов, связанных с научно-технической и научно-технологической парадигмой развития России. В этой связи я хотел бы дать слово Неклессе Александру Ивановичу, который в наших кругах уже зарекомендовал себя как специалист высочайшего класса по этому вопросу.

А.И.НЕКЛЕССА: Что можно сказать о положении России в новом, кардинально изменившемся контексте, о ее грядущей идентичности? Какую стратегию поведения следовало бы счесть для нее оптимальной в условиях наметившегося геоэкономического размежевания планеты? И, пожалуй, самое главное: какой могла бы стать суть “российского проекта” в современном мире?

Привычная индустриальная модель развития страны — тем более выстраиваемая формально, без учета геоэкономической специфики северо-евразийского региона, предусматривающая, к примеру, поддержание полного диапазона промышленного производства — судя по всему, оказывается все менее реальной. В условиях открытого национального рынка (и тем более планируемого вступления России в ВТО) подобная политика, несмотря на все ухищрения, вряд ли в принципе окажется

перспективной, а соответствующая экономическая практика — конкурентоспособной. Хотя бы в силу простых географических причин: северного и внутриконтинентального положения государства Российского, к тому же в результате известных событий как бы дополнительно отодвинутого на северо-восток и лишённого значительной части судоходной береговой линии. Данные, достаточно серьёзные обстоятельства определяют в конечном итоге неизбежно высокий уровень затрат и по основным фондам, и на содержание рабочей силы (даже в условиях ее низкой оплаты), а также накладных расходов и себестоимости товарооборота (учитывая, например, неизбежный в ряде ситуаций межгосударственный транзит к морю). А кроме того — повышенную энергоёмкость производства и социального сектора, ряд сложностей, связанных с поддержанием в должном состоянии промышленной и транспортной инфраструктуры, и т.п.

Другое направление привычной хозяйственной ориентации — ресурсно-сырьевое — своего рода “палочка-выручалочка” России. Эта все более актуальная де-факто схема вхождения российской экономики в глобальный рынок, очевидно, не слишком выигрышная позиция для страны, пока еще претендующей на статус великой державы, но зато достаточно действенное подспорье. Однако когда подспорье оказывается “паровозом” всей национальной экономики, более того — фактической сутью новой экспортноориентированной экономической модели, положение России в системе властных координат современного мира конечно же претерпевает заметные изменения... Впрочем, по достаточно широкому спектру причин — во многом аналогичным вышечисленным: от той же высокой себестоимости, до наличия серьёзных естественных конкурентов — данное направление деятельности вряд ли к тому же сможет долгое время оставаться высокорентабельным. (Тем более, что подобная практика, несмотря на весь свой колоссальный объём, в сущности так и не обзавелась соответствующей стратегией.) Возможно, мы имеем дело с определенной толикой “ресурсных иллюзий”. Резервы наращивания и даже поддержания достигнутого уровня сырьевого экспорта (за исключением газа) на самом деле в ряде случаев близки к исчерпанию. Что касается руд и минералов, то следует иметь в виду что современная Россия уже не располагает всей их гаммой: нет практически запасов марганцевых руд, недостаточно хромовых, не удовлетворяется собственной добычей потребность в титане, свинце, цинке, ртути, серебре, уране... Промышленная база цветной металлургии существует во многом за счет толлинга. В нефтяной промышленности положение также двусмысленно: сейчас разрабатываются порядка 70% разведанных месторождений, причем их суммарная выработанность превысила 50%, т.е. они находятся в стадии падающей добычи. Здесь велика изношенность фондов, и через некоторое время может начаться “период катастроф” (наподобие ситуации, уже проявившей себя в угольной отрасли).

Торговля природными ресурсами, кроме всего прочего, — это еще и достаточно пассивная геоэкономическая ниша, чрезвычайно чувствительная к положению страны в мировом сообществе, к динамичной ситуации на мировом рынке, к действующим там (и становящимся все более изощренными) правилам игры. А следовательно — и к разнообразным формам воздействия извне. Данный вид хозяйственной практики вполне уязвим, например, даже для мягкого, скажем так, “рыночного эмбарго”, осуществляемого на основе интенсивной, форсированной конкуренции. Не говоря уже о многоходовых комбинациях и широкомасштабных стратегических замыслах, связанных с долгосрочной реконfigurацией глобального

“шахматного поля”. Статус же России в формирующемся “постсовременном” мире пока по-прежнему остается весьма неясным и достаточно нелестным...

На какой же тогда основе Россия может и должна строить свою долгосрочную стратегию развития в мире XXI века? В чем ее главный, структурообразующий фактор, выстраивающий внутреннюю логику самоподдерживающегося и развивающегося хозяйственного организма (а не просто инволюционно проедающего имеющийся в наличии потенциал бюджетобразующих отраслей). Фактор, определяющий в конечном итоге глубинные хозяйственные особенности и фундаментальные преимущества? Ведь экономическая деятельность — это не простая совокупность производственных и торгово-финансовых операций (как океан не является просто большой ямой наполненной водой). Всякое региональное “большое пространство” — живой и сложный организм, имеющий собственный оригинальный код развития, собственный набор специфических преимуществ и недостатков, в соответствии с которым и организуются, соразмеряются остальные виды деятельности.

Очевидно одно — простого ответа тут не предвидится. Приходится констатировать, что страна на пороге третьего тысячелетия находится на серьезном стратегическом распутье. Ведь само по себе макроэкономическое содержание реформ, реализуемое вне интегрирующего геоэкономического вектора, есть по большому счету не что иное как перманентная суетливая тактика. Иначе говоря, это — экономистическая “дурная бесконечность”, лишенная исторического смысла и ведущая в никуда... Впрочем, испытания последних лет, кажется, не проходят совсем уж даром. Долгий промышленный спад, хрупкость и болезненность новорожденного хозяйственного организма, крах сырьевых иллюзий — все это порождало сначала некоторое недоумение, затем смутное беспокойство и, наконец, — ощущение какой-то если и не фатальной, то достаточно серьезной ошибки, скрытой в самой логике реформ. Медленно, но верно внимание и общества, и элиты концентрируется вокруг вопроса о долгосрочных ориентирах положения страны в современном мире. Равно как и долгосрочных перспективах ее внутреннего развития.

Тема российской геоэкономической специфики, начинает осознаваться как актуальнейший императив современности, фактически предопределяющий место России в новой системе мировых координат XXI века. (О необходимости “перехода на геоэкономическую... модель внешнеэкономических связей”, кстати, говорилось еще в послании “О национальной безопасности” Президента РФ Федеральному Собранию от 13 июня 1996 г.)

Ответы на столь судьбоносный для страны вопрос естественно весьма разнятся. Кто-то считает, что российская “точка опоры” — это, повторюсь, ее богатейшие природные ископаемые. Кто-то подчеркивает значение ресурсов экологических, всего биосферного потенциала бескрайних территорий крупнейшего по площади государства планеты. Кто-то указывает на уникальное положение страны на стыке цивилизаций, а соответственно и на редкостные транспортно-коммуникационные, инфраструктурные возможности... Во всех этих построениях есть, конечно же, свой резон. Но хотелось бы привлечь внимание к еще одному богатейшему ресурсу России, являющемуся, как мне кажется, ее особенным богатством.

Предлагаемый вариант ответа для многих, предвижу, в той или иной степени является неожиданностью. Основной, базовый фермент хозяйственной реальности страны — это

неформальная, творческая мысль. Видимо именно здесь таится и своеобразие российского гения, и глубинная особенность национальной экономики. Действительно, в XX веке данная ее специфика — хотя и проэксплуатированная весьма однобоко — обеспечила, например, существование в России-СССР феномена современного ВПК, реализовав в полуфеодальной стране ряд высокотехнологичных проектов (ядерная энергетика, космонавтика, авиастроение, специальная металлургия и т.п.). Можно было бы привести еще ряд аргументов в подтверждение тезиса об инновационном и интеллектуальном потенциале страны, специфической творческой среде, образовательном и культурном уровне населения как перспективном, системообразующем ресурсе российского общества, его козырной карте в разворачивающейся глобальной геоэкономической игре.

Нынешняя историческая развилка судьбы России фактически выражена в вопросе: в каком направлении будет сегодня развиваться ее творческий гений? Дело в том, что фундаментальная специфика, о которой здесь идет речь, может быть реализована как бы в двух регистрах.

Суждено ли России стать “большим пространством” мировой криминальной экономики с ее по-своему высокоэффективными и, безусловно, высокодоходными технологиями? Ведь если мы внимательно и беспристрастно приглядимся в чем же глубинный код, “хитрая механика” неокриминальной и околोकриминальной экономики, которая успешно развивается в России, то с некоторым изумлением убедимся, что это, в сущности, крайне извращенная, аморальная форма экономики инновационной, реализованная в соответствующей исторической среде демодернизации.

Тема последовательной и масштабной криминализации России в постсоветский период, взрывоопасного синтеза нормативного вакуума и правового нигилизма, аморальной власти и специфической пассионарной субкультуры требует отдельного и серьезного рассмотрения. К примеру, сама гипотетическая вероятность появления в мире тотально коррумпированного и тем более криминализованного государства, обладающего к тому же ядерным оружием, несмотря на всю свою политическую конъюнктурность, очерчивает контур совершенно новой глобальной ситуации... Сейчас же только отмечу, что в настоящее время на российских просторах форсированными темпами реально складывается непростой геоэкономический феномен “трофейной экономики”, вполне однако вписывающийся в глобальный контур паразитической экономики Глубокого Юга, созвучный ей.

Причем, феномен российского неокриминального синтеза по-своему вполне конкурентоспособен. И что интересно: конкурентоспособен он не только на внутреннем рынке, но и во внешнем мире, все более балансирующем, по мнению части аналитиков, на грани постмодернизационного срыва. Уже сейчас пристальное внимание центров стратегического планирования вызывают сценарии форсированного, скачкообразного развития разнообразных деструктивных процессов, слабо поддающихся коррекции и управлению. И, в частности, перспективы и потенциальные возможности постсоветского “большого пространства” занять лидирующие позиции в соответствующей сфере деятельности, взяв под свой контроль, интегрировав определенные виды специфической псевдоэкономической практики многочисленных разрозненных очагов Глубокого Юга. Более того. Новая социальная среда, формирующаяся в условиях нарастающей цивилизационной коррупции, имеет некоторые шансы со временем (и при определенных драматичных

обстоятельствах) занять если не лидирующие позиции, то гораздо более заметное место в дестабилизированном мировом контексте...

Или все-таки подобные построения — лишь мрачный мираж, политически ангажированные “страшилки”, и на практике реализуется другая историческая альтернатива: в России будет найден путь переориентировать творческий, интеллектуальный потенциал общества в конструктивное русло, остановив его дальнейшее оскудение и моральную деградацию?

Хочется верить, что если умело и энергично применить политическую волю, то, несмотря на понесенные потери и во многом упущенное время, все еще возможна позитивная реализация конструктивного “российского проекта”: геоэкономической концепции развития общества Северной Евразии, учитывающей своеобразие данного “большого пространства” и предусматривающей создание в России инновационной индустрии нового типа (включающей в себя в качестве составной части кардинально реформированный ВПК).

Стратегия “российского проекта” нацелена на планомерное и последовательное выстраивание устойчивого режима наибольшего благоприятствования для производства разнообразных, множатых форм интеллектуального продукта (причем в весьма значительной степени вне рамок его серийного, промышленного освоения), на придание приоритетного характера сохранению и развитию оригинальной научной, культурной среды России, самого творческого духа российского общества. Полем деятельности здесь является все более дающая о себе знать потребность мирового сообщества в качественном прорыве глобальной инновационной ситуации, характеризующейся сейчас определенным творческим застоем (особенно заметным на фоне осознанной заинтересованности крупных хозяйственных субъектов в создании нескольких сот новых технологий в различных областях производства). Фундаментальная же наука — в разительном контрасте с расхожими стереотипами бурного научно-технического прогресса — сейчас определенно переживает кризис, хотя созданный ранее “задел” позволяет до сегодняшнего дня снимать своеобразную инновационную ренту с прошлых прорывных достижений, умело оптимизируя их следствия. При этом рыночные параметры торговли современными технологиями продолжают возрастать. (Ожидается, что к 2000 году оборот капитала только в сфере экологически ориентированных технологий составит примерно 500 млрд. долларов.)

Непростое положение, складывающееся в области интеллектуального производства, может таким образом стимулировать плодотворное международное сотрудничество, например, в форме крупных транснациональных проектов, где на долю России приходилась бы их инновационная составляющая. В перспективе же подобное сотрудничество способно привести к постепенному формированию специфического глобального инновационного рынка (наряду с уже существующим рынком технологическим), расширению и определенной трансформации понятия интеллектуальной собственности, изменению ее правового диапазона, развитию соответствующей нормативной базы и т.п. Но уже сейчас, повторюсь, необходимо планомерное выстраивание режима наибольшего благоприятствования для полноценного функционирования соответствующей отрасли российской экономики (в целом пребывающей в состоянии разброда и хаоса). А также создание соответствующего “политического русла” для становления масштабного и максимально диверсифицированного инновационного производства на национальном уровне.

Во-вторых, данная стратегия предполагает целенаправленную политику эффективного взаимодействия России со стремительно развивающейся глобальной информационной индустрией, масштабное вовлечение в процесс имеющийся в стране высокообразованный (и нередко нестандартно мыслящий) кадровый потенциал, способный действовать в сложноорганизованной и быстро меняющейся среде. Реализация стратегии может обеспечить не только активное и устойчивое присутствие российской экономики в контексте информационного сообщества, но и сохранение (и развитие) основного стратегического ресурса России — ее “человеческого капитала”: интеллектуальной элиты, всего широкого социального слоя образованных граждан и интеллигенции, востребованных реальностью постиндустриального мира, но оставшихся за бортом нынешней системы реформ.

В-третьих, необходимо уделить самое пристальное внимание феномену развития индивидуальной деятельности в глобальном креативном пространстве: свободному творчеству в областях науки, культуры и искусств. На наших глазах происходит интенсивное становление этой быстро растущей отрасли постиндустриального производства (не сводимой однако к информатике). Следует предусмотреть возможность обозначить заметные позиции России в данном процессе, обеспечив прямую поддержку тенденций массового производства в данной сфере. При этом следует иметь в виду, что массовое производство объектов культурно-информационного характера — нередко носящее в современной постиндустриальной среде индивидуальный характер (своего рода “интеллектуальное ремесленничество” или феномен *manterprizer*) — не обязательно является синонимом массовой культуры.

Наконец, реализация “российского проекта” предполагает также проведение комплексной и масштабной научно-технологической конверсии военно-промышленного комплекса, предусматривающей — при резком сокращении промышленного производства в стране — сохранение его квинтэссенции: научно-технологической базы, а также отдельных, критически важных и приоритетных для обороны и экономики страны производств, обладающих к тому же в ряде случаев солидным экспортным потенциалом.

Структурной единицей новой отрасли — научно-технологического (или научно-технического) комплекса — НТК, могли бы в ряде случаев стать финансово-технологические группы (ФТГ). Подобные конstellации мыслятся, прежде всего, как “гроздь”, состоящие из некоторого числа небольших венчурных фирм, создаваемых на основе лабораторий, КБ или сложившихся за последние годы формальных и неформальных исследовательских коллективов (вплоть до микроуровня). Концентрируясь, “роясь” вокруг производственной базы того или иного номерного предприятия, они способны переориентировать его на перманентное диверсифицированное производство различных опытных образцов и других уникальных изделий, обеспечив со временем комплексную загрузку производственных мощностей (т.е. превратить данное предприятие в своего рода современный аналог “МТС”). Включали бы подобные ФТГ также профильный инвестиционный банк.

Потребуется, кроме того, умная организация весьма специфического экспорта всего спектра продукции интеллектуальной экономики (наряду с традиционным экспортом сырья и изделий), что создаст прямые предпосылки для активного соучастия России в формировании и структурировании

глобального интеллектуального и инновационного рынка самого широкого диапазона.

Творческий ресурс, понятый как структурообразующее начало российской экономики, мог бы послужить своего рода геномом, точкой опоры для организации индустриальной цепочки, от ресурса мысли до производства разнообразных уникальных объектов и опытных образцов (включая технически сверхсложные изделия, наподобие космических аппаратов), возрождения на новой основе феномена “интеллектуальных полигонов”: наукоградов, академгородков и т.п. А далее, в перспективе, — и возможно во взаимодействии с другими мировыми регионами — постепенного перехода к селективному серийному производству высокоинтеллектуальной и гипернаукоемкой продукции разнообразного спектра, как военного, так и гражданского назначения. Кроме того, развитие интеллектуальной экономики стимулирует последовательное становление специфической инфраструктуры, многообразной комплексной индустрии, обслуживающей ее потребности. Равно как и соразмерное выстраивание вокруг обозначенной сердцевины остальных видов экономической и социальной деятельности.

Инновационная среда явилась бы питательным бульоном также для ряда других форм творческой, интеллектуальной активности, включая различные образовательные структуры, системы перманентного повышения квалификации и переподготовки кадров, разнообразные виды искусств, иные постиндустриальные реалии и технологии.

В подобном, целенаправленно организуемом контексте обретается долгосрочная перспектива устойчивого положения России. Здесь же — исторический шанс на обновление социального контракта между властью и народом, на поддержку национальной стратегии достаточно различными и в то же время широкими слоями населения, на появление спасительного второго дыхания экономики к критическому моменту пика долгового кризиса, а также истощения наиболее удобных месторождений основных природных ресурсов. И параллельно — весьма вероятному началу функционирования в Южной Евразии XXI века конкурентной сети нефтегазовых, энергетических и транспортных коммуникаций, стратегического рубежа нового цивилизационного пространства, альтернативного российскому.

Умело реализуя “российский проект”, проводя данную геоэкономическую стратегию в жизнь, можно целенаправленно влиять на спектр партнеров и конкурентов, врагов и союзников России в современном мире, эффективно менять сложившуюся в прежней системе координат типологию ее связей. Формирование творческого Гипер-Севера как исторической альтернативы человечества виртуальному Квази-Северу финансовых сетей и технологий открывает горизонты действительного, а не декларативного стратегического сотрудничества России как с неоиндустриальным пространством Большого тихоокеанского кольца, так и с высокоиндустриальной экономикой Запада. (Столкнувшейся, кстати сказать, с массовым оттоком собственных интеллектуальных ресурсов в сферу информатики и финансов, что привело к парадоксальнейшему, на первый взгляд, явлению — серьезному замедлению фундаментального научного и научно-технического прогресса на пороге XXI века).

В результате происходит иное, нежели фатально утверждающееся, прочтение будущего геополитического и геоэкономического размежевания на планете; видится иной, нежели структурная адаптация, источник идей и схем участия России в мировом разделении труда; закладывается иная, чем

современное асимметричное партнерство, основа долгосрочных взаимоотношений регионов в XXI веке.

Конечно, многие положения проекта звучат сегодня, в атмосфере чуть ли не тотального национального пессимизма едва ли не как утопия. Что и говорить, воплощение “российского проекта” в современных условиях — непростая, нелегкая задача. Более того, реализация подобной концепции — наряду с обретением стратегических союзников, — вероятнее всего столкнется и с целенаправленным ей противодействием. Конец XX века уже, кажется, опалил нас отблесками грядущих масштабных пертурбаций и геэкономических войн. Но, как становится все более ясно, легких путей у России сейчас нет, да и когда они были? Политики, тем более находящиеся у руля власти, обязаны верно определять и по мере сил реализовывать перспективное направление движения, очерчивая таким образом плодотворное, результативное поле деятельности для общества. В бурные времена — в особенности. В этом их историческая ответственность, миссия и нелегкий крест. Предлагаемая концепция развития России, со всеми неизбежными при ее осуществлении срывами и нелепостями, все же намечает устойчивый и позитивный вектор поступательного движения российского общества в новом, формирующемся на наших глазах универсуме, соотносясь с геэкономической логикой современного мира и глубинной национальной спецификой.

Г.С.ХОЗИН: Прежде всего, я полностью согласен с Александром Сергеевичем Панариным в том, что Россия — это конкурентоспособная держава, это очень хорошо связанный с историческим процессом конгломерат наций, культур, религий. И в этой внутренней потенции я вижу очень большие возможности экстраполяции этого исторического потенциала на новые реальности. Но как раз меня больше всего интересует — это грань между нашим с вами традиционным видением России в ее истории вплоть до начала постсоветского периода и теми категориями, теми методиками, с которыми мы работаем вместе, как люди, выходящие, прежде всего, на новаторские линии в понимании мира.

Но все эти реальности относятся, извините, к миру новому, в котором мы еще новички и в котором мы не можем однозначно использовать сложившиеся у нас стереотипы, научные истины, все, что угодно. Поэтому мой первый тезис состоит в том, что нам, работая над стратегией России в меняющемся мире, нужно самим ориентировать себя на новую парадигму научного знания, которое отвергает многие традиционные принципы, традиционные постулаты, и в то же самое время которые выходят на новизну меняющегося мира. Поэтому то, что разрабатывается и на Западе, и у нас, то что называется социальной парадигмой у Капры, то, что называется парадигмой после классической науки у Сепиной, это для нас может служить первичным исходным пунктом при анализе новых явлений.

Исторические параллели, географические траектории политики России — это комментарии каждого из выступающих на факт отсутствия у России стратегии или на наличие стратегии, которая неадекватна. Когда мы смотрим назад или смотрим в сегодняшний мир в его географических, научно-технических и других измерениях, мы видим, что то, что мы принимаем за стратегию, не работает. Тогда мне хочется выдвинуть на ваше внимание один тезис. Не кажется ли вам, что мы скорее должны уповать на контринтуитивность России в новом мире, чем на ее следование тем признанным историческим тенденциям, траекториям, формам развития, формам государственности,

приоритетам развития науки и техники? Мне кажется, что мы еще не исчерпали тот потенциал, возможности на будущее, которым обладает Россия.

С.В.КОРТУНОВ: С учетом того, что Кожокин Евгений Михайлович торопится на другое заседание, я вынужден несколько нарушить объявленный мною порядок ведения дискуссии и предоставить ему слово.

Е.М.КОЖОКИН: В соответствии с планом заседания я подготовил определенный текст, который касается прежде всего международных вопросов и некоторых военных вопросов стратегии России на XXI век.

Но в то же время нельзя на таком заседании не отреагировать так или иначе на то, что говорят сидящие за этим столом. Тем более, что заседание уникальное. При всех отличиях того, что говорилось до меня, я почувствовал, что все выступали как бы с одних позиций, назвать ли их позициями общегражданского национализма, или позициями патриотизма. И это очень ценно. И то, что Совет обороны собрал за одним столом таких людей, это уже очень серьезный, я бы сказал, прорыв.

Мы сталкиваемся с проблемой продолжающейся провинциализацией собственной страны, и эта провинциализация неизбежно сопровождается и провинциализацией интеллектуальной элиты, к которой мы в той или иной степени относимся. И даже на сегодняшнем заседании я почувствовал, что есть такой феномен, как сегментация нашего научного сообщества, который проявляется в том, что, например, многие выступающие говорили, используя терминологию, которая понятна, я думаю, очень узким кружкам. И это одна из проблем: мы производим интеллектуальный продукт, который общество не в состоянии потребить. И тут мы можем сколько угодно чертить стрелочки и говорить, что виновато общество.

Я думаю, что прежде всего надо подумать о том, что нам нужно менять в нашем интеллектуальном продукте, чтобы оно в этом рыночном обществе имело свою котировку, и мы могли его реализовывать не только в узких кружках и на заседаниях под эгидой Совета обороны, но и на информационных рынках. Конечно, сейчас люди, отстаивающие государственные общенациональные интересы, оказываются в очень сложной ситуации, так как большие деньги платят за предательство национальных интересов, а не за их защиту. И это тоже производит такой, я бы сказал, естественный, а, может быть, неестественный отбор в рядах интеллектуальной элиты.

Получается так, что угроза провинциализации даже в большей степени грозит тем, кто отстаивает национальные интересы, чем тем, кто их продает. Обозначу только две темы, которые затрагивались сегодня. Например, нельзя сейчас обсуждать проблемы устойчивого развития игнорируя тот документ, который сегодня будет обсуждаться в Правительстве. Институт имел некоторое отношение к этому документу, правда на самом последнем этапе. Мы написали очень, открою большой секрет, критическую рецензию на этот документ, но конечный продукт я, например, даже как директор института не видел. Что там вынесли в итоге на Правительство? Выступать в роли постоянных “негров”, (“Мавр сделал свое дело, мавр может умереть”) — это определенная аномалия.

Второе. Когда мы говорим о необходимости, как здесь было сформулировано, национализации капитала мы не можем игнорировать то, что делалось не абстрактным, а совершенно конкретным, данным Правительством именно в этом направлении. Мы можем его сколько угодно критиковать, но те

усилия, которые были предприняты, мы не можем игнорировать. Иначе это становится абстрактной дискуссией. Подавление инфляции было направлено, в том числе и на это. Те гигантские деньги, которые зарабатывались на спекуляциях на валюте, и в значительной степени те мощные банки, которые сейчас у нас существуют, поднялись именно на спекуляции на курсе рубля и доллара. Правительству все-таки удалось задавить инфляцию и практически отсечь возможность для получения этих сверхприбылей. Что было сделано, то было сделано. Нравится нам Правительство или не нравится.

Следующее. Правительство (и столь непопулярный человек, как Анатолий Борисович Чубайс) целенаправленно проводило очень жесткую линию в плане подавления доходности ГКО. ГКО — это еще один канал сверхдоходности, для получения сверхприбыли, для того, чтобы финансовый капитал наживался на спекуляциях, а не на инвестировании. То есть это была целенаправленная политика на то, чтобы привлечь капитал в государственное строительство. Я это интерпретирую через другой, мне кажется, более точный термин — направить капитал на инвестиционную деятельность. Это было сделано.

Сейчас, о чем, кстати, говорил тот же Ясин, из-за двух причин то, что было сделано, затормозилось. Кто говорит, это затормозилось на полгода. Первая причина — это международный финансовый кризис, который начался в АТР, а сейчас стал фактически всеобщим и затронул все основные аспекты. Второе, о чем меньше говорилось, это та банковская война, совершенно запредельная по разрушительности и для финансовой системы, и для экономики, и для государства, которая ведется уже полгода. Игнорировать эти факты при любых рассуждениях, касающихся деятельности Правительства мы не можем.

И последнее, что в плане дискуссии я хотел сказать. Для нас вызов, стоящий перед интеллектуальной элитой осложняется еще и тем, что в чем-то, если мы хотим вывести страну из кризиса, нам придется преодолевать собственную культуру. Мы очень много говорим о традициях, о том, что на них нужно опираться. В чем-то нам нужно преодолевать собственную великую российскую культуру, в которой, вне всякого сомнения, присутствует элемент “карамазовщины”. Мы постоянно в интеллектуальных и политических дискуссиях ощущаем, что Россия трактуется как вечно проигрывающая, как страна-неудачник. Часть наших либералов договорилась уже до того, что Россия проиграла Великую Отечественную войну, потому что, мол количество жертв говорит о том, что это не выигрыш, а проигрыш. Можно привести имена и фамилии этих либералов, сказать, где это было опубликовано или говорилось.

С другой стороны, для части нашего левого спектра характерны дифирамбы — “Мы самая великая! Мы самые великие были и будем!”, — а сейчас, мол просто “временный оккупационный режим”, он все и испортил. Это тоже яркое проявление “карамазовщины”, которое глубоко заложено в нашей культуре. Если мы не научимся идти шаг за шагом, то, что называемся вражеским термином “step by step”, если мы не приучим себя к умеренности, в том числе, к интеллектуальной умеренности, то мы, я думаю, все равно не обеспечим тот прорыв и тот выход тем более, что выход нам нужно будет осуществлять не в той сфере, о которой я должен говорить, военно-политической. Нравится или не нравится — выход все равно лежит в сфере экономики.

Теперь два слова о том, о чем меня попросили собственно выступить, тем более, что мы готовили даже небольшой

документ, который касается не всего XXI века, а о развитии России примерно до 2015 года.

Военно-политическая ситуация до 2015 года может быть представлена в виде нескольких сценариев. Тип данных сценариев определяется характером экономической и политической эволюции России.

Первый — наиболее благоприятный. Россия через 3-4 года добивается устойчивых темпов роста валового внутреннего продукта, который приблизительно через 8-10 лет позволит ей приступить к масштабному техническому переоснащению Вооруженных Сил.

Второй сценарий. Период стабилизации экономики затянется и только к концу рассматриваемого периода, только к 2015 году, Россия обеспечит устойчивые темпы роста. В этом случае требуемых финансовых ресурсов для модернизации Вооруженных Сил просто не будет.

Третий сценарий. Переходный период, связанный с избранием в России нового политического лидера, будет сопровождаться фактической сменой политического режима и резкой коррекцией экономического курса. Ухудшение отношений с Западом заставит мобилизовать имеющиеся скудные ресурсы для обеспечения национальной безопасности, но у страны будет большой шанс превратиться в то, что сейчас называется “страной- парией” со всеми вытекающими отсюда последствиями. Диктатура будет для нас полностью абсолютной неизбежностью и масштабы репрессий могут быть варьированы, но они также будут неизбежны. Без них невозможно установить диктатуру.

В любом случае международная обстановка будет характеризоваться активностью США, направленной на поддержание лидерства в военно-политической и экономической сферах и совершенствование эффективности контроля над союзниками и партнерами, круг которых, вероятно, будет расширяться. Управление кризисами останется одним из важнейших инструментов поддержания и совершенствования данного лидерства. Для управления кризисами и их урегулирования будут использоваться сложные комбинации военных, политических и информационных методов и средств.

Национальные цели России вне зависимости от реализации того или иного сценария, можно сформулировать следующим образом. Сохранение в максимально возможной степени атрибутов великой державы, статуса ядерной державы и места постоянного члена Совета Безопасности ООН. С моей точки зрения, этим атрибуты великой державы у нас и исчерпываются. Не допустить дальнейшей технической деградации ядерного комплекса России и обеспечить централизованное управление им. Не допустить в ходе надвигающейся реформы ООН предоставления права вето возможным новым членам Совета Безопасности.

В качестве региональной державы за время до наступления реального экономического подъема необходимо сохранить союзников. В СНГ можно назвать только три союзника. Это Белоруссия, Армения и Таджикистан. Не допустить дальнейшего дистанцирования стратегических партнеров: Казахстана и Киргизии. Уровень взаимодействия тут ниже, но, тем не менее, это важные для нас стратегические партнеры, а не страны, которые являются в той или иной степени для нас противниками и конкурентами. Я их не буду называть, но они имеются.

Актуальность угроз будет зависеть от того, какой из сценариев развития Россией будет реализовываться. В ближайшие 5-8 лет России вряд ли удастся интегрироваться в

существующую европейскую систему экономических, военно-политических отношений. НАТО останется в обозримой перспективе доминирующей военно-политической структурой на европейском направлении. Соответственно третий сценарий может привести, к превращению России в “страну-парию”, что будет сопровождаться фронтальным политико-экономическим давлением и прямыми военными акциями в виде миротворческих операций на постсоветском пространстве.

Правда в пределах этого срока до 2015 года есть признаки, что миротворческие операции на постсоветском пространстве могут проводиться не силами России и стран СНГ, а так называемого мирового сообщества. Я имею в виду карабахский узел.

На юго-западном направлении неизбежны попытки изоляции России от наиболее перспективных транзитно-транспортных коридоров. Возможно осложнение военно-политической обстановки на Северном Кавказе.

Ухудшение геополитической ситуации на южном направлении неизбежно, если не будет выработана и последовательно реализована стратегия поддержки устраивающего нас режима в Таджикистане. Потери Таджикистана при всей слабости имеющегося там режима, при всей сложности, приведут к тому, что те небольшие позиции, которые мы имеем в Узбекистане и Туркменистане будут потеряны. Наше взаимодействие с Киргизией и Казахстаном в значительной степени будет ослаблено.

По своему характеру потенциальные конфликты, реализующие указанные выше угрозы, относятся к категории локальных войн, балансирования на грани войны, а также конфликтов низкой интенсивности, что делает невозможным использование ядерного оружия в качестве универсального средства сдерживания по всему спектру угроз безопасности России.

При проведении военных операций определяющую роль будут играть высокоточные оружия, средства космической разведки, средства связи и управления, а во многих случаях — наличие, либо отсутствие транспортной авиации.

Происходящие в последние годы изменения в характере вооруженных конфликтов выдвигают в качестве первоочередной задачи необходимость ограничения возможности внешнего вмешательства в балансы сил, затрагивающих интересы России, сдерживания “центра силы”, обладающего развитыми системами обычных вооружений, от развязанных конфликтов высокого уровня через конфликты более низкого уровня.

Военное планирование должно вестись, с одной стороны, в расчете на полную победу России в локальном конфликте с ограниченной географической эскалацией вооруженного противоборства, а с другой стороны, ориентироваться на сдерживание региональной войны с более сильным противником или коалицией государств, обладающих неограниченными военно-политическими и военно-техническими возможностями для его вертикальной и горизонтальной эскалации.

Чисто технические аспекты я, наверное, опущу. Скажу только, что необходима концентрация разработок в военно-технической сфере на направлениях, способных создать для России реальные преимущества в таких сферах, как нетрадиционные виды и системы оружия, появление которых может привести к изменению характера, целей и средств ведения войны. Особое внимание необходимо обратить на информационные технологии, используемые в военных целях, так как это на сегодняшний день основное поле, по которому

развертывается конкуренция. И это та сфера, где осуществляется реальный прорыв и в военных технологиях в целом.

Е.А.ФЕДОСОВ: Я сам работник военно-промышленного комплекса бывшего Советского Союза, более 45 лет проработал и работаю в авиационной промышленности и как раз на том участке, где интегрируются практически все виды технологий. И поэтому довольно хорошо представляю положение дел, которое сложилось сегодня в России и что происходит в мире. Я поставил перед собой такой вопрос и, может быть, именно об этом надо сейчас сказать, а сохраняет ли Россия возможность создавать наукоемкий продукт? Вот это, наверное, центральный вопрос, на который мы должны иметь ответ.

Чтобы создать наукоемкий продукт, как вы понимаете, необходима цепочка: фундаментальная наука, прикладная наука, технология, создание производства и само производство продукта. Причем эта цепочка должна быть очень сбалансирована. Нельзя гипертрофировать то или иное направление, иначе цепочка не заработает и продукт никогда не будет создан.

Когда был Советский Союз, то знаменитая “девятка”, которую называли военно-промышленным комплексом, на самом деле это как раз той долей машиностроительного комплекса страны, которая и создавала наукоемкий продукт, в том числе и вооружения. Но нельзя говорить, что она создавала только одно вооружение и была нацелена на создание оружия. Хотя, конечно, в условиях холодной войны это было одно из приоритетных направлений. Но все-таки, если посмотреть структуру финансирования и структуру построения этого комплекса, то практически армия заказывала только само оружие и получала деньги на это, чтобы заказать.

Все средства, которые нужны были для того, чтобы развить фундаментальную науку, прикладную науку, технологии и производство поступали непосредственно из Госплана, и они не были нацелены на конкретный вид вооружения. Они были нацелены как раз на научно-технический прогресс, на создание спектра технологий, который с одной стороны позволял создавать вооружения, а с другой стороны позволял создавать и общую линию развития наукоемкого продукта. И в какой-то мере в СССР это было сбалансировано.

Я сейчас не буду говорить о том, где мы были впереди, где были позади, не в этом дело. Важно, что работала некая структура, некий механизм нам всем понятный.

Что же произошло сегодня? Сегодня почему-то посчитали, что военный бюджет — это все те деньги, которые ушли в эту “девятку”. И поскольку их еще ограничили 3,5 процентами, то сказали: “Вот эти деньги, которые передаются в Министерство обороны, и на эти деньги будьте добры содержать армию, будьте добры заказать оружие, развивать инфраструктуру, соответствующую науку, технологии и прочее”.

Конечно это, в принципе, сделать невозможно, никто в мире так не работает. Это первый момент. То есть произошло сокращение финансирования наукоемкого сектора промышленности России в 25 раз.

Второе. Мы вошли в рыночную экономику. Вернее нас бросили в рыночную экономику. Что это значит? Это значит, что мы, предприятия должны находить средства инвестировать наукоемкое производство, то есть создание прикладной науки, создание технологий, создание оснастки, необходимое развитие производства из прибыли. Уже государство не обладает теми деньгами, которыми обладал СССР, потому что прибыль, должна

остаться где-то на акционированных или приватизированных предприятиях.

Наша промышленность никогда не работала в рыночной экономике, это понятно. Она совершенно не приспособлена работать в рыночной экономике. С другой стороны, реформы, либерализация цен фактически лишили ее оборотного капитала. Это тоже всем понятно. И прибыли как таковой практически пять или шесть лет нет. Поэтому предприятия сами инвестировать свое производство, свое развитие, не могут на данный момент. Это второй момент.

Третий момент. Мы попали теперь на общий рынок. Теперь нельзя говорить: “Есть внутренний рынок, внешний рынок”. Это уже утопия. Есть общий мировой рынок наукоемкого продукта. И надо сказать, мы попали в такой исторический момент, когда во всем мире происходит серьезнейшая борьба именно на рынке наукоемкого продукта, не только оружия, а именно наукоемкого продукта, и она приводит к резкой концентрации капитала.

Что происходит в Америке за последние пять — шесть лет? В области “финишной” продукции работало больше ста фирм, а сегодня — всего четыре фирмы: это “Боинг”, “Локхид-Мартин”, “Литен-Индастрис” и “Рейтуон”. Всего четыре фирмы, которые поглотили всю область, связанную с авиационной, космической, ракетно-космической электроникой, все информационные технологии, то есть все, что мы понимаем сегодня под наукоемким продуктом. Всего четыре фирмы.

Почему это произошло? Потому что упал военный заказ со стороны Пентагона? Это не так, далеко не так. Действительно, он упал, но главное не это. Главное то, что наукоемкий продукт требует колоссальных инвестиций в технологии, причем в базовые технологии.

Я хочу подчеркнуть слова “базовые технологии”, потому что технология — это очень широкое понятие, любой продукт, который мы создаем, базируется на той или иной технологии. Но есть базовые технологии, которые являются как бы кирпичами, из которых складываются потом все более сложные системные технологии. Это, прежде всего, технологии материаловедения, это знаменитые технологии информатики и базирующиеся на этой информатике микроэлектроника, оптоэлектроника, радиоэлектроника и так далее. Химия, спецхимия, энергетика, энергосбережения — вот ключевые технологии. Они практически присутствуют во всех более сложных технологиях. И все новые качества, которые создаются при создании наукоемкого продукта, лежат именно в этих базовых технологиях. Это не технологии военного или оборонного значения, это технологии именно базовые, “двойного” или “тройного” назначения.

Инвестиции, которые нужно внести в развитие этих базовых технологий, стали чудовищными. Например, чтобы создать современный завод микроэлектроники, нужно вложить от 2,5 до 5 миллиардов долларов. Это стоимость только одного завода. Может ли какая-нибудь отдельная фирма вложить такие деньги? Не может. Поэтому и пошла эта концентрация капитала. Именно борьба за первенство в мире, а не на национальном рынке, заставила американские фирмы пойти на эту консолидацию. Это раз.

Европа, которая оказалась более консервативной, но получила вызов со стороны Соединенных Штатов, тоже начала этот процесс. Он идет, лидером там сейчас является Франция. В какой-то мере Англия, Франция и Германия довольно активно между собой сотрудничают, и сам флаг Объединенной Европы, конечно, позволяет им консолидировать капитал. Они тоже попытаются образовать сверхконцерны, которые как-то должны

противостоять американским сверхконцернам. То есть явно появились две мощные силы — это Америка и Объединенная Европа, которые дерутся на рынке наукоемкого продукта.

Возникает вопрос: а какова же роль России во всем этом деле? Можем ли мы им противостоять? Например, фирма “Боинг”, это сегодня 250 или сколько-то тысяч рабочих мест и годовой оборот более, по-моему, 30 или 40 миллиардов долларов. Я хорошо знаю авиационную промышленность. Если взять все наши авиационные фирмы и сложить, то ничего подобного мы иметь не будем.

Нам брошен вызов, прежде всего, в области наукоемкого продукта, а не в области вооружений. И поэтому сегодня, когда нас выбросили на этот общий рынок, нам, конечно, очень и очень сложно понять на нем свое место.

Отсюда вывод: Россия не может позволить себе самоизоляцию, ту политику самоизоляции, которую проводил Советский Союз. Тогда это было некое замкнутое политическое пространство, соответственно, экономическое и, соответственно, технологическое пространство. СССР создавал весь спектр технологий, которые создавал весь мир, в то время как весь мир кооперирован в области технологий. Нельзя сказать, что есть национальное пространство технологий Соединенных Штатов, национальное пространство технологий Европы. Нет, технологическая база почти везде едина, особенно в базовых технологиях, но в конечном продукте, конечно, идет драка на рынке.

Так вот вопрос: что, продолжать ли нам политику самоизоляции или найти свое место, войти в это мировое технологическое пространство? Это вопрос для высшего политического руководства, вообще общей политики государства. Я считаю, что если мы не войдем в это технологическое пространство, то будем не способны вообще создавать наукоемкий продукт.

Сегодня Россия еще сохранила какие-то, но очень небольшие технологии и с каждым годом их теряет. По ним мы еще как то держимся на мировом рынке. В этих технологиях есть заинтересованность у западного мира. Он готов пойти на сотрудничество в определенных технологических направлениях. Но нужно, чтобы и с нашей стороны было желание пойти на это сотрудничество. По крайней мере, я могу назвать ядерные технологии, технологии материаловедения, энергетические установки. Здесь мы пока еще держимся более или менее на уровне и чувствуем определенный интерес со стороны Запада.

К несчастью, поскольку у нас отсутствует какая-либо законодательная база интеллектуального продукта, нас фактически обворовывают на каждом шагу. Или просто происходит то, что наши люди, которые изголодались, готовы продать то, что им даже не принадлежит. Поэтому идет разворовывание этого национального интеллектуального капитала, и целый ряд технологий уже перетекает просто так, бесконтрольно. Хотя у нас есть Ваасонарские соглашения, мы подписали их, мы пытаемся контролировать технологии “двойного” значения. Но на самом деле в стране механизма нет.

Вот проходит авиационная выставка в Жуковском, и на одном стенде лежит прибор “Помехи системы ЖПС — “Глонас”. Это спутниковые навигации, причем это какая-то частная конторка, которая выпускает эту аппаратуру помех и прямо пишет, что она не контролируется государством и готова заключить контракт на поставку с кем угодно, то есть потенциально с любым террористом. После того как весь мир переходит на эту спутниковую навигацию как на глобальную систему, это равносильно распространению наркотиков, это

недопустимо, но это даже демонстрируется на выставках. Это вызвало резонанс и в прессе: мол Россия торгует оружием терроризма в информационной области. Этот момент очень страшный.

Важно понять, как нам сотрудничать. Мы неплохо вроде сотрудничаем в области фундаментальной науки. Академия наук может похвалиться, что у нее достаточно хорошие связи. Но в области прикладной науки и технологий сотрудничество практически зажато, с одной стороны, старым менталитетом: “мы — сверхдержава”, “мы — передовая страна” или убеждением, что входя в сотрудничество по наукоемким технологиям, “мы продаем страну”, продаем технологии, что нас обязательно обманут, что у нас все это заберут бесплатно и по дешевке. И поэтому все контролирующие органы начинают все это “обрезать”, то есть нас внутри отсекают от сотрудничества в области наукоемких технологий. Это самое страшное. Я считаю, ущерб от этого значительно больше, чем сохранение какой-нибудь государственной тайны в той или иной области технологий, потому что нас просто отсекают от мирового сообщества, от технологических достижений. А если мы не будем сотрудничать, то нам придется все покупать на Западе, нам придется закупать технологии, закупать элементную базу и проч.

Е.М.КОЖОКИН: Если он будет нам это продавать.

Е.А.ФЕДОСОВ: Вы правы, если будут продавать еще. Это первый вывод. Значит, все-таки нужно найти механизм международного сотрудничества. Это говорит Президент, это говорит Премьер-Министр. Все говорят о сотрудничестве. Но на деле сотрудничества у нас просто нет.

Второй вопрос связан с технологическим уровнем ведения вооруженной борьбы. Если посмотреть и проанализировать все, что происходило в последние конфликты, начиная, предположим, с арабо-израильских конфликтов. Конфликт в Заливе, боснийский конфликт, наш чеченский конфликт. Очень характерное сравнение этих разных конфликтов. Что можно сказать про конфликты, которые проходили, ну будем говорить, с применением западных систем вооружений и их тактики? Это, действительно, колоссальная насыщенность информационными системами, это сквозная глобальная разведка, причем, разведка приближается к реальному масштабу времени, когда военные имеют всю картину, так сказать, с запаздыванием информации максимум, там, час — два. Характерна Босния. Самолет “Боинг-707” со станции бокового обзора летал в Адриатическом море, он на расстоянии 150, 200 километров лоцировал как раз ту зону боснийского конфликта, где происходили все эти столкновения. Локатор построен таким образом, с точки зрения фильтрации сигналов (а это в основном технологии высокочастотной микроэлектроники), что разрешающаяся способность обнаружения на таком расстоянии — уже меньше метра. И поэтому все тяжелые вооружения сербов были видны.

Далее. Существует геоинформатика, которая создает хорошую базу данных, цифровых карт, то есть рельефа боснийской зоны. Это все заложено в компьютеры. И поэтому та картинка, которую дает этот локатор, накладывается как текстура на виртуальную объемную реальность объемной цифровой карты. И при этом происходит геодезическая привязка с точностью уже до сантиметра, буквально до сантиметра, тяжелых вооружений сербов. Дальше в течение приблизительно пяти часов готовится полетное задание для томагавков, которые наносят удары и избирательно уничтожают эти точки. То же самое — для ударной

авиации с высокоточным оружием. Причем, что важно: война шла в урбанизированной местности, а, ущерб от нанесения ударов был минимальным.

Теперь картина Чечни. Да, а какая задача была поставлена? Задача поставлена чисто политическая. Задача поставлена — заставить сербов склониться. Там нет задачи разгромить сербов, там нет задачи занять территорию. Там задача заставить сербов пойти на политические решения. Какая задача в Чечне? Такая же. Что, у нас стояла задача захватить Чечню, уничтожить Чечню, уничтожить какую-то там несуществующую армию? У нас тоже была политическая задача. А как мы решили? Разведки в реальном масштабе у нас не было. Информация старела все время. И фактически, мы применяли методы площадного бомбометания, площадного поражения. В результате мы разрушили эту зону и никакого политического решения не добились. И результаты пожинаем до сегодняшнего дня. Это как раз случай состояния технологий, влияния технологий на результат военной операции.

Сегодня характерным является то, что вооруженная борьба строится на принципах дозированного воздействия для принятия того или иного политического решения, а не с целью уничтожения. И эта тенденция началась с арабо-израильских войн. Когда Египет воевал с Израилем, то, фактически, тоже был фактор сдерживания. Это была локальная война с дозированным воздействием, с мощным информационным обеспечением, которые требуют обязательно еще и фактора сдерживания. Поэтому фактор сдерживания был — “Асуанская плотина”. Прямо было заявлено, что если хоть одна бомба упадет на Тель-Авив (а в принципе это было возможно, у Египта было достаточно возможностей, чтобы нанести удар по территории Израиля), Асуанская плотина будет взорвана и уничтожена. Вы понимаете, что такое взорвать Асуанскую плотину. Это снести фактически весь Египет, потому что Египет находится в дельте Нила, там дальше уже пустыня. И поэтому никто не рискнул нанести удары. Но также и Израиль воевал очень избирательно. Ни одной бомбы на Каир и на Дамаск не упало. То есть велись очень такие строго дозированные, очень хорошо продуманные боевые действия, которые исчислялись от нескольких часов до несколько суток. Но при этом добивались политических целей. Более крупномасштабная война в Заливе. Ее цель: заставить вывести Ирак войска из Кувейта. Но ни в коем случае — не задач его разгрома.

Прогресс в области наукоемких технологий меняет не только тактику войны, но и, фактически, приводит как бы к “бескровным” что ли войнам. Интересно, что американцы подсчитали потери, свои людские за время конфликта в Заливе, и они оказались меньше, чем если бы вообще войны не было. То есть, оказывается, только дисциплинированность людей, связанных с военным конфликтом, заставила соблюдать там правила безопасности, и практически потерь не было. Ирак, конечно, понес потери, потому что наносились удары непосредственно по войскам, по центрам управления и так далее, но сама по себе вот эта страна не понесла никаких потерь.

Программа Соединенных Штатов опубликована это так называемый “Джойнт вижэн 2010”. Этот документ направлен именно на это. Он направлен на чудовищное превосходство наукоемких технологий, чтобы практически исключить потери в таких избирательных, дозированных военных операциях при, конечно, наличии мощного сдерживающего фактора. Потому что это все работает, когда конфликт не перестает в крупномасштабную, народную войну или крупномасштабную войну обычного типа, с возможным ядерным исходом.

Поэтому фактор сдерживания — это один из важнейших факторов. Но при этом максимум внимания на информатизацию всех действий. От глобальной разведки, от планирования операций при высоко-точном оружии, вплоть до солдата. Мы с Сергеем Вадимовичем Картуновым были на фирме Хьюз, и нам показывали, что такое солдат XXI века. У него в бронежилете уже есть у него космическая связь, спутниковая навигация, на шлеме оптические ночные прицелы. Фактически он транслирует через эти космические системы на командные пункты информацию о своем положении и обо всем, что он видит перед собой. То есть, фактически, уже управляется не какое-то воинское подразделение, а прямо каждый конкретный солдат уже может управляться от какого-то командного пункта. Это мощная, глубокая информатизация всего и вся. Именно такая оснащенность позволяет получить самые минимальные потери и максимальный эффект достижимости политических целей. При этом, конечно, начинается и новый фактор борьбы, борьба в области информатики. То есть раз уж информационные системы становятся такими глобальными и всепоглощающими, то, конечно, борьба на этом фронте тоже становится новым видом борьбы, может быть, даже более важным, чем борьба в области огневого подавления или поражающего действия взрывчатых веществ. Это уже новый вид борьбы, к которому, конечно, мы не готовы и очень плохо пока в нем ориентируемся.

Я, наверно, очень долго говорю, поскольку пришлось немножко экспромтом выступить. Хочу сказать, что я очень пессимистически смотрю на возможность России сохранить способность создавать автономный наукоемкий продукт. Нужно вырабатывать какие-то приоритеты. Я понимаю, что ядерный приоритет бесспорен. Ядерный потенциал должен быть сохранен любой ценой, иначе сдерживающего фактора вообще не будет. Это я даже вывел бы за скобки. Стратегическая ядерная система должна существовать. Но вот в области обычных вооружений и технологий, связанных с обычными вооружениями, а также наукоемкого продукта на рынке, должны быть выработаны какие-то приоритеты. Нельзя одновременно поднимать авиацию, космонавтику, автомобилестроение и так далее. Где-то должны быть выработаны приоритеты, как это делала Япония и другие страны.

Даже Соединенные Штаты, которые сегодня являются наиболее богатой страной, фактически тоже держат определенные приоритеты. Они, например, в области бытовой электроники практически все свернули, у них нет бытовой электроники, все отдали Корее и Японии. А сами занимаются только военной электроникой. И то не все там делают. В основном микропроцессоры. Память они тоже используют японскую, используют много европейских разработок. То есть существует определенная политика приоритетов. У нас этой политики нет. Значит, нужно вырабатывать политику приоритетов и по ним, должны быть созданы такие условия, чтобы страна завоевывала рынок в этом секторе приоритетов, потому что рассчитывать, что бюджет страны накормит наукоемкую промышленность — это утопия. Мы только из рынка можем черпать эти средства. Значит, надо завоевывать рынок. Здесь должна быть и политика Президента и экономическая политика Правительства, и работа самих предприятий. Тогда, может быть, мы где-то сумеем удержаться. Если мы эти приоритеты утвердим, то это даст нам возможность интегрироваться в мировую экономику в виде наукоемкого продукта.

С.В.КОРТУНОВ: Спасибо, Евгений Александрович, за, как всегда, блестящее выступление. Хотя, как Вы говорите, оно было экспромтом на самом деле, я думаю, что оно глубоко продуманное.

А.В.МЕНЬШИКОВ: Основная проблема не в том, чтобы найти оптимальную стратегию, а в том, чтобы ее можно было реализовать. Умных мыслей очень много, и они не новы, но фактически сейчас даже очевидные вещи, не реализуются.

Основная трудность мне кажется в том, что для того, чтобы у нас сейчас и в будущем было нормально, у нас должно быть самонастраивающееся общество, которое адаптируется к проблемам и обеспечивает их решение. В целом, должен быть создан механизм, обеспечивающий нейтрализацию негативных тенденций. То есть должен быть механизм обеспечения обнаружения негатива, разработки стратегии его парирования и, наконец, реализации этой стратегии.

Мне кажется, главная проблема России — это существующий механизм безответственности исполнительной власти, который должен быть сломан. Без его разрушения невозможно устойчивое развитие вообще. Поэтому главный ключ нашего будущего лежит в реформировании политической системы обеспечения большей демократии и создания механизма ответственности власти перед народом и обществом. Ключ один: пока власть не будет отвечать за свои действия, сколько бы мы здесь не написали стратегий, все будет бессмысленно.

С.А.МОДЕСТОВ: У меня совершенно специфическое и конкретное выступление. Поскольку в последнее время я занимался изучением противника и сейчас, будучи в аппарате Совета обороны, этим занимаюсь, естественно, что эта тема и была мне предложена как один из возможных аспектов нашей сегодняшней беседы. Тема была обозначена следующим образом: “Анализ взглядов на формы и способы применения вооруженных сил и характер будущей войны в целом”. При этом я, конечно, буду опираться, прежде всего, на взгляды нашего вероятного противника — Соединенных Штатов — это проще всего. Там военно-стратегическая мысль очень живо и энергично ищет ответы на эти вопросы. Информационная среда позволяет получить эти материалы и обратиться к мнению наших американских партнеров.

Характер войны — понятие очень широкое. В него входит очень много различных вопросов, черт, которые определяют войну: кто именно и когда примерно может выступить в роли инициатора войны, против каких вероятных противников, какие цели политические и стратегические могут быть поставлены в войне, какой масштаб и размах она приобретет, каким именно образом она будет развязана, какое оружие будет применяться, в каких формах, какими способами будет вестись, чем закончится, как долго будет продолжаться и так далее. Вопросы периодизации войны, много других вопросов.

Я все не успею, конечно, осветить в выступлении сегодня. Поэтому предлагаю ограничиться, во-первых, вопросом о вероятных противниках и возможных сценариях развития конфликтов с ними. Мне кажется это достаточно интересный вопрос: кого, все-таки, американцы, видят в качестве вероятных противников.

Во всех документах само собой, но даже и в беседах, они всячески уходят от конкретного перечня стран, хотя на самом деле в недавнем докладе по состоянию разведки и контрразведки США был указан перечень наиболее опасных стран (правда, в несколько иной плоскости — в плоскости разведки). В личных

беседах с улыбкой говорят о bad guys (“плохих ребятах”). Подразумевают под этим совершенно конкретные страны, а в “Национальной разведывательной оценке” совершенно точно указаны эти страны. Но этот документ пока засекречен. Сейчас же рассекречиваются документы такого рода начала 50-х годов. Поэтому мы вряд ли его увидим.

Но характерно то, что, помимо попадающих в открытую печать традиционно враждебных Ирака, Ливии, Северной Кореи, Ирана, Кубы, все чаще источниками военной угрозы и будущих военных конфликтов в США называют негосударственные террористические группировки. Для России открытое силовое противостояние США, НАТО или более широкого международного альянса и такой группировки, действующей на нашей территории, означает на самом деле прямое вмешательство и сталкивает нас лоб в лоб с Соединенными Штатами.

Возможность такого вмешательства американцами предусматривается под благовидным предлогом обеспечения дополнительных гарантий безопасности ядерных объектов, объектов и предприятий с сильнодействующими ядовитыми веществами в случае резкой деградации внутривосточной обстановки в России и, якобы, для обеспечения международной безопасности. Но, в любом случае, это будет все-таки военный конфликт с Россией.

Инициатором войны, по взглядам американских и других зарубежных экспертов может оказаться в таком случае та же самая преступная организованная группа, которая способна таким образом втянуть государство сначала в некий вооруженный конфликт, разрастающийся затем до масштабов полномасштабной войны.

Война может быть развязана, по взглядам американцев, и мощным региональным соперником, готовым нанести удар по соседней территории, богатой нефтью стране. Этот сценарий детально проработан, рассматриваются варианты, когда захватчики быстро расправляются с армией этой страны, переходят к обороне, ожидая ответных действий со стороны вооруженных сил США. В целом, при высказанном ранее комментарии в адрес военно-стратегической мысли США должен сказать, что она бьется в очень тесных рамках и варьирует довольно примитивно. На самом деле, помимо хорошо известного, отработанного, отыгранного сценария ничего нового особенно она не предлагает. В данном случае видна хорошо схема, опробованная в 1990-1991 годах в зоне Персидского залива.

Кстати сказать, в Академии Генерального штаба весной этого года было проведено моделирование возможного исхода этой самой схемы. Был проведен виртуальный эксперимент возможного исхода операции в зоне Персидского залива в трех различных альтернативных сценариях. И вот какой получился любопытный вывод. В первом случае был рассчитан ход и исход проведенной многонациональными силами наземной операции по первому варианту замысла — нанесение фронтального удара силами 7-го и 3-го армейских корпусов. Это то, что они первоначально задумывали.

Во втором случае было проведено ретроспективное моделирование более решительных действий иракской стороны против межнациональных сил, то есть превентивное начало фронтальной операции в реальном оперативном построении группировки иракских войск, когда вперед были выдвинуты пехотные дивизии, а мобильные силы, танковые соединения для контрудара находились во втором эшелоне. Такая группировка, в принципе, была явно предназначена для ведения пассивных, оборонительных действий.

В третьем случае было смоделировано принципиально иное построение той же самой группировки, при котором все танковые и механизированные соединения, 3-я, 6-я, 12-я, 17-я и 19-я бронетанковые дивизии вместе с 31-й, 16-й, 5-й и 1-й мотопехотными, наиболее боеспособными дивизиями из первого эшелона, наносили мощный рассекающий удар смежными флангами 7-го и 3-го иракских корпусов.

Виртуальное исследование показало, что в обоих первых случаях вооруженные силы Ирака должны были бы понести поражение. Однако третий вариант действий открывал перед Ираком совершенно иную перспективу — разгром основной группировки многонациональных сил был бы в таком случае практически неминуем.

Сами американцы сейчас все более критически относятся к опыту в Персидском заливе, все более осторожно и взвешенно призывают отнестись к этой модели развития военного конфликта в будущем и все более осторожно пытаются проецировать черты той войны, того конфликта на возможные войны XXI века.

Продолжаются споры об иных вариантах развития военных действий в зоне Персидского залива. Журнал “Флайт”, в частности, писал в прошлом году: “Если бы сценарий, с которым союзники вышли на Средний Восток, нарушил бы Саддам Хусейн, продолжив движение своих танков на юг в восточную часть Саудовской Аравии, то доступ многонациональных сил в Кувейт, а также к аэродромам и портам выгрузки был бы закрыт. Война приобрела бы тогда совершенно другой характер — с надеждой лишь на корабли, палубную авиацию и морские десанты”. Тем не менее, теория, военно-стратегическая мысль США крутится все время возле событий семилетней давности в зоне Персидского залива и “танцует только от этой ближневосточной печки”.

Итак, перечислим кратко возможных противников по американским взглядам. Это субъекты пяти различных категорий. Первая группа — главные, соизмеримые по силам конкуренты, державы, способные использовать все преимущества технического прогресса. С невысокой степенью достоверности можно предположить, что к 2020 г. в таком качестве могли бы оказаться Китай и Россия. Еще менее вероятно, что, даже оказавшись в таком качестве, та или другая страна пожелает воспользоваться этим (во всяком случае, в отношении США). Нападение США на такую страну тоже минимальное, абсолютно нулевое. Вероятность такой страны вступления в военный конфликт с третьей страной весьма высокая в силу обязательств перед этими третьими странами. И таким образом может втягиваться и Россия, и США.

Вторая группа противников по американским взглядам — региональные державы, соперники, занимающие преимущества по некоторым аспектам военно-технического противостояния. Здесь тоже вероятность невысока.

Третья группа — это наиболее опасные, по взглядам американцев, слабые ядерные державы, где в случае серьезной дестабилизации и предполагается нанесение избирательных, хирургических ударов с целью ликвидации ракетно-ядерных средств, представляющих угрозу для США, ввиду возможной утраты контроля над ними со стороны даже лояльно относящихся к Соединенным Штатам правительств.

Но наиболее вероятным противником, помимо неядерных стран (четвертая группа), являются всякие негосударственные террористические образования. В отношении этой, пятой группы речь, правда, идет не о войне, а о враждебных действиях в форме отдельных террористических и диверсионно-подрывных акций.

Второй вопрос, который представляется мне особенно актуальным — о возможном применении ядерного оружия. Кстати говоря, вчера, если кто-то пропустил, в печати прошло сообщение о новой ядерной стратегии США. Американцы считают допустимым применение ядерных средств против страны, применившей химическое и биологическое оружие. То есть существенно понижается порог принятия решения. При этом было сообщение о директиве Президента о расширении перечня целей, в частности, на территории Китая. Вот еще один вероятный противник, прямо указанный, и страна, против которой могут применить ядерное оружие. Недавние иракские события показали, что Соединенные Штаты готовы пойти и в этом регионе на такой вариант развития событий, с применением ядерного оружия.

Вообще говоря, сегодня кем-то из коллег была высказана мысль о все менее вероятной возможности применения ядерного оружия. Я думаю, что в секретных разработках (и не только американских) вопрос все чаще ставится о возможности применения тактического ядерного оружия, и это достаточно реально. При всем страхе перед экологическими последствиями и несмотря на появление, как уже многократно говорилось, высокоточного оружия, по эффективности приближающегося к ядерному оружию, вопрос о применении ядерного оружия не снят.

В-третьих, позволю себе чуть более подробно остановиться на тех чертах возможной войны XXI века, которые обусловлены нарастающей информатизацией вооруженной борьбы. У Винна Швартау (крупный эксперт, исследователь в области информационной войны) я нашел очень интересный сценарий и концепцию глубокой обороны в информационном противоборстве, которые прорисовывают черты войны будущего. Прогноз Швартау совпадает, в принципе, с общим сценарным прогнозом такой войны, который предлагают другие американские стратеги. Война, по их предположению, начинается в D-180 (за полгода до начала открытой конфронтации) нанесением предварительных информационных ударов.

Далее, уже после достижения информационного господства возможно нанесение ракетных ударов с применением обычных и химических боевых частей.

С начала войны (день “D”) и до седьмых суток военных действий (D+7) осуществляется высадка воздушных десантов, проводятся мероприятия по предотвращению возможного военного вмешательства третьих стран. На D+7 вообще возможно прекращение боевых действий и выдвижение инициатив по завершению конфликта.

При осуществлении специального воздействия на информационный ресурс противника согласно концепции глубокой обороны в информационном противоборстве американские стратеги планируют решать оперативные задачи дезорганизации системы государственного и военного управления, подрыва экономического, военно-экономического потенциала, ведения разведки.

Содержание такого организованного и спланированного воздействия будут составлять массированные, групповые и одиночные программные удары, специальные операции и систематические действия по выявлению данных о наиболее важных объектах информационного ресурса, заблаговременному установлению скрытого контроля над информационным ресурсом противника с целью его перераспределения и/или поражения (либо хотя бы создания угрозы информационному ресурсу противника для удержания его от аналогичных действий в отношении информационного ресурса данной стороны).

Однако обращение к специальному воздействию против объектов информационного ресурса противника ставит нас перед очень сложным выбором. Во-первых, трудно будет определить, к какому виду действий относится такое воздействие — к обороне или наступлению. Другое осложнение связано с неясностью, к какому именно уровню относятся проводимые мероприятия специального воздействия — тактическому, оперативному или стратегическому. Стираются различия между такими традиционными атрибутами общевойсковых операций, как фронт и тыл (воздействие осуществляется на всю глубину информационной инфраструктуры противника — от объектов информационного ресурса в составе войск первого оперативного эшелона в исходных районах до объектов информационного ресурса в глубоком тылу противника (на континентальной части США, например). Наконец, весьма неопределенной оказывается грань между войной и миром.

Основной замысел концепции глубокой обороны в информационном противоборстве состоит в обеспечении устойчивости информационного ресурса в условиях специального воздействия противника, ограничение его масштабов и эффективности путем создания угрозы полномасштабного применения заблаговременно развернутой группировки сил и средств специального воздействия на информационный ресурс противника.

Таким образом, американская сторона пришла к мысли о возможности дополнения ядерного сдерживания и сдерживания силами общего назначения и неядерными средствами также и этими специальными средствами, заблаговременно внедряемыми на объекты информационного ресурса противника.

Перечислю кратко основные проблемы организации глубокой обороны информационного ресурса:

- своевременное и возможно более полное вскрытие замысла противника на нанесение первого массированного программного удара и, прежде всего, направления его главного и других ударов;
- создание оборонительной группировки сил и средств специального воздействия в глубоком оперативном построении с неременным развертыванием передового эшелона управляемых программных и аппаратных закладок непосредственно на объектах информационного ресурса противника;
- создание множества концентрических рубежей защиты, прикрывающих объект на рабочих местах пользователей, в сетевых серверах, в пунктах сопряжения внутриведомственных сетей с Интернетом. На этих рубежах развертываются основные эшелоны группировки сил и средств прикрытия информационного ресурса, включая программные комплексы детального просмотра входящих и исходящих информационных потоков, типа “Сайдуиндер”, уже сейчас применяемые в США;
- восстановление нарушенной информационной инфраструктуры путем заблаговременного дублирования, резервирования ключевых объектов информационного ресурса и связывающих их линий коммуникаций. Это самый последний, тыловой рубеж или эшелон защиты информационного ресурса.

Еще одна проблема — повышение активности обороны объектов информационного ресурса как одно из главных условий обеспечения его устойчивости. В Соединенных Штатах принят в прошлом году новый боевой устав FM 100-6, который так и называется “Информационные операции”. Я думаю, что именно

этот образ войны будущего особенно опасен. Хотя сразу скажу, кому больше всего надо бояться — “живущему в стеклянном доме, не следует бросаться камнями”. Американцы оказываются в наиболее уязвимом положении в такой ситуации. Но, тем не менее, технику вычислительную закупаем у них мы, а не они у нас, поэтому мы тоже достаточно уязвимы.

Отмечу в заключение важнейшие особенности будущих войн, как они видятся военным экспертам ведущих зарубежных стран:

1. Непрерывное возрастание важности фактора времени и повышение роли информационного противоборства. В результате на первый план будут выходить такие стратегические задачи, как подавление системы государственного и военного управления, завоевание превосходства (господства) во всех сферах вооруженной борьбы.

2. Понижение порога неприемлемости вероятного ущерба, что означает, что активные действия нападающей стороны могут быть начаты с наиболее мощного первого внезапного удара по наиболее опасным объектам противника (например, ракетно-ядерным и авиационным средствам поражения). Фаза огневого воздействия может быть значительно увеличена — до полной уверенности агрессора в полном разгроме или подавлении сил и средств противника.

3. Повышение роли высокоточного оружия, которое с момента начала нападения будет применяться массированно всеми видами вооруженных сил на всю глубину оперативно-стратегического построения противника с минимальной угрозой причинить масштабный экологический успех, от которого может пострадать нападающая сторона.

4. Усиливается тенденция уничтожения противника не входя с ним в прямой контакт. Будет и далее реализовываться концепция поражения вне зоны поражения, когда воздушный и морской носители, проводя пуски ракет с высокоточным наведением, будут находиться вне зоны воздействия средств поражения противника.

5. Космос может стать самостоятельным театром военных действий. Будут предприниматься настойчивые усилия с целью размыть существующую международно-правовую базу, запрещающую использовать космическое пространство в военных целях. Основным средством контроля космического пространства, а также нанесения ударов по наземным объектам могут стать лазеры космического базирования.

6. Всемирное стремление американцев применять такие способы и формы военных действий и использовать такое оружие и военную технику, которые позволят добиваться успехов “малой кровью”, подчас за счет затягивания времени, планируемого для проведения операции.

7. Обновленные сухопутные войска, скорее всего, станут существенно меньшими по численности, более мобильными, скрытными и автономными. Большая их часть будет находиться на передовых рубежах (на заморских территориях, максимально далеко от территории метрополии). Действовать эти войска будут небольшими формированиями, без сплошных линий фронта, рассредоточенно. При этом за счет отлаженного взаимодействия, эффективных систем управления и связи подразделения сухопутных войск смогут быстро сосредотачиваться в нужном месте.

8. Резко возрастут интенсивность и мощь огневого воздействия на войска и население, что неизбежно приведет к экстремальным нервно-психологическим перегрузкам и ослабит способность к сопротивлению. Соединение огневого, радиоэлектронного, информационного и иных (вплоть до

ядерного) способов воздействия будет обеспечивать мощный синергетический эффект, гарантирующий достижение цели войны.

9. Заведомо более богатые Соединенные Штаты будут все чаще предпочитать стратегию измора стратегии сокрушения. В войне, наряду с вооруженными силами и собственно военными способами достижения цели, все более активно будут использоваться иные способы и средства (экономические, информационные и т.д.).

10. США будут и впредь пытаться вступать в вооруженную борьбу в составе коалиционных группировок или предпочитая ведение войны “по доверенности” (per procura), что позволило бы использовать их военно-технические возможности, предоставляемые союзникам, и уберечь одновременно свой личный состав от излишних потерь.

Тем не менее, зарубежные военные аналитики признают, что даже более слабая противоборствующая сторона — обычно жертва агрессии, располагающая, как правило, устаревшими В и ВТ, может достаточно долго продержаться в будущей войне и даже устоять в ней при обязательном наличии высокого морального духа ее вооруженных сил и народа, при благоприятных физико-географических условиях, ограничивающих эффективность применения современного оружия.

В целом, вероятность военных конфликтов в первой четверти XXI века можно оценивать как невысокую, но вполне реальную, особенно с участием менее развитых агрессивно настроенных стран и различных террористических негосударственных группировок. В случае ухудшения общей политической обстановки в мире и его отдельных регионов опасность войн может заметно возрасти. Практически во всех конфликтах будут участвовать США и наиболее развитые зарубежные страны (пусть не сразу, а на последующих, миротворческих этапах). В таком же положении может оказаться и Россия, которой придется играть более активную миротворческую роль в зонах ее жизненно важных интересов.

В случае наиболее пессимистического прогноза, предполагающего серьезный внутривнутриполитический кризис в России с массовыми гражданскими беспорядками, деградацией власти и развалом вооруженных сил, наша страна сама может подвергнуться ограниченному военно-силовому воздействию из-за рубежа с целью обеспечения минимальных гарантий безопасности мирового сообщества.

М.В.РАЦ: Года три назад мне пришлось участвовать в рабочей группе, заниматься стратегией устойчивого развития России. Нам за это дело заплатили по 700 тысяч рублей. Одного из участников группы английский коллега попросил поделиться результатами разработок и, получив черновые материалы нашей концепции, получил за это от английского правительства 500 тысяч фунтов для развития работы в этом направлении. Я утверждаю в совершенно категорической форме, что до тех пор, пока у нас будет господствовать такое отношение к интеллектуальной работе, которая имеет место сегодня, все разговоры о развитии России останутся болтовней. Это есть первый и основной тезис.

Теперь по содержанию. Григорий Сергеевич Хозин очень красивую схемку нарисовал, где фигурируют методологические мировоззренческие основания всего дальнейшего. Я думаю, что начинать надо именно с выполнения этого блока, поскольку мы очень много говорим о необходимости пересмотра нашего мировоззрения, наших подходов ко всему происходящему, о

необходимости изменения парадигмы. Но дальше разговоров дело не идет. Никаких новых подходов, никаких новых парадигм, никакого нового мировоззрения не предлагается.

Значит, первая, по-видимому очень краткая часть той работы, которую мы запланировали, должна содержать характеристику этих новых подходов и новых представлений.

Далее. Я бы обратил особое внимание на различия между стратегией развития и тем большим проектом, о котором говорил, кажется, Александр Сергеевич. Стратегия отвечает не только и не столько на вопрос о том, чего мы хотим, сколько на вопрос о том, как мы будем достигать желаемого состояния. И в этом, собственно, и состоит отличие стратегии от идеала. Идеал, конечно, нужен, но представляется, что основной упор надо делать не на детальную прорисовку этого идеала, а на отвечание и развертывание ответов на вопрос о том, как и за счет чего мы будем двигаться в намечаемом направлении.

В связи с этим важнейшее значение приобретают рамки развития, которые мы можем и должны обсуждать. И в качестве таковых мыслится три рамки. Первая — это рамка диалога. Вторая — рамка права. И третья — рамка конституционного патриотизма в отличие от этнонационального патриотизма.

Последний общий момент, который мне представляется принципиально важным, это проведение границы между федеральной стратегией развития, с одной стороны, и региональными и отраслевыми программами развития, с другой стороны. Поскольку, если мы пойдем по пути централизованного, регламентированного развития, скажу я тогда уже в кавычках, всей страны сверху до низу, то никакого развития не будет, поскольку развитие по принципу мыслится как процесс прежде всего локальный. Развиваются регионы, развиваются сферы деятельности и по совокупности этих локальных процессов развития происходит развитие страны в целом. Поэтому здесь очень важно не перестараться, хотя я полностью согласен с тем, что говорил Александр Владимирович Меньшиков о реализации этой стратегии. Но очень важно не перестараться и, так сказать, оставить необходимую степень свободы для субъектов Федерации и различных сфер деятельности.

Я, к сожалению, не был на прошлом обсуждении, где речь шла, как я понимаю, о глобальных тенденциях современного мира. Некоторые отзывы этих разговоров звучали сегодня. Поэтому я просто в порядке перечисления назову те мировые тенденции, которые казались мне важнейшими до ознакомления с материалами предыдущей дискуссии. Я еще стенограммы не видел. И при этом я заметил бы, что среди бесконечного множества разнообразных тенденций современного мира мы выделяем те или другие, в зависимости от собственного самоопределения, в зависимости от собственных идеалов и ориентиров того движения, которое мы планируем. Поэтому, естественно, что разные исследователи выделяют разные тенденции. Так вот мы бы говорили о таких.

Первое — это взаимодополняющая тенденция глобализации и регионализации, это две стороны одной медали, это две тенденции, в результате которых происходит вроде бы то самое становление человечества из человеческого рода, о котором писал в свое время Н.Бердяев.

Вторая — это повышение плотности потока инноваций, сокращение продолжительности их жизненного цикла, требующее повышенной гибкости объемлющих систем деятельности обеспечивающих их инфраструктур.

Третье — это перенос центра тяжести исследований и разработок из области объектно-ориентированных наук в сферу наук, изучающих мышление и деятельность. Основной упор — не

на изобретения и обязательно что-нибудь новенькое в материале, а на внедрение, как у нас принято говорить, того, что уже изобретено или того, что изобретается сейчас.

И последняя, обобщающая в некотором смысле тенденция — интеллектуализация, диверсификация деятельности. Я повторяю, в порядке перечисления это, очевидно, как-то будет откорректировано с учетом прошлой дискуссии.

Теперь. В целом раздел видится, как состоящий из трех частей. Первое — это категориальные основания нашей работы. Второе — Самоопределение и политика России, где обсуждаются ценности, идеалы, ориентиры, принципы и нормы российской политики развития соотношения внутренней и внешней политики. И третий раздел — это ресурсы и механизмы развития.

Теперь я перешел бы к краткому обзору сегодняшних выступлений. Прежде всего, хотел бы поблагодарить всех выступавших, потому что материал, конечно, очень богатый и во многом облегчает, хотя, с другой стороны, затрудняет предстоящую работу. Что бы мне хотелось по этому поводу сказать?

Первое. Что касается информационного общества, то я, Алексей Викторович, готов с Вами за рамками регламента специально подискутировать по этой теме, поскольку взялся бы защищать тезис, что информационное общество есть не более чем метафора, за которой не стоит ровным счетом ничего, если не считать информатизации, компьютеризации и прочего, что, конечно, очень важно и что надо иметь в виду. Но тем не менее вроде бы информационное общество не тот идеал, к которому следовало бы стремиться. Но, повторяю, это только моя частная точка зрения, надо просто всерьез этот вопрос обсуждать.

Меня очень порадовал тезис Александра Сергеевича Панарина насчет потенциала России, который огромен, но не востребован. Надо сказать, что это тот основной тезис, с которым мы выступаем, который мы разворачиваем. У нас по этому поводу довольно большая работа уже была проведена здесь, в рамках здешнего семинара, и результаты частично публикуются. Из этого тезиса следует один вывод, который, к сожалению, здесь не прозвучал. Касается он того, что необходимо в корне менять ресурсную политику государства или, может быть, точнее сказать, создавать ресурсную политику, которой сегодня нет.

Полностью согласен с тезисом Александра Ивановича Неклессе по поводу инновационного потенциала или, как еще говорят, человеческого капитала России. Думаю, что это как раз то, на что и нужно делать основную ставку. И в связи с этим, к сожалению, только краем задетая тема о системе образования в России, представляется мне одной из важнейших в рамках стратегии развития.

Принципиально важный тезис Евгения Михайловича Кожокина насчет того, что, прежде всего, нам надо меняться. Это, на мой взгляд, вообще есть ключевой момент любой стратегии развития. Эта установка, прежде всего, на собственное развитие, не на то, что мы будем развивать какого-то там дядю, страну или общество, в том числе и нашу страну, и наше общество, прежде всего, должны развиваться мы сами. Если сами мы развиваться не будем, то тогда все остальное опять же останется разговорами.

Очень задела меня идея насчет преодоления собственной великой культуры, карамазовщины. Это, конечно, не то, что можно обсуждать в рамках отведенных 20 минут, а тема специального разговора.

Евгений Александрович, мне безумно понравилось Ваше выступление, но я бы взялся с Вами поспорить на тему об этой знаменитой триаде: наука — техника — производство. У меня

есть такое подозрение, что эта триада является реликтом марксистского мировоззрения, и ее давно пора поменять на другую или на примерно ту, которая господствует, насколько я понимаю, в Японии и начинается не с науки, а начинается с программирования и проектирования того, чего мы хотим. А наука используется там и тогда, где в этом возникает необходимость для реализации намеченных программой проектов. Вот такая схема в отличие от триады: наука — техника — производство приводит в результате не только к производству, его совершенствованию и росту, но еще и к развитию, которого в предыдущем случае не было.

Чрезвычайно важное, на мой взгляд, соображение Ваше по части политических задач Вооруженных Сил и целей не уничтожения противника, а принуждения его к тем или иным политическим решениям, которые полностью входят в контекст всех наших предыдущих наработок. Кстати говоря, напрямую переключаются с тезисом Александра Ивановича Владимирова насчет стратегии не прямых действий, поскольку, если в этом пункте переходить от войны к миру, то, допустим, формирование рыночного хозяйства, по-видимому, требует в первую очередь заботы о гражданском обществе и правовом государстве. Рыночное хозяйство тогда более или менее естественным образом сформируется в противоположность той стратегии, действий в лоб, которой мы пользовались до сих пор, и которая привела к тому, к чему она привела, и что мы сейчас имеем.

С.В.КОРТУНОВ: Завершая наше довольно долгое совещание, хотел бы отметить, что тему мы в течение этих трех интенсивных часов, конечно, не исчерпали. Видимо, придется собираться еще не раз, тем более, что интерес к данной проблематике огромный. И это признак того, что все-таки рано или поздно стратегия у России появится. Я имею в виду стратегию развития.

Х. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Стенограмма совещания, проведенного в аппарате
Совета обороны РФ. Москва, 23 декабря 1997 г.*

С.В.КОРТУНОВ: Сегодня мы проводим очередное совещание в рамках нашей работы по подготовке военной доктрины и концепции военной реформы. Тема совещания: “Войны, военные конфликты и оружие XXI века”. Для участия в нем мы пригласили наших крупнейших специалистов — и военных, и из оборонной промышленности, и дипломатов, и представителей других ведомств.

Для начала я хотел бы продемонстрировать небольшой ролик, который был подготовлен фирмой “Хьюз”. Он называется “Солдат XXI века”.

Евгений Александрович, может быть, Вы кратко прокомментируете?

Е.А.ФЕДОСОВ: Здесь заложена идея максимальной информатизации солдата. Его оснащение включает ночные прицелы, спутниковую навигацию и связь. Причем демонстрируется способность передачи изображения от каждого солдата по каналу связи на командный пункт. Одновременно он ориентируется в едином пространстве, в котором решается та или иная боевая задача. У него в ранце расположена радиостанция, спутниковая навигация, ночной прицел. Все это завязано в единую информационную систему. Часть элементов расположена в бронежилете и играет роль дополнительной индивидуальной защиты.

Он фактически работает с компьютером. Он видит карту. У него свои координаты. Ему можно дать целеуказание с командного пункта, поставить боевую задачу, выдать вспомогательную информацию. Изображение с компьютера проецируется собственно на цель. Видите, он передал изображение танка командиру и вот артиллерия уже работает, поскольку она привязана в единой системе координат.

С.В.КОРТУНОВ: То есть прицел работает как передающая телекамера.

Е.А.ФЕДОСОВ: Да, как телекамера — на командный пункт. Главное — это навигация, связь и изображение, завязанные через компьютер в единую систему. Фактически он работает в виртуальном пространстве.

С.В.КОРТУНОВ: Сразу хочу сказать, что всего этого пока у американцев нет. Это лишь проект. Но он дает представление о том, как наши оппоненты и партнеры представляют себе конфликты и оружие XXI века, по крайней мере, в плане индивидуального оснащения военнослужащих. Но сегодня у нас будет разговор, наверное, о более широком спектре проблем, связанных с войнами и оружием XXI века.

А.Ф.КЛИМЕНКО: Вам, очевидно, известно, что на Генеральный штаб была возложена задача по разработке проекта военной доктрины. И, естественно, в процессе этой работы нам пришлось вплотную столкнуться с проблемой войн, военных

конфликтов и вооруженных конфликтов. Мы обнаружили в процессе работы, что говорим на разных языках. Нам пришлось во многом перестроить свою работу, провести даже небольшую научно-исследовательскую работу для того, чтобы построить какую-то систему, базовую систему терминов, основываясь на которой можно было бы понимать друг друга.

Мы шли от понятия конфликт, военный конфликт. Если конфликт — это любое столкновение интересов разных социальных, социально-политических субъектов, то военный конфликт — это тоже столкновение, но уже с применением военной силы. На этой схеме мы показали всю совокупность военных конфликтов и всю терминологию, которая употребляется для отражения содержания этих конфликтов. Основа состоит в том, что все военные конфликты можно условно поделить на две части. Первая часть — это та, которая не достигает состояния войны, и государство не переводится в это состояние. И вторая часть — это война, которая, в свою очередь, делится по масштабу и другим характеристикам на локальную, региональную и мировую войну. Кроме того, мы попытались совместить наше понимание системы военных конфликтов с тем, что имеют в виду под этими терминами за рубежом. Хотя и несколько условно, но совместить понятийный аппарат можно.

Второе, что важно было для доктрины. Эти качественные определения мы выводим на определенные количественные оценки. Когда мы говорим о вооруженном конфликте, понимая под этим различные инциденты, различные военные акции, приграничные столкновения и так далее, то мы говорим, что вооруженная борьба ограничивается пределами одного операционного направления. Я затем поясню, что имеется в виду под этим. Когда мы говорим о локальной войне, то она ограничивается пределами одного-двух стратегических направлений. Война региональная ограничивается пределами одного региона и распространяется на большую часть континента и прилегающие к нему морские пространства. Так вот, когда мы в военной доктрине говорим, что в настоящее время возможны войны локальные и вооруженные конфликты, то Генеральный штаб, планируя строительство Вооруженных Сил, четко себе представляет, что такое операционное направление, что такое стратегическое направление, что такое регион. Стратегические и операционные направления имеют такой показатель, как емкость, то есть количество соединений, которое может действовать на том или ином направлении в зависимости от его географических характеристик. В этом состоит смысл этого понятийного аппарата и на нем базируются многие другие понятия, используемые в военной доктрине.

Классификация военных конфликтов — это тоже процесс не новый, и советская военная наука базировалась на определенных показателях, когда говорили о военных конфликтах. Но в данном случае для разработки военной доктрины нам была важна социально-политическая характеристика войны и стратегический характер войны. Социально-политическая характеристика войны осуществляется по таким критериям, как отношение к международному праву, по типу противоречий, по социально-политическому составу, по характеру их политических целей. В чем здесь новизна по сравнению с прежними подходами? Раньше мы говорили, что несправедливые войны, это те, которые противостоят классовым интересам пролетариата, и те, которые мешают общественному прогрессу. Теперь мы в основу классификации заложили такие признаки, как отношение к международному праву и национальным интересам. Мы считаем, что войны могут быть

справедливыми, если соответствуют нашим национальным интересам и не противоречат международным правовым нормам.

Далее, по социально-политическому составу. Наряду с войнами межгосударственными и гражданскими появился такой новый тип, как надгосударственные. Тут требуется немного пояснить. В соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, под эгидой Совета Безопасности могут создаваться группировки вооруженных сил, которые могут вести вооруженную борьбу, вести военные действия с целью восстановления международного мира или поддержания этого мира. Примером таких войн является и корейская война 1953 года, и более ярко выраженный конфликт в Персидском заливе. Это новое, что здесь появилось.

И, естественно, по характеру политических целей. Были не только захватнические, освободительные войны, но и войны с целью восстановления международного мира. Это тоже новое.

И, наконец, третий слайд, где показана вся система терминов, которые употребляются в военной доктрине из области конфликтологии. Сущность этой системы в том, что здесь мы показываем состояние военно-политической напряженности обстановки или уровень напряженности этой обстановки. Здесь мы показываем процесс развития конфликта, основные его этапы от зарождения до восстановления мира. И анализируем соответствующее содержание военных конфликтов, то есть совокупность различных средств — мирных, военных и других, которые применяются в процессе разрешения военного конфликта.

Немного поясню. Первое состояние — это вызов. Это состояние характеризуется совокупностью условий, которые приводят к зарождению военного конфликта. Затем — состояние риска. Потом мы говорим о потенциальной военной опасности и непосредственной военной угрозе. Вот четыре состояния, которые характеризуют уровень напряженности международной обстановки. Этим состояниям соответствуют: зарождение конфликта, его обострение, кризисное состояние, когда возможно или разрешение конфликта мирными средствами, или дальнейшее его развитие вплоть до военных действий. В принципе, это закономерность развития военного конфликта. Причем состоянию военно-политической напряженности соответствует определенное состояние Вооруженных Сил, характеризуемое соответствующей степенью боевой готовности.

А.А.КОНОВАЛОВ: У меня вопрос: будьте добры, объясните, какая разница между военными конфликтами и вооруженными конфликтами?

А.Ф.КЛИМЕНКО: Определение здесь дано. Под военным конфликтом понимается любое военное столкновение. Как форма разрешения противоречий он включает как вооруженные конфликты, так и войны. Но военные конфликты бывают различными по масштабам и применяемым средствам. По этим признакам все военные конфликты делятся на вооруженные конфликты и войны. Вооруженный конфликт отличается от войны масштабами, количеством применяемых сил и средств. Мы здесь закладываем определенные количественные характеристики, в отличие от понятия “военный конфликт”. В военный конфликт никаких количественных характеристик не закладывается. Лишь один признак — применение военных сил.

Е.А.ФЕДОСОВ: Я хочу остановиться на взглядах отечественных специалистов, занимающихся боевой техникой XXI века, конечно, первой половины XXI века, потому что

прогнозировать на более длительные сроки довольно рискованно, учитывая те технологические прорывы, которые все время возникают. Но до 2020 года, грубо говоря, можно уже сегодня довольно уверенно говорить. При этом мы исходим из того, что именно этот период времени будет характеризоваться повышением роли ядерного сдерживания от развязывания против России широкомасштабного конфликта. Другой вопрос — количественный состав СНВ. Мы понимаем, что важной задачей является сохранение на ближайшую перспективу существующей авиационной составляющей в ядерной триаде. Мы не предполагаем, что будем закладывать новый стратегический бомбардировщик. Мы также знаем, что сегодня, особенно в Соединенных Штатах, довольно интенсивно работают над перевооружением авиационной составляющей на ракеты с обычным боеприпасом. То есть осуществляется переход на высокоточное стратегическое оружие, в чем проявляется усиление фактора неядерного сдерживания. Американцы в ближайшем будущем могут поднять более 3 тысяч обычных зарядов с высокоточным наведением на самолетах дальней авиации. Мы в какой-то мере также могли бы сохранить авиационную группировку путем продления ресурса и путем дооснащения обычными крылатыми ракетами с высокоточным наведением. Это есть в программе вооружений, и я об этом говорить больше не буду.

В основном я хотел бы рассказать об авиации и оружии авиации, которое используется в основном в конфликтах малой интенсивности, то есть как раз в условиях неядерной войны и о том, как мы видим развитие этих технических составляющих.

XXI век — это в век новых технологий, прежде всего, информационных технологий. Это касается и развития военно-воздушных сил. То есть впервые Россия, наверное, сталкивается с ситуацией, когда надо переходить от количественного фактора к качественному фактору. Потому что реформа армии приведет к такому положению, что количественные параметры наших военно-воздушных сил — я не буду называть эти цифры — это совершенно не те цифры, которые были у СССР, то есть это уже не тысячи самолетов, а значительно меньше, группировки исчисляются сотнями самолетов. В то же время объем боевых задач в обычном конфликте очень мало изменился. В этих условиях рост боевой эффективности авиационной группировки должен осуществляться за счет совершенствования технологической базы и, прежде всего, информационных технологий. Поэтому в развитии ВВС акцент должен быть сделан на их информатизацию во всех его разрезах, начиная от разведки и кончая применением оружия и материально-техническим обеспечением. Это мы понимаем как преодоление “информационного барьера” в авиации.

Далее — дозированное реагирование и соответствующее ему точное нанесение удара. Сегодня вооруженная борьба в нашем понимании, особенно в XXI веке — это борьба довольно тонкая. Здесь идет одновременно сочетание политического давления и вооруженного давления. Поэтому вопрос дозированного реагирования — один из важных моментов, который тоже завязан и на информатику, и на высокоточное оружие, и на соответствующую тактику применения.

Далее, что касается компьютерного управления и планирования боевых операций. Дело в том, что разведка будет осуществляться в реальном масштабе времени. Поэтому практически одновременно будет происходить вскрытие цели, планирование боевой операции и применение оружия. В этой связи одним из ключевых моментов организации боевых

действий авиации является оперативное материально-техническое обеспечение операции.

Хочу остановиться на особенностях современных воздушной и противовоздушной операций. Традиционно разведка или обнаружение и целеуказание воздушных целей, то есть вскрытие воздушной обстановки, проводилась средствами противовоздушной обороны. Особенностью операций в XXI веке будет то, что существенно возрастет роль самолетов типа нашего А-50 или “Авакса”. То есть самолетов воздушного наблюдения, целеуказания и управления. Почему это важно для России? Потому что мы знаем, что СССР строил противовоздушную оборону, в основном опираясь на мощную наземную инфраструктуру. То есть создавались мощные локационные поля, командные пункты и так далее. Все это было очень централизовано, но сегодня, как мы видим, идет серьезная деградация наземной инфраструктуры. Экономика страны не позволяет ее поддерживать. Поэтому, учитывая ограниченность конфликтов, возможно, что как раз надо сделать акцент на такие самолеты воздушного наблюдения. Они позволяют, по крайней мере, прикрывать какой-то регион и в достаточно реальном масштабе времени вскрывать всю воздушную обстановку.

Надо сказать, что опыт, который мы имеем при создании самолета А-50, а это опыт в основном 50-х годов, мы бы сегодня могли повторить в значительно лучшем техническом исполнении и на самолетах значительно меньшей размерности, и при этом получить значительно более дешевую систему.

Если говорить о воздушной операции по поражению наземных целей, то есть об ударных, как мы говорим, операциях, то здесь тоже есть целый ряд новых моментов. Во-первых, по крайней мере, до последнего времени, мы мало использовали концепцию разведывательно — ударных комплексов. Хотя у нас в программе и есть разработка таких систем, в основном это касается сухопутных войск. Но то, что мы видим сейчас в мире, — особенно показательной была операция в Боснии американских военно-воздушных сил — это появление таких патрульных самолетов, которые проводят разведку поля боя на земле в реальном масштабе времени. Не так, как обычный самолет-разведчик слетал, сфотографировал, записал, прилетел, потом идет дешифровка, после чего идет подготовка полетных заданий и потом идет ударная операция. Это обычно занимает от 5-6 до суток времени. Задача сегодня состоит, по крайней мере, мы считаем, в первой половине XXI века, в том, чтобы практически прийти к временному сдвигу, максимум в час. К этому надо стремиться. Конечно, тяжелое вооружение, стационарные цели никуда, конечно, не убегут и за сутки, тем более если речь идет о каких-то зданиях, переправах и так далее. Но, вообще говоря, тяжелое вооружение, ракетные установки, пункты ПВО и так далее, — это все-таки подвижные объекты, хотя в течение часа-двух они не очень будут смещаться в своих координатах. Поэтому запаздывание до часа, по крайней мере, мы считаем допустимым.

Это очень сложная задача, которая сводится к вскрытию всей наземной обстановки, точной привязке ее к географическим координатам. Тут требуется разрешение порядка уже сантиметров, привязка тоже практически к сантиметрам. Разговор идет уже не о метрах, а о сантиметрах и соответствующей передаче данных. Поскольку здесь уже предстают целые картины, — в двухмерном и даже трехмерном изображении, — то по широкополосным каналам связи проходят уже сотни мегабайт. Естественно это надо обеспечивать днем и ночью. Эти патрульные самолеты — в какой-то мере аналог тех самолетов, о

которых речь шла при проведении воздушной и противовоздушной операций.

Еще один чисто военный вопрос — это вопрос фронтовой авиации. Она у нас, по крайней мере последний год, находится в подчинении военных округов. Однако, в последние годы в военной доктрине России делается акцент на конфликты небольшого масштаба. Поэтому я считаю, что, может быть, “размазывание” фронтовой авиации, учитывая ее малую группировку по округам, может быть, и неправильно. Может быть, разумнее было бы держать ее в централизованном подчинении, завязывая ее в разведывательно-ударные комплексы. В качестве иллюстрации я хотел бы показать как раз тот самый патрульный самолет, который американцами использовался в Боснии. Там, кстати, старение информации было 5 часов. То есть они до часа там не довели. Они вскрывали обстановку станцией бокового обзора. Вот антенна там “брюхом” висит на самолете. Это оптические датчики. Они вскрывали довольно неплохо всю наземную обстановку по тяжелым вооружениям сербов.

Чтобы понять какое разрешение давала аппаратура, можно посмотреть на фотографию. Вот приблизительно такое изображение дает локатор на этом самолете. Видите, здесь достаточно хорошо виден аэродром. При этом, конечно, можно увеличить изображение. То есть, практически можно всепогодно видеть изображение, близкое к оптическому. Вот что главное. А это уже сантиметры. Одновременно показаны возможности, которые реализуют тепловые и всевозможные оптические датчики, установленные на самолете RS-7. На фотографии отчетливо видны тепловые пятна. Вот это F-14 стоят, а там видны тепловые пятна от улетевших F-14. То есть, можно вскрывать даже такие моменты с помощью современных оптических датчиков. Это как иллюстрация их возможностей. Хотя некоторые самолеты улетели и уже не представляют интереса как цели, но в какой-то мере возможность вскрытия обстановки сохраняется.

Когда обладаешь такой информацией, то уже совершенно по-иному начинаешь строить планирование операции. Конечно, используется не только воздушная разведка, а весь объем априорной информации, в том числе и результаты космической разведки. Используется априорная информация цифровых карт. Используя цифровые карты, и, одновременно накладывая на эти карты текущие изображения с летающих патрульных самолетов, можно получить полностью эту виртуальную реальность. Оператор в штабе или оператор на командном пункте, может быть, даже на летающем командном пункте, практически видит эту виртуальную реальность поля боя и может конкретно планировать операцию. При этом идет минимальная потеря времени и одновременно можно проводить и тренировку летчиков, потому что все это планирование одновременно передается как полетное задание навигационной пилотажной системе самолета. Современная техника позволяет проводить хорошую тренировку и подготовку летчиков именно на конкретное боевое задание. Таким образом, прогресс осуществляется не столько в области самих самолетов, сколько в области их оснащения информационными системами. Если есть точные целеуказания, то можно организовать и точное наведение, а следовательно и поражение цели.

Здесь показана точная заставка с помощью спутниковой навигации. Можно ее применить на конечном участке самонаведения “по образу”, но при поражении каких-то “особо ответственных” целей.

Очень интересен вот этот график. Это дальность станций-коррекций от целей. Вот видите, 200 километров, 400 километров, 600 километров. То есть, грубо говоря, можно поставить такую станцию где-то в Ставрополье или еще где-то и полностью перекрыть весь чеченский район или весь район Северного Кавказа. И при этом точность с помощью спутниковой навигации и коррекции обеспечивается, как видите, в пределах 1-2 метров. Это цифры не теоретические, это цифры, подтвержденные летными экспериментами у нас в России. Так что вопрос точной доставки — это вопрос знания точных координат цели, что позволяет организовать довольно эффективную атаку наземных целей.

Я хочу рассказать и о значении информационных систем управления в материально-техническом обеспечении. Все вы знаете, что сейчас широко применяется “штриховое” кодирование. Это сделано для того, чтобы максимально компьютеризировать этот процесс. Сегодня существует такая возможность компьютеризации работы штаба и материально-технического снабжения войск, что можно возить боеприпасы и необходимые технические средства и военное снаряжение не сутками, а делать это в пределах нескольких часов. Сжатие времени военной операции от разведки до удара одновременно накладывает высокие требования и на оперативное обеспечение работы штабов в части материально-технического обеспечения войск. Это тоже пример преодоления так называемого “информационного барьера”.

Теперь я хочу остановиться непосредственно на самолетах.

Мы видим, что наш общий парк авиации где-то к 2018 году дойдет к 2000 самолетам. Это вся авиация — и фронтовая, и ПВО, и истребительная, и транспортная, и так далее. При этом мы видим, что и финансовая сторона тоже нас не вдохновляет. Поэтому мы мало рассчитываем на получение больших средств для развития авиационной техники. Отсюда встает вопрос о максимальном сокращении типажа авиации, максимальном сокращении оружия по типуажу. Остро стоит вопрос о создании многофункционального самолета. То есть надо так построить самолет, чтобы он мог бы использоваться и как перехватчик ПВО, и как ударный, и как штурмовой вариант, а в отдельных случаях был бы способен осуществлять разведку, а так же ряд вспомогательных функций. Поэтому, честно говоря, мы исходим из того, что надо фактически выбрать один базовый самолет фронтовой авиации. Что же это за самолет, и в какой весовой категории он находится? Это один из ключевых вопросов для России.

Здесь показаны самолеты, которые мы показываем на выставках. Недавно самолет С-32 (он здесь так называется) уже испытывался в Жуковском. СУ-37 это самолет, который продается сегодня в Китай, в Индию. Это — МИГ-29 и его линия развития. Хочу обратить внимание, что если МИГ-29 это где-то 16,5 тонн нормального веса, то у этих самолетов — вес до 37 тонн. Очень важный момент — вопрос размерности самолета. Логика развития СССР была такова, что мы развивались в направлении строительства тяжелых самолетов. СУ-27 стал базовым самолетом в ВВС и в ПВО, и мы в основном имели тенденцию развития самолетов такой размерности. И практически размерность малого самолета довольно “захирела”, по крайней мере на это отводится мало средств и в этой области мало “задела”.

Теперь о стоимости. Вот американские самолеты, F-22 — это самолет размерности порядка 20 с лишним тонн. Он стоит 70-80 миллионов долларов. Альфа-2000 — это европейский

истребитель. Он довольно легкий, где-то в районе 15-16 тонн, но учитывая его оснастку, оснащение и прочее, его цена прогнозируется на уровне 60 миллионов долларов. У американцев, вместе с программой F-22, есть SF — самолет легкого типа. Установочная цена — 30 миллионов. Исходя из этого, американцы планируют выпустить три тысячи самолетов класса SF. А F-22, тяжелый самолет, стоит 70 миллионов. А вообще-то он у них сегодня даже, по-моему, дороже чем 70 миллионов, — порядка 100 миллионов. Из программы в 400 самолетов они уже двинулись в программу 300 единиц с чем-то и, возможно, не построят больше 200 самолетов. Честно говоря, самолет F-22 родился из-за СУ-27. Это мы навязали американцам такую размерность. Наш МИГ-29 стоит тоже на уровне 32 миллионов, это уже модифицированный 29-ый. СУ-27 — 40 миллионов. У нас был в программе МФИ, который напоминает F-22, мы прогнозируем его цену до 60-65 миллионов.

Надо сказать, что наши внутренние цены сегодня почти такие же, как и мировые, потому что у нас уже материалы дороже, энергетика дороже. Только зарплата меньше. Так что мы уже не можем рассчитывать на какую-то более дешевую продукцию. Мы оценивали размерность этого самолета в зависимости от затрат на ту или иную цель. Здесь не ярко выражена “оптима”, но она лежит в районе от 15 до 17 тонн. Если мы пойдем на меньшую размерность, то нам придется больше заплатить, пойдем на большую — также приходится больше платить. Рассматривался локальный конфликт. Говоря о группировке в несколько сотен самолетов фронтовой авиации, мы исходим из того, что надо строить самолеты размерностью до 20 тонн. Но при этом, конечно, должен быть набор хорошего информационного обеспечения, хороший набор оружия, более высокоточного. Тогда мы как-то вписываемся в возможности России.

Кроме этого унифицированного самолета — “двадцатитонника”, который, мы считаем, должен быть основой, естественно, сохраняется линия военно-транспортной авиации. Сегодня мы можем говорить только о самолете ИЛ-76 МФ — это модификация самолета ИЛ-76. Если говорить о патрульных самолетах, то это либо ИЛ-50, либо ИЛ-76. Если мы будем развивать патрульный самолет по наземным целям, то можно уложиться в самолет класса ИЛ-114. Ничего “сверхреволюционного” в ближайшие 10-15 лет мы не сделаем, но очень считаем, что большой прорыв должен быть сделан в области их технологического оснащения, прежде всего компьютерами.

Г.А.ЕФРЕМОВ: Вы сделали акцент на компьютерном обеспечении. А на чем будет базироваться Россия в элементной базе?

Е.А.ФЕДОСОВ: Это сложный вопрос. Могу высказать свою точку зрения. Я недавно обсуждал в Зеленограде с участием первого заместителя Министра обороны Н.В.Михайлова общее положение с нашей элементной базой. Моя точка зрения такая, что мы должны максимально использовать электронику массового применения. Я имею в виду память, микропроцессоры и прочее. Что касается “обрамляющей” электроники, то мы, конечно, должны уметь делать это сами. Потому что такие вещи нам никто не продаст. Ни на какой внешний рынок мы сориентироваться не сможем. Здесь две линейки. Одна линейка до 0,5 микрон — это кристаллы повышенной сложности и вторая линейка — до 1,5 микрон, средней сложности кристаллов. Эти две линейки сегодня строятся в Зеленограде, и мы видим

возможность закрыть требования Министерства обороны. Что касается, конечно, массовой бытовой электроники, конечно, не закроешь. Тогда надо целые заводы строить. Сегодня построить завод электроники — это от 2,5 до 5 миллиардов долларов. Таких средств в стране нет. Поэтому мы считаем, что все-таки нужно идти на максимальное использование внешнего рынка. Нам говорят, что там могут быть “закладки” и так далее. Кстати, ссылаются все на ФАПСИ. Я разговаривал с ФАПСИ. Они, кстати, всю свою электронику делают на иностранных микропроцессорах. Когда я говорю, что там могут быть “закладки”, они говорят, что этого не может быть, потому что, если предположим, “INTEL” или “MOTOROLA”, или какая-то другая известная фирма что-то там “заложит” и это будет вскрыто — рынок будет мгновенно потерян. Эта фирма будет банкротом. Такие средства массового применения никто не будет делать специально для России, чтобы весь мир поставить на колени в какой-то момент информационной борьбы. Такое исключается, иначе тогда каждая страна сама начнет делать всю элементную базу. А весь мир кооперирован. Значит нам надо “врезаться” в эту международную кооперацию. Но, естественно, не потерять своих возможностей, потому что все нам не удастся купить. А в принципе у Министерства обороны сегодня есть стандартная линия вычислительной техники, она идет по всем видам Вооруженных Сил.

А.Н.ШУЛУНОВ: СВЧ нам никто никогда не продаст и продавать не будет. Это делать надо только у себя.

Е.А.ФЕДОСОВ: Это правильно. Я говорю про вычислительную технику. Я говорил про один Зеленоград, я не называл ни Воронеж, ни Новосибирск, ни Петербург. Эти микроэлектронные производства, видно, заглохнут в России. А Зеленоград надо удержать.

Г.А.ЕФРЕМОВ: Мне кажется, очень важно, что мы начали собираться в таких коллективах. Потому что в общем, честно говоря, собираться практически стало нигде. Что из этого получится и на какой основе — Совета обороны, Совета Безопасности — время покажет. Мы очень уважаем наше Министерство экономики, но там никто не собирается этими вопросами заниматься. Точно также не собирает нас и Министерство обороны.

Наша фирма занимается в различных направлениях нашей оборонной техникой комплексно, системно, включая информатику, космические системы, стратегическое оружие и тактическое оружие. Мне кажется, что очень важно, что сегодня надо бы отметить, что очень серьезный перелом произошел в головах и, по-моему, даже душах заказчиков. Мы впервые с 1992 года столкнулись с тем, что генералы, уважаемые наши, начали понимать, что денег у них нет и не будет. Впервые мы столкнулись с этим. Это очень хорошо, что, наконец, это “дошло”. Потому что придется переделать наверняка и программу вооружений, придется переделывать подходы, придется переделывать все, потому что мы становимся в ряд обычных стран, в которых никогда не хватает денег.

В нашей работе мы должны учитывать следующее. В-первых, как сохранить то, что необходимо сохранять в военно-промышленном комплексе, в комплексе высоких технологий. Туда повернется и реструктуризация, которая сейчас только началась. Это крайне важно. Я могу только по своему опыту сказать, что мы вот, чудные, не имеем долгов ни по бюджету, ни по зарплате. Но это абсолютно никого не интересует и ничего не

значит. Больше возьмется с теми, кого обременяют долги и кого собираются почему-то спасать. Наш опыт говорит о том, что пока эта стратегическая часть не срабатывает.

Крайне важно отметить, что должен быть открытым бюджет в этих ограниченных условиях, по крайней мере, для тех, кто в Думе заседает, чтобы мы могли сосредоточиться на том, что будет избрано и что будет у нас определяющим. Я хотел бы высказать крамольные мысли: зачем нам нужна такая ПРО? Я об этом говорил еще в 1990 году в Генштабе. Зачем и как будет работать система раннего предупреждения? Что за состав стратегической триады, в конце концов, у нас будет? Евгений Александрович немножко касался этого вопроса по одной ветке. Конечно, все будет определять, куда и как будут ложиться те деньги, которых будет мало.

Внешекономическая деятельность будет поддерживаться на тех фирмах высоких технологий, которые будут определены, потому что пока механизмы не работают. А это единственная наша опора, единственное наше спасение, особенно в творческих коллективах, не на заводах, а в творческих коллективах. Там немного надо, но это должно быть очень оперативно и быстро решено.

Я поднимаю еще один вопрос просто для обдумывания. Мы не сумеем, я думаю, его за один присест обсудить. Нам придется думать о научных инкубаторах, о фундаментальных науках. Пока то, что мы видим — полный ералаш, полный хаос и неуправляемость. Наши ведущие ученые, академики возглавляют некоторые программы развития в других странах, а об этом не знают, по-моему, наши руководящие вершины.

Теперь ближе к теме сегодняшнего заседания. Прежде всего, о стратегических средствах. Нам ближе все-таки ракетное оружие тактическое, стратегическое и космические системы. Ядерное сдерживание есть и будет, по крайней мере, на обозримом будущем. Но в условиях, конечно, жесткого контроля за тем, как будут развиваться работы по ПРО, особенно в Соединенных Штатах Америки. При этом, на наш взгляд, сейчас наступает момент, когда стратегическим оружием будут крылатые ракеты, которые могут быть созданы в пределах обозримого будущего в огромном числе стран. Мы сами, развивая наши системы, подыгрываем американцам в создании такого рода средств. Мы готовы Вам, если нужно, показать, как можно сделать силовую установку из двигателей беспилотных летательных аппаратов и малой авиации на огромные дальности, как можно обеспечить наведение с использованием обычных систем навигации, которые за 700 долларов продаются сейчас в любом магазине. Это заставляет смотреть еще и на такое их боевое оснащение, как биологическое. Эти опасности в стратегическом плане чрезвычайно велики, и мы должны быть крайне осторожны в оценке распространяемого технического арсенала.

Теперь по поводу космической части информатики. Американцы создают космическую группировку из 24-48 спутников с радиолокаторами на борту с такими, но почетче, картинками, которые Евгений Александрович показывал, всепогодными. Разрешение метр и менее. Это позволяет оценивать обстановку с периодичностью, порядка 3-5 минут. Это абсолютная реальность. Евгений Александрович, позвольте с Вами поспорить. 50 самолетов для оценки воздушной и наземной обстановки — это великолепная цель, великолепная мишень на дальностях в сотни километров. Борьба будет идти именно с этими командными пунктами.

Е.А.ФЕДОСОВ: Это смотря на какой войне.

Г.А.ЕФРЕМОВ: Это, я думаю, может быть в любой войне. А в целом, я присоединяюсь к Евгению Александровичу. Все будут определять высокие технологии, новые технологии, информационные технологии. Именно на это надо будет нацелить наше внимание.

Е.А.ФЕДОСОВ: Концепция гонки за технологическими достижениями Соединенных Штатов никак не вяжется с возможностями России в ближайшие 20 лет. Тут надо выработать какие-то приоритеты, какие-то более принципиальные подходы.

Г.А.ЕФРЕМОВ: Я с Вами согласен, и к гонке как раз не призываю, но на некоторые определяющие направления надо будет нацеливаться и создавать целевые программы.

Е.А.ФЕДОСОВ: Понятно. Я хочу лишь еще раз подчеркнуть, что космическая разведка — это очень дорогая разведка.

Г.А.ЕФРЕМОВ: Нет. Хотел бы Вам сказать, что космическая разведка получит новые возможности развития при использовании коммерческих денег, при использовании снимаемых ракет-носителей. А у нас их сейчас более трех с половиной тысяч.

А.Н.ШУЛУНОВ: Я тоже представлюсь. Я директор Центрального научно-исследовательского радиотехнического института. Мы всю жизнь занимались радиоэлектронной разведкой и радиоэлектронной борьбой.

Мы сегодня говорим об умирающем классе разработчиков и так называемой военной промышленности, которой на будущий год не будет. Останутся только те островки, которые сегодня так или иначе завязаны на экспортные возможности. То положение, которое сегодня творится с финансированием оборонного заказа (а у нас, много или мало, но около полутора тысяч предприятий завязано на это дело), приводит нас к тому, что мы все являемся сегодня уже банкротами. Если 1992 год мы закончили с долгом где-то 7 миллиардов рублей, переходящим на 1993 год, то 1997 год мы заканчиваем с переходящим долгом 19 триллионов рублей. Это практически весь бюджет 1998 года, плюс пени и штрафы, которые на нас навешали — еще 7 триллионов. И самое плохое, что этим положением не хочет заниматься ни Министерство обороны, ни Министерство финансов, не понимая, к чему это ведет. Один даже пример. Давид Гусейнович Башаев остался один на подводных лодках. У него сегодня задолженность бюджета в 1,6 триллиона рублей и задолженность по зарплате 300 миллиардов рублей.

У меня сегодня государственный оборонный заказ в Институте — 97 процентов. Я не получил еще за прошлый год 7 миллиардов рублей, и уже за этот год набежало пятьдесят с лишним. Мы живем в королевстве кривых зеркал, когда Министр обороны говорит о каком-то погашении задолженностей, забывая о том, что есть прямая задолженность Министерства обороны перед оборонными предприятиями. Когда А.Чубайс выступает, он тоже забывает об этом. У меня три кафедры в Институте, я выпускаю 60 молодых специалистов. За последние три года ни один из молодых специалистов не пришел в Институт, они у меня дипломы делают и все уходят из-за этого. Сегодня у меня средняя зарплата в районе миллиона рублей, но я ее не выплачиваю.

Поэтому, если мы сегодня не примем кардинальных решений по этим вопросам, то практически говорить о чем-то, о какой-то доктрине, о каких-то других вещах — почти бесполезное дело.

Теперь по теме сегодняшнего совещания. Я поддерживаю Герберта Александровича, что сегодня комплексными вопросами — и военной науки, и развития, динамики развития или концепции развития обороной науки — никто практически не занимается. Министерство экономики сегодня предпринимает лихорадочные попытки в девятый раз провести структурную реорганизацию Управления оборонной промышленности, после разгона Министерства оборонной промышленности. По сути дела, ни один из руководителей не может комплексно рассмотреть в Минэкономике эти вопросы.

Я сижу одновременно в пяти департаментах: и департамент радиопромышленности и приборостроения, прихожу к начальнику департамента, он мне говорит: “Мы можем с тобой чаю попить, можем водки выпить, но ни одного вопроса я не могу решить, потому что я не знаю, что делается в департаменте у Ефимова, что делается в департаменте у Стародубова, потому что ты занимаешься обычными авиационными средствами разведки, занимаешься по спецтеematике, мы тоже занимаемся разведкой, это в третьем департаменте, а конверсия в четвертом департаменте”. Наверное, то, что делает Н.Михайлов, а он собирает “кусты” по ключевым проблемам, дает положительный эффект. Конечно, если А.Кокошин через Совет обороны будет выработать более или менее гибкую линию, тоже сыграет свою роль.

В прошлом году мы большой делегацией были во Франции. Президент Франции 22 февраля 1996 года принял решение о реформировании вооруженных сил Франции и реформировании оборонной промышленности. И надо сказать, что за короткий срок, буквально за 6-7 месяцев, они провели гигантскую работу по рассмотрению и выработке плана. Но это план не такой эфемерный, как у нас, а план просчитанный, с финансовым обеспечением.

В информационном обеспечении все западные страны намного впереди нас. Помимо руководителей программ, там у них примерно около 50 федеральных программ по заказам вооружений. Кроме руководителя программ или, как у нас это считается, генерального конструктора, они ввели так называемых “архитекторов программ”. И задача этого архитектора программ — увязать информационное обеспечение между программами. То есть, чтобы была создана единая информационная сеть, независимо от видов вооруженных сил и, ранжированная по всем уровням, начиная от высшего политического руководства и кончая оперативно-тактическим и тактическим звеном.

Мы занимаемся сегодня космической, авиационной, морской, наземной радиоэлектронной разведкой. Но без создания единого информационного поля дальше вообще мыслить невозможно ни военные действия, ни локальные конфликты. А что на сегодня получается? Я имею дело и с межвидовыми системами. У меня заказчиком выступает Главное разведывательное управление по всем космическим системам, по авиации выступает ВВС, по морской разведке — Военно-Морской Флот, по сухопутным войскам — ГРАУ. Я делаю все это и совершенно четко понимаю, что ничего между собой не увязано. Межвидовая разведка, которую мы ведем по космическим делам, сбрасывает все на ГОУ ГШ. Причем, она ведется в системе единого масштаба времени, то есть в системе текущего времени и при сосредоточении шести спутников, как у нас положено, мы можем получать информацию с любой точки мира с интервалом в 15 минут.

Авиационная разведка. Сейчас мы ставим локаатор на М-17. Мы ставим еще дополнительно локаатор бокового обзора. Информационное поле значительно расширяется. Но чеченские события показали всю нашу несостоятельность в этом деле. Во всех локальных вооруженных конфликтах, начиная от Вьетнама и египетско-израильской войны, военные приглашались для оперативной постановки задач и выработки решений. И всегда промышленность оперативно в течение трех-шести месяцев делала то, что необходимо. А что же мы с вами имеем в Чечне? Господин Дудаев совершенно спокойно разговаривал по телефону когда ему захочется. Телевидение в Грозном вело любые передачи. Этого я, честно говоря, не понимаю. Когда мы говорим о поставке станций разведки в Чечню, то из 20 машин дошло 3 неукомплектованные машины и те не работали. Военные и гражданские специалисты очень хорошо понимают, что на сегодняшний день системы защиты и системы нападения очень близки друг другу. Повышение эффективности нападения дается все большими и большими усилиями, большими и большими деньгами. Надо искать другой маневр для решения этих проблем. А решать ее надо, я считаю, созданием единого межвидового и видового информационного поля.

Системы информационного противодействия. Они могут быть сегодня и огневые и информационные. Хотелось бы отметить ту работу, которую мы когда-то начинали вести, а сегодня забросили. Это функциональное поражение. Мы практически сегодня функциональным поражением не занимаемся. Надо внимательно подойти сегодня и к нашим критическим базовым технологиям, которые мы можем потерять, опять-таки, из-за отсутствия финансирования. Евгений Александрович, кстати, является одним из авторов национальной технологической базы. Она требует всего-навсего, наверное, 500 миллиардов в год.

О микроэлектронике. Если говорить о цифровой микроэлектронике то, может быть, каким-то образом можно найти 200 миллионов долларов для того, чтобы закончить линейку с субмикронной технологией. Если мы потеряем СВЧ-технологии, то ни самолеты, ни ракетные системы, ничто остальное нам в дальнейшем уже будет не нужно ни разрабатывать, ни применять. На сегодняшних самолетах “пятого поколения” мы ставим аппаратуру “третьего поколения”. По линии всей радиоэлектроники определяющим будет являться, в конечном счете, СВЧ-микроэлектроника.

В.А.РУБАНОВ: Я хотел бы остановиться на угрозах информационной войны и общемировых проблемах информационной безопасности. Современные информационные технологии создали возможность разработки информационного оружия и угрозу информационной войны. Информационное оружие интерпретируется на Западе как система специального программного математического воздействия на информационные ресурсы противника и защиты собственных ресурсов от подобного воздействия. Суть информационной войны заключается в противоборстве командных и контролирующих телеинформационных систем. Содержание информационной войны составляет три вида противоборства. Это радиоэлектронная, хакерная и психологическая война. Угроза информационной безопасности определяется способностью иностранного государства оказывать влияние на информационные системы, вносить в них изменения, искажения, сбои, уничтожать или искажать информацию. Документальное подтверждение реальности угрозы информационной войны можно найти в докладе директора ЦРУ и министра обороны

США, в их совместном докладе о доктрине информационной войны, это февраль 1994 года. Можно найти подтверждение и в национальной военной стратегии США, которая содержит в качестве одной из стратегических целей победу в информационной войне и такое организационное мероприятие, как создание специальной школы информационной войны при Университете национальной обороны США. Так же активно разрабатывается теория информационной войны. Выпущен специальный словарь.

Теория информационной войны содержит принципиально новые понятия, которые близки к языку ракетно-ядерного противостояния, такие как информационная агрессия, системы радиопредупреждения об информационной угрозе, сдерживание информационного нападения на национальную территорию, компьютерная атака на информационный ресурс и т.д. По данным иностранной печати, 120 стран мира ведут работы по развитию возможности компьютерных атак на информационные ресурсы потенциальных противников. Очень высоко оценивается опасность использования этих специальных программных средств террористическими организациями. Я хотел бы сразу поставить вопрос: по чьему ведомству у нас проходит проблема информационной угрозы? Этот первый вопрос. И второй. Конфликт в информационной войне — относится к конфликтам вооруженным или к конфликтам невооруженным? Это к вопросу о том, что информационный контекст, о котором я говорю, влияет и на сущностную сторону, на построение всевозможных теорий, которые отражают современные конфликты.

Я хотел бы также обратить внимание на некоторые международно-правовые аспекты. Правительства ряда стран сегодня могут запугивать другие правительства информационной войной, так же как ядерной. Подобно тому, как государства еще недавно стремились к паритету в вооружениях, так и сегодня многие государства могут добиваться паритета в области информационных технологий. То есть я хотел бы посмотреть на информационные технологии не как на обеспечивающие системы, а как на самостоятельные. Проблема информационно-технологических прорывов становится приоритетной мировой проблемой в области достижения баланса сил. Необходимо определить понятие информационного нападения в международном праве, необходима разработка отдельными союзами государств научно-технических способов организации контроля за попыткой использования информационных технологий в агрессивных целях, чтобы международное сообщество тоже могло каким-то образом на это реагировать правовыми или другими способами. Видится необходимость создания систем раннего предупреждения об информационном нападении, расширения международного сотрудничества в этой сфере. Потому что, вообще говоря, те глобальные информационные проекты, которые проектируются, не предусматривают полноправного участия государства.

В Соединенных Штатах Америки разрабатывается концепция управления информационными ресурсами, развивается инфраструктура информационного рынка, разрабатывается механизм реализации и защиты прав на информацию, создаются условия для эффективного вовлечения информационных ресурсов в хозяйство. Разработаны планы превращения Соединенных Штатах Америки в государство нового уровня. Так называемая инициатива Гора включает в себя решение проблем профилактики “заболевания” государства. Это болезни, которые связаны с процессами ее информатизации: организационный маразм, информационный склероз и финансовый тромбоз.

Второе — это обеспечение связности управления страной. По сути дела поддержание единого информационного пространства является одним из элементов того, что решает проблему информационной безопасности. А проблема информационной безопасности должна решаться на уровне государственного управления. Я глубоко уважаю ту работу, которую ведет Федеральное агентство правительственной связи, но это лишь некоторая технологическая реализация. На уровне же политическом и уровне экономическом, как некий новый контекст вооруженного противостояния, как угроза информационной войны, эта проблема проработана не достаточно и требует, на мой взгляд, внимания Совета обороны.

О.Н.ШАГОВ: Мне хотелось бы кратко остановиться на том, как нам представляется развитие стратегического наступательного оружия XXI века на обозримый период времени, применительно к США. Мне приходится постоянно участвовать в переговорных процессах, связанных с сокращением стратегических вооружений и нужно сказать, что переговорный процесс в дополнение к той информации, которая есть об основных направлениях и программах развития стратегических наступательных вооружений США, служит хорошим подспорьем.

У нас в стране задача прогнозирования развития стратегических наступательных вооружений была поставлена 30 лет тому назад, когда внедрили программное планирование. Опыт верификации всех прогнозов за 30 лет, которые были сделаны, свидетельствует с определенностью о том, что, во-первых, мы более оптимистично, как правило, оцениваем перспективы развития такого оружия применительно к противнику. Второе. Развитие стратегических наступательных вооружений, во всяком случае, в США происходит медленнее, чем мы думаем. Третье. Опыт заключения соглашений с американцами показывает, что американцы идут на сокращение тех вооружений, которые явно выслужили свои сроки. Четвертое. Американцы достигли очень больших успехов в продлении сроков службы за счет модернизации.

С этих позиций поговорим о том, что могли бы иметь США в обозримом будущем, т.е. на период не менее 15 лет.

Приведу конкретные примеры. Что может произойти в компонентах стратегических наступательных сил?

Морской компонент. Система оружия “Трайидент” находится еще в стадии развития. Однако тактико-технические требования заложены на 30-летний срок службы. При этом не учитываются возможности продления. Правда, возможность продления сроков службы лодок очень ограниченный. Речь может пойти максимум о пяти годах. Но если не учитывать эти пять лет, мы можем заключить, учитывая, что программа строительства 18 лодок “Огайо” завершится на рубеже текущего и следующего столетия, что лодки просуществуют, по крайней мере, до 2030 года.

В стратегической авиации. Американцы программу В-2 все-таки выполняют. И даже невзирая на то, что Буш в свое время ограничил количество этих самолетов двадцатью, на сегодняшний день они вроде бы хотят построить двадцать один. Эта программа просуществует очень долго.

Неясен вопрос с силами МБР в США. Существуют два подхода. Первый — заключается в том, чтобы избавиться от этого компонента, и был момент, когда американцы стали обсуждать вопрос об избавлении от этого компонента. Но, тем не менее, на очередную пятилетку финансирование планируется в полном объеме и технический задел создается большой. В силах МБР произошло изменение взглядов американцев на создание новых

систем оружия. Если раньше американцы тратили значительные средства на создание в полном объеме таких систем оружия, как “Минитмен”, то сейчас существует такой взгляд, что совершенно необязательно и даже вредно строить оптимальную дорогостоящую ракету. Ракету можно всегда сделать на базе существующего научно-технического задела, из существующих компонентов и достаточно дешевой. Поэтому необходимо сосредоточить усилия, прежде всего, в области развития боевого оснащения и систем наведения. Поэтому здесь не следует ожидать, что признаком сохранения этого компонента будет служить какая-то крупномасштабная, заблаговременно начатая программа создания очередного ракетного комплекса наземного базирования.

Было бы неправильно сказать только об этих трех компонентах стратегических наступательных сил США, не вспомнив о том, что американцы с середины 60-х годов многократно изучали вопрос об оснащении МБР и БРПЛ неядерными боеприпасами. Американцы подошли-таки к тому рубежу, когда они совершенно серьезно сейчас обсуждают вопрос об оснащении МБР и БРПЛ неядерными боеприпасами в связи с будущим развитием своих стратегических наступательных сил. Причем это обсуждается, в частности, в таком ключе — что такое СНВ? По замыслам американцев такие средства в неядерном оснащении могли бы уже не относиться к категории стратегических. Мы, как мне представляется, пошли по пути помощи американцам, в частности, в Хельсинкском соглашении, касающемся СНВ-3. Впервые применительно к договорам о стратегических наступательных вооружениях там появилось слово “ядерные боеприпасы”. Я вам напомню, в СНВ-1 у нас подсчет ведется не по ядерным боеприпасам, а просто по боезарядам стратегических средств. С одной стороны, мы видим, что у американцев есть стремление оснащать стратегические средства неядерными высокоточными боеприпасами, а, с другой стороны, мы Хельсинкским рамочным соглашением помогаем им пойти в этом направлении, которое представляет собой колоссальную брешь.

Что реально у них сделано? Реально сделано то, что, скажем, на одной из баз имеется пара ракет в неядерном оснащении, на базе которых они собираются их отрабатывать. При этом КВО может быть обеспечено порядка 3-6 метров. Если перевести это в предельное отклонение 2,7 сигма, это будет порядка 7-14 метров. Применительно к “Трайидент-2Н” тоже проведены уже летные испытания в неядерном оснащении.

Далее. Американцы в своих стратегических наступательных силах закладывают неопределенность, связанную с развитием ситуации в России. Идут по очень простому пути. Просто-напросто закладывают мощнейший возвратный потенциал. Причем не только технологическими, научно-техническими путями, но и переговорными путями, а именно, просто-напросто не выполняя ряд договорных положений, которые они обязаны выполнять в рамках Договора СНВ-1. Если оценить Договоры СНВ-1, СНВ-2 и ожидаемую ситуацию с сокращением вооружений в рамках договора СНВ-3, то я бы назвал эту ситуацию применительно к американцам, как “сокращение без сокращения”. Внешне выглядит все вполне пристойно. По Договору СНВ-1 -сокращение до уровня 6 тысяч боеголовок. На самом деле у американцев может быть реализован примерно 60-процентный возвратный потенциал только в рамках этого Договора. Под этим процентом я понимаю разницу между тем уровнем, который американцы могли бы иметь, и тем уровнем, который декларируется.

По СНВ-2 — это уже свыше 130 процентов. А по СНВ-3, если он будет реализован так, как сейчас это все катится, это может быть уже порядка 200 процентов, в конкретных цифрах. Если будет реализован уровень 2-2,5 тысячи, то американцы технически, потенциально могли бы иметь порядка шести тысяч ядерных боеприпасов. И это без учета, во-первых, крылатых ракет различных видов и, в частности, крылатых ракет морского базирования. Это без учета тех лодок, которые американцы, как мы понимаем, постараются вывести из расчета в ходе последующих переговоров. Прецедент же мы совместно с американцами создали. По Договору СНВ-1, вы, наверное, помните, американцам разрешено иметь две ПЛАРБ типа “Лафайет спецназ”. По Договору СНВ-2 они ориентируются на сохранение 14 лодок из 18 ПЛАРБ. Четыре лишние. Совершенно напрасно думать, что американцы пойдут на ликвидацию этих лодок. Одна из крупных опасностей состоит в том, что американцы приложат все усилия для того, чтобы в ходе переговоров СНВ-3 сохранить эти лодки в неприкосновенности. А как они это мыслят? Мыслят они так, что из 24 труб две только будут использоваться для ракет, а 22 трубы для оснащения не “Трайдантами-2”, но различного рода ракетами вертикального старта. Это могут быть крылатые ракеты, скажем, морского базирования и множество других, то, в чем у них сейчас “задел” имеется. В какой-то из моментов создается впечатление, что американцы могут завершить в 1998 году производственную программу крылатых ракет “Томагавк”. В области крылатых ракет американцы обрели, мне трудно сказать, какое, второе или третье дыхание, во всяком случае, обрели новое дыхание.

Общая ситуация складывается примерно такая. Совершенно явно американцы на обозримый период времени не собираются отказываться от ядерного оружия. Это первое. Второе. Совершенно явно на базе стратегических наступательных сил американцы идут к неядерному оснащению. Обсуждение, что такое стратегическое наступательное вооружение, приводит американцев к мысли о том, что их надо представлять, как не относящихся к категории стратегических. Это очень удобно. Скажем, ракеты “Минитмен-2”, которые могли бы быть складированы в неядерном оснащении с готовностью 6-8 часов. Считается, что они могут подчиняться, скажем, командованию ТВД. Применение их не требует разрешения президента в этом случае.

Наряду с этими тенденциями развития стратегических наступательных вооружений американцы уделили чрезвычайно большое внимание, как нам представляется, вопросу управления боевыми действиями в реальном масштабе времени. Идея эта родилась еще в 60-х годах, но реализовать ее до сих пор им не удалось. XXI век вполне может стать веком, когда управление боевыми действиями будет осуществляться в реальном масштабе времени, что позволяет осуществлять наблюдение за состоянием целей, отображать состояние своих средств и осуществлять быстрое перенацеливание этих средств на запланированные цели.

В США изменилось и отношение к плану СИОП. Хотя план СИОП и включал количество целей, исчисляемых десятками тысяч, но он включал конечное количество целей. Современный замысел американцев состоит в том, что цели имеются на территории всех континентов земного шара, постоянно будет производиться пересчет и изменение вот этих целей. Это позволит, по замыслу американцев, гибко реагировать на возможные ситуации. Здесь можно было бы ожидать и реализацию американской идеи селективных ударов. Эта идея родилась в начале 60-х годов, потом ее Шлесинджер попытался возродить, когда был министром обороны. Они нам пытались

навязать обсуждение этого вопроса. Когда американцы попытались вовлечь нас, мы по простоте душевной говорили: “Да нет, какие там селективные удары. Если состоится такой селективный удар, то мы запустим тяжелые ракеты в блочном оснащении”. Это сразу отбило охоту обсуждать этот вопрос.

Завершая свое выступление, я хотел бы сказать несколько слов о крылатых ракетах. Вообще, по существу, получается, что мы должны, скорее, говорить о четырехкомпонентном составе стратегических наступательных сил или, во всяком случае, средств, которые способны решать стратегические задачи. Потому что крылатые ракеты явно являются тем мощным направлением развития неядерного оснащения, которое приобретает большой вес и которое является фактически безучетным. А это может существенно изменить ситуацию в соотношении сил сторон.

С.В.КОРТУНОВ: На этом мы завершаем скучную военно-техническую часть нашего совещания. Особенность наших регулярных обсуждений состоит в том, что мы никогда не стремились рассматривать военно-технические вопросы, связанные с оружием XXI века, войнами и конфликтами XXI века в некоем изолированном контексте, а хотели и пытались рассмотреть их в широком контексте общего видения XXI века, а также роли и места России в следующем столетии. В этой связи мы всегда приглашали к нам в том числе и наших ведущих мыслителей, которые на все эти вопросы смотрели с несколько более “высокой колокольни”. Сейчас я хотел бы дать слово Вадиму Леонидовичу Цымбургскому, нашему известному философу, может быть, не столь известному в военных кругах, хотя он написал целый ряд работ, связанных с военной доктриной, военным строительством и видением будущего столетия в военно-техническом и военно-политическом плане.

В.Л.ЦЫМБУРСКИЙ: В 90-х годах мы все оказались свидетелями разлома российской государственности, разлома, который наглядно появился, прежде всего, в необычных геополитических контурах России, совершенно не отвечающих никаким ее стандартам предыдущих столетий. В этой связи геополитическая мысль России оказалась совершенно дезориентированной.

Возникает вопрос: как истолковать роль и место России в сегодняшнем мире? Сколько раз мы встречали за это время характеристики России, как региональной державы! Держава, переставшая быть мировой и переставшая действовать в любых точках мира, естественно, становится региональной. Но тут же возникает вопрос: к какому региону вообще привязаны интересы и активность России? Можно ли зачислить в один регион Балтику, Кавказ, Восточную Европу, Центральную Азию, Тихий океан? Каким образом, каким одним регионом охватываются все эти зоны?

Весьма любопытную характеристику России предложил молодой геополитик Константин Сорокин из Института Европы, определивший Россию как трансрегиональную державу, трансрегиональное государство, указывая здесь на то, что фактически различные регионы связываются в единый структурный комплекс, контролируемый единой политической властью. Это очень любопытная характеристика.

Более того, если мы взглянем на те перемены, которые произошли в Евразии с конца XX века, мы увидим, что здесь возникло не одно трансрегиональное геополитическое образование, их возникло на самом деле два. Какие? Одно из них — это Россия, новая Россия, другое — это сквозной пояс земель,

простирающихся от Прибалтики до Кореи с прихватом Восточной и частично Центральной Европы, Балкан, Кавказа, так называемой Новой Центральной Азии, то есть Средней Азии с Казахстаном, далее, Старой Центральной Азии с Тибетом — и до Кореи. Фактически мы присутствуем при том, как эти территории складываются в некую структурную целостность, в единое образование, коррелирующее с трансрегиональностью России. Это земли, которые в разное время играли существенную роль в русской истории, в той или иной форме они входили в нашу Империю, примыкали к ней или выступали объектом ее притязаний.

Строить российскую геополитику надо исходя, прежде всего, из нового контура России и из новой реальности этого гигантского трансрегионального территориального образования, которое я предлагаю называть Великим Лимитрофом. Лимитрофами назывались области, прилегавшие, скажем, к Римской Империи, когда она граничила с соседними империями или варварскими племенами, т.е. промежуточные, переходные зоны. В 20-30-х годах у нас лимитрофами назывались государства Восточной Европы, которые граничили с СССР и западноевропейскими державами. Я же говорю не о лимитрофах, как о них говорили в сталинское время, а о едином Лимитрофе как о едином структурном образовании.

Но давайте все-таки по порядку. Давайте взглянем на нынешние контуры России, что она из себя представляет и как она выглядит. А потом перейдем к окружающим ее территориям. Нынешняя Россия, как она предстала перед миром с 1992 года, на самом деле обладает очень отчетливой внутренней структурностью. В ней ясно выделяются три большие геополитические платформы: это восточная платформа, так называемый Дальний Восток до Лены, это центральная платформа, включающая Восточную и Западную Сибирь, и это западное крыло, выставленное в сторону Европы, так называемая европейская Россия, или, как я предпочитаю ее называть, Евророссия. Потому что она, во всяком случае, не часть Европы в международном понимании.

С.В.КОРТУНОВ: Это прямо-таки сценарий З.Бжезинского!

В.Л.ЦЫМБУРСКИЙ: В своей новой книге “Геостратегия для Евразии” З. Бжезинский здесь кое-что ухватил, очень существенно ухватил. Но я написал статью об этом еще за 3 года до него.

Так вот, посмотрим, как организована эта целостность. Мы увидим, что ее западный и восточный фланги последовательно разворачиваются с севера на юг по меридианам. В западной части — это железные дороги, идущие с севера на юг, это великие реки Волга и Дон. На другом фланге — это течение Лены, ведущее к якутскому анклаву, это побережье Тихого Океана, это наши дороги, какие они ни есть, ведущие в сторону того же якутского анклава и к Камчатке. Наоборот, среднее звено представлено широтным разворотом с востока на запад, или, если угодно, с запада на восток. Мы видим здесь протянувшиеся полосы степей и лесов. Мы видим здесь такое человеческое создание, как Транссиб. Мы видим здесь Северный морской путь, идущий вдоль побережья Северного Ледовитого океана.

Фактически Россия предстает сейчас как некоторого рода четырехугольник, очень четкий структурный четырехугольник. И в этом четырехугольнике проступают ключевые важнейшие точки. Это точки, где стыкуются широтные и меридианальные развертывания. Например, это российский северо-запад,

глядящий в сторону Скандинавии. Это северорусский Северный Кавказ с нижним Поволжьем. С другой стороны, это Забайкалье с Дальним Востоком. И, наконец, это Камчатка.

Так или иначе эти регионы давно обсуждаются в западной, по крайней мере, литературе. По крайней мере, три из них, как потенциальные источники нестабильности и проектов, которые способны внести некоторую сумятицу в жизнь России. Если взять известную книгу Ергина и Густавсона “Россия в 2010 году”, мы увидим, что там, как источники потенциальной нестабильности и сепаратизма, рассматриваются именно Поволжье с Северным Кавказом, Дальний Восток, юг Дальнего Востока и именно северо-западная Россия с ее ориентацией к Скандинавии и Северной Европе в целом. Однако уже появившиеся в печати сообщения о проекте строительства железной дороги от Аляски через Камчатку к Якутску говорят о том, что и четвертый угол может быть тоже источником нестабильности, и это от России требует специфического внимания.

Кроме того, внутри России обозначается сейчас еще одна область, характеризующаяся уникальной важностью — это область, лежащая немного восточнее от вот этого Поволжско — Северо-Кавказского региона. Это область, где состыкуются фактически наши железные дороги, опять же идущие с севера на юг и с запада на восток, это крупнейший железнодорожный пучок России, это Западная Сибирь, юг Западной Сибири, с верховьями Иртыша и Оби, с обращенными в сторону Сибири склонами Урала.

Фактически можно сказать так. Если когда-нибудь Россию постигнет еще одна политическая сумятица вроде той, которой мы были свидетелями с 1990 по 1993 год, то любое, скажем, сепаратистское движение, которое захватило бы какую-либо область или республику в пределах Евророссии, было бы смято просто тем, что на этой территории транспортные пути позволяют обойти любой регион, а общая хозяйственная взаимозависимость фактически нейтрализует любую угрозу. В то же время сила, которая завладела бы пространством, условно говоря, от Екатеринбурга до Томска, фактически рассекла бы Россию и определила как судьбы Дальнего Востока, так и во многом будущее страны. Это фактически сейчас сердце России, но то самое сердце, которое, по выражению Вознесенского, может быть “ахиллесовым сердцем”, ахиллесовой пятой.

Очертив таким образом нынешнюю Россию, я хотел бы теперь обратить внимание на территории, которые с нею смежны.

Почему мы можем говорить об этом гигантском пространстве от Прибалтики до Кореи сегодня, после того, как СССР утратил контроль над большей его частью, как о становящемся едином структурном образовании? Что, казалось бы, общего? А вот поглядите тенденции последних лет. Не читали ли мы о формирующейся оси Баку-Тбилиси-Киев, о потенциальном проекте транспортных и нефтяных перебросок в Восточную Европу в обход России? Не читали ли мы о возможных проектах состыковки этой оси Баку-Тбилиси-Киев с “Черноморско-Балтийским Содружеством”, в результате чего нефть фактически шла бы в обход России? Не читали ли мы о возможности присоединения Акмалы, уже не Алма-Аты, а Акмалы или Ташкента к подобной оси? Не читали ли мы о планах превращения Черного моря в Турецкое море и о возможности присоединения Турции к тому же образованию? Не читали ли мы о планах шелкового пути, о завязывании подобной оси, в конечном счете, на китайские железные дороги и о возможности транспортировать китайские грузы в обход России?

Наконец, два года назад были публикации насчет возникшего уже проекта транспортировки туркменской нефти через Северный Китай и Корею в Японию на Тихий Океан. Формируется четкая структурная целостность. Не видим ли мы, как расширение НАТО в Восточной Европе отзывается маневрами в Крыму, отзывается заявлениями о Кавказе, как зоне жизненных интересов этого блока? Были уже публикации и о возможности американской политики с опорой на два “У”, соединенные Кавказом, Узбекистан и Украину.

Перед нами намечается новая структурная целостность. На этих территориях идет большая игра. Мы видим, как народы этих территорий пытаются повысить свой статус, как восточные европейцы внедряются в НАТО, а Турция пользуется этой ситуацией, чтобы прорваться в ЕЭС. Мы видим, как тот же Узбекистан разрабатывает планы прорыва к Индийскому океану, и планы Каримова выглядят несколько более правдоподобными, чем аналогичные по содержанию планы Жириновского. Мы видим, как сама конъюнктура благоприятствует активизации этих народов. Они бросают в некоторой степени вызов крупным державам, лежащим по сторонам Лимитрофа, например, в попытке Украины вытеснить Россию в качестве миротворческой силы из Приднестровья, а возможно, из Карабаха и Абхазии. Это один аспект.

Мы видим далее, как в этих регионах поднимаются действительно крупные местные “центры силы”, претендующие на роль местных локальных “империй”. Фактически Грузия, Баку претендуют на подобную роль. На Северном Кавказе на подобную же роль претендует Чечня. И эти образования соединяются в единые блоки, в единые оси. Наконец, мы видим брожение, идущее по северу Китая, по тюркским и монгольским территориям Китая. Открыт тибетский вопрос, открыт синцзянский вопрос, внешнемонгольский вопрос. Фактически перед нами возникает пространство с самой большой геополитической конъюнктурой наших дней.

Что это за исторические земли? Присмотримся. Мы увидим, что исторически это земли, лежащие в глубине Евразии к северу и к востоку от древних платформ приокеанских цивилизаций: Китая, арабо-иранского среднего Востока, мусульманского мира, романо-германской, католической и протестантской Европы. Это та глубинная Евразия, откуда кочевники обрушивались на эти периферийные приморские цивилизации, край этих кочевников, собирателей, охотников, рыболовов и так далее, земля, пространство, взорванное фактически Россией, когда она стала подниматься в XVI-XVII веках. Россия “выгрызла” эту древнюю Евразию, как, можно сказать, мышь выедает сыр. В итоге сложилась потрясающая ситуация этой Евразии, когда внутри нее появилась новая цивилизация — Россия, с выходом на Ледовитый океан. Внутри нее оказались анклав, остаточные анклав этой Евразии по Волге и Лене, тюркские анклав, а вокруг стал простирается гигантский пояс, который Россия в разные времена так или иначе стремилась поставить под свой контроль.

Приглядимся, какие основные сценарии разыгрываются сегодня на этом поясе. Можно говорить о трех сценариях. Первый — восточно-европейский. Россия выпускает часть Великого Лимитрофа из-под контроля, и другая цивилизация с ее вооруженной мощью начинает экспансию на этих территориях. В данном случае — Евроатлантика. Это основной здесь сценарий.

Для Кавказа, несмотря на все попытки Евроатлантики продвинуться сюда, типичен несколько другой сценарий. Здесь мы видим две цивилизации, выходящие на эти земли, две платформы, Россию и Иран. И мы видим, как формируется между

ними “кавказский пояс”, завязанный на цивилизационно “зависшую” Турцию, противостоящую обеим этим цивилизациям. В большинстве проблем этого региона Россия и Иран, а сейчас появляется и Армения, выступают как союзники и коллеги против промежуточных образований кавказского края. Значит, главная тенденция здесь — не экспансия другой цивилизации, ее военной мощи, а именно, специфический характер этих промежуточных образований, пытающихся образовать совместные блоки и сцепки и противостоять соседним платформам.

Наконец, новая Центральная Азия. Для нее в высшей степени характерно прежде всего то, что пока она, несмотря на все перспективы, дистанцирует, удаляет Россию от наиболее взрывоопасных участков исламского среднего Востока. Фактически Туркмения и Узбекистан будут главными защитниками России, даже если последний русский покинет эти территории.

Итак, три сценария экспансии чужих цивилизаций на территориях, покинутых Россией. В этом особенность данного края, противостоящего обеим соседним платформам, пытающегося вести свою игру, часто с выходом на другие регионы. И судьба огромного буфера, отделяющего Россию от опасных регионов Юга. В этой связи очень любопытно, как пойдет дело дальше в северных областях Китая на стыке его с тюркскими и монгольскими областями в Северной и Восточной Сибири. Здесь, похоже, возможны все три варианта, и они в разное время рассматривались в прессе. Ергин и Густавсон, например, писали о том, что в случае экономического ослабления России, попросту говоря, пояс от Тувы до Бурятии будет элементарно дрейфовать в сторону Китая. Как и восточно-европейский пояс в сторону Запада. Рассматривались и другие варианты, например, когда весь этот пояс от Тибета до Кореи образовал бы некую местную линию суверенитетов, так или иначе имеющих выходы либо на тюркский мир, либо прямо на Соединенные Штаты и Евроатлантику. То есть, опять-таки, пояс, управляемый извне, противостоящий обеим большим платформам и Китая, и России. Это нечто подобное кавказскому варианту.

Наконец, можно представить себе еще один вариант, когда бы возникновение подобного пояса за счет северных китайских территорий, фактически сдерживало нынешний пугающий напор Китая на юг российской платформы. И это был бы, в общем-то, вариант, аналогичный среднеазиатскому. Вот три основных варианта, разыгрываемые сейчас на Великом Лимитрофе.

Здесь как бы, действительно, возникает модель цивилизационной геополитики, но не по Самуэлю Хантингтону — помните, у него битвы цивилизаций идут по “разломам”. Тут нет фактически “разломов”, на этих лимитрофах может быть масса самых разных “разломов”, и вопрос в том, как учесть эту конъюнктуру и использовать ее в интересах России. Здесь нет predetermined цивилизационных “разломов” и “трещин”. Здесь именно переходные, по-разному структурированные переходные зоны, применительно к которым нужна специфическая политика.

Более того, сама реальность Великого Лимитрофа позволяет обратить внимание и на реальность таких пограничных областей, — я их называю “лимисами”, буквально “краями”, по латыни. Когда та или иная область, казалось бы, вполне примыкала к другой цивилизации по всем этническим и прочим характеристикам, но находилась в пограничном положении, она рисковала обломиться и отойти в этот Лимитроф. Восточная

Германия: ведь это, казалось бы, Германия в обычном понимании. Но сколько раз она откалывалась от германского мира — последний раз на наших глазах в ялтинские годы. Аналогичную ситуацию мы видим в Белоруссии. Мы видим ее и на восточной Украине. Это области, естественно связанные с Россией и в то же время постоянно рискующие отколоться и отойти. То же самое мы видим во многих казачьих районах юга России. Это тоже наше приграничье в конечном счете, которое может отломиться и отдрейфовать. Таджикистан — иранская область, которая выдвинула область к северу от Памира, в этот тюркский переходный край. И мы видим, как он полыхает. Это вообще единственный участок, где исламизм имеет шансы на торжество. Этот участок явно тяготеет к Среднему Востоку. На Дальнем Востоке мы видим, в конце концов, Манчжурию, область, которая, казалось бы, полностью китаизирована в этом веке, но сколько раз она откалывалась и отламывалась от Китая! Взять ли вариант Манчжоуго, варианты экспансии России в начале века или политику Сталина в 50-х годах: образовать из Манчжурии самостоятельное государство во главе с его любимцем Гао Ганом, тамошним партийным руководителем.

Так что помимо проблемы Лимитрофа надо иметь в виду и проблему этих “лимисов”, пограничных участков цивилизаций, соприкасающихся с этим Лимитрофом, грозящих отколоться, отойти, отломиться. Собственно, я думаю, что это имеет отношение не только к Старому Свету. Что такое вообще южные штаты Соединенных Штатов, юг Соединенных Штатов Америки, захлестнутый сейчас латиноамериканским приливом, когда-то отвоеванный у Латинской Америки, и сейчас ею захлестываемый? Это такой же, в общем-то, “лимис”.

Но вернемся к нашему Старому Свету. Какие задачи возникают у России применительно к Великому Лимитрофу? Как они состыкуются с проектом ее внутренней геополитики? Первая, чисто негативная задача, даже двуединая негативная задача России на Великом Лимитрофе: Россия должна сопротивляться формированию здесь, во-первых, империй, которые бы контролировали целиком более или менее тот или иной участок Лимитрофа. Пока этой опасности особо нет. Непохоже, чтобы такая империя где-либо выростала. Но Россия должна бороться с формированием “сквозных осей”, соединяющих территории Лимитрофа насквозь, в пику России, делающим Россию ненужной на Лимитрофе. Это главное.

Во-вторых, она должна сопротивляться тому, чтобы подобные оси получали выход на соседние цивилизации, на соседние большие платформы — источники мощи. Например, на Китай или на Евроатлантику. Как можно противостоять подобным тенденциям? Первое, что надо отметить. Вся эта гряда имеет один узловый регион, на самом деле, ключевой, фундаментальный. Это Кавказ. Если Кавказ не выступает связующим звеном между Восточной Европой и Средней Азией, то эти полосы никак не соединяются, Лимитроф в этой точке оказывается разрублен. Таким образом, задача России — противостоять формированию здесь сильных местных империй, тем более сцеплению их в единые оси. А для этого надлежит использовать все силы, которые разрушают местные империи: будь то потенциальную Чеченскую, будь то Азербайджанскую, будь то Грузинскую. Использовать все силы им противостоящие: армяне ли это, лезгины ли это, абхазцы ли это. То есть, фактически все силы, которые противостоят формированию подобных образований.

Второе. Естественно, это Белоруссия. Необходимо пресечь саму возможность формирования “Балтийско-Черноморского Союза”. А для этого необходим контроль над

Белоруссией и союз с ней. Рассечение Кавказа и контроль над Беларуссией полностью препятствует формированию сквозных линий по Лимитрофу, обходящих Россию.

Но этого мало. Мало говорить о чисто негативных интересах России — на этом пространстве есть, несомненно, позитивные интересы. Мы видим, что так или иначе эта область для нас выступает как пояс нашей безопасности. Средняя Азия, например, это уже наглядно демонстрирует. Не знаем, как пойдет дело в Центральной Азии, в случае дестабилизации Китая.

Кроме того, это потенциальный пояс не только военной безопасности. Это может быть также и пояс продовольственной безопасности. Я не говорю уже о том, что значительная часть Подмосковья просто кормится украинским привозом (а также молдавским). Классический вопрос: откуда, в конце концов, везти баранину — из Новой Зеландии или из Монголии? Это зона, которая может обеспечить нас кормом, и поэтому в отличие, скажем, от Запада, монголы, в случае политических конфликтов, просто не решатся пресечь этот поток, потому что они будут фактически завязаны на нас. Это, по существу, наша потенциальная “зеленая зона”. Вот что нам действительно здесь нужно.

Но и этого, в свою очередь, мало. Дело в том, что сегодня в мире существуют две большие геополитические системы, два больших ареала, к которым так или иначе причастна Россия — это Великий Лимитроф и Тихий Океан. Наше вхождение в Ассоциацию Тихоокеанского Сотрудничества подтверждает этот наш статус. Тихий Океан с продолжением в Индийском Океане — то, что называется Великим океаном — вот вторая зона нашей причастности. Вопрос в том, как состыковать эти две системы, к которым причастна и приобщена Россия, в какой форме это делать?

Уже много приходилось читать в прессе о том, что, якобы, чтобы обеспечить нашу, так сказать, целостность после напора Китая, необходимо превратить Дальний Восток в некоторый перевалочный пункт транзита тихоокеанских грузов на Запад. Но речь идет не просто о Дальнем Востоке. Погляди́м внимательно: конкуренция проектов Тонга — Транссиб. Сколько было, действительно, шума о том, что Тонга фактически лишает нас грузов, которые могли бы идти по Транссибу! Но ведь главный вопрос в том, куда они дальше пойдут после туманганской ветки, куда они дальше пойдут через Китай? Делаются предупреждения, что Туманган для нас опасен, как был опасен Великий Шелковый Путь, что грузы, в конечном счете, пойдут в обход России. Но разве нет возможностей предотвратить это? Погляди́те на этот Шелковый Путь. Он должен идти через Афганистан. Но погляди́те, как полыхает Афганистан. Следовательно здесь можно поддержать это полыхание, предотвращая движение здесь соответствующей ветки. Даже если в Афганистане победят талибы. Талибы — это значит ваххабиты, это значит суннизм, это значит столкновение с Ираном, это напряжение по грани с Ираном. Далее, этот Шелковый Путь должен идти через Иран в Турцию. А что, с Турцией у Ирана самые хорошие отношения? Фактически существуют возможности дипломатическими средствами пресечь движение Шелкового Пути на юг, и переключить эту ветку на Россию, через Казахстан и далее через Западную Сибирь так, чтобы в конечном итоге туманганская и Транссибирская линия смыкались в Западной Сибири, в сердце России.

Более того, существует возможность, и о ней говорилось в последние годы неоднократно, выстраивания линии от Индийского океана через Иран, и далее через Среднюю Азию. Иран уже пытается интегрировать Туркмению в свои

железнодорожные сети, и тогда третья линия с Индийского океана двинулась бы на Север, и она встретила бы и состыковалась с этими двумя линиями, опять-таки, в Западной Сибири, в этом нынешнем сердце России, в узловом регионе.

Так могла бы решаться в конечном счете задача состыковки Великого Океана и Великого Лимитрофа, что нужно учитывать, когда говорят о том, какие грузы можно везти через Россию. Академик Н.Моисеев говорит: “Россия — это путь из англичан в японцы”. Мой Бог, ну и что англичане повезут, собственно говоря, в Японию через Россию? Они все могут провезти морем.

Далее, говорят мы открываем европейцам новые рынки. Но европейцы через Турцию могут на Кавказ и в Среднюю Азию забросить ровным счетом все, что им нужно тут продать. Мы становимся не нужны ни Европе объективно для проецирования ее экономик во внутренние области континента. И наоборот, для проецирования тихоокеанских экономик на пространство Великого Лимитрофа, включая Восточную Европу, Россия является важнейшим фундаментальным, вообще говоря, компонентом.

Когда мы входим в АТР, надо спросить, что мы в нее вносим? Это ведь хорошо структурированная организация! Что мы вносим в нее? Мы можем внести сюда именно эту роль “транслятора” тихоокеанских экономик на все пространство Великого Лимитрофа. Более того, речь должна идти не о том, чтобы сделать Дальний Восток перевалочным пунктом. Это нас не спасет. Ну, предположим, в какой-то момент Китай захватит Дальний Восток. Ну и что? Он попросту узурпирует соответствующую область, соответствующую роль. Именно Западная Сибирь, внутренний регион России должен стать ключевым участком в этой “трансляции” экономик. Регион, очень трудно достижимый извне. Это фактически превратит Россию, именно в ее целостности, в необходимое звено индо-тихоокеанского мира. Это именно и обеспечит ее целостность и безопасность.

Нужно учитывать еще и вот что. Эта проблема нашей геополитики, в конечном итоге, связана с проблемой нашего внутреннего экономического развития. Существует фундаментальный, вообще говоря, вопрос — как соотносятся эти “точки роста”, обращенные во внешний мир Дальний Восток, наш Северо-Запад, Калининград, как они соотносятся с огромными пространствами нашего национального ядра, не имеющего выход в этот внешний мир, и фактически скудеющего и нищающего.

В последнее время появились очень интересные разработки талантливого экономиста Олега Григорьева, который высказывает тезис о том, что именно Западная Сибирь — и дальше с выходом через Урал на юг Поволжья — может в потенциале стать ареалом формирования нашего национального внутреннего рынка, то есть фактически может стать нашим национальным ядром. Задача состоит в том, чтобы по этой линии Транссиба, ведущей со стороны Тихого Океана, формировать новые “точки роста”, включенные в мировые геоэкономические циклы. И тогда фактически у нас получится регион, где складывание внутреннего рынка будет сочетаться одновременно с включенностью в мировые сети, в мировые геоэкономические циклы. Это будет означать формирование крепкой, сцепленной и неразрываемой во всех отношениях России. В ней не будет такой диверсификации регионов, когда те или иные регионы фактически могли бы дрейфовать, так сказать, в сторону, и искать своей собственной, отдельной от России судьбы.

Именно на этом я хочу закончить, повторив еще раз: оптимальный вариант сегодня для России — это стыковка Великого Океана с Великим Лимитрофом, и стыковка их в самом сердце, в континентальном сердце России.

Е.А.ФЕДОСОВ: Вадим Леонидович в своем выступлении затрагивает принципиальные вопросы. Вы рассматриваете транспортные потоки как связующие звенья. Если посмотреть на железнодорожные сети, то 90 процентов их загрузки — это руда, уголь, нефть, зерно и минеральные удобрения. Что повезут по Великому Шелковому Пути? Это все находится на территории России.

С другой стороны, если посмотреть всю Юго-Восточную Азию и вообще весь Тихоокеанский регион, который, как Вы совершенно справедливо говорите, превращается в промышленную зону мира и будет производить основной продукт легкой промышленности в XXI веке, то этот продукт возят воздушным путем. Это дешевле, чем возить железнодорожным или морским путем. Основной продукт, который производится в Юго-Восточной Азии, перевозится воздушным путем. А самые короткие воздушные трассы идут через Россию. Европа и Америка очень заинтересованы в открытии этих воздушных трасс через Россию, а не в обход России. Сегодня Россия — это какое-то “заразное пятно”, потому что мы такую политику проводили. Мы в свое воздушное пространство никого не пускали. Поэтому, действительно, все воздушные трассы традиционно как бы обтекают Россию, а там, где они пытались летать, например, через Корею, их сбили.

А если открыть прямые трассы через Полюс — это было бы сокращение расстояния, времени и стоимости от полутора до двух раз. Поэтому Россия может быть как раз связующим звеном через воздушные потоки, а не через железнодорожный путь.

В.Л.ЦЫМБУРСКИЙ: То, что Вы говорите совершенно справедливо, но это абсолютно ничего не даст для экономического развития и экономического статуса самой России. Это будет фактически ситуация, когда в совершенно нищей и пустынной стране будет стоять несколько аэродромов, на которые будут садиться самолеты, перезаправляться и лететь дальше.

Именно поэтому, кстати, я в своем выступлении не затрагивал еще одного проекта — проекта так называемого Второго Транссиба. Это так называемый план “Аляска-Камчатка” и — далее через Север России в сторону Петербурга. Я не затрагивал его потому, что даже если бы подобный проект когда-то осуществился, при существующих условиях он шел бы через пустые территории. Он ничего бы не давал России, кроме так называемых тарифных поборов.

Вопрос состоит именно в том, чтобы эти пути проецировались на уже относительно развитые районы и порождали в них дополнительные новые участки развития. Вы говорите насчет невыгодности транспортировки продуктов легкой промышленности по железным дорогам. Но сложность в том, что те же самые китайцы смотрят на это несколько иначе. Они чрезвычайно озабочены тем, чтобы мы хоть немножко снизили наши тарифы для того, чтобы они могли везти в Восточную Европу по этой ветке — Казахстан и далее Россия.

Ли Пен, когда был в Белоруссии, очень серьезно обсуждал с Лукашенко возможность формирования соответствующей трансконтинентальной железной дороги именно для проецирования китайской экономики в Восточную Европу.

Е.А.ФЕДОСОВ: Я бы не согласился, что воздушные трассы ничего не дают России. Мировая цена навигационного обеспечения сегодня: километр -1 доллар. Мы прогнозируем, что уже сегодня это даст России больше 500 млн.долларов в год. Это единственная воздушная цепочка на Японию, которая идет через нашу территорию — порядка 150 или более маршрутов. В перспективе мы будем иметь более 1 миллиарда в год прибыли только за счет навигационного обслуживания.

Далее. Вы напрасно думаете, что это какие-то отдельные аэродромы. Нет. Это как раз освоение этих трасс аэродромами не только для транзитных перевозок, но и, прежде всего, для России. Потому что Россия по-другому освоить эти пространства не может. У нас реки замерзают 9 месяцев в году. Железные дороги вы там не проложите, автомобильные дороги не проложите. А вокруг этих международных трасс вы как раз создадите сеть аэродромов. Вы откроете туристские зоны. Туда потянутся. Короче, Россия сыграет роль Киевской Руси: “из варягов в греки”.

В.Л.ЦЫМБУРСКИЙ: Само по себе это весьма перспективно.

Е.А.ФЕДОСОВ: Я полностью с Вами согласен с точки зрения общей геополитической обстановки. Я тоже считаю, что сейчас важнее смотреть на азиатский пояс, чем на Америку и конфликтовать в основном с американцами в области ядерного паритета. Это не серьезно — сегодня строить ядерные паритеты. Ядерное сдерживание — безусловно, нужно. А вот эту зону надо правильно освоить и правильно интегрировать ее в экономику России. Но и не забыть, что все-таки у нас транспортные потоки не только железнодорожные, но и речные.

В.Л.ЦЫМБУРСКИЙ: Надо фактически говорить о тех областях, которые лежат к северу от нас и Транссиба.

Е.А.ФЕДОСОВ: А это — две трети нашей территории. Это же наша территория. Север, Западная Сибирь и Дальний Восток.

В.Л.ЦЫМБУРСКИЙ: Здесь получается симметрия между Западом и Востоком. Действительно, со стороны Европы масса областей доступна вполне и без России, а вот со стороны Тихого Океана Россия может сыграть ключевую роль. Я на этом хотел сделать акцент. А так Ваше дополнение очень, конечно, кстати.

А.А.КОНОВАЛОВ: Последнее выступление, конечно, очень экспрессивное и очень впечатляет. Прошу прощения, но я назвал бы его отголоском классическо-имперской политики, которая в нынешних условиях, может быть, не всегда применима. В частности, вот в каком плане.

Когда говорится о том, что мы можем поссорить Иран с Турцией, я этого очень опасаясь как способа ведения политики. Разжечь Карабах было легко — потушить сложно. Рассчитывать на то, что мы в десяти местах по своей периферии разожжем пожары, и тогда все потянутся к нам, а у нас при этом крыша не задымиться — это политика предыдущего века. И другой аргумент. Когда мы выступаем против оси Кишинев-Тбилиси-Киев, нам говорят, что вы же нас призывали к интеграции внутри СНГ. Чего же вы мешаете?

В.Л.ЦЫМБУРСКИЙ: Тут надо понять твердо, что идеалы — это одно, а интересы — это другое. Как бы не менялся наш замечательный мир, какой бы он не был взаимосвязанный, целостный и так далее, разделение идеалов и интересов останется. Мы действительно заинтересованы в том, чтобы все были интегрированы. Но только с нами и через нас. И мы не должны быть заинтересованы в том, чтобы они были интегрированы помимо нас и в противовес нам. Это вполне естественно. Хорошая интеграция — с нами, плохая интеграция — без нас. Хорошо, когда украли корову у соседа, но плохо, когда сосед украл корову без меня. Это классика политики.

А.А.КОНОВАЛОВ: Я, опять-таки, не об этом говорю. Я не против доли здорового цинизма, но, может быть, есть иные способы быть симпатичным, чем поджигать крышу у соседа. Привлекательным, а не симпатичным в циничном смысле этого слова.

В.Л.ЦЫМБУРСКИЙ: Россия — это бывшая Империя для всех этих территорий. Подстраховаться против нее всегда не грех. Страховаться хорошо без нее, опираясь на другие силы. На ту же Турцию, а Турция боком зацепится за Евроатлантику. Людям хочется подстраховаться, черт побери, против нас! А нам в данном случае не хочется, чтобы они таким способом против нас страховались.

Достаточно вспомнить глубочайшую, крупнейшую ошибку, которую мы сделали. Это была ошибка 1992 года, когда мы умиротворяли Грузию. Когда на Грузию кинулись все, со всех сторон, начиная от мингрелов до сванов. Когда Чечня, стремясь быть лидером Северного Кавказа, увязла в грузинской войне, тогда все сепаратистские силы махнули рукой на Россию. Все лезли в данный момент на Грузию. Мы заморозили этот конфликт. Мы получили, в конечном счете, то, что Чечня развернулась против нас. Мы получили то, что Э.Шеварднадзе поглядел — поглядел и начал играть весьма активно и хорошо с НАТО. Мы получили, в конечном счете, ось Баку-Тбилиси. Вот все, что мы получили, пытаясь умиротворить эту область, пытаясь умиротворить эту зону. Вот все, что мы на этом выиграли.

А.А.КОНОВАЛОВ: Значит, надо было способствовать конфликту, а не умиротворять?

В.Л.ЦЫМБУРСКИЙ: В данном случае надо было ничего не делать.

А.А.КОНОВАЛОВ: Но всю основную подготовку чеченские боевики прошли в Абхазии. Это как раз то, о чем я говорю.

В.Л.ЦЫМБУРСКИЙ: Лучше бы они повоевали еще три года и сложили там головы.

А.А.КОНОВАЛОВ: Опять-таки идеалы и результаты. Мы входили в Афганистан, чтобы научить армию воевать в боевых условиях, а научили ее курить анашу. Была цель, были идеалы.

В.Л.ЦЫМБУРСКИЙ: А я не говорю о нашем вмешательстве. Я не говорю о том, что действительно русской кровью надо за что-то платить. Речь идет в данном случае не о русской крови. А пока Вы получили только одно: после того как мы “подморозили” Грузию, Чечня развернулась против нас. До

этого она была увлекаема абхазцами, адыгейцами и кабардинцами против Грузии. Вот все, что мы получили.

С.В.КОРТУНОВ: Если никто больше не хочет высказаться, будем заканчивать. Спасибо всем. Надеюсь, что всем было достаточно интересно. До Нового года мы вряд ли еще встретимся в этом составе, поэтому я всех поздравляю с наступающим праздником. А в следующем году будем завершать работу над военной доктриной.

С.Б. Чернышев

РУССКОЕ

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

1. Пространство самоопределения

Что же Бог думает о ней в вечности? Россия апофатическая и катафатическая

Следуя старой русской традиции, надлежит, приступая к размышлениям, прежде всего процитировать классиков. По частоте цитирования ныне все рекорды бьет известная фраза из “Русской идеи” Владимира Соловьева: “Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, а то, что Бог думает о ней в вечности”. Но ритуально уважив Маркса или Бердяева, национальные идеологи (в русле все той же традиции) далее шествуют самобытным путем, в лучшем случае никак не соотносясь с цитированной идеей, а в типичном — грубо ей противореча.

Если вдуматься в смысл утверждения Вл.Соловьева, получается, что любой богобоязненный человек, обращаясь к загадке русской идеи, должен хорошенько подумать, прежде чем вываливать на головы читателей очередной короб банальностей по поводу общинности, соборности, монархии, демократии, прав, рынка и пр. Тем более, что далее в цитируемой работе Соловьев определяет типичный плод раздумий “о себе во времени” как “фальсифицированный продукт, называемый общественным мнением”.

Ребенок, играя, может воображать себя то продавцом, то космонавтом, и это стоит рассматривать как один из факторов его самоопределения. Но подлинный акт самоопределения содержится в вопле “Мама, мама!”, с которым звездоплатель вцепляется в материнский подол при появлении малейших проблем по курсу его полета.

По крайней мере мы должны учесть существование двух подходов — апофатического и катафатического — в раздумьях о том, что есть Бог или, в данном случае, одна из мыслей Бога (для нас это вещи равновеликие). Что я имею в виду, говоря здесь об апофатическом подходе? Мы, конечно же, понимаем, что не в силах постичь ни Бога как такового, ни мыслей Бога о России, а можем давать только некие негативные определения (идея нации не есть ни то, ни это и ни это...), обозначая для себя и отсекая наиболее тривиальные, банальные и уже тем самым греховные ходы мысли. Катафатический подход возник несколько позже. Гегель писал, что Господь не просто открылся нам, — с тех пор, как Он открылся, сознательное и систематическое усилие понять, в чем смысл Откровения, является нашим долгом. И катафатическое богословие стремится хоть как-то, пусть на

уровне аналогий и образов, высказать позитивные утверждения относительно качеств и мыслей Бога. По какому из этих путей нам идти, если идти?

Авторы, что проходят, не обернувшись, мимо вызова, скрытого в этой приевшейся цитате, тем самым себя уже достаточно определили.

Существуют ли специалисты-предметники по русской идее?

Недавно я попал на одно обсуждение, где присутствовало несколько официально утвержденных специалистов-предметников по русской идее. И когда Юрий Милуков стал высказывать довольно интересные мысли относительно американской идеи, один из них сурово заметил, что он — сотрудник Института США и Канады, и посему просит в его присутствии никаких дилетантских соображений на сей предмет не высказывать. У меня так и просилась на язык вечная формула Сталина: “Знать вождя и спать с вождем — не одно и то же”...

Можно биться лбом о предмет сто и тысячу лет, — но идея предмета в самом предмете не содержится. Идея вообще не опредмечивается. Эту истину хорошо понимал Винни-Пух. Когда его попросили написать песенку, он заметил про себя: “Но это не так просто. Ведь поэзия это не такая вещь, которую вы находите, это вещь, которая находит вас. И все, что вы можете сделать, это пойти туда, где вас могут найти”.

Лепка или высекание? В поисках идеи-монолита

Любую вещь, будь то штаны, организация или “самоопределение”, можно сделать двумя способами, — “лепкой” или “высеканием”. Либо вы лепите эту вещь из того, что подвертывается под руку (хватаете предметы, склеиваете их, свинчиваете шурупами, связываете веревками). Либо вы берете некий монолит и ведете себя, как скульптор: путем отсекания от монолита каких-то частей (не то чтобы лишних, может, даже очень полезных, но не имеющих отношения к тому, что хочется получить) шаг за шагом формируете ту вещь, к которой стремитесь.

Путь высекания соединяет в себе преимущества и апофатического, и катафатического подходов. Я попытаюсь очертить контуры русского самоопределения путем высекания. Для начала нам нужно понять природу и структуру исходного монолита; потом взять за основу не весь этот монолит (на основании вышесказанного очевидно, что это не под силу человеку), а какое-то прилегающее к нам, доступное нашему разумению подпространство сегодняшнего самоопределения и двинуться путем культурным — путем высекания. Т.е. накладывать некие ограничения или конкретизирующие уточнения, или, если угодно, аксиомы, которые способны выделить “русское самоопределение” среди прочих.

На таком пути центральным вопросом становится поиск идеи монолита.

Итак, в первом разделе я хотел бы показать, какой представляется идея монолита, внутри которого, подобно

невидимой пока никому, кроме скульптора, фигуре, скрыто “русское самоопределение” (и в качестве некоторой его части “русская идея”).

Россия: самобытный индивид или неизвестный вид?

Во-первых, когда говорят о самобытности России, сразу возникает вопрос: что имеется в виду?

То ли Россия — индивид, не имеющий ни семейства, ни рода, аналогов которому просто нет нигде среди всего, что было, есть и будет под небом (стран, народов, этносов, социальных институтов).

То ли речь идет о том, что Россия — некий индивид, который может быть не только не самобытным, но вообще даже стандартным и клонированным, просто “биологический вид” этого индивида нам неизвестен. Само собой, когда мы видим единственную особь, принадлежащую к виду, пока нам неизвестному, она кажется необычайно самобытной. Но если бы их прилетела целая стая или прибежало стадо, мы сразу поняли бы, что в ней не так-то много самобытного.

Может, Россия — представитель неизученного или неизвестного ранее вида? Такая позиция гораздо плодотворнее. По крайней мере она дает нам шанс использовать элементы научного мышления и вообще остаться в культуре. Путь поиска монолита для высекания аналогичен пути определения вида.

Россия как судьба и как дарование

Во-вторых, когда говорят про идею, возникает вопрос, который, несмотря на свою очевидность, почему-то очень редко задается: идея понимается как “вещь в себе”, как образ, замкнутый на собственный прообраз по типу отражения в зеркале, — или это миссия, то есть обращенная вовне роль?

В первом случае идея есть некий “духовный образ России” (словосочетание, произносимое голосом Патриарха в заставке к известной телепрограмме “Итоги”). Тогда довольно понятно, что с ней делать: посмотреть, выключить телевизор и с чувством глубокого удовлетворения лечь спать.

Если же идея — это миссия, значит, она подразумевает, что нам предстоит совершить нечто вполне определенное по отношению к другим народам, к истории, даже к Богу — не в пустоте же галактической нам самоопределяться и самореализовываться! Мы ведь не одни у Господа. Если идея напоминает роль в спектакле, в таком случае мы, прежде чем зубрить роль, должны хотя бы с краешку заглянуть в сценарий. Здесь я вижу три естественных шага.

Во-первых, нужно посмотреть, какие роли вообще существуют в этом спектакле; далее, какие новые роли еще просто не выявлены: есть ли среди действующих лиц герои, пока еще не появившиеся на сцене? Действительно ли (еще одна трактовка известной статьи Фукуямы) все актеры, которые могли, на сцену уже вышли, все ключевые монологи уже произнесены, и остается всем, включая Скалозуба, работать над собой дабы

уподобиться Чацкому? Или же в этом спектакле есть еще несколько действий, где выйдут новые герои, выскажут новые идеи?

Далее, есть ли в труппе вакансии? Или же все ставки заняты, кандидаты на новые роли известны, и спектакль уже не нуждается в нашем участии? Если вакансий нет — нет вопросов и нет места для русской и какой бы то ни было еще новой идеи.

Наконец, если окажется, что есть не только новые роли в мировом спектакле, но и вакантные места в труппе, тогда надо выяснять, имеем ли мы — как актеры — какое-нибудь подходящее амплуа. Актеры бывают “характерные” или универсальные, они в разной степени наделены талантом, обладают различным жизненным и сценическим опытом, а также характеризуются определенным полом, возрастом, внешними данными и физическими кондициями. У нас громовой бас, и, соответственно, мы выходим на сцену, тяжело топая, — либо можем незаметно прошмыгнуть по ней? Согласимся ли мы изображать за сценой “вой ветра в трубе”, или будем претендовать на главную роль?

Все эти банальности говорятся к тому, чтобы напомнить: попытки рассуждать о самоопределении, не выходя за собственные рамки, довольно смешны. Путем “интроспекции” или “самопознания” установить свою роль или миссию невозможно.

Существует объемлющий Россию мировой спектакль. Из его рамок она не выйдет, ибо не является режиссером, но внутри него имеет свою актерскую судьбу. С другой стороны, культура может быть наделена большим или меньшим даром, который позволит ей с блеском исполнить (либо провалить) русскую роль.

***Вертикаль и горизонталь человеческого самоопределения.
Россия имманентная и трансцендентная. Россия реальная и
номинальная***

Несколько слов, касающихся координатной системы самоопределения. Они вполне будут понятны только тем, кто имел возможность и желание просмотреть книгу “Смысл”. Ниже я постараюсь просто намекать на некоторое содержание.

У каждого акта самоопределения есть некая вертикаль и горизонталь. Если мы представим самих себя как пульсирующую точку в универсуме□, то вертикаль — это синхронный срез, т.е. некоторое множество сосуществующих форм самоопределения, а горизонталь — диахронный срез, т.е. некоторая последовательность форм воплощения нашего самоопределения во времени.

Текущее самоопределение в этом смысле является пограничным состоянием, длящимся процессом решения некоторой осознанной проблемы. Ниже этой границы находятся все уже решенные проблемы, состоявшиеся формы самоопределения. Выше — открытые, проблемные сферы, служащие постоянным источником неопределенности, с которой пока не удастся справиться. Предположим, в настоящий момент я самоопределяюсь как владелец недвижимости или квартиросъемщик в проблемной ситуации назревшего

жилищного вопроса. При этом я являюсь инженером (результат самоопределения в области профориентации), членом КПРФ (политическое самоопределение), болельщиком “Спартака”, гетеросексуалом, владельцем ВАЗ-2105 и т.п. — все это сосуществующие, имманентные формы моей определенности. Одновременно я стремлюсь стать участником рынка ценных бумаг, хочу сориентироваться в стремительно разрастающемся мире мультимедиа и компьютерных сетей, пытаюсь средствами официальной и нетрадиционной медицины как-то решить проблемы со здоровьем, ищу свой путь в вопросах веры и церкви... Но ни в одной из указанных четырех сфер мне не удастся овладеть потоком неопределенности, зафиксировать свое положение в качестве субъекта: эти и другие сферы являются трансцендентными сферами моего самоопределения.

Одновременно квартирная проблема имеет и свою хронологическую горизонталь. Понятно, что отчаянные попытки как-то решить ее предпринимались давно, но все предшествующие формы жилищного самоопределения были номинальными — жить все равно было негде. С момента же успешного завершения операции по тройному обмену с доплатой эта форма надолго (надо надеяться) становится реальной (в терминах старой дискуссии “реализм — номинализм”). И в опоре на новую реальность, — которая, видоизменяясь, станет частью всех последующих жилищных реальностей, — я могу приступить к разборкам с остающимися и вновь проявляющимися сферами неопределенности.

Мы все время должны чувствовать эту вертикаль и горизонталь, ощущать, что наше сегодняшнее самоопределение является лишь ячейкой в некотором пространстве его форм. Каждый из актов самоопределения в случае его неудачи может стать и последним: если мы не самоопределимся — обстоятельства сами определят нас извне таким образом, что мы можем потерять идентичность, исчезнуть. В случае же успеха целая проблемная сфера перестанет для нас “по вертикали” быть трансцендентной формой самоопределения и станет имманентной, а “по горизонтали” перестанет быть номинальной и станет реальной, — то есть, проще говоря, превратится в основу, почву, на которой будем стоять мы или наши потомки в дальнейшем процессе самоопределения.

Итак, самоопределение приходится рассматривать как некий сложноорганизованный, перманентный процесс, состоящий из множества творческих актов. На первый взгляд, он может вызвать аналогию с грустным афоризмом Станислава Ежи Леца: “Ну, хорошо, ты пробил стенку лбом. А что ты будешь делать в соседней камере”

Но дело в том, что сама архитектура здания тюрьмы, на которую намекает Лец, до известной степени познаваема, — а это означает принципиальную возможность выстраивать стратегию самоопределения.

Указанные вертикаль и горизонталь задают пространство самоопределения, в котором диагональ образует последовательность некоторых базовых его форм. Одновременно эта диагональ может играть роль волшебного зеркала, отражающего и преобразующего исторические формы — в логические, и наоборот. Это одна из центральных идей наших с Виктором Криворотовым работ, частично опубликованных в книге “После коммунизма”. Так, черпаемые из культуры знания

об исторической последовательности форм деятельности позволяют логически и структурно упорядочить множество форм сосуществующих; в свою очередь, зеркальное опрокидывание классификации и систематизации существующих форм на историческую ось дают возможность совершенно по-новому подойти к проблеме “будущего”. Речь идет, конечно, не о его “предсказании” (понятие предсказания относится к сфере природных форм движения), — но о возможности оказывать на него сознательное формирующее воздействие.

Речь, как уже было сказано, идет о выстраивании стратегии самоопределения. На этот вопрос, в основном, и сориентировано все дальнейшее изложение.

Этажи социальной самоидентификации: вещный, субъектный, идеологический. Слои самоопределения: социальный, экзистенциальный, трансперсональный. Пространства самоопределения: божественное, человеческое, природное

Теперь я назову некоторые все более широкие пласты пространства самоопределения с целью дать почувствовать, что в культуре имеются некоторые общие представления о ступеньках, структурах, этажах, существующих в этом универсуме.

Сначала — об этажах социальной самоидентификации.

Что значит, к примеру (чтобы не заикливаться только на “русском”), быть этрусском, т.е. лицом этрусской национальности? Я — этруск, если:

1) мои родители и родственники — все сплошь этруски, о чем имеется свидетельство на родовой мраморной стеле, или это помнит точно жрец племени;

2) я веду себя по отношению к людям, как этруск — ношу соответствующую одежду, живу в жилище установленных размеров и формы и регулярно совершаю предписанные ритуалы (с этой точки зрения, неважно, кем были мои предки);

3) я имею “этрусскую идею”, ее исповедую, у меня имеется некий сознательный образ того, что значит быть этрусском, и я ему следую; данный образ может входить с противоречием с тем, что окружающие думают по поводу происхождения и обязательного поведения этруска; я могу ломать стандарты, исходя из своего собственного представления, что такое этруская идея, и противопоставлять себя закосневшему этрусскому обществу.

Это три разных этажа. Конечно, они сосуществуют. На передний план могут выступать и нижний (вещный), и средний (субъектный), и верхний (идеологический) этажи. Но все они являются социальными.

Далее. Помимо социального измерения самоопределения, включающего названные три этажа, можно указать еще два — экзистенциальное и трансперсональное.

В неопубликованном тексте Сергея Картунова, который он мне любезно дал прочесть, есть упоминание не читанной мною книги И.Мамлеева, где автор говорит, насколько я понял,

что у русской идеи есть и космическое измерение, что она не обязана замыкаться на земные реалии. Эта мысль может показаться страшно смелой, однако мне представляется достаточно очевидной, чтобы в этот вопрос не вдаваться. В том же смысле, в каком у психики каждого человека есть, кроме социального измерения (там, где он мыслит в понятиях и сознает), еще и измерения экзистенциальное и трансперсональное, — в том же смысле, конечно, их не может не быть у самоопределения человека как русского.

Экзистенциальное измерение дано человеку не в сознании, а в откровении. Оно не выражается в словах (не вербализуется), но это огромный пласт реальности. Его проблематика — ограниченность и конечность всех форм человеческого бытия, реальность рождения и смерти.

Трансперсональное измерение также дано каждому человеку, даже если он не принимал дозы ЛСД и не пробивал границу своего сверхсознательного иными искусственными средствами. Оно дано в актах творчества, которые осуществляет каждый человек.

Наконец, целостный универсум самоопределения помимо человеческого пространства (с его социальным, экзистенциальным и трансперсональным измерениями) включает еще два: божественное и природное.

Проекциями самоопределения на два эти пространства являются, соответственно, саморазвитие и самодвижение.

Все мною сказанное, в принципе, понималось многими людьми и в европейской культуре, и в русской. Нашим поколением эта способность в значительной степени утеряна. Нынешняя проблемная ситуация, однако, настоятельно требует от нас элементарного взаимопонимания — хотя бы на образном уровне — относительно устройства того монолита, частью которого будет русское самоопределение. Поэтому сказанное мною здесь — не предмет для дискуссии, а как бы обмен знаками, обозначение пространства, где нам предстоит искать свое самоопределение.¹

Этапы развертывания самоопределения. Философия русской истории

То, что я говорил про этажи, слои и пространства, скорее, относится к вертикали. Однако есть и горизонталь самоопределения, развертывания русской идеи в Истории. Есть проблема философии русской истории.

На уровне здравого смысла всем понятно, что мы развиваемся совсем не так, как предписано диаматом, и не так, как развиваются европейские страны. У нас не прорастает никакое третье сословие, не желает формироваться само по себе гражданское общество. У нас производительные силы имманентно не развиваются, производственные отношения не чинят им препон. Многолетняя дискуссия на эту тему требует какой-то расчистки. В своей повести “Кальдера Россия”, вошедшей в третий том “Иного”, я попытался в меру сил найти образную параллель нашего российского способа развития,

который реализуется через нескончаемую цепь трагедий.

Это — образ кальдеры вулкана, где самоопределение выглядит как череда взрывов. После каждого взрыва на месте предыдущей реальности возникает воронка. Снизу она постепенно заполняется продуктами жизнедеятельности вулкана, сверху с краев воронки сползают осадочные породы, и образуется чрезвычайно живописная долина, имеющая свой микроклимат, свою сверхплодородную почву, подогреваемую снизу, с удивительно разнообразной флорой, фауной, которая существует в таком виде, скажем, 20 тыс. лет (как кальдера вулкана Санторин близ о. Крит) или 40 тыс. лет (как кальдера вулкана Узон на Камчатке). И в это время там имеет место “цветущая сложность”.

А потом, в силу того, что мы не овладели механизмами последовательности самоопределений, возникает “несубъектное переопределение”, т.е. осуществленное извне не нашей волей или каким-то катастрофическими процессами. В центре кальдеры вылезает головка вулкана, она разрастается, стряхивает с себя всю эту цветущую сложность, и возникает новая гора. Она взрывается, из нее вылетает содержание в виде магмы, все проваливается в пустоту, и образуется новая воронка, в которой начинается все сначала.

В истории России, даже если не рассматривать такие “переопределения”, как Смута или революция 1917 г., скажем, при переходе власти в рамках династии от одного монарха к другому мы постоянно видим отцеубийства и прочие “разборки”. Каждый новый этап и даже микроэтап у нас обычно начинается с тотального отрицания, с того, что мы находим себя совершенно новыми во всем, вплоть до языка, и считаем своим долгом тратить все силы на проклятья в адрес предшественников, или на борьбу с ними, или на их разоблачение. А когда наступает пора сделать нечто позитивное, выясняется, что времени и сил на это уже нет. И нас опять определяют извне.

Например, почему такая истерика по поводу приближения НАТО к священным рубежам? (Выскажу мысль, на которую натолкнул меня Глеб Павловский.) Казалось бы, что такого, если славные мадьярские и эстонские воины на стареньком Т-72 закрасят нашу пятизубчатку и вместо нее нарисуют четырехзубую натовскую звездочку? А истерика-то связана со вполне реальной вещью. Мы уже 10 лет никак не можем самоопределимся. В такой ситуации НАТО просто обязано расширяться и огораживать нас каким-то забором извне. Что же им еще делать? Они в отчаянии. Мы же ничего не предлагаем! Мы не говорим, где наши границы, в чем наши интересы, мы не задаем никакой определенной формы сотрудничества или, на худой конец (как СССР) “мирного сосуществования”. Однако не может же весь мир бесконечно ждать, имея рядом с собой такую пульсирующую, безграничную, неопределенную пустоту, зону перманентного беспредела. И истерика нашего “истеблишмента”, среди прочего, связана с верным ощущением: мы опять не можем, не успеваем свободно самоопределимся, — но тогда нас определяют извне. Именно эта трагедия и происходит сейчас.

Боюсь, что покуда народу русскому пределы не будут поставлены им же самим, его трагедия будет только углубляться. Но речь идет вовсе не о “самоограничении”, “капитуляции”, “отказе от миссии” и тому подобных материях. Смысл как раз в обратном. Пределы, которые субъект ставит себе сам в процессе

самоопределения, — это форма развития, творчества, это способ существования, неизбежный способ двигаться вперед. Однако если вы этого некоторое время не делаете (старые пределы разрушили, а новых не создали), вы обрекаете себя, подставляетесь под то, что вам поставят пределы извне. А это уже совсем другая песня.

В терминах самоопределения можно предложить ту или иную упрощенную модель горизонтали (развертывания самоопределений). Здесь центральная проблема такова: или мы должны стать субъектом этого перманентного самоопределения — или нас в очередной раз именно сейчас определяют очень грубым и неприемлемым для нас способом внешние субъекты либо стихии. В последнем случае опять возникнет новая русская кальдера, а Запад и Восток пополнятся очередной волной случайно уцелевших русскоязычных недобитков — либо просто сам предмет окончательно исчезнет, и на этом наши попытки самоопределения закончатся.

Вот кратко все, что я хотел сказать, дабы обозначить контуры монолита, в котором, вероятно, нам предстоит путем высекания искать контуры следующего русского самоопределения. Причем есть ощущение, что времени на это осталось негусто.

Надежда в том, что мы находимся в культуре, наследуем ее, — пусть не сознательно, невольно, а, может, даже против воли (некоторые из наследников русской культуры, что вполне нормально, ее не любят и рады бы от нее отделаться, но увы...). По моему глубокому убеждению, в русской культуре содержится с избытком материал для нового исторического самоопределения. И наш долг им воспользоваться. Я имею в виду не только экономические, оборонные, стратегические ресурсы, но и интеллектуальные, и языковые, и душевные — ресурсы всех типов.

II. Начала Метаистории

Теперь я должен в универсуме самоопределения, кратко обрисованном выше, оконтурить небольшую окрестность, островок, доступный моему разумению. Он в основном ограничен социальным слоем и почти не затрагивает экзистенциальный и трансперсональный. Он охватывает сравнительно узкий диапазон как по вертикали, так и горизонтали самоопределения. Тем не менее, мне кажется, даже этот островок позволяет создать плацдарм для экспансии определенности, — в отличие от пятачка во многом фиктивного, мнимого пространства сегодняшних дискуссий (в мифологических координатных осях типа “патриотизм или космополитизм”, “демократия или соборность” и т.п.).

С единственной целью облегчить восприятие я придам изложению характер системы гипотез и буду формулировать их одну за другой. Гипотезу психологически легче воспринять, ее можно как-то обсуждать, опровергать, соотносить интуитивно (а иногда и рационально) с собственным опытом.² Естественно, формулирование каждой гипотезы равносильно использованию некоторой упрощенной модели, а всякая модель (тем более, когда ее описываешь в нескольких абзацах) ущербна, и реальность в ее терминах содержательной интерпретации, конечно, плохо поддается. Таким образом, я буду делать ряд предельно грубых,

вопиющих упрощений относительно реальности, в которой мы самоопределяемся.

Надеюсь, однако, если у читателей достанет терпения вынести это гносеологическое насилие, наш горизонт самоопределения расширится. И выяснится, что мы не столь уж несвободны, что у России все еще имеется широкое поле выбора, простор для стратегических инициатив: есть где проявиться нашей свободе воли. Ибо пространство самоопределения в пределе тождественно пространству свободы воли. С другой стороны, свободное самоопределение — тяжелое бремя. Но всякий раз, как мы (по старинному русскому обыкновению) пытаемся перевалить его на Господа — это бремя с готовностью подхватывает Великий Инквизитор. Так что — была бы воля к свободе, а для свободы воли место есть всегда.

Гипотеза Среднего мира. Три мира — три системы

Данная гипотеза тесно связана с ответом на вопрос: Россия — это уникальный индивид, заброшенный к нам откуда-то с Марса? И даже если он действительно заброшен с Марса, нельзя ли посмотреть на всю марсианскую фауну? Может, она обитает где-нибудь здесь, за краем нашей кальдеры?

С этой точки зрения, центральная идея проекта “Иное” была такова: от биполярной модели, раскладывающей все конкретные общества по двум ячейкам — “Первый мир” и “Третий мир” (в других терминах, соответственно, “Север — Юг”, “Запад” — “Восток”, “Открытое общество” — “Закрытое общество” и т.п.) необходимо вернуться к идее как минимум трех миров и говорить об идеальном типе или о модели стран Среднего мира.

Данная модель по содержанию не уступает концептам, объёмлющим Первый и Третий миры. Она представляет огромный мир разнообразия, вмещающая в себя целый универсум разнообразных моделей обществ. В качестве одного из представителей обществ Среднего Мира (может быть, типичного, или яркого, или исторически первого — разберемся потом) рассматривается Россия. В этом смысле она ничуть не более уникальна, чем все прочие страны данного типа, т.е. те, которые мы будем изучать с помощью понятия “страна Среднего мира”.

Можно употреблять разные обозначения для этих идеальных типов. Например, использовать понятия “общество традиции”, “общество культуры” и “общество цивилизации”, смысл которых интуитивно угадывается.

“Общество традиции” — это идеальный тип, который годится для описания исторически наиболее старых, ранее всех возникших типов общности и наиболее архаических пластов, которые существуют в каждом мире, в каждом социуме.

“Общество культуры” — идеальный тип, соответствующий модели Среднего мира.

“Общество цивилизации” — идеальный тип для описания исторически наиболее позднего пласта, характерного для стран Запада, обществ Первого мира.

Конечно, описание любого из конкретных социумов с помощью одного из этих идеальных типов было бы грубой абстракцией. Для его описания нужно употреблять все три

идеальных типа. Более конкретная модель социума должна представлять как бы трехслойный пирог, в котором есть слой (пласт) традиции, слой культуры и слой цивилизации. И уже в зависимости от того (по аналогии с тремя типами государств у Платона), какой из этих слоев доминирует, можно говорить об обществах, тяготеющих к идеальному типу традиции, культуры или цивилизации.

Бессмысленно пытаться обрисовать “затерянный мир” обществ культуры в нескольких абзацах. По существу, полторы тысячи страниц “Иного” — элементарное введение в проблематику Среднего мира.

Полтора года назад во время симпозиума “Россия как страна Среднего мира”, проходившего на о. Крит, греческий коллега спросил меня, как бы я чисто внешне описал типичную “страну Среднего мира”.

Я ответил, что это общество, где много культурных, образованных людей, где граждане носят современные пиджаки или свитера, едят бутерброды и ездят на трамваях. Ее культура имеет глубокие исторические и религиозные корни. В этой стране имеется серьезная и влиятельная литературная традиция, замечательная музыка, живопись. В ней часто изготавливаются не имеющие равных в мире образцы высокотехнологичной продукции, и есть современные города. Однако при этом все вокруг жутко заплевано, дороги с выбоинами, транспорт ходит не по расписанию... И всякая уникальная и замечательная вещь, будь то идеальная или материальная, будучи создана, неуклонно разваливается, и никак не удается наладить ее воспроизводство и тиражирование. Передовые идеи, машины, институты, постоянно возникая, вскоре рушатся, растаскиваются, приходят в негодность.

Мой греческий коллега засмеялся и сказал, что, с его точки зрения, Греция по многим параметрам относится к числу стран Среднего мира.

***Гипотеза метаистории. Зазеркалье XX века.
От экстенсивных форм — к интенсивным***

Эта гипотеза постулирует становление принципиально нового типа исторического развития в XX в. Согласно гипотезе, человеческое общество (представленное несколькими наиболее продвинутыми социумами) прошло сквозь некоторое зеркало, вошло в постисторическое Зазеркалье в эпоху между Первой и Второй мировыми войнами.

Образно это можно представить себе как отражение от внутренних границ некоторой зеркальной сферы — универсума форм деятельности. На этапе экстенсивного исторического развития сфера была заполнена целиком. В этом смысле Фукуяма прав: мы дошли до некоторой границы, определенный универсум форм деятельности исчерпан (однако это касается не всех, а лишь экстенсивных форм развития), и все пространство заполнилось единым всемирным Обществом цивилизации, которое уперлось в собственные границы и остановилось.

Согласно данной гипотезе, гипотезе Метаистории, далее наступает не остановка, тупик, а следующий по логике цикл

развития, где новые общества превращают прежние формы деятельности в свой предмет, и начинается движение обратно, вглубь сферы экстенсивных форм. Возникает слой “мета” над историческими обществами. Например, возникает общество, которое экономические формы деятельности, присущие Обществу цивилизации, превращает в свой предмет. Появляются, скажем, Федеральная резервная система, Комиссия по бирже и ценным бумагам и другие институты, которые начинают работать со всем множеством форм финансового капитала или инвестирования, соотносить их, устанавливать внутреннюю иерархию, какие-то из них монополизировать, присваивать себе, а прочие ограничивать, регулировать, оптимизировать и т.п.

Мы попадаем в странный мир, где одновременно существуем в двух мирах — и в истории, и в метаистории, и как бы вынуждены двигаться в разнонаправленных временах. Мы оказываемся в двух встречных потоках: существуем в одно и то же время и в мире фукуямовской заканчивающейся истории (или, по Марксу, предыстории), и уже влезли в некоторые постисторические миры. Наше движение идет одновременно и по пути создания новых форм частной собственности, и по пути снятия ее форм как таковых.

Эта противоречивая разнонаправленность абсолютно вынуждена. Если мы просто занимаемся ветхозаветным выращиванием новых форм частной собственности, в то время как нам навстречу движется поток современных обществ, которые работают с этими формами как с предметом, мы тем самым не просто облегчаем им работу с нами, а как бы подставляем под них, их провоцируем, создаем им повод и наиболее удобный способ взять нас за горло. Но совсем не заниматься созданием предысторических форм мы тоже не можем, ибо у нас действительно отсутствует мощный пласт классических экономических форм деятельности и форм собственности — на пути в метаисторию зияет дыра, пропасть в две формации шириной. И возникает парадоксальное движение одновременно и в истории, и в метаистории, когда мы должны культивировать вполне зримые (их можно посчитать, назвать) формы, скажем, экономической деятельности, и одновременно должны создавать формы их снятия. Однако и те, и другие во внешней реальности конца XX века уже существуют, что дает нам некий шанс.

***Гипотеза симметрии форм.
Постиндустриализм, корпоративизм, идеократия***

Эта гипотеза удваивает полученный нами список из трех идеальных типов, моделей общества

Социальные системы целиком заполнили отчужденными формами деятельности, — технологическими, организационными и экономическими, — некоторую сферу, зеркальную изнутри, и врезались лбом в зеркало. Лидеры социальной гонки оказались в положении пловца, который плыл к стенке бассейна и, не видя ее и не зная, что ему нужно оттолкнуться от нее и повернуть назад, просто ударился о нее с размаха, разбил череп, потерял сознание, но потом пришел в себя и, кое-как развернувшись, поплыл обратно. Так в промежутке между Первой и Второй мировыми войнами отдельные пловцы сменили направление движения на

противоположное.

В этом смысле, говоря на языке идеальных типов, гипотеза метаистории предполагает, что мы имеем право говорить еще о трех зазеркальных моделях общества, которые можно условно назвать:

- постиндустриальный тип общества (“мир № 4”)⁴; — “предметно-практическая рефлексия” над обществом цивилизации;
- корпоративный тип общества (“мир № 5”) — опредмечивание, снятие форм общества культуры;
- идеократический тип общества (“мир № 6”) — овладение материалом форм деятельности общества традиции.

***Гипотеза метаисторического субъекта.
(Где прячутся коварные жидомасоны)***

Конечно, интуиция множества людей подсказывает, что современность не живет по законам мира, описанного в работе “Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии”, где сталкиваются, бестолково бодаясь, миллионы разнонаправленных волей, и возникает никого не устраивающая статистическая результирующая по законам идеального газа. Люди все явственнее ощущают субъектность метаисторического мира, изменяющееся качество этой субъектности. Но, поскольку в сознании имеется много разнообразных слоев, и поскольку в массовом сознании доминируют слои архаические, оно склонно мифологизировать и демонизировать субъектные структуры. В итоге возникает широкий спектр взглядов на современный миропорядок: от моделей теории игр и конфликтологии — и до жутких историй про подземные бункеры, где сидят разные жидо-, тюрко-, буддо- и прочие масоны, которые, якобы, уже сконструировали и реализовали мир, описанный в доктрине предопределения, используют тайное организационное оружие, технологии массового одурманивания и т.п., а мы являемся их марионетками. За этим, несомненно, стоит подлинная интуиция, которая верно чувствует тенденцию, — просто она не находит своему чувству адекватных культурных форм воплощения.

В этом смысле, если попытаться образно описать новый тип метаисторической субъектности в терминах постиндустриального, корпоративного и идеократического типов обществ, то можно вывести на арену трех персонажей. Я назову их условно (это — весьма приблизительные названия): “предприниматель”, “конструктор” и “идеолог”.

1) Что такое “предприниматель” по Шумпетеру? Это человек, для которого вся совокупность экономических форм, форм “бизнеса” является предметом сознательного манипулирования. Он знает, как все они называются, он их посчитал, для него они располагаются в Периодической таблице экономических форм деятельности типа менделеевской. Он хорошо представляет атомные веса, валентности, свойства основных соединений этих элементарных форм. Вместо того, чтобы, как положено классическому бизнесмену, выбрать одну из экономических форм деятельности (скажем, производство сосисок или фьючерсные сделки на бирже) и в ее рамках ожесточенно состязаться с конкурентами, он использует этот и

другие элементы для “неорганического и органического синтеза”, т.е. выстраивает т.н. схемы. Он зарабатывает не на конкретной экономической функции, а на ее первой производной: строит уникальную схему, невидимую для конкурентов, бандитов и налоговзимающих органов, и эксплуатирует эту схему, пока ее не заметили те, другие или третьи. А как только кто-то из них ее заметит, он строит другую схему, прибавляя построенные ранее им и другими схемы к исходному множеству элементов своего конструктора. Это — не бизнесмен, а предприниматель, существо постиндустриального мира. Его форма деятельности уже интенсивна: он превратил предысторические формы деятельности в свой предмет.

2) Что такое “конструктор”? Это человек, который работает не столько с экономикой и над экономикой, сколько с предпринимателями и над предпринимателями. Деятельность “конструктора” заключается в том, чтобы поставить на поток единичные акты по синтезу новых предпринимательских схем деятельности. Он стремится увидеть их источник, понять, в чем состоит вся их совокупность. Он строит некоторую информационную систему или систему корпоративного принятия решений, которая производит предпринимателей вместе с их схемами подобно тому, как производится оружие на конвейере. Здесь уместен образ современной транснациональной корпорации, которая нависает над целыми сферами международного бизнеса. Она выстраивает стратегию последовательной реализации предпринимательских схем, обучает им своих агентов и посылает их в ту или иную сферу международного бизнеса с целью установить над ней контроль. Эти предприниматели отличаются от обычных тем, что их с материнской корпорацией объединяет незримый оптоволоконный кабель или электронный сигнал.

В своих лекциях в Высшей школе экономики я приводил примеры, наводящие на мысли о реализации подобных схем де-факто. Я не хочу сказать, что весь мир уже населен “конструкторами”. Однако, судя по всему, такие уклады в нем укоренились. Предметом исследовательской работы должно стать выяснение места, значимости, стратегического веса этих укладов в современном мире.

3) Что такое “идеолог”, точнее, олицетворяемая им “идеократия”? О ней я скажу буквально несколько слов, потому что это очень далекий от нас и непонятный уклад, хотя мы с ним и сосуществуем.

Среди ранних прообразов идеократии были итальянский фашизм, немецкий нацизм, наш большевизм и японский тэнноизм. В связи с известными обстоятельствами, не имеющими прямого касательства к тому, что я хочу о них сказать как об укладе, они были демонизированы. Говорить о них стало дурным тоном и даже сопряжено с моральной опасностью. Конечно, в этих странах де-факто проклюнулись лишь элементы идеократии, обвешанные дополнениями из архаических укладов. Кстати, именно их обвешанность архаическими укладами привела к тому, что они превратились в арену борьбы сил добра и зла и стали причиной множества трагедий, неизбежно сопутствующих переходу через зеркальную границу Истории и Метаистории. Пониманию природы идеократии не способствует и другое обстоятельство: укладами, в которых прообразы идеократической модели существуют в современном мире, являются загадочные и экзотические феномены типа “Аум Синрикё” и “Белого

братства”, концентрирующие всеобщее внимание на фоне тысяч сект или организаций, может быть, вполне невинных, где люди занимаются медитацией.

Если центральную роль в постиндустриальном укладе играет понятие “стоимость”, а в корпоративном — “информация”, то в идеократическом — “энергия”. И ключевым вопросом, определяющим мощь данного социума в идеократическом укладе, является наличие источника и канала поступления энергии, которая в дальнейшем может конвертироваться в информацию, а информация — в стоимость.

Резюмируя сказанное об идеократиях, можно сказать: это — мир, от нас все еще очень далекий, культурой не освоенный, в рациональных понятиях плохо выраженный, поэтому с ним надо обходиться очень осторожно. Пока я могу только констатировать, что в современном мире идеократический уклад еще не скоро выдвинется на ключевые роли.

Согласно гипотезе симметрии форм, в постисторическом зазеркалье сначала бьет час постиндустриализма, т.е. идеального типа, который зеркален обществу цивилизации. Для реализации этой модели налицо готовый предмет и наиболее выгодные условия. Можно предположить, что сейчас она в наибольшей степени годится для описания того, что творится на западе.

Далее достигается “резонансная частота” для реализации формы деятельности, лежащей в основе пятой модели общества, названной корпоративизмом.

И, наконец, в некотором отдаленном будущем создадутся условия для предметно-практической рефлексии над обществом традиции. И социумы, в которых в наибольшей мере сохранились традиционные уклады, получают там свой шанс для трансформационного рывка.

Метаисторическое общество можно представить себе как трехслойный пирог, где присутствуют одновременно постиндустриализм, корпорация и идеократия. Соответственно, в зависимости от доминирующего уклада можно обрисовать три типа субъектного устройства.

1) В обществе постиндустриального типа (модель № 4) элита локализована в укладе предпринимателей. Соответственно, это должны быть такие финансовые суперспекулянты как Джордж Сорос (не случайно, кстати, в своей главной книге “Алхимия финансов” он формулирует принцип рефлексивности). При них, конечно, необходима какая-то корпорация наемных управляющих, но все же эта корпорация еще не является “техноструктурой” по Гэлбрейту. Управленцы здесь продолжают быть наемными людьми, которые лишь обслуживают процесс принятия решений, а направление, вектор, парадигма принятия решений остается за финансовой элитой. Конечно, в обществе постиндустриального типа должна быть некоторая идеократия (точнее, партия), которая окрашивает все это общество в цвета вполне определенной идеи — будь то национальная, космополитическая, либеральная или еще какая-нибудь. Но эта партия ни в коем случае не является правящей.

2) В обществе корпоративного типа (модель № 5), согласно трудам Гэлбрейта, берет верх корпоративная элита (техноструктура). Управляющие деньгами становятся важнее, чем

собственники денег, потому что гораздо лучше знают, что с этими деньгами можно сделать, и де-факто их контролируют. В таком обществе истеблишмент рекрутируется из высших лиц, принимающих решения (просвещенных бюрократов), которые превращают “предпринимателей” в своих агентов, представителей на мировых рынках (в подчиненный уклад).

В обществе корпоративного типа все определяется мощностью применяемой технологии и методов коллективной выработки решений. В частности, критерием адекватности информации является ее ликвидность в том смысле, что мы можем эту информацию напрямую превратить в стоимость, а стоимость — в деньги. Если мы на основе этой информации можем построить такие схемы деятельности на мировых финансовых рынках, которые принесут нам успех, это и будет наглядным критерием, показывающим, что мы находимся в корпоративном укладе.

3) Наконец, в обществе идеократического типа (модель № 6) элитой являются “идеологи”. Вот там уж действительно партия — это элита. (Мы в России намного опередили исторический ход событий.) В этом обществе партия становится правящей, однако не в том банальном смысле, что она имеет власть. Само понятие “власть” по отношению к постиндустриальному укладу некорректно, неприменимо, так как не описывает сути дела.

В обществе идеократического типа элита — это слой, который является носителем энергетики. Дело в том, что идеи — это не текст, не слова. Идеи — это энергия, которая приводит в движение данную элиту. Именно в Обществе № 6 энергия становится важнее информации. Если энергетика есть, то корпорация лиц, принимающих решения, примет эффективные решения.

Вот образ трех типов “тайных элит”. Они совершенно поразному устроены. Поэтому, когда нам говорят, что в современном мире действуют конспиративные субъекты, прежде всего необходимо определить, о каких субъектах идет речь. Масонов, сидящих в бункере, у которых в наличии только подчиненный бюрократический аппарат да куча телефонов, понятно, давно нет и в помине в силу их безнадежной неэффективности. Значит, речь идет либо о предпринимательской, либо о корпоративной, либо об идеократической элитах. Вопросы, каков относительный вес этих укладов в современном мире и с каким типом субъектов мы сталкиваемся в конкретных обстоятельствах, требуют конкретного исследования. Но в настоящий момент есть все необходимые понятийные средства для понимания того, что мы должны искать и как внешне проявляется деятельность этих элит. Это не предмет конспирологии — это предмет работы.

Пока этого не сделано, мы будем находиться в мире бесконечных сплетен, слухов, легенд, нам не отвертеться от разбирательств с самодеятельными ловцами внутреннего и внешнего супостата, обсуждений, каков персональный список этих самых жидомасонов и под какой подушкой у них спрятан план погубления отечества. Вполне возможно, что таковые планы лежат в чьих-то сейфах, даже наверняка. Всякий уважающий себя субъект должен иметь полный спектр планов взаимодействия — от дружбы и партнерства, через все формы экономической, информационной, идейной борьбы и вплоть до специальных операций и силовых “разборок” — со всеми другими субъектами.

И они их, конечно же, имеют. Вопрос лишь в том, чтобы не демонизировать их, а обзавестись соответствующими собственными планами, положить их себе под подушку и на этом успокоиться.

Гипотеза полноукладности. Островки прошлого и будущего в настоящем

Чем отличается гипотеза полноукладности от понятия “многоукладность”?

Понятие “многоукладность” — просто банальное утверждение о составной природе каждого реального общества. Кстати, уже в силу одной только многоукладности понятно, что всех введенных выше понятий недостаточно для описания любого реального социума, ибо он, естественно, многоукладен, в нем все шесть моделей представлены (то ли в виде каши, баклажанной икры, то ли в сложной взаимосвязи по принципу молекулы белка).

Но названные шесть моделей — это далеко не полный список, ибо я совершенно уклонился от целого ряда слоев самоопределения. Однако сколько бы ни было идеальных типов (я их сейчас считать не буду), гипотеза полноукладности утверждает нечто более сильное: в любом реально существующем социуме, в ситуации самоопределения любого субъекта всегда представлены все уклады сразу (в смысле историзма — от безумно архаичных рудиментов и до укладов-островков далекого будущего). Они есть. Просто чем дальше соответствующий пласт в структуре пространства самоопределения данного субъекта, тем более он с ними опосредован, тем труднее ему их обнаружить. Они могут быть спрятаны в скорлупу каких-нибудь объемлющих структур, или быть маргинализированными, конспиративными, или, наконец, находиться на социальной и географической периферии.

Но это означает следующее. Если мы решаем вопрос не о том, что такое Россия вообще, а о том, что именно мы должны делать здесь и теперь, — мы имеем все основания надеяться, что найдем все необходимые опорные точки и конструктивные элементы для своего самоопределения в виде развитых укладов (метаисторических, постиндустриальных и каких угодно), уже существующих в современности. Просто эти уклады невидимы для невооруженного глаза, прозрачны в оптическом диапазоне “здорового смысла”. Для того, чтобы увидеть в привычной реальности нечто принципиально новое, необходима гипотеза о существовании этого нового, доведенная до инженерной степени конкретности. Заготовки для подобного рода гипотез и предлагаются здесь на ваш суд.

Гипотеза снятия самоотчуждения. Трансформация “формаций”

Допустим, мы самоопределились и сказали, что Россия — это страна Среднего мира. Что нам делать дальше? Что можно сказать относительно нашего дальнейшего движения?

Соответствующая гипотеза состоит в описании некоего механизма трансформации “формаций”. Нужно иметь в виду, что под “формацией” я имею в виду нечто похожее, но не совпадающее с тем, что этим словом называл Маркс. В моей книге “Смысл” есть определение этого понятия. Для понимания дальнейшего достаточно иметь в виду, что формация — это синхронный срез, вертикаль самоопределения.

Коль скоро нам сначала на практике, а потом в теории стало ясно, что мы уже находимся одновременно и в старом, и в новом мире, мы не можем продолжать жить как если бы все еще находились в ветхой, дофукуямовской истории. Сам тип развития, естественно, меняется, ибо мы попали в зазеркальный мир. Если продолжать искренне и наивно заниматься “модернизацией” в смысле построения светлого “общества цивилизации”, запоздалых попыток войти в “первый мир” — нас просто превратят в предмет. Нам скажут: “Вы и вправду до сих пор решаете проблему торгового капитала? Забавно... Впрочем, пожалуйста вот сюда, в резервацию, вас купит Лихтенштейн и перепродает Суринаму, у которого вас возьмет в аренду и будет эксплуатировать Польша, — впрочем, вы про это ничего не узнаете. Обещаем вам ритмичные поставки бумерангов, эквалайзеров и стеклянных бус”.

Гипотеза предполагает иной вариант поведения для социумов, не достигших в своем развитии уровня зрелого “общества цивилизации”. Это идея имеет очень старые корни, она восходит еще к прозрениям Чаадаева и Герцена о том, что существует некая симметрия архаических и постмодернистских социальных структур.

Запад, осуществив прорыв в постисторическое пространство, вдруг обнаружил, что вектор эволюции социальных структур в определенном смысле разворачивается на 180 градусов: там, где он ранее разрушал старую корпоративность, старые структуры, считавшиеся по западным меркам архаичными, теперь он все чаще вынужден эти структуры восстанавливать в новом качестве. Впрочем, о таком повороте предупреждал еще Дюркгейм сто лет назад. По счастью, старые структуры не везде и не всегда разрушали. Например, иначе поступила со своими протокорпоративными или нефеодалными структурами Япония.

Напомню, в соответствии с представлениями квантовой механики существует дискретный набор вполне определенных возможных состояний частицы, и при переходе из одного состояния в другое только некоторые переходы являются возможными, а все прочие — запрещенными. Аналогично, гипотеза снятия самоотчуждения постулирует, во-первых, что трансформация каждого из трех предысторических типов, — общества цивилизации, культуры и традиции, — возможна только в направлении симметричного ему метаисторического типа: соответственно — постиндустриального, корпоративного и идеократического общества. Иными словами, существует некоторая резонансная частота перехода.

Но если в отношении индустриального общества это утверждение представляется очевидным, то прыжок общества культуры из Второго мира сразу в Пятый кажется утопией. Ведь в столбце соответствующей формации зияют целых два провала, в процессе трансформации это общество должно заполнить внутри себя две недостающих сферы форм деятельности. Во-первых,

сферу классических экономических форм XIX в., общества цивилизации. Во-вторых, поскольку, как было сказано, трансформация означает движение одновременно “вперед” и “назад”, во встречных потоках истории и метаистории, необходимо заполнить слой постиндустриальных форм современного предпринимательства и экономического регулирования. Т.е. грубо говоря, классические формы экономической деятельности должны заимствоваться одновременно в оболочке современных постиндустриальных форм их снятия. Условно, с точностью до образа: мы не должны брать дикий рынок капиталов, мы должны сразу взять рынок капиталов, упорядоченный и регулируемый Федеральной резервной системой. Т.е. мы должны стремиться заполнить пропасть не в два приема, а разом.

Обществу 2-го типа (обществу Среднего мира) предстоит либо стагнация, либо трансформация в Общество 5-го мира, минуя индустриальный и постиндустриальный миры. Но гипотеза состоит, во-вторых, в том, что этот прыжок перестает быть утопией в той мере, в какой недостающие формы деятельности, социальные ткани и институты уже возникли, существуют в виде укладов в других обществах и могут быть использованы для трансплантации или копирования. При таком переносе (который, естественно, всегда будет представлять собой творческий и неоднозначный процесс) исторические формы должны заимствоваться в оболочке снимающих их зазеркальных, метаисторических форм.

Аналогичный и еще более головокружительный прыжок предстоит обществам традиции (третьего мира), когда и если созреет в готовом виде необходимый материал для трансплантации, в данном случае — уклад корпоративизма, “интеллектуального общества”, которое сегодня едва вырастает из недр постиндустриального. И только когда созреют подобные материальные предпосылки, на авансцену выступят Общества традиции и путем сложной трансформации создадут идеократический мир № 6.

Еще раз напоминаю: мы движемся пока в предельных абстракциях, примитивных и убогих. Реальные трансформационные процессы являются многоукладными и многомерными, жесткие ограничения на несимметричные переходы в них размываются.

Теоретически вполне можно представить себе движение от общества культуры к корпоративному в три этапа: сперва — модернизация, т.е. превращение в общество первого мира; затем — переход от индустриального общества к постиндустриальному; наконец — “мета-модернизация”, превращение в новое корпоративное общество. Только не нужно забывать, что первый переход означает, ни много ни мало, форсированное разрушение корпоративных структур и сословий, по удачному выражению одного из авторов “Иного” — “модернизацию через катастрофу”; второй — превращение класса собственников капитала в предмет манипуляций постиндустриальной финансовой олигархии; третий — воссоздание на пустом месте разрушенных ранее корпоративных структур и подчинение олигархии восходящей “техноструктурой” (неудачный термин Гэлбрейта). Так стоит ли одна трансформация трех революций?

Но даже в чисто технологическом отношении путь модернизации приводит на память образ математика, который знает алгоритм приготовления чая: надо снять чайник с полки, налить воду, поставить на плитку, зажечь газ... Если же чайник не находится на полке, а уже стоит на плитке, в нем есть вода, и плитка зажжена, — математик выключает плитку, берет чайник, выливает из него воду, ставит его обратно на полку... и начиная с этого пункта он знает, как дальше действовать.

Гипотеза троичности идеала. Справедливость как Равенство в Свободе. Куда девалось “Братство”

Это последняя гипотеза. Она посвящена трактовке известной триады “свобода — равенство — братство”, которая украшала знамена Французской революции. Согласно этой гипотезе, свобода, равенство и братство являются отражением некоторых парадигм (или принципов или господствующих идеологем) трех эпох, трех различных принципов исторического развития, о двух из которых я говорил до этого, а о самом существовании третьего даже не упоминал.

Что понимать, с точки зрения метаистории, под справедливостью? Как справедливость превращается в работающий принцип, в парадигму, в которой она не сталкивается рогом со свободой, понимаемой в том плане, что мне предоставлена возможность свободно конкурировать на рынке (а справедливость, соответственно, в том, что все у всех надо отобрать и разделить поровну)?

Обществу цивилизации присуща трактовка справедливости как равенства стартовых условий социального состязания. Но кто сказал, что вышедшие на ринг боксеры вступают в справедливый поединок? Да, у них есть рефери, есть правила, есть гонг, — но один из них только что вернулся из Маутхаузена, или же рос в семье, где ему не давали витаминов, или страдал полиомиелитом, или у него вес 56 кг, а у другого — 200 кг. И этот поединок теряет для зрителей — то есть для общества — всякий смысл. Он несправедлив. Несправедливы не правила борьбы на ринге, — несправедливо то, что было с боксерами до этого. Несправедливо не то, как они ведут себя в роли конкурирующих производителей, а то, как общество производило их в качестве будущих производителей. Социальная справедливость метаисторического общества — это принцип производства людей как будущих производителей, которые смогли бы свободно конкурировать между собой. Несправедливость начинается уже на стадии внутриутробного развития (потому что матери получают разное питание, живут в зонах, по-разному отравленных), продолжается на этапе вынашивания ребенка, на этапе школьного воспитания, выражается в том, что дети наследуют имущество и статус родителей и т.д.

В этом смысле справедливость никак не противоречит свободе и вообще не имеет к ней никакого отношения. Она не затрагивает свободу в плане сражения на ринге. Она занимается совсем другим. Справедливость второй, метаисторической эпохи состоит в том, что в центр этой эпохи становится проблема производства будущего производителя, т.е. производства и воспроизводства человека, обладающего некоторыми свойствами, которые позволяют ему стать конкурентоспособным

производителем идей, отношений или вещей. В этом смысле постиндустриализм, корпоративизм, идеократия — это некие три идеальных типа, которые охватываются некоторой эпохой — историей № 2, на протяжении которой парадигмой и доминирующим принципом, идеологемой будет социальная справедливость не как система запретов, а как конструктивный принцип воспроизводства человека.

Но люди, чьи способности произведены социально справедливым образом, конечно, не будут равны во всех отношениях. Например, не устраняется генетическое неравенство. Каждый человек реализует определенный генотип. Таким образом, по решению проблемы социальной справедливости мы вместо существующего разнообразия социальных уродств получим наиболее полную реализацию генетического разнообразия, заложенного в обществе. Оно выразится в том, что мы получим весь спектр мыслимых способностей, и следовательно — полный спектр идей, которые эти люди в процессе самоопределения выберут как свои. Они будут как бы резонансны определенным идеям — среди множества которых будет, надеюсь, и русская.

И только тогда наступит черед “Истории № 3”. О ней я сегодня говорить ничего не буду, ибо эта тема выводит нас далеко за рамки проблематики предстоящего нам самоопределения. Вот тогда, на рубеже 2-ой и 3-ей Истории и возникнут реальные условия, чтобы формулировать содержание идей, выражая их в терминах форм сознания. Тогда и можно будет обсуждать всерьез то, чем занимались Сократ и его собеседники: что такое справедливое или прекрасное само по себе? Что выше — благо или истина? Как соотносится русская идея с немецкой и еврейской?

В этом смысле все попытки сформулировать русскую идею в рациональных терминах, окончательно выразить ее в форме некоторой системы ценностей или же идеологемы — трогательная наивность, прыжок через незамечаемую громадную эпоху. Конечно, глупо пытаться запретить культуре биться над собственной загадкой — Сократ занимался философией еще когда! Надеюсь, эта традиция никогда не прервется в России. “Русская идея” является сквозной темой русского самоопределения, но не является актуальной политической проблемой РФ времен второго президентства. В этом “злостном” смысле она вообще не имеет отношения к делу. Мы до такого этапа самоопределения еще не дожили три колоссальных исторических формации.

III. Россия как Иное

Россия — страна Среднего мира

В терминах сказанного выше, Россия — это страна Среднего мира. Это значит, что наиболее подходящая для моделирования и конструирования русского социума теоретическая модель, идеальный тип — общество Среднего мира или общество культуры. Россия не уникальна, она типична. Но сам этот тип, — именно как идеальный тип, как понятие, — в современной общественной науке потерян, безымян.

Над его разработкой де-факто трудится множество людей, но все это не имеет статуса, названия, не является осознанным занятием и ни в чем пока, кроме нашей хрестоматии “Иное”, в известной мне части культуры не выразилось. Хотя я уверен, что на самом деле в культуре все необходимое уже есть. У многих ученых-предметников, методологов, идеологов наработан материал, который надо лишь собрать, соотнести — и мы увидим, что его даже избыток.

Русский мир: идея власти и власть идеи

Коль скоро Россия — страна Среднего мира, общество культуры, т.е. представитель некоторый идеального типа, тогда к ней прямое отношение имеет следующее утверждение: центральной проблемой Среднего мира является проблема власти. Или, как иногда утверждают, русская идея — это идея власти. В известном смысле русская идея и русская власть — действительно почти синонимы, две нерасторжимых половинки единого целого. Они сцеплены друг с другом и обречены совместно решать общую проблему выживания.

Лет десять назад русская идея с русской властью окончательно разошлись и состоят сейчас в разводе. Теперь становится очевидно, что жить друг без друга они не могут.

С одной стороны, как только русская идея остается без русской власти, выясняется, что ни одна собака на свете русской идеей больше не интересуется, не платит за это денег, не читает соответствующих трудов... Бедная идея осиротела и просто физически вымирает. И сейчас она закопошилась не столько потому, что чувствует объективную потребность в общественном самоопределении, сколько потому, что вроде бы брезжит надежда прорваться к кассе.

С другой стороны, сходное положение у русской власти. Русская власть харизматична. Как только она лишается харизмы, санкции и мандата со стороны некоторой идеи, она провисает и сказать о себе ничего не может. Тогда либо она должна стать архаической, традиционной властью (“Срочно царя-батюшку!”), либо ей надо легитимизироваться на западный манер. Но легитимизация — это настолько глубокое изменение природы русской власти, что по сути тождественно ее самоуничтожению.

Идея власти и власть идеи — две стороны целого

Идея решает простую проблему: чтобы ей выжить, уцелеть, она должна стать идеей власти. Это двусмысленность, но не парадокс: идея должна пойти на службу власти, и одновременно она должна внутри себя прежде всего развивать идею власти, обязательную для исполнения. Последнее означает: в структуре взаимосвязанных идей о том, каким должен быть человек, какой должна быть экономика, какой должна быть система образования и пр., центральным, главным, узловым вопросом является вопрос: какой должна быть современная российская власть? И пока русская идея внятно, определенно не ответит на этот вопрос, все остальное не имеет никакого значения. Никто ее слушать не будет.

Но точно так же и власть у себя в Кремле решает другую, зеркальную сторону этой же проблемы: как стать (или предстать) не голой властью, а властью некоторой идеи, которая правит именем этой идеи, реализует ее и тем самым имеет харизму и мандат? Где взять такую идею и как себя в нее (ее в себя) встроить?

Конечно, речь не о том, что мысль Бога о России на все времена состоит в тождестве “Русской идеи” и “Власти”. Речь всего лишь о том, что прилегающий к сегодняшнему дню конкретный слой проблемы самоопределения связан с трансформацией общества культуры (мир № 2) в корпоративное общество (мир № 5), т.е. упирается в вопрос о природе “метавласти” (системы корпоративного принятия решений), и о том, какое изменение претерпевают классические структуры власти при трансформации из истории в постисторию.

***Выбор власти:
консервация, модернизация или трансформация?***

В этом смысле перед русской властью, как и перед властью любого социума, который описывается в понятиях общества Среднего мира, три пути. Власть может себя либо законсервировать, либо модернизировать, либо трансформировать.

1. Путь консервации. Мы должны признать, что принадлежим к Обществам культуры, что у нас власть номенклатурного типа, которая с экономическими формами деятельности справляться не умеет. Всех этих зарвавшихся дельцов-бизнесменов мы либо должны кооптировать в номенклатуру в роли зам.зав. соответствующего отдела ЦК или Администрации, либо закрыть их лавочку, поскольку они так ловко “крутят” свои бабки, что за ними никакие налоговые ведомства угнаться не могут. Госаппарат их контролировать не в силах (это хорошо известно из истории), поэтому надо возвращаться обратно к тому, что уже было — к плановому хозяйству. Понятно, что многим этого делать не хочется. Но никакого способа законсервировать существующий архаичный тип власти и одновременно модернизировать экономику на западный лад нет!

2. Путь модернизация. Мы берем рынок, демократию, кредиты МВФ и осуществляем такую политику реформ, чтобы у нас возникли современные экономические структуры и пр. Однако при этом власть должна изменить свой харизматический тип на современный, легитимный. А в западном обществе, где власть легитимна, главными являются отнюдь не люди власти, а предпринимательская элита. Это означает, что российская власть должна добровольно призвать господ Ходорковского, Милюкова, Бендукидзе или кого-то еще и сказать: “Отцы родные! Даем вам полную свободу, только, ради Бога, создайте современную экономику, а заодно установите нам, политикам, правила легитимной игры, скажите, сколько у нас должно быть партий, и позвольте честно пойти к вам служить, за ваш счет питаться”.

Модернизация состоит в том, что мы должны разрушить вековой корпоративный уклад аппаратно-властной деятельности чиновничества со всей наработанной культурой, так как всему этому нет места в современных обществах, и создать структуру,

аналогичную западной. Понятно, что это в принципе мыслимый, но крайне болезненный и противоестественный путь, на который существующая власть безусловно не пойдет, если она еще не сошла с ума.

Кроме того, есть большое опасения, что усилий кучки наших новых бизнесменов, их интеллектуального, человеческого, волевого ресурса не хватит, чтобы сформировать в исторически короткий срок новую элиту, подобную элите современного Запада.

3. Путь трансформации. Центральной формой деятельности существующей архаической власти является борьба за присвоение, производство и расширенное воспроизводство власти. Архаическая власть проводит с утра до вечера все свои дни в “разборках” по поводу захвата и удержания власти. Профессиональные аппаратные политики ведут себя на рынке власти как на рынке капитала. Однако это — некая неизбежность, закон общественного устройства Среднего мира. Это — форма деятельности, неотъемлемое свойство, способ существования данного типа власти, а не ее недостаток. С ним нельзя “бороться”, подобно тому как нельзя бороться со свойством человека иметь голову.

Трансформация власти (на уровне идеального типа) означает, что на месте существующего архаического типа власти должна возникнуть некая корпорация лиц, принимающих решения, которая органично унаследует от предшествующей власти значительную часть аппаратной культуры, человеческого потенциала, всего того опыта, что был накоплен за столетия работы. Но при этом власть будет радикально модернизирована на основе современных организации, технологии и методов корпоративного принятия решений, которые (в форме укладов) давно возникли и получили распространение как на западе, так и в отдельных управленческих структурах бывшего СССР.

В таком случае на месте лица, которое борется за власть, возникает ответственное лицо, компетентное в принятии решений, касающихся его уровня. Это лицо выступает либо как конструктор, либо как эксплуатационщик соответствующего узла или подсистемы в рамках корпорации, принимающей решения. И всем понятен тот набор личных свойств, навыков и знаний, каким должно обладать ответственное лицо данного уровня в корпорации.

Ничего сверхъестественного в подобной трансформации нет. Все необходимые теоретические и практические предпосылки, новые компьютерные технологии и прочее уже созданы. Уклады подобного сорта давно существуют на Западе, хотя для постиндустриального общества в целом они неорганичны. “Техноструктура” (термин Гэлбрейта) рождается в муках, встречая могучего оппонента в лице финансовой олигархии постиндустриального типа.

Но если бы только российским реформам посчастливилось двинуться по этому пути, их лидеры, в отличие от западной корпоративной элиты, очутились бы в положении отцов-основателей, которые из Англии перенесли на просторы дикого Запада, и вместо того, чтобы бороться с могучей английской аристократией, имеющей 400-летний опыт властвования и политической борьбы, должны были сражаться лишь с ирокезами. Именно поэтому гражданское общество в

США победило государство — на самом деле оно его не побеждало, оно просто спроектировало и создало его под свои нужды уже заранее подчиненным. Именно поэтому структуры гражданского общества с такой мукой прорастали во Франции, в Англии — везде, где уклады цивилизации с самого начала столкнулись с мощным укорененным слоем элит предыдущего формационного типа.

В аналогичном тяжелом положении находится корпоративный уклад, прорастающий в современном постиндустриальном обществе. И в этом смысле мы в нашем архаическом обществе Среднего мира имеем колоссальное преимущество, коим, как всегда, успешно не пользуемся. Ведь перед нами — широкое пространство для самопреобразований, на котором, помимо “ирокезов” из архаичных структур и укладов, не просматривается внутренний противник, даже отдаленно сопоставимый по мощи с постиндустриальной олигархией. Строительный материал для фундамента, который заполнил бы два формационных провала, налицо — современные нам формы индустриального и постиндустриального общества. Да и сам этот провал в результате десятилетия “рыночных реформ” уже не пуст, он оконтурен опалубкой структур нового российского бизнеса. В заметном количестве появились люди, владеющие этими формами. У нас уже есть свои бизнесмены; люди, овладевшие формами деятельности на современном рынке ценных бумаг; люди, которые знают, что такое современная торговля, маркетинг. Среди правительственных чиновников возникла прослойка администраторов постиндустриального типа с пониманием нового предмета управления и экономическим строем мышления. То есть индустриальный и постиндустриальный уклады возникли, но они слабы. В их лице мы как бы имеем еще не чуму, а противочумную вакцину, которая годится для прививки.

Если бы наша власть пошла по пути самотрансформации, она бы не встретила ни одного действительно серьезного внутреннего противника помимо собственной ограниченности и инертности. При отсутствии жестких внешних ограничений корпоративная реформа аппарата может быть рассчитана и на 20 лет — время активной политической жизни одного поколения, с целью максимально ослабить опасность внутринаменклатурной гражданской войны.

Новые транснациональные русские

В случае трансформации власти возникают реальные перспективы и для наших новых транснациональных русских (“НТР-ов”, как я назвал их в 1993 г.). Когда и если подобный корпоративный уклад возникнет и пойдет процесс его становления, — новые предприниматели, конечно, потеряют и без того призрачный шанс стать новой правящей элитой. Зато в продуктивном симбиозе с русской “техноструктурой” они смогут найти подлинное применение всем приобретенным умениям, навыкам, способностям работать на международных финансовых рынках и своему личностному творческому потенциалу. Во-первых, им уже не придется стыдиться российского происхождения как позорного пятна, напротив — они смогут сохранить и развить свою идентичность, самоопределение в качестве русских, у которых будет родина, — страна, где смогут расти и учиться их дети, один из важнейших мировых

культурных центров. Во-вторых, при внешнем сохранении образа жизни и привычной формы деятельности “международного предпринимателя” они обретут возможность наполнить эту деятельность качественно новым содержанием, получив мощную информационную и концептуальную поддержку Русской корпорации. Корпорация не только даст им возможность работать на международных рынках по формуле “insider trading” (бизнес, основанный на доступе к закрытой корпоративной информации, — который, кстати, западная финансовая элита с переменным успехом пытается сделать противозаконным). Корпорация, — что гораздо существеннее, — с их помощью сможет поставить на поток разработку современных предпринимательских схем и их планомерную реализацию применительно к конкретным подсистемам мировой экономики.

Чуть подробнее этот вопрос разработан в моей статье из второго тома “Иного”.

Век XXI: информационные войны корпораций

Из того, что я сказал, возникает образ XXI века как эпохи информационных войн транснациональных корпораций. Но говоря о “русском”, мы никак не можем совместить эту проблематику с общеизвестным фактом, что вступаем в мир транснациональных корпораций и информационных войн. “Русское” у многих живет в одном полушарии мозга, где лапти, туески, квас и прочая этнография, а информационные войны корпораций, технотронные элиты, виртуальная реальность и пр. — в другом, разве что символически сосуществуя на страницах отдельных полумаргинальных изданий. Но эти вещи не только совместимы, они про одно и то же. Более того, для нас формы деятельности, социальные структуры и личностные типы технотронного общества совершенно органичны. Думаю, не случайно у нас встречаются такие удачливые хакеры и такие замечательные суперадминистраторы, не случайно наши корпоративные структуры никак не рассыпаются под ударами “модернизаций” и “шокотерапий”. Но поскольку в моделях МВФовского ряда все это не имеет теоретического статуса, — российские реформы в который уже раз попадают в дурацкую ситуацию: практики ясно ощущают, что надо делать, но в современном русском мировоззрении эти вещи не имеют официального статуса, а посему не подлежат обсуждению в “приличном обществе”. Отсюда — разорванность нашего самосознания и самоопределения.

От самоопределения — к новому суверенитету. Всемирная корпорация Россия

Все помнят: слово “самоопределение” встречается в контексте, до боли знакомом — ленинской формуле “о праве нации на самоопределение вплоть до отделения”. В этом смысле частью проблемы самоопределения является вопрос о форме суверенитета. И говоря о необходимости нового русского самоопределения, мы, естественно, не можем не говорить о проблеме нового суверенитета.

И здесь на самом-то деле все давно все понимают, но ни у кого не поворачивается язык произнести то, что в принципе очевидно, хотя и страшно. Понятно, что никакие границы России,

бесспорные и однозначные, никогда и никто уже не сможет установить (да и не только России). Либо мы сконструируем государство несуществующих “этническо-русских” из земель, на которые никто, кроме вышеупомянутых, не претендует, — тогда получится территория, напоминающая дырявое кружево или сыр в разрезе (да и на ту вскоре объявятся претенденты типа обров или скифо-древлян), а большинство говорящих на русском, не сходя с места, в одночасье окажутся за границей. Либо будет решено считать российской любую территорию, где большинство населения говорит на русском и желает быть гражданами РФ, — тогда нам предстоит вести нескончаемые войны с кучей “национальных” субъектов, желающих самоопределяться по-ленински. А в современной войне никого окончательно победить уже нельзя. Если этнокультурный субъект размером хотя бы с Чечню владеет современными технологиями, считает для себя приемлемыми “партизанские” (т.е. террористические) методы борьбы и у него есть диаспора, дающая деньги, победить его не сможет никто — ни ООН, ни НАТО, не говоря уже о доблестной эрэфской армии. Точнее, “победа” в смысле поголовного физического уничтожения самоопределяющегося этноса технологически если и возможна, то абсолютно немислима для мирового сообщества по современным этическим стандартам; в ответ же на любые военные успехи международных или “федеральных” сил сепаратисты всегда могут шантажировать их причинением неприемлемого ущерба гражданскому населению. Если сегодня еще есть желающие с этим спорить, то уже завтра, когда подствольный гранатомет с ядерной гранатой сравняется в цене с персональным компьютером, дискуссию можно будет прекратить.

С другой стороны, предположим чисто теоретически, что границы как-то ухитрились установить, и мировое сообщество объявило или сделало вид, что оно их признает. Тем не менее, это совсем не будет означать их реальности. Границы становятся все прозрачнее: информационно и идеологически они давно уже прозрачны; для современных вооружений они тоже невидимы; для движения людей и вещей — легко проницаемы. На наших глазах само понятие “граница” теряет какой бы то ни было смысл.

Но суть — в ином. Такая форма суверенитета, как государство, имеющее территориальные границы с пограничными столбами и т.д., безнадежно и навсегда устарела, дни ее сочтены, она умирает и в исторически обозримые сроки умрет. Конечно, эпоха государств в Предыстории объемлет тысячелетия. Но ее зеркальное отражение в Метаистории, — в рамках которой все эпохи сосуществуют, друг в друге отражаются, друг друга раскачивают и ускоряют своей гравитацией, — вполне может спрессоваться и уложиться в жизнь нескольких поколений. Понятно, что всякое абстрактное утверждение имеет свои ограничения. Понятно, что всякий современный субъект имеет закрытое ядро и систему почти непроницаемых зон, связанных с обороной и безопасностью. Но в целом пространство этой взаимной закрытости постоянно сжимается.

Однако таяние государственных границ вовсе не означает растворения и смешения всех этнокультурных субъектов в однородный космополитический бульон. На смену прежним исторически-конкретным формам суверенитета придут иные. Русские вовсе не обречены исчезнуть под натиском

южноазиатских орд, которые нахлынут и смоят нас, как волной.

Я утверждаю: транснациональная корпорация, в ядре которой находится субъект русского, английского или иного этнического, культурного, идеологического самоопределения, и является прообразом современной формы суверенитета. Она вполне несокрушима, и она всемирна. Любая из подлинно современных корпораций всемирна — ее территорией является весь земной шар, что совершенно естественно. Никто не может помешать различным формам ее воспроизводства практически в любом месте земного шара. Ситуация аналогична квантовомеханической модели мироздания: каждая элементарная частица заполняет собой всю вселенную.

Постиндустриальный период метаистории — время таяния границ; корпоративный — время всемирности этнокультурных субъектов; идеократический — новое время великих переселений, когда у социальных субъектов, вышедших из лона материнских территорий, будут перерезаны пуповины.

Сказанное не означает, что обречен суверенитет как таковой. Просто возникает современная его форма, которая в новых условиях не менее, а даже более неуязвима. Более того, вся тенденция метаистории, второй исторической эпохи состоит не в исчезновении суверенитетов, а в укреплении их. “Зазеркально” развитие как бы пошло в обратную сторону, и многие уже во времена Бердяева, писавшего про “Новое средневековье”, это почувствовали. Будут все более укрепляться, совершенствоваться новые формы самоопределения, и будут все более оконтуриваться границы субъектов — с тем, чтобы на рубеже 2-ой и 3-ей Историй каждый субъект предстал в силе и славе в качестве носителя и выразителя определенной “идеи”. И лишь тогда, в рамках Третьей Истории сможет состояться содержательное разбирательство, сопоставление и взаимодействие этих идей как таковых.

Тенденция к суверенному самоопределению будет нарастать, укрепляться, оконтуриваться. Мы уже миновали “перинатальную” точку гибели/рождения суверенных этнокультурных субъектов, мы ее пролетели. Исчезновение суверенитетов — виртуальная точка перехода Истории в Метаисторию. А поскольку парадокс (как уже говорилось) в том, что мы вывалились из Истории до ее окончания и влетели в Метаисторию до ее наступления, этой точке суждено остаться абстракцией. Так и не успев насладиться космополитическим игом мирового правительства, мы от него уже эмансипируемся.

“Всечеловеческая идея” состоится, но только не в фукуямовской Первой истории, и даже не в наступающей Второй, а лишь по завершении Третьей. “Всечеловеческая идея” не противоречит “русской”, не совпадает с ней — она в ней нуждается.

***Проблема институционализации русского.
Между “братвой” и “элитой”***

И тогда встает насущный вопрос. Государство РФ покуда не состоялось и едва ли состоится. Всемирной корпорации “Россия”, к сожалению, покуда не существует. Где и как сегодня

“русскому” приткнуться? Как институционализировать “русское”?

Кое-кто из присутствующих знает, что я здесь представляю организацию под названием “Русский институт”. Русские институты, говорят, есть в доброй полусотне стран мира (даже в Польше), но в России, как ни странно, до нас таких юридических лиц не было зарегистрировано. “Русский институт” учрежден частными лицами. Эта автономная некоммерческая организация ставит своей целью содействовать всем формам институционализации “русского”.

Сейчас “русское” обретается в пространстве маргинальных, полулегальных форм где-то между “братвой” и “элитой”. Братва — понятная всем, распространенная, ясная форма, кстати, вполне органичная русской социальной ткани, и в этом колоссальная трудность. У нас есть резонанс с данной формой, не случайно она столь популярна. Это — архаическая форма самоопределения, которая в отсутствие других легитимных форм притягивает к себе огромные массы малообразованного населения. С этой формой надо разбираться — не пытаться уничтожить ее, а найти путь ее модернизации и трансформации, предложить иную, альтернативную форму самоопределения. Форма деятельности, форма самоопределения никогда не бывает злой или доброй сама по себе — но она может формой выражения злой или доброй воли. Даже пробравшись тайком в чужой огород, можно, как известно, заниматься там тимуровской работой.

Другая форма осмысления этой проблемы — тема создания культурной и политической элиты как авангарда и воплощения русской субъектности. Множество авторов, рассуждая об этом, делают оговорки, что им не нравится слово “элита”, но они вынуждены использовать его за неимением лучшего... Но дело тут не в нехватке синонимов — русская речь имеет их в избытке. Сам институт элиты не органичен для нашего общества, и русское самосознание отторгает слово и понятие “элита”. Какая-то элита в РФ, наверное, есть, но она столь же нелегальна, что и братва...

Заместителем понятия “элитарности” в России могла бы стать “партийность” в первоначальном ее значении: в смысле принадлежности к корпорации, берущей на себя бремя исторической ответственности, а не в смысле номенклатурных привилегий и льгот. Но слово “партия” у нас получило тяжелую семантическую нагрузку.

*Русский институт.
Русская программа.
Русская партия*

Я возвращаюсь к тому, с чего начал. Мы обладаем голодным минимумом самоопределения, который у нас никто не отнимет: худо-бедно говорим по-русски. Правда, русский язык, по свидетельству специалистов, разрушается на глазах. Наш язык “поплыл”. Он не успевает отслеживать целый ряд новых областей и форм человеческой деятельности, критическая масса иностранных терминов перевешивает его способность их усваивать, адаптировать, превращать в свои. В результате, в русском мировоззрении образовались зоны слепо-глухо-немоты: есть целый ряд важных феноменов в современном мире, которых

мы либо вовсе не видим, либо не имеем слов, чтобы о них говорить. Так что и родная речь — последнее прибежище самоопределения — размывается.

Очевидно, начинать придется с того, что на сегодня мы — это партия людей, которые говорят и хотели бы продолжать говорить по-русски: пользоваться им как изумительным по богатству и точности выразительным средством и жить в его стихии. Опираясь на идею Русской партии или, быть может, Русского союза (по аналогии с Alliance Francaise), мы должны прежде всего определить, что можно и нужно сделать, чтобы русский язык не исчез или не превратился в реликт. Ответ прост — русский язык должен стать современным.

Конечно, необходимо действовать по линии культуры, науки, образования; срочно предпринять все возможное, чтобы наша т.н. диаспора имела возможность смотреть русское ТВ, читать русские книги, отдавать детей в русские школы. Этот шаг при всей его наивности и тривиальности уже имел бы громадные последствия. Но все это реализуемо в той мере, в какой русский язык позволяет жить в современном мире и быть нормальным человеком, т.е. участвовать в том, что в этом мире происходит. Мы должны вновь научиться говорить на этом языке о современных политических, экономических и прочих процессах, о событиях, которые имеют место в пространствах межкультурного взаимодействия. А если мы получим возможность об этом говорить — мы получим и возможность в этом участвовать.

Россия-РФ — странноватый персонаж в мировом спектакле, который торчит враскорячку посреди сцены, абсолютно никак в пьесе не участвует или же предпринимает ненормальные, неадекватные действия. И постепенно как актеры, так и зрители сплываются в общем желании каким-то образом поскорее убрать нас со сцены — не потому, что кто-то специально стремится нам сделать плохо, а просто потому, что мы всем мешаем и опасны своей полной непредсказуемостью.

Русская программа, отталкиваясь от банального утверждения, что нужно воссоздать русский язык и возобновить русскую культуру, имеет все шансы развернуться в полновесную и полномасштабную культурную, социальную, политическую и экономическую программу, вплоть до концепции национальной безопасности и оборонной доктрины.

Мы с коллегами очень долго ждали, покуда серьезные люди, профессионально уполномоченные государственные мужи, бизнесмены и ученые начнут реализовывать программу русского самоопределения, создадут русскую партию и пр. Но поскольку с 1983-85 гг., — с момента, когда непреодолимые препятствия к этому исчезли, — прошло уже почти полтора десятилетия, а решительно ничего подобного не происходит, группа частных лиц взяла инициативу на себя и учредила Русский институт в надежде, что лиха беда — начало, и нашему примеру последуют более компетентные, влиятельные, властные и богатые лица и организации. Но даже если этого не случится, как представитель Русского института хотел бы заверить читателей: мы с ослиным упорством будем отдавать свои силы труду самоопределения, содержание которого я постарался в меру сил здесь обрисовать.

***Постскриптум.
К стратегии русского самоопределения***

Очерченная в докладе структура пространства самоопределения дает основу для понимания его проблематики.

***Базовая форма самоопределения
в пространстве форм деятельности***

Перед Россией на длительную перспективу встает стратегическая задача овладения новой формой деятельности и формой суверенитета. Эта форма деятельности — система корпоративного принятия решений. Эта форма суверенитета — транснациональная всемирная корпорация Россия. Предстоит трансформация архаического российского властно-административного уклада в “техноструктуру”, оснащенную современными средствами корпоративного решения проблем. Необходима трансформация рассыпающегося государственного суверенитета в постимперский суверенитет без-границной, метанациональной корпорации.

Формационная вертикаль пространства форм деятельности

Творчество и обживание новой формы деятельности будет происходить в беспрецедентно сложный момент развития мировой системы, когда требуются точные средства распознавания типов социальных субъектов и их форм деятельности. Язык (алфавит и словарь) этих форм деятельности задает координатную сетку самоопределения. Россия-РФ встречает рубеж тысячелетий в роли страны Среднего мира, застрявшей в нисходящем потоке “предысторических” обществ (формаций) традиции, культуры и цивилизации. Навстречу им и сквозь них, превращая их в свой предмет, уже идет мощный поток метаисторических обществ и укладов — постиндустриальных, корпоративных и идеократических.

Формационной вертикали самоопределения в основном и посвящен настоящий доклад. Однако проблематика самоопределения в целом гораздо шире.

***Категориальная (хронологическая) горизонталь
пространства форм деятельности***

Русская история как часть мировой и есть совокупность состоявшихся и возможных форм русского самоопределения. Речь идет о гефтеровском ее понимании как живой ткани сосуществования сбывшихся, реализованных линий развития — с возможными, но нереализованными линиями и степенями свободы; о федоровском ее понимании как сообществе живых деятелей с умершими и еще не родившимися. История есть материал для творчества нового самоопределения, — именно поэтому ее категориальное расслоение и анализ являются самой злободневной, практической и безотлагательной задачей.

Пространство форм движения

В этом пространстве формы самоопределения облекаются в плоть и кровь, осуществляется их привязка к этносам и территориям, физическому времени и пространству. Здесь разражаются катастрофы и случаются удачи, рождаются и умирают народы и языки. Только в этом пространстве можно увидеть многомерную структуру общественных организмов, состоящих из молекул-укладов. Здесь субъекты одной и той же формы деятельности вступают в игровые и конфликтные взаимодействия, а субъекты разных форм — стремятся превратить друг друга в предмет, возникают и распадаются коалиции, трофические цепочки и “социоценозы”. Язык форм движения служит для выражения тактики процесса самоопределения.

Пространство форм развития

Проекция пространства развития на формы деятельности ощущается как некое внешнее поле, “аттрактивность” (по Гумилеву), придающие пространству деятельности градиент, оценочную шкалу и эстетическую окраску. Язык форм развития служит для выражения логики смены форм деятельности, стратегии процесса самоопределения. Он позволяет говорить об идеях различных народов и культур, программах национально-государственного развития, системах национальных интересов, доктринах обороны и безопасности.

Настоящий доклад начинался с утверждения, что русский язык в его нынешнем состоянии не содержит выразительных средств для рассмотрения содержательных проблем национального самоопределения и развития. Надеюсь, к концу доклада само это утверждение приобрело некоторый положительный смысл.

В основу настоящего доклада положены выступления автора на совещании в аппарате Совета Оборона 21.01.97 г., а также на заседании рабочей группы “Круглого стола бизнеса России” 26.02.97 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под “универсумом” или “вселенной” самоопределения имеется в виду некоторое объединение пространственных и хронологических (временных) координат. В математическом словоупотреблении такое объединение тоже принято называть “пространством”. Всюду, где это не приводит к недоразумению, я так и буду поступать.

² Этому кругу вопросов посвящена моя книга “Смысл”.

³ Признаюсь честно, для меня самого излагаемое содержание имеет совершенно иной характер. Это целостный, многомерный, геометризуемый образ, который, подобно кристаллу, вырос из множества теоретических и прикладных работ на протяжении двух десятилетий.

⁴ Во избежание недоразумений замечу, что мир цивилизации, который самонадеянно узурпировал № 1, логически и хронологически должен считаться Третьим.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ ОБСУЖДЕНИЙ

(Должности, звания и места работы (организации) участников дискуссий указаны на момент проведения заседаний. Номер в скобках соответствует порядковому номеру дискуссии (в соответствии с оглавлением), в которой данное лицо принимало участие.)

- А.Г.Анисимов — Эксперт Департамента международного сотрудничества, аппарат Правительства РФ (6,7)
- А.Г.Арбатов — Депутат Госдумы, заместитель Председателя Комитета по обороне Государственной Думы ФС РФ (3,6)
- Э.Я.Баталов — Доктор исторических наук, обозреватель журнала “Российская Федерация” (1)
- Ю.М.Батурич — Помощник Президента по национальной безопасности. (3,5)
- В.И.Батюк — Заведующий сектором Института США и Канады РАН (5)
- А.И.Белоусов — Институт народнохозяйственного прогнозирования (4)
- А.А.Бессмертных — Президент Внешнеполитической ассоциации (4)
- С.Е.Благоволитин — Зам. Директора ИМЭМО РАН (7)
- А.Д.Богатуров — Профессор МГИМО МИД РФ (5)
- Л.Н.Вдовиченко — Администрация Президента РФ (5,8)
- А.И.Владимиров — Генерал-майор, зам. генерального директора издательства “Военный парад” (3,6)
- М.А.Гареев — Президент Академии военных наук (3)
- О.И.Генисаретский — Заместитель Директора Института человека РАН (4)
- О.А.Гриневский — Посол по особым поручениям, МИД РФ (7)
- В.Е.Гулиев — Профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН (1)
- В.З.Дворкин — Начальник 4-го НИИ РВСН (3,6)
- Ю.В.Дубинин — Зам. Министра иностранных дел РФ (3)
- Андрей В.Загорский — Проректор МГИМО МИД РФ (1,7)
- Алексей В.Загорский — Зав. сектором ИМЭМО РАН (7)
- П.С.Золотарев — Начальник информационно-аналитического Центра Минобороны РФ (3)
- И.Н.Зубов — Зам. начальника ВНИИ МВД (3)
- Н.Б.Иванов — Аспирант Института США и Канады РАН (5)
- С.Ю.Казеннов — Зав. сектором ИМЭМО РАН (7)
- А.Н.Калабанов — Аспирант Института этнологии и антропологии РАН (5)
- С.А.Караганов — Зам. Директора Института Европы РАН (3,7)
- Ю.А.Квицинский — Посол по особым поручениям, советник Совета Федерации ФС РФ (7)
- А.Ф.Клименко — Центр военно-стратегических исследований МО РФ (10)
- В.Н.Клименко — Руководитель аппарата Помощника Президента по национальной безопасности (3)
- С.В.Клоков — Предприниматель (5)
- Е.М.Кожокин — Директор Российского Института стратегических исследований (3,7,9)
- А.А.Кокошин — Первый Зам. Министра Обороны РФ (3)
- А.А.Коновалов — Президент Института стратегических оценок Московского отделения Российского научного фонда (1,2,10)

С.Г.Кордонский — Центр изучения институтов гражданского общества (4)

В.В.Кортунов — Доцент Российской Государственной Академии Управления (5)

С.В.Кортунов — Референт Помощника Президента по национальной безопасности, в последствии — заместитель руководителя аппарата Помощника Президента по национальной безопасности и Заведующий отделом Совета обороны РФ (1,2,3,4,5,6,7,8,9,10)

Л.Я.Косалс — Ведущий научный сотрудник Институт социально-экономических проблем. (3)

Э.Г.Кочетов — Заведующий отделом Всероссийского научно-исследовательского института внешнеэкономических связей Минэкономики РФ (2,8)

С.Е.Кургинян — Директор Экспериментального творческого Центра “Содержательное единство” (2,4,6)

З.А.Кучкаров — Директор центра “Концепт” (4)

В.Н.Лопатин — Депутат Госдумы, Председатель подкомитета по информационной безопасности Комитета по безопасности Государственной Думы ФС РФ (3)

В.Б.Луков — Директор Департамента оценок и планирования МИД РФ (3,7)

С.И.Лунев — Ведущий научный сотрудник Института Востоковедения РАН (1)

О.Ю.Малинова — Доцент Московского Государственного института электронной технологии (5)

Л.П.Мальшев — Докторант Академии военных наук (5)

А.В.Мальгин — Аспирант МГИМО МИД РФ (5)

В.В.Малявин — Главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (4)

В.Г.Марача — Зав. кафедрой Высшей школы культурологии при ГУК (2)

В.В.Марущенко — Генштаб ВС РФ (2)

В.Л.Махнач — Профессор Высшей школы экономики (4)

А.Ю.Мельвиль — Первый зам. Председателя Федерации мира и согласия (1,3)

А.В.Меньшиков — МАК “Вымпел” (2,9)

В.И.Мизин — Советник МИД РФ (6)

К.З.Микаэлян — Ассоциация армянских общин (2)

С.А.Модестов — Референт Совета обороны РФ (9)

В.А.Надеин-Раевский — Старший научный сотрудник ИМЭМО РАН (2)

Ю.К.Назаркин — Посол по особым поручениям (3)

А.И.Некlessа — Зам. Директора Национального института развития (7,9)

В.А.Никонов — Президент фонда “Политика” (2,6)

А.Г.Оганесян — Председатель российской Государственной радиовещательной компании “Голос России” (3)

С.К.Ознобищев — Директор Института стратегических оценок Московского отделения Российского научного фонда (1,2,3,5,7)

М.Т.Ойзерман — Член Совета Директоров Института развития Москвы (1)

А.Н.Павловский — Вице-президент Ассоциации работников правоохранительных органов (2)

А.С.Панарин — Зав. кафедрой политологии МГУ (8,9)

П.Т.Подлесный — Зав. отделом Института Европы РАН (3)

С.В.Попов — Институт методологии (7)

А.К.Пушков — Директор по связям с общественностью телекомпании ОРТ (3)

Ю.Н.Рахманинов — Посол по особым поручениям МИД РФ (3)

М.В.Рац — Ведущий научный сотрудник Института инженерных изысканий для строительства Министерства строительства РФ (1,2,5,9)

С.М.Рогов — Директор Института США и Канады РАН (3)

В.А.Рубанов — Зам. Секретаря Совета Безопасности РФ (3,10)

Р.В.Рывкина — Профессор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (3)

А.Г.Савельев — Вице-президент Институт национальной безопасности и стратегических исследований (6)

Г.М.Сергеев — Ведущий научный сотрудник Российской Академии государственной службы при Президенте РФ (2)

Е.К.Силин — Зам. Директора-координатора Ассоциации Евroatлантического сотрудничества (3)

В.М.Соловьев — Зам. начальника управления Совета Безопасности РФ (5,6)

В.Н.Спектор — Президент Международной Академия наук по проблемам национальной безопасности (5,6)

В.П.Ступишин — Институт государства и права РАН (1)

Ш.З.Султанов — Центр по исследованию межнациональных и межрегиональных экономических проблем (4)

Р.М.Тимербаев — Президент Центра политических исследований в России (3)

В.Т.Третьяков — Главный редактор “Независимой газеты” (3)

Г.А.Трофименко — Ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН (1)

Ю.Е.Федоров — Профессор МГИМО МИД РФ (3)

В.И.Федосов — Председатель Федерации мира и согласия (3)

Е.А.Федосов — Директор Государственного научно-исследовательского института авиационных систем, академик (9,10)

В.Р.Хачатуров — Зам. начальника отдела ВЦ РАН (8)

Г.С.Хозин — Директор центра Дипломатической Академии (8,9)

А.Ю.Царев — Аналитическое управление Госдумы (3)

В.Л.Цымбурский — Старший научный сотрудник Института философии РАН (10)

С.Б.Чернышев — Директор Русского института (2,4)

А.Л.Чечевишников — Зам. Директора Института социально-экономических проблем (5)

М.А.Чешков — Ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН (2)

С.Д.Чувахин — Советник в аппарате Совета обороны РФ (6)

С.В.Чугров — Зам. Главного редактора журнала “МЭ и МО” (1)

О.Н.Шагов — Главный советник МИД РФ (10)

А.В.Шестопал — Зав. кафедрой философии МГИМО МИД РФ (9)

А.Н.Шулунов — Директор Центрального научно-исследовательского радиотехнического института (10)

П.Г.Щедровицкий — Старший научный сотрудник Института системных исследований (4,6,7)

В.Н.Яковлев — Главный инженер по ядерным вооружениям МО РФ (3)

